ФЕОДАЛЬНАЯ РОССИЯ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

Л Черепнин

ФЕОДАЛЬНАЯ РОССИЯ ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу ЧЕРЕПНИНУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1972

Место России в мировом общественно-политическом развитии эпохи феодализма, взаимоотношения ее культуры с духовным достоянием древних и современных ей стран, исторические связи ее с державами Европы и Азии — таков круг проблем этого сборника, который с интересом прочтет каждый интересующийся наукой и просвещением.

Редакционная коллегия:

академик А. А. ГУБЕР, академик Н. М. ДРУЖИНИН,
академик М. В. НЕЧКИНА, Н. А. ГОРСКАЯ,
В. Т. ПАШУТО (ответственный редактор),
М. М. ШТРАНГЕ

1-6-4
57-72

Ученый-патриот

Каждый, кто знакомится со списком научных трудов заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора исторических наук, профессора Льва Владимировича Черепнина, ясно видит, что перед ним один из наиболее ярких и талантливых представителей отечественной исторической науки. По разносторонности своего дарования, широте научного кругозора Л. В. Черепнин стоит в ряду таких ученых, как В. О. Ключевский и Б. Д. Греков.

Перу Л. В. Черепнина принадлежат — написанные им более чем за 40 лет творчества — работы по историографии и палеографии, книги о берестяных грамотах и исторических взглядах русских писателей, по истории права и по источниковедению, но прежде всего с его именем, с созданной им школой ученых связаны всесторонние исследования истории Русского централизованного государства.

Крупнейший знаток археографии, Л. В. Черепнин не только организовал и осуществил многосерийное издание огромного фонда документов — судебников, договоров и других актов, но и подверг их систематическому анализу в двухтомном исследовании «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» В нем заложены основы нашей актовой текстологии. Наконец, он обобщил свои изыскания в широко известном труде «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.»

Видное место среди трудов Л. В. Черепнина занимают теоретические исследования по коренным проблемам партийности науки, периодизации истории феодаль-

ной России, типологии ее общественно-политического строя.

Творчество Л. В. Черепнина — редкий пример органического сочетания огромной эрудиции, высокой исследовательской техники и теоретического синтеза.

Глубоко эрудированный марксист, прекрасный оратор и полемист, Л. В. Черепнин неоднократно с честью представлял советскую науку на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах (в Риме, Стокгольме, Вене, Париже, Москве, Бухаресте, Брюсселе, Лондоне), отстаивая основы советского мировоззрения и остро, глубоко критикуя взгляды реакционных буржуазных ученых. Он — постоянный член Национального комитета советских историков.

За Л. В. Черепниным — добрая слава как профессоре в Историко-архивном институте, Московском государственном университете, в Институте международных отношений, в Академии общественных наук при ЦК КПСС и, наконец, в парижской Сорбонне. С основания журнала «История СССР» Л. В. Черепнин состоит членом его редколлегии.

Два десятилетия руководит Л. В. Черепнин сектором феодализма в Институте истории СССР АН СССР. С его именем связан тот большой качественный сдвиг в послевоенной советской медиевистике, который вывел ее на передовые рубежи международной науки.

Точность, дисциплинированность, исполнительность коммуниста Л. В. Черепнина давно известны среди его коллег.

Творческий путь Льва Владимировича — благородный пример патриотического служения советской науке.

Изданием этого сборника его участники отдают дань глубокого уважения выдающемуся советскому ученому.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ Л. В. ЧЕРЕПНИНА *

1928

Из истории борьбы за крестьян в Московском государстве в начале XVII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. VII. М., с. 100—116.

Ред.: Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. М., 37 с.; 1 л. табл. (Совместно с А. И. Яковлевым.)

1929

Из истории древнерусского колдовства XVII в.— «Этнография», № 2, с. 86—109.

Подгот. к печати: Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. 1. М., 396 с. (Совместно с С. Б. Веселовским и А. И. Яковлевым.)

1934

К вопросу о составе и происхождении «Capitulare de villis».— «Известия АН СССР. Отд. обществ. наук», № 5, с. 359—386.

1938

Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства.— «Исторические записки», т. 4. М., с. 41—75.

Слово о полку Игореве.— «Пионер», Курск, 28 мая, № 49.

1939

Ред.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 3, ч. 1. Саранск, 344 с. (Совместно с В. И. Лебедевым, Б. Д. Грековым и А. И. Яковлевым.)

* Составители *Н. Я. Крайнева* и *П. В. Пронина.*

1940

Из истории древнерусских феодальных отношений XIV—XVI вв.— «Исторические записки», т. 9. М., с. 31—80.

История СССР, т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной. М., 762 с. *Авт. след. глав:* гл. XIV. Народы Поволжья, Башкирии и Сибири в первой половине XIX в. [Текст о народах Поволжья], с. 241—246; гл. XXXII. Народы царской России и национально-колониальная политика царизма в 60—80 гг. [Текст о народах Поволжья], с. 648—655. *Перевод* на эстон. яз., ч. 1—2. Тарту, 1947—1948, 448 с.; 496 с.

Перевод и коммент.: Псковская Судная грамота.— «Исторические записки», т. 6. М., с. 235—299. (Совместно с А. И. Яковлевым.)

Ред.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1—2. Саранск, 432 с.; 350 с. (Совместно с Б. Д. Грековым, В. И. Лебедевым и А. И. Яковлевым.)

1941

Вступ. статья к кн.: С. Злобин. Салават Юлаев. М., 1941.

Летописец Даниила Галицкого.— «Исторические записки», т. 12. М., с. 228—253. *Перевод* на укр. яз. в кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, т. I. Київ, 1958, с. 101—110.

Материалы для библиографии по истории мордовского народа. Саранск, 240 с.

Рец.: «Правда Русская». Учебное пособие. М.— Л., 1940. 112 с.— «Исторический журнал», № 3, с. 131—137.

1944

Русская метрология. М., 94 с.

Рец.: Колесников И.— «Исторический журнал», 1945, № 3, с. 84—85.

Русская хронология. М., 94 с.; 6 л. табл.

Рец.: Budka W.— «Archeion», Warszawa, 1955, t. 24, s. 364—366.

1945

К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты.— «Исторические записки», т. 16. М., с. 203—231.

«Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания).— «Исторические записки», т. 14. М., с. 81—128.

1946

Документы Московского великокняжеского архива и их значение в политической борьбе при Иване III.— «Труды Историко-архивного института», т. 2. М., с. 3—67.

Защита докторской диссертации А. А. Новосельским на тему «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» — «Вопросы истории», № 11-12, с. 174—175.

Происхождение собрания договорных грамот Новгорода с князьями XIII—XV вв.— «Исторические записки», т. 19. М., с. 215—233.

Русская палеография. М., 215 с.; 19 илл. (Совместно с Н. С. Чаевым.)

Рец.: Устюгов Н.— «Вопросы истории», 1947, № 12, с. 110—112; *Horodyski B.*— «Biblioteka studium slowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego», Kraków, 1951, ser. 5, № 6, s. 12.

Рец.: Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Под общ. ред. А. И. Яковлева, ч. 1—2. М.—Л., 1940—1945. — «Вопросы истории», № 10, с. 119—120.

1947

Договорные и духовные грамоты Дмитрия Донского как источник для изучения политической истории великого княжества Московского.— «Исторические записки», т. 24. М., с. 225—266.

В. К. Лукомский (1882—1946). — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», вып. XIV, с. 120—121.

Предисл. к кн.: С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.— Л., с. 1—4 (без подписи. Член авт. колл.).

Состав и происхождение Новгородской Судной Грамоты. — «Исторические записки», т. 21. М., с. 222—253.

Рец.: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.— Л., 1947. 311 с. — «Вопросы истории», № 8, с. 121—123.

Рец.: «Советская этнография», вып. 3. М.— Л., 1946.— «Вопросы истории», № 7, с. 126—127.

1948

«Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— «Исторические записки», т. 25. М., с. 293—333.

Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М. — Л., 472 с.

Рец.: «Вестник АН СССР», 1949, № 8, с. 83—85; *Базилевич К. В.*— «Советская книга», 1949, № 7, с. 69—73; *Зимин А.* и *Пашуто В.*— «Вопросы истории», 1949, № 9, с. 119—122; *Лихачев Д. С.*— «Известия АН СССР», 1952, № 3, с. 300—304 (тт. 1—2); *Andreyev N.*— «Slavonic and East European Review», London, 1953, vol. 32, N 78, p. 267—268; *Costăchel V.*— «Shudii. Revista de Istorie». Bucureşti, 1950, an. 3, N 11, p. 213—214; *Hejnosz W.*— «Pamiętnik Slowiański», Kraków, 1951, t. 2, s. 223—226; *Jablonowski H.*— «Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 122 (tt. 1—2); *Sutkowska I.*— «Archeion», Warszawa, 1956, t. 25, s. 374—380 (tt. 1—2); *Żytkowicz L.*— «Kwartalnik Historyczny», Warszawa — Kraków, 1953, r. 60, N 1, s. 223—229 (tt. 1—2).

Рец.: Еремин И. П. Повесть временных лет. Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947, 92 с.— «Советская книга», № 3, с. 104—106.

Рец.: Правда Русская, т. II. Комментарии. М.— Л., 1947, 862 с.— «Советская книга», № 2, с. 68—70.

1949

История СССР, т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 2, испр. и доп. М., 871 с. *Авт. след. глав:* гл. VIII. Украина, Молдавия, Белоруссия и Литва в первой половине XIX в. [Текст о Молдавии], с. 189—199; гл. IX. Народы Поволжья, Башкирии, Казахстана и Сибири в первой половине XIX в. [Текст о народах Поволжья], с. 213—217; гл. XXVIII. Народы России и национально-колониальная политика царизма в 1860—1880-е годы. [Текст о народах Поволжья], с. 741—747. *Перевод* на польск. яз. Варшава, 1954. 837 с.; на укр. яз. Киев, 1950, 823 с.

А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк и источниковед. — «Вопросы истории», № 8, с. 30—51.

Член авт. колл.: Основные задачи в изучении истории СССР феодального периода. — «Вопросы истории», № 11, с. 3—12. (Статья без подписи.)

Рец.: Большая советская энциклопедия, том «СССР. История». М., 1947, стб. 273—470.— «Вопросы истории», № 6, с. 100—107.

Рец. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.— Л., 1949, 408 с. — «Вопросы истории», № 11, с. 158—161.

Рец.: Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. М.— Л., 1948, 172 с.— «Вопросы истории», № 4, с. 126—127.

Рец.: Тихомиров М. Н. и Дмитриев С. С. История СССР, т. I. М., 1948, 410 с.— «Вопросы истории», № 2, с. 134—141. (Совместно с П. А. Зайончковским.)

Рец.: Труды Историко-архивного института, т. IV. М., 1948, 300 с. — «Вопросы истории», № 5, с. 112—114.

1950

Базилевич Константин Васильевич (1892—1950). — БСЭ, т. 4, изд. 2, М., с. 40.

С. В. Бахрушин. (Некролог). — «Вопросы истории», № 3, с. 157—159. (Статья без подписи.)

Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682).— В кн.: Дипломатический словарь, т. II. М., стб. 114—115. (Статья без подписи.)

Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. — «Исторические записки», т. 33. М., с. 203—231.

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ум. 1680). — В кн.: Дипломатический словарь, т. II. М., стб. 285—288. (Статья без подписи.)

Подгот. к печати: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.— Л., 587 с. *Перевод* на англ. яз. Итака, 1967.

Рец.: Николаева А. Т.— «Вопросы истории», 1952, № 2, с. 135—138; *Тальман Е. М.*— «Исторический архив», 1956, № 5, с. 185—186; *Черных П. Я.*— «Известия Отд. литературы и языка», 1951, вып. 5, с. 504—507; *Clarkson J. D.*— «American Historical Review», New York, 1968, vol. 74, N 1, p. 223—224; *Jablonowski H.*— «Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 127; *Nitsche P.*— «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1968, Bd. 16, N 4, S. 568—570; *Orchard G. E.*— «Canadian Slavic Studies»,Montreal, 1968, N 3, p. 432—433.

Рец.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 543 с.— «Вестник МГУ. Серия обществ. наук», вып. 4, № 11, с. 103—112.

Рец.: Полное собрание русских летописей, т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.—Л., 1949. 464 с.— «Вопросы истории», № 9, с. 142—143.

Рец.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606—1607. Л., 1949. 528 с.— «Литературная газета», 18 января, № 6.

Рец.: Таможенные книги Московского государства XVII в., т. I. М.— Л., 888 с.— «Советская книга», № 10, с. 76—78.

Рец.: Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. 542 с.— «Вопросы истории», № 4, с. 132—137.

Ред.: Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV века. Кишинев, 159 с.

Ред.: Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII веков. Кишинев, 254 с. (Совместно с А. Д. Удальцовым.)

1951

Алексей Иванович Яковлев (1878—1951). (Некролог).— «Вопросы истории», № 9, с. 183. (Статья без подписи.)

О периодизации истории России эпохи феодализма.— «Вопросы истории», № 2, с. 52—80. (Совместно с В. Т. Пашуто.) *Перевод* на нем. яз.— «Sowjetwissenschaft», Berlin, 1952, Beiheft N. 20, S. 425 folg; на польск. яз.— «Nowe Drogi. Zeszyty Historyczne», Warszawa, 1951, N 3, s. 198—; на чешск. яз.— В кн.: Dějiny SSSR, t. I. Red.: B. D. Grekov, S. V. Bachrušin, V. I. Lebeděv. Praha, 1953, s. 377—414; «Sovětska Věda. Historie», Praha, 1951, N 7, s. 27—60.

Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 428 с.

Рец.: Зимин А. А.— «Советская книга», 1952, № 4, с. 65—68; *Fennell J.*— «Slavonic and East European Review», London, 1960, vol. 39, № 92, p. 1—23.

Подгот. к печати: Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, ч. I. М., 399 с.

Рец.: Jablonowski H.— «Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N1, S. 128.

Рец.: Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, 594 с.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 1, с. 93—95.

Ред.: История Молдавии, т. I. Кишинев, 654 с. (Совместно с А. Д. Удальцовым.) *Перевод* на молдав. яз. Кишинев, 1954.

Отв. ред.: Березняков Н. В. Турецко-фанариотский гнет в Молдавии. Борьба молдавского народа против турецко-фанариотского гнета. Кишинев, 68 с. На молдав. яз.

Отв. ред.: Мохов Н. А. Образование феодальной монархии в Молдавии. Кишинев, 40 с. На молдав. яз.

Отв. ред.: Русев Е. М. Братское содружество молдавского, великого русского и украинского народов в их борьбе против султанской Турции в XVI—XVII вв. Кишинев, 30 с. На молдав. яз.

Отв. ред.: Шемяков Д. Е. Молдавия в период первой буржуазно-демократической революции в России (1905—1907 гг.). Кишинев, 54 с. На молдав. яз.

1952

Акты конца XIV—XV вв., их разновидности и значение в качестве исторического источника.— В кн.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I. М., с. 638—650.

К. В. Базилевич (1892—1950).— В кн.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., с. 3—8.

К. В. Базилевич (1892—1950). — «Ученые записки МГУ», вып. 156, с. 263—268.

История СССР (1856—1894), ч. 2. История народов. М., 634 с. (Материалы к обсуждению). *Авт. след. глав:* гл. 9. Молдавия, с. 464—482; гл. 11. Европейский Север, с. 553—582 (Совместно с Л. М. Ивановым.)

К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма. — «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. IX, № 2, с. 115—132.

Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы.— В кн.: Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., с. 89—99.

Рец.: Russocki S.— «Czasopismo Prawno-Historyczne», Warszawa, 1954, t. 6, N 1, s. 363.

Судебник Ивана III и дело Владимира Гусева. — «Ученые записки МГУ», вып. 156, с. 121—143.

Формы классовой борьбы в Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. (в период образования Русского централизованного государства).— «Вестник МГУ», № 4, с. 111—124.

Подгот. к печати: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. I. М., 804 с. (Совместно с С. Б. Веселовским, С. С. Гадзяцким, А. И. Андреевым и др.)

Рец.: *Николаева А. Т.*— «Вопросы истории», 1953, № 3, с. 108—113; *Тальман Е. М.*— «Исторический архив», 1956, № 5, с. 183—185; *H. S.*— «Kwartalnik Historii Kultury Materialnej», Warszawa, 1953, N 1—2, s. 228; *Jablonowski H.*— «Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 128.

Подгот. текста и коммент.: Судебник 1497 года.— В кн.: Судебники XV—XVI веков. М. — Л., с. 13—108.

Рец.: *Зимин А. А.*— «Вопросы истории», 1953, № 5, с. 113—117; *Jablonowski H.*— «Historische Zeitschrift», München, 1955, Bd. 180, N 1, S. 127.

Отв. ред.: Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 543 с.

Член ред. колл.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. I—IV. М., 1952—1959.

1953

Источниковедение.— БСЭ, т. 19, изд. 2, М., с. 44—59.

Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века). — «Вопросы истории», № 4, с. 38—63.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1. М., 984 с. *Авт. след. глав:* Введение, с. 7—23; гл. 1, § 1. Историография, с. 27—56; гл. 2, § 10. Возникновение древнерусской народности, с. 251—258; гл. 3, § 1. Историография, с. 267—275; гл. 3, § 6. Развитие русской народности в период феодальной раздробленности, с. 472—475; гл. 5, § 1. Историография, с. 760—768. (Совместно с В. Т. Пашуто.) *Перевод* на нем. яз. Берлин. 1957, 1076 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., 2. М., 811 с. *Авт. след глав:* гл. 1, §§ 1—6, 8—11. Период феодальной раздробленности. Объединение русских земель вокруг Москвы как основы и инициатора образования Русского централизованного государства, с. 7—270; гл. 2, § 5. Складывание русской (великорусской) народности, с. 314—322; гл. 3. Русская культура и быт XIV—XV вв., с. 334—409. (Совместно с Н. К. Гудзием и др.) *Перевод* на нем. яз. Берлин, 1958. 830 с.

Рец.: *Арутюнян П. Т.*— «Вопросы истории», 1955, № 10, с. 108—111 (тт. 1—2); *Бурдей Г. Д.*— «Преподавание истории в школе», 1954, № 6, с. 88—95; *Долинин Н. П.*— «Вопросы истории», 1957, № 2, с. 126—130 (на все тома); *Копанев А. И., Маньков А. Г., Носов Н. Е., Строева Л. В.*— «Вопросы истории», 1954, № 8, с. 122—123 (тт. 1—2); *Кузьмина В. Д.*— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1954, т. 13, вып. 5, с. 475—479 (тт. 1—2); *Тихомиров М., Шунков В., Яцунский В.*— «Коммунист», 1954, № 10, с. 111—118 (тт. 1—2); *Шарифли М. Х.*— «Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», Баку, 1959, № 6, с. 137—143 (тт. 1—2); *R. P.*— «Bulletin de la Société d'Histoire Moderne», Paris, 1955, an. 54, N 16, p. 12 (tt. 1—2); *Assmann E.*— «Hansische Geschichtsblätter», Köln — Graz, 1956, Jg. 74, S. 204; *Dölger F.*— «Byzantinische Zeitschrift», München, 1958, Bd. 51, N 2, S. 399—401; *Donnert E.*— «Jahrbuch für Geschichte der deutsch-slawischen Beziehungen und Geschichte Ost- und Mitteleuropas», Halle, 1956, Bd. 1, S. 246—259 (tt. 1—2); *Donnert E.*— «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, 1956, Bd. 1, N 2, S. 166—168 (tt. 1—2); *Florovskij A.*— «Sovětská Historie», Praha, 1955, r. 5, N 3—4,

s. 455—459; *Husa V.*— «Slovanský Přehled», Praha, 1954, r. 40, N 3, s. 107—108; *Johansen P.*— «Hansische Geschichtsblätter», Köln — Graz, 1959, Jg. 77, S. 124; *Kudláček J.*— «Historický Časopis», Bratislava, 1955, r. 3, N 3, s. 473—476 (тт. 1—2); *Łowmiański H.*— «Kwartalnik Historyczny», Warszawa, 1954, r. 61, N 4, s. 233—245 (tt. 1—2); *Rubin B.*— «Historiche Zeitschrift», München, 1960, Bd. 190, N 2, S. 406—412; *Stökl G.*— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1955, Bd. 3, N 1, S. 4—13 (tt. 1—2).

Ценный вклад в изучение истории народов СССР (*Рец.* на кн.: История Латвийской ССР, т. I. С древнейших времен до 1860 г. Рига, 1952, 661 с.). — «Вопросы истории», № 6, с. 131—138. (Совместно с А. Л. Монгайтом, В. К. Яцунским.)

Ред.: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв., ч. 1—2, 984 с.; 811 с. (Совместно с Б. Д. Грековым и В. Т. Пашуто.)

Отв. ред.: Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 567 с.

Член ред. колл.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы, в 3-х тт. М., 583 с.; 556 с.; 643 с.

Член глав. ред.: Очерки истории СССР, [кн. 1—9]. М., 1953—1958.

1954

Из истории русского крестьянства XV в.— «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», № 3, с. 111—124.

История СССР, т. 2. Под ред. М. В. Нечкиной. Изд. 3, испр. и доп. М., 847 с. *Авт. след. глав:* гл. XI. Народы России в первой половине XIX в. [Тексты о народах Молдавии и Поволжья], с. 294—302; с. 341—344; гл. XXIII. Народы России в период утверждения и развития капитализма. [Тексты о народах Молдавии и Поволжья], с. 693—695; 719—724. *Перевод* на венгер. яз. Будапешт, 1956. 866 с.; на китайск. яз. Пекин, 1959. 566 с; на корейск. яз. Пхеньян, 1957.

Образование Русского централизованного государства.— «Преподавание истории в школе», № 4, с. 9—23.

Памятное событие в истории польского народа.— «Славяне», № 12, с. 28—30.

Книга о славном прошлом украинского народа. (*Рец.* на кн.: История Украинской ССР, т. I. Киев, 1953, 848 с.).— «Славяне», № 8, с. 53—56.

Лживая интерпретация истории. (*Рец.* на кн.: Florinsky M. T. Russia. A History and interpretation, 2 vol. N. Y., 1953).— «Коммунист», № 11, с. 121—128. (Совместно с Е. Дружининой и И. Минцем.)

Рец.: Третьяков П. Н. Восточнославянские племена, изд. 2. М., 1953, 312 с. — «Вестник древней истории», № 4, с. 93—97.

Ред.: Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 279 с. (Совместно с Н. В. Устюговым.) — Там же: Предисловие, с. 3—9. (Сов-

местно с А. А. Зиминым, Н. В. Устюговым и В. И. Шунковым).

Член ред. колл.: «Исторические записки», тт. 45—60. М.. 1954—1957.

Член ред. колл.: «Исторический архив», т. 10. М. — Л.. 341 с.

1955

Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в. (Из истории производительных сил и производственных отношений).— «Проблемы источниковедения», т. 4. М., с. 307—349.

История Татарской АССР, т. I. Казань, 550 с. *Авт. гл.* V. Татария в составе русского многонационального централизованного государства (XVI—XVII вв.), с. 149—183.

Общественно-политические взгляды Авраамия Палицына.— В кн.: Сказание Авраамия Палицына. М., с. 3—15.

Основные этапы развития феодализма в России. М., 78 с. (Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме). На рус. и франц. яз. *Перевод* на вьетнам. яз. 1956, 36 с.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 959 с. *Авт. след. глав:* Введение, с. 5—17. (Совместно с А. А. Зиминым, А. Н. Насоновым); гл. 3, § 1. Историография [польская], с. 452—454; гл. 4, § 3 а. Народы Среднего Поволжья, с. 660—674. (Совместно с Ш. Ф. Мухамедьяровым); гл. 5. Введение, с. 701—710.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1032 с. *Авт. след. глав:* гл. 9, § 1. Карелы, с. 763—771; гл. 10, § 1. Народы Поволжья, с. 787—795. (Совместно с Б. А. Ледяевым и А. И. Яковлевым.)

Перевод: Судебник 1497 г.— В кн.: Памятники русского права, вып. III. М., с. 341—416.

Ред.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М., 959 с. (Совместно с А. А. Зиминым и А. Н. Насоновым.)

Ред.: Памятники русского права, вып. III. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV—XV вв. М., 527 с.— Там же: Предисловие, с. 5—40.

Ред.: Сказание Авраамия Палицына. М., 346 с.

Отв. ред.: Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 440 с.

Отв. ред.: Пашуто В. Т. Помезания. «Помезанская правда» как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIV вв. М., 184 с.

Член ред. колл.: Материалы по истории СССР, т. II. Документы по истории XV—XVII вв. М., 321 с.

1956

Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси.— «Исторические записки», т. 56. М., с. 235—264.

История СССР, т. I. М., 895 с. *Авт. след. глав:* Введение, с. 5—11 (Совместно с Б. А. Рыбаковым); гл. IV. Развитие феодальных отношений. Древнерусское государство, его роль в истории народов СССР и международное значение (IX — начало XII в.), с. 69—100. (Совместно с В. Т. Пашуто и Б. А. Рыбаковым); гл. VII. Объединение русских земель вокруг Москвы и складывание Русского централизованного государства. Народы нашей страны в XIV—XV вв., с. 147—207. (Совместно с А. М. Сахаровым); гл. XV, § 3. Культура народов Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, с. 412—413; гл. XIX, Дворянская империя в 20—50-х годах XVIII в. Народы нашей страны, с. 479—502. (Совместно с П. П. Епифановым и М. Т. Белявским); гл. XXI, § 3. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, с. 538—546. (Совместно с В. И. Лебедевым); гл. XXIII, § 8. Развитие русской нации в XVIII в., с. 606—608. *Перевод* на литов. яз. Вильнюс, 1958. 847 с.; на молдав. яз. Кишинев, 1960. 935 с.; на нем. яз. Берлин, 1960. 323 с.; Берлин, 1961. 323 с.; на узбек. яз. Ташкент, 1960. 1023 с.; на укр. яз. Киев, 1958. 832 с.

Николай Георгиевич Бережков. (Некролог).— «Вопросы истории», № 6, с. 222. (Совместно с Н. Н. Улащиком и Е. Н. Кушевой. Статья без подписи.)

Основные этапы развития феодализма в России.— В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме. Сентябрь 1955 г. Доклады советской делегации. М., с. 139—170.

Русская палеография. М., 616 с.

Рец.: Введенский А. А., Дядиченко В. А.— «Український історический журнал», 1957, № 3, с. 134—138; *Гранстрем Е. Э.*— «История СССР», 1958, № 2, с. 160—163; *Назарова В. П., Осипова Р. Г.*— «Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР», 1957, № 6, с. 73—75; *Устюгов Н. В.*— «Исторический архив», 1957, № 3, с. 240—243; *Bélay V.*— «Levéltári Közlemények», Budapest, 1960, évf. 31, 331—335 old; *Bogdan D.*— «Romanoslavica», Bucureşti, 1958, t. 3, p. 277—279; *Herzog R.*— «Zeitschrift für Ethnologie», Braunschweig, 1957, Bd. 82, N 2, S. 313—316.

Ред.: Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 662 с.

Ред.: Памятники русского права, вып. IV. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV—XVII вв. М., 632 с.— Там же: Предисловие, с. 5—45.

Отв. ред.: История СССР, т. I. М., 895 с.

1957

Всемирная история, т. III. М., 896 с. *Авт. след. глав:* гл. XLIX. Объединение русских земель вокруг Москвы. Образование Русского централизованного государства (XIV—XV вв.), с. 768—798; гл.

L. Народы Украины, Белоруссии, Литвы и Прибалтики в XIV—XV вв., с. 799—806.

Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 304 с.

Рец.: Иллерицкий В. Е.— «Вопросы истории», 1957, № 12, с. 182—188.

Ред.: Всемирная история, т. III. М., 896 с. (Совместно с Н. А. Сидоровой, Н. И. Конрадом, И. П. Петрушевским.)

Ред.: Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сб. документов. Кишинев, 671 с.

1958

Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.— Л., с. 7—105.

Рец.: Kudláček J.— «Historický Časopis», Bratislava, 1960, r. 8, N 1, s. 159—162; *Menyhárt L.*— «Századok», Budapest, 1965, évf. 99, N 4—5, 934—935 old.; *Svoboda J.* (J. Sv).— «Československý Časopis Historický», Praha, 1960, r. 8. N 3, S. 401.

Материалы второго тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник.— В кн.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. II. М., с. 572—581.

Поездка делегации советских историков в Румынию.— «Вестник АН СССР», № 9, с. 95—96.

Социально-политическая борьба в Псковской феодальной республике в конце 70-х — начале 80-х гг. XV в. (Из истории образования Русского централизованного государства).— «История СССР», № 3, с. 145—171.

«Sobornoe Ulojenie» din 1649 şi «Pravilele» lui Vasile Lupu din 1646 ca izvoare pentru istoria aservirii tăraniilor în Rusia şi in Moldova.— In: Studii privind Relatiile Romîno-Ruse şi Romîno-Sovietice. Sesiunea comună a istoricilor Romîni şi Sevietici, iunie, 1958. Bucureşti, c 30—41 (На рус. яз. см. М., 1960.)

Ред.: Вопросы формирования русской народности и нации. М.— Л., 387 с. (Совместно с Н. М. Дружининым.)

Отв. ред.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. II. М., 727 с.

1959

В исторических архивах Швеции.— «Вестник АН СССР», № 10, с. 82—84. (Совместно с В. Н. Шумиловым и М. И. Александровой.)

Документы по истории СССР и русско-шведских отношений в архивах Швеции.— «Исторический архив», № 6, с. 113—126. (Совместно с В. Н. Шумиловым и М. И. Александровой.)

Из истории еретических движений на Руси в XIV—XV вв.— В кн.: «Вопросы истории религии и атеизма». т. 7. М., с. 257—283.

Народные восстания в Москве в 1382 и 1445 годах.— «Научные доклады высшей школы. Ист. науки», № 1, с. 85—103.

О постановке исторического образования в средней школе.— «История СССР», № 2, с. 24—33.

С. М. Соловьев как историк.— В кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1. М., с. 5—51.

Ред.: Греков Б. Д. Избранные труды, т. II. М., 623 с. (Совместно с В. Т. Пашуто.)

Ред.: Памятники русского права, вып. V. Памятники права периода образования сословно-представительной монархии. М., 667 с.— Там же: Предисловие, с. 5—44.

Отв. ред.: Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 290 с.

Отв. ред.: Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 530 с.

Отв. ред.: Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 234 с.

Отв. ред.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 1—15. М., 1959—1966.

1960

Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году.— В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М., с. 37—53.

Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника».— «Исторический архив», № 4, с. 162—177.

Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 899 с.

Рец.: Бурдей Г. Д.— «Преподавание истории в школе», 1961, № 6, с. 94—100; *Смирнов И. И.*— «История СССР», 1962, № 2, с. 138—161; № 3, с. 137—162; *Alef G.*— «American Historical Review», N. Y., 1965, N 4, p. 1164—1165; *Hejnosz W.*— «Kwartalnik Historyczny», Warszawa — Kraków, 1963, r. 70, N 2, s. 481—486; *Kudlaček J.*— «Historický Časopis», Bratislava, 1961, N 3, s. 516—517; *Mezník J.*— «Československý Časopis Historický», Praha, 1961, N 3, s. 443; *Sacharov A. M.*— «Deutsche Literaturzeitung», Berlin, 1962, Jg. 83, N 12, S. 1096—1099.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. II. М., 862 с. *Авт. след. глав:* гл. II, § 4. В. О. Ключевский, с. 146—170; гл. X, § 1. Историография. [Текст о В. О. Ключевском], с. 564—568.

«Соборное уложение» 1649 года и «Правила» Василе Лупу 1646 года как источники по истории закрепощения крестьян в России и в Молдавии.— В кн.: О румыно-русских и румыно-советских связях. Совместная сессия румынских и советских историков, июнь 1958. М., с. 55—70.— Там же: От издательства, с. 5—10 (без подписи).

Discussion sur la communication de M. Dimitri Obolensky «The society of Novgorod in the early middle ages».— In: XI-e Congrès international des sciences historiques. Actes du Congrès. Göteborg — Stockholm — Uppsala, p. 112.

Le rôle des Zemski Sobory en Russie lors de la guerre des paysans au début du XVII siècle.— In: Album Helen Maud Cam. Louvain—Paris, p. 249—266.

Ред.: Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 261 с.

Отв. ред.: Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.). М., 487 с.

Отв. ред.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 410 с.

1961

Академик Милица Васильевна Нечкина (К 60-летию со дня рождения и 40-летию научной, педагогической и общественной деятельности).— «Вопросы истории», № 5, с. 97—101.

А. И. Баранович. (Некролог).— «История СССР», № 5, с. 246.

Вопросы истории СССР на XI Международном конгрессе историков.—«История СССР», № 1, с. 12—27. (Совместно с Ю. А. Поляковым.)

Из истории общественной мысли в России и Молдавии на рубеже XV и XVI веков.— В кн.: Вековая дружба. Материалы научной сессии Ин-та истории Молдавского филиала АН СССР, состоявшейся 27—29 ноября 1958 г. Кишинев, с. 87—110.

Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682).— В кн.: Дипломатический словарь, т. II. М., с 262—263. (Статья без подписи.)

Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции.— В кн.: Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы, т. XVII. М. — Л., с. 454—481.

Некоторые вопросы истории советской исторической науки.— «Коммунист», № 9, с. 58—70. (Совместно с М. В. Нечкиной и Ю. А. Поляковым.) *Перевод* на англ. яз.— «Soviet Studies in History», New York, 1962, vol. I, № 4.

Новые данные по истории русского крестьянства XIV—XV вв. в новгородских берестяных грамотах.— В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. статей к 75-летию Н. М. Дружинина. М., с. 32—43.

О формах объединения ремесленников в русских городах XIV—XV вв.— В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., с. 19—24.

Обзор фондов новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве в Швеции, в Стокгольме.— В кн.: Проблемы источниковедения, т. IX. М., с. 221—257.

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (ум. 1681).— В кн.: Дипломатический словарь, т. II. М., с. 450—452. (Статья без подписи.)

Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании.— В кн.: Международные связи России до XVII в. М., с. 225—256.

Сост.: Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. III. М., 443 с.

Рец.: J. R.— «Slavia Orientalis». Warszawa, 1962, r. 11, N 2, s. 251.

Ред.: Грекул Ф. А. Аграрные отношения в Молдавии в XVI—первой половине XVII в. Кишинев, 456 с.

Ред.: Молдавия в эпоху феодализма, т. I. Славяно-молдавские грамоты (XV в.— первая четверть XVII в.). Кишинев, 454 с.

Отв. ред.: Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 200 с.

Член ред. колл.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 366 с.

Член ред. колл.: История Молдавии. Документы и материалы, т. 5. Кишинев, 596 с.

1962

Во всеоружии вести борьбу с буржуазной историографией. (Из опыта работы сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР).— «История СССР», № 1, с. 200—208.

[Выступление на обсуждении статьи С. М. Каштанова и А. А. Курносова «Вопросы теории источниковедения»].— «Исторический архив», № 4, с. 187—190.

Изучение в СССР проблем отечественной истории периода феодализма.— «Вопросы истории», № 1, с. 34—66.

Мои соавторы.— «Библиотекарь», № 6, с. 22.

О пройденном пути.— В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., с. 5—36. (Совместно с М. В. Нечкиной и Ю. А. Поляковым.)

Проблема крестьянского закрепощения в России в освещении буржуазной историографии.— В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М.— Л., с. 55—108.

Славянские и русские рукописи в Парижской национальной библиотеке (Краткий обзор).— В кн.: Археографический ежегодник за 1961 г. М., с. 215—235.

Чингис-хан и его наследие.— «История СССР», № 5, с. 92—119. (Совместно с Н. Я. Мерпертом и В. Т. Пашуто.)

Les relations entre la monarchie et les classes sociales durant la période de la révolte populaire à Moscou et la préparation et l'édition du nouveau code législatif (1648—1649).— In: Albume E. Lousse. Louvain — Paris, 125—140.

Ред.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М.—Л., 428 с. (Совместно с В. Т. Пашуто и М. М. Штранге.)

Член ред. колл.: История Молдавии, т. III. Кишинев, 611 с.

1963

История в творчестве А. С. Пушкина.— «Вопросы истории», № 9, с. 25—44.

История и современность в работах В. И. Ленина послеоктябрьского периода. — «История СССР», № 2, с. 23—34.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 831 с. *Авт. след. глав:* гл. IV. Основные черты кризиса буржуазной историографии, с. 239—278; гл. V. Изучение русской истории, с. 279—367.

И. И. Полосин как историк. — В кн.: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., с. 3—33.

У истоков архивоведения и актового источниковедения («практической дипломатики») в России.— «Вопросы архивоведения», № 1, с. 52—62.

La paysannerie russe aux XIV-e et XV-e siècle d'après les écorces de bouleau de Novgorod. — «Recherches internationales à la lumière du marxisme», Paris, № 37, p. 123—138.

Сост: Правда Русская, т. III. (Факсимильное воспроизведение текстов). М., 471 с. (Совместно с А. А. Новосельским, А. Н. Насоновым, А. А. Зиминым, Н. А. Баклановой.)

Рец.: Копанев А. И., Носов Н. Е.— «История СССР», 1964, № 3, с. 152.

Ред.: Памятники русского права, вып. VII. Памятники русского права периода создания абсолютной монархии (вторая половина XVII века). М., 510 с. — Там же: Предисловие, с. 5—29.

Ред.: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 384 с. (Совместно с И. А. Голубцовым, Е. Н. Кушевой и С. О. Шмидтом.)

1964

Выступление в прениях по докладу М. П. Кима. — В кн.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 1962 г. М., с. 376—377.

Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. — В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., с. 92—133.

История СССР, т. I, изд. 2. М., 854 с. *Авт. след. глав*: Введение, с. 5—10. (Совместно с Б. А. Рыбаковым); Историографический обзор, с. 11—45; гл. IV, §§ 3—5, 7—10. Развитие феодальных отношений. Древнерусское государство, его роль в истории наро-

дов СССР и международных отношений, с. 115—121, 123—134. (Совместно с В. Т. Пашуто); гл. VII, §§ 2—8. Объединение русских земель вокруг Москвы и складывание централизованного государства. Народы нашей страны в XIV — XV вв., с. 194—225; гл. XV, § 3. Культура народов Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, с. 415—416; гл. XIX, § 3. Народы России в 20—50-х годах XVIII в., с. 482—484; гл. XIX, § 5. Народы Правобережной и Западной Украины, Белоруссии, Литвы и Молдавии, с. 488—490; гл. XXI, § 3. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, с. 532—539. (Совместно с В. И. Лебедевым); гл. XXIII, § 8. Развитие русской нации в XVIII в., с. 591—593. *Перевод* на узбек. яз. Ташкент, 1966. 1043 с.

Историческая тематика в творчестве М. Ю. Лермонтова. — «История СССР», № 5, с. 60—73.

Исторические взгляды Гоголя. — «Вопросы истории», № 1, с. 75—97.

К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии. — В кн.: «Средние века», т. 25. М., с. 176—187.

Материалы третьего тома «Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» как исторический источник. — В кн.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. III. М., с. 514—534.

Псковские грамоты конца XV в. как исторический источник. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.—Л., с. 426—435.

La réorganisation de l'appareil d'Etat durant la période de la centralisation politique de la Russie fin du XV-e et debut du XVI-e siècles. — «Annali della fondazione Italiana per la storia amministrativa», Milano, N 1, p. 242—267.

Russian 17-th Century Baltic Trade in Soviet Historiography. — «Slavonic and East European Review», London, vol. XLIII, N 100, p. 1—22.

Рец.: H. W. — «Hansische Geschichtsblätter», Köln — Graz, 1965, Jg. 83, S. 254.

J. Zuša darba «Baltijas jantājumas XVIII gadsimtā» nozime Krievijas vēstures pētniecibā. — In: Akademiķis Jānis Zutis. Rīga, s. 141—150.

Рец.: Краткая история СССР, ч. I. М—Л., 535 с. — «Коммунист», № 7, с. 123—126. (Совместно с Н. М. Дружининым и К. Н. Тарновским.)

Ред.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 519 с. (Совместно с Н. М. Дружининым и Н. И. Павленко.)

Отв. ред.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. III. М., 687 с.

Отв. ред.: История СССР, т. I. Учебник для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов, изд. 2. М., 854 с.

Отв. ред.: Некрасов Г. А. Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 277 с.
Член ред. колл.: История Молдавии. Документы и материалы, т. 4. Кишинев, 719 с.

1965

Исторические взгляды Л. Н. Толстого.— «Вопросы истории», № 4, с. 56—85.
О некоторых проблемах феодализма в России.— В кн.: История в школе. М., с. 119—160.
Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., с. 128—278.

Рец.: *Каштанов С. М.*— «История СССР», 1967, № 5, с. 158; *Пьянков А. П.*— «История СССР», 1967, № 2, с. 133; *Soukup*— «Pravně-Historické Studie», Praha, 1967, t. 13, s. 291.

Русские и молдавские феодальные институты средневековья.— In: Omagiu lui P. Constantinescu-Iaşi cu prilijul împlinirii a 70 de ani. Bucureşti, p. 187—191.
Structure de la société et questions du développement de la littérature russe au XIX-e et au XX-e siècles.— In: XII-e Congrès international des sciences historiques. Rapports. I. Grands thémes. Wienne, p. 389—421. (Совместно с П. В. Палиевским.)
Ред.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 476 с. (Совместно с В. Т. Пашуто.)
Отв. ред.: История Молдавской ССР, т. I. Кишинев, 659 с.
Член ред. колл.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. I. 1408—1632. М., 363 с.
Член ред. колл.: История и историки. Историография истории СССР. М., 469 с.

1966

Александр Блок и история. [Подготовлено к печати в журнале «Вопросы истории». Напеч. с сокр.] — «Московский комсомолец», 25 декабря.
[Выступление].— В кн.: Проблемы советско-итальянской историографии. М., с. 363—365.
XII Международный конгресс историков.— «История СССР», № 1, с. 3—23.
Из истории русской публицистики конца XV в.— В кн.: Культура древней Руси. М., с. 287—288.
Из источниковедческих наблюдений над берестяными грамотами.— «История СССР», № 2, с. 94—105.

Исаак Уриелевич Будовниц (1897—1963) как историк.— В кн.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., с. 3—24.

История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти томах, т. II. М., 631 с. *Авт. след. глав*: гл. 2. Борьба народов нашей страны за независимость, с. 36—62. (Совместно с А. П. Новосельцевым и др.); гл. 3. Объединение русских земель вокруг Москвы, с. 63—104; гл. 11. Культура русского народа в XIII — первой половине XVII в., с 353—407. (Совместно с А. А. Зиминым, В. И. Корецким, Ю. А. Тихоновым и А. Л. Хорошкевич.)

К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства.— В кн.: Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., с. 105—124.

Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 854 с. *Авт. след. глав:* гл. 2. Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии, с. 138—179; гл. 3. М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки, с. 180—198.

Принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики.— «Коммунист», № 4, с. 72—79. (Совместно с В. Т. Пашуто и В. И. Саловым.)

Ученые за политической книгой.— «Московская правда», 12 октября, № 237.

А. Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки (Из истории русско-немецких научных связей во второй половине XVIII — начале XIX в.).— В кн.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. (экономика, политика и культура). М., с. 183—219.

G. F. Müllers Bedeutung für die Quellenkunde der russischen Geschichte.— In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, S. 303—311.

Ред.: Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 329 с.

Ред.: Покровский М. Н. Избранные произведения, кн. I. М., 725 с.

Отв. ред.: Сахаров А. Н. Русская деревня XVII в. По материалам патриаршего хозяйства. М., 229 с.

Член ред. колл.: История и историки. Историография всеобщей истории. М., 430 с.

Член ред. колл.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV. М., 854 с.

Член ред. комиссии I серии: История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12-ти томах, тт. I—VI. М., 1966—1968.

1967

Александр Блок и история. — «Вопросы истории», № 1, с. 37—59.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, т. III. М., 748 с. *Автор гл.* X. § 1. Начало петровских преобразований, с. 225—227. (Совместно с Л. Г. Бескровным.)

Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в. — В кн.: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л., с. 42—54.

Пятьдесят лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. — «История СССР», № 6, с. 77—99.

Развитие вспомогательных исторических дисциплин за пятьдесят лет. — «Советские архивы», № 5, с. 130—137.

Член ред. колл.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия, т. III. М., 748 с.

1968

Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 383 с. с илл.

Рец.: *Нечкина М. В.* — «История СССР», 1970, № 3, с. 157—159; *Подольская И.* — «Вопросы литературы», 1969, № 11, с. 210—214; *Формозов А.* — «Новый мир», 1969, № 4, с. 267—271; *Zeil W.* — «Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas», Berlin, 1970, Bd. 14/2, S. 249—252.

К вопросу о складывании абсолютной монархии в России XVI—XVIII вв. М., 73 с. (Нац. комитет историков Советского Союза. Ин-т истории АН СССР. Об-во «СССР — Италия». 3-я конференция советских и итальянских историков. Москва. 8—10 апр. 1968 г. Доклады). Ротапринт.

Les plus recentes publications de documents de droit du moyen age Russe parues en Union Sovietique. — In: Album J. Balon. Namur, Belgique, p. 125—143.

Член ред. колл.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. II. 1633—1673. М., 446 с.

Член ред. колл.: Album J. Balon. Namur, Belgique, LIII; 493; 18 p.

1969

[Выступление]. — В кн.: Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной дискуссии. М., с. 298—303.

К вопросу о русской публицистике конца XV в. — В кн.: Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., с. 151—154.

К вопросу о сравнительно-историческом методе изучения русского и западноевропейского феодализма в отечественной историографии. — В кн.: «Средние века», т. 32. М., с. 262—270.

К вопросу об иммунитете в Молдавии и на Руси в XV—XVI вв. — «Revue Romaine d'histoire», Bucureşti, t. VIII, № 3, p. 481—489.

К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., с. 195—227.

Некоторые проблемы исторического источниковедения в трудах В. И. Ленина. — «Исторические записки», т. 84. М., с. 94—120.

Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 438 с.

Рец.: Буганов В. — «Новый мир», 1971, № 4, с. 260—264; *Горский А. Д.* — «История СССР», 1970, № 6, с. 133—142; *Янин В. Л.* — «Вопросы истории», 1971, № 5, с. 168—172; *Grothusen K. D.* — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Wiesbaden, 1970, N 3, S. 441—443; *Laptěva L. P.* — «Československý Časopis Historický», Praha, 1971, r. XIX, N 3, s. 443; *Wiedera B.* — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Berlin, 1970, Jg. XVIII, N 10, S. 1385.

О плане научно-исследовательской работы Института истории СССР на 1971—1975 гг. [Беседа с зав. сектором истории СССР периода феодализма Л. В. Черепниным]. — «История СССР», № 6, с. 18—19.

Русская Правда и новгородские берестяные грамоты [К анализу судебно-правовой системы в Древней Руси]. — «Вопросы истории», № 2, с. 57—72.

Il problema della formazione della monarchia assoluta in Russia (secoli XVI—XVIII). — In: Atti del III Convegno degli storici italiani e sovietici. Mosca, Aprile 1968. Roma, p. 27—68; 153—163. (На рус. яз. см. М., 1970).

Отв. ред.: Семенова Л. Е. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в., М., 167 с.

Член глав. ред. колл.: История Молдавии. Документы и материалы, т. 3, ч. 2. Кишинев, 691 с.

Член ред. колл.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 319 с.

1970

[Изложение выступления на дискуссии о «вопросах истории культуры»]. — «Századok», № 1, 159 old. На венгер. яз.

К вопросу о складывании абсолютной монархии в России (XVI—XVIII вв.). — В кн: Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апреля 1968 г. М., с. 11—60.

Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., с. 39—63. (Совместно с В. Т. Пашуто и В. И. Саловым.)

Рец.: Сахаров А. Н. — «Вопросы истории», 1971, № 8, с. 158—161.

Монголо-татары на Руси (XIII в.). — В кн.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., с. 179—203.

Обсуждение [докладов об абсолютизме]. Заключительное слово. — В кн.: Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апреля 1968 г. М., с. 159—163, 270—281.

Советская литература по истории СССР до 1917 г., изданная в 1965—1969 гг. — В кн.: XIII Международный конгресс историче-

ских наук. Работы советских историков за 1965—1969 гг. М., с. 3—30. То же на англ. яз.

Рец.: Нечкина М. В. Художественные образы русской литературы в произведениях В. И. Ленина. М., 1969, 63 с. — «Слово лектора», № 4, с. 79—80.

Рец.: Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, 602 с. — «Вопросы истории», № 6, с. 139—143.

Отв. ред.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 468 с.

Член ред. колл.: Документы советско-итальянской конференции историков. 8—10 апреля 1968 г. М., 374 с.

Член ред. колл.: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы. В 3-х томах. Т. III. 1673—1711. М., 416 с.

1971

Академик Милица Васильевна Нечкина (Творческий путь). — В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М., с. 5—25.

Вотчинное право на Руси XIV—XV вв. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей к 85-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина. М., с. 13—25.

Грамоты на бересте. — «Русская речь», № 4, с. 3—10.

И. А. Голубцов — ученый и человек. — В кн.: Археографический ежегодник за 1969 г. М., с. 184—191.

История представительных и парламентских учреждений в Средние века. — В кн.: «Средние века», т. 34. М., с. 60—65.

Б. Б. Кафенгауз — историк и источниковед. — В кн.: Археографический ежегодник за 1970 г. М., с. 195—201.

К вопросу о «Послании» Даниила Заточника. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Сб. статей памяти Б. А. Романова. Л., с. 69—80.

Семидесятилетие академика М. В. Нечкиной. — «Вопросы истории», № 2, с. 144—148.

Рец.: Правила издания исторических документов в СССР. М. 1969. 112 с. — «Советские архивы», № 1, с. 116—117.

Член ред. колл.: Проблемы истории общественного движения и историографии. К 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М., 472 с.

1972

Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 338 с. с карт. (Совместно с А. П. Новосельцевым и В. Т. Пашуто.) *

* В список научных работ включены исследования, вышедшие до марта 1972 г.

Литература о Л. В. Черепнине

А. Сахаров. Л. В. Черепнин — Лауреат Ломоносовской премии.— «Вестник Моск. ун-та. Ист.-филол. серия», 1958, № 3, с. 222—224. *Перевод* на румын. яз. — «Analele romîno-sovietice. Seria istorie», 1959, № 2, p. 203—205.

К 60-летию Льва Владимировича Черепнина.— «История СССР», 1965, № 2, с. 237.

П. Г. Рындзюнский. Л. В. Черепнин. (К 60-летию со дня рождения. Из цикла «Творческий путь советских ученых»).— «Вопросы истории», 1965, № 6, с. 179—180.

[Присвоение почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР»].— «Московская правда», 1970, 5 сентября, № 208.

[Сообщение о чествовании в Институте истории СССР АН СССР Л. В. Черепнина в связи с присвоением ему почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР»].— «Вопросы истории», 1971, № 2, с. 172—173.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Чем быстрее расширяются знания о прошлом России и других стран, тем настойчивее делаются попытки определить место нашего отечества во всемирной истории. Решение столь трудной задачи требует многолетних усилий большого числа специалистов. Этот сборник является опытом такого рода комплексных разысканий.

Он задуман и осуществлен в виде серии сравнительно-исторических этюдов. Материал русских и иностранных источников, а также выводы новейшей международной историографии позволяют авторам выявлять общие закономерности и своеобразные черты эволюции России эпохи феодализма. Пока только в рамках Европы и (в меньшей степени) Азии. Участники сборника исходят из мысли, что всемирная история как единый процесс зародилась не вдруг, а складывалась постепенно по мере упрочения взаимных связей между странами и народами Земли. При этом, говоря о феодальной России, они имеют в виду и ее крупную роль в международной истории и многообразное влияние других стран на русский исторический процесс. Тематика и характер собранных здесь статей, естественно, отражают неравномерную изученность отдельных тем и периодов. Читатель заметит, что некоторым авторам статей первого раздела удалась лишь характеристика своеобразных черт социальной эволюции России. Сравнительно-историческое сопоставление формулируется в них как исследовательская задача.

Статьи сгруппированы по четырем разделам.

В первом разделе читатель найдет работы, характеризующие роль России в основных процессах социально-экономического развития. Здесь речь идет о типе русского феодализма, своеобразии крепостничества, классовой борьбы, форм городского строя, структуры промышленности, финансов, торговли.

Второй раздел посвящен городским движениям и крестьянским войнам в России и их месту в истории классовой борьбы в Европе.

Третий раздел вводит читателя в круг сложных взаимоотно-

шений русской общественной мысли с духовной культурой античности, Возрождения и Просвещения.

В последний раздел вынесены статьи, которые расширяют наше представление об экономических, политических и культурных связях России с другими странами двух континентов.

Собранный в этом труде материал позволяет говорить о выдающейся роли России в истории. Одновременно он обнаруживает несостоятельность взгляда тех современных буржуазных ученых, которые за ярким своеобразием русской истории не видят общих закономерностей ее развития.

В этом сборнике объединились видные советские историки, археологи, литературоведы, востоковеды, нумизматы из Москвы, Ленинграда, Ярославля, Риги, Вильнюса, Таллина, а также наши зарубежные коллеги.

Редакция надеется, что это творческое содружество авторов, воплощенное в сборнике, будет содействовать решению одной из коренных проблем исторической науки.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МИРОВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОССИЯ

РОССИЯ И МИРОВЫЕ ТОРГОВЫЕ ПУТИ КОНЦА XV В.

А. Л. Хорошкевич

Вопрос об участии России в мировых торговых связях и их влиянии на ее историю не нов ни для советской (см. работы Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, К. В. Базилевича, Н. А. Казаковой, И. П. Шаскольского), ни для зарубежной историографии (см. работы В. Кирхнера, А. Вавжиньчик, А. Керстена, М. Маловиста и др.).

Настоящая заметка посвящена рассмотрению вопроса о сопричастности России мировой (вернее европейской) торговле в конце XV в. и влиянии экономических сношений на ее политическое и в особенности внешнеполитическое развитие.

В большинстве стран Европы еще к середине XV в. завершился переход к денежной ренте, резко расширились их внутренние рынки за счет вовлечения мелкокрестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения [1]. Устойчивые экономические отношения связывали ранее обособленные экономические районы Северной Европы и Средиземноморья.

Одновременно как следствие развития внутренних рынков наметились некоторые кризисные явления в системе и организации международных экономических связей. Близок был конец монополий купеческих организаций и городов. Положение Ганзы на севере и итальянских городов на юге Европы оказалось подорвано развитием торговли новых национальных государств. Район Северного и Балтийского морей пока еще контролировался Ганзой, однако конкуренция голландских и английских купцов стала серьезно угрожать ее монополии. Она с трудом отстаивала свои привилегии в Швеции, Англии, на Руси. С морскими путями успешно конкурировали сухопутные. Быстро укреплялись связи между странами, на посреднической торговле между которыми обогащалась Ганза. Города Южной Германии, Польши, Пруссии, Великого княжества Литовского завязывали сношения друг с другом, минуя

[1] О социально-экономических сдвигах в Европе XV в. см.: *М. А. Барг.* О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV веках.— «Вопросы истории», 1960, № 8, стр. 112—113.

Ганзу [2]. По их землям пролегла новая система торговых дорог и с востока на запад, и с юга на север.

Положение итальянских городов, простиравших свою торговую деятельность вплоть до Малой Азии и Крыма, во второй половине XV в. резко ухудшилось в результате потери опорных пунктов в Эгейском море и Причерноморье, вошедших в состав Османской империи [3]. Место итальянских купцов в посреднической торговле на востоке Средиземноморья заняли турецкие купцы. Итальянские города, судорожно искавшие выхода из кризиса, то пытались восстановить свои позиции в Константинополе (как это делали Генуя и Флоренция [4]), то как Венеция затевали бесперспективную войну с Османской империей, то прокладывали новые пути в Центральной и Восточной Европе.

Таковы некоторые изменения в системе мировых торговых путей, обозначившиеся в последние десятилетия XV в.

В истории России конец XV в. представляет время, когда сказались первые успехи восстановления хозяйства, подготовившие подъем экономики в 80-е годы [5], когда Россия сбросила, наконец, тяжкое монгольское иго, когда начался интенсивный процесс собирания русских земель, отошедших к другим странам в результате татаро-монгольского завоевания или сохранивших независимость со времен феодальной раздробленности.

Возрождаясь в качестве крупнейшей европейской державы, Россия вновь стала «ведома и слышима» во всех концах Европы, куда и раньше проникали русские товары [6].

Рост экономики, расширение внутреннего рынка России в конце XV в. увеличивали спрос на импортные товары, что влекло русское купечество на мировые торговые пути. Однако добраться до них было нелегко. Центральная Россия, или, как принято ее называть в советской историографии, Северо-Восточная Русь, по темпам развития экономики, по-видимому, опережавшая другие земли, была отрезана от европейских торговых путей. На северо-западе к морскому пути, связывавшему страны Северной и Северо-Восточной Европы и находившемуся под контролем купечества Ганзейского союза, закрывали подступы Новгородская и Псковская феодальные республики, причем новгородское купечество последовательно защищало свои позиции в ливонской и ганзейской тор-

[2] *A. Wawrzyńczyk.* Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosią w XVI wieku. Warszawa, 1956, str. 26—28.

[3] Общий очерк итальянской торговли во второй половине XV в. см.: *W. Heyd.* Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, Bd. 2. Leipzig, 1893, S. 330—356.

[4] *M. Berza.* La colonia florentina di Constantinopoli nei secoli XV—XVI.— «Revue historique du sud-est européen», vol. XXI. Paris, 1944.

[5] На это обратил внимание Л. В. Черепнин (см. *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. ч. 2. М., 1951, стр. 212).

[6] Этот вопрос отчасти разработан М. П. Лесниковым (Нидерланды и Восточная Балтика в начале XV века. Из истории торговых сношений.— «Известия АН СССР», Серия истории и философии, 1951, № 5, стр. 451—459).

говле. На западе Тверское княжество и Литва отгораживали Центральную Россию от сухопутных дорог в Польшу, Венгрию, Германию. На запад был открыт путь лишь через Смоленское княжество, издавна поддерживавшее торговые отношения с отечественным купечеством. Переход Смоленска и Полоцка под власть Великого княжества Литовского осложнил торговлю русских и этим путем. На юго-запад к морскому пути по Черному, Эгейскому и Средиземному морям в Италию и Южную Францию можно было добраться либо «Диким полем», т. е. южными степями, безраздельно контролировавшимися Крымской ордой, либо через Великое княжество Литовское. Путь «Диким полем», вопреки мнению В. Е. Сыроечковского и М. Н. Тихомирова [7], в конце XV в. не имел почти никакого экономического значения. Дорога через русские земли по Днепру и его притокам, находившимся в пределах Великого княжества Литовского, была главной в торговле русских купцов на юге и юго-западе.

Следовательно, заинтересованность русского купечества в европейских торговых путях делала его сторонником объединительной политики московского правительства и воздействовала на нее. Л. В. Черепнин писал об экономических мотивах войн за возвращение русских земель, отторгнутых от Руси литовскими феодалами [8], а М. Н. Тихомиров обратил внимание на роль экономических связей в переходе к Русскому централизованному государству Северских земель [9].

Присоединением Новгородской (1478 г.) и Тверской (1485 г.) земель была отчасти решена задача выхода к северным и западным торговым путям. Купечество из Московской и Владимирской земель получило доступ к непосредственной торговле с немецкими и ливонскими купцами в результате массовых выводов из Новгорода торговых и житьих людей в 1488—1489 гг. Одновременно была проведена и ломка новгородского боярского землевладения, вследствие чего с исторической арены исчезли поставщики огромного количества пушнины, которые получали ее в виде ренты с крестьян Новгородской земли. Поэтому новгородская торговля в конце XV в. переживала состояние упадка. В противоположность ей стала быстро развиваться псковская торговля — и с ливонским, и ганзейским, и белорусским, и литовским купечеством [10].

Иван III, став верховным правителем Новгородской земли, ока-

[7] *В. Е. Сыроечковский.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века.— «Известия АН СССР», Отд. общ. наук. Л., 1932, № 3, стр. 197; *М. Н. Тихомиров.* Пути из России в Византию в XIV—XV вв.— Сб. «Византийские очерки». М., 1961, стр. 3—33.

[8] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 403.

[9] *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1962, стр. 408.

[10] *A. L. Choroschkiewitsch.* Die Polozker Urkunden aus dem ehemaligen Stadtarchiv als Quelle zur Geschichte der russisch-hansischen Beziehungen am Ende des 15. Jahrhunderts.— «Neue hansische Studien». Berlin. 1970, S. 29—59.

зался и наследником внешнеполитических проблем Новгородской феодальной республики. Одну из них — борьбу за равноправие в торговле с Ганзой — он решил в 1488—1493 гг., ликвидировав все ее привилегии [11]. Вероятно, и это несколько сократило новгородскую торговлю.

Другая внешнеполитическая задача, раньше стоявшая перед независимыми княжествами и республиками и близкая интересам всего русского купечества,— защита торговых путей на территории Ливонии и Великого княжества Литовского — также была унаследована великокняжеским правительством. Борьба великокняжеского правительства за обеспечение прав русского купечества в Ливонии хорошо исследована Н. А. Казаковой [12], поэтому ограничимся рассмотрением торговой политики по отношению к Великому княжеству Литовскому.

Еще в середине XV в. по Центральной Европе через земли Германии, Венгрии, Польши был проложен новый путь из Северной Италии на восток. Здесь вырастали новые центры итальянской сухопутной торговли — Львов и Краков. В последнем обосновались генуэзские купцы, имевшие свою колонию в Брюгге [13]. Краков стал крупным международным торговым центром, где жили венгерские купцы и предприниматели, специализировавшиеся на добыче и продаже меди (например, знаменитые Турзоны); сюда же приезжали немецкие купцы из Нюрнберга [14]. Краков был конечным пунктом, куда чешские и силезские купцы доставляли дешевые сукна из Силезии, пользовавшиеся большим спросом в странах Восточной Европы [15]. Одновременно происходил рост других центров европейской сухопутной торговли — Лейпцига и Познани [16], причем одним из важнейших товаров на знаменитых лейпцигских мессах и в Познани были русские, в особенности новгородские меха [17].

К сожалению, трудно сказать, когда в эти города проникли сами русские купцы. О торговле русских ни в Познани, ни в

[11] *Н. А. Казакова.* Из истории торговой политики Русского централизованного государства в XV в.— «Исторические записки», т. 47, стр. 280—282.

[12] Там же, стр. 259—290; *она же.* Русь и Ливония 60-х — начала 90-х годов XV в.— Сб. «Международные связи России до XVII века». М., 1961, стр. 306—338.

[13] *J. Ptaśnik.* Włoski Kraków za Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły.— «Rocznik krakowski», 1911, t. XIII, str. 57—58, 64, 82—85; *St. Kutrzeba, J. Ptaśnik.* Dzieje handlu i kupiectwa krakowskiego.— «Rocznik krakowski», 1911, t. XIV, str. 31, 99—100.

[14] *J. Dąbrowski.* Kraków a Węgry w wiekach średnich.— «Rocznik krakowski», t. XIII, str. 238—243; *St. Kutrzeba, J. Ptaśnik.* Op. cit., str. 94—95.

[15] *A. V. Florovsky.* Česko-ruské obchodni styky v minulosti (X.—XVIII. století). Praha, 1954, s. 98—100.

[16] *A. Kersten.* Kontakty gospodarcze Wielkiego Nowogroda z Litwą, Polską i miastami południowo-niemieckimi w XV w.— «Slavia orientalis», r. VII, N 1, 1958, str. 163—164.

[17] «Inwentarze mieszczańskie z lat 1528—1635 z ksiąg miejskich». Przyg. St. Nawrocki i J. Wisłocki. Poznań. 1961, str. 18, 32, 34.

Кракове в последних десятилетиях XV в. сведений нет. Однако, судя по высказыванию Юрия из Дрогобыча, покинувшего Краков в 1472 г., здесь относили Москву наряду с Вильно, Каффой и Константинополем к крупнейшим торговым центрам Восточной Европы [18]. Конечной же целью поездок русских купцов материалы дипломатической переписки с королем польским Казимиром IV называют Люблин — польский город на развилке дорог в Краков, Познань и Лейпциг [19]. Примечательно, что в 1488 г., через год после коренной перестройки Польшей системы обложения иностранных купцов [20], русские упрекали польскую сторону за введение новой таможенной пошлины: «Да в Лясех в Люблине емлют тридцатое, раньше того не бывало» [21]. Быстрота реакции русских купцов и дипломатов показывает, что поездки сюда были систематическими и представляли большой интерес для России. Этот краткий упрек свидетельствует, что купцы не ограничивались Люблином, ибо здесь с них взималась только проезжая пошлина — «тридцатое». Можно предположить, что они достигали и Кракова, хорошо известного по частым дипломатическим поездкам [22], и Лейпцига, и Познани.

Если окончательный вывод о поездках русских купцов в Краков, Познань и Лейпциг в конце XV в. еще нуждается в дополнительной проверке по иностранным источникам, то широкий размах их деятельности на территории Литвы и Польши не вызывает никаких сомнений [23]. Через Вязьму, Смоленск, Оршу, Минск тверские и московские купцы достигали польских земель. Другой путь вел через Витебск, Полоцк, Вильно, далее на запад [24]. Вся территория Великого княжества Литовского, в особенности восточная его часть, т. е. белорусские земли, были изрезаны густой сетью русских торговых дорог. Они шли в двух направлениях: с севера на юг и с запада на восток.

На севере их исходные пункты — Новгород и Тверь, роль которых в торговых связях с Литвой показана В. Е. Сыроечковским и Л. В. Черепниным [25], на востоке — Москва и прилегающий к

[18] См. его сочинение «Прогностическая оценка 1482 г.» (*Я. Д. Исаевич.* Юрии з Дрогобича.— «Український історичний журнал», Київ, 1960, № 4, стор. 85).

[19] В 1528—1531 гг. в таможенных книгах зафиксированы явки трех новгородских и двух смоленских купцов (*H. Samsonowicz.* Handel Lublina na przełomie XV i XVI w.— «Przegląd historyczny», t. LIX, z. 4, 1968, str. 618).

[20] *St. Kutrzeba.* Finanse Krakowa w XV—XVI w.— «Rocznik krakowski», 1900, t. III, str. 104.

[21] Сб. РИО, т. 35, стр. 10.

[22] Там же, стр. 13, 18—19, 39—41.

[23] Ср. *М. В. Довнар-Запольский.* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1924, стр. 511—531, 558—559. А. Вавжиньчик, новейшая исследовательница этого вопроса, писала даже, что в начале XVI в. русские товары составляли $^1/_3$—$^1/_2$ всего товарооборота Литвы и Польши (*A. Wawrzuńczyk.* Op. cit.).

[24] Сб. РИО, т. 35, стр. 10, 42, 44.

[25] *В. Е. Сыроечковский.* Гости-сурожане. М., 1935, стр. 42—43; *Л. В. Черепнин.* Образование..., стр. 402—408.

ней район. Пути с севера на юг и с запада на восток перекрещивались в Вязьме и Смоленске. Вязьма была первым городом на пути из Твери на юг. От нее начиналась знаменитая вяземская дорога, которая проходила сначала по притокам Угры, потом по самой Угре, затем некоторое время по суше и, наконец, по Десне и Сейму до Киева. По вяземской дороге и тверичи, и москвичи могли довольно легко добраться до Киева, а затем и до Крыма, Константинополя. Другой путь вел к Смоленску — по судоходной тогда р. Вязьме к Днепру. Из Смоленска открывалась дорога по Днепру — в турецкое заморье, по Двине и сушей — в Ливонию, Литву и Польшу.

Условия торговли русских в Литве были в это время, как пишет Л. В. Черепнин, «весьма тяжелыми» [26]. На пути в далекое заморье или в Польшу русского купца могли незаконно задержать и посадить в тюрьму, ограбить просто или под благовидным предлогом неуплаты им пошлины и объезда мыта, обложить новой пошлиной, задержать товары умершего в дороге складника и т. д. Интересно, как великокняжеская власть, верная своим традициям союза с горожанами и в особенности с купечеством [27], реагировала на подобные нарушения. За поддержку гостями великокняжеской политики правительство Ивана III щедро платило защитой их интересов на внешнеполитической арене. Дипломатическая борьба за возвращение русских земель среди других мотивов имела и чисто экономические требования внешней торговли.

Русские послы настойчиво и упорно отстаивали интересы русского купечества в Литве, добиваясь не только возмещения причиняемого ему ущерба, но и дальнейших гарантий беспрепятственного проезда, т. е. того, что в отношениях с ливонскими и ганзейскими купцами называлось «чистым путем» [28]. Посольские дела конца XV в. (они сохранились начиная с 1487 г.) поражают одной особенностью: литовская сторона, выдвигая по преимуществу требования о земле, охраняя земельную собственность литовских феодалов, занимает как бы оборонительную позицию. Русская же не ограничивается разбором земельных споров, а поднимает при каждом удобном случае, подобно тому как и в ее отношениях с Ливонией в конце XV — начале XVI в., вопрос об охране своих купцов.

Великокняжеская власть поддерживала купечество и военными средствами. В итоге войны 1490—1494 гг. в состав Русского государства вернулись Северские земли и Вязьма, первые ворота на дороге в центр Европы и на юг. Переход их изменил направление торговых путей: путь «Диким полем» был совершенно остав-

[26] *Л. В. Черепнин.* Образование..., стр. 407.
[27] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 21, стр. 411.
[28] *Н. А. Казакова.* Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в.— «Исторические записки», т. 28, стр. 111—131.

лен, купцы ездили теперь преимущественно через Северскую землю [29].

Через Вязьму и тесно связанный с ней Смоленск русское купечество получало дополнительный выход в тот район, где все еще были прочны позиции Ганзы, а русское купечество могло приобретать необходимые импортные товары. Так, смоленские купцы торговали на Руси солью [30]. В конце XV в. смоленско-ливонская торговля переживала новый расцвет. Смоленску удалось отстоять свои позиции в торговле с ганзейскими и ливонскими купцами, несмотря на конкуренцию Полоцка и его попытки монополизировать всю двинскую торговлю. Смольняне отправляли в Ригу воск, правда, по-прежнему часто пользуясь посредничеством полочан. Смольнянин Иван Куприянович в результате каких-то сделок остался должен — «виноват» немчину Радивону берковец воска. У этого смольнянина были сделки и с другим рижанином — Ганусом Герковичем [31]. Немчин Аврам Стевин оставался должником смольнянина Ивана Епани. В Смоленск поступало так много импортных сукон, что их покупали там даже полочане.

В конце XV в., по-видимому после почти векового перерыва, смольняне стали сами ездить в Ригу. На стругах из Риги смольнянин Тит вез различные товары, в том числе и новогонские сукна [32].

Сколь ни скудны эти сведения, они показывают, что смоленско-рижская торговля велась систематически, а Смоленск вновь стал крупным центром немецко-русской торговли, не уступающим по значению Полоцку и тем более Витебску.

Основой нового расцвета смоленской торговли были, по-видимому, его крепнущие связи с Россией; великокняжеское правительство, ясно сознававшее значение Смоленска как феодального центра большой земли, крупного торгового и стратегического пункта, исподволь подготавливалось к борьбе за него. Однако очередь Смоленска в конце XV в. еще не пришла.

После завершения русско-литовской войны 1490—1494 гг. внимание правительства Ивана III привлек вновь северо-западный район. В 1494 г., одновременно с договоренностью о заключении брака русской княжны Елены Ивановны и литовского великого князя Александра, Иван III решился на крайнюю меру в отношении ганзейского купечества, торговавшего в Новгороде. В 1494 г. по его распоряжению был закрыт немецкий двор в

[29] *В. Е. Сыроечковский.* Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI века, стр. 201—202.

[30] Смольнянин Максим в 1498 г. жаловался на вяземского наместника Ивана Шадра, который во исполнение великокняжеской заповеди везти на Русь соль отобрал у него 9 берковцев соли (Сб. РИО, т. 35, стр. 261).

[31] *А. Л. Хорошкевич.* Русские грамоты 60—70-х годов XV в. из бывшего Рижского городского архива.— «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 332, 333, 335.

[32] Там же, стр. 335.

Новгороде. Среди различных последствий этого акта Ивана III здесь нужно отметить одно — дальнейшее расширение торговли Пскова [33].

Несмотря на это, в конце XV в. встал вопрос о выходе России к морю и приобретении собственного портового города. Основание Ивангорода в устье р. Нарвы в 1492 г. должно было помочь выполнению этой задачи. Уже в начале XVI в. он стал крупным торговым центром [34]. Однако ивангородской торговле противостояла и препятствовала торговля ее ближайшего соседа г. Нарвы. Поэтому уже в ходе русско-ливонской войны 1501—1503 гг. выявился особый интерес русской стороны к приобретению Нарвы [35].

Таким образом, внешняя торговля конца XV в. задавала русской внешней политике программу, которая выполнялась в течение нескольких веков. Задача создания нормальных условий для всестороннего развития русской внешней торговли решалась и дипломатическими и военными средствами: присоединением независимых ранее земель — Тверского княжества, Новгородской и Псковской республик; уничтожением привилегий чужеземных купеческих организаций, в частности Ганзейского союза; дипломатической борьбой за обеспечение беспрепятственной торговли на территории соседних государств — Ливонии и Литвы; военной борьбой за возвращение русских земель, отошедших в состав Великого княжества Литовского. Таким образом, отрезанная в результате татаро-монгольского завоевания от европейских торговых дорог, возрожденная Россия в конце XV в. снова выходила на мировые торговые пути, на те самые, по которым уже давно перевозились русские товары.

Неверно утверждать, как это делает В. Кирхнер, что Россия не испытывала интереса к активной торговле. В конце XV в. особенно актуальным для России было развитие деятельной сухопутной торговли. В это же время впервые был поставлен и вопрос о развитии морской торговли.

В отношении к мировым торговым путям Россия ничем не отличалась от других складывающихся в это время национальных государств. Россия, подобно Англии, Швеции, Польше, вела борьбу за самостоятельность в области внешних экономических сношений. Как и другие государства, она была непримирима к прежним монополистам в области внешней торговли и покровительствовала собственному купечеству.

По дальности торговых поездок русские купцы, ездившие в Турцию и другие страны Передней Азии, Литву, Польшу, ничем

[33] См. подробнее: *А. Л. Хорошкевич.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в.— «Экономические связи Прибалтики с Россией». Рига, 1968, стр. 13—31.
[34] «Русские акты Ревельского городского архива».— РИБ, т. XV, стр. 17—22 и др.
[35] LUB, Abt. II, Bd. II. Riga — Moskau, 1905, N 161, 175 u. a.

не уступали своим европейским собратьям. Размах торговой деятельности русского купечества представляется особенно значительным, если учесть размеры территории Русского государства.

Однако в положении русского купечества было некоторое своеобразие. Европейские купцы в конце XV в. все чаще предпринимали поездки в далекие и неведомые страны, становясь монополистами в мировой торговле [36], а русские купцы ездили по густо населенным землям Ливонии, Литвы и Белоруссии и с трудом добивались равноправия в торговле с местными купцами. Часть тех земель, которые экономически «осваивали» русские, была населена этнически родственными белорусами. Развитие русской торговли в этих землях подготавливало их включение в состав Русского государства.

[36] *R. L. Reynolds.* Europe emerges. Madison, 1961, p. 414—418.

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ В ЕВРОПЕ И СОБОР 1503 Г. В РОССИИ

Ю. К. Бегунов

Секуляризация, т. е. передача земель из владения церкви в светское владение, была одним из наиболее характерных явлений периода образования крупных феодальных монархий в Европе. В период реформации полная секуляризация стала одним из наиболее сильных средств разрушения экономической и политической мощи феодальной церкви. Государи, принимавшие протестантизм, обычно сопровождали реформу культа экспроприацией земель церквей и монастырей. Так, во время Великой крестьянской войны в Германии гроссмейстер Тевтонского ордена Альбрехт Бранденбургский добровольно сложил с себя духовный сан и превратил свое владение в светское герцогство (1525 г.), а немецкие князья-лютеране провели частичную секуляризацию церковных земель (1526 г.). В 1523 г. начинается секуляризация монастырских имуществ в Швейцарии. В 1527 г. произошла полная секуляризация в Швеции (Густав Ваза), в 1536—1537 гг.— в Дании и Норвегии (Кристиан III), в 1536—1539 гг. — в Англии и Шотландии (только монастырских земель), в 1539—1550 гг.— в Исландии, а в конце XVI в.— в Северных Нидерландах. Секуляризация временно укрепляла власть центральных правительств, давая им материальные средства для привлечения на свою сторону дворянства.

В России в самом начале процесса образования централизованного государства (конец XV — начало XVI в.), т. е. примерно в то же время, что и в других странах Европы, потребность в секуляризации особенно ощущалась. Основные вопросы внутренней и внешней политики, стоявшие перед правительством Ивана III, уже к началу XVI в. были в основном решены, и оно могло поставить вопрос и о положении церкви в государстве, и о землях церкви.

В основе церковно-государственных отношений в Московской Руси того времени господствовали принципы «кафолического клерикализма» или «симфонии» (см., например, главу 42 Печатной Кормчей) и первенства церковного канона перед светским законом. Иван III первым из русских государей попытался

нарушить эти принципы и поднять руку на «священное» право церковной собственности. Непомерно разросшееся за счет «черных» крестьянских и вотчинных боярских земель, монастырское землевладение стало до известной степени тормозом нормального экономического развития страны. В этих условиях недовольство ростом богатства церкви захватило различные социальные круги русского общества. В создавшейся обстановке правительство Ивана III сумело учесть и использовать в своих интересах растущее недовольство широких кругов населения, протест которого нередко принимал форму религиозной ереси. При этом великокняжеская власть была не прочь использовать как отдельные стороны учения новгородско-московской ереси, отрицавшего церковную иерархию и монашество, так и отдельные стороны учения «нестяжателей» — внутрицерковного течения, полагавшего, что богатство клира и монастырей составляет главную причину моральной «порчи» и «нестроений» русской церкви [1].

Чтобы найти дополнительные средства для укрепления нарождающегося помещичьего сословия, правительство Ивана III понемногу проводило свои планы в жизнь, осуществив в 1476—1478, 1480, 1491—1492, 1499 гг. частичную секуляризацию земель новгородского и пермского архиепископов.

Апогей борьбы за секуляризацию —созыв специального собора летом 1503 г. До наших дней не сохранилось ни всех постановлений собора, ни подробного документального изложения его хода. Источники, на основе которых мы восстанавливаем ход событий, не всегда точны, иногда тенденциозны и противоречивы. Источники эти следующие: 1) два соборных определения, запрещающих взимать плату за поставление в священники и служить вдовым попам [2]; 2) краткие официальные летописные известия о соборе, обходящие полным молчанием вопрос о том, обсуждалось ли на нем право церкви на владение землей [3]; 3) «Соборный ответ» великому князю Ивану III в двух редакциях — пространной и краткой [4]; 4) «Прение Вассиана с Иосифом Волоцким», состав-

[1] О времени Ивана III см.: *В. Л. Снегирев.* Иван третий и его время. Образование русского централизованного государства. М., 1942; *К. В. Базилевич.* Образование русского национального государства. Иван III. М., 1944; *он же.* Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *G. Vernadsky.* Russia at the Dawn of the modern Age. New Haven — London, 1959; *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; *J. L. I. Fennel.* Ivan the Great of Moscow. Oxford, 1961.

[2] ААЭ, т. I, № 382, 383.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 49, 244; т. VIII, стр. 243; т. XII, стр. 257; т. XX, ч. 1, стр. 374; т. XXI, ч. 2, стр. 576—577; т. XXVIII, стр. 336—337; т. XXX, стр. 200.

[4] Изд. текста см.: *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. VI. СПб., 1817, стр. 223—224; *Н. В. Калачев.* О значении Кормчей книги в системе русского права. М., 1850, стр. 41—43; *А. С. Павлов.* Исторический очерк

ленное около 1515 г.[5]; 5) «Письмо о нелюбках» составленное в 30—40-е годы XVI в. со слов монахов-«иосифлян» Нила Полева и Дионисия Звенигородского[6]; 6) Житие Иосифа Волоцкого, составленное сподвижником Зиновия Отенского агиографом Львом-Аникитой Филологом между 1539 и 1566 гг.[7]; 7) Житие Серапиона Новгородского, составленное в середине XVI в. и лишь повторяющее известия Жития Иосифа о соборе 1503 г.[8]

Наиболее ранним и достоверным источником большинство исследователей признает «Соборный ответ» 1503 г., который дошел до нас без какого-либо вступительного рассказа о самом соборе[9]. «Письмо о нелюбках» считается источником малодостоверным, отражающим, по мнению А. А. Зимина, позицию «нестяжателей», а по мнению Г. Н. Моисеевой и Я. С. Лурье — позицию «иосифлян»[10].

В упомянутых выше источниках содержится немало разноречивых сведений о соборе 1503 г. Так, согласно «Письму о нелюбках», собор был созван по инициативе «нестяжателей», а согласно «Прению Вассиана» и Житиям Иосифа и Серапиона — по инициативе великого князя. Согласно «Письму о нелюбках», Житиям Иосифа и Серапиона, на соборных заседаниях обсуждался вопрос только о монастырских землях, согласно «Прению Вассиана» — о монастырских и церковных, а согласно «Соборному ответу» — о церковных, святительских и монастырских. Согласно «Прению Вассиана» и «Письму о нелюбках», споры о землях происходили во время собора о вдовых попах, а согласно Житиям Иосифа и Серапиона и «Соборному ответу» — собор о землях был созван специально. Неодинаково освещают источники и ход заседаний:

секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, стр. 41—48; «Послания Иосифа Волоцкого». М.— Л., 1959, стр. 322—329.

[5] Изд. текста см.: «Православный собеседник», ч. 3. Казань, 1863, стр. 205—206; *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 279.

[6] Изд. текста см.: «Прибавления к творениям святых отцов», ч. X. М., 1854. стр. 505—508; *А. С. Архангельский.* Образование и литература в Московском государстве конца XV—XVI вв., вып. II. Казань, 1901, стр. 163—166; «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 366—369

[7] Изд. текста см.: «Чтения Общества любителей древней письменности», 1865, кн. 2, стр. 115—117; «Чтения ОИДР», 1903, кн. 3, отд. II, стр. 1—47.

[8] Изд. текста см.: *Г. Н. Моисеева.* Житие архиепископа новгородского Серапиона.— ТОДРЛ, т. XXI. М.— Л., 1965, стр. 147—165.

[9] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.— Л., 1960, стр. 413.

[10] *А. А. Зимин.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого.— ТОДРЛ, т. IX, М.— Л., 1953, стр. 170; *Г. Н. Моисеева.* Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.— Л., 1958, стр. 22—23; *Я. С. Лурье.* Указ. соч., стр. 414; Н. А. Казакова, напротив, считает «Письмо о нелюбках» относительно достоверным источником (*Н. А. Казакова.* Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV — начале XVI в.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», т. II. М.— Л., 1958, стр. 166—168).

«Соборный ответ»	«Письмо о нелюбках»	Жития Иосифа и Серапиона
1. Митрополит Симон со всем собором посылает первый ответ великому князю с дьяком Левашем.	1. Нил Сорский выступает с предложением, чтобы сел у монастырей не было.	1. «Нестяжатели» просят великого князя, чтобы сел у монастырей не было
2. Митрополит Симон со всем собором приходят к великому князю и читают перед ним первый ответ.	2. Иосиф Волоцкий ему возражает.	2. Прения начинаются. без участия Иосифа Волоцкого, однако вскоре за ним посылают.
Митрополит Симон со всем собором посылает второй ответ великому князю с дьяком Левашем.		3. Иосиф Волоцкий выступает с проостранной речью и примиряет враждующие стороны. 4. После собора старцы расходятся, каждый ь свою епархию.

Итак, до сих пор нерешенным остается целый ряд важных вопросов: 1) По чьей инициативе был созван собор? 2) Происходил ли он одновременно с собором о вдовых попах в августе—сентябре 1503 г. или нет? 3) Что послужило поводом для созыва собора? 4) Кто был инициатором предложения о секуляризации на соборе? 5) Выступал ли на соборе Нил Сорский? 6) Выступал ли на соборе Иосиф Волоцкий? 7) Каким был ход соборных заседаний? 8) Каковы были итоги собора?

В Пермской Государственной публичной библиотеке им. А. М. Горького нам удалось обнаружить источник, который позволяет ответить на некоторые из поставленных вопросов. Это «Слово иное» — публицистический рассказ о событиях накануне созыва собора, о первых соборных заседаниях и о событиях, ускоривших завершение прений [11]. Рассказ был составлен, по-видимому, кем-то из сторонников землевладения церкви, возможно, монахом Троице-Сергиева монастыря, близким игумену, впоследствии архиепископу новгородскому Серапиону, между началом 1506 и началом 1509 г. [12] Хотя тенденции этого произведения ясны — утвердить неотъемлемость всего «вданного церкви», устрашить всех (будь это даже самодержец!), пытающихся поднять руку на «священную» собственность церкви, приукрасить роль Серапиона как энергичного защитника церкви, тем не менее перед нами любопытный исторический источник, донесший рассказ об острой борьбе духовенства с великокняжеской властью.

[11] *Ю. К. Бегунов.* «Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви.— ТОДРЛ, т. XX. М.— Л., 1964, стр. 351—364.

[12] Подробнее см. там же, стр. 362—363.

Поводом для созыва собора в июле 1503 г., незадолго до болезни Ивана III, начавшейся 28 июля [13], был конфликт между великим князем и Троице-Сергиевым монастырем из-за нарушения монастырским пахарем межи, отделявшей «черные» земли от монастырских в волости Илемна. «В та же времяна,— пишет автор „Слова иного“,— восхоте князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всех владык, и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити. Митрополита же и владык и всех монастырей из своея казны деньгами издоволити и хлебом изооборочити из своих житниц. Призывает убо митрополита и всех владык и архимандритов и игуменов и своея мысли совет им открывает» [14].

Итак, если верить «Слову иному», собор был созван по инициативе Ивана III и предложение о секуляризации исходило также от него, конфискации в пользу государства подлежали все земли церкви, в качестве компенсации-руги церкви выдавались деньги и хлеб. Согласно «Слову иному», предложение великого князя было настолько неожиданным, а страх у епископов за свои церковные должности настолько большим, что речь Ивана III была встречена всеобщим молчанием. Первым возражать великому князю стал игумен Серапион, да и то после того как великий князь, не удовольствовавшись наказанием монастырского пахаря и непомерным штрафом с монастыря, повелел представить ему документы на владение селами и приказал игумену Серапиону, «да той отдаст села Сергиева монастыря». В ответ на это Серапион произнес свои знаменитые слова: «Аз убо приидох к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь сел манастырю не вдах, един у себя имея посох и мантию» [15].

На соборе один за другим начинают выступать в поддержку великого князя Нил Сорский, Денис Каменский, тверской боярин Василий Борисов, сыновья Ивана III Василий и Дмитрий, а также представители московских приказов введенные или бо́льшие дьяки [16]. Третий сын великого князя Георгий занял уклончивую позицию. После короткого замешательства защитники церковного землевладения приходят в себя: митрополит Симон и архиепископ Геннадий начинают «глаголати противу великому князю о

[13] ПСРЛ, т. XII, стр. 257.

[14] *Ю. К. Бегунов.* Указ. соч., стр. 351.

[15] Там же. Предположение А. А. Зимина о том, что игумен Серапион занимал на соборе уклончивую позицию, не находит подтверждения в «Слове ином» (ср. *А. А. Зимин.* Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г.— «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 372).

[16] *Ю. К. Бегунов.* Указ. соч., стр. 351. Предположение Н. А. Казаковой об участии «нестяжателей» во главе с Нилом Сорским в поддержке секуляризационной программы Ивана III, вопреки мнению Г. Н. Моисеевой и Я. С. Лурье, находит подтверждение в нашем источнике (*Н. А. Казакова.* Борьба против монастырского землевладения на Руси в конце XV — начале XVI в., стр. 166—168).

церковных землях». Митрополит Симон, «совокупився архиепископы и епископи, и архимандриты, и игумены», посылает Ивану III послание с решительным протестом [17]. Затем все участники собора идут в великокняжеские палаты, где перед великим князем зачитывается текст первого «Соборного ответа» о неотъемлемости всего «вданного церкви» с подробным богословским обоснованием. Однако Ивана III это послание, видимо, не убедило. Споры на соборе вспыхнули с новой силой. Весьма вероятно, что в них принял участие Иосиф Волоцкий [18]. Дьяка Леваша вторично посылают в великокняжеские палаты с новым посланием от имени митрополита Симона и большинства участников собора. Но не это послание сыграло решающую роль в переубеждении самодержца. 28 июля 1503 г. 68-летнего великого князя разбил паралич: «отняло у него руку и ногу и глаз». Воинствующие церковники распустили слух о «божьем посещении» самодержца в наказание за его секуляризаторские поползновения и сумели повернуть дело в свою пользу. Собор на неделю прервал свои заседания, так и не вынеся никакого определения по поводу церковных земель [19]. 6 августа на нем разбирался уже другой вопрос (о невзимании платы за поставление в священники), и было вынесено специальное решение [20].

Очевидно, что решение собора, запрещающее взимание платы со священнослужителей за хиротонию, было уступкой соборного большинства «нестяжателям» и великому князю за отказ от секуляризации. После почти месячного перерыва заседания собора возобновились в начале сентября. 12 сентября, в полном соответствии с иосифлянской программой, собором было принято реше-

[17] Кроме митрополита Симона, архиепископа Геннадия, игумена Серапиона, этот протест, вероятно, поддержали также Нифонт, епископ суздальский и тарусский, Протасий, епископ рязанский и муромский, Вассиан, епископ тверской, Никон, епископ коломенский, Трифон, епископ сарский и подонский, Никон, епископ пермский и вологодский. Все они поставили свои подписи под соборными постановлениями от 6 августа и 12 сентября 1503 г. (ААЭ, т. I, № 382, 383; «Стоглав». М., 1890). Впрочем, А. А. Зимин полагает, что епископы Вассиан Тверской и Никон Коломенский поддерживали «нестяжателей», так как были постриженниками белозерских монастырей (*А. А. Зимин.* Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г., стр. 372—373).

[18] Большинство исследователей считают, что знаменитая «речь» Иосифа в защиту монастырского землевладения, о которой говорится в Житиях Иосифа и Серапиона, была сочинена в середине XVI в. (*А. А. Зимин.* Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г., стр. 373—374). Я. С. Лурье предполагает, что Иосиф принимал участие в составлении «Соборного ответа» (*Я. С. Лурье.* Указ. соч., стр. 416).

[19] Предположение А. А. Зимина о том, что вначале собор разбирал вопросы о невзимании платы за хиротонию и о вдовых попах и лишь в ноябре 1503 г., после закрытия официальных заседаний, приступил к спорам о церковных землях, не находит подтверждения (*А. А. Зимин.* Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г., стр. 372).

[20] ААЭ, т. I, № 382.

ние, запрещающее служить вдовым попам и проживать мужчинам и женщинам в одном монастыре [21].

Итак, события 1503 г. показали наличие известного равновесия сил между борющимися сторонами — государством и церковью, когда первое уже не желало мириться с непомерным ростом монастырского землевладения, но еще не могло сломить мощное сопротивление воинствующего духовенства. Политическая сила, на которую опиралось правительство Ивана III, была еще, очевидно, недостаточно велика. Широкие слои города и деревни не поддержали «снизу» попытку секуляризации «сверху». В таких условиях был неизбежен компромисс между «священством» и «царством» на взаимовыгодных условиях: кровь еретиков и новые земельные пожалования церкви в обмен на конкретную идеологическую поддержку — молитвы за царя и провозглашение русского государя единственным защитником православия [22]. Теократический характер московского государства при преемниках Ивана III — Василии III и особенно Иване IV — достигает своего высшего развития. «Провал секуляризационных планов в русском государстве,— пишет С. М. Каштанов,— и, в частности, провал плана, предложенного Иваном III, исторически закономерен. В русском государстве XVI в. еще не созрели экономические предпосылки для ликвидации феодальной собственности на землю монастырей и церквей» [23].

[21] Там же, № 383.

[22] Вскоре в пламени инквизиционных костров в декабре 1504 г. погибли московские еретики (*Ю. К. Бегунов.* Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси.— ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 214—224).

[23] *С. М. Каштанов.* Ограничение феодального иммунитета правительством русского централизованного государства в первой трети XVI в.— «Труды МГИАИ», т. XI. М., 1958, стр. 270—271.

ОТРАЖЕНИЕ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА В РУССКИХ АКТАХ XIV — XV ВВ.

А. Д. Горский

При освещении истории татаро-монгольского ига на Руси исследователи обычно используют (если говорить о русских источниках) главным образом известия нарративных памятников (в первую очередь летописей), а из документальных материалов — данные духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. В меньшей степени привлекались жалованные, правые и другие грамоты [1].

Конечно, сведения о татаро-монгольском иге могли попасть в эти акты лишь в редких случаях ввиду сугубо делового назначения этих документов, фиксирующих, так сказать, повседневные, прежде всего — поземельные, отношения в стране. И действительно, количество таких актов (в статье рассматриваются лишь акты Северо-Восточной Руси), в которых имеются какие-либо сведения о татаро-монгольском иге, сравнительно невелико (их насчитывается несколько десятков). Однако именно в силу самой «обыденности» этих грамот немногочисленные и лаконичные известия об иге, встречающиеся в них, приобретают особый смысл. Перед нами отражение «обычных» проявлений иноземного гнета, преломление отдельных событий и явлений, связанных с существованием ига, в сознании различных слоев населения тогдашней Руси.

В интересующей нас группе источников прежде всего получила отражение эксплуатация Ордой населения Руси. Так, в давно и хорошо известной науке жалованной грамоте московского великого князя Дмитрия Ивановича новоторжцу Микуле с детьми (1363—1389 гг.) в числе повинностей, от которых освобождается Микула, его дети и его крестьяне («сироты»), упомянуто «ординское серебро». Для обозначения платежей в Орду здесь употреб-

[1] Наиболее интенсивно данные о татаро-монгольском иге, имеющиеся в этих актах, использованы Л. В. Черепниным (*Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 140—141, 154, 158—159, 163, 165, 171, 233—235, 250, 252).

лен термин, не встречающийся в других источниках. Интересен в грамоте и факт освобождения великим князем от этих платежей светского феодала (у Микулы есть «его сироты» и «городищане его»). С точки зрения более общих проблем это свидетельство грамоты подтверждает право московского великого князя во второй половине XIV в. по своему усмотрению раскладывать ордынский «выход»[2]. Из грамоты также видно, что лицом, ответственным за сбор «ордынского серебра» с крестьян, был их феодальный господин (в данном случае Микула), передававший собранную им со своих крестьян дань «вверх» — удельному (или великому, в зависимости от того, чьим непосредственно вассалом был данный феодал) князю.

Эта ответственность вотчинников за сбор ордынской дани нашла отражение и в других актах. В жалованной грамоте (около 1450 г.) тверского великого князя Бориса Александровича Кашинскому Сретенскому женскому монастырю (т. е. уже не светскому, а духовному феодалу) на монастырских «сирот», проживающих на землях монастыря и в его слободе в г. Кашине, говорится: «А придет моя дань, великого князя, неминучая, и игуменья сберет сама дань с тых людей, да пришлет к моей казне»[3]. Аналогичное свидетельство имеется в меновной грамоте, датированной временем около 1440-х — 1470-х годов, князя Ф. Д. Пожарского на промен им деревни Ивановской М. И. Голибесовскому за его село Троицкое: «А пошлины ордынские и выход мне, князь Федору, снимати»[4]. Из этих слов с очевидностью следует, что князь Пожарский, как лицо ответственное за сбор платежей в Орду с деревни Ивановской, обязуется при обмене рассчитаться по ним. Термины, применяемые в меновной для обозначения этих платежей — «пошлины ордынские» и «выход», хорошо известны, например, по духовным и договорным грамотам великих и удельных князей XIV—XV вв.

О «дани» и «выходе» в пользу Орды говорится и в так называемой «уставной» грамоте Василия I и митрополита Киприана (1392 или 1404 гг.): «А коли дань дати в Татары, тогды и оброк дати церковным людем; а коли дань не дати в Татары, тогды и оброк не дати церковным людем»; «А имати мне, князю великому, дани с Луху (в другом случае «с Сенгу».— *А. Г.*) в выход по своей грамоте по оброчной; а лише того оброка не имати»[5]. Эта грамота и в целом по своему характеру, и по данному пункту близка к княжеским докончаниям[6].

[2] АСЭИ, т. III, стр. 193, № 178.
[3] Там же, стр. 155, № 118. Отметим единственный раз встречающийся в сохранившихся источниках эпитет «неминучая» в применении к дани.
[4] Там же, т. II, стр. 491, № 451.
[5] Там же, т. III, стр. 118—119, № 6.
[6] Ср. *С. Б. Веселовский.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. 1. М.— Л., 1947, стр. 335—336; *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 119—121.

Целый ряд актов содержит известия о транспортных повинностях русского населения в пользу татар. Наиболее раннее из этих известий содержится в жалованной тарханной и несудимой грамоте (около 1418—1419 гг.) нижегородского великого князя Александра Ивановича, данной Спасо-Евфимьеву монастырю на монастырь святого Василия близ Гороховца и «деревни Мачково, да Старково, Пурпна на Мещерске, Новоселка, Филиповское». В числе повинностей, от несения которых освобождается население этих владений, упоминается «татарский проезд» [7]. Такое же освобождение («не надобе... ни татарский проезд») содержится в жалованной грамоте тому же монастырю, выданной Василием I в 1425 г. на деревню «Филиповскую в Мещерске» [8]. Пункты об освобождении от «татарского проезда» ряда владений того же Спасо-Евфимьева монастыря имеются еще в жалованной грамоте князей В. Ю. и Ф. Ю. Шуйских на деревни «в Гороховце» Мачково, Пурхма, Старково, «а на Мещерске Бажаново, Новоселка, да Оносовское» (около 1445—1446 гг.) и в жалованной грамоте Василия II на уже упоминавшийся монастырь святого Василия и «деревни Мачково, Старково, Пурхма на Мещерке, Новоселка, Филиповское» (1451 г.) [9].

Все эти акты относятся к одному и тому же району (Гороховец, Мещера), даже большей частью к одним и тем же владениям одного и того же монастыря. Поэтому возможно, что «татарский проезд» — это местный термин для обозначения транспортных повинностей в пользу Орды.

В других районах Северо-Восточной Руси имелись другие обозначения для подобной повинности. Так, в жалованной грамоте (1463 г.) Ивана III на митрополичьи села в Переяславском уезде сказано: «ни коня моего не кормят, опричь татарского коня» [10]. Двумя жалованными грамотами Ивана III Троице-Сергиеву монастырю — на село Мясищевское с деревнями в Кистемском стану Переяславского уезда (выдана в 1462—1466 гг.) и на село Скнятиново в Кинельском стану того же уезда (1467 г.) — население перечисленных владений освобождается от различных повинностей, «опричь татарьского яму» [11]. Известна еще одна жалованная грамота (1462—1466 гг.) Ивана III монахам того же монастыря на «их села в Переяславском уезде в Кинеле и деревни», в конце которой есть оговорка: «а ям им не надобе, опроче яму татарьского» [12]. Такие же указания на татарский ям содержатся в нескольких других жалованных грамотах Ивана III, выданных им: Троице-Сергиеву монастырю — в 1462 г. на село

[7] АСЭИ, т. II, стр. 479, № 435.
[8] Там же, стр. 481, № 437.
[9] Там же, т. III, стр. 471, № 491; т. II, стр. 492, № 452.
[10] АФЗХ, ч. I, стр. 115, № 123.
[11] АСЭИ, т. I, стр. 231, № 322; стр. 252, № 346.
[12] *С. М. Каштанов.* Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 378, № 19.

Присецкое в Бежецком Верхе, в 1462—1466 гг. на двор во Владимире и три села с деревнями во Владимирском уезде, на варницы и двор у Соли Великой и деревню в Костромском уезде, на пустоши в том же уезде; Симонову монастырю — в 1462—1463 гг. на 3 села с деревнями во Владимирском уезде и 6 сел с деревнями в Бежецком Верхе. Аналогичный пункт о «татарском яме» есть в жалованной грамоте (1462—1466 гг.) угличского князя Андрея Васильевича Троице-Сергиеву монастырю на деревню Татариновскую в Угличском уезде [13].

Грамоты с пунктом о «татарском яме» относятся к самым разным уездам (Бежецкому, Владимирскому, Костромскому, Переяславскому и Угличскому), что говорит, очевидно, о значительном (может быть, повсеместном) распространении этой повинности. Это подтверждается также довольно частыми упоминаниями «яма» духовными и договорными грамотами великих и удельных князей, в контексте, указывающем, что речь идет именно о «татарском яме» [14]. О всеобщности этой повинности говорит и то, что ее должно было выполнять население и сел, и деревень, и городских дворов, а также люди, жившие на промыслах (в наших документах — на соляных промыслах, при варницах). Любопытно, что все эти десять грамот с пунктом о «татарском яме» были выданы Иваном III и Андреем Угличским в короткий промежуток времени — между 1462 и 1467 гг.

Материалы жалованных грамот позволяют конкретизировать, кого именно было обязано обслуживать русское население, отбывая повинности по «татарскому проезду» и «татарскому яму». В жалованной грамоте 1467—1474 гг. Троице-Сергиеву монастырю на село Скнятиново и сельцо Едигеевское в Переяславском уезде сказано: «и приставы мои и толмачи татар не ставят» [15] (в этих троицких владениях). Более пространно об этом же говорится в грамоте Ивана III на владения Троицкого Махрищского монастыря (около 1471 г.): «Также... хто поедет мои пьристав, или которои толмач с послы татарьскими, и те мои приставове и толмачи вь их в манастырьских селех и деревнях татар не ставят» [16]. Об освобождении села Митрополичья с деревней (Коломенский уезд), принадлежащих Чудову монастырю, от постоя татар служилого казанского царевича Муртозы говорится в жалованной грамоте Ивана III этому монастырю (1471 г.): «царевичевы Муртазины татарове не ставятся, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют» [17]. Запрет «ставиться» «толмачам» в трех селах и деревнях Симонова монастыря имеется в жалованной грамоте,

[13] АСЭИ, т. I, стр. 214, № 304; стр. 223, № 312; стр. 229, № 320; стр. 231, № 321; стр. 233, № 323; т. II, стр. 357, № 363; стр. 358, № 364.
[14] См., например: ДДГ, № 20—22, 24, 27, 30, 45, 56, 58.
[15] АСЭИ, т. I, стр. 261, № 356.
[16] Там же, стр. 295, № 403.
[17] Там же, т. III, стр. 63, № 42.

выданной ему Иваном III (1462—1463 гг., Владимирский уезд); запрет великокняжеским приставам и толмачам «наводить» и «ставить» «послов» в ряде митрополичьих сел в Юрьевском уезде содержится в жалованной грамоте 1448—1461 гг. Василия II [18]. Хотя в этих двух актах нет прямых указаний на то, что речь идет о проезжих татарах, однако весьма вероятно, что подразумеваются и они. В начале первой из этих грамот есть пункт о необходимости отбывания «татарского яма» (кстати, это, возможно, свидетельство того, что «татарский ям» и «ставление» толмачей не одно и то же). Вторая же грамота начинается с сообщения о причинах ее выдачи, в числе которых указано, что «те села церковные опустели от татар...».

Сведения актов позволяют судить о тяжести для населения перечисленных повинностей в пользу Орды. В этом плане можно рассматривать уже само стремление монастырей-вотчинников, в том числе крупнейших из них, освободиться от этих повинностей, отвлекающих рабочее население вотчин от производительного труда на феодала, поглощающих существенную часть материальных ресурсов вотчины и, конечно, крестьянских хозяйств. Некоторым вотчинникам удавалось, судя по имеющимся актам, добиться освобождения отдельных своих владений от этих повинностей. В этой связи представляет интерес известие указной грамоты, посланной в 1462—1466 гг. Иваном III в Переяславль. Из нее видно, что Троице-Сергиеву монастырю удалось переложить расходы по «татарским проездам» со своих сел в этом уезде на черные волости [19].

О том, что в ряде случаев для внесения платежей Орде приходилось мобилизовывать все ресурсы, свидетельствует известная жалованная грамота тверского великого князя Бориса Александровича и тверских удельных князей, выданная около 1435—1437 гг. Отрочу монастырю и приписным к нему монастырям. В ней сказано: «придет к нам коли из Орды посол силен, а немочно будет его опровадити, ино тогды архимандрит с тех сирот пособит в ту тяготу, с половника даст по десятку тверскими кунами» [20]. Одна правая грамота конца XV в. в числе причин того, почему не удалось заселить крестьянами земельный участок у дороги, указывает, что «послы татарские тою ж дорогою ходили» [21]. Напомним, что в княжеских доканчаниях пребывание татарского посла в чьем-либо владении рассматривалось наряду с «ратью» как «время замятное» [22].

Тяжесть татарского ига подтверждают и другие показания актов. На суде, состоявшемся около 1462—1469 гг., истец — звени-

[18] АСЭИ, т. II, стр. 357, № 363; АФЗХ, ч. I, стр. 130, № 145.
[19] *С. М. Каштанов*. Указ. соч., стр. 384, № 23.
[20] АСЭИ, т. III, стр. 154, № 117.
[21] Там же, т. II, стр. 434, № 411.
[22] См., например: ДДГ, № 19, 33.

городец Семен на вопрос судей, почему он не «искал» захваченной Савво-Сторожевским монастырем земли, ответил: «Потому есми... не искал... земли... не вереме нам было, господине,— татарове оу нас были, господине, да и ждали есмя, господине, вочича» [23]. В этих словах очень значительный смысл: когда в данной местности «татарове», тут даже не до борьбы за возврат захваченной феодалами земли. В 1441 г. Василий II выдал жалованную грамоту некоему Семену Писарю на село Приданое в Коломенском уезде, из которой видно, что «то село опустело от татар и от разбоя, люди ся... разошли по иным местом» [24]. В данном случае скорее всего речь идет о набеге на район Коломны Улу-Мухаммеда, который в 1439 г. после неудачной для него осады Москвы, «идучи назад, досталь Коломны пожег и людеи множество плени, а иных изсекл» [25].

Выше уже упоминалась жалованная грамота Василия II, выданная им в 1448—1461 гг. митрополиту Ионе на села в Юрьевском уезде, которые «опустели от татар да от потугов не по силе» и «люди... из них разошлись по иным местам, а живущих... людей осталося мало» [26]. И эта грамота тоже как на одну из причин запустения сел указывает на «татар». К сожалению, в акте нет данных для того, чтобы связать упоминание его о «татарах» с каким-либо конкретным событием из русско-татарских отношений [27].

Однако некоторые татарские нашествия нашли более непосредственное отражение в наших актах. В нескольких из них упоминается, например, «Едигеева рать», «Едигеевщина» — нашествие Едигея в 1408 г. Все эти упоминания — записи живой речи свидетелей на земельных тяжбах второй половины XV в. В правой грамоте (около 1463 г.) по тяжбе Симонова монастыря с двумя крестьянами о двух селищах в Московском уезде записано, что свидетель со стороны крестьян — «старой пятидесятник Лазарь» показал: «Яз, господине, помню до Едигеевы рати лет за пятнадцать, ино... то земли великого князя пустоши становые... И... после Едигеевы рати был яз пятидесятником... на тех землях». «Волостной человек» Ф. Локоть — свидетель противоположной стороны также «помнил» «до Едигеевы рати лет за дватцать» [28]. Во

[23] АСЭИ, т. III, стр. 88, № 56.
[24] Там же, стр. 105, № 70.
[25] ПСРЛ, т. XXV, стр. 260; т. XII, стр. 30. «Досталь» Коломны означает «остаток» Коломны, где еще в 1438 г. был большой пожар, уничтоживший почти весь город (ПСРЛ, т. XXV, стр. 260).
[26] АФЗХ, ч. I, стр. 129, 130, № 145.
[27] Известно, что Юрьев (и, разумеется, его «волость») разорялся татарами в 1238, 1281, 1293, 1382 и 1408 гг. (*А. М. Сахаров.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959, стр. 40). С. Б. Веселовский считает возможным связывать запустение юрьевских митрополичьих сел с набегом Махмутека (*С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 395), но доказательств этому не приводит.
[28] АСЭИ, т. II, стр. 372, № 375.

время суда, состоявшегося около 1464—1478 гг. по тяжбе между Троицким Махрищским монастырем и Д. Шаболдой о землях села Зеленцина в Переяславском уезде, свидетель Д. Шаболды — «Окиш пономарь» утверждал: «Яз, господине, Окиш, помню до Едигеевы рати за десять лет...». Монастырский свидетель Е. Васильев тоже помнил о принадлежности спорных земель «до Едигеевы рати лет за десят» [29]. «Яз, господине, помню от Едигеевы рати»,— говорил великокняжеский крестьянин М. Бараш во время земельной тяжбы в Переяславском уезде (1471—1485 гг.) [30]. «Помнил» «за двадцать лет до Еденьевщины» (в другом месте «до Едигеевщины») крестьянский «знахорь» И. Лукерьинский, выступавший на суде в 1475—1476 гг. о пожне в Дмитровском уезде [31].

Тяжелое время «Едигеевой рати», «Едигеевщины» глубоко запало в память населения, в первую очередь крестьян. Приведенные упоминания «Едигеевой рати» относятся к Московскому, Переяславскому и Дмитровскому уездам, которые в числе других были разорены Едигеем в 1408 г. Памятная для русского народа «Едигеева рать» стала своего рода опорным пунктом хронологического отсчета.

Вторым таким пунктом оказывается в актах «Белев», «Белевщина», т. е. захват в 1438 г. Белева Улу-Мухаммедом и поход против него русских князей. О «Белевщине» говорится в уже упоминавшемся судном списке около 1464—1478 гг. по тяжбе Троицкого Махрищского монастыря с Д. Шаболдой. Монастырский посельский Павел указывал на суде, что спорное село (в Переяславском уезде) монастырь получил по вкладу «за три годы до Белевщины» [32]. Мелкий феодал Е. Сьянов утверждал на суде в 1494—1499 гг. в Московском уезде: «Яз, господине, помню до Белева за три годы» [33]. О «Белеве» говорится в актах и иначе. В записи, датируемой временем около 1450-х — 1470-х годов, о землевладельце (в Московском уезде) Г. Колычеве сказано, что «он был на Белеве» [34]. А одна из жалованных грамот верейского и белозерского князя Михаила Андреевича Кирилло-Белозерскому монастырю прямо датирует себя следующим образом: «А дана грамота, коли билися Юрьевичи с татары на Белеве, ино после того на другую зиму» [35].

Как ни случайны дошедшие до нас известия, все-таки броса-

[29] АСЭИ, т. I, стр. 247, 248, № 340.
[30] АФЗХ, ч. I, стр. 116, № 125. В АФЗХ акт датирован 1462—1505 гг. Мы уточняем дату, исходя из упоминания в этом акте: а) боярина Федора Давыдовича (очевидно, Хромого), ставшего боярином в 1476 г.; б) титула Ивана III — без «всея Руси» (ср. АСЭИ, т. I, № 406, стр. 298— примечание к этому акту).
[31] АСЭИ, т. II, стр. 151, № 229.
[32] Там же, т. I, стр. 246, № 340.
[33] Там же, т. II, стр. 434, № 411.
[34] Там же, т. I, стр. 202, № 282.
[35] Там же, т. II, стр. 56, № 92 (1439/1440 гг.).

ется в глаза тот факт, что если о «Едигеевщине» большей частью помнят и упоминают ее крестьяне, то о «Белевщине» — событии, более отдаленном от центральных районов Северо-Восточной Руси, говорится в актах лишь «устами» феодалов и их слуг или в связи с участием феодалов в белевских событиях. Не потому ли, что «Едигеева рать» прямо ударила по крестьянам, а поход к «окраинному» по тем временам Белеву больше коснулся светских феодалов, которые должны были в нем участвовать?

Следующее событие такого же порядка отраженное в актах,— «Мамотяковщина» — «Мамутякова рать», или «Суздальский бой» — бой Василия II с казанским царевичем Махмутеком, сыном Улу-Мухаммеда, под Суздалем в 1445 г. «В Мамотяковщину, господине, монастырь згорел; ино, господине, тогда грамоты погорели», вспоминали старцы Спасо-Евфимьева монастыря Трифон и Ивоня Дурак на суде, происходившем около 1484—1490 гг. по тяжбе о селище Медведеве (в Суздальском уезде) [36]. «Знахорь» Симонова монастыря великокняжеский крестьянин Н. Климов на суде в 1485—1490 гг. показал: «Яз... помню до Момотяковщины за десять лет...» [37] (Московский уезд). Поминали о бое под Суздалем и позднее. В 1494—1499 гг. архимандрит того же Симонова монастыря Феогност во время земельной тяжбы говорил: «Были... у нас крепости и не на одну ту землю... да в Суздальщину на Москве в городе погорели» [38]. В 1497—1498 гг. выступавший на суде в качестве свидетеля со стороны крестьян «Якуш бортник» указал, что спорное селище в Юрьевском уезде начал «пахати Иван Шило от Суздальского бою, как я запомню...» [39]. Примерно тогда же, около 1497—1498 гг., состоялся суд между Спасо-Евфимьевым монастырем и князем Д. Д. Холмским о землях в Суздальском уезде. Монастырь выставил в качестве «знахорей»-свидетелей пятерых детей боярских, двух человек «из города», трех «крестьян городных», двух «спаских старцев», «дмитревского старца» и восемь «омутских крестьян» (из села Омутского Спасо-Евфимьева монастыря). По словам правой грамоты, все они (может быть, кроме «городных крестьян») утверждали, что «то село Омутское дала» в монастырь «княгиня Мария... за год до Мамутяковы рати» [40]. В судном списке (около 1500—1501 гг.), выданном Троице-Сергиеву монастырю на пожню у монастырского двора в Ростове, также есть ссылка на сражение под Суздалем 1445 г. Свидетели со стороны монастыря «поп Семен и поп Иван сказали, что помнят то до Суздалского бою за десять лет, что тот огород и та пожня троецкаго двора» [41].

[36] Там же, т. II, стр. 519, № 481.
[37] Там же, стр. 407, № 400.
[38] Там же, стр. 432, № 410.
[39] Там же, т. I, стр. 528—529, № 615.
[40] Там же, т. II, стр. 534, № 492.
[41] Там же, т. I, стр. 548, № 635.

Приведенные места из документов свидетельствуют о той долгой и недоброй памяти, которую оставила по себе «Мамотяковщина» [42]. О событиях 1445 г. помнили полвека спустя прежде всего в самом Суздальском уезде, а также в близлежащих Московском, Юрьевском и Ростовском уездах. Помнили и монахи, в особенности «старцы» сожженного в «Мамотяковщину» Спасо-Евфимьева монастыря, помнили и дети боярские, и великокняжеские крестьяне, и крестьяне Спасо-Евфимьева монастыря.

В актах имеются сведения и о каких-то неизвестных нам по летописям и другим источникам нападениях татарских войск на русские земли. Выше уже приводились некоторые свидетельства, с большим или меньшим основанием позволяющие предполагать такие набеги (например, на районы Звенигорода, Юрьева, Коломны). Есть и другие известия такого рода. Так, в жалованной грамоте от 19 мая 1481 г. Ивана III Троице-Сергиеву монастырю на земли и воды в Гороховце и Ярополче говорится: «и нонечя... татарове казанские те их земли воевали и выжгли и людей розвели» [43]. О каком именно набеге казанских татар идет здесь речь, определить трудно. Во всяком случае он имел место где-то около 1481 г. («нонечя»). Это вполне вероятно: время после смерти (в 1479 г.) хана Ибрахима, когда престол перешел к его сыну Али (Алегаму),— период обострения русско-казанских отношений [44].

В судном списке 1495—1499 гг. по тяжбе между Троице-Сергиевым монастырем и волостными крестьянами о земле Подкосово (Костромской уезд) есть известие о сожжении татарами (видимо, казанскими) «погоста» у Соли Галичской. Представитель монастыря, «заказчик» Афанасий заявил на суде, что грамоты «на те земли» (в том числе и на Подкосово) у монастыря «были... да погорели,— приходили, господине, татарове к Соли да сожгли погост, да и двор монастырской, да и церковь Афанасей Велики, а грамоты были в церкви в Офанасье Великом». Показания Афанасия подтвердили его свидетели — игумен Воскресенского Солигаличского монастыря Парфений и И. Говор, показавшие: «Приходил, господине, Александр, старец троецкой, х Кондаку к волостелю великого князя и являл, что татарове пожгли погост» [45]. «Старец Александр» отождествляется издателями этого акта с троицким старцем Александром Русаном — солеваром и заказчиком у Соли Галицкой [46]. Деятельность его, судя

[42] «Сражение под Суздалем 1445 г. ... было очень памятным событием и часто встречается в показаниях старожильцев»,— отмечал С. Б. Веселовский (АСЭИ, т. I, стр. 634).

[43] *С. М. Каштанов.* Указ. соч., стр. 398, № 32.

[44] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XIV—XV вв.» М., 1953, стр. 296.

[45] АСЭИ, т. I, стр. 480, № 590.

[46] Там же, стр. 654 (указатель личных имен).

по актам, протекала между 1432 и 1474 гг.[47] Следовательно, где-то в этот период и был набег татар. За это время татары дважды были около Галича — в 1446 и 1468 гг.[48], но в обоих случаях сведений о сколько-нибудь серьезном разорении ими этого района нет. Видимо, набег, упоминаемый в нашем акте, был не особенно значительным. Кстати, в противном случае волостель Кондак знал бы о нем и без «явки» старца Александра. Тем не менее в данной местности этот набег оставил по себе память.

Известие несколько иного характера о русско-татарских отношениях содержится в жалованной грамоте 1442 г. нижегородского великого князя Даниила Борисовича митрополичьему Нижегородскому Благовещенскому монастырю: «А дана сия грамота маиа в 8 того лета, коли князь великий Данило Борисович вышол на свою отчину от Махмета царя в другий ряд»[49]. Л. В. Черепнин отметил, что этот текст «раскрывает, по-видимому, неизвестный из других источников факт из истории Нижегородского княжества»[50]. И. А. Голубцов, уточнивший дату этой грамоты, высказал и более конкретные предположения о существе этого факта (о захвате Улу-Мухаммедом «старого» города в Нижнем-Новгороде и т. д.)[51].

Подводя итоги, можно повторить, что известия рассмотренных актов[52] представляют несомненный интерес для освещения татаро-монгольского ига на Руси в XIV—XV вв., дополняя наши представления о тяжелых временах «татарщины». В наибольшей степени эти документы, так сказать, «текущего делопроизводства»

[47] Там же, № 102—103, 116, 214, 361; т. II, № 344.
[48] ПСРЛ, т. XXV, стр. 279; «Устюжский летописный свод». М.— Л., 1950, стр. 80.
[49] АФЗХ, ч. I, стр. 205, № 233.
[50] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., ч. 2, стр. 110.
[51] АСЭИ, т. III, стр. 504, 505. Мы не рассматриваем в настоящей статье специально акты, связанные с деятельностью русской церкви в XIV—XV вв. Между тем и в этих актах имеется материал, подчас существенно дополняющий характеристику обстановки татаро-монгольского ига на Руси. Например, А. Н. Насонов на основании послания митрополита Феогноста на Черный Яр (новейшая публикация этой грамоты — в АСЭИ, т. III, стр. 341—342, № 312; с датой около 1343—1352 гг.) сделал важный вывод о существовании баскаков на окраинах Рязанского княжества еще во второй трети XIV в. (*А. Н. Насонов.* Монголы и Русь. М.— Л., 1940, стр. 78). «Баскаки» упомянуты и в грамоте на Черный же Яр митрополита Алексея (АСЭИ, т. III, стр. 343, № 313, 1356 г.). Содержит сведения о русско-татарских отношениях (о татарском засилии на Руси после поражения Василия II в бою под Суздалем в 1445 г., об обмене послами и т. д.) послание русского духовенства Дмитрию Шемяке 29 декабря 1447 г. (АИ, т. I, стр. 75—83, № 40). О «деловых» связях митрополита Ионы с казанскими татарами свидетельствуют его «посыльные грамоты» (около 1455—1456 гг.) казанскому хану Махмутеку и князю Шептяку (АСЭИ, т. III, стр. 26—27, № 10, 11).
[52] В т. III АСЭИ помещены еще две грамоты, в тексте которых имеются места, как будто также связанные с русско-татарскими отношениями (АСЭИ, т. III, стр. 190, № 175; стр. 199, № 186). Однако подлинность обеих этих грамот вызывает сильные сомнения (АСЭИ, т. III, стр. 191, 200, 496; см. также *Н. П. Лихачев.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 432—433, 438—440).

отразили главные проявления ига — экономическую эксплуатацию русского населения татаро-монгольскими феодалами и набеги на русские земли войск Золотой Орды и Казанского ханства.

Приведенный материал нельзя считать обильным. Это и не удивительно, если иметь в виду характер и назначение рассмотренных источников. Однако даже этот материал, причем взятый только из актов Северо-Восточной Руси [53], еще раз с очевидностью документально свидетельствует о тяжести иноземного ига, под которым Русь находилась более двухсот лет.

[53] Сведения о татаро-монгольском иге нашли отражение и в новгородских актах, правда, главным образом в договорных грамотах. В них отражен и факт обеспечения свободы передвижения новгородских «гостей» «по Суждальской земли» особой ханской («цесаревой») грамотой (ГВНП, стр. 13, № 3; стр. 16, № 6; стр. 20, № 9; стр. 22, № 10; стр. 28, № 14; стр. 30), и признание Новгородом великого князя лишь после утверждения его Ордой (там же, стр. 11, № 3; стр. 30, № 15), и приходы татарских послов (см., например, там же, стр. 11, № 3; стр. 26, № 13), и опасения «тяготы» со стороны «татарина» (там же, стр. 14, № 4), и зависимость новгородских князей от татарских ханов во внешних делах (там же, стр. 57, № 30).

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ В XVII В. В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Я. Е. Водарский

Сопоставление переписей дворов и населения в России и других странах Европы не только имеет познавательный интерес, но и важно в методологическом отношении для разработки способов определения численности населения в те времена, когда еще не проводилось общих переписей. Советский демограф Б. Ц. Урланис выяснил динамику численности населения, но недостаточно подробно осветил характер материалов переписей в России и других странах Европы и не сопоставил их между собой, так как это не входило в его задачу [1].

В XVII в. в России были проведены две подворные переписи (в 1646—1647 г. и 1678—1679 г.), в ходе которых было поименно переписано большинство мужского населения.

Перепись 1646—1647 г. зарегистрировала тяглые (податные) дворы посадских людей и бобылей, крестьян и бобылей, принадлежавших светским феодалам и духовенству, а также крестьян и бобылей дворцовых и черносошных [2]. Холопы (деловые и задворные люди) регистрировались только в том случае, если они занимали чей-нибудь тяглый двор. В каждом дворе поименно записывалось в книги мужское население. Многие писцы записывали дворы и население также нетяглых людей: холопов, церковнослужителей и других, но не включали их в общие итоги.

Зарегистрированные переписью тяглые дворы крестьян были обложены налогами. Это привело к тому, что феодалы стали давать земельные участки холопам, селить их в большом количестве в своих собственных усадьбах и писать в официальных документах крестьян холопами. Поэтому правительство, проводя новую подворную перепись (1678—1679 г.), предписало регистрировать не только тяглые дворы, но также дворы феодалов и их холопов. Как и в 1646—1647 г., при переписи 1678—1679 г. по-

[1] *Б. Ц. Урланис.* Рост населения в Европе (Опыт исчисления). М., 1941.

[2] Для упрощения в дальнейшем бобыли объединяются с основными группами населения (посадскими людьми и крестьянами).

именно записывалось мужское население, и многие писцы заносили в книги и нетяглое население. Регистрация холопов была первой особенностью переписи 1678—1679 г. Второй ее особенностью было то, что она не охватила дворцовых владений. Основная их масса подверглась переписям в течение 1673—1682 гг., что позволяет условно приравнивать переписи дворцовых владений по времени к переписи 1678—1679 г. и суммировать их итоги. Обе переписи охватили не всю территорию страны, а только Европейскую Россию (без Украины).

Организация переписей была одинаковой. В уезды рассылались писцы, которые должны были собирать у владельцев крепостных людей, администрации дворцовых вотчин и у представителей посадских общин и общин черносошных крестьян сведения о количестве дворов и именные списки их мужского населения с проверкой их на месте. Практически проверку писцы почти не осуществляли. Там же, где она проводилась (нам известно несколько таких случаев для 1647 и 1681 гг.), вскрывалось значительное число неучтенных дворов (от 14 до 24%). Владельцам крепостных и представителям посадских общин и общин черносошных крестьян важнее было уменьшить количество дворов, чем численность населения, потому что налогами облагались именно дворы. Что касается населения, то владельцы были заинтересованы в занесении крепостных в переписные книги, поскольку это служило юридическим оформлением крепостного состояния. Посадские же общины и общины черносошных крестьян были заинтересованы больше в регистрации мужчин в рабочем возрасте, что имело значение при раскладке податей внутри общин [3].

Общее число тяглых дворов по переписи 1646—1647 г.— 582 тыс. — известно только из одного источника [4]. Оно включает 448 тыс. дворов посадских людей, дворцовых, черносошных и частновладельческих крестьян, принадлежавших боярам, московскому дворянству, местной администрации и духовенству, затем 101 тыс. дворов крестьян, принадлежавших провинциальному дворянству и иноземцам, и 33 тыс. дворов ясашных людей.

По переписи 1678—1679 г. в источниках приводятся различные общие итоги дворов [5]. Изучая их, исследователи приходили к разным результатам.

Х. Вебер, саксонский посланник при Петре I, в своем сочинении о России, напечатанном в 1738 г., приводит ряд итогов пе-

[3] Поэтому возможно, что в переписных книгах посадов и уездов с черносошными крестьянами мужское население зарегистрировано неполно.

[4] *С. Б. Веселовский.* Сметы военных сил Московского государства 1661—1663 гг.— «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, стр. 4—5; см. также *Е. Д. Сташевский.* Смета военных сил Московского государства в 1663 г.— «Университетские известия», Киев, 1910, № 7 (в извлечении из источника пропущено упоминание о черносошных крестьянах). Здесь и далее итоги для удобства округлены.

[5] Сводку их см.: *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892, стр. 244—274.

переписи 1678—1679 г. При суммировании они дают итог 753 тыс. дворов, но он, как показал П. Н. Милюков, не полон [6]. Современник Х. Вебера, английский посол Ч. Витворт назвал в своем отчете итог в 884 тыс. дворов [7]. В. О. Ключевский считал по переписи 1678—1679 г. еще больше — 888 тыс. дворов, приводя даже их распределение по отдельным группам [8]. Из какого источника заимствован этот общий итог, он не указал. Близкий к нему итог имеется в одном источнике, датированном 1720 г.: «По переписным книгам 186-го году дворов: крестьянских и бобыльских 722 397; ясашных и татарских 47 554 [9]. Разночинцев по переписи 710-го году, на которых сбор каналной положен, 118 212. Итого дворов 888 163» [10]. Здесь итог 888 тыс. дворов представляет собою комбинацию итогов 1678—1679 и 1710 гг. Сам В. О. Ключевский не был убежден в правильности указанных им общего итога и распределения дворов и после появления исследования П. Н. Милюкова о государственном хозяйстве России и реформе Петра I отметил на своем экземпляре «Курса русской истории», что распределение дворов надо «перестроить по итогу 833 тысячи. Млк., 268» [11]. На стр. 268 работы П. Н. Милюкова говорится, что «дефицит 1710 г. был разложен... на 833 603 двора», и дана ссылка на архивный источник. Но В. О. Ключевский, видимо, не обратил внимания на то, что далее П. Н. Милюков поставил под сомнение и этот итог. Говоря (в прим. 5 на стр. 277) о том, что в 1713 г. предполагался набор рекрутов с 826 тыс. дворов, количество которых получилось у Сената путем объединения итогов переписей 1678 и 1710 гг., П. Н. Милюков отметил, что, «вероятно, так же фиктивна цифра 833 603 дв.». В. О. Ключевский не принял во внимание и то, что сам Милюков определил итог переписи 1678—1679 гг. в 791 тыс. дворов (стр. 268). Близкий итог получился и у М. В. Клочкова (789 тыс. дворов), хотя последний назвал «высшей известной цифрой» 812 тыс. дворов, т. е. один из итогов, отвергнутый П. Н. Милюковым [12].

Б. Ц. Урланис счел возможным принять итог переписи 1678—1679 г. равным около 800 тыс. дворов [13]. Итоги В. О. Ключевского— 888 тыс. дворов и исправленный 833 тыс. дворов — были повторены в «Очерках истории СССР». Н. М. Шепукова, приняв итог

[6] Итоги Х. Вебера приведены в указ. соч. П. Н. Милюкова.
[7] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 274.
[8] *В. О. Ключевский.* Сочинения, т. III. М., 1957, стр. 232.
[9] Итого 769 951 дворов. П. Н. Милюков встретил итог 769 505 дворов как дворовое число доль, введенных Петром I, но доказал его неполноту (*П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 268).
[10] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 659, л. 287.
[11] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. III. М.— Пг., 1925, стр. 470—471 (примечание А. А. Кизеветтера, готовившего это переиздание).
[12] *М. В. Клочков.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. I. СПб., 1911, стр. 78.
[13] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 181.

равным 833 тыс. дворов, попыталась на основании новых материалов уточнить распределение дворов крепостного населения между светскими феодалами и духовенством [14]. Однако привлеченные ею источники при проверке оказались неполными.

Таким образом, в литературе нет единства мнений по поводу общего итога переписи 1678—1679 г.

Автор настоящей статьи, предприняв специальное исследование этого вопроса, обратился к источникам, содержащим данные об отдельных группах населения [15]. Суммирование итогов численности населения отдельных групп податного населения дало общий итог по переписи 1678—1679 г., равный примерно 813 тыс. дворов [16].

Группа населения	Число дворов	
	в тыс.	%
Посадские люди	45	5
Черносошные крестьяне (без Сибири)	74	9
Дворцовые крестьяне	110	13
Крепостные крестьяне светских феодалов	436	55
Крепостные крестьяне духовенства	148	18
Итого	813	100

Это соотношение, конечно, неточно отражает состав населения в целом: здесь не учтены крестьяне Сибири, ясашные люди, светские феодалы, духовенство, армия и однодворцы, которые в XVII в. считались помещиками. По отношению ко всему населению удельный вес всех групп поэтому должен быть несколько понижен.

Рассмотрим теперь данные о численности населения. Начнем с конца XVII в.

Поскольку общего итога численности населения по переписи 1678—1679 гг. в источниках нет, исследователи были вынуждены прибегнуть к расчетам. Полученные ими результаты колеблются от 6,5 до 16 млн. человек. Так, А. П. Щапов считал, что к концу XVII в. население России составляло 10 млн. человек, П. Н. Милюков — 6,5 млн. П. П. Смирнов и Н. А. Рожков приняли итог Милюкова — В. И. Покровский и И. М. Кулишер повторили итог

[14] «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век». М., 1955, стр. 151 и 200; см. статью Н. М. Шепуковой («История СССР», 1960, № 3, стр. 145—147).

[15] *Я. Е. Водарский.* Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 г.». Кишинев, 1966, стр. 217—230; *он же.* Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в.— «Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966, стр. 271—297.

[16] Это число почти совпадает с одним из итогов, представлявших комбинацию итогов переписи 1678 и 1710 гг. и отвергнутых П. Н. Милюковым. Но сходство тут чисто внешнее, так как число 813 тыс. дворов получено иным путем.

12,6 млн., опубликованный М. Мэлхоллом, И. Х. Шницлер определил численность населения в 16 млн. человек, его привел Н. П. Огановский [17]. Б. Ц. Урланис, критически изучив расчеты указанных исследователей (кроме А. П. Щапова, о котором он не упомянул), высказал мнение, что «цифры числа дворов по переписям XVII в. ...нужно увеличить на 60%, чтобы приблизиться к действительности. Выше мы исчислили население по переписи 1678 г. в 7,2 млн. человек; делая указанную поправку, мы получаем 11,5 млн. человек» [18]. Коэффициент, равный 60%, Б. Ц. Урланис определил, исходя из того, что первая ревизия обнаружила недоучет населения примерно в 57% (данные расчета взяты им у П. Н. Милюкова). Но по данным В. М. Кабузана, специально изучившего организацию ревизского учета и его точность, недоучет составил примерно 25% [19]. В десятилетие, предшествовавшее подушной переписи населения и первой ревизии, налоги значительно увеличились. Перепись 1678—1679 г. проводилась в более спокойной обстановке, и вряд ли число уклонившихся от нее превысило 25%. Подробные расчеты приводят к выводу, что численность населения России в последней четверти XVII в. составляла около 9 млн. человек и что материалы подворных переписей, особенно переписи 1678—1679 г., являются при критическом использовании надежным и чрезвычайно ценным источником [20].

Численность населения России в середине XVII в. определяли И. Х. Шницлер и П. П. Смирнов. Исчисление И. Х. Шницлера (13 млн. человек) явно завышено, данные, на основе которого оно произведено, не указаны [21]. Итог П. П. Смирнова получен путем следующего расчета. К числу дворов по переписи 1646—1647 г. (582 тыс. дворов) он добавил подсчитанные им по разным источникам количество дворов служилых людей (63 тыс.), черносошных крестьян (48 тыс.), жителей Москвы (8 тыс. дворов по писцовым книгам 1620-х годов) и ямщиков (2 тыс. дворов),

[17] *А. П. Щапов.* Сочинения, т. 2. СПб., 1906, стр. 233; *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 274; *П. П. Смирнов.* Движение населения в Московском государстве.— «Русская история в очерках и статьях», т. II. Б. м. и г., стр. 68; *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 5. М.— Пг., 1922, стр. 3. Итоги В. И. Покровского, И. М. Кулишера, Н. П. Огановского, М. Мэлхолла и И. Х. Шницлера привожу из указ. соч. Б. Ц. Урланиса (стр. 191—193). Интересно, что у Мэлхолла имеется два итога: на 1680 г. — 12,6 млн. человек и на 1689 г.— 15 млн. человек (*M. Mulholl.* The Dictionary of Statistics. London. 1909, p. 441, 447).

[18] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 193—194.

[19] *В. М. Кабузан.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1963, стр. 124.

[20] *Я. Е. Водарский.* Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в., стр. 227; *он же.* О достоверности поуездных итогов переписи сельского населения 1678 г. в сводных источниках начала XVIII в.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 99—106; *он же.* К вопросу о достоверности итогов переписных книг XVII в.— «История СССР», 1969, № 2, стр. 133—143.

[21] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 192—193.

получив всего 703 тыс. дворов. Взяв среднюю населенность одного двора в 6,98 человек обоего пола (установленную П. Н. Милюковым по данным переписи 1710 г.), П. П. Смирнов вывел итог 4,9 млн. человек [22]. Однако численность населения, основанная на таком расчете, во-первых, несопоставима с итогом переписи 1678—1679 гг., так как включает и неподатное население, во-вторых, не охватывает холопов, в-третьих, дважды включает число черносошных крестьян и, в-четвертых, не учитывает уклонившихся от переписи. Таким образом, расчет П. П. Смирнова нуждается в поправках. Примем число дворов по переписи 1646—1647 гг. равным 590 тыс. (с населением Москвы), процент уклонившихся — одинаковым с процентом по переписи 1678—1679 гг., среднюю населенность дворов — такой же и долю холопов в общем количестве помещичьих и вотчинных крестьян — ту же, т. е. около 10%. Расчет даст нам итог в 6 млн. человек (округленно). Следовательно, с учетом неподатного населения общая численность составит 6—7 млн. человек.

Этот итог поддается косвенной проверке. Б. Ц. Урланис, учитывая демографические факторы, определил прирост населения за вторую половину XVII в. в 1,7 млн. человек. По его мнению, он был бы выше, если бы не эпидемия чумы в 1664 г., не длительная война с Польшей и не восстание под предводительством Степана Разина [23].

Думается, однако, что влияние указанных событий не следует переоценивать. Сообщения современников о смертности в средние века от чумы сам Б. Ц. Урланис справедливо считает сильно преувеличенными под впечатлением смертности в городах. Война с Польшей не сопровождалась еще рекрутскими наборами и, как и восстание С. Т. Разина, не затронула густонаселенных районов. Поэтому прирост, определенный Б. Ц. Урланисом, можно считать минимальным и, скорее всего, заниженным. Увеличив же его, мы получаем итог, очень близкий к исчисленному нами итогу переписи 1678—1679 гг.

Обратимся теперь к другим странам Европы.

В Англии от конца XVII в. сохранились данные налогового учета. Наиболее полные, за 1689 г., были обработаны в 1696 г. Г. Кингом, по профессии землемером и картографом [24]. Учет осуществляло специальное учреждение («Hearth office»), но значение объектов учета, очевидно, ясное Кингу и его современникам, оказалось неясным позднейшим исследователям [25]. Дело в том, что Кинг называл их «домами», но среднюю населенность исчислял по количеству браков, рождений и похорон, получая таким об-

[22] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., стр. 68.
[23] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 188, 346—347.
[24] *D. V. Glass.* Two Papers on Gregory King.— «Population in History». London, 1969, p. 159—220; см. также *G. Chalmers.* An Estimate of the Comparative Strength of Great Britain.... London, 1794, p. 52—56.
[25] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 147.

разом не среднюю населенность «домов», а среднюю численность семей. Поэтому, видимо, прав один из исследователей, указывая, что лучше считать эти объекты «семьями, ведущими самостоятельное хозяйство» («households») [26]. Интересно отметить, что и значение русского термина «двор» в XVII в. как податной единицы тоже еще не может считаться вполне выясненным.

Во Франции первые относительно достоверные данные о количестве населения относятся тоже к концу XVII в. В 1697 г. Людовик XIV приказал собрать сведения о состоянии страны. В провинции был разослан вопросник (le questionnaire), предлагавший интендантам сообщить о количестве городов, деревень, выселков и приходов и о численности населения. При этом они должны были полученные данные сверить с прежними списками и выяснить разницу, а в случае уменьшения населения объяснить причину. Ответы поступили в 1698—1700 гг. В 1704 г. их обработал Вобан, попытавшийся определить численность населения Франции. Его расчет был проверен в XIX в., при этом из 33 ответов интендантов не был найден один. Только 23 интенданта сообщили численность населения своих провинций, при этом лишь один из них (из Лангедока) прислал результат переписи населения, остальные же подсчитывали число жителей по налоговым спискам или в зависимости от числа «очагов» («les feux») или определяли его приблизительно («d'apres une simple évaluation»). Некоторые из них не учитывали население городов, другие не включали в итог слуг. Восемь интендантов сообщили лишь количество дворов, причем одни из них подсчитывали все дворы, а другие только дворы, обложенные налогом. В одном ответе никаких данных о населении не содержалось [27].

В Испании первая перепись состоялась в 1594 г. и охватила 40 из 47 провинций. Семь провинций подвергались переписи в последующие годы. Это была перепись, насчитавшая 1,6 млн. «очагов» [28]. В XVII в. переписей не было.

Для скандинавских стран сохранились данные церковного и налогового учета. Известно также, что в Швеции была перепись

[26] *E. C. K. Gonner.* The Population of England in the Eighteenth Century.— «Journal of the Royal Statistical Society of London», vol. LXXVI. London, 1913, p. 261. Чалмерс отмечал, что и раньше, и в конце XVIII в. семья являлась синонимом «household», т. е. «семейного хозяйства». Термин «hearth» означает «очаг», т. е. ближе к понятию «семья», чем «дом».

[27] *E. Levasseur.* La population française, t. 1. Paris, 1889, p. 201—203; см. также *P. Goubert.* Recent Theories and Research in French Population Between 1500 and 1700.— «Population in History», p. 458—459 и др.

[28] *F. Hendricks.* A Review of the Statistics of Spain Town to the Years 1857 and 1858, Chiefly Founded of the Spanish Census Returns of Those Years.— «Journal of the Royal Statistical Society of London», vol. XXIII. London, 1860, p. 152. Объект переписи назван в работе «household». Ю. Белох называет его «Feuerstelle» (*J. Beloch.* Die Bevölkerung Europas zu der Renaissance.— «Zeitschrift für Socialwissenschaft». Berlin, 1900, J. III, S. 770), Б. Ц. Урланис — семейством (*Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 166).

семейств в 1571 г.[29] В 1589 г. состоялась перепись «очагов» в Финляндии[30].

В итальянских государствах переписи были разновременные и учитывали разные объекты (переписи населения, церковный и налоговый учет). В Неаполе (1595 г.) и Сардинии (1626 г.) были зарегистрированы «очаги»[31].

В германских государствах велся главным образом учет боеспособных мужчин и церковный учет[32].

Таким образом, в других странах Европы в XVII в., как и в России, основным объектом переписей были податные единицы — «хозяйства», «очаги» и т. п.

В заключение рассмотрим вопрос о показателях средней населенности дворов, при помощи которой исследователи исчисляют население. Для России конца XVII в. в историографии средним был принят показатель в 6,98 человека обоего пола на двор — количество, определенное П. Н. Милюковым по данным переписи 1710 г. Некоторое завышение этого числа вследствие стремления населения укрупнить дворы, облагавшиеся налогом (это стремление отмечалось уже при проведении переписи 1646—1647 г.), компенсировалось убылью населения в результате рекрутских наборов и десятилетней войны. Материалы переписи 1678—1679 г. позволяют уточнить это число. Количество людей мужского пола, указанное в переписных книгах 1678—1679 г. в поместьях и вотчинах светских феодалов и духовенства, дает разную среднюю населенность дворов для различных районов страны — от 3,3 до 5 человек мужского пола[33]. Но 5 человек получилось лишь для 4% дворов в южных вотчинах духовенства, во всех других районах в этих вотчинах средняя населенность равна 3,5 человека. Во владениях светских феодалов средняя населенность колебалась между 3,5 человека на севере и 4,2 человека на юге, в 35% дворов средняя населенность составляла 3,8 человека, еще в 8% дворов — 4 человека и еще в 8% — 4,2 человека. Таким образом, в 51% дворов средняя населенность составляла 3,8 человека мужского пола на двор и больше. Поэтому, видимо, средней населенностью следует считать 7,6 человека обоего пола на двор, а поскольку крепостное население составляло свыше 90% всего населения, это число может быть принято для всего количества дворов[34].

[29] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 174. Ю. Белох называет объекты переписи «Haushaltungen», что означает «домашние хозяйства» (*J. Beloch.* Op. cit., S. 776).

[30] *J. Beloch.* Op. cit.; *G. Utterström.* Two Essays on Population in Eighteenth Century Scandinavia.— «Population in History», p. 534—535.

[31] *J. Beloch.* Op. cit., S. 768—769.

[32] *Б. Ц. Урланис.* Указ. соч., стр. 127—128; *J. Beloch.* Op. cit., S. 771.

[33] *Я. Е. Водарский.* Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в., стр. 223.

[34] Б. Ц. Урланис, основываясь на данных переписи 1710 г. и считая число женщин равным числу мужчин, получил среднюю населенность дворов в 7,56 человека.

В других странах Европы для исчисления населения в XVII в. определялась средняя численность «семьи» и «очага». В Англии Кинг определял ее в пределах от 4 до 5,5 человека обоего пола, в зависимости от районов. Во Франции Вобан считал ее равной 4—4,5 человека. Для Испании Хендрикс принимал ее за 5 человек, Белох — за 4,5 человека. Для Италии, Швеции и Финляндии Белох же определял ее равной приблизительно 5 человекам [35].

Возможно, что в России средняя населенность дворов в действительности была меньше, чем 7,6 человека, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Приведенные данные показывают большое сходство между переписями в XVII в. в России и других странах Европы. И здесь и там объектом служили большей частью не люди, а податные единицы, на основании которых исчислялось население. В некоторых странах было переписано население главным образом податное (регистрировалось оно и в России, хотя в XVII в. подушный налог еще не был введен). Сведения о населении и здесь и там собирались в течение какого-то, иногда продолжительного, времени.

Для подворных переписей характерна неполнота учета населения. В России перепись 1678—1679 г. (по аналогии с данными первой ревизии XVIII в.) учла не более 75% податного населения. В Англии три проверки полноты налогового учета в XVIII в. показали, что из общего количества проверенных домов было учтено соответственно 73,6 и 60% домов (в среднем 67,5%),— разница по сравнению с Россией небольшая. Во Франции количество обложенных налогом дворов было также меньше общего их числа (разницу исследователи не указывают).

Рассматривая данные о населении Англии, собранные Г. Кингом, один из французских исследователей отметил, что, как и во Франции, там было «сеньериальное общество», в котором господствовали знатные семьи, владевшие землей [36]. Такой же вывод относительно России позволяют сделать и материалы переписи 1678—1679 г., содержащие детальные сведения о размещении феодальных владений и крепостных крестьян.

Американский демограф А. Ашер, характеризуя подобные, в основном западноевропейские, переписи, отмечал, что использование данных о семьях, о боеспособных мужчинах, об объектах налогового обложения в качестве исходного материала для исчисления населения неизбежно приводит к ошибкам, одной из причин которых является большая смертность населения в средние века в

[35] Кинг, как отметил Чалмерс, считал в «доме» в среднем 4,5 человека, а в «семье» — 4 человека. Но современники Кинга указывали на возможную заниженность его данных. В среднем в Западной Европе в семье можно считать от 4 до 7 человек.

[36] *M. R. Reinhard.* Histoire de la population mondiale de 1700 à 1948. Paris, 1949, p. 105.

молодом возрасте. Однако ошибки, как он считает, колеблются в пределах 10%. Подсчет по семьям более неточен, но и он дает ошибку лишь около 10%. Труднее всего определить численность населения, не охваченного переписью. По мнению Ашера, оно обычно составляет 20% [37]. Как мы видели, первая ревизия обнаружила недоучет в 25%. Естественно, что в России с ее огромной и во многих районах труднодоступной территорией уклониться от переписи было легче, чем в других странах Европы.

Таким образом, учет населения в России и других странах Европы в XVII в. находился примерно на одном и том же уровне. В связи с этим наблюдения зарубежных демографов могут быть использованы при обработке материалов русских переписей XVII в. и наоборот.

[37] *A. P. Usher.* The History of Population and Settlement in Eurasia.— «Geographical Review», published by «The American Geographical Society of New York», January, 1930, p. 114.

РУССКИЙ ГОРОД XVIII В. И ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО СТРОЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Ю. Р. Клокман

Дореволюционная историография дала в целом необъективную картину состояния русского города XVIII в. В работах А. Корсака, И. И. Дитятина, А. А. Кизеветтера и других буржуазных историков преобладают нигилистические взгляды по этому вопросу, говорится об отсутствии в России того времени внутренних условий для развития городов, об их общем оскудении и захирении [1]. Высказывания подобного рода довел до логического конца П. Н. Милюков. Он априорно заявил о полной противоположности исторического развития городов России и Западной Европы. В отличие от европейских городов русский город, утверждает П. Н. Милюков, «не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны» [2]. Города создавались правительством искусственно, считает он, у них не было базы для хозяйственного роста, и потому они оказались нежизненными. Отсюда, по его мнению, и вся бесперспективность городских реформ в России того времени [3].

Взгляды русской дореволюционной историографии на города России XVIII в. заимствованы многими современными зарубежными буржуазными историками. Они повторяют их мысли о полной беспочвенности городских реформ XVIII в. и об отсутствии в России в то время реальных условий для роста городов [4].

[1] *А. Корсак.* О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России. М., 1861; *И. И. Дитятин.* Устройство и управление городов России, т. I. Города России в XVIII столетии. СПб., 1875; *А. А. Кизеветтер.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; *он же.* Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909; *он же.* Русский город XVIII ст.— «Исторические очерки». М., 1912, и др.

[2] *П. Н. Милюков.* Очерки по истории русской культуры, ч. 1, изд. 6. СПб., 1909, стр. 241.

[3] Там же, стр. 242—243.

[4] *V. Gitermann.* Geschichte Russlands, Bd. 1—3. Zürich — Hamburg, 1944—1949; *B. Gille.* Histoire économique et sociale de la Russie du Moyen âge au vingtième siècle. Paris, 1949; *V. L. Tapie.* L'Europe Centrale et Orientale de 1689 à 1796,

Советские историки подвергают подобные взгляды обоснованной критике. Применительно к городам России позднего феодализма критику буржуазных высказываний можно найти в работах П. Г. Рындзюнского, Ф. Я. Полянского и других авторов [5]. Данному же вопросу посвящена, в частности, и моя статья «Русский город XVIII в. в современной зарубежной буржуазной историографии» [6].

Настоящая статья имеет целью показать сходство основных закономерностей развития городов России и Западной Европы XVIII в. При этом преимущественное внимание уделяется именно русскому городу, развитие которого рассматривается в сравнении с эволюцией городского строя западноевропейских стран.

Буржуазным историкам свойственно неправильное понимание городского строя Западной Европы как некоего классического примера, которому обязательно должны следовать все другие страны, в том числе Россия. Если же такого подражания нет, то, считают они, нет и самого городского развития.

Но в изучении такой сложной проблемы, как история городов, недопустим шаблонный подход. Получить правильное представление о городах России и Западной Европы XVIII в. можно лишь в том случае, если учитывать как общие закономерности, так и своеобразные особенности их исторического развития того времени.

Да и сам западноевропейский город XVIII в. не представлял собой единого целого. Наоборот, в каждой стране Западной Европы он имел свои особенности. Например, города Франции находились в ином состоянии, чем германские города, городской строй Англии сохранял много внутреннего разнообразия в сравнении с итальянскими городами и т. д. Иначе и не могло быть, поскольку процесс социально-экономического развития в Европе происходил неравномерно. Хозяйственный уровень отдельных европейских стран XVIII в. был весьма различным. Наиболее передовыми странами являлись Голландия и Англия, где значительно раньше других (в XVI—XVII вв.) был ликвидирован феодальный строй и утвердился капитализм. Франция оставалась феодальной почти на протяжении всего XVIII в. Экономика Франции носила еще преимущественно аграрный характер, хотя уже была широко распространена и капиталистическая мануфактура. Швеция, несмотря на развитие некоторых отраслей промышленности (метал-

vol. I—III. Paris, 1952—1953; *V. Bill.* The Forgotten Class. The Russian Bourgeosie from the Earliest Beginnings to 1900. New York, 1959; *G. D. Klarkson.* A History of Russia from the Ninth Century. New York, 1961, и др.

[5] *П. Г. Рындзюнский.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 10—11; *Ф. Я. Полянский.* Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М., 1960, стр. 6—7, 10—11.

[6] «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». Сб. статей. Под ред. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина, М. М. Штранге. М., 1962, стр. 324—351.

лургической, текстильной, судостроительной), оставалась по преимуществу аграрной страной [7].

Иное положение наблюдалось в Германии. Крепостничество там не только сохранилось, но еще более усилилось в XVIII в. При этом германские земли, расположенные к востоку от Эльбы, являлись «главным районом распространения позднего немецкого крепостничества, наиболее ярко характеризующего господство феодальной реакции» [8]. Промышленность развивалась медленными темпами. Правда, в прирейнской Германии, в Бранденбурге, Саксонии, Баварии отмечается рост мануфактур, но в большинстве районов Германии до конца XVIII в. в промышленности господствует цеховое ремесло. Страна оставалась политически раздробленной на отдельные независимые княжества, экономические связи между которыми еще в первой половине XVIII в. были слабыми [9]. Австрия, значительно расширившая свои владения за счет захвата чешских, словацких, украинских, польских, румынских и других земель, являлась экономически отсталым государством даже по сравнению с некоторыми германскими княжествами [10].

Поэтому неправильно противопоставлять Россию XVIII в. всей Западной Европе, как это делают современные зарубежные буржуазные историки.

Россия в то время оставалась еще феодальной страной. Как таковая она, несомненно, уступала капиталистическим государствам Европы, достигшим большого прогресса во всех областях экономики и культуры. Но в условиях XVIII в. это отставание являлось не абсолютным, а только относительным. Кроме того, оно вовсе не было одинаково неизменным на протяжении всего XVIII в. Например, в результате реформ первой четверти XVIII в. Россия достигла определенных результатов в ликвидации экономической, военной и культурной отсталости по сравнению с предшествующим периодом. А во второй половине XVIII в. Россия продвинулась еще дальше вперед в развитии экономики, в частности в металлургии. Страна заняла ведущее место в Европе по выплавке черного металла, обогнав Англию, а затем и Швецию. Основным центром металлургической и металлообрабатывающей промышленности России стал Урал. Это был «грандиозный по тогдашним, уже не русским только, а и мировым, масштабам промышленный район» [11]. Россия выдвинулась на первое место и по экспорту железа. Русское (уральское) железо, отличавшееся высоким качеством, получило заслуженное признание на европейском рынке.

[7] «Всемирная история», т. V. М., 1958, стр. 146, 622.
[8] Там же, стр. 410.
[9] Там же, стр. 411—412.
[10] Там же, стр. 435—437.
[11] *П. Г. Любомиров.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в. М., 1947, стр. 382.

Во второй половине XVIII в. в России происходил сложный и внутренне противоречивый исторический процесс разложения крепостничества, еще сохранявшего, однако, свои господствующие позиции в народном хозяйстве страны, и формирования в его недрах капиталистического уклада. Но формирование капиталистических отношений в России отличалось значительным своеобразием и заняло более длительное время, чем в некоторых странах Европы.

Это определяло и характер города, его хозяйственное состояние и правовое положение городского населения в системе сословий дореформенной России. Русский город был еще феодальным. Но в нем происходили уже важные сдвиги социального порядка. Наиболее существенное значение имели образование и рост вокруг городов — крупных экономических центров — промышленных окраин, изживание сословной замкнутости посадской общины, все более широкий выход крестьян в город, углубление социальных противоречий и обострение классовой борьбы среди городского населения. Особенно заметным рост городов был в центральных районах страны, обладавших, по выражению В. И. Ленина, «вековой промышленной культурой» [12].

Различными были внутренние условия развития городов, ставших хозяйственными центрами. Рост городов был связан с дальнейшим распространением и мануфактуры, и мелкого товарного производства.

Особое значение в данной связи имели текстильные мануфактуры, наиболее крупные из которых были сосредоточены именно в городах. А предприятия шелковой промышленности размещались тогда почти исключительно в городах [13]. Крупными центрами текстильного производства являлись Москва и ряд подмосковных городов, Калуга, города Верхнего Поволжья — Ярославль, Кострома, Кинешма, Нерехта.

Кроме того, в городах, особенно к концу столетия, находились предприятия различных отраслей промышленности, часть которых достигла уровня мануфактуры, хотя последние официально и не считались таковыми (кожевенные, пенькотрепальные, солодовенные и другие заводы). Наличие в городах подобного рода предприятий, выраставших из мелкотоварного производства и расширенных мастерских, еще более усиливало роль городов в развитии промышленности страны. Меньшее тяготение к городам обнаружила горная промышленность, что объясняется специфическими условиями данной отрасли производства, преобладанием здесь крепостного труда. На базе металлургии в XVIII в. выросли Екатеринбург, Петрозаводск, Липецк.

Наряду с мануфактурой большое значение в экономической жизни страны и городов, в частности, имело очень распростра-

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 336.
[13] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 128.

ненное тогда мелкотоварное производство. Развитие мелкой промышленности, но главным образом рост промысловых и торговых сел и слобод явился той базой, на которой сложилось большинство новых городов, ставших экономическими центрами.

Рост других городов имел своей основой большое развитие торговли, в частности транзитной. Такой профиль имели многие поволжские города, на хозяйственную специализацию которых огромное влияние оказывало их расположение на р. Волге — основной торговой артерии того времени. То же самое можно сказать о городах Северо-Запада России, расположенных на водных и сухопутных торговых путях, проходящих из внутренних областей страны к Петербургу и другим балтийским портам. Торговля хлебом, усилившаяся во второй половине XVIII в., оживила экономику городов Центрально-черноземного района. Ярмарочная торговля стимулировала рост ряда городов Урала — Оренбурга, Троицка, Ирбита.

Но на окраинах империи — на Северном Кавказе, Южном Урале, в Приуралье и Сибири — города имели преимущественно еще военно-административное значение. Здесь они являлись прежде всего опорными пунктами военно-колониальной политики царизма. Земледельческий характер носила экономика большинства городов юга страны. Огородничество и садоводство, разведение мясного и молочного скота составляли основу хозяйственной деятельности населения ряда городов нечерноземной полосы. Другие города, в силу тех или иных причин оказавшиеся в стороне от экономического развития, приходили в упадок. Это касалось в первую очередь прежних пограничных городов. Воздвигнутые в прошлом как укрепленные пункты, они с расширением границ России утратили оборонительное значение. Многие из них, не получив надлежащей базы для своего хозяйственного роста, хирели, ничем по существу не отличаясь от сельских поселений. Часть таких захудалых мелких городков, расположенных главным образом на старых северо-западных и южных рубежах Русского государства, была ликвидирована в ходе областной реформы 1775—1785 гг.

Таким образом, в XVIII в. в России сохранялась довольно сложная структура городов, весьма различавшихся по своему облику. Среди этого многообразия можно выделить два основных типа городов: 1) город — экономический центр и 2) город — военно-административный пункт. Последний, однако, все более уступал свое историческое место городу первого типа — хозяйственному центру данной округи.

Исходя из экономических интересов дворянства, абсолютизм стремился и в городе сохранить нормы крепостнических отношений. Но царское правительство в известной мере вынуждено было считаться с возраставшим значением купечества и городов в хозяйственной жизни страны. Разумеется, это не затрагивало основ классового господства дворянства. Тем не менее меры, поощрявшие развитие промышленности и торговли, политика меркантилиз-

ма и таможенного протекционизма, направленные на укрепление экономики феодально-абсолютистского государства, отвечали также интересам формирующейся русской буржуазии, и в этом смысле они не могли не подрывать экономических позиций дворянства.

Все это находило свое отражение в городском законодательстве. Под давлением экономических процессов царизм должен был учитывать новые явления в жизни городов, пересматривать ряд правовых норм, предпринимать реформы городского строя. Но это происходило очень медленно. Абсолютизм в своей политике по отношению к городу шел через колебания, его действия носили подчас характер полумер и не всегда были последовательны.

Правительство в начале XVIII в. вводит особые порядки городского устройства (Главный и городовые магистраты), а затем при незадачливых преемниках Петра I ликвидирует их, снова ставит города в полную зависимость от своей администрации. Но даже и тогда, когда органы городского управления формально провозглашались независимыми от губернаторов и воевод, они все равно фактически не выходили из-под контроля государственной власти.

Городское самоуправление, провозглашенное Екатериной II, по существу также носило формальный характер. Но, несмотря на всю свою ограниченность, городское устройство, введенное по Регламенту Главного магистрата 1721 г. и в еще большей степени Жалованной грамотой городам 1785 г., укрепляло экономические позиции развивавшейся русской буржуазии.

Можно отметить следующую закономерность политики самодержавия в отношении городского (посадского) населения. Вместо прежнего покровительства замкнутым высшим разрядам купечества (гости и гостиная сотня) правительство в начале XVIII в. вводит буржуазный принцип разделения населения городов по имущественному состоянию с предоставлением привилегий его наиболее зажиточной верхушке. Дальнейшим законодательством (манифестом 17 марта и указом 25 мая 1775 г.) устанавливается точный и более высокий размер ценза, в результате чего купечество освобождается от несостоятельных членов [14]. Эти последние образуют новую категорию податного городского населения — мещан.

Правительство, и раньше отличавшее наиболее зажиточное купечество от остального населения посадов, теперь предоставляет оставшимся в гильдиях купцам новые права и привилегии: отменяет подушную подать, заменяя ее 1-процентным сбором с капитала, освобождает гильдейцев от обременительных повинностей и служб. В то же время подавляющая масса городского населения остается по-прежнему бесправной, что, несомненно, только обостряет социальные противоречия в городе. Жалованная грамота городам усилила эти начала буржуазной собственности, повысив

[14] ПСЗ, т. XX, № 14275, п. 47, стр. 86; № 14327, стр. 145—147.

минимальную сумму капитала для вступления в купечество, и определила еще более четкое разделение этого сословия по гильдиям, очертила права и привилегии их членов.

Зажиточная прослойка купечества заняла господствующее положение в городском обществе. Последнее, по Городовому положению 1785 г., расширило свой состав за счет других социальных категорий населения, проживавшего в городе, в том числе и неподатных сословий — дворян, духовенства. Так шел объективный процесс становления буржуазии, развития русского города. Оставаясь феодальным, город играл все большую роль в хозяйственной и общественной жизни России.

Господство крепостничества вовсе не означало, что в положении податного городского и сельского населения России было полное тождество. Как показал П. Г. Рындзюнский, исследовавший городское гражданство дореформенной России, имущественные права горожан, несмотря на все ограничения, существовавшие при крепостном строе, юридически и фактически были гораздо более прочными, чем крестьян. Важнейшим из них была неприкосновенность недвижимого и движимого имущества горожанина [15]. Уплатив причитавшиеся с него подати и выполнив положенные повинности в пользу государства, посадский человек мог по своему усмотрению заниматься промыслом или торговлей. Он не был связан крепостной зависимостью от помещика. Это побуждало совершенно бесправного крестьянина добиваться приписки в городское сословие.

Но в решении важного вопроса о выходе крестьян в город, т. е. об основном источнике пополнения городского населения, законодательство носило ярко выраженный классовый характер. Стремясь предотвратить уход разоряющихся крестьян из деревни в город, правительство непрерывно повышало ценз для вступления в купечество, совсем запретило запись в мещане. Этому же служила и устаревшая система ограничения торговли крестьян в городах. Чем дальше к концу столетия, тем менее отвечало законодательство потребностям экономического развития городов, росту их населения. Вступающий в купечество крестьянин должен был платить двойной оклад до начала очередной ревизии. Правительство обещало пересмотреть вопрос о взимании двойных платежей с лиц, вступающих в купечество (закон от 25 июля 1777 г.) [16], но это не было выполнено.

Все это показывает сложность процесса развития русского города XVIII в. Несмотря на рост городов, удельный вес городского населения в стране даже к концу столетия не превышал 4,1% всего ревизского населения [17]. Подавляющая часть городского насе-

[15] *П. Г. Рындзюнский.* Указ. соч., стр. 46.
[16] ПСЗ, т. XX, № 14632, стр. 539.
[17] По другим данным удельный вес горожан к этому времени увеличился до 7,5% всего населения страны. В. К. Яцунский, ссылаясь на исчисления В. М. Ка-

ления состояла еще из купечества и мелких товаропроизводителей — ремесленников. И лишь в некоторых, наиболее развитых, городах можно отметить наличие работных людей и формирующейся промышленной буржуазии. Но в рассматриваемое время город и не мог стать единственным средоточием крупного промышленного производства. При мануфактуре еще не происходит полного отделения промышленности от земледелия. Это имеет место уже на другой, гораздо более высокой, стадии развития капитализма — стадии крупной машинной индустрии [18]. Мануфактура в большей мере, чем капиталистическая фабрика, испытывала на себе влияние географической среды. Как и в Западной Европе, мануфактура в России также преобладала в сельской периферии. В стране господствовало еще мелкотоварное производство, характерное для феодального строя.

Однако сведения официальной статистики не раскрывают еще подлинной картины занятости населения в промышленности и в сельском хозяйстве, не характеризуют процесс отделения промышленности от земледелия и города от деревни.

Экономическое развитие России характеризовалось наряду с оживлением старых городов образованием целого ряда новых, поднимавшихся из сельских промысловых и торговых центров. Это было закономерным результатом роста общественного разделения труда и товарного производства, следствием дальнейшей хозяйственной специализации отдельных районов страны.

«Развитие капитализма,— указывает В. И. Ленин,— вело во всех странах, а не в одной России, к образованию новых индустриальных центров, не причисляемых официально к городам» [19]. Такого рода слободы и села, «жители которых почти не занимаются земледелием», В. И. Ленин считал в пореформенной России поселениями «торгово-промышленного характера» [20].

Рост в середине XVIII в. торговых и промышленных сел и слобод, приближавшихся по своему хозяйственному уровню к городам, являлся важной составной частью генезиса капиталистических отношений. Наличие торговых и промысловых сел и слобод, которые в экономическом отношении догоняли города и сначала фактически, а затем юридически приобретали значение городов, увеличивая число последних, служило яркой иллюстрацией происходившего в то время в России процесса отделения промышленности от земледелия. Вместе с тем «отсутствие свободы передвижения, сословная замкнутость крестьянской общины,— отмечает В. И. Ленин,— вполне объясняют ту замечательную особенность России, что в ней к индустриальному населению должна быть

бузана, называл еще более высокую цифру — 8,3% городского населения России для 80-х годов XVIII в. («Города феодальной России». Сб. статей. М., 1966, стр. 87).

[18] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 3, стр. 433; см. также стр. 547.

[19] Там же, стр. 568.

[20] Там же, стр. 432.

отнесена не малая часть сельского населения, добывающая себе средства к жизни работой в промышленных центрах и проводящая в этих центрах часть года. Мы говорим о так наз. отхожих неземледельческих промыслах» [21].

Это явление, отмеченное В. И. Лениным как характерное для пореформенной России, несомненно, восходит еще к феодально-крепостнической эпохе, и в той или иной мере оно имело место и в XVIII в. Развитие неземледельческого отходничества укрепляло социально-экономические связи крестьян с городом — центром хозяйственной жизни определенной округи. Это также является «необходимой составной частью капиталистического развития» [22]. В характеристике данного процесса анализ состояния торговых и промысловых сел и слобод, а также неземледельческого отхода играет несравненно большую роль, чем официальные сведения о численности городского населения страны.

При всем том русский город XVIII в. в экономическом отношении был слабее городов передовых капиталистических стран Западной Европы. Города Англии, Голландии и Франции, расположенные на мировых торговых путях, ведущих через Атлантический океан в колонии, переживали в то время большой экономический подъем. Амстердам, например, являлся центром торговой жизни Европы, ее банкиром. Все более возрастало значение Лондона — главного морского порта и столицы обширной Британской империи. Крупными промышленными центрами были Манчестер, Ноттингем, Бирмингем, Ливерпуль. В Англии во второй половине XVIII в. произошел промышленный переворот. А к началу XIX в. Англия стала крупной промышленной державой, в которой около половины общего состава трудоспособного населения было занято в фабричном производстве, на транспорте и в торговле. Во Франции крупным промышленным и торговым центром страны являлась ее столица — город Париж. Важную роль в хозяйственной жизни страны играли большие приморские города, такие, как Нант, Бордо, Дьепп, Ла-Рошель, Гавр, Марсель [23].

Но сравнительно немногие портовые города Голландии, Англии и Франции, являвшиеся центрами капиталистического хозяйства в этих странах, выросли на заморской торговле и грабеже колоний. Их нельзя отождествлять с городами феодальных стран, которые на протяжении XVIII в. еще преобладали в Западной Европе [24]. Города той же Франции, находившиеся в ее внутренних районах, за исключением разве Лиона, значительно уступали приморским городам в своем экономическом развитии.

Различным был хозяйственный облик германских городов. В прирейнской Германии с оживлением суконной и металлургиче-

[21] Там же, стр. 569.
[22] Там же, стр. 581.
[23] «Всемирная история», т. V, стр. 481—482.
[24] *Ф. Я. Полянский.* Указ. соч., стр. 10—11.

ской промышленности в начале XVIII в. усиливается экономическое значение ряда городов. На востоке Германии, в Бранденбурге, возрастает роль Берлина как центра шерстяной промышленности. Вместе с тем упадок суконной промышленности в Южной Германии привел к оскудению таких старых ремесленных центров, как Аугсбург, Нюрнберг, Ульм, Ингольштадт, Мюнхен и др., захиревших еще в XVII в. Нюрнберг утратил свое прежнее значение и крупного центра оружейного производства [25]. Исследователи отмечают незавидное состояние большинства не княжеских, т. е. имперских городов Германии в XVIII в., общее число которых достигало 51. В этих городах, указывает Д. Шефер, «царит полнейший застой до середины XIX в., и только немногие города с особенно выгодным положением избежали этого» [26].

И. И. Дитятин сообщает, что на среднем Рейне в XVIII в. встречались поселения, в которых «одинаково трудно видеть как города, так и деревни». Они представляли «что-то среднее между тем и другим». По некоторым немецким данным, подобного рода поселения назывались «деревни — города» (Dorfstädte) [27]. То же самое можно сказать относительно многих других городов континентальной Европы, не ставших еще экономическими центрами своей округи.

Население таких городов занималось земледелием и скотоводством и в этом отношении ничем не выделялось среди жителей окружавших их сельских поселений. Широкое распространение в городах Западной Европы XVIII в., особенно в небольших провинциальных городках, имели также огородничество, садоводство и виноградарство.

В состоянии упадка находились города Италии, утратившие свою былую монополию в торговле со странами Леванта. В таком же положении оказались и города Испании, которые не смогли послужить экономической основой колониальной экспансии абсолютизма [28].

Таким образом, в Западной Европе было несколько различных типов городов. Наряду с крупными городами — центрами промышленности и торговли капиталистических стран — там были тогда и типичные феодальные города, экономика которых в значительной мере носила еще земледельческий облик. Эти последние в сущности не отличались от аналогичного типа городов России XVIII в., которых особенно много было на юге страны. Но города

[25] «Всемирная история», т. V, стр. 411.
[26] *Д. Шефер.* Политическое и стратегическое значение больших городов.— «Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение». Сб. статей проф. К. Бюхера, Г. Майера, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. СПб., 1905, стр. 169.
[27] *И. И. Дитятин.* Устройство и управление городов России, т. II. Городское самоуправление до 1870 г. Ярославль, 1877, стр. 322.
[28] *Ф. Я. Полянский.* Указ. соч., стр. 10—11.

передовых капиталистических стран Европы в экономическом отношении, несомненно, превосходили русские города. Это показывает лишь более высокий уровень экономического развития капиталистического города по сравнению с феодальным. И данное обстоятельство касалось не только городов России, но и городов других стран Европы, пребывавших еще в условиях феодализма. Наряду с Россией сюда следует отнести прежде всего такие страны, как Германия и Польша, где господствовало еще крепостничество, сдерживавшее рост городов. Здесь и там имелось немало городов — военно-административных пунктов, по своему облику близко стоявших к сельским поселениям. Наличие таких городов — несомненное свидетельство медленности их развития в условиях крепостничества, незавершенности процесса отделения города от деревни. Тем более необходимо учитывать существование в XVIII в. в Западной Европе и в России различных типов городов для того, чтобы получить правильное представление о роли и значении города в хозяйственной жизни каждой страны.

Русский город XVIII в. шел по тому же пути капиталистического развития. Но в условиях России эта эволюция происходила постепенно, сравнительно медленнее, чем в Западной Европе, где раньше утвердился капитализм. Она завершилась лишь во второй половине XIX в., с отменой крепостного права в России.

Продолжавшееся в XVIII в. господство феодально-крепостнической системы, укрепление абсолютизма стесняло развитие городов и, в частности, городского самоуправления.

Но и в странах Западной Европы XVIII в. деятельность органов городского самоуправления находилась под контролем правительственной администрации. Н. И. Кареев сообщал, что во Франции, например, города к тому времени утратили «последние следы своей самостоятельности». В Германии имперские города находились под «деспотической властью начальства над остальным населением», а в других городах «общественная самодеятельность совершенно подавлялась» развитием княжеского чиновничества, создавшего полицейское государство XVIII в.[29] И. И. Дитятин также отмечал, что во Франции и Германии в XVIII в. «все должностные лица и учреждения городов обратились в правительственные, административные органы»[30]. Равным образом и в Бельгии, утверждает этот историк-юрист, муниципальный строй «совершенно потерял свой независимый характер»[31]. Лишь победа буржуазной революции во Франции повлекла за собой существенные изменения городского строя на значительной территории Европы. Следовательно, политическое бесправие отнюдь не являлось специфической особенностью только русских городов

[29] *Н. И. Кареев.* История Западной Европы в новое время, т. III. СПб., 1913, стр. 53, 90—91, 120—121.
[30] *И. И. Дитятин.* Указ. соч., т. II, стр. 65. Разрядка автора.
[31] Там же, стр. 52.

XVIII в. В не меньшей мере это было свойственно и городам многих других стран Европы того времени.

Все это показывает ошибочность и тенденциозность суждений дореволюционной и современной буржуазной историографии о русском городе XVIII в. Буржуазные историки говорят о своеобразии развития городов России, односторонне сводя это своеобразие к отсталости русских городов, к их общему упадку и захирению в сравнении с городами Западной Европы того времени. Между тем вопрос гораздо сложнее. Развитие русского города XVIII в. представляет собой разносторонний и противоречивый процесс, не укладывающийся в шаблонные схемы. История русского города XVIII в. имеет и свои специфические черты, и общие закономерности развития, как и города других стран Европы.

О ХАРАКТЕРЕ ИНОСТРАННЫХ ЗАЙМОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

М. П. Павлова-Сильванская

В мануфактурный период капитализма по всей Европе распространилась система государственных долгов и международного кредита, ставшая одним из рычагов первоначального накопления. К. Маркс указывал, что в нее последовательно втягивались: Голландия, использовавшая избыток капиталов Венеции, затем Англия и США [1]. В настоящей статье ставится вопрос о том, когда и под влиянием каких факторов вступила в систему международного кредита Россия, насколько тяжелой была ее задолженность и можно ли считать русские заграничные займы XVIII в. орудием первоначального накопления.

Европа знает несколько сменявших друг друга форм иностранных займов. Самая древняя из них — займы королей у иностранных банкиров — была известна в Англии уже в XIV в. Начиная с XV в. в долговые отношения королевской власти вмешивается парламент, и займы из личных королевских превращаются в государственные. Их делают у иностранных банкиров на определенный срок, т. е. они являются внешними и срочными долгами. В развитой капиталистической Англии займы такого рода производились до 1688 г., после чего их вытеснили другие формы кредита. Во Франции Сюлли, Эмери и Кольбер старались избегать операций с иностранными банкирскими домами. Однако короли продолжали наряду с внутренними займами делать и заграничные. Порой эти сделки носили неприкрыто ростовщический характер, заключались на условиях уплаты 25% годовых, поэтому и русским уполномоченным за рубежом приходилось при заключении займов считаться с тем, что французский король согласен и на более тяжелые условия, чем те, которых они добивались [2].

В Швеции сохранялись ранние формы кредита до конца XVIII в. В составе внешнего долга на первом месте стояли долги иностранным банкирам: долг государства им составил 7 млн. рейхс-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 765—766.

[2] *И. И. Кауфман*. Государственные долги России.— «Вестник Европы», 1885, кн. 1, стр. 190.

талеров, личный долг короля — 5 млн. рейхсталеров. С 1776 по 1791 г. Швеция заключила 18 займов у банкиров Голландии и Италии. Все займы были краткосрочными (на 10—14, максимум 15 лет), банкиры получали 4—5% годовых и 4—6% комиссионных (иногда до 8—9%) [3].

Со второй половины XVII в. развитие капитализма вызвало обострение международных отношений — соперничество крупнейших стран, которое К. Маркс назвал торговой войной европейских наций [4]. Посредством ряда войн Англия добивается победы над Голландией, но только для того, чтобы вступить в еще более острую борьбу с Францией. Вооруженные столкновения требовали огромных военных расходов. В связи с этим в XVIII в. для бюджетов Англии, Франции и их союзников характерным явлением стали дефициты. За период с 1688 по 1792 г. бюджеты Англии 66 раз были сведены с дефицитом (в 232 млн. £) и только 39 раз с избытком (в 26 млн. £) [5]. Дефициты бюджета Франции составили в 1759 г. 212 млн. ливров (при годовом доходе в 312 млн. ливров), в 1769 г.— 100 млн. ливров, в 1774 г.— 27 млн. ливров [6].

Следствием дефицитов было нарастание государственных долгов, значительную часть которых составляли иностранные займы. Во Франции к 1790 г. государственный долг достиг 4,242 млн. ливров, а процентные платежи по нему поглощали более половины доходов страны, несмотря на то, что после трех конверсий, проведенных в XVIII в., ставка процента упала с 5 до 2—2,5% [7]. В Англии с 50-х годов, когда соперничество с Францией приняло наиболее острые формы во время Семилетней войны, нарастание государственного долга приобрело катастрофический характер [8]:

Год	Государственный доход, в млн. £	Государственный долг, в млн. £	Процентные платежи	
			в млн. £	в % к гос. доходу
1756	7,0	77,2	2,7	38,6
1766	10,3	139,5	4,7	45,6
1775	11,1	134,8	4,5	40,5
1785	15,5	265,9	9,4	60,7
1793	19,3	260,2	9,3	48,6

[3] ЦГАДА, Госархив, Разряд X, оп. 3, д. 106, лл. 10—11.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 760.
[5] *И. И. Кауфман*. Государственный долг Англии с 1688 по 1890 г. СПб., 1893, стр. 147.
[6] *М. А. Алексеенко*. Очерк нарастания государственного долга в Англии и Франции. Харьков, 1872, стр. 345—347.
[7] *S. Clough*. Economic History of Europe. Boston, 1952, p. 286, 500.
[8] *И. И. Кауфман*. Государственный долг Англии..., стр. 100, 101, 110, 114, 132, 177, 179.

В условиях роста государственного долга Англия и в значительно меньшей степени Франция начинают пользоваться новыми формами общественного кредита — внутренними государственными займами. В 1688—1692 гг. парламент, полностью отказавшись от иностранных займов, гарантировал и обеспечил государственный долг, установив право свободной передачи облигаций. Формально с тех пор долг стал внутренним, а на деле большое число бумаг принадлежало иностранцам, и в первую очередь голландцам [9]. В 1737 г. размер голландских вложений достиг 10 млн. £ при общем объеме государственного долга в 46,3 млн. £ и государственных доходах в 5,72 млн. £. Сумма долга была настолько значительной, что правительство не решилось провести предложенную в парламенте конверсию займов. Предъявление голландцами к уплате принадлежавших им облигаций поставило бы кабинет перед финансовым кризисом. В 60-е годы голландцам принадлежала $^1/_3$, а в 1776 г. уже $^3/_7$ государственного долга Англии [10].

Таким образом, развитие международного кредита в Европе шло от архаических форм (краткосрочных займов-авансов у банкиров) к более прогрессивным (внутренним бессрочным займам, облигации которых покупали иностранцы).

Английское правительство, отчетливо осознававшее необходимость организации внутреннего кредита, в течение первого десятилетия (конец XVII — начало XVIII в.) испытывало большие трудности с размещением займов и было вынуждено выпускать 10—14% ренты, а затем продавать их за полцены [11]. Создание прочной системы внутренних займов в довольно краткий срок стало возможным благодаря трем предпосылкам:

1) Наличию свободных капиталов в стране, о чем свидетельствует дикая спекуляция акциями Южно-Океанийской компании в 1720 г., а затем паника, когда южно-океанийский пузырь лопнул [12].

2) Созданию английским правительством системы юридических гарантий, высоко оцененной современниками-финансистами. Один из них, амстердамский биржевик, автор нескольких экономических трактатов, Исаак де Пинто считал, что популярность консолей объяснялась парламентскими гарантиями, уверенностью, что в случае конверсии держатели смогут взять обратно капиталы, разрешением закладывать облигации, уплачивать ими налоги и пошлины, публичным ведением всех финансовых дел и наличием фонда погашения. Сравнивая состояние кредита Англии и Франции, де Пинто писал, что если бы Франция так же поддерживала веру

[9] *C. H. Wilson.* Anglo-Dutch Commerce and Finance in the Eighteenth Century. Cambridge, 1941, p. 89—95; *И. И. Кауфман.* Государственный долг Англии..., стр. 14—15.

[10] *C. H. Wilson.* Op. cit., p. 71—54; *W. Bowden, H. Karpovich, A. P. Usher.* An Economic History of Europe since 1750. New York, 1937, p. 246; *И. И. Кауфман.* Государственный долг Англии..., стр. 66.

[11] *И. И. Кауфман.* Государственный долг Англии..., стр. 20—21.

[12] *E. L. Boghart.* Economic History of Europe 1760—1939. London, 1942, p. 49.

в свои долги, как Англия, то половина ее долгов оказалась бы ненужной, а проценты сократились бы вдвое [13].

3) Значительной роли компаний типа Английского банка, Ост-Индской и Южно-Океанийской, ссужавших правительству миллионы и бравших на себя выкуп краткосрочных обязательств казначейства, чем достигался бессрочный характер государственного долга. Крупные компании довольствовались за ведение операций сравнительно низкими комиссионными. В 1751 г. Английский банк при консолидации государственного долга в 3-процентный получил 562 £ за каждый млн. £. В 1786 г. была установлена такса 450 £ за млн. £ [14].

Анализируемая форма международного кредита по сравнению с предшествующими имела два важных преимущества. Ввиду того что займы были организованы как внутренние, уплата процентов иностранным подданным производилась денежными знаками, имевшими хождение в стране. Следовательно, не возникало трудностей с падением вексельного курса, неизбежным при больших заграничных переводах. Бессрочность — другое преимущество такого рода займов — лучше всего видна на примере Англии. Ввиду надежности займов держатели, желавшие получить деньги, вложенные в облигации, не предъявляли их в казначейство, а перепродавали. Правительство выплачивало только проценты, сохраняя основной капитал.

Английский исследователь Ч. Вильсон приводит типичный пример вложений голландского торговца в английские займы. За 27 лет он получил от своих консолей 9358 £ прибыли, а приобрел новых облигаций на 30 600 £ [15]. Данные Вильсона позволяют считать, что утечка капиталов за границу была ничтожна. Э. Бааш установил, что в 80-е годы XVIII в. Англия выплачивала голландцам около 8,25 млн. гульденов в год в виде процентов, но из них поступало в Голландию в лучшем случае 2 млн. «Остальные оседали в торговле и приносили пользу самой Англии. Голландия же получала за свои займы не более $^7/_8$%. Это было для английских купцов выгодно, так как они вели торговый оборот чужими дешевыми деньгами» [16].

Надежность операций с Англией была столь велика, что крупнейшие торгово-финансовые дома Голландии (ван Нек, ван Нотен, Нефвиль, Клиффорд, Гопе, де Смет и др.) создавали в Англии филиалы или совсем переселялись сюда. Так возникла в Великобритании голландская колония, имевшая в своем составе очень крупных капиталистов [17].

[13] *C. H. Wilson.* Op. cit., p. 75—76.
[14] *E. L. Hargreaves.* The National Debt. London, 1930, p. 56—57.
[15] Ibid., p. 132—135.
[16] *Э. Бааш.* История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. М., 1949, стр. 190.
[17] *C. H. Wilson.* Op. cit., p. 6, 109—118.

Благодаря такой системе организации займов они превратились в один из скрытых источников первоначального накопления в Англии [18].

Все эти факты дают право рассматривать возникновение в экономике России государственного долга и, в частности, иностранных займов не как местное, а как общеевропейское явление. Отчетливо выявившееся в XVII в. отставание России от западноевропейских стран, с одной стороны, и появление первых ростков буржуазных отношений — с другой, привели к тому, что русский абсолютизм берет курс на преодоление изоляции страны и установление тесных связей со странами Европы. «Торговая война» европейских держав находится в этот период в разгаре, и Россия втягивается в нее. Разумеется, отождествлять цели, которые ставило перед собой самодержавие и правительство буржуазной Англии, боровшееся за создание Британской империи, нельзя. Однако по своим результатам войны, предоставившие России выходы к Балтийскому и Черному морям, обладание обширными территориями в Польше, Прибалтике и на Украине могут, видимо, рассматриваться в качестве части европейской «торговой войны», способствовавшей развитию капиталистических отношений. Втягивание России в европейский конфликт на самой острой его фазе повлекло за собой вначале тяжелый финансовый кризис во время Северной войны, а затем полное опустошение государственной казны к 60-м годам, чему способствовало участие России в Семилетней войне. Уже тогда Елизаветой была сделана первая неудачная попытка заключить заём за границей. В период турецких войн второй половины XVIII в. иностранные займы стали системой.

Вплоть до начала третьего десятилетия XIX в. они были организованы в форме займов у банкиров. Первый заём был сделан в 1769 г. у амстердамских банкиров де Смет. В течение 16 лет в Голландии было занято 21,5 млн. гульденов и пересрочено облигаций на 5,5 млн. гульденов. Кроме 4—5% годовых, правительство выплачивало комиссионные в размере 5—8% де Смет и 3% петербургскому придворному банкиру И. Фредериксу.

Кроме того, на аналогичных условиях для нужд Средиземноморской экспедиции было занято в Генуе с помощью русского поверенного в делах маркиза Маруцци 500 тыс. пиастров (890 тыс. рублей по курсу 1772 г.). Таким образом, из 47,5 млн. рублей — суммы, в которую России обошлась война с Персией 1769—1774 гг.,— приблизительно 6 млн. рублей, т. е. восьмую часть, дали займы.

В течение трех послевоенных лет Россия обходилась без иностранного кредита. Однако, когда стали подходить сроки уплаты основного капитала по займам де Смет, то в поисках средств стали пересрочивать облигации, а затем двор приступил к новым

[18] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 765—766.

займам. Второй перерыв в производстве займов падает на 1784—1787 гг. С началом русско-турецкой войны 1787—1791 гг. правительство начинает занимать деньги еще более активно. Причиной тому были чрезвычайные расходы, размеры которых позволяет ощутить сравнение с военными расходами 60—70-х годов [19]:

Год	Расходы, в млн. руб.	Год	Расходы, в млн. руб.
1768	0,60	1787	14,84
1770	1,55	1788	32,33
1771	1,10	1789	35,00
1772	2,86	1790	38,31

Была и другая причина усложнения финансового положения самодержавия. В 1775 г. правительство провело реформу областного управления — одно из реакционнейших мероприятий во внутренней политике конца XVIII в., направленное на охранение устоев крепостничества и абсолютизма, что увеличило расходы на местное управление со 198 тыс. рублей в 1762 г. [20] до 6978 тыс. рублей в 1796 г. [21], т. е. в 35 раз, в то время как доходы государства за то же время выросли только в 3,8 раза. Расходы в целом на внутреннее управление увеличились с 37,5% в 1763 г. до 50,8% в 1796 г. За это же время втрое выросли траты на содержание двора [22]. Отражением процесса укрепления государственного аппарата было увеличение штатных расходов бюджета с 16,49 млн. рублей в 1781 г. до 43,79 млн. рублей в 1795 г. [23]

В 1785 г. бюджет России был сведен с дефицитом. Важно отметить, что это был мирный год. Начиная с него, дефицит бюджета становится хроническим [24]:

Год	Дефицит, в млн. руб.	Год	Дефицит, в млн. руб.
1787	12,10	1791	27,08
1788	12,59	1792	20,51
1789	23,19	1793	12,23
1790	29,08	1794	8,68

[19] Сб. РИО, т. 28, стр. XXXII—XXXIII.
[20] ЦГАДА, Госархив, ф. 370, д. 21, л. 91.
[21] *Ю. В. Готье.* История областного управления России от Петра I до Екатерины II, т. 2. М., 1941, стр. 174.
[22] *Н. Д. Чечулин.* Очерки истории русских финансов. СПб., 1906, стр. 260—262, 312—313.
[23] Сб. РИО, т. 28, стр. XXXIII.
[24] *П. И. Мигулин.* Русский государственный кредит (1769—1899), т. 1. Харьков, 1899, стр. 25.

Таким образом, в конце XVIII в. в России, как и в других европейских странах этого времени, дефицит бюджета становится повседневным фактором экономики, с той, однако, разницей, что к военным расходам, которые были причиной дефицитов Англии и Франции, прибавлялась еще одна, чисто русская, причина: укрепление самодержавием государственной власти, с тем чтобы законсервировать существующие общественные формы, замедлить процесс их разложения.

Дефициты сделали нужду в деньгах в период второй русско-турецкой войны еще более острой. К тому же вследствие злоупотребления выпуском бумажных денег и крупных платежей за границей (выплаты основного капитала займов и расходы на армии, оперировавшие за рубежом) вексельный курс рубля упал с 43 штиверов на рубль в 1769 г. до 25 штиверов на рубль в 1800 г. (по курсу Амстердама [25]). Если сравнивать серебряное содержание гульдена и рубля, то нормальным соотношением для 80-х годов XVIII в. было: 1 рубль = 35—37 штиверам [26]. Эта критическая грань была пройдена курсом русского рубля на втором году русско-турецкой войны 1787—1791 гг., когда курс упал до 34 штиверов за рубль. После этого всякий перевод за границу стал убыточным.

Появилась необходимость найти такой банкирский дом, который смог бы не только вести денежные операции в более широких масштабах, нежели де Смет, но и взялся бы провести выкуп и пересрочку ранее сделанных займов. В 1787 г. царский двор по совету придворного банкира Р. Сутерланда передал ведение своих дел амстердамской фирме Гопе. Всего через этих банкиров с 1788 по 1793 г. было реализовано 19 русских займов на сумму в 53,5 млн. гульденов (42 млн. рублей по курсу 1793 г.), т. е. за 5 лет было получено в 2,5 раза больше средств, чем за 13 лет первой русско-турецкой войны.

Банкиры Гопе настойчиво боролись за монопольное право вести дела царского правительства и, возражая против займов в Брабанте у банкира де Вольфа, добились того, что Комитет уполномоченных для производства заграничных займов (в составе И. А. Остермана, А. Р. Воронцова и А. П. Шувалова) обещал производить займы в Голландии только через Гопе. Уже летом 1789 г. де Вольфу ответили отказом на предложение об открытии второго займа, и этот отказ впоследствии постоянно подтверждался [27].

Однако влияние Гопе не ограничивалось их монопольным положением в Голландии. Право кредитования русского правительства в Италии было предоставлено дому «Эме Реньи и сын», имевшему тесные контакты с Гопе. Предложения четырех других

[25] *Н. Бржеский.* Государственные долги России. СПб., 1884, табл. IV, стр. 6.
[26] ЦГАДА, Госархив, Разряд X, оп. 3, д. 103, л. 7—7 об.
[27] Там же, д. 99, лл. 93—94 об.

претендентов (Марио Антонио Лаксиардо, Брентано Чимароли, Пауля Мейстера и анонимного банкира, сделавшего предложение через контору бр. Ливио в Петербуге) [28] были отвергнуты.

Избавившись от конкурентов, Гопе уже в феврале 1789 г. стремятся набить цену своим услугам и начинают жаловаться на трудности, которые им приходится преодолевать. Спору нет, сложная международная обстановка не способствовала укреплению кредита России. Однако, расписывая трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, Гопе не просто констатировали положение дел на международном денежном рынке, а пытались оправдать большие комиссионные и высокий процент, который они получали, надеялись выторговать новые прибыли и привилегии. Противореча своим собственным пессимистическим прогнозам, Гопе размещали заём за займом, отказывались выкупать облигации ниже пари и экономить имевшуюся наличность, так как каждый новый заём давал 195 тыс. гульденов дому Гопе и 90 тыс. гульденов Сутерланду, не считая дополнительного вознаграждения за перевод капитала и процентов.

Поведение Гопе и Сутерланда вызывало раздражение в правящих кругах России. Русский двор продолжал получать многочисленные предложения кредита от банкиров Италии (Шарль Лонги, Жакомо Майнони, Брентано Чимароли, Жан Шарль де Серра) [29], Голландии (де Вольф) [30] и Англии (Торнтон) [31].

Претензии Гопе, с одной стороны, и множество желающих открыть займы русскому двору, с другой, наводили уполномоченных на мысль о необходимости поставить «пределы произвольному действию банкиров Гопе во вверенных им займах, коими они одни управляя, пользуются, так сказать, монополью» [32]. Однако задолженность достигла уже таких размеров, что правительство оказалось не в состоянии отказаться от услуг Гопе, начинавших диктовать невыгодные сделки.

Когда в 1783 г., после второго раздела Польши, в правительственных кругах России возникла идея организации займа за счет Польши, Гопе выставили условием этой операции принятие Россией на свой счет долгов польской короны в размере 700 тыс. гульденов. Екатерина II вынуждена была санкционировать эту операцию. Однако оккупация французами Фландрии и Брабанта помешала ее осуществлению. Гопе бежал в Лондон, о займах не могло идти больше речи.

Финансовое положение правительства оставалось сложным. Планы погашения долгов, составлявшиеся сначала Вяземским, а затем Самойловым, введение новых налогов (вроде четвертого

[28] ЦГАДА, Госархив, Разряд X, оп. 3, д. 101, лл. 1—45, 56—56 об., 132—132 об.
[29] Там же, д. 99, лл. 39—42; д. 101, лл. 83—86 об., 87—89, 144—147 об.
[30] Там же, д. 105, л. 78.
[31] Там же, д. 99, лл. 36—37.
[32] Там же, д. 104, л. 45 об.

рубля с ведра вина) — ничто не помогало. Правительство вынуждено было делать новые долги; возникала финансовая зависимость от голландских банкиров. Так, в 1798 г. поверенный голландских капиталистов Р. Воут поставил условием дальнейшего кредитования русского правительства принятие казначейством на свой счет польских долгов. 15 января 1798 г. была проведена конверсия. В результате заграничные долги России выросли до 88,3 млн. гульденов (65,4 млн. рублей по курсу 1798 г.), из которых 15,9 млн. гульденов приходилось на польский долг, 53,5 млн.— на долг Гопе, 3 млн.— на долг де Вольфу и 15,9 млн. гульденов — на прочие сделки с частными лицами. Консолидация и пересрочка обошлись России дорого, так как весь долг был превращен в пятипроцентный [33]. С 1797 по 1801 г. за границей было занято еще 12 млн. гульденов [34]. После приостановки платежей в 1812—1815 гг. долг возрос еще на 18 млн. гульденов. В виде вознаграждения России за участие в войне 1812 г. Англия и Нидерланды взяли на себя уплату 50 млн. рублей русского долга. Но и после этого погашение растянулось почти на сто лет (с 1817 г. ежегодно платили по 500 тыс. гульденов и должны были рассчитаться полностью только в 1919 г.) [35].

Проанализируем условия русских займов. Облигации давали держателям 4—5% годовых. В Голландии в середине XVIII в. нормальной ставкой считалось 2—2,5%, в Англии весь государственный долг был трехпроцентным [36]. При сравнении заграничный кредит России на первый взгляд кажется дорогостоящим. Однако необходимо учитывать, что курс реализации английских ценных бумаг в XVIII в. был довольно низким, опускаясь до 85 за 100 во время Семилетней войны, 75 и даже 43 за 100 во время Войны за независимость. Это означало, что средний рост реализации равнялся 5%, поднимаясь временами до 6,8% [37]. Если мы прибавим, что Швеция занимала деньги под такой же процент, как и Россия, а Франция порой и под более высокий, то надо будет признать, что проценты, которые Россия платила во второй половине XVIII в. по своим займам, соответствовали нормам международного денежного рынка.

Мы выяснили, что ни существованием дефицитов, ни размерами государственного долга, равно как и процентных платежей, Россия не выделялась среди других европейских стран. Отличие состояло в том, что кредит осуществлялся в форме краткосрочных займов у иностранных банкиров. Краткосрочность русских займов-авансов (10—12 лет), высокие комиссионные (от 7 до 15%), большие затраты на перевод денег — все это делало займы очень

[33] *П. И. Мигулин.* Указ. соч., т. 1, стр. 31.
[34] *П. Шторх.* О государственном долге.— «Гражданин», 1783, № 33, стр. 1029.
[35] *Н. Бржеский.* Указ. соч., стр. 180.
[36] *И. И. Кауфман.* Государственный долг Англии..., стр. 88.
[37] Там же, стр. 103—104, 115—127, 182.

обременительными и малоэффективными. Каждый переведенный в Россию миллион рублей, занятый у де Смет, обходился в 518—618 тыс. рублей (в зависимости от высоты процента). Каждый миллион рублей, занятый у Гопе и истраченный за границей (из этих займов переводов в Россию не производилось), обходился в 498—699 тыс. рублей. Кроме того, падение вексельного курса приводило к пересрочкам, а они делали условия займов еще более тягостными, так как расходы на каждый миллион рублей возрастали вдвое, превышая сумму занятых денег. По данным А. А. Вяземского, с 1787 по 1792 г. было заключено займов на 59,63 млн. гульденов. За вычетом всех произведенных до 1792 г. платежей в распоряжение правительства поступило только 38,56 млн. гульденов, т. е. 57% всей суммы [38].

Таким образом, международный кредит России функционировал в формах, которые по мере развития буржуазных отношений уже изживались в Западной Европе [39]. В конце 80-х годов в правительственных кругах России начали осознавать преимущества внутреннего кредита и была сделана попытка организовать внутренний заем. Однако бедность страны капиталами и отсутствие крупных компаний вроде уже названных английских оказались непреодолимым препятствием. Предпосылок, позволивших британскому правительству быстро преодолеть трудности организационного периода и с большой выгодой мобилизовать отечественные и голландские капиталы, в России не было. Таким образом, слабое развитие буржуазных отношений в стране и консервативная политика правительства вызывали финансовые затруднения. Консолидировать займы, превратить их в бессрочные, организовать внутренний кредит удалось только в XIX в.

Мы подходим к еще одной существенной черте русского внешнего долга. Для того чтобы международный кредит способствовал развитию буржуазных отношений, необходимы определенные условия. Одно из них касается характера приложения капитала, который должен вкладываться или производительно, или при непроизводительных вложениях способствовать другим методам первоначального накопления (как, например, голландские капиталы были использованы при создании английской колониальной империи). Другое условие касается сроков вложений. Займы должны быть достаточно долгосрочными для того, чтобы за период, во время которого приток капиталов превышает их обратное движение, был достигнут определенный эффект: капиталы, вложенные производительно, успели обернуться и принести прибыль, превосходящую по размерам платежи по займам; правительство могло бы осуществить свои внешнеполитические планы.

Средства, полученные от русских займов за границей, исполь-

[38] ЦГАДА, Госархив, Разряд X, оп. 3, д. 99, лл. 6—9.

[39] Однако сохранились еще, например, в Швеции на несколько более льготных условиях, чем в России.

зовались непроизводительно: ими оплачивалось содержание русских армий за границей. В силу своей краткосрочности займы второй половины XVIII в. были минимально эффективны, и рассматривать их как средство первоначального накопления нельзя. Если же и можно говорить об их влиянии на буржуазное развитие России, то в очень условном и ограниченном смысле слова, поскольку они способствовали приобретению Новороссии и выхода к Черному морю, а следовательно, росту торговли и торгового земледелия [40]. Позднее в сельском хозяйстве юга России создались условия для развития капитализма по американскому пути.

Таким образом, мы можем констатировать, что во второй половине XVIII в. Россия прибегает к международному кредиту — явление, свойственное всем европейским странам, вступившим на путь буржуазного развития. Однако сохранение крепостнического строя в стране определило архаические формы организации кредита и исказило самую сущность явления, лишив его значения скрытого основания капиталистического богатства [41].

[40] Открытие южного торгового пути, способствуя распространению барщинной системы в некоторых районах Украины, оказывало, однако, и консервирующее воздействие на развитие буржуазных отношений.

[41] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 765.

МЕСТО РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОМ РЫНКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Ю. Ю. Кахк

В третьем десятилетии XIX в. земледельцы всей Европы вдруг стали очень болезненно ощущать, что они зависят от международного рынка, на котором конъюнктура отнюдь не всегда им улыбалась. Это положение, как и то, что уже давно наблюдалось по всей Европе такое снижение цен и такой упадок земледелия, который может быть охарактеризован как первый всеевропейский сельскохозяйственный кризис, достигший своей наивысшей точки в 1820-е годы, можно считать довольно признанной истиной [1]. Совсем иначе обстоит дело с проблемой, которая представляет особый интерес для нас, советских историков,— насколько все это относится к России, насколько этот кризис, а в дальнейшем и конъюнктура на международном рынке оказывали влияние на экономику Российской империи, как активно российское сельское хозяйство включалось в международный рынок?

М. Н. Покровский выступил в свое время с очень решительными заявлениями о фатальном влиянии конъюнктуры международного рынка на развитие экономики и вообще общественной жизни России. Вывоз хлеба из России «замер почти на одном уровне в два первые десятилетия царствования Николая, а с ним замерло и развитие помещичьего хозяйства...» — писал Покровский. И далее: «Низкие хлебные цены были лучшим оплотом крепостного права, нежели всяческие „крепостнические вожделения“ людей, власть имеющих...» [2] Столь прямолинейные выводы не могли, конечно, не вызвать протеста, и вскоре от таких утверждений в советской историографии отказались. В изданных в послевоенные годы исследованиях советских историков говорится о том, что вывоз хлеба постепенно увеличивается и что Россия в первой половине XIX в. «делается главным поставщиком хлеба для мирового

[1] *H. Westphal.* Die Agrarkrisis Mecklenburg in den zwanziger Jahren des vorigen Jahrhunderts. Rostock, 1925, S. 1; *W. Abel.* Agrarkrisen und Agrarkonjunktur in Mitteleuropa von 13. bis zum 19. Jahrhundert. Berlin, 1935, S. 126—127, 133.

[2] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. IV. М., 1934, стр. 16, 17.

рынка»[3]. Но, отдавая дань описанию заграничной торговли, исследователи основное внимание уделяют внутреннему рынку[4]. Мы отнюдь не собираемся оспаривать тезис о первостепенном и решающем значении внутреннего рынка для общественно-экономического развития тогдашней России. Но вместе с тем вызывает некоторое чувство неудовлетворенности то обстоятельство, что даже в специальных монографиях до последнего времени по этому вопросу говорится очень мало конкретного и повторяются только давно известные истины о влиянии на российский вывоз английских таможенных реформ[5]. Чаще всего указывают только на то, что после введения в Англии и в некоторых других странах в конце 1810-х годов запретительных тарифов на хлеб экспорт последнего сильно упал и стал увеличиваться только после того, когда в 1846 г. в Англии эта запретительная тарифная система была отменена.

В данной небольшой статье мы не собираемся ставить сложных проблем о степени влияния международной конъюнктуры на внутренний рынок России, о динамике этого влияния, о том, в каких отраслях народного хозяйства, в каких районах, в хозяйствах какого типа сказалось это влияние прежде всего и сильнее всего. Все это требует огромной работы и прежде всего изучения цен. Наша же задача — привести некоторые до сих пор малоизвестные материалы, свидетельствующие, по нашему мнению, о том, что Россия уже во второй четверти XIX в. была довольно тесно связана с международным сельскохозяйственным рынком.

Настоящая статья опирается в основном на один источник — на материалы «Санкт-Петербургской торговой газеты» (далее — «Торговая газета»). Первую попытку издавать специальный журнал, посвященный «торговым делам», Министерство торговли предприняло уже в 1803 г. Издававшаяся одновременно на русском и немецком языке, «Петербургская коммерческая газета» («Sankt-Petersburger Commerzzeitung») вскоре прекратила свое существование. Но 3 января 1825 г. по инициативе Департамента внешней торговли Министерства торговли вышел в свет на немецком языке первый номер «Санкт-Петербургской торговой газеты» («Sankt-Petersburger Handelszeitung»). Газета выходила два раза в неделю (по средам и субботам), и издавалась она вплоть до 1860 г.[6]

В «Торговой газете» публиковались законы и распоряжения правительственных учреждений по вопросам торговой и экономической деятельности. Но больший интерес для нас представляют

[3] *П. А. Хромов.* Очерки экономики феодализма в России. М., 1957, стр. 248.
[4] *М. К. Рожкова.* Торговля.— «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». Сб. статей. М., 1959, стр. 262—265.
[5] *С. А. Покровский.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 245—247.
[6] *C. Eichhorn.* Die Geschichte der «St.-Petersburger Zeitung». 1727—1902. St.-Petersburg, 1902, S. 146. Далее при ссылках на газету указывается только дата ее выхода.

корреспонденции, поступавшие в газету с мест (с балтийских и черноморских портов, с «азиатской границы», с Дальнего Востока) и из-за границы. Требуются еще специальные изыскания, чтобы выяснить, кто снабжал газету этой информацией и как вообще комплектовалась ее корреспондентская сеть. Ясно, однако, что это была точная информация так называемых деловых кругов (по-видимому, прежде всего сообщения местных торговых бирж и представителей торговых фирм или чиновников русских консульств за рубежом). Уже само содержание и характер материала говорят о том, что мы имеем дело с чем-то совсем отличным от так называемой официальной статистики. Если приводятся, например, данные о ценах на разные товары, то всегда ясно указывается, можно ли за эти цены в действительности приобрести этот товар или мы имеем дело только с фиктивными ценами. Корреспонденты с очевидной компетентностью указывают на предложение и спрос (или на их отсутствие) в отношении отдельных товаров, дают деловые прогнозы в отношении конъюнктуры. Часть материалов, по-видимому, перепечатана из соответствующих зарубежных изданий. Иногда в газете публикуются составленные, очевидно, самим министром торговли обзоры экспорта и импорта за весь год.

На страницах газеты перед нами раскрывается динамическая картина торговых отношений Российской империи с другими странами. Сведения, поступавшие в редакцию газеты, исходили прежде всего из самих деловых кругов, служили целям международного обмена торговой информацией и поэтому довольно точно отражали действительное положение вещей на международном рынке.

Первая половина XIX в.— это прежде всего период значительного роста российского хлебного экспорта. Если в 1801—1805 гг. Россия поставляла только 6% ввозимого в Англию зерна и довольствовалась скромным пятым местом после Германии (50%), Ирландии (19%), Нидерландов (11%) и США (11%) [7], то с середины 1840-х до середины 1850-х годов Россия на втором месте после Германии (соответственно 20% и 11,5% английского импорта), за ними следуют Дания (11%) и США (10%). Обозреватель, приведший эти данные, считает нужным указать и на роль транзитных перевозок: «...Тут, по-видимому, не учтено, какая первоначальная родина зернопродуктов, потому что иначе доля России в привозе Англии должна бы быть более значительной, так как известно, что большая часть хлебов, которые приходят в Англию из Пруссии и Италии, была закуплена в России» [8].

Уже в начале 1840-х годов российский хлеб твердо господствовал на рынках европейского континента. Из ввозимого Францией зерна в 1839—1846 гг. примерно 70% пришло из России [9]. В 1847 г.

[7] *W. Abel.* Op. cit., S. 117.
[8] 3.IV 1854 г.
[9] 15.II 1841 г.; 5.III 1847 г.

французский экономист Шевалье высказывал мнение, что в среднем ежегодно на международный хлебный рынок поставляют балтийские (т. е. немецкие, российские и скандинавские) порты — 2380 тыс. четв.; черноморские (т. е. преимущественно российские) порты — 1430 тыс. четв.; Соединенные Штаты Америки — 954 тыс. четв.; Неаполь и Сицилия — 477 тыс. четв. [10]

Главный поток российского экспорта зерна и муки шел во Францию, Англию и Нидерланды, но значительное количество шло и в другие страны, о чем ясно говорят приводимые «Торговой газетой» данные о стоимости вывоза в 1846 г. (в ассигнационных рублях):

	Пшеница	Рожь	Мука
В Швецию	1 514	18 766	49 833
В Норвегию	—	5 444	187 039
В Пруссию	24 159	62 163	40
В Данию	26	45 518	1 413
В гавани Зунда	15 690	201 793	7 638
В ганзейские города	4 825	114 688	34 723
В Голландию	16 319	822 096	11 911
В Бельгию	111 661	120 856	434
В Англию	340 564	143 904	5 992
Во Францию	976 693	43 361	141
В Сардинию	531 683	1 185	—
В Тоскану	457 105	1 700	14
В Сицилию	6 080	—	—
В Австрию	129 491	108 910	22 046
В Грецию	3 850	—	—
На Ионические острова	18 113	—	1 400
В Турцию	533 978	9 222	364 628
В США	—	4 725	27
В другие страны	—	4 070	10 284

К. Маркс указывал в 1855 г. на ту огромную роль, которую Россия и Соединенные Штаты Америки играли на хлебном рынке всего мира [11]. Но первые признаки господства этих двух держав на мировом рынке и их взаимного соперничества проявились еще задолго до этого. В начале 1830-х годов французские корреспонденты газеты сообщали, что американская мука появляется на европейском рынке в таких больших количествах, что это приводит к падению цен на пшеницу [12]. В конце 1839 г. корреспондент «Торговой газеты» писал из Амстердама, что решающее влияние на движение цен на мировом рынке имеет то, насколько Англия покрывает свои нужды ввозом муки из Америки и какой урожай

[10] 2.VI 1848 г.
[11] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 11, стр. 189.
[12] 22.II 1833 г.

Таблица

Вывоз зерна и муки из России и Соединенных Штатов Америки в 1810 — 1850 гг.

Год	Пшеницы (в четвертях) из Южной России	Год	Пшеничной муки (в тоннах *) из США	Год	Пшеницы (в четвертях) из Южной России	Пшеницы в четвертях из Одессы	Год	Пшеничной муки (в тоннах) из США	Пшеницы (в четвертях) из Петербурга
1810	Нет сведений	1810	798 431	1830	2 057 264	487 383	1830	1 227 434	Нет сведений
1811	То же	1811	1 445 012	1831	1 083 647	282 143	1831	1 806 529	То же
1812	» »	1812	1 443 492	1832	1 600 292	513 575	1832	864 919	» »
1813	» »	1813	1 260 942	1833	603 743	Нет сведений	1833	955 768	» »
1814	330 116	1814	193 274	1834	132 072	То же	1834	835 352	» »
1815	562 714	1815	862 739	1835	680 984	» »	1835	779 396	» »
1816	1 258 625	1816	729 053	1836	1 410 006	878 707	1836	505 406	» »
1817	1 746 281	1817	1 479 198	1837	1 808 654	950 498	1837	318 719	74 802
1818	1 306 759	1818	1 157 697	1838	2 191 617	990 511	1838	448 161	1 14 062
1819	1 409 836	1819	750 660	1839	2 648 667	1 210 232	1839	916 161	1 69 127
1820	1 179 462	1820	1 177 036	1840	1 706 653	789 007	1840	813 542	34 137
1821	825 372	1821	1 056 119	1841	Нет сведений	Нет сведений			
1822	633 202	1822	827 865	1842	То же	То же			
1823	912 267	1823	756 702	1843	» »	1 170 245			
1824	665 991	1824	996 792	1844	» »	1 203 036			
1825	917 967	1825	813 906	1845	» »	1 777 087			
1826	983 727	1826	857 820	1846	» »	1 955 316			
1827	1 631 902	1827	868 498	1847	» »	2 798 183			
1828	94 704	1828	860 809	1848	» »	1 958 282			
1829	362 624	1829	837 385	1849	» »	1 565 277			

* 1 тонна = 5 пудов.

в России [13]. В 1840 г. американской муки на рынках было так много, что из Триеста с тревогой сообщали об «опасном ударе», который приводит к понижению цен, а в Штеттине жаловались на то, что остзейский хлеб не выдерживает конкуренции с этим дешевым продуктом [14]. В 1847 г. из Риги поступают сведения о том, что из Америки хлебные поставки попадают на европейский рынок раньше, чем из России, и поэтому русским приходится продавать свой товар по невыгодным ценам [15].

Но до 1840-х годов все эти тревоги и опасения были все же лишены серьезных оснований. Большая часть экспорта Соединенных Штатов направлялась в латиноамериканские страны. Как хорошо видно из таблицы, в то время когда российский хлебный экспорт переживает в первой половине XIX в. периоды бурного подъема, вывоз муки из Соединенных Штатов Америки до 1840 г. сравнительно невелик по объему и стоит на одном и том же уровне. В 1849 и в 1851 гг. на страницах немецкого журнала «Хандельсархив» кельнский и ливерпульский корреспонденты высказывают мнение, что Америка не представляет собой серьезного конкурента на мировом хлебном рынке, поскольку транспортные издержки на перевозку муки из Америки в Европу очень высоки [16].

Английский рынок играл в европейской хлебной торговле исключительную роль. Варшавский корреспондент «Торговой газеты» в 1842 г. образно пишет о том, как из года в год повторяется одно и то же — в течение лета из Англии поступают ободряющие для хлебных экспортеров вести о неудачном и недостаточном урожае, но когда наступает осень, то выясняется, что Англия покупает значительно меньше хлеба, чем предполагалось. Никак эксперты не научатся как следует разбираться в том, «что англичане говорят и советуют и что они в действительности сами делают» [17].

Но английский рынок все же не был всемогущ. Так, в 1839 г. в Одессу поступило сравнительно немного заказов из Англии. Несмотря на это, вывоз был довольно значительный, поскольку большое количество хлеба было отправлено в итальянские и французские порты [18]. Английская таможенная реформа 1846 г., которой были отменены запретительные тарифы на ввоз хлеба, отнюдь не сыграла столь решающей роли, как иногда предполагают. «Новый английский торговый закон на зерно, в отношении которого лелеяли

[13] 10.I 1840 г.
[14] 10.II 1840 г.; 29.III 1841 г.
[15] 7.II 1848 г.
[16] «Handels-Archiv. Sammlung der neuen auf Handel und Schiffahrt bezüglichen Gesätze und Verordnungen des In — und Auslandes und statistische Mitteilungen über den Zustand und die Entwicklung des Handels und der Industrie in der Preussischen Monarchie. Nach ämtlichen Quellen». Herausgegeben im Ministerium für Handel, Gewerbe und öffentliche Arbeiten. Redaktoren R. Delbrück — J. Hegel. Berlin, 1849, S. 54; 1851, S. 438.
[17] 3.VI 1842 г.
[18] 16.I 1843 г.

надежду, что он будет решительным поворотным пунктом в выгодную сторону, уже некоторое время в действии,— писал корреспондент «Торговой газеты» из Варшавы в 1846 г.,— но никаких результатов, на которые надеялись, не видно»[19]. Стремительный рост в зерновом экспорте Одессы начался уже в середине 1830-х годов, после того как, по словам местного корреспондента, «закончилась война с Турцией, чума, беспорядки в Польше и были преодолены грустные результаты неурожаев 1833 и 1835 годов в западных губерниях...»[20].

Неуклонный рост одесского экспорта увенчался уже в 1847 г. поразившим современников рекордом. Сообщив о том, что в этом году было вывезено 3 240 784 $^1/_2$ четв. зерна и муки, одесский корреспондент «Торговой газеты» добавлял: «Нам не верится, чтобы какой-либо другой порт в мире был бы в состоянии в течение одного года вывозить для заграничного употребления такое количество хлебных злаков»[21]. «Европейские страны узнали в это время высокие цены,— писалось в немецком журнале „Хандельс-архив" в отношении 1847 г.,— на что способны одесский порт и вообще Южная Россия в отношении вывоза продуктов»[22]. Как известно, с 1845 по 1847 г. большинство стран Европы постигли губительные неурожаи не только хлебов, но и картофеля, результатом чего были голод, эпидемии и массовое вымирание населения. «Можно с большой уверенностью утверждать,— писал любекский корреспондент «Торговой газеты» в марте 1847 г.,— что если бы Россия и Северная Америка не могли бы помочь с хлебом, то бедствия, которые в некоторых местах дошли до голода, во многих странах приняли бы еще более страшные размеры...»[23].

Постараемся с помощью статистики подвести некоторые итоги рассмотрению динамики экспорта зерна из России первой половины XIX в. Ясно видно, что неправильным было бы представление о значительном вывозе в начале столетия, резком, длительном упадке его в 20—30-е годы и сильном подъеме лишь после 1846 г. И в 1820—30-е годы продолжается интенсивный, хотя и очень неравномерный (сильные подъемы чередуются с сильными упадками), экспорт зерна, что, по нашему мнению, свидетельствует о том, что неустойчивая конъюнктура, характерная в это время для международного рынка, сильно повлияла на экспорт хлеба из России.

Но все это, как мы увидим при более подробном ознакомлении с цифрами, можно по существу сказать только в отношении южнороссийского экспорта. Вывоз зерна из Балтийских портов незначителен и не переживал таких больших скачков. Хлеб, который вывозился из центральных и северных районов империи, не

[19] 7.III 1846 г.
[20] 1.II 1847 г.
[21] 21.I 1848 г.
[22] «Handels-Archiv», 1848, S. 335.
[23] 22.III 1847 г.

был способен конкурировать на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов. Европейские рынки были заполнены хлебом южных районов России, в которых быстрее и шире развивались торгово-предпринимательские отношения.

Совсем по-другому обстояло дело с такими исконными «северными продуктами», как лен, конопля, воск и шерсть.

Вывоз льна из Риги постоянно увеличивался, составляя по данным «Торговой газеты» в среднем в год (в пудах) [24]:

1788—1797 гг.	581 567
1798—1807 гг.	688 688
1808—1817 гг.	486 612
1818—1827 гг.	996 742
1828—1837 гг.	1 496 455

Рост экспорта льна был в 1820—30-е годы характерен для всей России [25]. Русский лен прочно завоевал английский рынок. Если из России в Англию вывозилось в 1830-е годы ежегодно 500—700 тыс. центнеров льна, то из Пруссии только 80—140 тыс. центнеров и из Франции 20—50 тыс. центнеров. Еще более решительно господствовала Россия в экспорте конопли (на долю России падало не менее 80% английского импорта) [26]. Если до 1840 г. Франция ввозила лен в основном из Бельгии, то в 1841 г. ввоз из России уже очень мало уступал ввозу из Бельгии, а в 1842 и 1843 гг. уже больше чем в два раза превышал ввоз из Бельгии [27].

Как свидетельствуют данные «Торговой газеты» о вывозе из Риги, начиная с конца второго десятилетия стремительно увеличивается экспорт льняного семени, составляя в среднем в год (в пудах) [28]:

1788 — 1797 гг.	89 978
1798 — 1807 гг.	92 809
1808 — 1817 гг.	81 643
1818 — 1827 гг.	157 567
1828 — 1837 гг.	206 816

Борьба на международном сельскохозяйственном рынке и в те далекие времена была очень сложной и жестокой. Конъюнктура менялась быстро, большое влияние имели разные политические факторы. Даже такое понятие, как «холодная война», и связанные с ней выгоды для экспортеров были известны людям того времени. В мае 1841 г. варшавский корреспондент «Торговой газеты» горе-

[24] 16.XII 1842 г.
[25] 28.VIII 1843 г.
[26] 21.XI 1842 г.
[27] 7.X 1844 г.
[28] 16.XII 1842 г.

вал по случаю плохой конъюнктуры на шерсть: «Все военные приготовления или, как это в новой политике предпочитают называть, вся подготовка к вооруженному миру давно прекратилась, и поэтому продолжительное время нет спроса на мундирное сукно» [29].

Несмотря на то что российские экспортеры занимали на международном рынке сельскохозяйственных товаров вплоть до середины XIX в. довольно прочные позиции, явно ощущается внутренняя слабость этих позиций, а некоторые тревожные сигналы предвещают об еще большем обострении конкуренции в будущем. Летом 1842 г. на шотландском рынке появились первые партии египетского льна, который, по данным одного сообщения из Лондона, был более высокого качества и более дешевым, чем лен, который в Англию привозили из балтийских портов [30]. В конце того же 1842 г. представители видных французских и бельгийских фирм обратились в Париже к представителю министерства финансов России с официальным заявлением, в котором указывалось на то, что импортированный в эти страны из России лен уступает по своим качествам льну тех стран, где тот уже обрабатывается с помощью машин [31].

Если Россия в начале 1840-х годов вывозила в большом количестве лен и коноплю (в год на 15 млн. рублей серебром в среднем), то очень незначительным был экспорт льняных изделий (на 3 млн. рублей серебром в год) [32]. И это означало, что Россия превратилась в поставщицу сырья для промышленности более развитых государств. В 1838—1840 гг. в Америку вывозилось льняных тканей из Англии на 13 $^1/_3$ млн. рублей серебром, из Германии — на 5 млн. рублей серебром, из Франции — на 4 млн. рублей серебром, а из России — только на 2,3 млн. рублей серебром [33].

В 1840-е годы поставщики шерсти на европейском материке, в том числе и в России, встречаются с большими трудностями. Это было вызвано прежде всего тем, как пишет варшавский корреспондент «Торговой газеты», что технически более совершенные английские мануфактуры вытеснили с рынка континентальные мануфактуры [34]. Но еще более пагубным оказалось то обстоятельство, что уже к 1830-м годам мировые рынки наводняла дешевая колониальная, прежде всего австралийская, шерсть. До конца 1830-х годов, по приведенным в «Торговой газете» данным, экспорт шерсти из России в Англию сильно вырастает, но в середине 1840-х годов он уже вытесняется австралийским экспортом (в фунтах):

[29] 24.V 1841 г.
[30] 13.I 1843 г.
[31] 16.I 1843 г.
[32] 8.IX 1843 г.
[33] 11.IX 1843 г.
[34] 12.II 1844 г.

Годы	Из Испании	Из Германии	Из России	Из Австралии
1800 — 1812	5 585 560	305 543	?	?
1814 — 1818	7 588 895	5 099 044	203 061	41 256
1819 — 1823	5 631 076	8 723 901	221 448	192 978
1824 — 1828	4 499 869	20 328 621	468 758	808 348
1829 — 1833	3 566 554	22 914 895	672 693	2 226 504
1834 — 1838	3 520 229	25 888 458	3 520 229	5 498 996

Как любопытные новые явления на международном сельскохозяйственном рынке, в 1840-е годы появляются случаи экспорта мяса и масла в довольно далекие страны. Входившая в то время в состав Российской империи Финляндия, которая в 1830-е годы и сама в довольно большом количестве ввозила масло (ежегодно 80 тыс. — 110 тыс. лисфунтов) [35], начинает в конце 1840-х годов вывозить его. Сообщая о том, что в 1848 г. было ввезено свыше 500 тыс. лисфунтов финляндского масла, любекский корреспондент журнала «Хандельс-архив» добавляет: «Этот продукт Финляндии обещает стать очень важной статьей импорта для Любека...» [36] В 1848 г. на любекском рынке впервые появляется в большом количестве и соленое мясо из Финляндии [37].

В 1849 г. торговец из Ростока по фамилии Еппе выступил с проектом экспорта русского масла из Риги в Росток, оттуда по железной дороге в Гамбург, а из Гамбурга на пароходах в Англию «Если кто-нибудь из России пожелает послать масло в Росток,— заявил коммерсант,— то я охотно беру на себя продажу этого продукта» [38].

«Со всех концов мира беспрепятственно текут сюда массы зерна и покрывают имеющийся недостаток»,— писал в конце 1850 г. в своей статье лондонский корреспондент журнала «Хандельс-архив» [39]. Международный сельскохозяйственный рынок стал к этому времени уже действительно всемирным рынком. Прочные позиции завоевала на нем Россия, а этот рынок, со своей стороны, оказал определенное влияние на ее общественно-экономическое развитие. Последнее было обусловлено местными, внутренними причинами — господством отсталых феодально-крепостнических отношений. Но нельзя отрицать, что определенную роль тут сыграл и международный рынок, на котором Россия уже с самого начала XIX в. выступает как поставщик сельскохозяйственного сырья.

[35] 12.IX 1842 г.
[36] «Handels-Archiv», 1848, S. 275.
[37] Ibid., 1848, S. 237.
[38] 29.X 1849 г.
[39] «Handels-Archiv», 1851, S. 66.

Такие органы, как «Санкт-Петербургская торговая газета» или немецкий журнал «Хандельс-архив», на материалах которых преимущественно основывалось наше повествование, конечно, не занимались выяснением вопросов, кому все эти отражавшиеся на их страницах процессы были выгодны. Но иногда встречаются намеки и на это. «Спрос на пшеницу и рожь из-за большого заграничного требования сильнее чувствовался даже в Украине за Днепром,— сообщалось в отношении 1853 г. на страницах „Торговой газеты".— Но выгоду от высоких цен получали только торговцы..., а не земледельцы. Так как последние экспортировали хлеб наугад, не имели в портах собственных складов и платили много за транспорт, то на их долю выпадала очень скромная прибыль. Тем более что уже в октябре на складах не было больше свободного места и зерно должно было валяться в кучах на улицах, в простых льняных мешках или под крышами и занавесями из льняных полотен. Вся огромная прибыль шла в руки торговцев, комиссионеров, скупщиков, носильщиков, городских извозчиков, весовщиков и т. д.» [40]

Заморская торговля принесла пользу и укрепила положение прежде всего буржуазных или обуржуазившихся элементов русского общества. Производство помещиками хлеба на рынок, как на внутренний, так и на внешний, предвещало гибель старой, отжившей свой век феодальной системы.

[40] 21.IV 1854 г.

ГОРОДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ЕВРОПЕ

ЛИВОНСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О НОВГОРОДСКОМ ВОССТАНИИ 1421 Г.

И. Э. Клейненберг

Новгородские летописцы упоминают о народных восстаниях, как правило, только кратко, среди других событий. Лишь восстание Степанки 1418 г. летописцем описано более подробно, и оно поэтому лучше всего изучено историками. Его считают крупнейшим выступлением народа против боярства, хотя оно было далеко не единственным и, скорее всего, даже не самым значительным [1]. Следующему за ним восстанию 1421 г. в летописи уделено значительно меньше места, тем не менее и оно заслуживает несколько повышенного интереса, так как о нем сохранилось известие не только в летописи, но и в одном зарубежном источнике: в официальном донесении ливонского магистра главе Ордена в Пруссии. Наличие двух описаний этого народного выступления позволяет исследователю взглянуть на него с двух различных точек зрения и проверить достоверность сообщаемых о нем сведений.

Интересующая нас ливонская грамота является обычным документом официальной переписки орденских чинов. Она датирована в Риге 13 сентября 1421 г. Главным ее содержанием являются вопросы торговой политики Ордена по отношению к Литве, и только в ее конце ливонский магистр сообщает своему шефу новейшую политическую информацию. Текст этого сообщения следующий: «Из новостей Вашей милости следует знать, что, как нам достоверно написали, у новгородцев внутри города была междоусобная брань, и простые люди напали на власть имущих и захватили у бояр около тридцати крупнейших дворов, причем было убито около трехсот человек, так что сейчас в городе так плохо, как уже давно не было. Дано в Риге, в четверг перед [праздником] воздвижения святого креста, в год и т. д. 21-ый. Повелитель Тевтонского ордена в Ливонии» [2].

[1] *В. Н. Бернадский.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.— Л., 1961, стр. 180.

[2] «Von zeitungen wisse euwir gnade, das uns vor war gescreben ist, das die von Nogharden von binnen einem ouflouf under sich gehat haben, und die gemeinheit sein obir die uppersten gefallen, und haben woll XXX der mechtigsten

Рассказ об этом восстании включен в Новгородскую IV летопись, в Летопись Авраамки и в своды Никоновской летописи [3]. Приведем здесь для сравнения текст Новгородской IV летописи, с которым в основном совпадают тексты других летописей: «И в Новегороди восста бранью два конца, Неревьский и Славенской, за Климентея Ортемьина про землю, на посадника Ондрея Ивановича и пограбиша двор его в доспесех, и иных боляр разграбиша дворы напрасно и убиша Андреевых пособников 20 человек до смерти, а неревлян 2 человека и умиришася».

Проанализируем текст ливонского сообщения, сопоставляя его с изложением летописца.

Из даты грамоты можно заключить, что восстание произошло в конце лета, так как в сентябре о нем сообщают из Риги как о последней новости. Известие о нем ливонский магистр получил, по-видимому, непосредственно из Новгорода письмом, и он оценивает сообщенные в нем факты как достоверные (vor war). Хотя автор письма не назван, тем не менее с большой долей вероятности можно предположить, что это был орденский торговый агент, шафер, как их называли, так как присутствие такого рода орденских слуг в Новгороде засвидетельствовано для этих лет документально [4].

Орденский корреспондент не называет ни повода народного возмущения, ни имен, как это делает летописец, он дает лишь общую характеристику восстания как городского (von binnen) и междоусобного (under sich) и, следовательно, не связанного с воздействием внешних сил или с крестьянским движением сельской округи. Он характеризует его как антифеодальное, противопоставляя в нем простых людей (die gemeinheit) боярам (die uppersten или bajoren) [5]. В этом он перекликается с составителем Софийской I летописи, который расстановку классовых сил во время восстания Степанки выразил словами: «Чернь с одиная сторона, а с другую боляре» [6].

höfe gewunnen den bajoren abe, und der sein auch woll III hundert obir tod gebleben, und das es also obel do binnen stehe, als es bi langer zeit je gethan habe... Gegeben zu Rige, am donrstagc vor exaltationis sanctae crucis, anno etc. XXI. Gebitiger Deutsches ordins zu Lyfflande» («Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch», Bd. V. Hrsg. von F. G. v. Bunge. Riga, 1867, N 2565).

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 431; т. XVI, стр. 176; т. XI, стр. 237. Разбор летописных известий о восстании 1421 г. см. в работах: *В. Н. Бернадский.* Указ. соч., стр. 183—185; *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 741—743; *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М.— Л., 1962, стр. 257—258; *он же.* Я послал тебе бересту... М., 1965, стр. 133—134.

[4] «А купечкем делам и обидным делам от сучта местерева скаферьва, что был сучет с новгородче, а тому исправа учинити...»,— сказано в договорной грамоте Новгорода с Ливонским орденом конца января 1421 г. (ГВНП, № 60).

[5] «die uppersten», что дословно значит «обладающие полным достатком, знатностью и властью», употреблено как синоним к «bajoren», что явствует из текста.

[6] ПСРЛ, т. V, стр. 261.

Далее в ливонском известии названо 30 как число взятых и разграбленных боярских дворов, причем подчеркнуто, что это были наиболее крупные дворы (mechtigsten höfe)[7]. Этих сведений летопись не дает, и они могут служить критерием для определения размеров восстания.

Если летописец концентрирует все свое внимание на посаднике Андрее Ивановиче и, сообщая число убитых, ограничивается лишь указанием на 20 человек его сторонников и двух неревлян, павших, по-видимому, при штурме посаднического двора, то из орденской грамоты мы узнаем значительно большую цифру (300). Контекст позволяет предположить, что речь идет не о павших на стороне народа, а о потерях бояр и их челяди при обороне своих дворов. Если при взятии посадничьего двора потеряло жизнь 20 человек, а схватка при этом должна была быть наиболее ожесточенной, то число убитых при захвате остальных боярских усадеб кажется отнюдь не преувеличенным.

Если рассказ летописца кончается бесстрастным словом «умиришася», то ливонский очевидец подчеркивает, что восстание сильно потрясло Новгород и нарушило нормальное течение жизни в нем; несомненно, замерла на время и торговля, которая должна была интересовать ливонцев в первую очередь.

Следует отметить, что ливонцы и ганзейцы в своей деловой письменности очень редко останавливались на событиях внутренней жизни Новгорода, если они непосредственно не затрагивали их торговых дел. Поэтому восстание 1421 г. должно было произвести на них исключительное впечатление, раз они сочли необходимым сообщить о нем в Ригу и далее в Пруссию. Знаменательно, что о восстании Степанки не сохранилось упоминаний в ливоно-ганзейской переписке, хотя она для этих лет очень полно представлена в архивах и почти целиком опубликована. Это говорит о том, что события 1421 г. в глазах западных соседей Новгорода были значительнее по своим последствиям, чем восстание 1418 г. Когда ливонский корреспондент пишет, что дела в Новгороде так плохи, как давно не были, то ясно, что он свое сравнение ведет не со временем после восстания 1418 г., которое никак не может быть определено словом «давно».

Исследователи последнего времени также считают, что народное восстание 1421 г. имело в жизни новгородского общества серьезные последствия. С одной стороны, оно привело к новому сплочению боярства, направленному против черных людей города[8], а с другой стороны, боярская правящая верхушка была вынуждена под прямым воздействием народной борьбы за «правый суд» в 1418 и 1421 гг. упорядочить новгородские законы и ввести в

[7] Под «höfe» здесь подразумевается то, что современные археологи Новгорода называют **«усадьбами»**.

[8] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 258.

Судную грамоту ряд новых статей, ограничивавших произвол феодалов, особенно в земельных делах [9].

Ливонское свидетельство о восстании 1421 г. следует признать небольшим, но заслуживающим внимания пополнением источников по истории классовой борьбы в Новгороде XV в. Интересно, что ливонский наблюдатель видит в событиях 1421 г. лишь классовую схватку черных людей с боярами и не замечает в них элементов борьбы боярских группировок за власть.

[9] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 390—391.

РУССКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ВОССТАНИИ ВЕНГЕРСКИХ КРЕСТЬЯН 1703—1705 ГГ.

Е. П. Подъяпольская

Венгерская освободительная война 1703—1711 гг. привлекала и привлекает большое внимание историков. Наши архивы содержат интересные материалы о ней. Из них наиболее компактными являются документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов, а именно переписка русских представителей из Вены: письма их Петру I и «первому министру» Ф. А. Головину, руководившему русской иностранной политикой; кроме того, сохранилась взаимная переписка русских послов, находившихся в Западной Европе и Турции, которые сообщали друг другу о важных международных событиях.

Первым корреспондентом, регулярно писавшим с начала XVIII в. в Россию о международной ситуации и о внутренних событиях в Вене, был князь Петр Алексеевич Голицын. Еще в 1702 г. на основании его донесений Петр I сообщил Ф. М. Апраксину: «А здесь весть есть, хотя еще и не подлинная, будто в Венграх начинаютца бунты» [1]. Голицын (1660—1722 гг.) с января 1701 г. получил назначение послом в Вену. Он приехал туда 6 мая того же года, а выехал в Россию в июле 1705 г. Четыре года пребывания Голицына в Вене совпали с началом и развитием венгерского национального освободительного движения.

Корреспонденции П. А. Голицына весьма содержательны. Голицын использовал в своих донесениях венскую почту, «повседневные ведомости», сообщения из Венгрии, а также сведения, получаемые из рассказов дипломатов венского двора. В донесениях раскрывается картина успешного и быстрого развития повстанческой борьбы за национальную независимость и нарастающей бури крестьянской войны.

В мае 1703 г. Голицын сообщил, что по всем городовым воротам прибит текст приговора над князем Ракоци, который был арестован как политический заговорщик, но сумел бежать в Польшу. Ракоци «за вину против своего государя» «деклерован» измен-

[1] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. II. СПб., 1889, стр. 65; ср. «История Венгрии», т. I. М., 1971, стр. 427, 433.

ником, лишен «чести и имени» и объявлен вне закона: «где ево достать можно, всякому велено без допросу смерти ево предать» [2]. Через несколько дней (7 мая) Голицын сообщил, что Ракоци и его ближайший сподвижник Берченьи вступили, с помощью поляков, в пограничные венгерские города. Их сопровождал небольшой отряд из 200 человек. Очень скоро в этот отряд влилось 300 человек «воровских людей», среди них много беглых ратников, в том числе шведов и саксонцев [3]. Позже под знаменем Ракоци находилось несколько сот человек из разных государств: шведы, поляки, «баварчики», французы и «самые цесарцы» [4]. Уже с пятьюстами человек Ракоци вступил в Нижнюю Венгерскую землю, где привлек на свою сторону «несколько сот» «убогих пахотных и пасечных людей» [5]. Так впервые на страницах донесений Голицына появилось сообщение об участии крестьян в освободительной войне венгерского народа.

Ракоци распространяет воззвания, обещая народу вольность и свободу навеки, освобождение от податей и пошлин. В своих призывах он подчеркивает, чтобы к нему шли «безопасно и беспечно» [6]. Этот лозунг включаться в восстание «безопасно и беспечно» перекликается с лозунгом атамана Никиты Голого, выдающегося участника крестьянской войны в России начала XVIII в.: «Идите, не опасайтесь! Будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье!» [7]

Воззвания Ракоци падают на благодатную почву. Число венгерских повстанцев растет. Их уже «многие тысячи». Из Баварской и Тирольской земель «поднялось» «несколько тысяч». Присоединяется множество сел, деревень, городков [8]. Повстанцы достают оружие: почти все они вооружены [9]. Образовано два отряда из «мужицкого народа», во главе которых стоят в качестве военачальников «мужики» [10]. В повстанческое войско приходят регулярные полки из Польши, 12 «знамен» с гербами французского короля [11]; Франция, воюющая с Австрией, заинтересована в том, чтобы ослабить врага и отвлечь силы противника от фронта, поэтому она помогает венгерскому восстанию, снабжает Ракоци деньгами. Он платит и раздает повстанцам жалованье ефимками, червонцами и «французскими талярами» [12]. Но не все идет гладко.

[2] ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1703 г., № 4, л. 39 об.
[3] Там же, л. 78 об.
[4] Там же, 1704 г., № 4, лл. 22, 29.
[5] Там же, 1703 г., № 4, л. 78 об.
[6] Там же.
[7] «Булавинское восстание». М., 1935, стр. 466; *Е. П. Подъяпольская.* Восстание Булавина. М., 1962, стр. 49—50 (о дате воззвания).
[8] ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1703 г., № 4, л. 78 об.
[9] Там же.
[10] Там же, л. 54 об.
[11] Там же, л. 78 об.
[12] Там же; 1704 г., № 4, л. 119.

До сих пор донесения Голицына из Вены были доступны, по-видимому, лишь ограниченному кругу лиц в Москве. Но в июле 1703 г. известия о событиях в Венгрии проникают на страницы газеты «Ведомости». Первое сообщение в «Ведомостях» о венгерском восстании: в Вене «крепко радеют перенять бунтовщиков в Венгерской земле, под Мункачем собранных» [13]. Австрийцам это удается благодаря тому, что часть цесарского войска, шедшего против французов, была брошена на повстанцев [14]. «Полковник Мантикукольской» побил 1200 «бунтовщиков» да 300 живых «на кол посадил» [15] — с торжеством сообщает Вена. Войско Ракоци разбито, сам он ранен и бежит в Польшу, где ему опять-таки помогает Франция [16]. Русский посол в Польше Г. Ф. Долгорукий даже склонен считать, что венгерские события инспирированы французами: «бунты» в Венгерской земле, писал он Ф. А. Головину, «зачинаются» «от ...французских факцей» [17].

Некоторое время повстанцы терпят поражение. Так, подполковник Брек дважды нападал на повстанцев, побил (за оба раза) 1800 человек, кроме того, «посадил на кол» 200 да «на крюк бросил» (т. е. повесил за ребра) 150 человек [18]. Столь жестокой расправе подверглись, по-видимому, крестьяне, так как в том же сообщении говорилось, что из 4000 разбитых и рассеянных повстанцев треть (около 1350 человек) оказалась безоружной [19]. Наиболее вероятно, что безоружными были именно крестьяне.

Но уже в августе повстанцы снова захватили инициативу и в свою очередь беспощадно расправлялись с противником. Так, они сожгли городок Аласы и не пощадили никого, кто отказался к ним присоединиться. Так же поступили они под городами Люц и Унгвары [20]. Большой победой восставших было падение крепости Густ, в которой достались им пушки и артиллерийские припасы [21].

Нередко радостные сообщения из Вены о том, как были разбиты «бунтовщики», перемежаются со своего рода опровержениями, например: «Только те бунтовщики еще больши себя в Венгрии розширяют» [22]. П. А. Голицын так писал 7 сентября Петру I: «О Венгерском бунте... ныне повторне доношу, что тот бунт не умаляетца, но болши разширяетца, и великое разорение чинят.

[13] «Ведомости времени Петра Великого», т. I, 1703—1707 гг. М., 1903, № 23, стр. 66 (1703 г.).
[14] Там же.
[15] ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1704 г., № 4, лл. 55, 64 об., 65.
[16] Там же, л. 55.
[17] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. II, стр. 639 (письмо Г. Ф. Долгорукого от 22 июля 1703 г.).
[18] ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1703 г., № 4, л. 65.
[19] Там же.
[20] Там же, лл. 82 об.— 83.
[21] Там же, л. 83.
[22] Там же, лл. 82 об.— 83; см. также лл. 76, 76 об., 95, 95 об., 96, 96 об., 116, 117, 119, 119 об., 66 об.— 67.

О чем здешней двор цесарской великое имеет себе противление и все время не без страху»[23]. И в следующих донесениях идут одна за другой тревожные вести. Венгерская «ребелия» расширяется: «Тот огонь со дня на день со многими тысячами разширяется». «И естли вскоре тот огонь не погаснет, не в малом замешании и противности цесарской двор будет»[24], и т. п.

Донесения П. А. Голицына 1703 и 1704 гг. о венгерской освободительной войне весьма многочисленны. То и дело в этих сообщениях находим материалы об участии крестьян в восстании. Об их классовой непримиримости свидетельствуют сообщения о том, что Ракоци, к которому присоединились крестьяне, «разорил» «до основания» «грабежом и огнем» тех, кто не присоединился к повстанцам[25]. «Многие жители» верхней Венгрии «вывозят свое имение»; «видя со дня на день больши расширение того огня, нихто из дворян тамо пребывать не хочет, а паче для того, что оные от своих власных подданных не удоволены есть»[26]. Ненависть подневольного венгерского крестьянства особенно сильна к помещикам-немцам. Так, повстанцы сожгли дотла и разорили вотчины генерала Пальфия[27]; они жгли села и деревни немецких крестьян, которые воевали против них[28]. Повстанцы напали на замок или крепость («острог») Евгения Савойского и отогнали у него 1600 голов рогатого скота и большое кобылье стадо с жеребятами[29]. Национальная вражда принимала зверские формы. На границе Баварии «люди» баварского курфюрста «ругательно», как говорит документ, содрали кожу с живого «деревенского мужика». Эта бесчеловечная демонстрация на границе, на глазах повстанческого войска, произвела сильное впечатление. На следующий день повстанцы «с деревенскими мужиками» перешли границу, взяли приступом урочища и город Виллибалты, где находилось 1700 солдат, «и деревенские люди всех их порубили» и захватили большую добычу[30]. Повстанцы сожгли четыре деревни в двух милях от Вены, чем вызвали панику в столице и ее предместье[31].

В конце 1704 г. Петр I послал Леопольду грамоту об отозвании князя П. А. Голицына. В начале апреля тот получил отпускную от Леопольда. Но смерть императора задержала отъезд Голицына: лишь 15 июля 1705 г. отпускная грамота ему была дана от Иосифа I[32]. Вот почему донесения из Вены за 1705 г. почти

[23] Там же, лл. 76, 76 об.; см. также л. 70, 70 об.
[24] Там же, лл. 95—97 об.; 1704 г., № 4, лл. 25, 92 об.
[25] Там же, 1703 г., № 4, лл. 78, 82.
[26] Там же, л. 92 об.
[27] Там же, л. 19.
[28] Там же, л. 21.
[29] Там же.
[30] Там же, лл. 45 об.— 46, 48, 48 об.
[31] Там же, лл. 48, 48 об., 52 об.— 53 об.
[32] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. I. М., 1894, стр. 42—43.

отсутствуют. Однако мне удалось найти интересный документ о венгерском восстании 1705 г.— ведомости, присланные Константину Кантакузину от полномочного Петра Лавренца из Седмиградской земли [33]. П. Лавренец сообщал о двух армиях римского цесаря, разбитых повстанцами: одной — генерала Ржичана около Тирнавы, по сю сторону Дуная, с строевой немецкой пехотой в 4000 человек и трехтысячной конницей, состоявшей главным образом из датчан, другой — генерала Гайстера с 7000 старых немецких солдат, с одним полком хорватов, 1500 сербов и 200 венгров. Особенно тяжелое поражение потерпел генерал Ржичан, разбитый генералом Берченьи. Из всей 4-тысячной немецкой пехоты спаслось 464 человека, которые перешли на службу к повстанцам, остальные были побиты, причем «били и рубили их» «деревенские мужики». В результате крупной победы над этими двумя генералами на Венгерской земле не осталось немецкого войска (хотя некоторые города по обеим сторонам Дуная еще предстояло взять).

Следует отметить участие работных людей в Венгерской освободительной войне. Когда Ракоци приблизился в 1703 г. к горным местам (Перкштет), где шла добыча золота, тамошние «работные люди» примкнули к нему. Повстанцы полтора месяца удерживали Перкштет. Ракоци удалось пополнить свой бюджет [34].

В одном из писем к Ф. А. Головину Голицын передавал слух об участии запорожцев в освободительной войне венгерского народа: «некоторые своевольники с Подолы из Запорог к тем бунтовщикам приходили» [35].

В конце 1703 г. со стороны Австрии начались попытки договориться с «бунтовщиками» о мире. Первая половина 1704 г. проходит в таких переговорах, то затухающих, то усиливающихся [36]. Переговоры идут в напряженной военной обстановке. Например, с одной стороны, повстанческий генерал Берченьи приглашает цесарских уполномоченных вести переговоры в только что завоеванном городе [37]. С другой стороны, посредники в этих переговорах — англичане и голландцы (союзники Леопольда) — угрожают: «если Берчени с своими бунтовщиками не спокоится», то они найдут средство повстанцев привести к миру, так как под Белградом уже стоит в боевой готовности 15-тысячное турецкое войско[38]. Угрозы не помогают. Голицын пишет Ф. А. Головину: «В Венграх день ото дня великие злости болши разширяются... и свое склонение к миру вдаль отложили» [39]. Император Леопольд становится

[33] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 12, лл. 340, 340 об. (352, 352 об.), 341 (353).
[34] ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1703 г., № 4, лл. 92 об.— 93, 112—113.
[35] Письмо П. А. Голицына из Вены от 23 февраля 1704 г. (ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1704 г., № 4, лл. 22, 29).
[36] Там же, лл. 28—29, 43—45 об.
[37] Там же, лл. 45, 25.
[38] Там же, лл. 46—47.
[39] Там же, л. 48—48 об.

все более сговорчивым: «Цесарское величество с великою охотою и соизволением ищет всякими образы — учинить з бунтовщиками венгерскими мир, хотя им какое новое удовольство перед прежними постановленными пунктами учинить»[40]. Но обе стороны стараются оружием добиться выгодных для себя условий мира.

Переговоры о мире оказываются в центре донесений Голицына и заслоняют в них тот интерес, который он проявлял к участию «деревенских мужиков» в освободительной войне Венгрии. Возможно также, что эти переговоры в известной степени влияли на настроение венгерских крестьян, так как, помимо обещаний Леопольда руководителям освободительной войны о возврате им их имений и чинов, император сулил повстанцам-крестьянам те вольности, за которые они боролись (оговаривая, впрочем, свои обещания сроком только на пять лет)[41].

[40] Там же, л. 94—94 об.

[41] «Ведомости времени Петра Великого», т. I, стр. 116; ЦГАДА, Сношения с Австрией, 1704 г., № 4, лл. 116—177.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XVII В. В РОССИИ

В. Д. Назаров

Значение крестьянских войн в эпоху развитого феодализма трудно переоценить. В них как бы синтезировалось все противоречивое предшествующее развитие средневекового общества, их исход во многом определял будущие его судьбы. Понятно поэтому огромное внимание, уделяемое изучению различных проблем крестьянских войн советскими историками [1].

Особенно плодотворным является сравнительно-историческое исследование крупнейших классовых катаклизмов феодального общества. Такой подход позволяет с наибольшей отчетливостью

[1] Интенсивное исследование указанных вопросов началось почти сразу же после Октябрьской социалистической революции, но первые итоги были как бы подведены на совещании по истории крестьянских войн в Ленинграде 9—11 декабря 1933 г. (конспективный отчет о нем см.: «Исторический сборник», т. I. Л., 1934) и в статье С. Пионтковского «Историография крестьянских войн в России» («Историк-марксист», 1933, № 6, стр. 80—119). Краткий обзор литературы по данной проблематике см. также в работе В. В. Мавродина «Советская историческая наука о крестьянских войнах в России» (В кн.: *И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.— Л., 1966). Кроме того, специально крестьянской войне начала XVII в. в России была посвящена дискуссия, проведенная на страницах журнала «Вопросы истории» в 1958—1961 гг. Ряд важнейших методологических проблем крестьянских войн в России поднимался в ходе различных дискуссий в журналах «История СССР» и «Вопросы истории». Важнейшие проблемы классовых битв в странах Европы стали предметом исследования многих советских медиевистов (см. *М. М. Смирин.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955; *он же.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962; *С. Д. Сказкин.* Исторические условия восстания Дольчино.— «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М., 1955; *он же.* Первое послание Дольчино.— «Из истории социально-политических идей». М., 1955; *А. В. Конокотин.* Жакерия 1358 г. во Франции.— «Ученые записки Ивановского государственного педагогического института», т. XXXV, 1964; *А. Н. Чистозвонов.* Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964; *В. Ф. Семенов.* Огораживание и классовая борьба крестьянства в XVI в. в Англии. М., 1949; *Б. Ф. Поршнев.* Народные восстания во Франции перед Фрондой. М., 1948; *он же.* Феодализм и народные массы. М., 1964; *Е. В. Гутнова.* Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья.— «Вопросы истории», 1966, № 4; и др.).

вскрыть общие черты крестьянских войн и в то же время выявить конкретно-специфические их особенности в истории отдельных стран и народов. Именно по этому пути в советской историографии последних лет идет изучение классовой борьбы в средневековье. Решение данной проблемы позволит с большей основательностью судить о вопросах эволюции развитого феодального общества, времени, путей и форм зарождения капиталистического способа производства. Ведь связь между конкретными результатами крестьянских войн и изменением характера развития средневекового общества несомненна [2].

Одним из важнейших, подлежащих изучению в общем круге проблематики крестьянских войн является вопрос об их движущих силах, о социальной структуре лагеря восставших. Анализ его неразрывно связан с исследованием объективных, глубинных причин происхождения крестьянских войн. Решение его дает в руки исследователей надежный компас для ориентировки в сложнейшем, запутанном конгломерате политических событий, в котором предстает перед потомками крестьянская война. Задача настоящей статьи и заключается в попытке выявить своеобразие социального состава лагеря восставших в крестьянской войне в Русском государстве начала XVII в. и характер последствий данного явления в сопоставлении с гражданскими войнами [3] стран Западной и Центральной Европы.

Естественно, что в небольшой работе нет возможности не только решить, но и поставить достаточно полно весь круг вопросов, связанных с данной проблемой. К тому же многие стороны истории крестьянской войны начала XVII в. в Русском государстве остаются до сих пор остро дискуссионными [4]. Далеко не в полной мере изучены существеннейшие черты социально-экономической эволюции России середины — второй половины XVI в., которые во многом определили позицию классов, сословий и сословных групп в событиях крестьянской войны.

Наименее спорным представляется вопрос о значении крестьянства в гражданских войнах феодального общества. Общие условия его социально-экономического бытия, сходные в главном во всех

[2] Среди советских историков, исследующих проблематику крестьянских войн в России, на это в последнее время обратили внимание М. В. Нечкина (К итогам дискуссии о «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодализма.— «Вопросы истории», 1963, № 12, стр. 34) и В. А. Голобуцкий (О начале «нисходящей» стадии феодальной формации.— «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 135—136).

[3] Мы полностью разделяем мнение, высказанное в ходе дискуссии о крестьянской войне в России начала XVII в., что крестьянские войны являются гражданскими войнами эпохи феодализма (см. об этом «Вопросы истории», 1961, № 5, стр. 103—104, 107).

[4] Мы присоединяемся к многим исследователям (А. А. Зимину, Р. В. Овчинникову, В. И. Корецкому, И. М. Скляру и др.), усматривающим именно в крестьянской войне главный стержень и основное содержание политической истории Русского государства с начала XVII в. и до середины его второго десятилетия.

странах феодального мира, объективно определяли его роль основного борца против феодального гнета. Однако хорошо известно, что в силу особенностей своего положения крестьянство как класс, как правило, неспособно на вполне самостоятельную, длительную и достаточно осознанную политическую активность. К. Маркс подчеркивал, говоря о крестьянах: «Они не могут представлять себя, их должны представлять другие»[5]. В силу этого роль фермента в крестьянских вооруженных движениях, их идеологического и в известной мере организующего начала должна была неизбежно выполняться иными социальными силами. В государствах Западной и Центральной Европы ими были городские слои феодального общества и прежде всего определенные круги плебейских масс. В России при несомненной активности и значительности роли посадского населения в событиях крестьянской войны такой группой стало казачество.

Чем же было вызвано данное явление и какое влияние оно оказало на ход и результаты гражданской войны в Русском государстве начала XVII в.?

Обратимся прежде всего к краткой характеристике деятельности и значения городского населения стран Европы в гражданских войнах эпохи феодализма. Объективно роль города в этих движениях определялась тем, что именно в нем в первую очередь складывались и укреплялись факторы, открывающие путь буржуазному способу производства. В силу этого городское население в целом было заинтересовано или в создании социально-политических условий для наиболее свободного развития мелкотоварного производства и в городе и в деревне и товарно-денежного обращения в рамках складывающихся национальных образований, или же, при уже имеющихся (пусть даже минимальных) капиталистических производственных отношениях, в преобразовании всей социально-экономической и политической структуры общества (как это было в Германии начала XVI в.). Эти объективные интересы горожан основывались на тенденциях общего характера эволюции города и всего общества и обусловливались тем, что и сам город подвергался феодальной эксплуатации.

Однако, в отличие от крестьянства, положение городских слоев было несравненно более противоречивым. В силу неэквивалентности обмена между городом и деревней, монополизации его в руках купеческих корпораций бюргерство принимало и непосредственное и опосредованное участие в присвоении части прибавочного продукта крестьянства[6]. Оно обладало рядом существенных привилегий, закреплявших его исключительную роль в сфере ремесленного производства и обмена. Кроме того, по мере развития фео-

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 8, стр. 208.

[6] Кроме того, в ряде стран Западной Европы (Германии, Италии и др.) отдельным городским коммунам принадлежали земли с зависимым крестьянским населением.

дального общества нарастали противоречия внутри городского населения: между патрициатом и бюргерством, между различными группами последнего, между бюргерством и городским плебсом, находившимся вообще вне сословных рамок. Понятно поэтому, что объективные интересы городского населения осознавались и реализовывались в политической жизни в крайне противоречивой форме, давая весьма широкий спектр разнообразных и зачастую противодействующих идей, решений и действий различных его групп. Наиболее активным элементом в антифеодальной классовой борьбе были плебейские массы города, интересы которых были весьма близкими к объективным интересам крестьянства.

Средневековый город не только был экономическим центром, но и играл ведущую роль в политической и культурно-идеологической жизни общества. В нем прежде всего происходило развитие еретических движений, вначале бюргерских, из которых позднее (примерно с XIV в.) [7] выделились плебейско-крестьянские ереси. Зарождение и эволюция последних означали идеологическую подготовку открытых классовых битв (в невиданных ранее масштабах), поскольку именно в подобных воззрениях (лоллардов в Англии, хилиастического крыла таборитов в Чехии, плебейско-крестьянской реформации в Германии) формулировались основные социально-экономические и отчасти политические задачи плебса и крестьянства. Развитие пропаганды таких идей будило политическую активность угнетенных народных масс, подготавливало их сознание к пониманию необходимости открытой вооруженной борьбы за свои требования и тем самым ускоряло ход классовой борьбы, начало крестьянских восстаний и войн. Специфические формы распространения таких идей (тайные общества лоллардистов в Англии, заговоры «Башмака» в Германии и т. д.) уже на раннем этапе вносили в ряды участников этих движений отдельные элементы организованности и единого руководства. Распространявшиеся путем устной и письменной агитации в достаточно широких масштабах основные социально-экономические требования плебса и крестьянства (ликвидации крепостного права, уравнения прав сословий, возвращения общинных земель и конфискации церковных, имущественного и социального равенства с обоснованием так называемой теорией «божественного права») становились средством внедрения элементов относительной сознательности и организованности в действия народных масс в ходе крестьянских войн и восстаний. Понятно, что роль единого руководства в таких движениях (насколько оно было возможно в условиях феодального общества) выполнялась по преимуществу теми лицами, которые возглавляли разработку и распространение этих еретических теорий.

Город был местом сосредоточения государственной власти. Ясно, что активное участие городского плебса и наиболее решитель-

[7] *Е. В. Гутнова.* Указ. соч., стр. 60—63.

но настроенного бюргерства в событиях крестьянских войн создавало угрозу аппарату феодального насилия в его наиболее важных звеньях. Кроме того, когда во главе городского самоуправления находились представители плебса и революционно настроенного бюргерства, эти коммунальные органы становились руководящим и организующим центром движения крестьянства прилегающих к городу областей (как то имело место в некоторых районах Германии) [8]. В своей совокупности органы городского самоуправления при успешном ходе крестьянской войны могли стать (наряду с общегосударственными сословно-представительными институтами) основой новой государственно-политической системы. В известной мере аналогичные события и произошли впоследствии в ходе буржуазных революций в Нидерландах, Англии и Франции.

Наконец, в военном отношении роль города определялась, во-первых, тем, что именно он был центром производства оружия, боеприпасов, военного снаряжения, и, во-вторых, несравненно лучшей подготовленностью горожан к ведению вооруженной борьбы. Горожане в своей массе были значительно лучше вооружены и обучены военному ремеслу, чем крестьяне, хотя бы уже в силу многовековой истории городского ополчения. К тому же в эпоху крестьянских войн и восстаний именно городской плебс был питательной средой наемного войска.

Следовательно, наличие теоретически оформленных антифеодальных воззрений (в типичной для позднего средневековья форме), их известная всеобщность, отдельные элементы организованности, сознательности и в некоторой мере единого руководства в открытой вооруженной классовой борьбе — все эти элементы крестьянских войн и восстаний в странах Западной и Центральной Европы стали прежде всего плодом деятельности горожан, и в первую очередь городского плебса, и определялись его воздействием на крестьянство.

Специфические условия развития русского города в XV—XVI вв. при всей его принципиальной однотипности с западноевропейским городом, определили своеобразие его роли в событиях крестьянской войны в Русском государстве начала XVII в. В идеологическом отношении русский город XVI в. не стал устойчивой социальной базой реформационных воззрений: непрерывная струя еретичества в городах Северо-Восточной Руси XIV — середины XVI в., поднявшегося до провозглашения отдельных положений гуманистического и реформационного толка, была сравнительно лег-

[8] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 7, стр. 403—404, 422—431; *М. М. Смирин*. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны, стр. 238—248; см. также *Х. Кёдиц*. К истории народного движения в Мюльхаузене (Тюрингия), 1523—1575.— «Средние века», вып. 21—22. М., 1962; *Й. Мацек*. Крестьянский сейм в Инсбруке (12 июня — 21 июля 1525 г.).— Там же; и др.

ко прервана наступлением воинствующих осифлянских кругов церкви в союзе с государственной властью [9]. В период, отделяющий крупнейшего еретика середины XVI в. Феодосия Косого от крестьянской войны в России начала XVII в., мы вообще пока не знаем сколько-нибудь развитого и идеологически оформленного еретического движения. В результате угнетенные массы крестьянства и плебса оказались лишенными более или менее разработанных теоретических воззрений. Их взгляды, лозунги борьбы, известные нам, видимо, не полностью, определялись не столько уровнем развития еретических учений, сколько накалом и остротой классовой борьбы, воздействием казацкой «идеологии» [10]. Более того, даже та часть посадского населения, которую можно сравнить с западноевропейским бюргерством, в течение крестьянской войны не сумела выдвинуть самостоятельной социально-политической программы, адекватной ее объективному положению. Только тогда, когда под угрозу было поставлено самостоятельное существование России, посадские люди выступили с программой национально-освободительной борьбы. Характернейшей чертой ее, однако, была ориентация на союз с широкими кругами уездного дворянства — объективно за счет коренных интересов крестьянства, казачества, холопства, городских низов, а в конечном итоге — и за счет важнейших интересов самих горожан.

Своеобразным было и социально-политическое положение торгово-ремесленного городского населения в Русском централизованном государстве: сравнительно слабее были развиты коммунальные органы самоуправления, в общегосударственном органе сословного представительства был представлен практически только узкий круг верхушки купечества. Зарождение и постепенное развитие бюрократической машины Русского централизованного государства еще более ограничило сферу действия и компетенции городского самоуправления. Органы его в период нарастания и кульминации крестьянской войны не стали ее организующим и сплачивающим центром в сколько-нибудь широком масштабе. Наиболее мощные и опасные для государства вспышки открытой вооруженной борьбы горожан зачастую происходили без использования институтов городского самоуправления, причем активность низов го-

[9] *Я. С. Лурье.* О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв.— В кн.: «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов». М., 1963, стр. 86; *А. А. Зимин.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв.— Там же, стр. 117—118.

[10] Строго говоря, ни крестьянство, ни казачество не выработали, да и не могли выработать, самостоятельно собственной идеологии. Уровень их теоретической мысли не выходил за рамки обыденного сознания, в сферу которого входили и отдельные взгляды и комплексы идей по существенным вопросам экономики, права, политики. Однако в границах обыденного сознания казачество, благодаря специфичности происхождения и условий существования (подробнее об этом см. ниже), обладало более развитым, многосторонним и единым комплексом представлений и идей.

рода в такие моменты вызывала к жизни уже, казалось бы, давно забытые формы политической организации вечевого характера. Вообще для торгово-ремесленного населения крупнейших городов центра, запада и севера страны в период до поражения восстания под руководством И. Болотникова была характерна известная политическая пассивность. В ряды антиправительственного лагеря в 1604—1607 гг. вошли только города южных областей, в которых преобладали «служилые люди по прибору», а удельный вес торгово-ремесленного населения был незначителен (за исключением Астрахани, Путивля, Калуги). Фактически посадские люди крупнейших торгово-ремесленных центров страны оказали в момент кульминации открытой классовой борьбы в стране правительству В. Шуйского и финансовую, и военную помощь [11]. Подъем антиправительственной борьбы горожан в центре, на западе и севере государства произошел уже после подавления восстания под руководством И. Болотникова и был сравнительно кратковременным. В условиях усиливающейся иностранной интервенции политическая активность посадского населения в дальнейшем все более переходила в русло национально-освободительной борьбы. Именно тогда увеличивается значение сословно-представительных органов посадских людей, сыгравших значительную роль в их сплочении, в организации национально-освободительного движения.

Вооруженные выступления городских низов, хотя и оказали существенное влияние на общеполитическую ситуацию в стране (в ходе восстания 1 июня 1605 г. в Москве было свергнуто правительство Годуновых, значительной была роль городских низов и при низложении В. Шуйского и т. д.), были тем не менее в значительной степени изолированы от основного потока классовой борьбы крестьянства, казачества и холопства: даже чрезвычайно острые и длительные по времени классовые конфликты в Пскове почти не отразились на общем ходе борьбы в стране.

Следовательно, русский город в событиях крестьянской войны начала XVII в. ни в идеологическом, ни в политическом, ни в военно-организационном отношениях не имел такого значения, каким обладал в подобных ситуациях город стран Западной и Центральной Европы. Своеобразие России, а также и некоторых других стран Восточной и Юго-Восточной Европы состояло в том, что объективно роль активного начала в открытой классовой борьбе, роль ее «идеолога» и в известной мере организатора взяло на себя казачество. И сильные, и слабые стороны этой специфической социальной прослойки, в известной мере определившие особенности

[11] В период 1601—1607 гг. классовая борьба внутри крупнейших городов центра, запада и севера страны шла или против феодальных владений на посаде прежде всего церковных, объединяя в таком случае бóльшую часть городского населения (см. об этом, например: *В. Д. Назаров.* Классовая борьба горожан и правительство Бориса Годунова.— В сб.: «Города феодальной России». М., 1966, стр. 216—223; для времени по 1605 г. включительно), или же между различными группами посадских людей — как то было в Новгороде и Пскове.

крестьянской войны в России, коренились в условиях ее происхождения, существования и развития [12].

Появление свободного казачества исторически обусловлено своеобразием развития государств Юго-Восточной и Восточной Европы. В этой связи прежде всего необходимо отметить резкий рост крепостничества и классовых противоречий в Русском государстве и Речи Посполитой. Здесь огромный поток беглых крепостных крестьян направлялся не в города, а на окраинные территории, еще свободные от власти крепостнического государства и феодалов. Способствовали этому и благоприятные природно-климатические условия районов новой колонизации. Возникавшие поселения казаков представляли собой в экономическом плане крестьянские хозяйства мелких производителей, свободные от феодально-крепостнической эксплуатации, имевшие вначале по преимуществу промысловый характер и постепенно развивавшиеся в направлении хозяйств пашенно-скотоводческого типа [13]. Специфической особенностью хозяйственного уклада казачьих областей было то, что свое свободное существование как мелких производителей они были вынуждены постоянно отстаивать в условиях непрекращающейся военной борьбы. Вслед за народным освоением так называемого «Дикого поля» шла вторая волна феодально-правительственной колонизации и в Речи Посполитой, и в Русском государстве, что диктовалось как земельными аппетитами крупнейших магнатов и дворянства, так и стремлением феодалов к уничтожению свободных областей. Степные районы северного Причерноморья стали и местом столкновения интересов трех соперничающих государств: Русского, Речи Посполитой и Крымского ханства со стоящей за ним Османской империей. Причем если для первых двух земли «Дикого поля» представляли собой объект феодального освоения, то для крымских феодалов эти районы были важны прежде всего как плацдарм для набегов и грабежей в России и на Украине.

В этих условиях донские и запорожские казаки были первым форпостом в борьбе с Крымским ханством. Поэтому правительства и Польши, и России были вынуждены до определенной степени умерять свои попытки полного подчинения казачества (не имея зачастую и достаточно сил для этого), использовать казаков (и прямо, и косвенно) в своих международных акциях.

[12] О казачестве существует многочисленнейшая дореволюционная и советская литература. Из последних работ отметим (в них указана и предшествующая библиография): *А. П. Пронштейн.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961; *Е. П. Подъяпольская.* Восстание Булавина. М., 1962; *В. А. Голобуцкий.* Запорожское казачество. Киев, 1957; и др. Отдельные положения о значении казачества в крестьянских войнах в России, сходные с развиваемыми ниже, высказывались И. И. Смирновым, В. В. Мавродиным, В. А. Голобуцким, И. Г. Рознером.

[13] *А. П. Пронштейн.* Указ. соч., стр. 105—107; *В. А. Голобуцкий.* Указ. соч., гл. 1—2.

Однако военный уклад хозяйственного быта казачества сказывался не только в постоянной необходимости вооруженной защиты своих областей, но и непосредственно, так как казаки в значительной мере жили за счет добычи, захваченной в «походах за зипунами» (донских казаков на Волгу, Каспийское море и побережье Крыма, запорожского казачества на северное, западное и южное побережье Черного моря).

Казачьи области представляли собой в глазах угнетенных масс альтернативу «свободной» жизни порядкам крепостнических государств. Земля принадлежала лицам, обрабатывающим ее по праву первой трудовой заимки, распорядок внутренней жизни строился на своеобразном преломлении традиций крестьянской общины и, по видимости, характеризовался «мужицким демократизмом». Вот это иллюзорное представление о якобы полностью автономном и самостоятельном существовании «мужицких республик», свободных от крепостнического гнета и разоряющего влияния рынка, и было реальной общественно-психологической основой для массового воздействия казачества, в первую очередь на крестьянство.

Казачество формировалось по преимуществу из среды наиболее активных противников существующих порядков, что делало его наиболее возбудимым и подвижным элементом в классовой борьбе, очень чутко улавливающим кризисные ситуации в недрах феодально-крепостнических обществ. Ясна и военная роль казачества в открытой вооруженной борьбе: сами условия их существования делали казаков умелыми, хорошо вооруженными воинами, с навыками твердой дисциплины, одинаково успешно сражающимися и в конном, и в пешем строю, с выработанной и закрепленной тактикой наступательных и оборонительных военных действий. Понятно авангардное положение казачества в крестьянской войне, его значение как основного военного ядра повстанческой армии. Менее ясны, особенно для крестьянской войны начала XVII в., иные аспекты его роли, определяемые предшествующей историей казачества.

Прежде всего — значение казаков в выработке идеологических требований движения. По нашему мнению, и основные лозунги, провозглашенные в кульминационный момент гражданской войны начала XVII в. (восстание под руководством И. Болотникова), и методы их достижения — все это продукт развития политического сознания казачества, внесенного в массы поднявшегося на открытую борьбу угнетенного народа. В условиях существования последнего крылась объективная возможность успешного усвоения и закрепления этих лозунгов и идей.

Действительно, сам ход экономического развития общества как одну из вероятных тенденций дальнейшей эволюции выдвигал идею укрепления и развития свободного мелкотоварного крестьянского хозяйства. Реализация ее означала или полный слом крепостнической системы, или же, по крайней мере, значительное смягчение форм и масштабов феодально-крепостнической эксплуатации.

Это объективно предполагало ожесточенную политическую борьбу с феодалами-крепостниками. Наиболее последовательной позицией с точки зрения крестьянства был лозунг физического истребления феодалов и представителей государственного аппарата, конфискация их имуществ. Этот лозунг и его реальное применение известны давно — уже в национально-освободительной борьбе Молдавского княжества 70-х годов XVI в. (активнейшую роль в ней сыграло запорожское казачество), ибо подавляющая часть молдавского боярства придерживалась протурецкой ориентации. Несравненно более ярко оно выступило в ходе двух крупнейших восстаний на Украине в Речи Посполитой 90-х годов XVI в. под руководством К. Косинского и С. Наливайко. Эти движения сопровождались массовым уничтожением шляхты, конфискацией ее движимого и недвижимого имущества, показачиваньем целых районов. Существенной особенностью данных восстаний была их направленность на захват городов — центров политического и военного господства феодалов [14].

Хорошо известно, сколь присуща крестьянству идея наивного монархизма; в условиях классовых битв она реализовывалась в самозванчестве — типичнейшей черте крестьянской войны начала XVII в. Трудно утверждать, что именно казачество выдвинуло первого самозванца на Руси; однако Лжедмитрий I пользовался широкой поддержкой и запорожских, и донских казаков еще в пору своего пребывания в Польше, и именно их активные выступления, наряду с развитием открытой классовой борьбы в южных районах Русского государства, сыграли решающую роль в его победе. Впоследствии уже из среды самого казачества (или же оказачившихся элементов общества) вышло немало разнообразнейших «отпрысков» и «родственников» угасшей династии. В политической истории казаков и эта идея давно не была новостью. Самозванчество широко использовалось запорожцами во время их участия в национально-освободительной и классовой борьбе молдавского народа. Первым в череде самозванцев-казаков 70—80-х годов XVI в. был знаменитый Иван Подкова [15].

Возможно возражение, что опыт запорожского казачества не мог оказать непосредственного и ощутимого влияния на характер борьбы народа в крестьянской войне начала XVII в. Однако подобная мысль нам представляется неверной, и вот почему.

Во-первых, необходимо учитывать близость социально-экономической эволюции стран Юго-Восточной и Восточной Европы. Идеи, лозунги и методы классовой борьбы, отражавшие коренные интересы закрепощенных масс одной страны, могли

[14] *В. А. Голобуцкий.* Указ. соч., стр. 100—102, 105—108, 132—145; *Н. Мохов.* Очерки истории молдаво-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, стр. 56 63—65, 67—79.

[15] *Н. Мохов.* Указ. соч., стр. 53—69.

быть восприняты и действительно воспринимались крестьянством другой.

Во-вторых, запорожское и украинское казачество, в среде которого указанный опыт сохранялся в наиболее «чистом» виде, приняло активное участие в крестьянской войне начала XVII в.

В-третьих, в действиях донских и волжских казаков, тяготевших к Русскому государству, можно отметить проявление подобной идеологии уже в 80—90-х годах XVI в. (насколько позволяют об этом судить, к сожалению, весьма малочисленные известия).

И, наконец, важной особенностью казачества была постоянная «интернационализация» и взаимное обогащение опытом политической деятельности путем постоянного обмена казаками между Запорожской сечью и Доном [16] и путем совместного участия в военных и политических акциях. «Идеология» и методы борьбы казачества более старых поселений становились общим достоянием степного казачества.

Вот почему в крестьянской войне начала XVII в. казачество, особенно в периоды подъема и кульминации, сыграло весьма значительную роль. Однако по мере того как становился ясным постепенный упадок классовой борьбы, все более проблематичным благоприятный ее исход, происходит размежевание целей казачества, крестьянства и холопства. Этот прогрессирующий упадок роли казачества в перипетиях политических столкновений, сопровождавшийся раздроблением и дифференциацией сил внутри него, не был случайностью.

Казачьи области на Днепре, Дону, Волге, Яике и Тереке никогда не были и не могли быть экономически полностью самостоятельными и автономными. Они были неразрывно связаны со своими метрополиями, особенно в период появления и развития казачьих хозяйств. Необходимые продукты сельскохозяйственного и ремесленного производства казаки могли получать и получали через разнообразные формы обмена (от правительственного «жалованья» до военных грабежей, от мелкой меновой до крупной денежной торговли).

Кардинальные факторы дальнейшей эволюции казачьих поселений были не внутри, а вне их и зависели в конечном итоге от исторических судеб государств Восточной Европы. В этом принципиальное отличие значения казачества как социальной прослойки от горожан, качественное отличие «казачьих республик» от средневекового города, который в условиях высокоразвитого феодального общества так или иначе всегда был местом зарождения и постепенного развития элементов капиталистического способа производства. Победа же крепостнической тенденции исторического развития

[16] РИБ, т. XVIII, кн. 1, стр. 339; см. также *В. А. Голобуцкий.* Указ. соч., стр. 114—115.

России предопределила неизбежность повторения (в своеобразных формах) цикла зарождения и укрепления феодальной социальной структуры в казачьих областях.

Поэтому в социальной структуре крепостнических обществ казачество занимало промежуточное положение, было своеобразным резервом и ступенькой поступательного развития феодальных отношений на новых территориях и в новых условиях [17]. Отсюда неустойчивость значительных групп казачества в ходе политической борьбы, их постоянная склонность к компромиссам во имя непосредственных выгод с представителями господствующего класса объективно за счет коренных требований крестьянства и холопства.

Часть казачества, крепко и давно осевшего в районах старых поселений (на Дону, Яике и т. д.), в условиях спада крестьянской войны постепенно отходила от активных действий, стремясь только к закреплению автономии, собственных привилегий и внутренней политической самостоятельности в своих областях. Перед другими группами казаков (и прежде всего ставшими казаками накануне или в ходе крестьянской войны начала XVII в.) открывалась возможность перехода или в низшие слои господствующего класса (вспомним неоднократные испомещения, индивидуальные и коллективные, казаков в ходе и после окончания гражданской войны в России), или в разряд «служилых людей по прибору». Эта возможность была весьма реальной, ибо еще во второй половине XVI в. в процессе правительственной колонизации «Дикого поля» подобная практика была сравнительно широко распространена. Необходимость же нейтрализации наиболее активных элементов в эпоху острых социальных конфликтов подталкивала и правящие, и соперничающие с ними за власть феодальные группировки к расширению масштабов этой практики в разных районах страны.

Специфической была роль и значительной части украинского казачества в заключительных событиях гражданской войны начала XVII в.: во имя достижения внутренних задач она поддержала интервентов. Только сравнительно немногочисленные казачьи отряды, видимо, остались в рядах последовательных антифеодальных борцов вплоть до заключительных аккордов крестьянской войны [18].

[17] Промежуточное положение казачества в русском обществе в свое время было отмечено М. М. Цвибаком (Историческая теория К. Маркса и Ф. Энгельса и крепостничество «второго издания» в восточной Европе.— В кн.: «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». «Известия ГАИМК», вып. 90. М.— Л., 1934, стр. 467—469).

[18] В этом же отношении важно учитывать воздействие на различные группы казачества иных социальных групп — и в первую очередь близких к ним представителей других промежуточных слоев населения — различных разрядов «служилых людей по прибору» (прежде всего южных районов страны).

Казачество, увлекшее первоначально за собой на открытую антифеодальную борьбу значительные массы крестьянства, холопства, городских низов, придавшее их движению определенное идеологическое единство и относительную военно-политическую сплоченность, не только оказалось неспособным на более или менее длительное объединение угнетенных слоев города и деревни (а только в стабильности подобного союза крылась возможность успешного исхода крестьянской войны в России начала XVII в.), но и само было расколото естественным ходом событий на ряд соперничающих и противоборствующих течений.

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РОССИЯ

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ КОНЦА XV В.

А. А. Зимин

Русская гуманистическая мысль конца XV — начала XVI в. одним из своих источников, как и европейское Возрождение в целом, имела античное наследие, проникавшее и непосредственно, и через патристическую философию. Уже А. И. Клибанов показал, что на Руси были распространены сочинения псевдо-Дионисия Ареопагита, которые оказали влияние и на идеолога гуманизма Джованни Пико делла Мирандола, и на Джордано Бруно и Николая Кузанского [1]. Платоновские, плотиновские и прокловские тексты через посредство псевдо-Дионисия попадали на Русь. В 1495 г. итальянский гуманист Альд Мануций издал в Венеции изречения Менандра, хорошо известные в это время и на Руси среди еретиков («Мудрости Менандра»).

Античные темы широко входят в репертуар читавшихся на Руси книг. В хронографы включалась уже с XIII в. так называемая псевдо-каллисфенова «Александрия» (легендарная биография Александра Македонского), а с XV в. на Руси известен и ее сербский вариант [2].

Известные уже издавна на Руси троянские саги дополняются переведенной во второй половине XV в. «Историей разрушения Трои» Гвидо де Колумны. Все эти произведения были связаны с кругом идей Предвозрождения и Возрождения [3].

В период составления (конец XV в.) первого русского хронографа резко усилился и интерес к древней истории. Еретик Иван Черный переписал так называемый «Еллинский летописец», который

[1] *А. И. Клибанов*. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, стр. 308; ср. *он же*. Проблема античного наследия в памятниках древнерусской письменности.— ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 158—181.

[2] «„Александрия“. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.» М.— Л., 1965.

[3] «Троянские сказания». Л., 1972; *Я. С. Лурье*. О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв.— В кн.: «Славянские литературы». М., 1963, стр. 75.

лежит в основе хронографического повествования [4]. Мотивы античной истории слышатся и в одном из интереснейших памятников русской публицистики конца XV—XVI в. — «Сказании о князьях владимирских», отразившем официальные политические идеи Русского централизованного государства. По мнению последнего издателя этого памятника Р. П. Дмитриевой, в основу текста Сказания было положено Послание Спиридона-Саввы, составленное около 1511—1522 гг. Первая редакция Сказания (с «летописцем литовских князей» в конце) возникла, как она полагает, еще до смерти Василия III [5]. Это утверждение представляется сомнительным.

Вызывает недоумение уже то обстоятельство, что Сказание идеологически обосновывает венчание великого князя «мономаховым венцом» (вторая редакция его и кончается чином венчания), а, как известно, сам Василий III никогда коронован не был. Зато в 1498 г. был венчан его политический противник — внук Ивана III Дмитрий. В такой обстановке вряд ли Сказание могло возникнуть в окружении Василия III.

Обращение к рукописной традиции усиливает наши сомнения. Древнейшей сохранившейся рукописью, содержащей Сказание, является Чудовский список (начала 40-х годов XVI в.) [6], который дает текст, начинающийся с разделения вселенной Августом-кесарем (ниже этот рассказ будем именовать Чудовской повестью). Не приводя никаких текстологических соображений, Р. П. Дмитриева считает Чудовскую повесть соединением Послания Спиридона-Саввы и Сказания, но Чудовскую повесть скорее можно считать произведением, из которого возникли как Послание Спиридона, так и само Сказание о князьях владимирских. Прежде всего в Повести отсутствуют все те погрешности, на основании которых Р. П. Дмитриева считала Сказание переработкой Послания Спиридона-Саввы («Святослав» вместо «Всеслав», отсутствие текста «и Киренея Сирии властодержца положи») [7]. Вместе с тем Повесть имеет по сравнению с Посланием ряд лучших чтений [8]. В Сказании — Ирод «Аскалонитянин» (выходец из Аска-

[4] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.— Л., 1960, стр. 201.

[5] *Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях владимирских. М.— Л., 1955, стр. 109.

[6] ГИМ, Чудовское собрание, № 264. Водяной знак — 1541 г. (Лихачев, № 2959). Последние записи датируются 1539—1540 гг. (л. 747). Повести и родословие по этому списку были изданы еще в 80-х годах XIX в. (см. «Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым (XV—XIX)». М., 1889, стр. 69—83). Весьма примечательны и другие тексты, сходные с Чудовским: ГБЛ, Волоколамское собрание, № 627 (сборник принадлежал кн. Дм. Немому и составлен не позднее начала 60-х годов XVI в.); Румянцевское собрание, № 253 (рукопись XVIII в.; однако в ней помещена летопись, доходящая до 1471 г., со вставками 1537 г.).

[7] Впрочем, ссылка ее на то, что в Послании «Святослав», а в Сказании ошибочно «Всеслав», неточна, ибо в списках Мазурина № 373 и Румянцева № 459 находим верное «Святослав».

[8] Например, «дары и почести» вместо «дары и почтения». Мужи новгородские посылают «мудрых мужей» в «Прусы» (как то и говорил Гостомысл — «слете» в Прусскую землю), а не идут туда сами и неожиданно появляются там

лона), в Послании — он «от Аманит» (аммонитяне — союзники идумеев, к которым принадлежал Ирод). Но и этого мало. В Послании, когда говорится о Владимире Святославиче, добавлено: «нареченный в святом крещении Василие». Этого нет ни в Повести, ни в Сказании. Перед нами скорее всего позднейшая приписка, сделанная в угоду Василию III, носившему то же имя, что и Владимир во крещении.

Позднейшее происхождение Послания видно и из его структуры. Так, после рассказа о походе князя Владимира Всеволодовича на Фракию, оканчивающегося словами «и сиа о сих тако», здесь помещен большой отрывок об отпадении от православия папы Фермоса в 6553 (1045) г. Затем после переходной фразы («И сиа о сих. Мы же пакы на предлежащее поидем») автор возвращается к старой теме и сообщает о том, что Константин Мономах отправил к Владимиру посольство с царским венцом. Текст о папе Фермосе, следовательно, явная вставка, разбивающая единый рассказ. И действительно. В Чудовской повести (и в Сказании первой редакции [9]) он помещен уже в конце памятника, после того как сообщено, что Владимир получил царский венец от Мономаха.

Посмотрим более внимательно на остальные различия между Сказанием и Повестью (включая Родословие литовских князей), сравнив их с аналогичными местами Послания Спиридона-Саввы. Таких расхождений можно насчитать двадцать три:

1. По Повести Август идет в Египет «са многими вои», по Сказанию — «с своими ипаты». В Послании этого текста нет.

2. Август по Повести и Посланию «нача ряд покладати на вселенную», по Сказанию — «начят дань покладати на вселенней». Текст Повести и Послания первоначальнее, ибо дальше речь идет о передаче Августом владений отдельным правителям.

3. В Повести и Послании есть фраза «Киринеи и (в Послании точнее: и Киринея) Сиреи положи властодрьжца», пропущенная в Сказании.

4. Гостомысл по Повести созывает владык, «яже суть с ним в Новеграде», по Сказанию — «вся владелца Новагорода», по Посланию — «владалца сущая с ним Новагорода».

5. В Повести есть реплика об Августе, отсутствующая в Послании и Сказании,— «сей убо Август кесарь пооблада всею вселенною».

6. В Повести есть дата прихода Рюрика в Новгород («в лето 6370»), отсутствующая в Послании и Сказании.

7. В Повести и Послании Владимир Мономах говорит, что он «юнейши прежде меня державных» (в Румянцевском списке Повести и Послании — «державствовавших»), а в Сказании — «мал есмь преже мене царствовавших».

8. По Сказанию Владимир говорит, что он «ныне» совета ищет, этого нет в Повести и Послании.

9. По Сказанию Владимир Мономах спрашивает у бояр: какой совет «воздаете», по Повести — «издаете», по Посланию — «издаваете».

10. В ссылке на «сердце царево» по Повести и Посланию есть реплика «яко же пишет» и дополнение «государя нашего по бозе», отсутствующие в Сказании.

«с послами всех новгородцев» (как у Спиридона-Саввы) или оказываются сами «посланцами» (как в Сказании).

[9] Во второй редакции о Фермосе вовсе не говорится.

11. В фрагменте о походе на Фракию в Повести и Послании говорится, что она «Царяграда», а не «Цариграда области» (как в Сказании), и о возвращении «во здравии... во свояси» (в Сказании нет).

12. Константин Мономах «приемлет» (Послание) или «приемля» (Повесть) крест, а не «снемлет» (Сказание).

13. Август назван «кесарем» римским в Повести и Послании, а в Сказании он «царь» (в фрагменте о дарах).

14. Царский венец был передан в Повести и Послании «рядником», а по Сказанию — «посланником».

15. В рассказе о папе Фермосе в Повести и Послании говорится, что отлучился («отвержеся») от Царьграда «Рим» и отпал («испаде») от правой веры папа, в Сказании отлучился от церкви и отпал («отпаде») от веры только папа.

16. В Послании и Повести говорится о том, что Константин был «от таковых вещех во мнозе печали сущу». В Сказании этого нет.

17. В Повести и в Послании есть резкое осуждение римских пап и Фермоса («и х тому не поминается папино имя... Сей бо блядивый Фермос... блядословляше»). Оно отсутствует в Сказании, ставшем официальным документом.

Родословие Повести и Послания также отличается от его варианта, содержащегося в Сказании.

18. В Повести текст начинается с даты «В лето 6801», а в Сказании «В лето 6830». Обе даты вымышленные и соответствия с Посланием не имеют. Но так как в обоих памятниках далее помещена дата «6825», то, казалось бы, ей должен был предшествовать 6801 г.

19. В Повести наряду с убийством кн. Михаила Черниговского говорится и об его боярине Федоре [10], о чем молчит Сказание, но что знает Послание.

20. В Повести помещена запись 6833 г. об убийстве в Орде кн. Юрия Дмитрием Тверским, сопровожденная репликой о гибели и самого Дмитрия. В Послании и Сказании этого текста нет. В первом случае это понятно (запись носит антитверской характер, и в протверском родословии Спиридона-Саввы ей нет места). Однако отсутствие записи в Сказании вторичного порядка: рассказ о кн. Юрии без сведения о его гибели остается незавершенным.

21. Ольгерд по Повести (как и по Посланию) собирает «дружину», а не «друзей», как в Сказании.

22. Витовт по Повести и Посланию «ста в римскую веру». Сказание об этом молчит.

23. В Сказании нет окончания Повести и Послания, содержащего краткую генеалогию литовских князей и Патрикеевых [11].

Р. П. Дмитриева считает, что Повесть построена по Сказанию первой редакции, слитой с Посланием Спиридона-Саввы [12].

Однако сравнение текстов показывает, что нет ни одного случая, когда Повесть передавала бы общий текст «по Сказанию». Р. П. Дмитриева ссылается на два примера. Первый — поход на Фракию и рассказ о присылке даров Владимиру Мономаху от Константина. Но фрагменты № 10—17 говорят о явных чертах, сближающих Послание и Повесть. Никаких черт, говорящих о том, что Повесть в данном случае «списана» со Сказания, обнаружить не удается. Второй пример Р. П. Дмитриевой — начало рассказа о папе Фермосе. Но фрагмент № 15 также говорит о чертах близости Послания с Повестью уже в первых строчках этого рассказа.

Итак, нет ни одного случая, когда бы следовало отдать пред-

[10] «По убиении бо великаго князя Михаила Черниговскаго и Феодора болярина его» (*Р. П. Дмитриева.* Указ. соч., стр. 202).

[11] В Послании здесь же помещена генеалогия Бельских.

[12] *Р. П. Дмитриева.* Указ. соч., стр. 69—70.

почтение Сказанию, как памятнику более древнему, по сравнению с Повестью. С другой стороны, мы привели примерно два десятка случаев близости Повести с Посланием Спиридона-Саввы, говорящих о первичности Повести и вторичности Сказания. Если бы Повесть представляла собою компилятивное соединение Сказания и Послания, то в ней должны были бы обнаружиться текстологические швы. Однако и этого нет.

Я. С. Лурье допускает, что Чудовская повесть могла возникнуть в связи с венчанием Дмитрия-внука [13]. Но вместе с тем он присоединился к выводу Р. П. Дмитриевой о соотношении Чудовской повести и Послания Спиридона-Саввы. В подкрепление его он привел следующий аргумент. По Посланию император Константин послал Владимиру Мономаху наряду с царским венцом и «кацию, иже от злата аравийска исковану и измирну со многими балговонными цветы Индийскиа земля», и «ливан». Вместо всего этого Чудовская повесть упоминает «чепь злату, иже от арависка злата исковану». Кадильницей (кацией), по мнению Я. С. Лурье, цепь не могла быть заменена, а обратное происхождение естественно, ибо позднейший автор мог просто не понять слова «кация» [14]. Ход рассуждения вполне логичный. Но ему может быть противопоставлен не менее естественный. Автор-церковник (Спиридон-Савва) решил заменить «цепь» атрибутом, хорошо ему известным,— «кадильницей».

Отсутствие в Чудовской повести первой части Сказания, носящей церковноисторический характер, также показывает первичный характер этого произведения. Дело в том, что в Сказании дважды говорится о египетской царице Клеопатре, причем вторично она появляется (во второй части произведения) уже после того, как сказано о ее смерти [15]. Перед нами следы соединения двух рассказов. К тому же первая часть Сказания вообще неудачно связана со второй; из ее текста оказывается, что царская порфира не римско-византийского, а египетского происхождения. Это противоречит всему идейному замыслу сочинения. Кстати, чин венчания Дмитрия «шапкой Мономаха» из Чудовского сборника № 264, как показал Я. С. Лурье, явно первоначального происхождения (в поздних редакциях просто «шапка») [16].

Таким образом, Чудовская повесть дает первоначальный текст Сказания [17].

[13] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба..., стр. 391.

[14] *Я. С. Лурье.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой.— «Известия ОЛЯ», т. XV, вып. 2, 1956, стр. 173.

[15] В Послании Спиридона-Саввы также неувязка. Сначала Август (как «стратиг» Юлия Цезаря) побеждает Клеопатру, затем рассказывается о смерти Юлия Цезаря и коронации Августа, который дает Египет своему брату Патрикею. Все это прямо противоречит реальному ходу событий.

[16] *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба..., стр. 385.

[17] Вопрос о том, когда была присоединена к нему часть, содержащая легендарный рассказ о разделении вселенной Ноем, нуждается в доследовании. Не исключена возможность, что он связан с литературным творчеством Спиридона-Саввы.

Интересны источники Родословия литовских князей в Послании Спиридона-Саввы, Сказания («Родство») и Повести. Р. П. Дмитриева установила, что Спиридон-Савва приводит отрывок из Предисловия инока Исайи к переводу (1371 г.) псевдо-Дионисия Ареопагита. А так как этот отрывок в «Родстве» из первой редакции Сказания и Чудовской повести дан в сокращении, то вывод о более раннем происхождении Родословия у Спиридона-Саввы может быть доказан [18]. Вопрос состоит только в том, восходит ли текст «Родства» Чудовской повести (и первой редакции Сказания) непосредственно к Посланию Спиридона-Саввы или к Родословию, как к памятнику, существовавшему независимо от этого Послания. Впрочем, если все же считать Послание более древним памятником, то возможно, что его первооснова возникла в связи с коронацией Дмитрия-внука. Ведь последний опирался на тверские круги, из которых вышел и Спиридон-Савва [19].

Я. С. Лурье, а вслед за ним и Р. П. Дмитриева отметили наличие тверских мотивов в «Родословии», помещенном Спиридоном-Саввой. «Смысл рассказа Спиридона,— отмечает Я. С. Лурье, — прославление великих князей тверских» [20]. По Спиридону, именно Михаил Тверской выдает свою сестру Ульяну за Ольгерда, из-за чего последний и нарекся «князем» (по Сказанию и Повести непонятно, почему тверскую княжну выдает за Ольгерда московский князь Семен [21]). Вероятно, тверскими симпатиями Спиридона-Саввы объясняется и то, что первое «отречение» от него поспешили взять от тверского епископа (1488 г.), а после этого от других владык [22].

Я. С. Лурье полагает, что «в основе «Послания о мономаховом венце» Спиридона-Саввы лежит какой-то памятник тверской литературы XV в.» [23] Он ссылается на то, что изложение истории Литвы в Послании обрывается фактически на середине XV в. С его наблюдением можно согласиться лишь с оговоркой, что речь идет не о всем Послании, а только о Родословии литовских князей, которое в него включено. Итак, в основе Родословия литовских князей лежал памятник тверского происхождения.

[18] *Р. П. Дмитриева.* О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы.— ТОДРЛ, т. XIII, стр. 440—445.

[19] О. И. Подобедова пишет: «Возможно, что послание, заказанное во время подготовки к венчанию Дмитрия, обрело вторую жизнь и злободневное значение в связи с венчанием Ивана IV» (*О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 96).

[20] *Я. С. Лурье.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой, стр. 173.

[21] Впрочем, этот факт содержится и в московских летописях (ПСРЛ, т. XXV, стр. 177; т. XVIII, стр. 97). Панегирик Ольгерду из Сказания (отсутствует у Спиридона) также восходит к московскому летописанию (ПСРЛ, т. XXV, стр. 173; т. XVIII, стр. 118). Я. С. Лурье считает, что Сказание было отредактировано с учетом летописных материалов.

[22] РИБ, т. VI, стб. 683, прим. 2; стб. 451, прим. 3.

[23] *Я. С. Лурье.* Рецензия на книгу Р. П. Дмитриевой, стр. 176.

Теперь переходим к выяснению времени и обстоятельств появления Чудовской повести, которая дает, как мы установили выше, первоначальный вариант Сказания о князьях владимирских. Весь смысл Сказания сводится к тому, чтобы доказать преемственность власти московских государей от власти римских и византийских императоров. Ее кульминацией является венчание Владимира Всеволодовича «венцом царским» Константина Мономаха. Торжественное венчание «шапкой Мономаха» впервые состоялось в 1498 г., а вторично только в 1547 г. Возникает, естественно, вопрос о связи этого события со Сказанием. Показательно, что в Чудовском сборнике отсутствуют какие-либо сочинения, возникшие после конца XV в., а вслед за Повестью идут непосредственно «Чин венчания Дмитрия-внука»[24] и «Родословие литовских князей»[25].

«Родословие», как бы продолжающее Повесть, кончается упоминанием сыновей И. Ю. Патрикеева — Василия Косого и Ивана Мунынды, в то время как у Спиридона-Саввы упоминается и монашеское имя В. И. Патрикеева — Вассиан. Следовательно, протограф «Родословия литовских князей» и Чудовская повесть, очевидно, были написаны еще до опалы и пострижения В. И. Патрикеева, т. е. до 1499 г.[26] Составителя этих памятников следует искать в окружении Дмитрия-внука. Близок к Дмитрию-внуку был и В. И. Патрикеев, а к последнему — будущий митрополит Варлаам, припиской которого кончается чин венчания[27]. О. И. Подобедова пишет, что «родословная литовских князей могла бы быть объяснена интересом Патрикеевых к литовскому правящему дому в пору исполнения ими дипломатических поручений при дворе литовского князя»[28]. Воздействием окружения Дмитрия-внука объясняется, очевидно, переработка тверского варианта «Родословия литовских князей» в промосковском духе.

Заметим, кстати, что в Чудовском сборнике находится соборное определение о еретиках (1490 г.), написанное от имени митрополита Зосимы[29]. Позднее Иосиф Волоцкий и его самого считал «еретиком», покровителем Федора Курицына и других деятелей, группировавшихся около Дмитрия-внука.

Тесная связь первоначального текста Сказания о князьях вла-

[24] Этот же чин встречается в рукописи 1577—1578 гг. (ГИМ, Музейное собрание, № 3726), содержащей рассказ о Мономаховском венце, сходный с тем, который помещен на царском месте (см. *Р. П. Дмитриева.* Сказание..., стр. 55).

[25] С. Герберштейн, побывавший на Руси в 1517 и 1526 гг., в своих записках также помещает наряду со Сказанием «Чин венчания Дмитрия-внука» и «Родословие литовских князей».

[26] Упоминание в Чудовском родословии короля Сигизмунда (вступил на престол в 1508 г.) носит характер вставки и в аналогичном списке отсутствует (ГБЛ, Волоколамское собрание, № 627, л. 87; список кончается словами «грады многи зарубил же»).

[27] «Помилуй мя грешнаго Варлама» (ГИМ, Чудовское собрание, № 264, л. 740 об.).

[28] *О. И. Подобедова.* Указ. соч., стр. 96.

[29] ГИМ, Чудовское собрание, № 264, л. 754 об. и далее.

димирских с окружением Дмитрия-внука может быть обоснована и еще одной группой наблюдений. В Воскресенской летописи сохранилась славяно-молдавская хроника («Сказание вкратце о молдавских государех») [30]. Исследователи весьма основательно датируют ее 80-ми годами XV в., считая ее последние записи (во всяком случае 7005 и 7017 г., точнее 7012 г.) позднейшими приписками. А. В. Болдур полагает, что хроника была написана около 1480 г. во время переговоров о браке Елены Стефановны с Иваном Ивановичем Молодым [31]. В хронике обосновывалось происхождение молдаван от римлян.

В ней рассказывалось, что некогда два брата, Роман и Влах, спасаясь от преследования христиан, «приидоша в место нарицаемое Старый Рим и создаша себе град по имени своему Роман». Когда же папа Фермос перешел в латынство, «латина» создали «новый град и прозваше его Новый Рим и зваша к себе в латыньство романовъцов в Новый Рим». Но «романовцы» не хотели переходить в католичество. «И от того времени быша во брани до дръжавы Владислава, короля угорьскаго» (1272—1290), который поселил «новых римлян» в Марамуреше. Именно отсюда переселился Драгош на территорию Молдавии. «И оттого начашася божиим произволением Молдавская земля».

А. В. Болдур высказал предположение, что Елена Волошанка «в борьбе с Софией ссылалась на славяно-молдавскую хронику» [32]. Это весьма правдоподобно. В самом деле, византийскому происхождению Софии в хронике были как бы противопоставлены более древние предки Елены, вышедшие из самого Рима. При этом молдаване перед «испроказившимися» греками имели то преимущество, что сохранили православную веру в борьбе с католичеством (в окружении Софии и Геннадия известен доминиканец Вениамин и вообще лица, сочувствовавшие католичеству).

Вывод А. В. Болдура о том, что славяно-молдавскую хронику изготовили около 1480 г., не представляется доказанным. Ее мог привезти из своей миссии в Венгрию и Федор Курицын (1482—1485 гг.), на обратном пути посетивший Стефана III Молдавского; ведь вывез же он Повесть о Дракуле [33]. В хронике обнаруживается влияние именно венгерской летописи.

Но особенно интересны сходные мотивы хроники и Сказания о князьях владимирских. В обоих произведениях правящие династии выводятся из Рима. В обоих случаях их врагом выступает папа Фермос и католичество.

Сказание о князьях владимирских (первоначальной редакции) — не единственное публицистическое произведение, вышедшее

[30] ПСРЛ, т. VII, стр. 256—259.
[31] *А. В. Болдур.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 83.
[32] Там же.
[33] «Повесть о Дракуле». М.— Л., 1964.

из круга сторонников Дмитрия-внука. При его дворе составлена была в 1498 г. особая редакция Тверского летописного свода, пополненная как московскими, так и тверскими известиями [34]. Как предположил С. М. Каштанов, при дворе Елены Волошанки в 1495 г. составлен был еще один летописный свод, опубликованный им же [35]. Этот памятник отразил характерные черты политики протверской политической группировки: в отличие от свода 1493 г., тверские бояре не называются в нем «коромольниками», изымаются некоторые сведения, рисующие враждебные отношения между Россией и Литвой, и пополняются материалы о русско-валашском союзе [36] . Тема о «венчании» монарха бытовала в тверской литературе.

Уже Я. С. Лурье подметил, что в Похвальном слове, приписанном иноку Фоме, упоминалось о венчании «царским венцом» тверского «самодержца» Бориса Александровича, а на монетах его сына находится уже тот самый двуглавый орел, который появляется на печати Ивана III только в 1497 г. Кстати говоря, она привешена к грамоте, составленной Федором Курицыным в присутствии бояр И. Ю. и В. И. Патрикеевых [37].

Как доказала М. В. Щепкина, в 1498 г. в среде, окружавшей Елену Стефановну, был создан впечатляющий памятник — пелена, изображающая торжественный выход Ивана III, наследника Дмитрия и других лиц 8 апреля 1498 г. В этом ярком произведении художественного шитья наряду с церковными мотивами обнаруживаются и светские, сочетаются приемы молдавского искусства и русского. Перед нами «памятник чисто светского торжества над противниками» [38]. Пелена Софии Палеолог, выполненная в 1499 г., носит уже печать традиционного церковного искусства.

Отголоски политической борьбы 80—90-х годов XV в. усматривает в миниатюрах Радзивилловской летописи О. И. Подобедова. Летопись написана на бумаге с филигранями 1485—1495 гг. В тексте есть миниатюра, посвященная убиению Андрея Боголюбского в 1175 г. На ней изображена женщина в иноземном платье, держащая отсеченную левую руку. Сведения об участии в убийстве князя жены его — «болгарки» есть только в Тверском сборнике [39]. Поэтому О. И. Подобедова считает, что летопись возникла в тверских правительственных кругах, т. е. при дворе Ивана Молодого и его сына Дмитрия-внука. В ее создании мог участ-

[34] *А. Н. Насонов.* Летописные памятники Тверского княжества.— «Известия АН СССР», серия VII, 1930, № 10, стр. 741; АСЭИ, т. I, №№ 518, 519, 535. Иван Иванович был «в Твери» в 1485 и 1488 гг.

[35] ПСРЛ, т. XXVII.

[36] *С. М. Каштанов.* О списке двух неопубликованных летописных сводов.— «Проблемы источниковедения», т. VIII. М., 1959, стр. 460—465.

[37] ДДГ, № 85, стр. 344; *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба..., стр. 360, 361, 391.

[38] *М. В. Щепкина.* Изображение русских исторических лиц в начале XVI века. М., 1954, стр. 20; *Н. А. Маясова.* Древнерусское шитье. М., 1971, № 27.

[39] ПСРЛ, т. XV, стб. 250—251.

вовать Иван Черный, закончивший в июле 1485 г. «Еллинский летописец». Возможностью участия книжников московского еретического кружка объясняется, по мнению О. И. Подобедовой, крайне ограниченное количество церковных сюжетов и изображений Радзивилловской летописи [40].

Второй этап работы над летописью (конец 1497 — февраль 1498 г.) О. И. Подобедова связывает с венчанием на царство Дмитрия-внука. В частности, изображение княжны-иноземки по миниатюре 1175 г., возможно, намекало на великую княгиню Софию, вдохновительницу заговора против Дмитрия-внука [41].

Итак, первоначальный текст Сказания о князьях владимирских (Чудовская повесть) сложился в связи с венчанием Дмитрия на престол [42]. Коронации 1498 г. придавалось важное политическое значение, ибо она должна была способствовать укреплению самодержавной власти (Л. В. Черепнин даже связывает с этой коронацией публичное оглашение текста Судебника 1497 г.) [43]. Сказание о князьях владимирских и связанные с ним памятники («Чин венчания», «Родословие литовских князей») также утверждали суверенный характер власти великих князей. Р. П. Дмитриева справедливо отмечает, что попытка связать происхождение русских государей с римским императором Августом отражала гуманистический интерес к римской истории, характерный для эпохи Возрождения.

Сказание в первоначальной редакции с его чисто светским содержанием и идеологическим обоснованием великокняжеской власти противостояло Повести о белом клобуке, возникшей в начале 90-х годов XV в. в окружении новгородского архиепископа Геннадия [44]. В этом произведении, как и в Сказании, проводилась мысль о Руси как о наследнице Византии. Однако авторы Повести постарались придать этой идее реакционно-клерикальный характер: власть новгородского архиепископа ставилась над властью московского государя. Его знаки достоинства (белый клобук) автор расценивал как более высокие по сравнению с царским венцом: «Белый же сей клобук честнее» царского венца, «понеже архангельского чина царьский венец есть и духовнаго суть» [45].

[40] *О. И. Подобедова.* Указ. соч., стр. 95—96.
[41] Там же, стр. 97.
[42] Л. В. Черепнин также считает Чудовскую повесть первоначальной редакцией Сказания, возникшей в связи с коронацией Дмитрия-внука (*Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 16).
[43] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 303 и далее.
[44] Время сложения Повести устанавливается на том основании, что в ней главой православной церкви изображен новгородский архиепископ Геннадий, который по существу возглавлял воинствующих церковников в годы пребывания на митрополичьем престоле Зосимы (1490—1494 гг.).
[45] «Памятники старинной русской литературы», вып. I. СПб., 1860, стр. 296.

Если Повесть о белом клобуке отстаивала претензии на светскую власть воинствующих церковников, то Сказание о князьях владимирских, сложившееся в кругу политических противников Геннадия и кружка Софии Палеолог, укрепляло идеологические основы великокняжеской власти [46]. Подобное же противоборство идей мы находим в «Родословии литовских князей» и «Сказании о Мамаевом побоище» (основной редакции). Если в первом памятнике Ольгерд выступает как вполне положительный герой, то во втором (возникшем в церковных кругах) он предстает в качестве союзника Мамая (вместо реального Ягайла).

В отличие от передовых европейских стран в России конца XV — начала XVI в. гуманистические идеи только зарождались. Процесс высвобождения человеческой личности из пут церковной идеологии развивался медленно. В русском реформационно-гуманистическом движении неизмеримо большую роль играло дворянство, чем бюргерство. Поэтому духовной диктатуре церкви противопоставлено было суверенное государство во главе с мудрым монархом. Эти идеи мы и находим в Сказании о князьях владимирских и в Повести о Дракуле. Позднее они получили развитие в посланиях Федора Карпова и публицистических сочинениях Ивана Пересветова.

[46] О том, что в окружении Елены Стефановны развивались идеи укрепления великокняжеской власти, см.: *Я. С. Лурье.* Идеологическая борьба..., стр. 375 и сл.

ОБ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ НЕСТЯЖАТЕЛЬСТВА

Н. А. Казакова

В общественно-политической и культурной жизни России конца XV — середины XVI в. большую роль играло нестяжательство — идейное течение, основную черту которого составляло отрицание вотчинных прав монастырей. Оценка нестяжательства в литературе является спорной: одни авторы рассматривают его как реакционное течение, направленное против великокняжеской власти, другие, напротив, считают, что критика нестяжателями вотчинных прав церкви способствовала развитию вольномыслия и отвечала интересам политики централизации, поскольку учение нестяжателей использовалось для идейного обоснования секуляризационных планов великокняжеского правительства [1]. Спорность вопроса объясняется в значительной мере отсутствием специальных работ, посвященных нестяжательству в целом. История нестяжательства как идеологического течения, история его формирования, развития, связей с другими идейными течениями еще ждет своего исследователя. В настоящей статье исследуется лишь один вопрос — о влиянии литературного наследия митрополита Киприана на формирование учения нестяжателей.

Митрополит Киприан — выходец из Болгарии, обретший в России свою вторую родину, внес значительный вклад в развитие русской культуры конца XIV — начала XV в. С его именем связано составление общерусского летописного свода, написание жития митрополита Петра, ставшего образцом для последующих авторов житий, целый ряд посланий, интересных и по поставленным в них вопросам, и по стилю, переписка славянских богослужебных книг и т. д. Деятельность Киприана неоднократно являлась предметом внимания исследователей. Но вопрос, поставленный в настоящей статье, не привлекал их внимания. А между тем он имеет значение и для характеристики мировоззрения самого Киприана, и для выяснения идейных истоков нестяжательства.

[1] Историографию нестяжательства см.: *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, стр. 7—44.

Среди посланий Киприана имеется одно — «Ответы» Афанасию, игумену Высоцкого монастыря, в котором Киприан высказывает свои взгляды на вотчинные права монастырей. Он это делает в связи с вопросом Афанасия, как ему поступить с селом, которое князь дал в монастырь. Изложению этого вопроса Афанасия и ответа на него, включающего практический совет-наставление, Киприан предпосылает своего рода историческую справку о вотчинных правах монастырей. Киприан указывает, что святые отцы не заповедали инокам держать людей и села, ибо отрекшийся от мира не должен связывать себя снова мирскими делами, чтобы не стать нарушителем своих обетов. «И древнии отци, — пишет далее Киприан,— ниже сел стежаша, ниже богатества и стяжаниа, яко же святый Пахомий, и святый Феодосий общежитель, и святый Герасим, и инии мнозии святии в Палестине же и в той самой Синайской горе, и в Раифу, и в Святой горе, юже и сам аз видех»; но со временем первоначальная строгость иноческой жизни ослабела («ныне же после, помалу, в расслабление прииде вещь»), и монастыри и скиты стали владеть селами.

Далее, отвечая на вопрос Афанасия, Киприан подчеркивает, что иноки, владеющие селами, должны ходить к князьям и властям, искать суды, сами судить селян, и вследствие этого они уподобляются мирянам. Охарактеризовав тот нравственный вред, который владение селами приносит инокам, Киприан излагает затем совет по поводу села, данного князем монастырю Афанасия: хорошо было бы устроить так, чтобы село осталось за монастырем, но иноки в него не ходили; для этого село надо поручить какому-нибудь богобоязненному мирянину, который доставлял бы из села в монастырь все необходимое: «занеже пагуба черньцем селы владети и тамо частая происхожениа творити», — заключает Киприан свой ответ на вопрос Афанасия [2].

Взгляды Киприана на вотчинные права монастырей на основе его ответа Афанасию можно сформулировать следующим образом:

1) Киприан был противником вотчинных прав монастырей. Владение монастырей селами он рассматривал как отступление от первоначальной строгости иноческой жизни.

2) Высказываясь против монастырского вотчиновладения, Киприан приводил целый ряд аргументов, которые можно свести к двум основным. Первый аргумент Киприана заключался в указании на первоначальную нестяжательность монастырей, в доказательство которой он ссылался на примеры древних святых, «нестяжавших сел». Второй аргумент состоял в указании на тот религиозно-нравственный вред, какой приносят вотчинные права монастырей: иноки, владеющие селами, забывают о своих обетах и уподобляются мирским.

3) Несмотря на то что Киприан был противником вотчинных

[2] РИБ, т. VI, стб. 263—265.

прав монастырей, он не призывал к их ликвидации. Киприан мирился с существующим порядком вещей и в своем ответе Афанасию советовал лишь организовать управление монастырскими вотчинами так, чтобы с селами иноки не соприкасались и тем самым была бы устранена угроза упадка их нравственности.

Отношение Киприана к вотчинным правам монастырей не отличалось, как мы видели, ни смелостью, ни последовательностью. Осуждая монастырское вотчиновладение в принципе, Киприан мирился с ним на деле. Непоследовательность Киприана была обусловлена, очевидно, как его классовыми позициями, так и тем положением, в котором он находился в конце 70-х — начале 80-х годов (этим временем датируются «Ответы» Киприана Афанасию [3]). Киприан, митрополит Литвы и всея Руси, добивавшийся московской митрополичьей кафедры, был выразителем интересов господствующей церкви. Целью его являлась не борьба против ее основ (организационных и материальных), а укрепление их. Но, сохраняя еще афонские традиции (Киприан долго жил на Афоне, где слабо было развито монастырское вотчиновладение), он стремился предохранить русское монашество от нравственного разложения, связанного с вотчинным бытом монастырей. Отсюда, с одной стороны, осуждение вотчинных прав монастырей, а с другой — абстрактно-морализирующий характер этого осуждения. Впоследствии, в 90-х годах XIV в., когда Киприан окончательно утвердился в Москве на митрополичьей кафедре, из его грамот и посланий полностью исчезли обличительные ноты, и он перешел на подобающие для главы русской феодальной церкви позиции ревностной защиты владельческих прав церквей и монастырей [4]. Но в «Ответах» Афанасию Киприан сформулировал одну из первых в русской публицистике концепций, направленных против владения монастырей селами.

Приблизительно в то же время, что и Киприан, с критикой монашества выступили стригольники — представители ереси, распространенной в Новгороде и Пскове во второй половине XIV — первой трети XV в. К сожалению, аргументацию стригольников против вотчинных прав монастырей источники не передают. Известно лишь, что стригольники утверждали ненужность вкладов «на помин души» (вклады делались обычно в форме земельных дареий церкви). Наиболее радикальная часть стригольников отрицала монашество и, следовательно, его материальную основу — монастырское землевладение [5].

[3] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, первая половина. М., 1900, стр. 353—354 и прим. 2 к стр. 354.

[4] РИБ, т. VI, № 26, стб. 230—232; ААЭ, т. I, № 11.

[5] О ереси стригольников см.: *Н. А. Казакова* и *Я. С. Лурье.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.— Л., 1955; *А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

Спустя столетие после Киприана и стригольников вопрос о монастырском землевладении приобрел особую остроту в общественно-политической жизни Руси, так как быстрый рост монастырского землевладения задевал интересы различных классов русского общества.

Против феодальной церкви, ее организации, ее догматов, снова выступают идеологи угнетенных классов — еретики. Аргументация еретиков конца XV — середины XVI в. по вопросу о вотчинных правах монастырей полностью неизвестна (произведения еретической литературы почти не сохранились), но, по-видимому, центральное место в ней занимало указание на противоречия вотчинного быта монастырей евангельскому учению: «несть писано во Евангелии и во Апостоле приимати села в монастыри или церквам, и се человеческое предание есть»,— учил Феодосий Косой, наиболее радикальный из еретиков тогдашней России [6].

Специально против вотчинных прав монастырей было направлено нестяжательство. Социальная база нестяжательства была сложной. Зародившись в среде духовенства, стремившегося к поднятию авторитета церкви путем устранения ее наиболее вопиющих пороков, нестяжательство получило затем распространение в различных слоях класса феодалов, заинтересованных в секуляризации монастырских земель. В то же время благодаря осуждению монастырей за эксплуатацию крестьян нестяжательство отвечало и интересам крестьян.

Зачинателем нестяжательства считают Нила Сорского. Но тема обличения вотчинного быта монастырей Нилу Сорскому не была свойственна; содержание его творчества составлял психологический анализ внутренней жизни иноков, борьбы их со «страстными помыслами», в том числе и стяжанием. Лишь на церковном соборе 1503 г., куда Нил Сорский был вызван по воле великого князя, он выступил с прямым отрицанием вотчинных прав монастырей, заявив, что монастырям не подобает иметь сел, а иноки должны жить «по пустыням» и кормиться своим «рукодельем» [7].

Иную направленность имела публицистическая деятельность ученика Нила Сорского Вассиана Патрикеева. Восприняв от Нила Сорского идею полного нестяжания иноков, Вассиан Патрикеев придал ей острое общественное звучание: он использовал ее для обличения вотчинного быта монастырей. Вассиан дал развернутую аргументацию, направленную против вотчинных прав монастырей. Отрицая право монастырей на владение селами, он указывал на 1) жестокую эксплуатацию крестьян, царившую в монастырских вотчинах в нарушение евангельских заповедей нестяжания и люб-

[6] *Зиновий Отенский.* Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 923.

[7] «Письмо о нелюбках».— В кн.: «Послания Иосифа Волоцкого». М.— Л., 1969, стр. 367. Анализ деятельности собора 1503 г. и разгоревшейся на нем борьбы вокруг вопроса о вотчинных правах церкви см.: *Н. А. Казакова.* Очерки по истории русской общественной мысли, стр. 68—86.

ви к ближнему, 2) первоначальную нестяжательность монастырей и примеры древних святых, не владевших селами, 3) упадок нравственности монашества под влиянием вотчинного быта, 4) правила Кормчей книги, утверждавшие, по мнению Вассиана, нестяжательность монастырей.

В литературе, посвященной нестяжательству, высказывалось мнение, что обращение Вассиана к Евангелию для отрицания вотчинных прав монастырей имело место под влиянием учения еретиков. Отмечалась также оригинальность идеи использования Кормчей книги для обоснований тезиса об исконной нестяжательности монастырей: Вассиан подверг пересмотру официальную Кормчую, признававшуюся русской церковью, и создал собственную «нестяжательскую» Кормчую [8]. Вопрос же об идейных истоках второго и третьего аргументов Вассиана — ссылки на древних святых и указания на отрицательные последствия для нравственности иноков вотчинного быта — до сих пор почти не ставился [9]. А между тем выяснение именно этого вопроса важно для целей данной статьи.

Мотив обличения нравственного разложения монашества под влиянием вотчинного быта и указание на противоречие этого быта образу жизни древних святых у Вассиана встречаются в двух произведениях: «Собрании некоего старца на воспоминание своего обещания» и «Слове ответном против клевещущих истину евангельскую».

«Собрание некоего старца» было написано Вассианом как ответ на доклад собора 1503 г. великому князю, защищавший незыблемость владельческих прав церкви. Среди аргументов собора имелась ссылка на святых — основателей монастырей, восточных, греческих и русских, владевших селами. Возражая на этот аргумент, Вассиан пишет: «Аще ли кто возглаголет: Преже сего монастыри со землями жили,— но несть тако». И далее он перечисляет имена почти тех же святых, которые названы и в соборном докладе, утверждая при этом в противоположность докладу, что они «сел у монастырей не имели». Ссылка Вассиана на древних святых в «Собрании некоего старца» находится, таким образом, в прямой зависимости от текста доклада собора 1503 г. Что касается обличения монашества за упадок нравственности под влиянием вотчинного быта, то оно было навеяно Вассиану произведениями византийской аскетики: соответствующая часть «Собрания некоего старца» представляет собой компиляцию из сочинений византийских писателей [10].

[8] *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 61—63. 93—94; *А. Павлов.* О Кормчей инока-князя Вассиана Патрикеева.— «Ученые записки Казанского университета по отделению историко-филологических и политико-юридических наук», вып. 3, 1864, стр. 489—498.

[9] Рассматриваемый вопрос поставлен лишь в нашей книге «Очерки по истории русской общественной мысли», стр. 140—141.

[10] *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев..., стр. 193—195, 201—202.

Для решения вопроса об источниках аргументации Вассиана в другом его произведении — «Слове ответном» произведем сопоставление текста «Слова» с «Ответами» Киприана Афанасию.

«Слово ответно» Вассиана	«Ответы» Киприана
...Испытуйте и уразумейте, кто от восиавших в святыни и манастырей съоружившихпопечение створи, когда села приложити своему манастырю, или царю или княземь моление створи о лготе или о обиде подлежащих ему селянех, или прю име к неким о пределех земных... Рците нам, аще имате. Но не можете рещи. Ниже бо Пахомий, ниже и Еуфимий, ниже Сава, ниже Феодосий, ниже Герасим, ниже и в Афоньстей горе яко же аггел восиавый в святыни Афонасий, ниже сами удръжаша сицевое что, ниже бывшим по себе повелеша, паче же спротивно...	...А еже села и люди держати иноком, не предано есть святыми отци: как мощно иже единою мира и мирьских отрекшемуся пакы мирьскими делы обязаватися, и яже разори, пакы съзидоватися, по Апостолу, и преступника собе составляти? И древнии отци ниже сел стежаша, ниже богатества и стяжаниа, яко же святый Пахомий, и святый Феодосий общежитель, и святый Герасим, и инии мнозии святии в Палестине же и в той самой Синайской горе, и в Раифу, и в Святой горе, юже и сам аз видех...
... А иже о множестве стяжаний и о собрании злата и сребра несытно устроаеми, и како убогих истребять лихвами умышляюще, и славы любяще, и пищею и покоем наслажающеся безпечалне-сиа бо вся и гръша и множайша сих введе в иноцех стяжаний преизлишее и попечение. Како убо *сицевии вышесказанное* еуангельское жительство исправить възмогут?... Како же очистится сиа в житейских безпрестани упражняющиа и в мирьская судилища обращающися, и различне прящися, и ярящися, и клятву преступающи, и лукавнующи, и лжущи, даже токмо получити, яже желает [11].	...егда же обяжется (чернец.— *Н.К.*) селы и мирьскими попеченьми, тогда потреба и к князем ходити и власте лем, и судилища искати, и стояти за обидимых и сваритися, и смеритися и не хотя ко всякому человеку, еже не выдати во обиду своих людей, и труд велик поднимати, и правила своего оставлятися [12].

Сопоставление показывает, что ссылка на древних святых у Вассиана очень близка к соответствующей ссылке у Киприана. Оба писателя проводят мысль о том, что древние святые не только не заповедали иметь села монастырям, но и сами их не имели. Оба ссылаются на примеры почти одних и тех же восточных и греческих святых, создателей наиболее почитаемых монастырских уставов; оба подчеркивают традиции Афона. Близость разбираемых отрывков такова, что невольно возникает предположение о том, что Вассиан писал под влиянием аргументации Киприана [13].

[11] *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев..., стр. 265, 259—260.

[12] РИБ, т. VI, стб. 263—264.

[13] Ссылка на древних святых в «Слове ответном» Вассиана ближе к соответствующей ссылке Киприана, нежели к ссылкам в «Собрании некоего старца» и в соборном докладе 1503 г.; их сближают и оттенки содержания, и почти одинаковый перечень восточных и греческих святых (в «Собрании некоего старца» и в соборном докладе перечень восточных и греческих святых иной, и, кроме того, он дополнен перечнем русских святых).

Точки соприкосновения обнаруживаются и между отрывками из «Ответов» Киприана и «Слова ответна» Вассиана, посвященными обличению монашества за упадок нравственности в связи со стяжательской деятельностью монастырей. Мы уже отмечали особенности разработки Киприаном этой темы: Киприан первым в русской публицистике указал, что владение селами приводит к необходимости для иноков обращаться к князьям и властям, искать суды, вступать в «свары», не выдавать в обиду своих людей и т. д. Об этих же моментах пишет и Вассиан: первый раз, спрашивая, имел ли кто из древних святых «попечение... села приложити своему манастырю», обращался ли он к царю и князьям о «лготе или о обиде подлежащих ему селянех», вступал ли с кем в «прю»; второй раз, осуждая иноков за «стяжаний преизлишее и попечение», Вассиан подчеркивает, что иноки, «упражняющиеся» в житейских попечениях, обращаются в «мирьская судилища» и различным образом «прящися и ярящися». Совпадает не только тема, но и целый ряд моментов в ее разработке. Это совпадение подтверждает предположение о том, что Вассиан был знаком с «Ответами» Киприана Афанасию и что он использовал аргументацию Киприана против вотчинных прав монастырей.

Страстным обличителем монашества был другой публицист-нестяжатель, современник Вассиана Патрикеева, Максим Грек. Приехав в Россию в 1518 г., Максим Грек занялся переводческой деятельностью, надзор за которой был поручен Вассиану. Совместная деятельность и общность взглядов на ряд вопросов церковно-политической жизни сблизили обоих публицистов.

Максим Грек испытал сильное влияние со стороны более зрелого и лучше знавшего русскую действительность Вассиана. Это влияние явственно сказывается в произведениях Максима Грека, направленных против вотчинного быта монастырей. В. Ф. Ржига прекрасно показал, что в сочинениях Максима Грека и Вассиана имеет место «не только один и тот же общий мотив обличений, но совпадение, захватывающее и отдельные существенные элементы их у того и другого». Так же как и Вассиан, Максим Грек рисует беспощадную эксплуатацию крестьян, царившую в монастырских вотчинах, показывает разорение крестьян «лихвенными ссудами», которыми занимались монахи, забывшие о евангельских заповедях; так же как и Вассиан, Максим Грек клеймит монахов за то, что они погрязли «в бесчисленных печалех паки и житейских молвах, тяжбах же и сварех... равне держащимся мирскаго жития» и подобно последним постоянно «за села и земли к судищем приходяше и с суперники сварящеся». Совпадение важнейших элементов обличений у обоих писателей таково, что дало основание В. Ф. Ржиге сделать вывод о наличии в сочинениях Максима Грека следов «литературной реминисценции трудов Вассиана» [14].

[14] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист.— ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, стр. 15—21; «Сочинения Максима Грека», ч. II. Казань, 1860, стр. 95—96, 110.

Добавим к этому, что Максим Грек, так же как и Вассиан, обличая современное ему монашество, ссылается на примеры древних святых, основателей монастырей — Павла фивийского, Антония, Пахомия, Евфимия и Саввы освященного (все они, кроме Павла фивийского, фигурируют и в сочинениях Вассиана) [15].

Но если Вассиан первым внес в русскую литературу мотив обличения монахов за эксплуатацию крестьян, за ростовщичество, то осуждение их за обращение к властям, судебные тяжбы, «свары», а также ссылки на нестяжательность древних святых ведут свое начало, как мы попытались показать выше, от митрополита Киприана. Мы можем говорить, таким образом, об опосредованном (через Вассиана) литературном влиянии Киприана на обличения вотчинного быта монастырей в сочинениях Максима Грека.

Рассмотрим в интересующем нас плане еще один памятник публицистики XVI в.— нестяжательский по своей основной направленности — «Слово к верным, иже христианя словом нарицаются, богови же супротивящеся коварствы и в сем на ся греха не возлагают». Это любопытное произведение, обличающее современное общество, и особенно монашество, за упадок нравственности, до сих пор мало привлекало внимание исследователей. В частности, не ставился вопрос о литературных источниках и литературных влияниях, определивших идейные и художественные особенности «Слова» [16].

Первая часть «Слова» направлена против щегольства и косметики, распространенных как среди женщин, так и мужчин, вторая — посвящена осуждению монашества за стяжательство, тунеядство, карьеризм. Нарисованные автором «Слова» образы щеголя, подкладывающего «на плеща своя толстоту и в сапози под пяты своя утинки от древ», и щеголих, красящих «лица своя» и белящих «вапы, и брови выспрь возводяще и терзающе, и мастию клепяще, сиречь клеем, и главныя власы улишающе, и... неудобна толстины на главы своя подо убрусы налагающе...», живейшим образом напоминают ставшие классическими описания русских щеголей и щеголих в сочинениях митрополита Даниила [17].

Для обличения монашества автор «Слова» использует произведения византийской аскетики: «Слово» заканчивается приписывае-

[15] «Сочинения Максима Грека», ч. II, стр. 103; *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев..., стр. 224; см. также выше, стр. 144.

[16] Исследователи, занимавшиеся «Словом», интересовались главным образом его атрибуцией: В. Ф. Ржига относит «Слово» к числу произведений, хотя и «находящихся в рукописях среди сочинений Ермолая Еразма, но едва ли ему принадлежащих» (*В. Ф. Ржига.* Литературная деятельность Ермолая Еразма.— ЛЗАК, вып. 33. Л., 1926, стр. 165); А. И. Клибанов, отмечая идейные и стилистические созвучия между «Словом» и сочинениями Ермолая Еразма, считает последнего автором «Слова» (*А. И. Клибанов.* Сборник сочинений Ермолая Еразма.— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960, стр. 180—182).

[17] «Слово к верным».— *А. И. Клибанов.* Сборник сочинений Ермолая Еразма. стр. 199; *В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 572—579.

мыми Виссариону Великому и Иоанну Златоусту рассуждениями о вреде, который приносит монахам владение селами. При чтении же центральной части «Слова», где автор дает картины жизни современного ему монашества, невольно возникают аналогии с сочинениями Максима Грека и Вассиана. В. Ф. Ржига, отметив одну из таких аналогий — в описании автором «Слова» и Максимом Греком роскоши и пышности высшего монашества, окруженного множеством «мирских слуг, цветоносных и младых юнош», имеющего «множество великих конь, и вся притяжания... и различная яди», объясняет эту аналогию тем, что оба автора писали об одних и тех же типичных чертах современной действительности [18].

Остановимся еще на одной аналогии, дающей, как нам кажется, основание для несколько иного вывода. И у автора «Слова», и у Вассиана имеет место противопоставление распущенности современных иноков простоте и строгости жизни первых пустынножителей и основателей монастырей. Посмотрим, как строится это противопоставление.

«Слово ответно» Вассиана	«Слово к верным»
Испытуйте и уразумейте, кто от восиавших в святыни и манастырей съоруживших попечение створи, когда села приложити своему манастырю, или царю или княземь моление створи о лготе или о обиде подлежащих ему селянех, или прю име к неким о пределех земных, или бичем мучи плоти человечьскыа, или юзами сих обложю, или о истязании лихв имениа их отъять, яко же ныне дръзають без страха, иже святых и чюдотворцов мнящеи себе? Рците нам, аще имате. Но не можете рещи. Ниже бо Пахомий, ниже и Еуфимий, ниже Сава, ниже Феодосий, ниже Герасим, ниже и в Афоньстей горе яко же аггел восиавый в святыни Афонасий, ниже сами удръжаша сицевое что, ниже бывшим по себе повелеша, паче же спротивно. Аще и трудолюбно в житиа *их* приникше, обрящеши их последну нищету возлюбивших, яко многажды и дневнаго хлеба оскудевших...[19]	Кийждо бо инок, егда образ приемлет, глаголет: отрицаюся мира и яже суть в мире. Сии ли бо суть отреклися, яже суть в мире, иже держащи в манастыревех множество мирских слуг, цветоносных и младых юнош, и множество великих конь, и вся притяжаниа, яже богатым довлеет, и различная яди, и яздяху, яко же мирстии велможи, гордящеся со множеством слуг. Се ли убо есть образ первоначалных пустынножитель, святаго архиерея и царя Мелхиседека, иже росу лизаше..., или огненоснаго пророка Илии, иже имеяше едину овчину..., или... Иоана Предтечи христова и крестителя, денницу солнечную, иже живяше под каменем, и ядый прутие былия мелагра и мед дивий... и ничтоже от мира требоваше, токмо душа человечески приводити к богу? Помянем же и Антония великаго, и Пафомия, и инех святых, что убо богатество имеяста, и како яздяста ли в гордости? [20]

В сопоставляемых отрывках имеются элементы различия: во-первых, отмечаются различные черты монашества — у Вассиана эксплуатация крестьян, у автора «Слова» роскошь и пышность

[18] *В. Ф. Ржига.* Опыты по истории русской публицистики XVI в., стр. 22—23.
[19] *Н. А. Казакова.* Вассиан Патрикеев..., стр. 265.
[20] *А. И. Клибанов.* Сборник сочинений Ермолая Еразма, стр. 200.

монашеского быта; во-вторых, различны персонажи, образ жизни которых противопоставляется поведению современных иноков: Вассиан ссылается только на святых отцов, автор «Слова» — и на святых отцов, и на библейские и евангельские персонажи.

Но, несмотря на элементы различия, аналогия закономерна. Противопоставление современным инокам первых пустынножителей и основателей монастырей с перечислением их имен не является широко распространенным в русской литературе: оно встречается у митрополита Киприана, Вассиана, Максима Грека и автора «Слова»; у Вассиана и автора «Слова» оно дополнено указанием на аскетическую строгость и нищету жизни древних святых. Далее и у Вассиана, и у автора «Слова» противопоставление дается в форме риторических вопросов, одинаковых по своей целенаправленности и эмоциональной окраске. Все это дает основание для заключения, что «Слово» написано (по крайней мере частично) в тех же литературных традициях, как и сочинения Вассиана, и что, может быть, автор «Слова» был знаком с последними. Если это так, то мы можем говорить об опосредованном влиянии идей и аргументации Киприана против вотчинного быта монастырей и на автора «Слова к верным».

Нестяжательство сформировалось под влиянием различных и порою противоречивых по своей классовой устремленности идейных веяний: оно использовало идеи и литературные приемы переводной византийской аскетической литературы, впитало некоторые элементы русских еретических учений и, наконец, подверглось определенному воздействию со стороны русской учительной литературы и, в первую очередь, сочинений митрополита Киприана. От Киприана ведет свое начало игравшая важную роль в аргументации нестяжателей против вотчинных прав монастырей ссылка на древних святых, не владевших селами; некоторые элементы обличений нравственного упадка монашества в связи с вотчинным бытом, впервые введенные в русскую литературу митрополитом Киприаном, также получили свое дальнейшее развитие в публицистике нестяжателей.

МАКСИМ ГРЕК И САВОНАРОЛА

(О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека)

Н. В. Синицына

Максим Грек — своеобразное и исключительное явление русской культуры XVI в. Он прошел в России лишь вторую половину жизненного пути (1518—1556 гг.); родился он около 1470 г. в Греции, где получил образование; в Италии (Венеция, Падуя, Феррара, Флоренция) он общался и сотрудничал в качестве писца-профессионала с некоторыми деятелями итальянского гуманизма (Альдом Мануцием, Иоанном Ласкарисом, Анджело Полициано, Джованни-Франческо Пико делла Мирандолой); затем он жил в католическом доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции, а примерно с 1505—1506 гг.— в Ватопеде, афонском православном монастыре, власти которого направили его в 1517 г. в Москву в ответ на просьбу Василия III прислать книжного переводчика [1].

Будучи в России, Максим Грек сам признавал свою былую причастность к «еллинским учениям»: «В юности моей время довлѣно пожих в стране Италийстей похотью еллинских учений»; «...40 лет без мала прошли ужь, отнели отрекохся гнилых басней и учений моих прародителех еллинех» [2].

Сочинений Максима Грека, написанных в первый период его жизни, в Италии и на Афоне, известно немного. Все его литературно-публицистические произведения (их известно более трехсот, здесь и мелкие заметки, и обширные полемические трактаты) созданы в России, его по праву называют русским писателем-публицистом. Но поскольку он приехал сюда уже зрелым человеком, в сочинениях его происходил синтез западноевропейского, афонского опыта и непосредственного влияния русской действительности.

Исследователи неоднократно отмечали влияние на него Савонаролы, основываясь прежде всего на сочинении Максима Грека «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом

[1] Светское имя Максима Грека (Михаил Триволис), а также неизвестные по русским источникам факты его биографии до приезда в Россию были установлены И. Денисовым (*E. Denissoff.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943).

[2] *В. Ф. Ржига.* Неизданные сочинения Максима Грека.— «Byzantinoslavica», v. VI. Prague, 1935—1936, стр. 99, 101.

жительстве»[3], где он с уважением и почтением отзывается о личности и преобразовательной деятельности Савонаролы, сочувствует его судьбе, рассказывает, как присутствовал на его проповедях. Проводились также аналогии между обличительными речами Савонаролы и сочинениями Максима Грека, направленными против «нестроений» и пороков русского общества[4]. В. Ф. Ржига расширил круг источников, обнаружив и опубликовав послание Максима Грека о францисканских и доминиканских монастырях[5]. Литературного аспекта темы касаются К. Висковатый[6] и А. И. Иванов[7].

В связи с рассматриваемой темой особенно важны наблюдения Б. И. Дунаева, который отметил, что Максим Грек, обвиненный в Москве в еретической порче книг, и Савонарола, отлученный от церкви и подозреваемый в ереси, избрали одинаковый путь борьбы.

12 мая 1497 г. была подписана булла об отлучении Савонароль от церкви. В этом же году он написал и издал свое последнее произведение «Торжество креста», где содержалось полное выражение его религиозных убеждений: вслед за подробным «Исповеданием веры» обличались различные ереси, отступления от христианства, другие религии; он опровергал иудейское и магометанское учения, астрологию и идолопоклонство, «религии, переданные философами». Приведя названия глав этого труда, Б. И. Дунаев делает вывод, что Савонарола «и прямо — исповеданием веры, и косвенно — обличением ересей доказывал чистоту и правильность своей веры».

Максим Грек ответил на обвинения в ереси рядом сочинений, направленных «против еллинов, астрологов, магометан, евреев, доказывая тем свое православие», а спустя несколько лет выступил с «Исповеданием православной веры» (хронологии Б. И. Дунаев не устанавливает)[8]. Б. И. Дунаев, таким образом, установил общность многих тем в произведении Савонаролы «Торжество креста»

[3] «Сочинения Максима Грека», ч. III. Казань, 1862, стр. 178—205.

[4] *В. С. Иконников.* Максим Грек и его время. Киев, 1915, стр. 118—123 и др.; *Н. К. Гудзий.* Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения.— «Киевские университетские известия», 1911, № 7, ч. II, стр. 6 и др.: *И. У. Будовниц.* Русская публицистика XVI века. М.— Л., 1947, стр. 136, а также ряд других работ.

[5] *В. Ф. Ржига.* Указ. соч., стр. 99—101.

[6] *К. Висковатый.* К вопросу о литературном влиянии Савонаролы на Максима Грека.— «Slavia», t. XVII, N 1—2. Prague, 1939, стр. 128—133.

[7] *А. И. Иванов.* Максим Грек и Савонарола.— ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 217—226.

[8] *Б. И. Дунаев.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916, стр. 6—7. См. также краткий протокол обсуждения доклада Б. И. Дунаева «Сочинения Савонаролы и Максима Грека», где приняли участие Н. П. Попов, Н. Н. Кононов, М. И. Соколов («Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества», т. IV, вып. 1. М., 1907. Протоколы, стр. 56—58).

и ряде сочинений Максима Грека и указал, что «такое совпадение фактов едва ли случайно».

При дальнейшем исследовании темы были возможны два пути: либо продолжить работу там, где остановился Б. И. Дунаев, и сравнить содержание соответствующих сочинений Максима Грека и Савонаролы; либо предварительно найти аргументы, подтверждающие (или опровергающие) самую возможность подобного сравнения, для чего выяснить время и обстоятельства создания интересующих нас сочинений Максима Грека, а также их рукописную традицию (когда и в каком окружении они вошли в состав сборников Максима Грека, каково происхождение самых ранних списков). Был избран второй путь. Изучение рукописей подтвердило догадку Б. И. Дунаева о том, что отмеченная им общность тем двух авторов не была случайной.

Целый ряд рукописных сборников сочинений Максима Грека, включая самые ранние, открывается устойчивым комплексом статей, начиная с «Исповедания веры» (как и «Торжество креста» Савонаролы), за которым следуют именно те полемические сочинения Максима Грека против различных ересей и других религий, о которых писал Б. И. Дунаев и тематику которых он считал соответствующей «Торжеству креста». Более того, в ряде этих сборников (хотя, отметим сразу же, не самых ранних, а лишь начиная с последней четверти XVI в.) [9] сообщается о том, что Максим Грек начал составлять «сию книгу» в 1531/32 г., т. е. очень скоро после второго суда.

Каков состав этой первой «книги» Максима Грека, первого собрания его сочинений?

Два наиболее ранних сохранившихся собрания сочинений составлены позднее — на рубеже 40—50-х годов XVI в. Одно из них состоит из 47 глав и представлено двумя сборниками, содержащими его собственноручную авторскую правку [10] (ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд., № 42 [11]; III, № 138), а также рядом других сборников XVI—XVIII вв., повторяющих состав первых двух. Это собрание будем называть Иоасафовским (или типом И) по имени владельца сборника МДА 42 митрополита Иоасафа. Другое собрание — в 73 главы — состоит из двух частей. Первая часть (1—25 главы) представлена сборником 1563 г. (ГИМ, Хлуд. 73) [12], вторая часть

[9] ГПБ, ОЛДП, О. 176; Солов. 497/516; Солов. 496/515; Солов. 494/513; Погод. 1140.

[10] Палеографическому обоснованию тождества почерка правки и русского письма Максима Грека, установленного Б. Л. Фонкичем (*Б. Л. Фонкич.* Новый автограф Максима Грека.— «Byzantinoslavica», 1969, № 1, стр. 80; *он же.* Русский автограф Максима Грека.— «История СССР», 1971, № 3, стр. 153—158), нами посвящена специальная работа.

[11] *Леонид.* Сведения о славянских рукописях..., ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии, вып. II. М., 1887, стр. 224—232.

[12] *А. Н. Попов.* Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, стр. 150—158.

(26—73 главы) — сборником, содержащим правку Максима Грека (ГБЛ, Больш. 285); ряд сборников XVI—XVIII вв. повторяют состав наиболее ранних. Условное название этого собрания — Хлудовское (тип Х) [13].

И. Денисов поставил вопрос о генеалогии сборников сочинений Максима Грека и справедливо предположил, что дошедшие до нас сборники не являются первыми собраниями его сочинений, им предшествовали более ранние собрания — в 46 глав и еще раньше — в 25 глав [14]. Рукописная традиция дает основание предполагать существование еще более ранних собраний. В типах И и Х первые 18 глав совпадают; возможно, они отражают единый, самостоятельно существовавший комплекс сочинений; в нем можно выделить первоначальное ядро, включающее 12 глав,— именно те сочинения, о которых писал Б. И. Дунаев.

Можно привести три аргумента для доказательства существования первоначального собрания сочинений Максима Грека, содержащего 12 глав, составивших первые 12 глав более поздних собраний — Иоасафовского и Хлудовского.

Во-первых, существует собрание сочинений Максима Грека, состоящее из 141 главы; первые 12 глав этого собрания совпадают по составу с первыми двенадцатью главами типов И и Х, т. е. с предполагаемым первоначальным ядром.

Во-вторых, существуют два сборника сочинений Максима Грека, соответствующих по составу 13—47 главам Иоасафовского сборника, а первые 12 глав отсутствуют [15].

В-третьих, по содержанию 12 глав представляют собой целостный законченный комплекс сочинений, объединенных общим замыслом.

Этот комплекс открывается, как уже отмечалось, «Исповеданием православной веры», где Максим Грек доказывает несправедливость выдвинутых против него обвинений и свою полную невиновность. Так как главным формальным основанием для его осуждения было обвинение в ереси, а эта ересь была якобы обнаружена в переведенных им книгах, то и в «Исповедании» после изложения догматических вопросов автор сразу переходит к своей переводческой деятельности, обосновывая отсутствие в ней еретических черт. Других пунктов обвинений, помимо ереси, Максим Грек здесь не касается, лишь в начале кратко упоминает о том, что его называют не только еретиком, но «врагом и изменником» Русской державы. Оправдываться по этому вопросу в данном со-

[13] Более подробно см.: *Н. В. Синицына.* Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 259—266; *она же.* Ранние рукописные сборники сочинений Максима Грека (кодикологическое исследование.— «Археографический ежегодник за 1971 год» (в печати).

[14] *E. Denissoff.* Op. cit., p. 74.

[15] ГБЛ, Егор. 508 (XVII в.); ГИМ, Синод. 157 (XVII в.), лл. 64—331 об. Мы не имеем возможности в краткой заметке дать подробную характеристику этих сборников.

чинении он не находит нужным, но считает необходимым показать «боголюбивейшим епископом и пресветлым князем и боляром», «судиям и князем», в форме ответа которым написано это сочинение, в чем он сам видит истинную причину обвинения в ереси; сказав, что он проповедует иноческую жизнь без «лихоимственаго резоимания и неправды и хищениа чюжих имений и трудов», Максим Грек восклицает: «Аще сих ради тяжек являются вам и наричюся еретик?» [16]. Тон ответа — уверенный, не просительный.

Написано это сочинение, как справедливо считал Е. Е. Голубинский [17], после 1538 г., т. е. после смерти Елены Глинской, так как автор, говоря «аз безпрестани молюся» о великом князе и его брате, не упоминает о ней. Большой разрыв во времени между судившими Максима соборами (1525 и 1531 гг.), с одной стороны, и рассматриваемым сочинением, с другой, может служить косвенным доказательством того, что одной из причин его осуждения было отрицательное отношение к разводу и новому браку Василия III, а нерасположение Елены к нему было так велико, что до ее смерти вопрос об его невиновности и тем более о публичном ее признании не мог быть поднят.

К «Исповеданию» по содержанию и хронологически тесно примыкают два заключительных сочинения комплекса в 12 глав (11-я и 12-я главы) — «Слова отвещательны об исправлении книг русских», где более подробно анализируются переведенные Максимом Греком тексты, обосновываются самые принципы его переводческой деятельности и снова, как и в «Исповедании», поднят вопрос об его невиновности, о необходимости снять с него отлучение.

В первом из этих Слов содержится указание на количество лет, в течение которых Максим «одержим...люте», но в разных списках число лет различно (15, 17, 18, 19, 20). Е. Е. Голубинский справедливо принимал за исходный момент расчетов 1525 г., но «подлинной цифрой» считал 19 [18], а остальные отбрасывал и датировал Слово 1544 г. [19] Эта датировка принята И. И. Смирновым [20]. В. С. Иконников неверно принимал за основу 1531 г., однако справедливо прибавлял наименьшее число (15) [21].

Изучение всей рукописной традиции текста Слова показало, что число лет в разных списках меняется не беспорядочно, а в зависимости от типа собрания; во всех списках Иоасафовского типа стоит число 19, Хлудовского — 18 (за исключением самого раннего списка этого типа — ГИМ, Хлуд. 73, где стоит число 20;

[16] «Сочинения Максима Грека», ч. I. Казань, 1859, стр. 30—31.
[17] *Е. Е. Голубинский.* История русской церкви, т. II, вторая половина. М., 1917, стр. 237.
[18] Вероятно потому, что это число стоит в наиболее раннем из сохранившихся сборников — ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 42, который Е. Е. Голубинский считал списанным с собственноручной рукописи Максима.
[19] *Е. Е. Голубинский.* Указ. соч., т. II, первая половина. М., 1900, стр. 816—817.
[20] *И. И. Смирнов.* Максим Грек и митрополит Макарий.— «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 175.
[21] *В. С. Иконников.* Указ. соч., стр. 509.

Хлудовский сборник содержит и другие индивидуальные чтения, отличающиеся от чтений остальных сборников этого типа). В собрании, состоящем из 112 глав, в рассматриваемом Слове стоит число 17, а на поле — 15 (ГИМ, Синод. 491, л. 45 об; ГПБ, Погод. 1139, л. 49 об.; Погод. 1146, л. 105, на поле — нет); в других списках число 15 внесено в текст (ГБЛ, Унд. 489, л. 39; Муз. 9626, л. 48).

По-видимому, необходимо допустить, что этот текст переписывался Максимом Греком неоднократно в течение 40-х годов, когда он все еще находился под отлучением и был лишен причастия, и в разные собрания вошли разные (но восходящие к прижизненным, т. е. авторским) варианты, где содержались разные числа, обозначающие количество «лютых» для автора лет. Поэтому для датировки возникновения Слова надо прибавлять, как и считал В. С. Иконников, наименьшее число (15), но прибавлять его, как это делал Е. Е. Голубинский, к 1525 г. «Слова отвещательны» возникли, следовательно, как и «Исповедание», около 1540 г.

Вторая, третья и четвертая главы рассматриваемого комплекса примыкают по содержанию к догматической части «Исповедания»; в перечне А. И. Иванова [22] это № 347, 348, 293. Пятая глава направлена против иудейства (Иванов, № 128), шестая — «на еллинскую прелесть» (Иванов, № 131), седьмая — «на латинския три большия ереси» (Иванов, № 138), восьмая и девятая — «на агарянскую прелесть» (Иванов, № 142, 143), десятая обличает апокрифическую повесть, содержащую прения о вере между христианами, язычниками и иудеями (Иванов, № 166).

Аналогичным (кроме антилатинской полемики) сюжетам, как уже отмечалось, было посвящено «Торжество креста» Савонаролы.

О том, что перечисленные выше сочинения Максима Грека составляли единый комплекс в момент их возникновения, свидетельствуют начала некоторых из них. Начало 6-го Слова: «Понеже убо... обличихом уже... иудейское бесование..., обратим себе противу еллиньскому зломудрию»; начало 8-го Слова: «Иудейское убо зловерие и еллиньское нечестие и латиньскиа ереси... обличихом уже, а богомерзских агарян многоразличное нечестие аще оставим без обличениа?» Все эти сочинения следует считать написанными в Твери в 30-х — начале 40-х годов. Составление Максимом Греком первого собрания своих сочинений на рубеже 30—40-х годов XVI в. было вызвано обстоятельствами его личной судьбы, его стремлением доказать свою невиновность.

Перейдем к текстологическим аргументам.

Первоначальное собрание сочинений Максима Грека, состоявшее из 12 глав, отражено, по нашему предположению, в собрании его сочинений в 141 главу, возникшем не позднее второй четверти XVII в. Известны следующие списки: 1) ГБЛ, Троицк. 201, вторая четверть XVII в. (условное обозначение — Т); 2) ГБЛ,

[22] *А. И. Иванов.* Литературное наследие Максима Грека. М., 1969.

Егор. 250, третья четверть XVII в. (Е); 3) ЦГАДА, ф. 201 (Собр. Оболенского), № 50, вторая половина XVII в. (Ц); 4) БАН, 32. 14.1 (Собрание царевича Алексея Петровича, № 4), начало XVIII в. (Б) [23]. Пятый список включает лишь первые 47 глав этого собрания (ГИМ, Муз. 3809), вторая четверть XVII в.[24] В дальнейшем мы будем называть это собрание типом ТЕЦБ.

Для проверки предположения о первых 12 главах этого собрания был произведен текстологический анализ одной, первой, главы — Исповедания веры. Были привлечены следующие списки: для сравнения с собранием в 47 глав — ГБЛ, МДА Фунд. 42(И) и ГБЛ, МДА Фунд. 153, конец XVI в. (Ф); для сравнения с собранием в 73 главы — ГИМ, Хлуд. 73 (Х) — основной вид этого собрания; ГБЛ, Никиф. 79, первая половина XVII в. (Н) — Никифоровский вид Хлудовского собрания; БАН, 1. 5. 97, 80-е годы XVI в. (В) и ГБЛ, Муз. 8290, первая половина XVII в. (М) — Бурцевский вид Хлудовского собрания.

Было обнаружено пять основных видов разночтений, на основании которых можно сделать следующие выводы.

1. Списки ТЕЦБ представляют собой единый извод текста, в случаях расхождений с другими списками они содержат чтения, совпадающие между собой [25].

2. Текст «Исповедания» в ТЕЦБ относится к типу Х, о чем свидетельствуют следующие разночтения: ТЕЦБ = Х = ВМН ≠ ИФ; И = Ф. Примеры: 1) л. 10 об.[26], ИФ — соборней церкви; ТЕЦБХВМН — соборней Христове церкви; 2) л. 10 об., ИФ — по всему быти святую; ТЕЦБХВМН — по всему святую; 3) л. 12, ИФ — заповедь бо вем Спасову; ТЕЦБХВМН — заповедь бо Спасову вемы; 4) л.15, ИФ — по божественым правилом и уставом святых собор; ТЕЦБХВМН — по божественым правилом всех святых собор; 5) л. 15 об., ИФ — великого князя Василиа Ивановича всея Руси; ТЕЦБХВМН — великого князя Василия Ивановича, и др.

3. Текст Исповедания в ТЕЦБ относится не к основному виду Хлудовского типа, а к Никифоровскому и Бурцевскому, что доказывают разночтения типа ТЕЦБ = ВМН ≠ ИФХ; И = Ф = Х. Примеры (первым приведено чтение ИФХ, вторым — ТЕЦБВМН): 1) л. 8, извещает о Христе — возвещает о Христе; 2) л.9, безначална — безначалного; 3) л. 9, божественым существом — существом; 4) л.9 об., изволивша — изволившаго; 5) л.9 об., того же —

[23] Перечень глав этого собрания см.: *Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878, стр. 207—216; *И. И. Срезневский, Ф. И. Покровский.* Описание Рукописного отделения библиотеки императорской Академии Наук, т. II. Пг., 1915, стр. 70—81.

[24] В рамках настоящей темы мы не касаемся вопроса о том, является этот список первичным или вторичным по отношению к первым четырем.

[25] В пятом списке (ГИМ, Муз. 3809) значительная часть текста «Исповедания» — более поздняя вставка (лл. 71—77), поэтому он не может служить для характеристики особенностей типа ТЕЦБ.

[26] Здесь и далее листы указаны по сборнику ГБЛ, ф. 173, МДА Фунд. 42, текст которого был взят за основу, так как в нем имеется авторская правка.

того; 6) л. 12 об., съприсносущна — присносущна; 7) л. 13, сице вам — вам сице; 8) л. 14, клеветам неправедным — клеветам неправды; 9) л. 14 об., и дръжите силою — силою и держите; 10) л.17, в векы веком — в векы, и др.

4. Текст Исповедания в ТЕЦБ не восходит непосредственно к Никифоровскому или Бурцевскому виду, но имеет самостоятельный протограф, о чем свидетельствует наличие в ВМН индивидуальных чтений, отличающихся от ТЕЦБ; в этом случае ТЕЦБ = =ИФХ≠ВМН; В=М=Н. Примеры (первыми приведены чтения ТЕЦБИФХ, вторыми — ВМН): 1) л.9, духа свята — духа святаго; 2) л.9, яко же вкратце рещи о святей единосущней и неразделней троици — о святей единосущией и неразделней троици яко же вкратце рещи (В индивидуален); 3) л.9 об., приатою — пречистою; 4) л.9 об., веруема — веруемаго; 5) л.10, поклоняема — поклоняемаго; 6) л.10 об., божественаго и безсеменнаго рожества — божественаго рожества;7) л. 11 об., безматерен — безсмертен; 8) л. 11, и правити — исправити; 9) л. 11 об., присносущен — съприсносущен; 10) л. 12, беззаконием — беззаконию; 11) л.16 об.— честнии священници его — священницы его честнии; 12) л.16 об., многолетное отвращение — многолетнаго отвращениа, и др.

5. О самостоятельности протографа ТЕЦБ говорят также имеющиеся здесь индивидуальные чтения, отличающиеся и от ВМН, и от ИФХ; в этом случае ИФХ = ВМН ≠ ТЕЦБ; Т = Е = Ц = Б. Примеры (сначала — чтения ИФХВМН, затем — ТЕЦБ): 1) л.9, неразделней — неразделимей (в данном случае Х=ТЕЦБ); 2) л. 9 об., пречистых — пресвятых; 3) л.9 об., божественному его естеству — божественному естеству; 4) л.9 об., грядуща с славою судию живым и мертвым — грядущаго с славою судити живым и мертвым; 5) л.10, богословных — благословных; 6) л. 10 об., исповедую и проповедую — исповедую; 7) л.12 об., да яко сынове — яко да сынове; 8) л. 13 об., сыне отеч, вземляй грехы мира, помилуй нас — пропуск; 9) л.14, пред... господем нашем и богом — пред... господем нашем; 10) л. 15, на что же и призываете мене — но что же и призываете мене; 11) л.15 об., по вопросу — по прошению; 12) л.16, чаю господом моим — господом моим чаю; 13) л. 16 об., преподобно есть вам подражати — преподобно есть вам.

Таким образом, результаты анализа текста одной из 12 глав не противоречат нашему предположению о существовании собрания в 12 глав; в особенности важны разночтения четвертой и пятой групп, свидетельствующие о наличии самостоятельного протографа типа ТЕЦБ. Однако полное представление о характере этого протографа, о его первичности или вторичности по отношению к протографам других собраний может быть получено лишь путем текстологического анализа всех (или по крайней мере еще нескольких) глав из двенадцати, а также последующих глав типов И и Х; при этом особенно важно проследить текстологическую судьбу собственноручной авторской правки Максима Грека; необходимо также привлечь для сравнения материал других типов собраний сочинений Максима Грека (в 112 глав, в 151 главу и др.).

ЧЕРТЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XV—XVI ВВ.

(Древнерусская литература и западная «народная книга»)

Я. С. Лурье

Можно ли говорить о чертах Возрождения в русской литературе XV—XVI вв.? Прав ли был А. С. Пушкин, утверждая, что «великая эпоха Возрождения» не имела никакого влияния на Россию? [1] Как и всегда в подобных случаях, решение этого вопроса во многом зависит от определения. Если исходить из определения Возрождения, данного в XIX в. Мишле и Буркхардтом, представлять себе возрожденческую литературу по ее наиболее «классическому» итальянскому образцу и видеть в ней прежде всего «Возрождение античности», то ответ на поставленный вопрос будет отрицательным.

Однако понятие Возрождения давно уже получило в работах по истории культуры новый, более широкий смысл, отличный от первоначального [2]. Говоря о чертах общеевропейского Возрождения, исследователи опираются не только на литературу Италии, непосредственной наследницы античной культуры, но и на литературы иных, более «варварских» по своему прошлому стран Западной Европы. Общей и наиболее важной чертой европейской культуры XV—XVI вв. следует считать ее связь с развитием средневекового города [3] и резко выраженный светский характер. Иссле-

[1] *А. С. Пушкин.* Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М.—Л., 1958, стр. 306.

[2] Ср.: *J. Huizinga.* The Waning of the Middle Ages, 1965; *он же.* Das Problem der Renaissance.— «Wege der Kulturgeschichte». München, 1930; *H. Baron.* Cicero and the Roman Civil Spirit in the Middle Ages and Early Renaissance.— «Bulletin of John Rylands Library», v. XXII. Manchester, 1938; *W. K. Ferguson.* The Renaissance in Historical Thought. Five Centuries of Interpretation. Cambridge — Mass., 1948; *S. R. Packard.* A Medievalist Looks at the Renaissance.— «The Renaissance Reconsidered. A Symposium». Smith College Studies in History, v. XLIV. Northampton — Mass., 1964; *D. D. Bush.* Prefaces to Renaissance Literature. Cambridge — Mass., 1965. Выступая за уточненную конкретно-историческую характеристику Ренессанса, перечисленные исследователи противостоят тем авторам (Хаскинс, Жильсон и др.), которые предлагают вообще отказаться от понятия «Ренессанс» (ср. хорошую историографическую сводку в сборнике «The Renaissance Debate». Ed. by Denys Hay. New York, 1965).

[3] Не останавливаясь здесь на вопросе о социальных корнях Возрождения, заметим, что прямолинейное соотнесение его с капитализмом (ср., например.

дуя французскую и нидерландскую литературу XV в., видный историк культуры средневековья и Возрождения И. Хойзинга показал, что возникновение новых форм в этих литературах лишь в небольшой степени было связано с обращением к античности (античные реминисценции, знакомые средним векам, вырождались в нелепый «латинизм», высмеиваемый французскими гуманистами); подлинные новаторы в литературе XV в., как Франсуа Вийон, опирались на «спонтанные», народные традиции средневековья [4].

Мысль о «спонтанном» характере новых явлений в европейской литературе XV в. и последующих веков высказывалась и в советском литературоведении. М. М. Бахтин видит основную почву Ренессанса в «переходе литературы и отдельных областей идеологии на народные языки». «Вся богатейшая народная культура смеха в средние века жила и развивалась вне официальной сферы высокой идеологии и литературы... И вот в эпоху Возрождения смех... прорвался из народных глубин вместе с народными („вульгарными") языками в большую литературу и высокую идеологию, чтобы сыграть существенную роль в создании таких произведений мировой литературы, как „Декамерон" Боккаччо, роман Рабле, роман Сервантеса, драмы и комедии Шекспира и другие» [5].

Характеристика Ренессанса, как «прямой карнавализации сознания, мировоззрения и литературы» [6], данная М. М. Бахтиным, может показаться несколько односторонней (хотя автор неоднократно подчеркивает, что он говорит о «карнавале» и «смеховой культуре» в самом широком значении этого слова). Однако самая роль народного творчества, впервые широко введенного в эпоху Возрождения в письменность (окончательно перешедшую на национальные языки), едва ли может быть переоценена. Западные исследователи не раз обращали внимание на широкое распространение в XIV и особенно в XV в. нового типа литературы — художественной прозы. Художественная литература средних веков — это почти исключительно поэзия, рассчитанная на устную передачу (произнесение вслух или пение); прозой писались главным образом произведения «деловых» жанров — церковные сочинения, государственные документы, исторические хроники. В XV в. происходит массовое переложение художественных сюжетов устной

В. И. Рутенбург. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое».— «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 94) представляется нам слишком схематичным (это было справедливо замечено Н. Е. Носовым в его выступлении по докладу В. И. Рутенбурга.— Там же, стр. 113). Отмечая, что «Возрождение есть продукт городского развития средних веков», С. Д. Сказкин вместе с тем справедливо указывает, что «чересчур прямое и безоговорочное утверждение, что Возрождение есть детище буржуазии, может привести только к недоразумениям» (*С. Д. Сказкин.* О методологии истории Возрождения и гуманизма.— «Средние века», т. XI. М., 1958, стр. 134).

[4] *J. Huizinga.* The Waning of the Middle Ages, p. 67—70, 262, 307—318.

[5] *М. М. Бахтин.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, стр. 80, 81.

[6] Там же, стр. 297.

поэзии в письменную форму: «человек, который действует в молчании, человек, который читает, явился вслед за эпохой, когда люди пели». Именно прозаическая запись XIV—XVI вв. спасла, по мнению исследователей, средневековую эпопею, которая не сохранилась бы в устной передаче[7]. Роман в прозе, произведения беллетристики получили широкое распространение в письменности, а после Гуттенберга — и в печати; появился особый жанр массовой литературы — «народная», или «лоточная» книга. В этом «торжестве чтения» в XV—XVI вв. исследователи справедливо усматривают «победоносное влияние городского класса»[8].

Примитивность «народных книг» XIV—XVI вв., их тесная связь с фольклором средневековья не помешала им быть той почвой, на которой выросли такие мастера литературы Возрождения, как Чосер, Ганс Сакс, Рабле. Важно поставить вопрос о существовании памятников, близких к «народной книге» в России XV—XVI вв.

Появление на Руси памятников, близких к «народной книге», обычно относили к XVII в. «Только с падением древнерусского культурного мировоззрения в Россию в XVII веке под западным влиянием проникает жанр свободного повествования — „народной книги“»,— писал австрийский славист Р. Ягодич[9]. Аналогичную мысль высказывал также И. Матль, посвятивший специальную работу проникновению немецкой «народной книги» в славянские страны. По его мнению, «народная книга» появилась в России в XVII—XVIII вв., и лишь романы об Александре и Трое он готов датировать несколько более ранним временем — XVI веком[10].

Обращение к рукописной традиции опровергает это утверждение. Такое обращение позволяет с достаточной определенностью установить круг беллетристических памятников, вошедших в русский читательский обиход уже в XV в. Южноевропейский роман об Александре Македонском — так называемая сербская Александрия — появляется на Руси в XV в.[11] Уже в конце XIV в. в русской письменности были известны легенды о царе Соломоне

[7] *G. Doutrepont.* Les Mises en prose des Épopées et des Romans chevalerèsques du XIVe au XVIe siècle. Bruxelles, 1939, p. 380—382, 683—687.

[8] *P. Champion.* François Villon. Sa vie et son temps, t. 2. Paris, 1933, p. 683; *G. Doutrepont.* Op. cit., p. 412.

[9] *R. Jagoditsch.* Zum Begriff der Gattungen in der altrussischen Literatur.— «Wiener Slavistisches Jahrbuch», Bd. VI, 1957—1958, S. 115.

[10] *J. Matl.* Deutsche Volksbücher bei den Slaven.— «Germanisch-Romanische Monatsschrift», N. F., Bd. V. (XXXVI). H. 3. Heidelberg, July, 1955, S. 195, 199. В своей новой монографии И. Матль учитывает наблюдения советских исследователей относительно проникновения элементов Возрождения на Русь до XVII в. (*J. Matl.* Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964, S. 162), но датировка отдельных беллетристических памятников по-прежнему остается в его труде неясной и крайне неточной: появление в русской письменности «Стефанита и Ихнилата» он относит то к Киевской Руси (стр. 56), то к XVII в. (стр. 69); совсем не указывает, когда проникли на Русь такие памятники, как сербская «Александрия» и «Троянская притча» (ср. стр. 75—76 и 79—80), и т. д.

[11] Ср. «„Александрия“. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.» М.— Л., 1965, стр. 146—151, 190—191.

и Китоврасе; в конце XV в. существовали по крайней мере две редакции этих легенд [12]. К XV в. относятся и древнейшие рукописи цикла сказок-басен о животных — «Стефанит и Ихнилат» [13]. Повесть о Трое — переделка южнославянской «Троянской притчи» — входила в состав первой редакции русского Хронографа [14]; она появилась, следовательно, тоже не в XVI, а по крайней мере в конце XV в. Не позднее конца XV — начала XVI в. была, по всей видимости, переведена на Руси и «История разрушения Трои» Гвидо де Колумны [15]. Наконец, к тому же XV в. относятся и два оригинальных памятника русской беллетристики — «Повесть о Дракуле» и «Повесть о Басарге» [16].

Легко заметить, что перед нами памятники, очень близкие к западной «народной книге» XV—XVI вв. Разговоры Соломона с Китоврасом во многом сходны с популярными на Западе «Беседами Соломона и Маркольфа (Морольта, Мархольта)» [17]. Грекославянский «Стефанит и Ихнилат» представлял собой византийскую переработку арабского сборника «Калила и Димна». Тот же сборник был в середине века переведен на латинский язык, а с латинского — на ряд других европейских языков и десятки раз переиздавался среди «народных книг». Отдельные новеллы из «Калилы и Димны» были включены в популярнейший немецкий сборник начала XVI в.— книгу анекдотов Иоганна Паули «В шутку и всерьез» [18]. Романы об Александре и Трое, давно известные на Западе, в XV—XVI вв. стали сюжетами массовых «народных книг» [19].

[12] Ср. *J. Luria.* Une légende inconnue de Salomon et Kitovras dans un manuscrit du XVe siècle.— «Revue des études slaves», t. XVIII, f. 1—4. Paris, 1964, p. 7—11; ср. «Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе». Л., 1970, стр. 321—322.

[13] «„Стефанит и Ихнилат". Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII вв.» Л., 1969, стр. 171—177.

[14] А. А. Шахматов относил первую редакцию Хронографа к середине XV в. (*А. А. Шахматов.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938, стр. 136—138). В настоящее время исследователи летописания склоняются к более поздней датировке (ср. *Б. М. Клосс.* О времени создания русского Хронографа.— ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 254), не переходящей, однако, за грань конца XV в.

[15] «Истоки русской беллетристики», стр. 277—278.

[16] «Повесть о Дракуле». М.— Л., 1964, стр. 59—60, 72—73; «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле». Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969, стр. 26, 63—65.

[17] Ср. о них в исследовании А. Н. Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине».— *А. Н. Веселовский.* Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1. Пг., 1921.

[18] «Das Buch der Beispiele der alten Weisen». Nach Handschriften und Drucken herausgeg. v. W. L. Holland.— «Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart», Bd. LVI. Stuttgart, 1860; «Schimpf und Ernst v. Johannes Pauli». Herausgeg. v. H. Österley.— «Bibliothek des Literarischen Vereins in Stuttgart», Bd. LXXXV, 1866; ср. «Книга Калилah и Димнah (Сборник басен, известных под именем басен Бидпая)». Перевод с арабского М. О. Аттая и М. В. Рябинина. М., 1889, стр. LXVII—LXX.

[19] Ср. *L. Mackensen.* Die deutsche Volksbücher.— «Forschungen zur deutsche

Черты «народных книг» обнаруживаются не в одних лишь переводных памятниках, появившихся на Руси в XV в., но и в оригинальных памятниках того времени — в «Повести о Дракуле», написанной русским автором на материале тех же анекдотов о валашском князе Владе Цепеше, на которых основывались немецкие «Истории Дракулы Вайды», и в «Повести о Басарге», развивавшей весьма распространенный во всей мировой литературе анекдот о простаке (в русской повести — мальчике), разгадывающем загадки жестокого правителя. Аналогичный анекдот о вельможе, аббате и свинопасе содержался, например, в сборнике «В шутку и всерьез» Иоганна Паули [20].

«Свободное повествование» типа «народной книги» начало, таким образом, проникать на Русь не в XVII, а уже в XV в. Речь идет не только о сходстве сюжетов, бытовавших на Руси и в Западной Европе, а именно о близости идеологии и литературного построения памятников, появившихся на Руси в XV в., к идеологии и построению западной позднесредневековой прозы. Средневековой дидактике эта литература противопоставляла скептическое и «смеховое» отношение к традиционной феодальной морали [21]; близкая к фольклору, она строилась по образцу притч-анекдотов, постоянно вводя прямую речь, диалог между героями.

Появление «свободного повествования» в русской письменности говорит о намечающемся переломе в средневековом отношении к литературе. Как ни случайны дошедшие до нас материалы, они свидетельствуют о том, что к XV в. на Руси существовали и прозаическое переложение средневекового эпоса («Девгениево деяние»), и оригинальная беллетристика предвозрожденческого характера. Но новые явления в русской литературе XV в. не получили развития в XVI в. Идеология русских «неполезных повестей», как их именовали церковники, вызывала тревогу и противодействие со стороны представителей господствующей идеологии. Рукописная традиция показывает, что XVI в., век расцвета западной «народной книги», был временем почти полного исчезновения всех видов беллетристики на Руси [22]. «Свободное повествование» воскресло лишь в XVII в., после крестьянской войны.

Geistgeschichte des Mittelalters und der Neuzeit», Bd. II. Leipzig, 1927, S. 9, 16—19, 74.

[20] «Schimpf und Ernst v. Johannes Pauli», S. 46 (анекдот LV); ср. *В. Андерсен.* Император и аббат. История одного народного анекдота, т. I. Казань, 1916, стр. 79—240. (В. Андерсен, помимо Паули, упоминает также изложение этого сюжета у Саккети, в англо-латинских «Gesta Romanorum», польских фацетиях, во французском сборнике новелл Труайе и многих других.)

[21] Подробнее см.: *Я. С. Лурье.* Элементы Возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI в.— Сб. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы». М., 1967, стр. 190—199.

[22] Там же, стр. 203—206; «Истоки русской беллетристики», стр. 387—407.

ВИЗАНТИЙСКОЕ «СЛОВО О СТАРЦЕ» И РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XV В.

А. И. Клибанов

Красноречивый эпизод, пополняющий наши представления о русской публицистике XV в., связан с византийским сочинением «Слово о старце», вошедшем в состав младшей редакции Измарагда.

«Слово о старце» восходит к сокращенной редакции одного из древнейших христианских патериков — Великому Лимонарю, описанной впервые константинопольским патриархом Фотием (IX в.).

«Слово о старце» представляет собой небольшой рассказ, распадающийся на две части, о которых можно сказать, что они не очень «крепко сшиты», хотя каждая из них и «ладно скроена». В первой части Слова повествуется о некоем митрополите, которому «в некотором месте» предстояло рукоположить епископа взамен скончавшегося. Митрополит, придерживавшийся, как это следует из текста, демократических принципов, предложил рукоположить в епископы кандидата, которого назовут сами жители осиротевшей епископии. При этом митрополит поставил в качестве условия, что рекомендация будет принята во внимание, если в ней примут участие поголовно все жители епископии. Когда условие, казалось, было выполнено, митрополит обратился к собравшимся с вопросом: «Все ли вы здесь?» Выяснилось, что собрались все, за исключением «того, кто держит осла у первенствующего из нас». Погонщик осла и был рукоположен митрополитом ко всеобщему согласию и удовлетворению [1].

Вторая часть начинается с молитвы новоизбранного епископа о ниспослании дождя ввиду случившейся засухи. Епископ слышит с неба: «Поди с утра к таким-то воротам и кого увидишь, входящего первым, останови его, и он помолится, и будет дождь» [2]. Епископ повинуется. Первый, кто входит в город, оказывается старцем, ефиопянином, несущим вязанку дров для продажи горо-

[1] «Древний патерик, изложенный по главам». Перевод с греческого. М., 1899, стр. 400.

[2] Там же, стр. 400—401.

жанам. Упрошенный епископом, старец молится. В ответ на его молитву «пошел дождь, как потоки с неба, и если бы не помолился опять, то и не перестал бы» [3]. Епископ взывает к старцу: «...Доставь нам пользу, скажи нам о жизни твоей, чтобы и мы были равностны». Ответ старца заключает основную идейную нагрузку второй части Слова: «Вот, как видишь меня, выхожу я, и нарублю для себя эту небольшую вязанку дров, и вхожу в селение, и продаю ее, и более двух хлебцев не оставляю себе, остальное же отдаю бедным и сплю при церкви и опять выхожу за город и делаю так же. Если же бывает зима, день или два остаюсь голоден, пока не настанет опять хорошая погода, чтобы можно было мне выйти и рубить дрова» [4]. Итак, небо благосклонно к труженикам и нестяжателям, более благосклонно, чем к высокопоставленным иерархам церкви. Последнее подчеркивается обстоятельством поставления в епископы человека, вышедшего из народной среды, чему посвящена первая часть Слова.

Младшая редакция Измарагда, в которой мы находим «Слово о старце», относится, как показал исследователь этого памятника В. Я. Яковлев, к XV в., скорее к первой половине века, тогда как старшая редакция Измарагда сложилась, по-видимому, еще в начале XIV в. [5]

При том, что «Слово о старце», появившееся в составе младшей редакции Измарагда, сохраняет видимые связи — сюжетную, смысловую, текстуальную — со своим оригиналом, его русский вариант имеет столь значительные особенности, что его можно квалифицировать как самостоятельное литературное произведение. Опущена вся первая часть Слова, что соответствует особенностям младшей редакции Измарагда, составитель которой отказался от критики церкви, которая была характерна для старшей редакции этого литературного сборника [6]. Однако вывод, что младшая редакция Измарагда уступает по силе социального звучания его старшей редакции, был бы поспешным. Вполне возможно, что составитель младшей редакции Измарагда придерживался по отношению к церкви более умеренной позиции, чем его предшественник. Само собой разумеется, что церковь в лице духовенства с ее служением господствующему классу являлась не единственным социальным злом феодального общества. Составитель младшей редакции Измарагда проявил, как это было отмечено в названном исследовании В. Я. Яковлева, специальный интерес к проблемам труда. Это выразилось во включении в сборник шести сочинений, посвященных значению и смыслу труда, написанных с различных

[3] Там же, стр. 401.
[4] Там же.
[5] *В. Я. Яковлев.* К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893.
[6] Мы пользуемся списком младшей редакции Измарагда XVI в. (ГБЛ, ф. 304 (Троице-Сергиевой лавры), № 203).

позиций и в целом воссоздающих в какой-то степени картину идеологических разноречий и столкновений, происходивших в русском обществе XV в. по этой коренной социальной проблеме. К указанному комплексу сочинений относится и «Слово о старце».

После того как была убрана первая часть Слова, это сочинение оказалось посвященным исключительно проблеме труда. Но мотивы трудолюбия и нестяжательства в русском литературном сборнике даны значительно более развернуто, остро и определенно. Прежде всего описано народное бедствие, вызванное засухой, о чем в оригинале сочинения не сказано ничего: «Бысть людям страны тоя велика скорбь безьдожиа ради, яко отнуд плодом не расти и от многа солнца зноя земля иссыхаше»[7]. Далее, в эпизоде встречи епископа со старцем, входящим в город, добавлена существенная деталь: «Епископ же повеле удержати и (старца.— *А. К.*) и восставь сложи с плещу его бремя дровь епископ и поклонися до земли...»[8]. Каковы бы ни были представления византийского автора о приличествующем священнослужителям демократизме, он не позволил бы себе показать епископа облегчающим ношу труженика и склоняющимся перед ним. Затем в «Слове о старце» из Измарагда с некоторыми разночтениями воспроизводится текст оригинала: «но се яко видиши мя въхожу в град, нося бремя дров; се же творю по вся дни. Се продa и куплю си хлеб, иного же не имаше ничтоже. И сплю в церкви по вся нощи, а утро исходя тоже творю. Ащели будеть зима ли, слота (ненастье.— *А. К.*) ли, день ли, два, тогда аз алчен пребываю, донележе тихо. И исходя пакы секу дрова и на плещу моею ношу в град и продаю, темь ядь си куплю, а лишнее неимущимь раздаваю»[9].

Этот рассказ служит в русском тексте Слова для глубокого социального обобщения, направленного против эксплуатации и утверждающего в качестве нормы труд собственными руками: «От дому же чюжаго, ни от чюжиа силы никогда взях хлеба и не ядях туне ни у кого же»[10]. Слово в его русском переложении оканчивается следующим: «Се же слышавь епископ и почюдися и иже с ними прославиша бога, имущаго потаены рабы своя, тому одиному сведоми. И веле епископ кормлю и одежю от церковнаго притяжаниа дати единому. Сый же не хоте и едва бысть умолен от епископа, нужею одва приимаше и тако сконча жизнь свою в добродетели»[11].

Сделанные выше наблюдения так и остались бы одним из многочисленных примеров творческой переработки русским писателем византийского литературного наследия, если бы не факты, позво-

[7] ГБЛ, ф. 304, № 203, л. 142.
[8] Там же, л. 142 об.
[9] Там же, л. 143.
[10] Там же.
[11] Там же, л. 143—143 об.

ляющие усмотреть в данном примере явление русской общественной мысли конца XIV — первой половины XV в. Дело в том, что византийское сочинение потому привлекло внимание русского писателя и в переработанном виде включено в Измарагд, что оно оказалось созвучным проблемам, глубоко волновавшим русское общество. В параллель к идеям «Слова о старце» можно привести ряд рассуждений Епифания Премудрого в житийных повестях о Стефане Пермском и Сергии Радонежском. Эти повести неоднократно привлекались исследователями русской литературы и общественной мысли. Остаются почти неизученными сочинения о труде в младшей редакции Измарагда, образующие со «Словом о старце» общий тематический комплекс. Среди них наше внимание привлекли принадлежащие русскому автору небольшие сочинения: «Поучение ленивым, иже не делают и похвала делателям» и «Слово к ленивым святого Василия».

Основные тезисы автора «Поучения ленивым...» состоят прежде всего в обосновании необходимости трудовой деятельности как отвечающей религиозным потребностям человека и его земным интересам: «Аще бо земные убегаете страды и небесных не узрите благых, иже делателемь бог обещал есть. От труда бо здравие и от страды спасение»[12]. Сочинитель обнадеживает труженика-земледельца: «Всяк делаяй землю насытится хлеба, понеже стогь возвыси гумна си (сый.— *А. К.*) благословень богом...»[13]. Далее критикуется праздность, осуждаемая, однако, не в одном этическом аспекте: «Леность бо всемь деломь злом мати бысть»[14]. «Кто убо на дело ленив — тот и о своей душе не подвизается»[15]. Кто же такие ленивцы? Это люди, насильственно присваивающие чужой труд! Сочинитель обличает: «О празднолюби и ленивии, которую мъзду своего труда богови принесете, яко не требуеть бог от лихоимания жрьтвы, ни приноса, но яко закалаема пса гнушаться. Луче есть не творити чюжимь, а не грабити»[16]. Сочинитель напоминает, что одни лишь люди, трудящиеся собственными руками, унаследуют небесное царство: «Ни ленивым бо, ни многоспящим, ни лихоимцемь, ни пианицам, ни крадущим господь вечную жизнь обещал есть, нь иже ся бога ради тружають, делающа своими руками...»[17] Сочинитель точен. Он расшифровывает свое понятие о категории тружеников, несущих на себе благословение божие и заслуживающих «спасение». Это— «...польских прилежаще делех, инии же скоты и кони пасут... инии же сено секуть, агньци крьмят»[18]. Это —

[12] Там же, л. 63.
[13] Там же, л. 63 об.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] Там же, л. 64. Здесь и далее разрядка моя.— *А. К.*
[17] Там же.
[18] Там же.

«...по морю плавающе и гостьбы деюще...» Это — «рукодельницы». Это, наконец, и «жены», утверждающие «локти свои на дело и руце на вретоно»[19]. Сочинитель считает тружениками земледельцев, пастухов, косарей, ремесленников, женщин, занятых домашними работами, наконец, купцов. Так не феодалы ли составляют основной контингент празднолюбцев, лихоимцев, грабителей? Пути спасения закрыты для таковых: «никто бес труда спастися может, но всяк по деломь прииметь богу нашему»[20]. В данном случае «по деломь» значит не «по заслугам», а «по труду». И это понятно, если принять во внимание следующий тезис автора: труд есть универсальный закон, богом указанная основа и условие бытия. Мы считаем правомерным так интерпретировать суждение автора. «Аще бо бог пекль бы ся ленивыми, то повелел бы былию жито растити, а лесу — овощь всякый...»[21]

Следующее из привлекаемых нами сочинений — это «Слово к ленивым...», небольшое сочинение, в основе которого находится третья глава второго Послания Павла к фессалоникийцам с ее центральным положением: «Аще кто не хощет делати, ниже да яст!» Чтобы лучше уяснить замысел сочинителя «Слова к ленивым..» нелишне воспользоваться справкой о мотивах, вызвавших к жизни второе послание к фессалоникийцам. Реабилитация труда, заключающаяся в третьей главе этого Послания, являлась, по мысли академика С. А. Жебелева, ответом на «то, свойственное греко-эллинскому миру, представление, что труд является лишь делом нужды, что он сам по себе никакой ценности не представляет»[22]. Но критика автором Послания к фессалоникийцам аристократически-пренебрежительного отношения к труду не удовлетворила автора «Слова к ленивым...» Он передает стихи послания в своей, более определенной, резкой и агитационной редакции.

Сделаем несколько сопоставлений. В Послании: «...яко аще кто не хочет делати, ниже да яст» (III, 10); в «Слове к ленивым...»: «...яко иже кто ленится и не хощет делати, да не ясть»[23]. В Послании: «Слышим бо некия безчинно ходящая у вас, ничтоже делающая, но лукаво обходящия» (III, 11); в «Слове к ленивым...»: «...некья бо слышимь от вас бещину ходяща, даромь ядуща хлеб и ничто не делающа, а силни себе пищу добыти и одежю»[24]. В Послании: «Таковым запрещаем и молим о господе нашем Иисусе Христе да с безмолвием делающе, свой хлеб едят» (III, 12); в «Слове к ленивым...»: «...Таковым запрещаем: да делают и свой хлеб едять от своеа силы»[25].

[19] ГБЛ, ф. 304, № 203, л. 64—64 об.
[20] Там же, л. 64 об.
[21] Там же, л. 63 об.
[22] *С. А. Жебелев.* Апостол Павел и его послания. Пг., 1922, стр. 66—67.
[23] ГБЛ, ф. 304, № 203, л. 64 об.
[24] Там же, л. 65.
[25] Там же.

Этих примеров достаточно, чтобы дать представление о направлении мысли сочинителя «Слова к ленивым...»: труд есть обязанность всякого, способного к труду. Трудоспособный, но не трудящийся человек объявляется сочинителем «Слова к ленивым...» вне закона. Конечно, вне божьего закона, так как законы земные были не в трудовых руках сочинителя «Слова к ленивым...». Но скажем его словами: «Кроме бо есть божиа закона порозный ходя, могаа не делая»[26]. На головы способных к труду тунеядцев сочинитель «Слова к ленивым...» призывал все кары господни: «Таковый (тунеядец.— *А. К.*) избирает на свою главу вечныя огньныя муки, иже могы от своеа силы кормитися бещиньство приимь ходить туне яды чюжа хлебы»[27].

Принцип трудовой жизни сочинитель «Слова к ленивым...» распространяет и на женскую половину общества: «Ни единемь же мужемь делати повелено, нъ и женам: всяко бо зло от порозни ражается. Жены бо порозности навыкають мужа имеют потаковники»[28].

Таков трудовой императив сочинителя «Слова к ленивым...». Категоричность его, однако, ограничена. Сочинитель «Слова к ленивым...» справедливо не считает тунеядцами тех, «иже вельми есть убози и немощни»[29]. Это само собой разумеется. Но в понятии труда он, подобно тому как это делал Епифаний Премудрый, включает интеллигентную по средневековым понятиям учительную деятельность духовенства.

В сочинении «Слово к ленивым...» этот общий взгляд не отвергается. Духовенство, с ревностью выполняющее функции проповедников и учителей, рассматривается не как «ленивое», но как «делающее». Сочинитель «Слова к ленивым...» пишет: «Упражняйся на проповедь питатися от учимых». Но, хорошо зная нравы среды, о которой он пишет, сочинитель предупреждает: «нь сего деля веща: достоинь делатель мьзды своея да от своего труда кръмяся, а излишняя маломощным подая»[30].

Историческая обусловленность мировоззрения сочинителя «Слова к ленивым...» приводит его к распространению понятия о труде на лиц, осуществляющих правительственные функции,— таковых он не обязывает к физическому труду. Он пишет: «Имях бо рече власть празден быти от ручьного дела»[31]. Взгляды сочинителя «Слова к ленивым...» на труд предвосхищали во многом идеи, которые в середине XVI в. развил в сочинениях «Правительница» и «Слово о правде» Ермолай Еразм.

Как сочинение «Поучение ленивым...», так и сочинение «Слово к ленивым...», утверждают труд в качестве нравственного принци-

[26] Там же.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же, л. 65—65 об.
[31] Там же, л. 65.

па. И тот и другой сочинители достигли сознания, что в основании контраста между богатством и нищетой лежит деление общества на трудящихся и на присваивающих их труд тунеядцев. Пафос этих сочинений в протесте против эксплуатации. Что же касается исключения: «Имях бо рече власть празден быти от ручьного дела»,— то оно лежит в пределах общественного сознания и самого крестьянства этого (и далеко не только этого) времени. Как пишет Л. В. Черепнин: «...В мышлении крестьян было много и того консервативного, что отвлекало их от борьбы. Над крупными земельными собственниками, думают крестьяне, стоит великий князь. Ему принадлежит верховное право распоряжения землей вообще и прежде всего черной, на которой живет крестьянство, не подчиняющееся каким-либо иным земельным собственникам. К кому же еще обратиться за управой в случае захвата черных земель вотчинниками, как не к великому князю? Кто же другой может призвать к порядку и захватчиков, и их пособников из числа княжеских приказных людей и судей?» [32]

Социальная структура феодального общества мыслилась его западноевропейскими апологетами в виде извечно установленного деления на bellatores, oratores, laboratores — феодальных сеньоров, светских и духовных, а на противоположном конце — трудящихся. Так мыслили и апологеты феодального строя в России.

В самом начале XVI в. это общественное деление, как богоустановленное, было формулировано в известном памятнике «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. Автор его писал: «Пастырь же церковный за господина своего временного молитися должен есть, господин же пастыря своего с вещми церковными защищати должен есть. Селянин же тружатися и питати обоих» [33]. На всем протяжении истории феодального строя труженики вели борьбу против соединенных сил светских и духовных феодалов. При всей стихийности и неорганизованности эта борьба велась трудовыми низами не вслепую. Она освещалась передовой общественной мыслью, сумевшей (во всяком случае в XV и XVI вв.) разобраться в том, что источником богатства является насильственное присвоение чужого труда, чтобы проклясть насилие и возвеличить труд.

[32] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 274.

[33] «Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым», вып. XXI. «Слово кратко» в защиту монастырских имуществ. М., 1902, стр. 43.

О «ВСЕМИРНОМ УМОПРОСВЯСЧЕНИИ» В. Н. ТАТИЩЕВА

С. Н. Валк

В. Н. Татищев прославился своей «Историей Российской», составившей эпоху в развитии русской историографии. В ней, в частности, Татищев изложил первую в нашей историографии общую схему развития русского исторического процесса, в основе которой лежало утверждение, что «монархическое правление государству нашему протчих полезнее». Наряду с этой схемой национального русского развития Татищев наметил также схему развития всемирно-исторического процесса, содержание которого определялось, по его убеждению, «всемирным умопросвясчением». Некоторому разъяснению этой последней татищевской схемы посвящены нижеследующие строки.

Татищев вначале не готовился стать историком. Когда он принялся, по побуждению своего «командира и благодетеля» Я. В. Брюса, за работу над сочинением «Истории Российской», в 1719 г., ему было уже тридцать три года. Он успел до этого побывать не раз за границей, усердно приобретая там книги. Круг интересов Татищева, судя по его книжным приобретениям, был чрезвычайно широк. Наряду с историческими сочинениями мы найдем в списках состава библиотеки Татищева, а также в упоминаниях, разбросанных в «Истории Российской», названия книг по самым различным отраслям научных знаний. Среди них можно обнаружить сочинения выдающихся философов и энциклопедистов, историков, юристов и политических мыслителей, писателей античного мира наряду с современнейшими трактатами. Именно эта широчайшая ученость и начитанность Татищева определили многие черты его «Истории Российской». В ней поэтому многое оказалось, как он сам это признавал, написанным «сверх моея исторической должности» [1]. Татищев и утверждал, что изучение «своей собственной истории и географии весьма нуждняе,

[1] Такова, в частности, была целая глава 45 первой части «О древнем правительстве русском и других в пример» (*В. Н. Татищев.* История Российская, т. I. М.— Л., 1962, стр. 359 и сл.).

нежели посторонних». Однако отмеченные только что разносторонние интересы и знания привели его к убеждению, что «должно то за верно почитать, что без знания иностранных своя не будет ясна и достаточна» [2].

Этот взгляд Татищева нашел свое отражение в предисловии, которое он предпослал своему огромному труду. Оно озаглавлено так: «Предъизвесчение о истории обсчественное и собственно о русской». Действительно, Татищев коснулся сперва общих вопросов истории, как-то, что такое «история» и какова ее «польза» вообще и какова польза «собственно» русской истории, каковы источники и историография русской истории. Последний раздел «Предъизвесчения» Татищев начал словами: «Прежде же, нежели я к сказанию приключений и деяний приступлю, нуждно показать о том, от чего оные происходят» [3].

Поставленный здесь общий вопрос Татищев только и мог разрешить в духе господствовавшей в те времена на континенте рационалистической философии. Татищев много раз ссылается в своей «Истории Российской» и в «Разговоре о пользе наук и училищ» на «преславных философов», важнейшие труды которых, в особенности Христиана Вольфа, Пуфендорфа, Бейля и др., были и в его собственной библиотеке.

Не удивительно поэтому, что на поставленный перед ним вопрос, «от чего происходят приключения и деяния», являющиеся предметом его исторических исследований, Татищев ответил утверждением, что «все деяния от ума или глупости происходят» [4]. Ответ этот до того был обычен для тогдашних рационалистов, что в точности напоминает заголовок труда одного из влиятельнейших последователей Лейбница, изгнанного из Лейпцига представителя раннего германского просвещения, «учителя закона» (по выражению Татищева) Христиана Томазия [5].

«Ум» для Татищева является основным понятием, которое лежит в основе всей его философии. Глупость, указанная в вышеприведенном ответе Татищева в качестве причины человеческих деяний, не является «особым сусчеством» человека. Подобно тому как «стужа» обозначает «оскудение теплоты», а не «особое сусчество или материю», точно так же и глупость есть не что иное как «токмо недостаток или оскудение ума» [6]. Но «ум» сам по себе — это, полагает Татищев, такая «сила души», которая соответствует лишь «просто смыслу»; в таком виде «ум» свойствен «частию протчим животным», точно так же как есть такой «ум» и у людей, «глупейших по природе» [7]. Для приспособления рацио-

[2] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 81.
[3] Там же, стр. 92.
[4] Там же.
[5] «Chr. Tomasii Historie der Weisheit und Thorheit». Halle, 1693.
[6] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 92.
[7] *В. Н. Татищев.* Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 9.

налистической философии ума к просветительским задачам, которыми было проникнуто мировоззрение Татищева, понятию «ума» должно было быть противопоставлено понятие ума просвещенного. Так это произошло и на Западе. Сводя к краткому определению основную мысль философии почитаемого Татищевым Христиана Вольфа, Куно Фишер писал, что «конечной целью» работ Вольфа было «просвещение человеческого ума» [8]. Аналогичная идея должна была появиться и господствовать в философии Татищева в соответствии с общим направлением петровской эпохи. Татищев и развивает понятие «ума», который путем просвещения обращается в «разум». Он поясняет, что «разум имянуем ум, чрез употребление и поосчрение его качеств исправленный». Последнее же «от науки приписуется», и чтоб человек «разумен был, надобно ему прежде учиться» [9]. Таким образом, Татищев подходит к идее «умопросвясчения», которая и ляжет в основу его историко-философского построения хода всемирной истории.

Однако, чтобы утвердить своего читателя в этом вопросе, Татищев заставляет своего воображаемого собеседника в «Разговоре о пользе наук» усомниться в общественно-политической целесообразности мысли о всеобщей благости подобного «умопросвясчения». Именно, согласно возражениям этого собеседника, «некоторые в гражданстве искусные люди» полагают, что «чим народ простяе, тем покорнее и к правлению способнее, а от бунтов и сметений безопаснее»; а отсюда и вывод у этих людей — они «для того науки распространять за полезно не почитают» [10]. Это возражение должно было быть тем чувствительнее для Татищева, что он сам стоял в своей истории на том, чтобы «своевольства смерди не давати» [11].

Разъясняя свои взгляды, Татищев доказывал «генерально», что «в Европе, где науки процветают, тамо бунты неизвестны»; наоборот же, «турецкой народ пред всеми в науках оскудевает, но в бунтах преизобилует». Также и в России, по Татищеву, «никогда никаков бунт от благоразумных людей начинания не имел» и «редко какой шляхтич в такую мерзость вмешался»; если уже бунты в России и бывали, то их виновниками были «более подлость, яко Болотников и Боловня холопи, Заруцкой и Разин казаки, а потом стрельцы и чернь, все из самой подлости и невежества». Однако Татищев сам почувствовал, что такие рассуждения никак не ведут к разъяснению вопроса, какова же польза умопросвещения для «подлого» народа; едва ли не наоборот, в них «подлость» сама по себе, наряду с «невежеством», служила побудителем к бунтовщическим деяниям. Несомненно, для Татищева и было невозможно примирить общие его философско-исторические

[8] *К. Фишер.* Лейбниц. СПб., 1905, стр. 639.
[9] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 1, 9.
[10] Там же, стр. 63.
[11] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. IV. М.—Л., 1964, стр. 337.

теории о пользе «умопросвясчения» с его же общественно-политическими теориями о незыблемости крепостничества. Татищев поэтому пытался, уходя от «генерального» ответа, выйти из этого идейного тупика, убеждая своего мнимого собеседника суждениями вроде того, что «многократно случается, что на благоразсудности одного салдата целой армии благополучие или безопасность зависит», или что он «рад и крестьян иметь умных и ученых», а не «дураков» [12].

Каким же путем шло развитие «всемирного умопросвясчения»? Татищев намечает три «величайшие» «способы всемирного умопросвясчения»: первый — это обретение букв, второй — пришествие Христа, третий — обретение тиснения книг.

Согласно теории естественного права, которая была почитаема и Петром Великим и Татищевым, особенно благодаря трудам Пуфендорфа, человек и человечество в самом начале своего существования жили по естественному закону, который «при сотворении Адама ему и его наследникам вложен» и, таким образом, «всем есть закон общий». Он «познаваем помощью здравого ума»; этот закон «твердо хранят» и народы, которые «никакого письменного закона не имеют» для его познания и «не потребно никакое от письма доказательство» [13].

Однако в таком «младенческом» состоянии всякое движение вперед было для человечества затруднено. Татищев в своем «Предъизвесчении» подробно изложил, какую приносит пользу история, т. е. «воспоминовение бывших деяний и приключений добрых и злых». По суждениям Татищева «никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может» [14].

В дописьменном состоянии только «устные предания» могли сохранить память о прошедших событиях. Но память, как пишет Татищев, «не всех человек так тверда, чтоб слышанное единою или дважды правильно и порядочно без усчерба или прибавки мог пересказать». Без письма, полагал Татищев, «ничего в долгое время сохранить неможно». Татищев поэтому считал, что «первое просвясчению ума подавало обретение письма» [15]. Оно создало великую перемену прежде всего в двух отношениях. Теперь появился «способ вечно написанное в память сохранить и далеко отлучным наше мнение изъявить»; теперь «начался книги, в которых гистории прешедших времен или учения к нашей пользе представлялись» [16].

Значение письменности Татищев видел не только в том, что

[12] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 65—66, 68.
[13] Там же, стр. 133, 135.
[14] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 79, 80.
[15] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 38.
[16] Там же, стр. 38, 41; *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 92.

она явилась основой для достоверности исторического повествования и пользы, которую это повествование с собой несло. Он отмечает другую важную роль письма. В основе политического мировоззрения Татищева лежала идея об извечности и благостности для России монархической власти. Основным средством монархической власти в деле воздействия и изменения общественного строя и быта Татищев считал, как и другие политические мыслители-рационалисты того времени, законодательную деятельность властителя светского или духовного. И именно начало законодательств у Татищева связывается повсюду с появлением там письменности. Первым законом был «закон письменный», который через Моисея был «предан» еврейскому народу. Точно так же у других многочисленных народов, пребывавших «в глубочайшей темноте неведения и невежества», «по обретении писем, около или немного прежде Авраамовых лет, явились люди между оными, которые по их рассуждению зачали законы сочинять, и, на лучшее наставляя, лучи малого сияния и благоразумия им открывать». Для Татищева во всемирном масштабе такими законодателями были, помимо Моисея, в Персии — Зороастр, в Египте — Озирис, в Греции — Минос, в Риме — Янус или Нума Помпилий, наконец, китайцы, как пишет Татищев, «близ потопа обретение письма и начало законам полагают» [17]. Россия таким же образом участвовала в этом всемирно-историческом ходе «умопросвясчающего» развития.

Не удивительно поэтому, что Татищев начинает свою «Историю Российскую» рассмотрением этого первого шага в истории русского «умопросвясчения» именно главою «О древности письма славянов». Свои обстоятельные соображения в пользу древности письма у руссов Татищев заключает важнейшим для него доказательством — «наипаче же закон или уложение древнее руское довольно древность письма в Руссии удостоверяет». Опять-таки здесь обнаруживается тесная обусловленность между древностью письма и появлением письменного закона. Итак, и Россия переступила совершенно так же, как весь остальной мир, эту первую ступень «всемирного умопросвясчения» [18].

Второй, вслед за обретением письма, «способ» «всемирного умопросвясчения» Татищев видит во «Христа Спасителя пришествии на землю». Этот взгляд равным образом отразился и в построении «Истории Российской». Вслед за первой главой, отведенной Татищевым первому «способу всемирного умопросвясчения», последующие за ней вторая и третья главы имеют своею задачей именно выяснение значения «Христова пришествия» в качестве второго такого же «способа». Татищев здесь пишет: «Второе же просвясчение очес душевных и телесных улучили, которое бы должно просвясчению обретением письма последовать». Дохри-

[17] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 41—42.
[18] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 96; т. IV, стр. 44.

стианский мир для Татищева был миром «мерзкого зловерия и злоключения», в котором господствовало идолослужение. Учение Христа, по Татищеву, принесло с собой не только «душевное спасение, царство небесное и вечная блага»; благодаря ему «все науки стали возрастать и умножаться, идолопоклонство же и суеверие исчезать» [19].

Создаваемая таким образом Татищевым идиллическая картина новой, после пришествия Христова, ступени «всемирного умопросвясчения» не могла не войти в резкое противоречие с его общественно-политическими взглядами, которые отличались весьма порицательным отношением к церкви как в ее историческом прошлом, так и в ее действительном настоящем, на Западе и на Востоке, и таким же образом в России.

Говоря о западной церкви, Татищеву было «ужасно от истории видеть», как правление пап ознаменовалось клеветой и проклятием неповинных «высокого ума и науки людей», а также сожжением «многих древних и полезных» книг. Все это создало «в просвясчении ума препятствия» и повело к тому, что «едва не повсюду науки, нуждные человеку, погибли». «Оное время, — заключает Татищев,— ученые время мрачное именуют» [20].

Еще более возмущало Татищева политическое властолюбие церкви. Татищева «во ужас приводило», что «римские архиепископы дерзнули власть над государи и народы требовать». Татищев находил, что и «некоторым нашим митрополитом и патриархом от гордости и властолюбиа противобожного» то же «прилепилось, но не удалось». Все это было для Татищева тем более чувствительно, что, говоря его словами, «сие у многих невежд во мнении находится, якобы духовная власть выше государственной» [21]. Однако такое ограничение церковью воздействия «пришествия Христа» на развитие «всемирного умопросвясчения» Татищев, будучи последователен в своих христианских убеждениях, объяснял предсказанием самого Христа, что «противник вскоре востанет и плевела междо насеянною пшеницею вержет» [22].

Наконец, третьим из «величайших» способов «всемирного умопросвясчения» явилось «обретение тиснения книг и вольное всем употребление» [23].

Действительно, по рассуждению Татищева, теперь чрезвычайно сократилось время, необходимое для изготовления книг; цена книги уменьшилась настолько, что она стала доступна «крестьянину или убогому человеку»; «описки и великие» искоренены правкою листов при печатании; рукопись «завидливые» могли запрятать,

[19] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 92, 97, 102—103; *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 50.
[20] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 50—52.
[21] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 380.
[22] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 50.
[23] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 92.

а инакомыслящие переправить; рукописи гибли и от несчастных случайностей. «Должны мы бога благодарить,— пишет Татищев,— что даровал смысл ко изобретению книготиснения». Россия была охвачена, как и другие страны, этою ступенью «умопросвясчения». Книгопечатание было обретено, отмечает Татищев, «лишь в 15-м сте лет». У нас оно было введено при «Иоанне Первом и Великом» (Иване Грозном). Таким образом, по суждению Татищева, «мы не вельми пред протчими в том укоснели». Основным для Татищева последствием изобретения книгопечатания было то, что получил простор «больший свет истинного разума»; теперь всякий человек мог «способнее к распространению наук прилежать»; были устроены академии и училища в разных местах. Противодействовать «быстроте оного течения» пытались папы и их сообщники. Для монархического мировоззрения Татищева весьма характерно, что противодействие такому «папежскому безбожному негодованию» выпало на долю «любомудрых государей». Они «вольно всем писать и печатать полезное позволили»[24]. Однако в России судьбы книгопечатания сложились несколько иначе. И здесь были «любомудрые государи»: Борис Годунов, хотя он сам «письму не был учен», Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, наконец, «вечной памяти и славы достойный» Петр Великий. Однако духовенство неизменно разрушало их начинания. Книгопечатание в России оказалось «единственно казенное, а вольное не допущено». Поэтому «у нас исторических и других полезных наук книг не печатано, множество распропало». Татищев осторожно переходит здесь в область текущей политики, заявляя, что, «если вольного книгопечатания допусчено не будет, никак книгам полезным и наукам нуждным распространиться невозможно и многие из древних полезные нам письменные книги распропадут, что оных впредь и знать не будем». А тогда «мы никакой надежды к распространению наук иметь не можем». Впрочем, Татищев, помня, по-видимому, «тяжкия порицания», которым он подвергался за свое вольнодумство, делает здесь оговорку, что он пишет «не наставление, но историю» и предоставляет разрешить поставленный им вопрос «мудрейшим и должность имеющим в рассуждение»[25].

Татищев отмечал происшедший после изобретения книгопечатания расцвет науки во всех ее областях, в философии (Картезий), правоучении (Пуфендорф и Гуго Гроций), астрономии (Коперник, Галилей, Араго), в военных и гражданских делах. Он утверждал, что теперь, при «вольном» печатании, «все науки стали на высшую степень всходить». Пользуясь аналогией возрастов человека и ступеней развития «умопросвясчения», Татищев был убежден, что его время, «сей настоящий век», является для че-

[24] Там же, стр. 97; *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 54.
[25] *В. Н. Татищев.* История Российская, т. I, стр. 97, 382.

ловечества уже «началом старости благоразумной» или «совершенного мужества» [26].

Отмеченная вначале монархическая схема развития русского исторического процесса была получена Татищевым в наследство от прошлого нашей историографии и новым в ней было теперь только ее теоретическое естественно-правовое обоснование. В то же время схема, определявшая развитие всемирного исторического процесса, как процесса прогрессирующего «всемирного умопросвясчения», была новым явлением в истории русской политической и исторической мысли. Вера в силу человеческого ума, побеждающего в ходе исторического процесса глупость; уверенность в том, что «сей век» является веком наступающей окончательной победы просвещенного «разума»; характеристика участия в этом всемирном процессе России наравне со всем остальным миром — эти идеи явились ярким отражением, с одной стороны, умственного переворота и, с другой — политических перемен, наступивших в России в начале XVIII в.

[26] *В. Н. Татищев.* Разговор..., стр. 54—55.

ИДЕИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 50—70-х ГОДОВ XVIII В.

М. М. Штранге

Познание прошлого составляло неотъемлемую часть проблем, вокруг которых развивалась русская передовая общественная мысль второй половины XVIII в. М. В. Ломоносов, его ученики и последователи уделяли этому особое внимание в своем творчестве. Наряду с критикой феодальной идеологии в области естествознания, они старались освободить и историю от пут церковно-нравоучительных легенд и схоластических методов ее толкования. Будучи современниками века Просвещения, они предъявляли истории новые требования, которые ранее перед ней не ставились: достоверность исторических фактов, доброкачественность источников, объективность исследователя. Это были необходимые условия превращения истории в рационалистическую науку, использования ее в общественно-политической борьбе. Они стремились заставить служить исторические знания передовым для того времени, антифеодальным, преобразовательным целям.

Именно этой теме посвящена статья Н. Н. Мотониса, опубликованная в 1759 г. в журнале «Трудолюбивая пчела», Николай Николаевич Мотонис был ближайшим сподвижником Ломоносова по Академическому университету и его последователем в распространении знаний. В своей статье он рассматривает историческую науку с новых позиций «разума» и сурово критикует старую схоластическую концепцию исторического процесса, основанную на священном писании.

Двумя «главными добрадетелями» для историка, по мнению Мотониса, являются «искренность и несуеверное богопочитание» [1], которые позволят вытеснить из истории религиозные небылицы и превратить ее в подлинную науку. Ханжество и обскурантизм, говорит он, толкают людей «в бездну бесконечных заблуждений», поэтому историк-суевер «не может не только нимало читателя пользовать, но еще в состоянии утушить и последнюю в нем искру добродетели» [2]. Он считает, что религиозное мышление уводит лю-

[1] *Н. Н. Мотонис.* Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо...— «Трудолюбивая пчела», 1759, январь, стр. 33.
[2] Там же, стр. 39.

дей от решения важнейших общественно-политических вопросов современности, подменяя их нелепыми и бесплодными интересами. «Споря о том, что осьмиконечный крест большего достоин почтения, нежели четырехконечный... и иными бесчисленными странными мнениями слуху нашему досаждают и представляют глазам нашим смеха подобные позорища» [3].

Мотонис особо останавливается на вопросе, касающемся искренности и честности историка. Он указывает на огромный ущерб, который приносит исторической науке нарочитое искажение фактов. «Ложь дело бесчестное во всяком человеке, а наипаче в сочинителе истории», и там, где она появляется, «лицеприемство, раболепство торжествуют» [4]. При таких обстоятельствах исторические труды становятся похожими на «слова похвальные», а не на историю, «которую Цицерон светом правды называет» [5]. В заключение Мотонис пишет, что все это имеет особое значение именно для исторической науки, поскольку «нетрудно узнавать ложь... в математике и прочих науках, кои основаны на несомненных правилах и доказательствах. Напротив того, история в сем случае часто великой претерпевает недостаток по причине той, что она зависит только от одной искренности писателя» [6].

Во второй половине XVIII в., когда развивались и ширились освободительные идеи, в России, как и в других странах Европы, исторические знания все больше приобретали политическую злободневность. Они неопровержимо свидетельствовали о преходящем характере феодальных институтов и давали современникам основание для преобразовательных чаяний. Один из учеников Ломоносова, переводчик многих исторических книг, Яков Павлович Козельский писал по этому поводу, что «чтение истории полезно в рассуждении того, что она может исправлять в читателе нравы и разум» [7], т. е. направлять их в сторону нового понимания общественных отношений. В событиях прошлого они находили примеры гражданственности, свободомыслия, которые укрепляли жизненность складывавшейся буржуазной идеологии. Поэтому и ответственность историка перед обществом возводилась на высокую ступень. Тот же Козельский писал, что историк должен быть «просвещенного разума, который бы имел дарование изобразительного, а не подражательного духа». Особенно он рекомендовал авторам и переводчикам исторических работ не влюбляться «в свое красноречие... чтоб менять строгую правду на красоту своего слога», а главное, не знать «за правду никакого страха, ни за ложь надежды» [8].

[3] *Н. Н. Мотонис.* Рассуждение о двух главных добродетелях..., стр. 37.
[4] Там же, стр. 38.
[5] Там же, стр. 40.
[6] Там же, стр. 44.
[7] *Я. П. Козельский.* Философические предложения. СПб., 1768, стр. 36.
[8] Там же, стр. 35—36.

В предисловии к одной из переведенных им книг Козельский предостерегал читателя в отношении добропорядочности авторов исторических трудов. Они могут, писал он, по слабости духа, в угоду сильным мира сего, высказывать «пристрастные мнения, прикрытые приятностью неправедных похвал», и давать прозвище «великих» правителям, того не заслуживающим. Тем самым они «слабых людей сводят с прямого пути». В силу этих причин «при чтении истории надлежит иметь читателю осторожность и присутствие разума, когда он хочет пользоваться прямым ее плодом» [9].

Высокая оценка просветительской роли истории была свойственна передовым кругам русского общества. Об этом свидетельствуют хотя бы переводы многих трудов историков античности и эпохи Просвещения, которые особенно часто выходили в России в 50—70-х годах XVIII в. Большое место в этой книжной продукции занимают сочинения древних авторов. Светский характер этих работ как бы противопоставлялся богословской трактовке исторических событий, даваемой идеологами феодализма. В них русские современники находили примеры благотворности народоправства и гибельности деспотизма. Образы героев греческих полисов или римской республики обретали известность в России.

В течение 50—70-х годов XVIII в. вышли на русском языке сочинения Геродота, Полибия, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Плутарха [10]. Наряду с древнегреческими и эллинистическими авторами, переводились и римские историки: Тацит, Трог-Помпей, Светоний, Саллюстий Крисп [11] и др. Их переводчиками на русский язык были люди одного круга — ученики и последователи Ломоносова, в большинстве случаев воспитанники Академического университета в Петербурге или Московского университета: Василий Светов, Иван Алексеев, Никита Попов, Василий Крамаренков и др.

Большой известностью пользовались в эти годы в России труды иностранных европейских историков XVII—XVIII вв. В частности, многотомные произведения одного из ведущих французских

[9] *Я. П. Козельский.* Предисловие к кн. Д.-С. Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждением о их поступках и делах». СПб., 1765.

[10] «Повествования Иродота Аликарнасского». Пер. Андрей Нартов, т. 1—3. СПб., 1763—1764; «Полибиева Военная история...» Пер. Сергеем Волчковым, т. 1—2. СПб., 1756—1763; «Ксенофонта философа и полководца славнаго История о старшем Кире, основателе Персидской монархии...» Пер. при имп. Академии наук. СПб., 1759; «Диодора Сикилийского Историческая библиотека». Пер. Иваном Алексеевым, ч. 1—6. СПб., 1774—1775; «Житие славных в древности мужей писаное Плутархом...» Пер. Сергей Глебов, т. 1—2. СПб., 1765.

[11] «О положении, обычаях и о народах [древней] Германии. Из сочинений Кайя Корнилия Тацита». Пер. Василий Светов. СПб., 1772; «Юстин, Древней универсальной истории Трога Помпея сократитель». Пер. Никита Попов. СПб., 1768; «Светония Транквилла Жизни двенадцати первых цесарей римских». Пер. Михайлом Ильинским, ч. 1—2. СПб., 1776; «Кайя Саллюстия Криспа войны Каталинская и Югурфинская...» Пер. Василием Крамаренковым. СПб., 1769.

историков раннего периода Просвещения Луи Роллена охотно читались русскими современниками. В переводе Василия Кирилловича Тредиаковского вышли его «Древняя история» [12] в 10 томах и «Римская история» [13] в 16 томах. Этой последней работе переводчик предпослал пространное предисловие, в котором отмечает ее большое научное значение, «важность и пользу по вещам». Он сравнивает автора с Фукидидом и Титом Ливием и подчеркивает то обстоятельство, что в его сочинении исторический процесс рассматривается по-новому, с позиции «разума», на основе конкретных фактов. Тредиаковский особо останавливается на той борьбе, которая разгорелась тогда в зарубежной историографии между сторонниками двух враждующих направлений — теологического и рационалистического. Он говорит, что появились «мудрецы, кои... омочили свое перо в желчь против Роллена». При этом он поясняет, что их нападки «не трудно познавать», они отражены в «разглагольствованиях Боссюэтовых об истории». Здесь имеется в виду известное «Рассуждение о всемирной истории» французского епископа Боссюэ, одного из идейных вождей реакции, пытавшегося согласовать божественное провидение с рационалистическим пониманием исторических событий.

Усилиями учителя Ивана Крюкова в России стал известен важнейший для того времени труд Роллена «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам» [14]. Это было методическое пособие, в котором впервые намечались пути перехода от схоластического к светскому изучению общественных наук и прежде всего истории. Автор выступает за подъем национального самосознания, являющегося одной из неотъемлемых сторон буржуазной идеологии. Он предлагает на первое место ставить не священную историю, а родное прошлое и изучать его не по-латыни, а на отечественном языке. Такая постановка вопроса, в условиях того времени, была смелым шагом вперед. В России это произведение Роллена имело несомненный успех: в последующие годы оно дважды переиздавалось.

На смену закоснелым положениям из священного писания в историю входили гражданские мотивы, придававшие ей политическую остроту. Работы авторов века Просвещения были полны историческими параллелями и противопоставлениями, связанными с современностью. История становилась орудием борьбы в руках идеологов буржуазии. Ею широко пользовались вожди Просвещения — Вольтер, Монтескье и др. Их работы переводились на

[12] «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах... и о греках». Сочиненная чрез г. Ролленя. Пер. В. Тредиаковского, т. 1—10. СПб., 1749—1762.

[13] «Римская история от создания Рима до битвы Антийской, т. е. по окончание Республики...» Сочиненная Л. Ролленом. Пер. В. Тредиаковского, т. 1—16. СПб., 1761—1767.

[14] «Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам». Соч. г. Ролленом. Пер. Иваном Крюковым, ч. 1—8. СПб., 1774—1780.

русский язык и читались [15], как и работы других деятелей Просвещения. В переводе регистратора Сергея Смирнова вышла «История царствования Карла V» известного английского историка Уильяма Робертсона [16]. Яков Козельский [17], Иван Барков [18], Владимир Золотницкий [19] перевели исторические произведения известного скандинавского историка-просветителя Людвига Гольберга. Большое внимание привлекли работы французских и немецких историков, относящиеся к древности, средневековью, а также к новому времени. Их переводчиками были последователи Ломоносова — Семен Башилов [20], Иван Богаевский [21], Василий Светов [22] и многие другие.

Все эти труды смогли быть написаны в результате накопленных исторических знаний, которые на подступах XVIII в. создали основу для возникновения иторической науки. Ряд историков пытались сопоставить и обобщить эти знания в виде общей истории, преимущественно стран Западной Европы. Многие из таких работ переводились в России, хотя в большинстве случаев из-за недостатка сведений в них и отсутствовали сколько-нибудь научные данные о прошлом русского народа.

Конечно, такое положение не могло не волновать русских переводчиков, придававших разработке и пропаганде русской истории немаловажное значение как средству общественно-политической борьбы. Один из переводчиков Алексей Поленов писал по этому поводу, что «из свободных наук особливо знатнейшую их часть [составляют] исторические знания» [23].

В этой связи они пытались исправить искажения и недочеты, допущенные в западноевропейской историографии касательно Рос-

[15] «Опыт исторический и критический о разногласиях церквей в Польше (Соч. Вольтера)». Пер. В. Тредиаковский. СПб., 1768; «История о крестовых походах, из соч. г. Вольтера». Пер. Иваном Вельяшевым-Волынцовым. СПб., 1772; «О разуме законов, соч. г. Монтескье». Пер. Василием Крамаренковым. СПб., 1775; «Размышления о причинах величества римского народа и его упадке...» Пер. Алексеем Поленовым. СПб., 1769; и др.

[16] «История о государствовании Карла Пятого, с приложением наперед краткого начертания о приращениях сообщества в Европе, от разрушения Римской империи до начала XVI века. Соч. г. Робертсоном...» Пер. С. Смирнов, ч. 1—2. СПб., 1775—1778.

[17] «История датская, соч. г. Гольбергом». [Пер. Якова Козельского], ч. 1—2. СПб., 1765—1766.

[18] «Лудовика Гольберга Сокращение универсальной истории...» Пер. Иваном Барковым. СПб., 1766.

[19] «История разных героинь и других славных жен, соч. Л. Гольбергом...» Пер. Владимир Золотницкой, ч. 1—2. СПб., 1767—1768.

[20] «Политический опыт о коммерции (соч. Ж.-Ф. Мелона)». Пер. Семеном Башиловым. СПб., 1768.

[21] «Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния». Соч. И.-Г.-Г. Юстий. Пер. Иван Богаевский, ч. 1—4. СПб., 1772—1778.

[22] «Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств, соч. Г. Ахенваллом». Пер. Василием Световым. СПб., 1779.

[23] «Русский архив» за 1865 г., стб. 710.

сии. Так, например, в начале 60-х годов «Сокращенная универсальная история» немецкого историка Гильмара Кураса, в переводе академического канцеляриста Бориса Волкова, была издана с добавлением раздела, посвященного России и озаглавленного «Сокращенная российская история» [24]. Ее автором был академический переводчик Иван Барков, который до этого, в течение ряда лет, работал над российскими летописями под наблюдением М. В. Ломоносова. Барков приобрел значительные знания русских первоисточников и опыт исторического исследования. Об этом свидетельствует хотя бы написанный им раздел для «Универсальной истории» Кураса [25].

Вслед за Волковым и Барковым так же стали поступать и другие переводчики. Учитель Московского университета Харитон Чеботарев переводил в 60-х годах «Краткую всеобщую историю» [26] немецкого ученого Иеронима Фрейера. Чеботарев дополнил эту работу особым разделом, посвященным России, поскольку автор «почти совсем опустил русскую историю». Он включил в книгу «от слова до слова» «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова [27]. То же сделал и Петр Семенов, переводя «Исторический словарь...» французского историка Ж.-Б. Ладвока [28].

Таким образом, перед русской передовой общественностью со всей остротой встал вопрос о разработке отечественной истории. Выход в свет в 1760 г. «Краткого российского летописца» Ломоносова, впервые знакомившего с историей России допетровского периода, стало открытием для русского читателя. Это был свод материалов, накопленных автором в процессе работы над «Древней российской историей», глубоко взволновавший передовые круги России романтикой народного прошлого. Возможно, что под воздействием этой книги ряд молодых академических воспитанников, Алексей Поленов, Василий Светов, Василий Венедиктов и др., решили посвятить себя изучению отечественной истории. «Приложить все возможное старание,— писал Поленов,— дабы показать моему отечеству его древности» [29].

Именно в эти годы пришел в Академию наук замечательный русский историк и археограф Семен Сергеевич Башилов, воспитанник Московского университета. Он писал о себе, что взялся

[24] «Гильмара Кураса Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время... с приобщением Краткой российской истории...» Пер. Борис Волков. СПб., 1762.
[25] Там же, стр. 357—390.
[26] «Иеронима Фрейера Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории...» [Пер. Харитон Чеботарев]. [М.], 1769.
[27] Там же. Предисловие переводчика.
[28] «Исторический словарь, содержащий в себе историю... вообще всех знатных и славных особ всех веков и всех в свете земель...» Соч. Ладвока. [Пер. П. Семенов], т. I. М., 1769.
[29] «Русский архив» за 1865 г., стб. 711.

за изучение «российской истории, как такой науки, чрез которую моему отечеству наибольше услужить надеялся»[30]. В Академии он оказался в распоряжении известного немецкого историка А.-Л. Шлецера, вместе с которым и опубликовал в 1767 г. первый том Никоновской летописи. Большой заслугой Башилова явилось то, что он, попав к Шлецеру, сразу же понял и оценил научное значение критического метода, текстологического сопоставления списков, для изучения памятников старины и применял его в своих последующих исследованиях.

Первой самостоятельной работой Башилова стала публикация второго тома Никоновской летописи, вышедшего в свет в 1768 г. В подготовке текста к печати ему помогал Алексей Поленов, «трудившийся в сем издании». При этом подчеркивалось, что в работе над томом были соблюдены «в точности все те правила, какие при оном издании (первом томе. — *М. Ш.*) были наблюдаемы». В заключение Башилов писал не без волнения: «Если внимательный читатель найдет сию часть столь же точною и исправною, как и первою, то сие будет такое счастье, которым я, как недовольно в таких трудах упражняющийся человек, наперед ласкать себя не осмеливаюсь, хотя достигнуть оного и всеми силами старался»[31].

Одновременно с Никоновской летописью была опубликована и Радзивиловская, или Кенигсбергская летопись. Над подготовкой текста к печати в течение нескольких лет трудился Иван Барков. К сожалению, эта публикация оказалась значительно менее удачной, чем издания Башилова. Барковым были допущены существенные промахи[32]. Кроме того, по свидетельству Шлецера, всесильный тогда в Академии наук и не сведущий в науках И. И. Тауберт внес в текст, подготовленный Барковым, невежественную правку, которая также снизила научное значение публикации[33]. В последнем разделе предисловия говорилось о цели предпринятого труда: «возбудить в народе охоту к знанию нашей истории, ...а сынов отечества поощрить, дабы они или собственными разыскиваниями, или сообщением хороших старинных списков благоволили способствовать» развитию исторических знаний о прошлом русского народа. В заключение автор этих строк обращался с призывом к читателям, «имеющим у себя летописи и списки», сообщать о них, ибо, «чем более удастся собрать и сличить меж-

[30] *М. М. Штранге.* Историк и археограф XVIII в. Семен Башилов.— В сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 353.

[31] «Руская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением имп. Академии наук», ч. II. СПб., 1768. Предисловие.

[32] *Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова.* И. С. Барков — ученик Ломоносова.— «Ломоносов. Сб. статей и материалов», т. VI. М.— Л., 1965, стр. 212.

[33] «Общественная и частная жизнь А.-Л. Шлецера, им самим описанная».— Сб. ОРЯС, т. XIII. СПб., 1875, стр. 60.

ду собою таких списков, тем полнее и надежнее будет наша история»[34].

Кроме упомянутых публикаций летописей, в эти годы были изданы и многие другие памятники русской старины. Семен Башилов опубликовал «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича» и «Таможенный устав 1571 г.» В предисловии он особо останавливается на значении актовых материалов для исторического исследования, поскольку они «представляют живое начертание того времени и тех людей, в которое и для которых они установлены, а сие есть то, что история за первейший свой предлог признать долженствует»[35]. При содействии Башилова появился и «Опыт Казанской истории» П. И. Рычкова, в основу которого был положен пересказ Казанской летописи (СПб., 1767). В переводе Василия Светова вышли четыре тома «Известий византийских историков, объясняющих русскую историю древних времен...» (СПб., 1770—1775), собранных учеником Шлецера И. Стриттером. Николай Иванович Новиков издал «Древнюю российскую идрографию» (СПб., 1773) — это было первое издание «Книги Большому чертежу». Тогда же Новиков предпринял выпуск в свет «Древней российской вивлиофики» (СПб., 1773—1775) — своеобразного свода древних грамот, договоров и других исторических материалов. В предисловии он обращался к читателю — «любителю российских древностей». «Для твоего удовольствия и познания предпринял я сей труд; ты можешь собрать с него полезные плоды и употребить их в свою пользу...»[36]. В эти годы печатались и многие другие первоисточники, относящиеся к истории России. Такое оживление публикаторской деятельности не могло не вызвать творческого подъема среди передовых людей, которые начинали трудиться над систематизацией и обобщением всего этого материала.

Одним из первых опытов в этом направлении явилась двухтомная «Российская история...» Федора Александровича Эмина, писателя-разночинца, человека несомненно одаренного, но не получившего достаточного исторического образования. В своем введении он писал, что «показать каждому гражданину начало его отечества... есть дело, в котором многие просвещенные, общественной пользы желатели» в других странах трудятся. Между тем, продолжает он, «одни только мы поныне не следовали сему общему предприятию, хотя, впрочем, больше имеем средств для сочинения истории нашего отечества, нежели прочие чужестранные

[34] «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен», ч. I. СПб., 1767. Предисловие, стр. 30, 33.

[35] «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к Судебнику и Таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича». СПб., 1768. Предисловие.

[36] «Древняя российская вивлиофика или собрание разных древних сочинений... издаваемая помесячно Николаем Новиковым», ч. I. СПб., 1773. Предисловие.

народы, ибо смело сказать можно, что ни одно государство таких верных не имело записок, какими не только наша Академическая библиотека, но и многие партикулярные дома обогащены...» Далее Эмин сетует на то, что все эти материалы «так писаны, что едва их разобрать можно», в результате чего он оказался как в «темном лесу» [37], из которого ни острое перо, ни способности не помогли ему выйти — они не заменили навыка исторического исследования. Эмин написал свою работу плохо, на низком научном уровне. Тем не менее, как замечает С. Л. Пештич, «литературная простота изложения и известная полнота исторического рассказа делали произведение Эмина не бесполезным для ознакомления с основами русской истории и некоторыми передовыми воззрениями на нее...» [38]

Осталось неизвестным, удалась ли «Российская история» сенатскому протоколисту Никите Иванову. Скоропостижная смерть автора в 1770 г. помешала ее выходу в свет, а рукопись не дошла до нас. По свидетельству современников, хронологически работа охватывала период от «Рюрика до новейших времен» и автор трудился над ней «весь свой век», пользуясь советами «разумных людей» [39].

Большим событием в жизни русских передовых людей явился выход в свет в 1768 г. кн. I «Истории российской с самых древнейших времен» Василия Никитича Татищева.

Дальнейшее расширение крепостнических отношений в 60—70-х годах и обострение на этой почве классовой борьбы сопровождалось подъемом освободительной мысли, придавшей большую актуальность и историческим знаниям. Менялись не только взгляды и требования, но в какой-то мере и оценка исторических событий и некоторых положений. Известно, например, что М. В. Ломоносов, на рубеже 60-х годов был сторонником «просвещенного абсолютизма». Во вступлении к своей «Древней российской истории» он писал, что «римское государство гражданским (т. е. республиканским.— *М. Ш.*) владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностью Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством... умножилась, укрепилась, прославилась» [40]. Такое суждение подкреплялось и общепринятым тогда тезисом Монтескье о том, что размеры страны определяют формы правления: для небольших территорий — это республика, для средних — монархия, а для больших — деспотия. Но уже в 1769 г. ученик Ломоносова Алексей Поленов подверг критике это положение, подхваченное русскими правящими кругами.

[37] «Российская история жизни всех древних от самого начала России государей...» Соч. Федором Эминым, т. I. СПб., 1767. Предисловие.
[38] *С. Л. Пештич.* Русская историография XVIII в., ч. II. Л., 1965, стр. 252.
[39] «Парнасской щепетильник» за 1770 г. СПб., стр. 144.
[40] *М. В. Ломоносов.* Полн. собр. соч., т. 6. М.— Л., 1952, стр. 171.

Он давал как бы ответ на него в предисловии к переведенной им книге Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян». Хотя, писал Поленов, «весь ученый свет известен о заслугах славного Монтескье,... однако, превознося его добродетели, не должно обоготворять его погрешности, ниже, усмотря их, с неистовством восставать против сего великого мужа». Поленов в подтверждение своей критики Монтескье ссылается на Гельвеция, который в книге «Об уме», «опровергая Монтескьево учение о различном положении стран и о происходящем от того различий в правлении, вере и нравах народов... заслуживает от всех похвалу» [41].

С дальнейшим усилением в стране диктатуры дворянства, реакции передовые люди России все чаще и обстоятельнее помышляли о более передовых образах правления. В своих экскурсах в прошлое они особо останавливались на истории Новгорода или Пскова, хотя и представлявшейся им в идеализированном виде. Ведь «Вадим Новгородский» Якова Борисовича Княжнина (1789 г.) был первым героем-республиканцем в нашей литературе, восставшим против произвола самодержавия. В последующие годы значение истории для русской освободительной мысли не переставало возрастать; она была неиссякаемым источником примеров и доказательств для самых смелых дерзновений.

[41] *Монтескье.* Размышления о причинах величества римского народа и его упадке. Пер. А. Поленова. СПб., 1769.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

МЕСТО ДРЕВНЕЙ РУСИ В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ

В. Т. Пашуто

Древнерусские книжники в духе международной историографической традиции делили мир на три части — Азию (Асийскую страну [1]), Африку (Африкию [2]) и Европу (Европию). О последней из славянского перевода хроники Амартола они знали, что Агинор, пришедший царствовать в Финик, женился там на Тоур, которая родила ему дочь Европию. Ее «Тавр Кръгянин, цесарствовав, заблужьшю поим» и «к Фракии в свою страну приведе». Европия ему приглянулась — «девици суть красне»,— и он «стави ю собе жене и нарече тыя страны въ имя ея Европию» [3].

В соответствии с библейской концепцией, развитой Иосифом Флавием, Иеронимом и другими церковными авторитетами, народы Европы считались потомками Афета, сына Ноя [4]. И наш летописец держался этого взгляда, относя славяноруссов и подвластные им народы к Афетовой «части» мира, включавшей «запад и полунощныя страны» [5].

Этот взгляд разделяли и средневековые картографы. Рабинус Манус, следуя Исидору, писал, что Европа начинается «от реки Танаис (Дон) и простирается к западу через Северный океан вплоть до границ Испании» [6]. Это стало историко-географической традицией — на парижской карте XIII в. поверх Танаиса читается надпись: «Hic caput Europae. Tanais qui dividit Asiam et Europam» [7]. А Рожер Бэкон, английский философ и естествоиспытатель, в своем труде «Opus Majus» (Париж, 1265—1268 гг.) утверждал, что Танаис по ширине равен Секване (Сене) в Париже [8].

[1] ПВЛ, ч. 1, стр. 10.
[2] Там же, стр. 111, 198.
[3] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. I (Текст). Пг., 1920, стр. 37_{1-5}.
[4] *A. F. Grabski.* Polska w opiniach obcych X—XIII w. W., 1964, str. 134.
[5] ПВЛ, ч. 1, стр. 10—11.
[6] «Rabani Mauri de universo libri XII».— «Patrologia latinae», t. 111. Paris, 1852, cap. 4, col. 347; *А. Б. Дитмар.* К истории вопроса о границе между Европой и Азией.— «Ученые записки Ярославского госпединститута им. К. Д. Ушинского», вып. XX (XXX), ч. 1. География. Ярославль, 1958, стр. 33—49.
[7] «Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten». Ed. K. Miller. Stuttgart, 1895, H. I, S. 48; H. II, Tafel 2 (репродукция).
[8] *Roger Bacon.* Opus Majus. Ed. J. H. Bridges, vol. I. Oxford, 1900, p. 360.

Сами древнерусские государственные деятели тоже имели вполне реальное представление о континенте, на котором жили. Еще Святослав Игоревич выразил ромейским послам свое намерение изгнать византийцев из Европы [9]. Это известие выходит за пределы географии и ведет нас в историю международных отношений.

Древняя Русь за три с половиной столетия своего независимого существования, вплоть до татаро-монгольского нашествия, стала свидетельницей огромных перемен в тогдашнем мире. Возникли и пали созданные грозными викингами скандинаво-английские союзы, оставив неизгладимые следы в Англии, Северной Франции и Южной Италии; расцвела и распалась Византийская империя; арабское владычество, устремленное из Багдада и Кордовы на Европу, рухнуло, и сам арабский мир стал жертвой крестовых походов; Германия перенесла свои границы с Эльбы на Одер, а затем, развивая натиск на Восток,— за Вислу, Неман и Западную Двину; волны кочевников — венгров, печенегов, тюрков, половцев — прошли по Причерноморью; возникли и окрепли славянские государства и среди них крупнейшее — Русь, которой принадлежала выдающаяся роль во всех этих событиях.

И сама Русь не оставалась неизменной.

На первом, раннефеодальном этапе (до XII в.) политическое единство Руси, вышедшей на международную арену, еще только складывается; Русь пересматривает разного рода политические и экономические обязательства тех восточнославянских земель, которые ею объединяются. Поэтому объединение земель Верхней (Новгородской) и Нижней (Киевской) Руси и формирование государственных границ происходили в острой борьбе с соседними государствами и землями. Установленным в ту пору границам и оформленным тогда союзам было суждено пережить века, а в известной мере, дожить и до наших дней. Политику объединения осуществлял шедший к власти феодальный класс. Это время походов на соседние и отдаленные земли в поисках даней, челяди и выгодных соглашений для сбыта мехов, воска, рабов, получения взамен предметов роскоши. Это время, когда правили «древнии князи и мужие их», которые «отбараху Руския земле и ины страны придаху под ся» [10].

На втором этапе истории Руси (до середины XIII в.), с упрочением феодального общественного строя, складывается полицентрический статус власти крупнейших князей над номинальной столицей Киевом и Русью [11]. Единству внешней политики наступил ко-

[9] *Leo Diaconus.* Historia, lib. VI, cap. 10.
[10] НПЛ, стр. 104.
[11] *В. Т. Пашуто.* Общественно-политический строй Древнерусского государства.— «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 73.

нец. К власти пришла та группа феодалов, которая искала источник обогащения в первую очередь внутри собственно Руси и подвластной ей иноязычной сфере и не хотела отрывать своих смердов от пашни не только ради далеких походов, но иногда даже ради защиты страны от нашествий кочевников, если они прямо не задевали ее владений. Широкие внешние походы замирают. Границы страны стабилизуются. В этих границах оказываются и свыше 20 подвластных Руси неславянских народов [12].

На Руси складываются противостоящие друг другу группировки князей, а также городов, которые завязывают внешнеполитические отношения с враждующими между собой иностранными державами, в свою очередь нередко раздираемыми междоусобной борьбой князей и их вассалов. Картина международных связей Руси делается весьма сложной, с трудом поддающейся анализу. Тем не менее заметны некоторые, ставшие традиционными союзы, в целом враждебные экспансионистским устремлениям Византийской и Германской империй и папскому универсализму.

К сожалению, от той поры не сохранились труды, подобные «De administrando imperio» или «Dictatus papae», но летописи и другие источники (вопреки тому, что думают некоторые мои оппоненты, например О. Притзак, Т. Эспер [13]) не оставляют сомнений в двух отношениях. Во-первых, и во времена единства Древней Руси, и в период ее феодальной раздробленности (которая не была абсолютной) жители всех частей страны ясно осознавали свою принадлежность к русской, т. е. древнерусской народности, и осуждали любые попытки занять ее земли иностранцами. Этот вопрос достаточно изучен [14]. Во-вторых, и древнерусские князья придерживались той мысли (или говоря современно — доктрины), что занимать княжеские столы на Руси могут только члены русской правящей династии, что все они «одного деда внуки» и что вне Руси «ни в уграх, ни в ляхох» [15] им земли нет. Ведь не случайно же за все изучаемое время мы можем отметить лишь (и то показательно неудачный) факт правления венгерского королевича в Галиче, добжиньских рыцарей в Дорогичине, немецких фогтов во Пскове.

Татаро-монгольское нашествие подорвало международное значение Руси, которая надолго утратила значительную часть своих внешнеполитических прерогатив.

Мы не касаемся роли Руси в международной торговле, но отметим, что и здесь за долгие столетия наблюдались перемены.

[12] *В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 80.

[13] См. их рецензии на мою книгу «Внешняя политика Древней Руси» («Kritika», v. V, N 2, Cambridge Mass., 1968, p. 1—11; «The American Historical Review», v. 76, N 1, 1971, p. 141—142).

[14] *Л. В. Черепнин.* Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.— Сб. «Вопросы формирования русской народности и нации». М., 1958, стр. 25—80.

[15] ПСРЛ, т. II, стб. 405.

Наряду с русско-арабской торговлей (на диргемы) — с Багдадским халифатом и государствами, возникшими после его распада,— развивалось все более тесное торговое общение Руси в державами Европы; оно отмечено активным торговым балансом и притоком иностранной валюты — динариев, брактеатов, наконец, серебряных слитков — марок (гривен).

После нумизматических и археологических исследований В. М. Потина, В. П. Даркевича и др. стало ясно, что ареал распространения монет и предметов ремесла, находимых на Руси, фактически охватывает все страны Европы. Можно уверенно говорить о большом влиянии этой торговли на внешнюю политику. Русь умело использовала торговую заинтересованность других держав как фактор реализации своих политических целей. С другой стороны, широкое участие в международной политике было неразрывно связано с защитой традиционных русских интересов на Балтийском, Черном, Каспийском и Средиземном морях. Нередко в княжеском купце можно узнать рулевого внешней политики.

Существенно и то, что традиционное представление о полном упадке Киева в результате перенесения торговых путей после крестовых походов оказалось на поверку несостоятельным [16]. Здесь, несмотря на все напасти, вплоть до татаро-монгольского нашествия пребывали многочисленные иностранные купцы — «латина», «немци», «гости».

Ставя вопрос о международной роли Древней Руси в целом, мы выходим за рамки существующей историографии. Многоязычная историография представлена рядом ценных исследований о взаимоотношениях Руси с отдельными странами или группами стран Европы и Азии; она грешит, однако, либо хронологической узостью, либо национальным партикуляризмом, а главное, стремлением изучать внешнеполитические сношения Руси в отрыве от ее общественно-политической эволюции. Это относится и к работам о взаимоотношениях Руси с «Западом» (Т. Эдигер, С. Кросс, Ф. Дворник) и Византией (Д. Оболенский), и к трудам, касающимся общих проблем международной истории «Востока» (В. Ф. Минорский).

Наконец, надо отдавать себе ясный отчет в ограниченности и русских источников (летописей, актов, житий), и византийских придворных сочинений, и многочисленных епископских и вообще церковных хроник Люблина (Галл) и Кракова (Винцент Кадлубек), Мерзебурга (Титмар) и Бремена (Адам), Альтенбурга (Гельмольд) и Любека (Арнольд), Буды (Аноним) и Сплита (Фома), Роскильда (Саксон Грамматик) и Риги (Генрих), наконец, Лондона (Матвей Парижский) и многих других, для которых Русь была отнюдь

[16] *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто.* Внешняя торговля Древней Руси.— «История СССР», 1968, № 3, стр. 103—104.

не главным объектом далеко не беспристрастного наблюдения. Нечего говорить о тусклости сведений еще более отдаленных восточных информаторов, из которых ближе других подходили к границам Руси только арабский путешественник и писатель Ахмед ибн-Фадлан (921/922) и испано-арабский путешественник Ибрагим ибн-Якуб (966), а из побывавших в ее пределах (1150—1153) оставил записки один лишь испано-арабский купец и путешественник Абу Хамид ал-Гарнати.

Описываемые события отделены от нас многими столетиями, и мы подчас лишены возможности дать обоснованное истолкование каждого отдельного внешнеполитического акта Руси. Но совокупность актов, сопоставляемых с эволюцией общественного строя на Руси и переменами в международных отношениях тогдашнего мира, дает почву для определения тенденций внешней политики и в конечном счете позволяет (вопреки бытующему взгляду) заключить, что уже в средние века складывались относительно устойчивые системы межгосударственных союзов, часть которых пережила даже разрушительное татаро-монгольское нашествие.

Начнем наш ограниченный рамками статьи обзор с Северной Европы.

Источники сохранили нам немало свидетельств о деятельности норманских выходцев на Руси сперва в качестве неудачливых враждебных находников (до X в.), а затем, как наемников — князей, воинов, купцов, дипломатов, сыгравших, наряду с тюркскими, прибалтийскими и другими конфедератами, в общем положительную роль в строительстве славянской знатью огромного и многоязычного Древнерусского государства.

Но скандинавские викинги встретили решительный отпор, когда попытались выйти из повиновения Руси. Удар, нанесенный норманнам на Руси, подорвал основу их имперских устремлений во всей Европе.

Едва варяжский корпус, подвластный Владимиру Святославичу, потребовал в Киеве выкуп в размере по 2 гривны с жителя (явление в ту пору нередкое при набегах викингов на другие европейские столицы), как князь перебрал наемников, оставил себе более надежных, а остальных отослал в Византию, предварив (как это предусматривалось со времен русско-византийского договора 944 г.) послами с письмом к императору Василию II. Из письма видно, что русские князья отлично знали, как управляться с норманнами: «Се идуть к тебе варязи. Не мози их держати в граде, оли то творять ти зло, яко и сде, но расточи и разно, а семо не пущай не единого» [17].

Как только варяжский корпус, служивший Новгороду по «уставу» Олега за скромный оклад в 300 гривен [18] (напомним, что Нов-

[17] ПВЛ, ч. 1, стр. 56 (под 980 г.).
[18] Там же, стр. 20.

город платил в Киев 2000 гривен да 1000 гривен — за содержание русского княжеского гарнизона), попытался своевольничать (1015), его судьба была решена Ярославом Мудрым.

Русь не только прибрала к рукам искавших применения норманских наемников, она активно воздействовала на политику стран Северной Европы, противоборствуя завоевательным устремлениям викингов. Когда датский король Кнут Великий распространил свою власть на Англию (1016) и Норвегию (около 1030), Ярослав Мудрый поддержал его противников. На Руси (как выяснил М. П. Алексеев) нашли убежище сыновья разбитого Кнутом английского короля Эдмунда Железный бок [19]; здесь укрывались и норвежские короли: из Руси ушел на датскую войну Олаф Трюггвасон [20], из Руси же призвали норвежцы на престол его сына Магнуса Доброго (около 1036), который позднее завоевал Данию [21]; примечательно, что тогда же и англичане сбросили датскую власть, посадив на престол Эдуарда Исповедника (1042). Славный норвежский викинг Гаральд Грозный, муж Елизаветы Ярославны [22], тоже пришел на норвежский престол (около 1047) после службы на Руси — участия в антивизантийском походе 1043 г. [23] Он погиб в Англии, вмешавшись в борьбу, охватившую ее после смерти Эдуарда. Сохранялась и дружба Руси со Швецией: Ярослав взял в жены Ингигерду-Ирину, дочь короля Олафа Скотконунга [24].

Когда норманны Вильгельма Завоевателя подчинили Англию и королевская семья бежала в Данию, Русь вновь поддержала эмигрантов. К этому времени Русь уже наладила союз с Данией, чей король Свен (1047—1075) женился на овдовевшей Елизавете Ярославне. При их посредничестве английская принцесса Гита была (около 1074—1075) просватана за Владимира Всеволодовича [25]. После завоевания Англии норманны еще более энергично устремились на Средиземное море. И здесь Русь противодействовала им. Русские и англосаксонские наемные отряды помогали Византии вести с ними борьбу в Южной Италии.

[19] *Adamus Bremensis,* lib. II, cap. 53.

[20] «Den norsk-islandske Skjaldedigtning». Ed. F. Jónsson. Bind. København og Kristiania, 1912, B. 149_2; *L. Koczy.* Polska i Skandynawja za pierwszych Piastów.— «Prace Komisji Historycznej Pozn. Tow-wa Prz. Nauk», t. VIII, zesz. 3. Poznań, 1934, str. 83, 232.

[21] *G. Labuda.* Fragmenty dziejów słowiańszczyzny zachodniej. Poznań, 1964, str. 143.

[22] *Adamus Bremensis*, lib. III, cap. 13, schol. 62. Стансы Гаральда в честь Елизаветы см.: «Antiquités russes», v. II. Ed. C. C. Rafn. Copenhague, 1852, p. 57—58 (исландский и латинский тексты).

[23] *Georgius Cedrenus* t. II, p. 551_{4_15}; ПСРЛ, т. XXV, стр. 376.

[24] Об этом браке — в исландской саге «Heimskringla» Снорри, сына Стурлы (XIII в.), в саге об Эймунде (дошла в списке XIV в., о ней — *Е. А. Рыдзевская.* Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе.— КСИИМК, вып. 7. М.— Л., 1940, стр. 69) и глоссе XIII в. к хронике Адама Бременского (*Adamus Bremensis,* lib. II, cap. 39).

[25] «Saxonis Gesta Danorum», lib. XI, cap. VI_3.

Скандинавские страны, охваченные феодальной раздробленностью, тяготели к союзу с сильной Русью. Вспомним, что Мстислав-Гаральд, сын Мономаха и Гиты, в конце XI в. женился на Христине, дочери шведского короля Инга Стейнкельса [26], датский король Эрик III Добрый накануне вступления на престол (около 1095) побывал на Руси, видимо, ища поддержки [27]. Дочь Мстислава Малфрид стала (1111) женой норвежского короля Сигурда I, а овдовев, вышла замуж за сына Эрика III — датского короля Эрика Эмуна (1134—1137) [28]. Другая его дочь — Ингеборг Мстиславна — сделалась женой второго сына Эрика III бодрицкого короля Кнута Лаварда (1129—1131) и до последних его дней была с ним в Любеке [29]. Их сын, будущий датский король Вальдемар I, получил свое имя, вероятно, в честь деда, Мономаха.

Источники молчат о скрытом процессе русской и скандинавской встречной колонизации земель Лапландии (саамов), Финляндии и Карелии. Лишь после 1136 г., когда северная политика Руси перешла в руки правительства Новгородской боярской республики, местная летопись вводит нас в круг взаимных противоречивых отношений Руси со Швецией и Данией; государственное договорное русско-норвежское разграничение — дело более позднее. Русско-скандинавская торговля шла по-средневековому нормально [30]. Зоной русско-шведских столкновений стала Финляндия, где один за другим погибали католические агенты уппсальской церкви и где вооруженные конфликты вылились в шведский поход на Ладогу (1164) и русско-карельский — на Сигтуну (1187), приведший к разрушению этого крупного города. Решающие битвы были впереди.

Не менее видную роль сыграла Русь в истории Византийской империи. Не случайно появление Руси в качестве самостоятельного государства («нача ся прозывати Руска земля») летопись подкрепила ссылкой на упоминание ее в византийской хронике времен императора Михаила III (842—867) — «яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь» [31]. Русский переводчик греческой хроники продолжателя Амартола имел все основания напомнить о страшном для Византии древнерусском походе 860 г., ясно отраженном и в других источниках [32].

[26] «Genealogia Regum Danorum». — «Scriptores Rerum Danicarum» (ниже — SRD), t. II. Hafniae, 1773, p. 160—161; НПЛ, стр. 21; этот король давно связан с Русью (*Adamus Bremensis,* lib. III, schol. 84).

[27] «Saxonis Gesta Danorum», lib. XII, cap. 7_1.

[28] «Genealogia Regum Danorum».— SRD, t. II, p. 160.

[29] «Ex Historia Regum Danorum dicta Knytlingasaga». — «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores» (ниже — MGH SS), t. XXIX. Hannoverae, 1866, p. 292—293; ср. p. 165, 369; *Helmold,* lib. I, cap. 50.

[30] *А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто.* Указ. соч., стр. 91, 94.

[31] ПВЛ, ч. 1, стр. 17.

[32] Там же, ч. 2, стр. 247; *Photios.* Epistolarum. Epist.— III.— «Patrologia Graecae»

Взаимоотношения с Византией, восходящие к седой старине, были важной составной частью внешней политики Руси. Древнерусское государство — это ясно видно из летописи — складывалось, крепло, формировало границы, обеспечивало свои внешнеторговые права, наконец, добивалось суверенной христианизации, преодолевая упорное противодействие Византии и уже тем самым влияя на ее судьбы.

Византия, силой удерживая часть Причерноморья, земель Кавказа и дунайскую границу, стремилась ослабить Русь посредством своих союзов с ханами сменяющихся в южнорусской степи кочевых орд. Такова ее государственная доктрина, сформулированная Константином Багрянородным (945—959) [33]. Она дополнялась системой разведки, основы которой изложены современником Василия II в трактате «De castrametatione»: «доместику и пограничным стратигам» вменялось в обязанность «иметь таких соглядатаев», чтобы «ведомы были все замыслы» Болгарии, Печенегии, Венгрии и Руси [34]. Используя церковные связи с Русью (особенно с 988 г.), византийское правительство пыталось влиять на ее внешнеполитический курс и сеять (особенно после раскола 1054 г.) отчуждение между нею и враждебными империи католическими державами Европы. Ввиду этого взаимоотношения Руси с Византией были сложными, противоречивыми, не раз приводили к конфликтам, к войнам.

Но Русь стала великой христианской державой вовсе не для того, чтобы следовать внешнеполитическому курсу империи. Слов нет, в ту пору были сильны связи дипломатии и церкви, когда подчас трудно отличить монаха от посла, монастырь от консульства, церковь от пакгауза, сказанье пилигрима от депеши, паломника от резидента... Но это еще не дает оснований говорить о подчинении русской дипломатии видам церкви вообще и византийской патриархии, в частности. Русские князья, используя церковников на дипломатической службе, руководствовались во внешней политике не узко церковными, а государственными интересами своего класса. Впрочем, той же линии вынуждены были держаться и сами церковные иерархи там, где (например, в Новгороде, Полоцке, Пскове) они приобрели более заметное влияние на политику.

Скрепленные договорами политические, экономические и церковно-культурные связи с Византией умело использовались Русью. На Руси отлично понимали глубокую и постоянную заинтересованность непрочной и слабеющей, хотя богатой и политически иску-

(ниже — PG), t. 102. Paris, 1860, col. 735—738; *Nicetas Paphlago.* Vita Ignatii.— PG, t. 105. Paris, 1862, col. 516; *Theophanes Continuatus,* lib. IV: De Michaele Theophili filio, cap. 33.

[33] *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik. Bp., 1949, p. 48—57.

[34] «De castrametatione». Ed. A. Marten. Paris, 1898, cap. XVIII, p. 38.

шенной, Византии в безопасности ее крымских, кавказских, балканских владений; ее зависимость от пусть дорогой, но необходимой русской военной поддержки против арабов, турок и норманнов; ее корыстное стремление к доходам с русской митрополии.

Бросая в X—XI вв. свой шеститысячный секироносный корпус в походы против арабов и норманнов, угрожавших Византии, Русь укрепляла свое влияние не только на Кавказе, но и на Средиземном море — в Апулии и Калабрии, воздействуя на византийско-германскую борьбу за Италию. Впрочем, и торговые связи Руси с землями, некогда подвластными Багдаду, отнюдь не прервались.

Факты свидетельствуют, что Русь, оттеснив Византию, взяла в свои руки степную политику, превратив в конфедератов печенегов, тюрков и значительную часть половцев. Роковые страницы византийской истории писались на Руси. Русская победа над степью сделала Боняка и Тугоркана византийскими сенаторами и «союзниками отчаяния» в черный для империи 1091 г. Сто лет спустя императору Андронику Комнину пришлось через киевского митрополита уже «умолять» Русь о военной поддержке. Впрочем, русская победа над половцами (1202) не надолго продлила дни угасавшей империи.

Русь поддерживала широкие международные связи с католическими, мусульманскими и языческими державами как дружественными, так и враждебными Византии. Из европейских стран особенно тесными были отношения Руси с соседними славянскими государствами. Это понятно, ввиду их этнической близости, которую отмечали и иностранные наблюдатели. Например, Бартоломей Английский, побывавший в Магдебурге, в своей энциклопедии (около 1240 г.) писал, что «славянами являются чехи, поляки, метани (моравяне?) и вандалы, русины, далматинцы и каринтийцы, которые все взаимно друг друга понимают и очень схожи как в отношении языка, так и обычаев, различаются, однако, по обряду» [35].

После исследований В. Д. Королюка стала ясней роль Руси в раннефеодальной истории славянских стран [36]. Из межславянских связей, пожалуй, русско-польские отношения имели наибольшее значение для Европы [37]. Русь и Польша, несмотря на наличие сфер взаимных противоречий в Червенской и Прусской землях, довольно быстро прошли через испытания взаимного вмешательства в распри князей (польские походы на Русь в 1018, 1069 гг., русские — на Польшу в 1041, 1043, 1047 гг.) и участия во враждебных друг другу коалициях; они постепенно не только стабили-

[35] «Brevis descriptio Slavoniae». Ed. W. Kętrzyński.— «Monumenta Poloniae Historica» (ниже — MPH), t. VI. Kraków, 1893, p. 587—588.
[36] *В. Д. Королюк.* Западные славяне и Киевская русь. М., 1964.
[37] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 31, 151.

зировали свою границу, но и пришли к тесному союзу (договоры 1042, 1074, 1077, 1099, 1103, 1145 и следующих годов). Этот союз поддерживался с русской стороны Киевом и Волынью, а с польской — Краковом и Плоцком. После торжества феодальной раздробленности Волынь, Смоленск и Чернигов, враждуя с Византией, оставались союзниками Польши и Венгрии, тогда как суздальские князья тяготели к сближению с Германией и Византией.

На Руси и в Польше не оказалось социальных групп, заинтересованных в широкой территориальной экспансии и способных ее осуществить. В то же время давние торговые связи, обширные зоны обоюдной этнической инфильтрации, общие интересы в колонизации Пруссии — содействовали сближению. То одно, то другое правительство в соответствии с духом классовой солидарности феодальных династий, тесно связанных матримониальными союзами, по-соседски помогало упрочению княжеской власти.

История свидетельствует, что Германия в своем агрессивном наступлении за Одру придавала первостепенное значение разжиганию взаимных конфликтов между славянскими странами, стараясь втянуть в них также Венгрию, Австрию, Саксонию, Данию. Первое время это удавалось, особенно Генриху II (1002—1024), который таким образом пытался ослабить и польское сопротивление немецкому внедрению в славянском Поморье, и русское участие в германо-византийском конфликте в Италии.

Но уже Ярослав Мудрый раскусил этот замысел: он пошел на союз с Казимиром Пястом (около 1042), а на отказ Генриха III (1039—1056) поддержать Русь против Византии (1043) ответил упрочением союзов с самой Византией (1046), с Венгрией короля Андрея I (1046—1061), с Францией (1051); о русско-скандинавских союзах мы уже знаем.

Волынско-киевские князья, продолжая эту политику, развивали союз с Венгрией, которая в 1102 г. вышла к Адриатике и вступила в вековую борьбу с Византией. Последующие действия венгерско-сицилийско-волынского союза середины XII в. против Византии объясняют, почему после прекращения службы русского корпуса в Константинополе «русские [его] королевского величества» появились при венгерском дворе Кальмана (1095—1116) [38]. Примечательно и отсутствие религиозной нетерпимости в русско-венгерско-польской княжеской среде, как это видно из отрывка грамоты польско-венгерских союзников волынского князя Изяслава Мстиславича, посланной ими Юрию Долгорукому и его брату Вячеславу: «Вы нам есте в отца место...а мы есмы на бозе все крестьяне (т. е. христиане) одна братья собе, а нам подобает всим быти съ собе» [39]. Это особенно важно подчеркнуть, ибо со

[38] *В. Т. Пашуто.* Древняя Русь и Венгрия.— «Славяне и Русь». Сб. статей. М., 1968, стр. 345—350.

[39] ПСРЛ, т. II, стб. 387—388 (1149 г.).

времени разделения церквей и Византия, и папство прилагали немало усилий к тому, чтобы посеять религиозную рознь между Русью и ее восточноевропейскими соседями.

Политика русско-польско-венгерского сближения позволила Польше отбить наступление Генриха V (1099—1111—1125) и избежать войны на два фронта во время разорительных вторжений (1157, 1172, 1184) Фридриха I Барбароссы (1152—1190) [40]. В этих войнах Волынь постоянно поддерживала Польшу, и не случайно император называл в письме к Вибальду русских первыми среди своих неприятелей [41].

Русь и Германию связывали очень давние и взаимовыгодные торговые отношения, но Русь противодействовала захвату Германией славянских земель — переходу в немецкие руки торговых центров на Балтийском море, с глубокой древности входивших в сферу русских внешнеторговых интересов (следы которых уцелели в актах Любека, Новгорода и Смоленска).

Польша, утратив политическое единство, не смогла успешно противостоять Германии и ее союзникам в Славии (между Лабой и Одрой), не удалось ей и защитить Поморье. Тем не менее столетия антинемецкой борьбы не прошли даром — сложилась и окрепла польская народность. Упорное противодействие Польши и ее союзников немецкой экспансии в Прибалтике имело и то значение в истории Европы, что содействовало неуспеху имперских планов на Средиземном море. Эти два, казалось бы, столь отдаленные друг от друга узла мировой политики были тесно взаимосвязаны, как оказались взаимозависимыми и два направления крестовых походов. Это отлично понимала папская курия.

В крестовых походах — важнейшем международном событии средневековья — Русь принимала многообразное участие. Первый крестовый поход (1096—1099) происходил в ту пору, когда Русь уже отозвала свой военный корпус из Византии. Тем не менее хронисты похода не раз упоминают Русь. Французский хронист Альберт из Экса утверждает, что венгерский король Кальман в страхе перед крестоносцами собирался бежать «versum regnum Russiae» [42], а когда крестоносцы пришли в Малую Азию, то эмир Сулейман сетовал на то, что у него остался клочок земли на побережье «Русского моря» [43]. В поздней «Истории Иерусалима и Антиохии» даже говорится об участии воинов «de Rossie» в по-

[40] *Gallus Anonimus,* lib. III, cap. 2, 15—16; MGH SS, t. XX, 1868, p. 423 (1157 г.); t. XVII, 1861, p. 786 (1172 г.); t. XVI, 1859, p. 687 (1184 г.); t. XXIV, p. 38 (под 1183 г.); t. IX, 1851, p. 542; ПСРЛ, т. II, стб. 564 (1173 г.); стб. 571 (1174 г.); «Vincentii Chronicon Polonorum», lib. IV, cap. 23.

[41] MPH, t. II. Lwów, 1872, p. 21—22.

[42] *Albertus Aquensis.* Historia Hierosolymitana.— «Recueil des Historiens des Croisades», t. IV. Paris, 1879, lib. I, cap. 29, p. 294; lib. IV, cap. 6, p. 393.

[43] *A. V. Soloviev.* Mare Russiae.— «Die Welt der Slaven», Bd. IV. Wiesbaden, 1959, S. 5.

ходе Готфрида Бульонского и в Никейской битве (1097) [44]. Русские летописи тоже знают о первом крестовом походе [45]. В Иерусалиме, после его завоевания латинянами, существовал русский монастырь. Король Балдуин тепло принял побывавшего здесь в составе большой русской «дружины» черниговского игумена Даниила [46].

Во втором крестовом походе (1147—1149) русское войско вместе с поляками ходило в сторону прибалтийского Поморья [47], но Русь была связана и с другими участниками похода: французский король Людовик VII, проходя с войском через Венгрию, стал воспреемником первенца Евфросиньи Мстиславны, жены союзного Киеву короля Гезы II [48], через Русь в 1148 г. возвращался из этого похода чешский король Владислав II [49].

В третьем крестовом походе (1189—1192) Русь не участвовала, но ее летописи отметили и падение Иерусалима (1187) [50], и выступление Фридриха I, сопроводив его рассуждением, уподоблявшим Германию Руси, а арабов — половцам [51]. Это рассуждение позволяет понять, что именно натиск кочевников заставил Русь перенести борьбу из Передней Азии в Причерноморскую степь.

Четвертый крестовый поход (1203—1204) фактически, как и второй, был обращен и в Переднюю Азию и Прибалтику, и сама Русь с подвластными ей неславянскими землями стала его целью. На этот раз ей надо было думать не о походах на мусульман-арабов или на язычников Прибалтики и Причерноморья, а о защите своих владений и собственной независимости.

Когда немецкие крестоносцы, поддержанные папством, уже овладев частью славянского Поморья, высадились на Двине и основали Ригу (1201), а на Черном море их собратья захватили Константинополь (1204), один из сильнейших русских князей волынско-киевский Роман Мстиславич предпринял поход на Саксонию, видимо, намереваясь подрубить основу немецкой экспансии на Балтике. Отсутствие единства между Русью и Польшей свело этот план на нет [52].

Четвертый крестовый поход совпал с расстройством русско-польско-венгерского союза, чему немало содействовала папская курия, а также с резким ухудшением русско-скандинавских отношений. Сея смерть и разорение, немецкие рыцари завладели землями междуречья Вислы и Немана, захватили Подвинье. Жаркие

[44] «L'histoire de Jérusalem et d'Antioche».— «Recueil des Historiens des Croisades. Historiens occidentaux», v. V, pt. 2. Paris, 1895, p. 630.
[45] ПВЛ, ч. 1, стр. 60.
[46] «Путешествие игумена Даниила». Изд. А. С. Норов. СПб., 1864, стр. 139.
[47] «Annales Magdeburgenses».— MGH SS, t. XVI, 1859, p. 188.
[48] «Scriptores Rerum Hungaricarum», v. I. Bp., 1937, p. 458.
[49] «Fontes Rerum Bohemicarum», t. II. Praha, 1874, p. 418.
[50] ПСРЛ, т. II, стб. 656 (1187 г.); ср. стб. 700.
[51] Там же, стб. 668 (под 1190 г.).
[52] MGH SS, t. XXIII, 1874, p. 885; ср. p. 116; ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 425.

сражения, тяжелые поражения от татаро-монголов и блистательные победы в битвах с крестоносцами выпали в ту пору на долю Руси. Здесь ее роль в истории тогдашнего мира раскрылась с полной очевидностью. Истекая кровью в неравной борьбе, она предопределила крах монгольского нашествия на Европу, в то же время последовательно сокрушив крестоносцев Швеции (1240), Дании и Германии (1242), Польши и Венгрии (1245), она похоронила универсалистские претензии и империи, и папства.

Итак, Древняя Русь сыграла выдающуюся роль в формировании политической карты Европы: она деятельно участвовала в борьбе народов против арабского, византийского и германского владычества; она приняла на себя главный удар тюркских кочевников; наконец, победа Руси, русского народа в борьбе с крестовым походом шести держав, совпавшим с монгольским нашествием, стала поворотным пунктом в исторических судьбах Европы.

РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ДРЕВНЕЙ РУСИ И ВИЗАНТИИ

Я. Н. Щапов

Исследователи древней русской истории и литературы еще начиная с Н. М. Карамзина обратили внимание на существенные различия в рассказах о первом походе Игоря на Византию 941 г., которые дают русские и византийские источники. Исследования Ф. А. Терновского [1], С. Г. Вилинского [2], В. М. Истрина [3], А. А. Шахматова [4], Д. С. Лихачева [5] позволили выяснить взаимоотношение русских и византийских источников, показали, что одной из составных частей русских сообщений были древнерусские переводы хроники Амартола и жития Василия Нового.

Изучение источников об этом походе привлекло пристальное внимание Н. Я. Полового, который посвятил этой теме специальную статью и внес в разработку вопроса много нового и интересного. Материал, собранный и исследованный Н. Я. Половым, позволяет продолжить эту работу и в то же время несколько иначе ответить на вопрос о характере русских сведений о походе. Не касаясь здесь всей истории темы, будем исходить из наблюдений и заключений этого исследователя и его предшественников [6].

В 941 г. великий князь русский Игорь (так он именуется в русско-византийском договоре 944 г.) во главе своего войска на кораблях направился по Черному морю с намерением напасть на Константинополь. Хроника Амартола рассказывает, что русские

[1] *Ф. А. Терновский.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси, вып. 2. Киев, 1875, стр. 117.

[2] *С. Г. Вилинский.* Житие Василия Нового в русской литературе, т. 1—2. Одесса. 1911.

[3] *В. М. Истрин.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград.— «Известия ОРЯС», т. XXI, кн. 2. СПб., 1916.

[4] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 99.

[5] ПВЛ, ч. 2 (комментарий Д. С. Лихачева).

[6] *Н. Я. Половой.* Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков.— ТОДРЛ, т. XVI. М.— Л., 1960, стр. 105—111; см. также *он же.* Две ошибки древнейшего русского хрониста.— ТОДРЛ, т. XIV, М.— Л., 1958, стр. 139—142.

корабли (их было якобы 10 тысяч) вошли в Босфор и здесь у Иерона, на ближних подступах к Константинополю, 18 июня их встретили византийские корабли, которые, применив в бою «устроенный (искусственный.— *Я. Щ.*) огонь», нанесли кораблям Игоря поражение. После морского боя при Иероне оставшиеся русские корабли отошли к берегам Малой Азии.

Далее сведения Амартола дополняются сообщением жития Василия Нового. Высадившись в мелководье Малой Азии в районе Вифинии, русские в течение всего лета опустошали прибрежные области, и только к сентябрю войскам Варды Фоки и Куркуаса удалось заставить их отправиться восвояси. Когда они уже сели на корабли и направились в сторону Фракии, то были разбиты во втором морском сражении. Так неудачно для русских окончился этот поход [7].

Такова греческая версия похода 941 г., которая названными выше исследователями справедливо считается в основном отражающей действительный порядок событий.

Русская версия этого похода не только отличается от изложенной византийской, но и различна в разных памятниках. Н. Я. Половой показывает, что эти различия не случайны, они зависят, с одной стороны, от информации, которую получали авторы и редакторы древнерусских памятников, с другой — от общей русской схемы похода, которая в разных памятниках осталась в общем неизменной. Сочетание новых сведений о походе со строгим следованием старой схеме привело древнерусского хрониста к ряду ошибок в изложении похода.

Соотношение русских рассказов о походе 941 г. рисуется Н. Я. Половым на основе исследований его предшественников следующим образом.

В русских источниках существует три версии рассказа о походе 941 г.

Хронографическая палея и Новгородская I летопись, интересующие нас сведения которых восходят к одному древнейшему хронографу, знают только о первой части похода, что закончилась морским сражением при Иероне, когда русские корабли были сожжены греческим огнем, с которым они столкнулись впервые именно в этом сражении. Затем русские вернулись в Киев. Главным отличием этого рассказа от рассказа Амартола и жития Василия Нового является то, что русские источники ничего не говорят о малоазиатской части похода. Согласно русской версии Игорь вернулся в Киев сразу после разгрома его флота, и никакого продолжения поход не имел. Кроме того, в русском рассказе в отличие от греческого говорится, что еще до морского сражения при Иероне войска Игоря высадились на берег около Константинополя и опустошили его окрестности. Эта часть рассказа

[7] *В. М. Истрин.* Указ. соч., стр. 231—232 (текст Амартола).

буквально повторяет текст хроники Амартола о действиях русских в Малой Азии и является, следовательно, заимствованием из греческого источника. Исключив эту вставку, мы будем иметь первую, древнейшую русскую версию похода [8].

Вторая версия, представленная в хронографе, сохранившемся в Еллинском летописце второй редакции, отличается от первой. Здесь, как указывает Н. Я. Половой, «есть два акта амартоловского повествования о походе 941 г., но они не являются двумя частями одного и того же похода, а представлены как два самостоятельных похода: из первой половины амартоловского рассказа сделан первый поход Игоря, из второй половины, описавшей войну в Малой Азии, сделан второй поход» [9]. Исторически известный поход Игоря 944 г., о котором также говорится в Еллинском летописце, является здесь уже третьим походом. Таким образом, и здесь утверждается, что Игорь вернулся в Киев после первого морского неудачного сражения, которое и окончило весь этот поход.

Третья версия находится в Повести временных лет. Здесь вновь рассказывается о том, что поход Игоря окончился в результате первого неудачного морского боя в окрестностях Константинополя, после которого русские вернулись в Киев. Однако, в отличие от первой и второй версий, Повесть говорит о том, что русские войска высаживались в Малой Азии и разгромили Суд и Вифинию до единственного морского сражения. Таким образом, схема похода, изложенная еще в Новгородской летописи, обрастая новыми сведениями, осталась той же самой: поход Игоря окончился на морском сражении, после которого он с остатками кораблей вернулся домой.

Исследователи, занимавшиеся источниками похода 941 г., показали, что осложнение первоначальной русской схемы похода шло за счет привлечения сведений из греческих источников — хроники Амартола и жития Василия Нового, с которыми, очевидно, древнейший русский хронист, автор первой записи о походе, не был знаком. Сведения о походе, которые сообщали древние русские переводы обоих памятников, позволяли авторам и редакторам русского сообщения о походе Игоря дополнить свое изложение и изменить его по новым источникам. Изучение трех русских версий похода показывает, что русские летописцы действительно использовали эти сведения, но использовали их очень своеобразно. Вместо того чтобы перестроить старую русскую схему в соответствии со схемой византийцев, которая, очевидно, больше соответствовала действительности, они перестроили византийскую схему по русской, сделав тем самым несколько ошибок в изложении похода. Н. Я. Половой правильно подчеркивает, что здесь мы видим

[8] Отвлекаемся от даты похода по НПЛ и Палее — 920 г. вместо 941 г. См. об этой дате соображения Д. С. Лихачева в ПВЛ, ч. 2, стр. 286.
[9] *Н. Я. Половой.* Русское народное предание..., стр. 108.

еще одно и важное подтверждение вывода Д. С. Лихачева о том, что обильное цитирование византийских источников в русских памятниках не означает подражания им [10]. Наоборот, русские летописцы, так или иначе используя и перекраивая сведения византийских авторов, используют эти сведения для пополнения и развития своей очень стойкой и проходящей через ряд разновременных летописных произведений схемы.

В связи с изложенным возникает два вопроса. Во-первых, почему появилась эта оригинальная русская схема похода 941 г., которая не отвечала действительному ходу событий? Почему сведения о продолжении похода в Малой Азии не попали в древнейший русский рассказ о походе? Во-вторых, почему эта собственная, но неправильная русская схема оказалась такой живучей, почему позднейшие русские летописцы, знакомые с историей продолжения похода по византийским источникам, не сочли возможным изменить старую схему, а предпочли еще больше исказить историю похода, но не следовать византийской схеме?

Н. Я. Половой не отвечает на первый вопрос. Он пишет: «Как и почему родилось на Руси такое представление (о походе 941 г.— *Я. Щ.*), неизвестно» [11]. Однако само изучение сообщений русских и византийских источников, сделанное Н. Я. Половым, позволяет ответить на этот вопрос.

Судя по тому, что сообщают источники, поражение, понесенное русскими кораблями в битве 18 (в Палее — 10) июня 941 г. при Иероне, было чувствительным, но не окончательным. Часть русских кораблей была сожжена греческим огнем и потоплена. Кроме того, русская эскадра была разделена на две части, которые в дальнейшем потеряли всякую связь между собой, не знали после сражения ничего друг о друге и действовали вполне самостоятельно. Одна часть, которую возглавлял Игорь, считая, что она одна уцелела в сражении, не решилась продолжать поход, вернулась в Киев и принесла сообщение о его неудаче и гибели большей части флота от греческого огня. Вторая часть эскадры отошла в противоположную, южную сторону, к малоазиатскому берегу и чувствуя еще силу и желание возместить морское поражение новыми сухопутными победами, начала удачную кампанию в районе Вифинии. По византийским сообщениям лишь к сентябрю удалось собрать достаточно сил, чтобы отразить это вторжение. Вероятно также, и на это намекает житие Василия, что русские отряды и не предполагали задерживаться во вражеской стране зимой и время их возвращения определялось стремлением совершить плавание в наиболее благоприятное время года. Это свидетельствует, что вторая часть эскадры обладала достаточными силами. Однако если сухопутная кампания 941 г. протекала в пользу русских, то на море византийцы, обладая греческим огнем, имели решающее

[10] *Н. Я. Половой.* Русское народное предание..., стр. 111.
[11] Там же.

преимущество, что привело к полному поражению русских и уничтожению их флота.

Так восстанавливается по источникам этот поход. Они объясняют и причину столь своеобразного рассказа о походе у древнейшего русского хрониста. Он следовал за тем, что ему было сообщено вернувшимися после первой морской битвы. Для них, как и для летописца, поход состоял только из одного бесславного акта. Причина поражения не зависела от возможностей русских. Это было чудо, «молния», которая спасла греков. Так возникла древнейшая русская версия похода. Гибель участников второй малоазиатской экспедиции не позволила исправить эту версию в свое время. Но она не была исправлена и позже, чему также можно найти объяснение.

Н. Я. Половой отказывается ответить и на второй вопрос Он пишет: «Неясны и причины столь прямолинейного и упорного настаивания всех русских источников на том, что поход 941 г. закончился на первом морском сражении, после которого русские якобы вернулись в Киев. Неясно также, почему русские летописцы предпочитали говорить об особом походе Игоря в Малую Азию для объяснения второй половины амартоловского повествования о едином походе Игоря на греков в 941 г.; нам неясно, почему автор ПВЛ предпочел утверждать, что вся эта вторая половина амартоловского повествования о первом походе Игоря, рассказывающая о войне русских в Малой Азии, произошла до первого морского сражения, но не следовать за ясным указанием хроники Амартола, что она произошла после него» [12].

Изложенные выше соображения о роли князя Игоря в походе 941 г. позволяют ответить и на этот второй вопрос.

Оказывается, что поражение под Иероном совсем не было столь тяжким, как это казалось имевшему перед собой только часть русских кораблей Игорю. Оказывается, значительная часть русских воинов избежала поражения и в течение 3—4 месяцев смогла успешно продолжать поход на вражеской территории, будучи покинута своими руководителями. Оказывается, наконец, что Игорь, поспешно вернувшись в Киев после Иерона, бросил на произвол судьбы большие силы, объединившись с которыми он едва ли не достиг бы цели своего похода. Обо всем этом летописцы узнали только позже, из византийских источников. Считали ли они нужным показать историю похода такой, какой она была на самом деле?

Н. Я. Половой полагает, что в русских источниках перед нами «русская схема первого похода Игоря», которая «является остатком того народного предания об этом походе, которое родилось на Руси после печального возвращения русских на родину» [13]. С этим, однако, трудно согласиться.

[12] *Н. Я. Половой.* Русское народное предание..., стр. 111.
[13] Там же.

Официальный характер похода, руководимого великим князем русским, необходимость фиксации причины его неудачи и быстрого трагического возвращения без большей части флота указывают на то, что результаты похода должны были быть зафиксированы не столько в народном предании, сколько в официальной княжеской историографии.

Исследования историков древнерусского летописания устанавливают, что древнейшее летописание существовало еще в X в. Л. В. Черепнин считает, что в конце X в. был создан уже Древнейший летописный свод, в основу которого легла Повесть о полянах-руси, дополненная другими материалами [14]. М. Н. Тихомиров пришел к выводу, что в основу Древнейшего свода легло Сказание о русских князьях X в., Игоре и его потомках, которое было написано в конце X или в самом начале XI в. Это сказание начиналось с вокняжения Игоря в Киеве и оканчивалось началом княжения Владимира [15]. В сказание такого типа и могли войти отдельные летописные записи еще без указания дат по всемирному летосчислению. Составитель сказания внес в него сообщение о походе в первоначальном виде, а историки и публицисты XI и XII вв. пополнили его новыми сведениями.

Выводить рассказ о походе 941 г. в его древнейшей версии из народного предания нет оснований также потому, что это сообщение лишено каких-либо народно-героических или легендарных черт, которые показывали бы события похода в преломлении устного народного предания. Здесь перед нами только деловое сообщение, в дошедших до нас текстах (Хронографическая палея, Новгородская летопись) уже отягощенное извлечениями из хроники Амартола.

Житие Василия Нового в древнерусском переводе говорит о том, что вернувшиеся на Русь после второго морского сражения воины рассказывали о чудесном огне, молнии, которая сожгла их корабли. Здесь приведена даже прямая речь русских воинов. Тот же рассказ воинов приведен и в Повести. Однако включение в текст летописи прямой речи ее героев не является свидетельством записи народных преданий. В греческом оригинале жития содержится традиционная для христианской литературы фраза о том, что бог сохранил некоторых свидетелей своего гнева, чтобы они могли сообщить об испытанной ими каре: «Спасшиеся из рук нашего флота перемерли по дороге от страшного расслабления желудка; немногие ушли восвояси, чтобы рассказать там, что с

[14] *Л. В. Черепнин.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— «Исторические записки», т. 25. М., 1948, стр. 332—333.

[15] *М. Н. Тихомиров.* Начало русской историографии.— «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56; см. также *он же.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля».— «Советская этнография». Сб. статей, т. VI—VII. М.— Л., 1947, стр. 62—68.

ними было и что они претерпели по мановению божию»[16]. Речь воинов в русском переводе жития является, таким образом, добавлением переводчика. Включение прямой речи в повествование свойственно не только русским хронистам, оно широко распространено в древней и средневековой исторической литературе, не отделившейся еще от литературы художественной, и не должно вводить в заблуждение исследователя.

Подтверждением княжеской концепции в летописной письменной форме является, как нам кажется, та устойчивость этой концепции, на которую обратил внимание Н. Я. Половой. Новые византийские источники не только рассказывали о неизвестных прежде русскому читателю отрадных успехах русского оружия в Малой Азии, они также свидетельствовали о том, что общий неудачный исход кампании был вызван бегством на Русь руководства эскадры во главе с Игорем. Понятным является непринятие этой, компрометирующей киевскую княжескую династию, концепции киевскими летописцами X—XII вв., как понятно и придание преувеличенного значения поражению русского флота при Иероне. Как явствует из русской концепции, обычная отвага и доблесть русских воинов натолкнулись на невиданный прежде греческий «устроенный огонь» и именно он погубил почти весь русский флот. Никаких сомнений относительно не использованных русскими возможностей в походе эта концепция не дает. Таким образом, перед нами не русская схема, отразившая народное предание, а русская княжеская концепция похода, записанная, может быть, еще при Игоре и намеренно не измененная позже.

Понятие воинской чести, сознание необходимости тесной связи князя-военачальника с его дружиной были присущи древнерусскому, как и каждому раннефеодальному обществу. Греческие и восточные писатели неоднократно упоминали о храбрости, большом мужестве восточных славян. Повесть временных лет рассказывает о воинских доблестях Святослава и его дружины; она воспроизводит и «слова» Святослава, обращенные перед битвой к дружине: «...не посрамим земле Русские, но ляжем костьми, мертвые бо срама не имам. Аще ли побегнем — срам имам»[17]. Лев Дьякон подчеркивает смелость Святослава, он также приводит его «речь», в которой последний говорит: «...У нас нет обычая бегством спасаться в отечество, но или жить победителями, или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»[18]. Случай с отцом Святослава, который нарушил эти древние воинские традиции, не мог найти отражения на страницах летописей. Еще в середине XI в. в «Похвале» князю Владимиру Святославичу Ила-

[16] Перевод А. Н. Веселовского — «Разыскания в области русского духовного стиха», вып. V. СПб., 1889, Прилож., стр. 97. Греческий текст — Прилож., стр. 68.
[17] ПВЛ, ч. 1, стр. 50.
[18] *Лев Диакон Калойский.* История. Перевод Д. Попова. СПб., 1820, стр. 94.

рион специально подчеркивал, что этот князь является внуком старого Игоря и сыном славного Святослава, которые «мужеством же и храбърръством прослушя (прослыли. — *Я. Щ.*) в странах многах и побѣдами и крѣпостію поминаются нынѣ и словут»[19].

Столь значительные отклонения от норм раннефеодальной этики в одном из походов Игоря, которые могли быть установлены на основе рано ставших известными на Руси византийских памятников, не прошли не замеченными историками X—XI вв. — идеологами раннефеодального общества. Большое уважение к греческим книгам, хроникам и житиям не позволило им отбросить все сообщения о жестокостях язычников-русских по отношению к их будущим учителям-христианам. Однако, пойдя на дополнение текста подробностями, давая своим читателям занимательное и вместе с тем полезное в борьбе с остатками язычества чтение, древнерусские историографы не отступили ни на шаг от своей основной концепции славы и доблести киевской княжеской династии, продолжая выгораживать Игоря и не показывать его faux pas как рыцаря. Такое упрямое следование прокняжеской концепции указывает на то, что в течение второй половины X—XI в., когда создавался, а затем перередактировался рассказ о походе 941 г., создание исторических сказаний, как и летописание, было тесно связано с княжеской властью, с Киевом.

[19] «Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава 1-го».— «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе», ч. II. М., 1844, стр. 38.

О ПРОЦЕДУРЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И РУСЬЮ В X В.

С. М. Каштанов

В обширной русской и зарубежной историографии византино-русских договоров издавна поднимался вопрос о порядке их заключения. Этот вопрос имеет очень важное значение для понимания происхождения, а следовательно, и содержания текстов. Можно условно различить два преобладающих подхода к исследуемой проблеме. Первый состоит в изучении договоров самих по себе методами лингвистического и конкретно-исторического анализа. Второй основан на сравнении порядка заключения русско-византийских договоров с правилами составления договоров между Византией и другими странами (Персией, Венецией, Болгарией). Конечно, эти подходы в той или иной мере переплетаются.

Нам кажется, что работа должна вестись в двух указанных планах одновременно, причем второму направлению надо уделять не меньше внимания, чем первому. Мы не разделяем мнения И. Сорлен, считающей искусственным и не заслуживающим внимания сравнительный анализ русско-византийских и византино-венецианских договоров [1]. Идея сравнения принадлежит А. Димитриу, который верно почувствовал большую перспективность выводов статьи К. Неймана о различиях в порядке составления византино-венецианских договоров в Константинополе и Венеции [2].

Большинство советских авторов не пошло по пути сравнительного изучения процедур заключения договоров, предпочтя метод филологической и логической критики договоров как таковых.

С. Микуцкий в своих ценных, насыщенных материалом трудах применил сравнительный анализ в качестве средства определения

[1] *I. Sorlin.* Les traités de Byzance avec la Russie au X-e siècle, I [partie].— «Cahiers du monde russe et soviétique», vol. II. Paris, 1961, № 3, p. 328, 344.

[2] *C. Neumann.* Über die urkundlichen Quellen zur Geschichte der byzantinisch-venetianischen Beziehungen vornehmlich im Zeitalter der Komnenen.— «Byzantinische Zeitschrift», Bd. I. Leipzig, 1892, S. 366—378; *А. Димитриу.* К вопросу о договорах русских с греками.— «Византийский временник», т. II. СПб., 1895, стр. 531—550; *П. О. Карышковский.* К истории балканских походов при Святославе.— «Краткие сообщения Института славяноведения», [вып.] 14. М., 1955. стр. 26—30.

происхождения договоров лишь в пределах, позволяющих обнаружить частные отступления дошедших текстов от некоего типического формуляра актов императорской канцелярии X в.[3] Автор обошел стороной вопрос о том, что в самой императорской канцелярии могли быть разные типы формуляров международных договоров. В изучении порядка составления договоров И. Сорлен в основном следует за Микуцким, иногда дополняя его наблюдения некоторыми логическими построениями.

Для объяснения процедуры заключения договоров необходимо пристальнее присмотреться к типам формуляров международных договоров, существовавшим в византийской канцелярии. В недавно вышедшей книге Ф. Дэльгера и И. Караяннопулоса приведены четыре схемы формуляров византино-иностранных договоров[4]. Авторы различают два периода в истории договоров: 1) 992—1261 гг., 2) 1261—1448 гг., и внутри каждого периода — два типа формуляров договоров, заключенных в Константинополе: 1) после переговоров в другой стране, 2) без предварительных переговоров в другой стране. Назовем первый тип договоров в первый период типом Iа, во второй период — Iб, второй тип в первый период — IIа, во второй период — IIб.

Приведем схемы по Дэльгеру — Караяннопулосу.

Тип Iа. А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio; 3) inscriptio (часто весь протокол отсутствует); Б. «Текст»: 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio: а) клятвенное обещание соблюдать условия договора, даваемое византийскому императору другой стороной; б) упоминание полномочий послов другой страны; в) статьи договора; г) определение срока действия договора (до нарушения его другой стороной); д) заявление, что хрисовул логос выдан в подтверждение взаимного соглашения сторон; В. Эсхатокол: 1) дата (только по летосчислению от сотворения мира); 2) заключительная фраза; 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип Iб. А. Протокол: invocatio или intitulatio, или 1) invocatio; 2) intitulatio (целиком протокол отсутствует редко); Б. «Текст»: 1) (как правило, без преамбулы); 2) а) упоминание византийских послов; обещание императора соблюдать соглашение; б) условия договора; заявление о выдаче правительством другой страны клятвенной грамоты (с присягой на верность договору); в) указание свидетелей; г) указание писца, переводчика; В. Эсхатокол: 1) дата (по византийскому и латинскому летосчислениям); 2) cor-

[3] *S. Mikucki.* Études sur la diplomatique russe la plus ancienne, I [partie].— «Bulletin international de l'Académie polonaise des sciences et des lettres», № 7 supplémentaire. Cracovie, 1953, p. 1—40; idem, II [partie].— «Zeszyty naukowe Universytetu Jagiellońskiego», № 26. Prace historyczne, z. 4, Kraków, 1960, s. 137—145 и др.

[4] *F. Dölger, J. Karayannopulos.* Byzantinische Urkundenlehre. I. Abschnitt. München, 1968, S. 97—104.

roboratio; 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип II. А. Протокол: 1) invocatio; 2) intitulatio; 3) inscriptio (в большинстве случаев весь протокол опускается); Б. «Текст»: 1) преамбула (часто отсутствует); 2) narratio: а) клятвенная грамота иностранных послов с условиями договора и уверением в подтверждении последних правительством, которое эти послы представляют; иногда также упоминание о верительной грамоте послов; б) текст или упоминание предыдущих договоров, связанных с новым договором; в) заявление, что хрисовул логос выдан в подтверждение взаимного соглашения и ради безопасности договаривающихся сторон; г) пункты, гарантирующие соблюдение договора (присутствуют не всегда); В. Эсхатокол: 1) дата (лишь по летосчислению от сотворения мира); 2) заключительная фраза (присутствует не всегда); 3) собственноручная императорская подпись (красного цвета).

Тип IIб. А. Протокол: invocatio или intitulatio, или 1) invocatio; 2) intitulatio (как правило, протокол неполный); Б. «Текст»: 1) (обычно без преамбулы); 2) а) перечисление иностранных послов с простым упоминанием или буквальным воспроизведением их верительной грамоты, содержащей клятвенное заявление правительства другой страны о признании им всех условий, которые будут приняты его уполномоченными; б) клятвенное заявление императора о соблюдении договора (с 1342 г. стоит на 4-м месте — см. ниже, пункт «г»); в) условия договора; г) клятва императора (с 1342 г.; ср. выше, пункт «б»); клятва партнера по договору; д) упоминание писца и переводчика; е) corroboratio; В. Эсхатокол: 1) указание места выдачи и дата; 2) указание свидетелей; 3) императорская подпись.

Тексты договоров Руси с Византией X в., дошедшие в списках русских летописей XIV и более поздних веков, не являются, как известно, переводами непосредственно самих хрисовулов, т. е. императорских грамот. Поэтому при сравнении сохранившихся русских текстов [5] со схемами Дэльгера — Караяннопулоса можно ставить вопрос не о тождестве, а лишь о степени близости структуры летописного документа и хрисовула.

Начнем с договора 911 г. Из приведенных выше четырех схем построения хрисовулов лучше всего согласуется с грамотой 911 г. схема договоров 992—1261 гг., заключенных в Константинополе без предварительных переговоров в чужой стране (тип IIа). В самом деле, в этих хрисовулах на первом месте находился обычно текст клятвенных грамот иностранных послов с условиями договора и уверением в подтверждении последних правительством, которое послы представляют. Текст документа 911 г. от слов «Мы от рода Рускаго» до фразы «Си же вся да створять Русь Греком,

[5] Наилучшее издание текстов с переводом, комментариями и библиографией см.: ПРП, вып. 1, стр. 3—70.

иде же аще ключиться таково» включительно и выступает в виде именно такой клятвенной грамоты с условиями договора, а судя по летописи, договор 911 г. был заключен в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов с Олегом на Руси [6].

Слова «На утверженье же и неподвижение быть межи вами Хрестьаны, и Русью бывшии мир сотворихом», вероятно, соответствуют тому месту хрисовулов типа IIа, где содержится заявление, что хрисовул выдан в подтверждение взаимного соглашения и ради безопасности договаривающихся сторон. Текст от слов «на двою харатью» до слов «бывающаго мира» включительно, по-видимому, согласуется с пунктами хрисовула, гарантирующими соблюдение договора.

Писать «на двою харатью» в данном случае скорее всего и значило составить 1) дополненный вариант клятвенной грамоты; 2) хрисовул. Если дополненный вариант клятвенной грамоты послы отдали греческой стороне (как явствует из текста грамоты 911 г.), то появление в летописи перевода именно его, а не хрисовула, объясняется, наверное, фактом снятия копии с грамоты до отъезда послов из Константинополя.

В отличие от договора 911 г., договор 944 г. был заключен в Константинополе после предварительных переговоров византийских послов на Руси. В летописях говорится, что византийские императоры отправили своих послов к Игорю с предложением мира, и после этого Игорь снарядил ответное посольство.

Ясное указание летописей позволяет сопоставить грамоту 944 г. со схемой хрисовулов I типа (составленных Византией после переговоров ее послов в другой стране). Текст грамоты 944 г. от слов «Мы от рода Рускаго» до слов «послаша ны» включительно может быть сближен с характерным для хрисовулов типа Iа определением полномочий послов другой страны. Два куска текста — 1) от слов «Иже помыслить от страны Руския» до слов «будуть раби в сии век и в будущии» включительно и 2) от слов «Мы же, елико нас хрестилися» до слов «будеть клят от бога и от Перуна, яко преступи свою клятву» включительно — по существу равнозначны клятвенному обещанию соблюдать условия договора, которое давалось византийскому императору другой стороной. В заключительной статье («Да обаче будеть...» и т. д.) устанавливается срок действия соглашения точно так же, как в хрисовулах типа Iа — до нарушения договора партнером Византии (здесь — Игорем).

Тексты, идущие в грамоте от лица русских, образуют в совокупности верительно-клятвенную грамоту послов. Текст, идущий от лица греков, содержит в себе прежде всего условия договора и сведения о способах его утверждения обеими сторонами. Таким

[6] Рассматривать переговоры византийцев с русскими в 907 г. как часть процедуры заключения договора 911 г. (см., например: *I. Sorlin.* Op. cit., I [partie], p. 353) нельзя.

образом, текст клятвенно-верительной грамоты русских не имеет договорных статей, что свойственно как раз хрисовулам типа Iа, где условия договора находятся вне текста клятвенной записи иностранных послов.

Отсюда и особенности размена экземплярами договора 944 г. Поскольку условия договора отсутствовали в клятвенно-верительной грамоте послов, экземпляр договора, скрепленный послами, нуждался в подтверждении русского правительства, вследствие чего он препровождался Игорю для принесения присяги. Вероятно, после скрепления князем этого экземпляра византийские послы забрали его и вручили русским хрисовул (в летописях говорится лишь о присяге Игоря в присутствии византийских послов). Какая-то копия с утвержденной грамоты послов могла остаться на Руси.

В 911 г. процедура была проще: русские послы приобрели хрисовул уже в Константинополе, а сами оставили там скрепленный ими экземпляр, возможно, получив с него копию. Некоторые исследователи полагают, что из-за неутверждения договора лично Олегом документ не стал действующим актом. При этом не учитывается наличие в клятвенной грамоте 911 г. условий договора, сформулированных от лица русских, хотя данное обстоятельство, видимо, исключало необходимость клятвенного скрепления договора князем [7].

Перейдем к договору 971 г. Его формуляр мало напоминает известные нам схемы хрисовулов. Это связано с особой процедурой заключения договора, для реконструкции которой большое значение имеет истолкование заголовков всех трех договоров. У них совпадают первые пять слов: «Равно другаго свещания, бывшаго при...». Наиболее ясен смысл термина «свещание» — им обозначается договор. Слово «равно» обычно считают слепым переводом греческого слова «τὸ ἴσον» (список, копия). Слова «бывшаго при» толкуются по-разному — либо как «находящегося у», либо как «составленного при».

Оба экземпляра договоров 911 и 944 гг. (грамота от лица русских и хрисовул от лица византийцев) составлялись в Константинополе — «при» таких-то цесарях. В каждом случае это были две юридически равносильные (но не полностью текстуально совпадающие) «харатии». «И велеша... писати обоих речи на харатью»,— сказано в летописи перед изложением договора 944 г. Под «обоими» подразумеваются две договаривающиеся стороны — русские и греки. Слова «Равно другаго свещания...» в грамотах 911 и 944 гг. выражали равносильность грамоты соответствующему хрисовулу. Слова «бывшаго при» не могли обозначать места хранения, поскольку именно второй экземпляр — хрисовул — не оставался у императоров, а отдавался послам другой страны.

[7] В грамоте 944 г. прямо предусматривается присяга Игоря, в грамоте же 911 г. о возможной присяге Олега не сказано ничего.

Заголовок грамоты 971 г. гласит: «Равно другаго свещанья бывшаго при Святославе, велицемь князи Рустемь, и при Свеналъде, писано при Феофиле синкеле и ко Иоану, нарицаемому Цемьскию, цесарю Гречьскому, в Дерестре, месяца июля, индикта 14, в лето 6479». Первую часть этого заголовка, до слова «синкеле» включительно, мы переводим так: «Экземпляр, равносильный другому экземпляру договора, составленному при Святославе, великом князе Русском, и при Свенельде, и писанному при синкеле Феофиле». «Другой» экземпляр — это договор, заключенный в лагере Святослава и его воеводы Свенельда (находившихся с войском в Болгарии). Упоминаемый документ не был оригиналом Святославовой грамоты. Летописи не дают оснований полагать, что русские послы приехали к императору с текстом — они приехали с «речами», которые император приказал записать «на харатью».

«Другим» экземпляром (составленным в лагере Святослава) являлся, думается, акт, написанный от имени Византии в присутствии синкеля Феофила, т. е. «при» нем как главном императорском после [8]. Возможно, этот экземпляр содержал обязательства императора. (Греческие авторы X—XI вв. упоминают несколько конкретных обязательств, взятых на себя Византией в отношении Руси.) Наверное тогда же Святослав дал клятву соблюдать мир и закрепить свои обязательства в грамоте, которая будет составлена «при» цесаре. Эта клятва получила затем фиксацию в тексте. написанном в лагере императора со слов русских послов.

Вторая половина заголовка грамоты 971 г. («и ко Иоану... в лето 6479») относится не к экземпляру, составленному в лагере Святослава, а к тексту Святославовой грамоты, записанному в ставке императора. Указание имени и титула императора может, во всяком случае, восприниматься как inscriptio. Косвенным доказательством того, что текст грамоты Святослава был записан впервые в лагере цесаря, служит форма засвидетельствования ее действительности (слова «Се же имеите ... запечатахом»). Здесь речь идет только во множественном числе, в отличие от предшествующих фраз, составленных от имени Святослава. 1-е лицо мн. ч. выдает в авторах свидетельства не самого князя, а его послов [9]. Они запечатали грамоту «своими печатьми», вероятно, потому, что Святослав уже принес присягу на верность договору, и дальнейшее

[8] В литературе высказано предположение, что синкеля Феофила можно отождествить с Феофилом — епископом Евхаитским (*F. Dölger.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. I. Teil. München und Berlin, 1924, S. 95, № 739; *S. Mikucki.* Op. cit., I [partie], p. 34; *I. Sorlin.* Op. cit., II [partie].— «Cahiers du monde russe et soviétique», vol. II. Paris, 1961, № 4, p. 470), который в 971 г., после переговоров императора со Святославом, был отправлен в посольство к печенегам (*Georgius Cedrenus — Ioannis Scylitzae*, t. II. Bonnae, 1839, p. 412).

[9] Иное толкование см.: *S. Mikucki.* Op. cit., I [partie], p. 36; *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 72; ср. *I. Sorlin.* Op. cit., II [partie], p. 471.

утверждение грамот не предполагалось (после изложения текста Святославовой грамоты летописец не упоминает никаких процедур, говорящих о ее подтверждении).

Концовка грамоты 971 г. показывает и другое: в ставке императора договор писался не «на двою харатью», как в 911 и 944 гг. (сказано лишь: «на харатьи сеи»). Судя по летописному известию, предшествующему тексту договора 971 г., император приказал писать речи одной стороны (русских послов). Это и понятно: один экземпляр (идущий от лица Византии) уже был написан в лагере Святослава «при Феофиле синкеле».

Наличие у каждой из сторон экземпляра договора, написанного от лица другой стороны, делало ненужным, как и в 911 г., отъезд византийских послов к русскому князю для принятия его клятвы на экземпляре договора, содержавшем обязательства русской стороны. В основе летописного текста Святославовой грамоты лежит, очевидно, перевод копии с греческой записи, сделанной в лагере императора.

Что нового дают наши наблюдения сравнительно с предшествующей литературой? Думается, они позволяют отойти от произвольной интерпретации происхождения каждого договора, строящейся исключительно на чтении летописного текста (грамота 911 г., например, толкуется в историографии либо как проект договора, либо как документ, составленный частным порядком русской делегацией в Константинополе, грамота 944 г.— как акт, исходящий из текста официального хрисовула, грамота 971 г.— как выдержка из акта, как первая русская княжеская грамота и т. п.). Сопоставление летописных грамот со схемами хрисовулов подтверждает старую мысль, что все договоры в обоих экземплярах вырабатывались совместно русской и византийской сторонами в соответствии с инструкциями того и другого правительств, но на базе византийской канцелярской практики, особенности которой объясняют архитектонику дошедших текстов. Соответствие структуры грамот 911 и 944 гг. схемам хрисовулов определенных типов конца X—XIII в. служит новым доказательством подлинности договоров. Вместе с тем оно заставляет с сомнением отнестись к неоднократно высказывавшемуся в литературе предположению, будто в хрисовуле 911 г. содержались какие-то обязательства Византии, не вошедшие в текст грамоты.

Выявленные С. Микуцким частные отступления грамот (преимущественно 911 и 971 гг.) от норм написания византийских официальных актов X в. требуют специального рассмотрения. При исследовании их нужно, на наш взгляд, учитывать не только условия и процедуру выработки первоначальных текстов, но и возможные искажения оригиналов при позднейшей переписке 1) ближайшими по времени копиистами, как греческими, так и русскими, 2) летописцами под влиянием а) хрисовулов позднейших типов, XIII—XV вв. (в этом отношении весьма интересен тип IIб), б) русской летописной и актовой традиции XII—XIV вв.

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНЦЕ XI В.

М. Ф. Мурьянов

Осенью 1066 г. в битве при Гастингсе погиб последний англосаксонский король Гаральд II. 25 декабря состоялась коронация Вильгельма Завоевателя. Началась новая глава английской истории.

Семья Гаральда II вскоре покинула Англию и рассеялась, дочери Гита и Гунхильда оказались в Дании. «Голубой интернационал» владетельных домов Европы имел хорошо поставленную информацию о брачных вакансиях: в 1074—1075 гг. Гиту, приходившуюся кузиной датскому королю [1], выдали замуж в далекую Русь, за 22-летнего Владимира Мономаха, княжившего тогда в Смоленске, где «связи с Западной Европой чувствовались сильнее, чем в каком-либо другом древнерусском городе» [2]. В 1076 г., ознаменованном походом Мономаха в польские и чешские земли, юная княгиня подарила ему первенца. Сына назвали Мстиславом, а в память деда по матери — и Гаральдом. К нему впоследствии будет обращено знаменитое Поучение Владимира Мономаха [3]; он же, унаследовав от отца великокняжеский стол Киева, выступит в роли последнего редактора Повести временных лет и, между прочим, первого нормaниста, если верно предположение, что он включил в нее легенду о призвании варягов [4].

История оценивает княжение Владимира Мономаха и Мстислава как период внутренней стабилизации русского государства и относительного спокойствия его внешних границ. До настоящего времени остается неизученной европейская политика Владимира Мономаха и Мстислава в специфическом аспекте церковных противоречий. Англосаксонские и варяжские связи Владимира и особенно Мстислава пересекли конфессиональную границу христиан-

[1] *B. Leib.* Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924, p. 167.
[2] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956, стр. 355.
[3] Ср. *Н. Н. Воронин.* О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха.— «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского». М., 1962, стр. 265—271.
[4] *Б. А. Рыбаков.* Первые века русской истории. М., 1964, стр. 139—140.

ской Европы, и раскол между греческой и латинской церковью, юридически оформленный в июле 1054 г. взаимной анафемой патриарха Михаила Керулллария и папских легатов, должен был както отразиться на расстановке сил внутренней русской политики.

Прежде всего попытаемся составить общее представление о процессе натурализации Гиты Гарольдовны в русской среде.

Девушка, находившаяся возле порога совершеннолетия, получила воспитание в стране с древними и устойчивыми традициями христианской культуры и прибыла в недавно крещеную Русь, еще бурлившую смутами на почве столкновения языческих верований с насаждаемым сверху христианством. О лицах, сопровождавших Гиту, сведений нет. Ясно, однако, что сын киевского великого князя и дочери византийского императора [5] обставил свою женитьбу на кузине датского короля Свена с подобающей торжественностью. Очевидное незнание одинокой невестой русского языка являлось препятствием для исповеди и причастия перед венчанием. Эту обязательную часть ритуала должен был выполнить священник-англосакс из свиты невесты. Необходимость в нем не отпала и после формального перехода новобрачной в веру супруга. Католический священник отправился на жительство в Русь со всем необходимым для своей роли духовного отца, имея при себе как минимум рукописи литургического и церковно-правового содержания. Нельзя себе представить, чтобы Гита и англосаксы ее ближайшего окружения были безучастны к вопросам церковной жизни или безоговорочно признавали святость константинополь-

ской церковной политики, всячески поносившей «латинскую веру» с целью предупредить возможность перехода Руси в сферу влияния западной церкви. Пришельцы из страны, давшей Европе Беду Достопочтенного, Фульду и каролингское Возрождение, имели, конечно, собственное мнение о «поганых латинянах», хотя в силу своего положения в русской среде не могли идти на обострение отношений с местными епископами. В оценке церковной политики Владимира Мономаха, ставшего великим князем уже после смерти Гиты, скончавшейся в 1107 г., исследователи расходятся во мнениях о принадлежности Владимира к грекофильской или русской партии, но каких-либо признаков его западной ориентации не обнаружено [6].

Напрашивается мысль, что в более явной форме духовное влияние Гиты должно было сказаться на сыне Мстиславе, о котором знали в Скандинавии [7]. И в самом деле, собранный нами материал как будто подтверждает, что Мстислав был по своей идео-

[5] *В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— «Историко-археологический сборник в честь А. В. Арциховского», стр. 204—221.

[6] *А. С. Орлов.* Владимир Мономах. М.— Л., 1946, стр. 54—65; *A. M. Ammann.* Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte. Wien, 1950, S. 30.

[7] Мстислава упоминает «Knytlinga saga». Об этой саге см.: «Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid», Bd. 8. Malmö, 1963, S. 615—617.

логии не только сыном Владимира Мономаха, но и внуком Гаральда II. Церковная политика Мстислава в своем основном содержании находилась, конечно, в русле официального православия, но существуют признаки того, что даже в чисто религиозных вопросах он отнюдь не был послушным орудием в руках ставленников константинопольского патриарха.

В 1045—1050 гг. на территории новгородского детинца вырос внушительный бастион государственной религии — пятиглавый Софийский собор, ставший главным палладиумом великого города. Однако христианизация Северо-Западной Руси все еще была далека от завершения, в Новгороде народ за короткий промежуток времени с 1055 по 1068 г. расправился подряд с тремя епископами [8]. Где-то между 1074 и 1076 гг. богохульное подстрекательство волхва подготовило бунт против правительства, все простолюдины обратились на сторону волхва и вознамерились убить епископа, и лишь взмах топора князя Глеба, раскроившего волхву череп на глазах взбудораженного народа, предотвратил мятеж [9].

В 1088 г. новгородским князем становится 11-летний Мстислав-Гаральд, с коротким перерывом в 1093—1095 гг. его княжение в Новгороде продолжается до 1117 г. На этот период приходится целый ряд событий новгородской истории, подготовивших будущую вечевую республику. Уже на рубеже XII в. князь теряет власть над детинцем, Софийский собор перестает быть княжеским храмом и переходит в руки епископа [10]. Мстислав, переселившийся на Городище под Новгородом, противопоставил потерянной Софии новую церковь Благовещения, заложенную в 1103 г. [11] Теперь, после раскопок М. К. Каргера, мы знаем, что разрушенный в XIV в. храм Благовещения по своим масштабам предвосхищает былинную мощь Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря.

Можно предполагать, что экономические связи Новгорода с другими странами Европы побуждали князя Мстислава к сотрудничеству не только с иноверным купечеством, но и духовенством.

Документом, способным пролить свет на этот совершенно темный вопрос, является литургический календарь Мстиславова Евангелия [12], предназначенного для храма Благовещения,— второй по старшинству после Остромирова Евангелия древнерусской рукопи-

[8] *Д. А. Казачкова.* Зарождение и развитие антицерковной идеологии в Древней Руси XI века.— «Вопросы истории религии и атеизма», т. 5. М., 1958, стр. 291.
[9] *В. В. Мавродин.* Народные восстания в Древней Руси. М., 1961, стр. 38—39.
[10] *М. К. Каргер.* Новгород Великий. Л.— М., 1966, стр. 17.
[11] НПЛ, стр. 19. По некоторым данным, ее начали строить в 1099 г. (*J. Martinov.* Annus ecclesiasticus graeco-slavicus. Bruxelles, 1863, p. 110; ср. *К. Я. Здравомыслов.* Иерархи Новгородской епархии. Новгород, 1897, стр. 9). Вполне возможно, что закладка храма Благовещения связана с появлением на свет старшего сына Мстислава Всеволода, год рождения которого неизвестен (*В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 62).
[12] *П. С. Билярский.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка Евангелия.— «Известия ОРЯС», т. X. СПб., 1861, стр. 110—137.

си (ГИМ, Синодальное собрание, № 1203), датируемой началом XII в. Как известно, номенклатура литургически чествуемых святых в средние века не была связана единой регламентацией и допускала в довольно большой степени инициативу местного духовенства [13]. Еще И. Д. Мансветов указал несомненные признаки католического влияния на состав святых календаря Мстиславова Евангелия [14], хотя и не мог дать этому удовлетворительное объяснение.

Систематический анализ литургического расписания церкви Благовещения на уровне современной исторической литургики является делом будущего, но уже сейчас обращает на себя внимание одна, на наш взгляд, самая яркая черта Мстиславова календаря — поминовение св. Бенедикта Нурсийского не только 14 марта, иногда встречающееся в православных месяцесловах, но и 21 марта, когда его чествует только латинский мир. Ничего подобного в других русских рукописях нет [15]. Факт сам по себе не новый, но до сих пор не ставившийся в связь ни с конфессиональной свободой заказчика рукописи и строителя церкви Благовещения на Городище, ни с попытками миссионерской деятельности бенедиктинцев на Руси [16]. Повышенное внимание к небесному патрону латинских монахов невозможно принять за случайность. Бенедиктинцы, имевшие, начиная с раннего средневековья, сильное влияние на образование, нередко выступали в роли духовников или доверенных лиц владетельных особ. В Новгороде, в разноязычной среде международного торгового центра, где иностранные европейские купцы имели постоянную колонию, а князь, наполовину англосакс, к тому же женатый на шведской королевне Христине, постоянно мерялся силами с епископом и боярством, и, следовательно, нуждался в политической поддержке и деньгах, бенедиктинцы с их связями и ученостью были весьма полезными людьми, хотя близость с ними не следовало афишировать.

В 1106 г. в Новгороде появился Антоний Римлянин. Для него самого, если следовать легенде, прибытие в чужой город было полной неожиданностью — кусок скалы, на которой Антоний молился на берегу Средиземного моря, отломился и за трое суток примчал его на берег Волхова, к тому месту, где с 1117 г. высится собор Рождества Богородицы Антониева монастыря. К счастью, несколькими днями позже сюда же к берегу прибило бочку с ценностями, принадлежавшими Антонию. На эти средства

[13] Подробнее см.: *K. Gamber.* Codices liturgici latini antiquiores. Freiburg, 1968.

[14] *И. Д. Мансветов.* Полный месяцеслов Востока. Разбор сочинения архиепископа Сергия.— «Отчет о XX присуждении наград графа Уварова». СПб., 1878, стр. 709.

[15] Ср. Архиепископ *Сергий.* Полный месяцеслов Востока, т. 2. Владимир, 1901, стр. 73, 81.

[16] Ср. *F. Dvornik.* Les bénédictins et la christianisation de la Russie.— «L'Eglise et les Eglises, études et travaux offerts à Dom Lambert Beauduin», t. I. Chevetogne, 1954, p. 323—349.

с разрешения епископа Никиты развернулось строительство православной обители, которая по ряду признаков явилась опорным пунктом католического влияния в Новгороде [17]. Вполне возможно, что камень Антония, до сих пор лежащий у входа в собор Рождества Богородицы, причалил бы где-нибудь в другом месте, если бы римская церковь не имела оснований рассчитывать на хлебосольство Мстислава-Гаральда. Подчеркнем, что в типологическом отношении житие Антония Римлянина, не совпадая ни с одним из древнерусских памятников, перекликается с агиографией родины Гиты, плавание на камне является «специальностью» кельтских святых [18].

В 1113 г. произошло событие, положенное в основу памятника древнерусской литературы «Чудо св. Николы о князе Мстиславе» [19]. Заболевший князь молился св. Николаю угоднику, и явившийся ему во сне чудотворец описал икону киевского Софийского собора, от которой следует ждать исцеления. Посланцы князя отправились в Киев, но буря на озере Ильмень вынудила их остановиться на три дня у островка Липно. Затем послы заметили на поверхности воды какой-то плавающий предмет и, выловив его, с изумлением обнаружили, что это и есть икона св. Николы, в точности соответствующая описанию, приснившемуся Мстиславу. Приплывшую из Киева целбодательную святыню торжественной процессией доставили к князю, который тут же выздоровел и по обету построил в ее честь собор св. Николы на Ярославовом дворище, в своем первоначальном пятиглавии [20] явивший собой еще один гордый вызов боярству и епископу.

«Чудо св. Николы о князе Мстиславе» не дошло до нас в рукописях домосковского периода, но есть все основания отнести предание к самому моменту событий, даже если оно сохранялось несколько столетий лишь в устной форме. За древность предания говорит не только сооружение в 1292 г. церкви св. Николы на Липне, но и единственная уцелевшая фреска Николо-Дворищенского собора, расписанного в 10-е — 20-е годы XII в. Фреска изображает созвучную «Чуду» библейскую тему — многострадального Иова на гноище [21]. Этот сюжет отнюдь не является стандартной частью программ фресковой росписи храмов, в древнерусской монументальной живописи он вообще больше не встречается. В отли-

[17] *A. Palmieri.* Antoine de Rome: Dictionnaire d'Histoire et de géographie ecclésiastiques, t. 3. Paris, 1924, col. 808 sq.

[18] *I. Snieders.* L'influence de l'hagiographie irlandaise sur les vitae des saints de Belgique.— «Revue d'histoire ecclésiastique», t. 24. [Louvain, 1928], p. 617.

[19] *Н. К. Никольский.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности.— Сб. ОРЯС, т. 82, № 4. СПб., 1907, стр. 58—61.

[20] См. реконструкцию внешнего вида собора: *Г. М. Штендер.* Памятники архитектуры Новгорода. Николо-Дворищенский собор. Новгород, 1958, рис. 4—5.

[21] *Н. П. Сычев.* Забытые фрагменты новгородских фресок XII в.— «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. 12. Пг., 1918, стр. 116—131; *В. Н. Лазарев.* Новгород Великий.— «История русского искусства», т. 2. М., 1954, стр. 76—78.

чие от обычая наделять жену Иова отталкивающей внешностью [22], новгородский фрескист изобразил стройную женщину с благородным, строгим лицом; и это можно понять как желание представить параллель к жене Мстислава в возможно более выгодном свете, даже вопреки букве и духу ветхозаветного текста.

Сооружение Николо-Дворищенского княжеского собора представляет особый интерес, если обратить внимание на выбор небесного патрона для этого храма. Культ св. Николая чудотворца, самого почитаемого святого греческой церкви, в рассматриваемый нами период стал точкой столкновения интересов Византии и Рима. В 1087 г. разбойные купцы вывезли мощи св. Николая из Мир Ликийских в Италию, в адриатический порт Бари, что вызвало негодование в Константинополе [23]. Этому делу сопутствовала интенсивная дипломатическая игра, в 1088/89 г. антипапа Климент III послал на Русь к митрополиту Иоанну легата кардинала Григория для переговоров о сепаратном воссоединении русской церкви с римской, в 1091 г. папа Урбан II подарил великому князю Всеволоду Ярославичу (деду Мстислава) с епископским посольством реликвию св. Николая [24]. Южные славяне приняли сторону греков [25], но Киевская Русь учредила в 1091 г. [26] латинский праздник перенесения мощей св. Николая 9 мая: «Приспе день светлаго торжества, град Барский радуется и с ним вселенная вся ликовствует песньми и пеньми духовными: днесь бо священное торжество, в перенесении честных и многоценных мощей святителя и чудотворца Николая, яко же солнце незаходимое возсия светозарными лучами и разгоняя тьму искушений и бед от вопиющих верно: спасай нас, яко предстатель наш, великий Николае!» (Тропарь, глас 4) [27].

Хотя русские церковники всегда старались заретушировать подоплеку введения праздника «Николы вешнего» [28], этот акт Киева нельзя расценивать иначе, как открытую демонстрацию против Константинополя, как нанесение личного оскорбления патриарху Николаю III Грамматику (1084—1111). Что же касается новгородского Мстислава-Гаральда, то он зашел еще дальше, его Николо-Дворищенский собор отмечал свой престольный праздник не в тра-

[22] «Lexikon der christlichen Ikonographie». Hrsg. von E. Kirschbaum, Bd. 2. Freiburg, 1970, S. 407—414.

[23] *M. Murjanoff.* Zur Geschichte der Verehrung des hl. Nicolaus.— «Archiv für Liturgiewissenschaft», Bd. 10. Regensburg, 1967, S. 171—175.

[24] *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 130—131.

[25] *А. И. Соболевский.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 172.

[26] *А. В. Круглов.* Святитель Николай чудотворец. М., 1916, стр. 41.

[27] «Жизнь и чудеса святого Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского». М., 1915, стр. 47—48.

[28] О фольклорном переосмыслении событий см.: *А. А. Назаревский.* Из истории русско-украинских литературных связей. Киев, 1963 (легенда о Николе и Касьяне).

диционный православный Николин день 6 декабря, а именно 9 мая, подчеркивая тем самым примат латинского торжества [29].

Летописание и археология не знают ни одной Никольской церкви в Новгороде и Киеве, предшествующей Николо-Дворищенскому собору, поскольку о времени существования церкви св. Николы, построенной на могиле легендарного Аскольда и упоминаемой Повестью временных лет, ничего определенного сказать нельзя [30]. Лишь в 1136 г. новгородец Ирожнет «заложи церковь святого Николы на Яколи улици», освященную на следующий год в праздник Николы зимнего [31]. Но уже в XIII в. культ св. Николы принял на Руси небывалые масштабы, особенно на Севере, где даже расстояния можно было оценивать по числу Никольских церквей: «От Холмогор до Колы — тридцать три Николы» [32].

В числе побудительных мотивов инициативы Мстислава, возможно, крылось нечто большее, чем охотная поддержка дипломатического демарша Киева. На родине его матери Гиты в то время, когда еще очень немногие местности Европы знали культ св. Николая, уже имелась литургия этому святому, засвидетельствованная кодексом примерно 1060 г. (Лондон, Британский музей, MS Cotton Nero E1), написанным, как полагают, по заданию Вульфстана, последнего англосаксонского епископа [33]. Если дочь последнего англосаксонского короля сохранила народный праздник св. Николая в памяти о собственном детстве, то рассказы матери о чудесах этого фольклорного святого могли стать одной из радостей маленького Мстислава и тем самым подготовить почву для будущего замысла основания собора св. Николы. Выдвигая такое предположение, мы выходим на путь, проложенный М. П. Алексеевым, которому принадлежит идея связать Поучение Владимира Мономаха с англосаксонским памятником Поучение отцов (Faeder Larcwidas) [34], основанная на том, что семья Гаральда до эмиграции из Англии жила в Эксетере и, вероятно, общалась с ученым местным епископом Леофриком [35], которому принадлежал един-

[29] Архимандрит *Макарий.* Описание чудотворной иконы святителя Николая Мирликийского чудотворца, находящейся в новгородском Николаевском Дворищском соборе. Новгород, 1911, стр. 13. Икона (начала XII в). находится в музее («Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. Каталог». Л., 1963, стр. 9; репродукцию ее см.: «Новгород, к 1100-летию города». М., 1964, стр. 49).

[30] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. I. М.— Л., 1958, стр. 280.

[31] НПЛ, стр. 23.

[32] *В. И. Антонова.* Московская икона начала XIV века из Киева и «Повесть о Николе Зарайском».— ТОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 382.

[33] *Ch. Jones.* The Saint Nicholas liturgy and its literary relationships. Berkeley — Los Angeles, 1963, p. 7—11.

[34] *М. П. Алексеев.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха.— ТОДРЛ, т. II. М.— Л., 1935, стр. 39—80; ср. *он же.* Очерки из истории англо-русских литературных отношений XI—XVII вв. (Тезисы диссертации на степень доктора филологических наук). Л., 1937, тезис 3.

[35] *F. Rose-Troop.* Leofric the first bishop of Exeter.— «Reports and Transactions of the Devonshire Association for the Advancement of Science, Literature and Art», vol. 74. Plymouth, 1942, p. 41—66.

ственный дошедший до нас список памятника. Гипотеза М. П. Алексеева нашла поддержку в работе В. В. Данилова, принимающего возможность того, что через англосаксов, прибывших с Гитой, Владимир Мономах мог ознакомиться даже с ранней латинской патристикой [36], однако А. С. Орлов сдержанно отнесся к мысли об англосаксонском родстве Поучения и высказался за необходимость дальнейшего изучения вопроса: «Указанные источники параллелей к Поучению сами еще не доследованы библиологически. Мало найти схожий текст, надо еще знать историю книги, откуда он мог быть заимствован в XI—XII веках» [37]. И, наконец, И. У. Будовниц, обнаруживший неизвестное М. П. Алексееву обстоятельство, что содержание Поучения Мономаха «неразрывно связано с определенной общественной обстановкой, с фактами его исторической биографии», объявил гипотезу «чрезвычайно искусственной и натянутой» [38].

Отдадим себе отчет в том, что при любой библиологической виртуозности наши сведения о знакомстве Гиты с библиотекой Леофрика и о содержании их предполагаемых бесед не увеличатся ни на йоту, в этом отношении в 1935 г. сделано все, что можно было бы сделать сегодня [39]. Построение М. П. Алексеева, оставаясь гипотетическим, убедительно для нас уже тем, что оно могло служить ориентиром в данном исследовании.

Наши данные о весьма вероятном знании Гитой легенд о св. Николае тоже ведут в библиотеку Леофрика — к упоминавшемуся М. П. Алексеевым миссалу X в. из Реймса [40] (ныне — Оксфорд, Bibl. Bodleiana, MS 579) и к Евангелию Эксетерского собора, написанному в X в. бенедиктинцами бретонского аббатства Ландевеннек (ныне — Оксфорд, Bibl. Bodleiana, MS Auct. D. 2. 16) [41]. К обеим этим рукописям приплетены перечни церковных

[36] *В. В. Данилов.* «Октавий» Минуция Феликса и «Поучение» Владимира Мономаха.— ТОДРЛ, т. V. М.— Л., 1947, стр. 97—107; ср. «Marcus Minucius Felix Octavius». Hrsg. B. Kytzler. München, 1965.

[37] *А. С. Орлов.* Указ. соч., стр. 126.

[38] *И. У. Будовниц.* Изборник Святослава 1076 г. и Поучение Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли.— ТОДРЛ, т. X. М.— Л., 1954, стр. 66; *он же.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 135—136.

[39] Ср. *В. П. Шушарин.* Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских средневековых памятниках.— «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 439. Специально об Эксетерской рукописи Леофрика см.: «The Exeter Book». Ed. by G. Krapp and E. Van Kirk Dobbie. London — New York, 1936; *D. Coveney.* The Ruling of the Exeter Book.— «Scriptorium», t. 12. Bruxelles, 1958, p. 51—55; *J. Campbell* (ed.). The Advent Lyrics of the Exeter Book. Princeton — London, 1959; *N. Blake.* The Scribe of the Exeter Book.— «Neophilologus», 46. Jg. Groningen, 1962, p. 316—319.

[40] *F. Warren.* The Leofric Missal. Oxford, 1883. Вопреки укоренившемуся обозначению, это не миссал, а сакраментарий (*K. Gamber.* Codices liturgici latini antiquiores. Freiburg, 1968, S. 419).

[41] Отметим еще один кодекс первой половины XI в. из исчезнувшего собрания Леофрика, включающий англосаксонские тексты, в том числе перевод сочинения Беды Достопочтенного (ныне — Кембридж, Corpus Christi College, MS 41;

реликвий Эксетера, в миссале — латинский текст XI—XII вв., в Евангелии — англосаксонский текст XI в.[42] Из обеих редакций явствует, что Эксетер считал себя обладателем головы св. Николая[43]. По средневековой иерархии ценностей это очень важный момент, не случайно перечни переплетены заодно с рукописями литургического назначения[44]. Нет никаких оснований сомневаться в том, что в Эксетере чествование св. Николая было ко времени пребывания здесь семьи Гаральда II прочной традицией без малого вековой давности[45].

За время пребывания на великокняжеском столе (1125—1132) Мстислав построил в Киеве церковь и монастырь, посвященные св. Федору, своему небесному патрону[46]. В церкви Федоровского Вотча монастыря его и похоронили.

За этим последовало дробление государственной власти и естественное желание увековечить последнюю сильную личность домонгольской Руси причислением ее к лику святых. Требующееся для этого проложное житие[47] было сочинено киевлянином, современником Мстислава[48], причем о сооружении Николо-Дворищенского собора в нем сочли нужным умолчать, ставя в заслугу князю лишь сооружение церквей Благовещения и св. Федора.

Согласия Константинополя на канонизацию не последовало[49]. Мстислав остался неофициальным святым русской церкви, поминаемым 15 апреля, но не внесенным в богослужебные книги[50].

ср. *P. Grosjean.* Notes d'hagiographie celtique.— «Analecta Bollandiana», t. 81. Bruxelles, 1963, p. 269—271).

[42] *M. Förster.* Zur Geschichte des Reliquienkultus in Altengland.— «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philosophisch-historische Abteilung, H. 8. München, 1943, S. 56 ff.

[43] Сейчас католическая медиевистика не считает св. Николая Мирликийского историческим лицом («Lexikon für Theologie und Kirche», Bd. 7. Freiburg, 1962, S. 994 f; ср. *A. de Groot.* Saint Nicholas. A psychoanalitic Study of his History and Myth. Haag, 1965).

[44] Литургия Эксетерского собора отражена также в коллектарии, составленном во время пребывания Леофрика на епископской кафедре (ныне — Лондон, Британский музей, MS Harleian 2961; см. «The Leofric Collectar», vol. 1. Ed. by E. Dewick. London, 1914; vol. 2. Ed. by W. Frere. London, 1921; ср. *K. Gamber.* Codices liturgici latini antiquiores. Freiburg, 1968, S. 555; *G. Doble.* Some remarks on the Exeter martyrology. Bristol, 1933).

[45] На английскую почву культ св. Николая перенесен из Лотарингии, где получил образование Леофрик. На континенте распространение культа связано с женитьбой императора Оттона II на греческой принцессе Феофано (972 г.), но в Риме два оратория св. Николая построены уже при папе Льве IV (847—855).

[46] *М. К. Каргер.* Древний Киев, т. I, стр. 276. Новгородская III летопись ошибочно считает, что христианское имя Мстислава — Георгий; это недоразумение, основанное на путанице с Мстиславом Ростиславичем Храбрым, фигурирует и в новейшей литературе (*С. Н. Азбелев.* Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960, стр. 93).

[47] *Н. И. Серебрянский.* Древнерусские княжеские жития.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3, стр. 48.

[48] «История русской литературы», т. I. М.— Л., 1941, стр. 335.

[49] О порядке канонизации см.: *H.-G. Beck.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 274 f.

[50] Архиепископ *Сергий.* Указ. соч., т. 2, стр. 662, 695.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЕВРЕЙСКО-ХАЗАРСКОЙ ПЕРЕПИСКИ X В.

С. А. Фейгина

Так называемая еврейско-хазарская переписка X в., впервые пущенная в научный оборот в 70-х годах прошлого века и обогатившаяся вновь открытыми документами перед первой мировой войной, до последних лет мало привлекала внимание наших историков. Ею занимались языковеды и гебраисты, в частности, П. К. Коковцов, и византинисты — А. А. Васильев, Г. Грегуар и др. Между тем она содержит некоторые данные, далеко не безынтересные и для историков Южной Руси на заре ее государственного существования и вообще для славяноведов; мнения о ее подлинности резко расходятся.

Из каких же документов состоит эта переписка? Она содержит три письма: одно из них, написанное испанским евреем Хасдаи-ибн-Шапрутом, сановником, который ведал финансовыми делами при халифе Испании Абд-ур-Рахмане III (911—961 гг. н. э.) и его сыне Аль-Хакиме II (961—976 гг. н. э.), обращено к хазарскому кагану Иосифу и датируется исследователями не позже, чем 961 г.[1]; второй документ, имеющийся в двух редакциях, считается ответом хазарского кагана Иосифа и относится приблизительно к тому же времени[2]; наконец, третий документ, впервые опубликованный Шехтером в 1912 г.[3] и вызвавший наибольшую полемику, обычно именуется в литературе Кембриджским (по месту его хранения в университетской библиотеке) письмом неизвестного.

Прежде чем обратиться к полемике, возникшей в специальной научной литературе среди востоковедов, гебраистов и византологов по вопросу о подлинности указанных документов, скажем несколько слов об интересе, который они могут представлять для историков Древней Руси, и остановимся на истории открытия и публикации названных рукописей.

[1] *А. Я. Гаркави.* Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874, стр. 78—153. Рукопись находится в ГПБ, ф. Фирковича.

[2] *П. К. Коковцов.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. VII и прим. 2. Рукопись находится в ГПБ, ф. Фирковича, и в Оксфорде.

[3] *S. Schechter.* An unknown Khazar document.— «The Jewish quarterly review», Philadelphia, 1912, New series, vol. III, № 2, p. 181—219; фототипическое издание.

Они содержат материал по средневековой исторической географии, о Хазарском каганате, его границах и его связях с Испанией и Византией, о сношениях славян с Хазарией и их столкновениях, о расселении славянских племен, о принятии правящей хазарской верхушкой иудейской религии и о происходившем при этом состязании между религиями христианской, магометанской и иудейской.

Два первых документа переписки были впервые опубликованы Исааком Акришем в Константинополе в 1577 г. С этим editio princeps, крайне редким, можно теперь ознакомиться только в Бодлеанской библиотеке в Оксфорде. Первую научную публикацию осуществил в 1874 г. А. Я. Гаркави, который издал в Петербурге письмо Хасдая Ибн-Шафрута на еврейском языке и в русском переводе с комментарием [4]. Но заслуга подлинно критического издания этого документа в оригинале с комментарием и русским переводом принадлежит известному гебраисту П. К. Коковцову, выпустившему в 1932 г. в Ленинграде книгу «Еврейско-хазарская переписка в X веке» на основании рукописей Публичной библиотеки [5]. Ему же принадлежит заслуга издания в двух имеющихся редакциях и второго документа, письма хазарского кагана Иосифа, также в оригинале с русским переводом и с комментариями [6].

Сложнее литературная судьба третьего из перечисленных документов. Приобретенный для университетской библиотеки Кембриджа среди рукописей Каирской генизы [7], он содержит данные об обращении хазар в иудаизм, о состязании религий, о русско-хазарских войнах и о русском князе H-l-gu. Сличение его с другими рукописными фрагментами из собрания Каирской генизы, текстологический и филологический анализ привели Коковцова к убеждению, что первый издатель письма Шехтер был прав, отнеся этот документ к XII в., если не к более раннему времени, и что возможность датировать эту рукопись XV в. и даже более поздним временем, как делают некоторые исследователи, исключается. В авторе письма Коковцов видит современника описываемых в нем событий или лицо, получившее эти сведения от ближайшего современника; до него имя Олега в форме H-l-gu дошло не от позднейших византийских или арабских писателей, которым неизвестно такое имя, а от современников Олега [8].

Скажем еще несколько слов о рукописных сокровищах Каирской генизы; главная масса их попала перед первой мировой войной в Кембриджскую университетскую библиотеку и в Бодлеан-

[4] См. прим. 1.
[5] См. прим. 2, стр. V—XV, 7—19, 51—71.
[6] Там же, стр. XV—XXVI, 19—33, 72—112.
[7] Синагогальное собрание древних рукописей.
[8] *П. К. Коковцов.* Заметка о еврейско-хазарских рукописях Кембриджа и Оксфорда.— «Доклады Академии наук СССР», сер. В, 1926, № 6, стр. 121—124.

скую библиотеку в Оксфорде, которые обогатились обильным и не возбуждающим сомнения в своей подлинности материалом по гебраистике, библиоведению и истории средневековой еврейской культуры в мусульманских странах. Коковцов напоминает, что в той же Каирской генизе были приобретены вызвавшие в свое время большой интерес ученых другие рукописи на еврейском и арабском языках XI—XII вв. [9]

Ю. Д. Бруцкус, переиздавший в 1924 г. Кембриджское письмо на основании фототипической публикации Шехтера и воспроизведший русский перевод Коковцова, пришел к выводу о знакомстве автора письма с политической обстановкой в Южной Руси и настаивал на точности его географических и хронологических данных. Но в то время, как описываемые им события, согласно комментарию Ю. Д. Бруцкуса, происходили при князе Игоре, в документе фигурирует имя Helgu или Helgi; Бруцкус прибегает к догадке, вернее, домыслу о том, что имя князя Игоря было заслонено именем его энергичной супруги, которую греческие историки именовали Helga. Сопоставляя разбираемый документ с известной «Запиской готского топарха» и с некоторыми другими источниками X в., византийскими и русскими, Бруцкус пришел к выводу о том, «что правдивость и точность всех событий, переданных так сжато и ясно в письме хазарского еврея, не должны более подвергаться сомнению». Так же категорически он решает вопрос об адресате этого письма, безоговорочно признавая им того испанского еврея Хасдая Ибн-Шафрута, перу которого принадлежит первый документ переписки. Возникшие в литературе сомнения относительно связи, существующей между письмом кагана Иосифа и Кембриджским письмом неизвестного, Бруцкус отводит утверждением, что это два совершенно различных документа, резко отличающиеся друг от друга и взаимно друг друга дополняющие [10].

Приблизительно сходные с Ю. Д. Бруцкусом суждения о Кембриджском документе высказал в 1931 г. В. А. Мошин. На основании палеографических соображений он датирует Кембриджскую рукопись XI—XII вв., а временем возникновения ее текста считает приблизительно 950 г. Авторство он приписывает хазарскому еврею, одновременно с каганом Иосифом писавшему о политическом положении Хазарии Хасдаю Ибн-Шафруту. В. А. Мошин отвергает высказывавшиеся в литературе предположения о том, что так называемый Кембриджский аноним — это новая редакция письма Иосифа, на том основании, что анонимный автор сам называет себя подданным Иосифа и события в обоих документах излагаются в разных планах: в письме Иосифа говорится об офи-

[9] *П. К. Коковцов.* Новый еврейский документ о хазарах и хазаро-русско-византийских отношениях в X веке.— ЖМНП, 1913, № 11, стр. 150—172.

[10] *Ю. Д. Бруцкус.* Письмо хазарского еврея от X века. Новые материалы по истории Южной России времен Игоря. Берлин, 1924, стр. 46.

циальной истории Хазарского каганата, аноним рассказывает об истории евреев в нем; первый употребляет библейские имена народов, второй — этнические; первый приводит арабские меры длины, второй — талмудические и т. д.

В. А. Мошин, давший французский перевод документа, считает наиболее интересной частью его ту, которая говорит о войне хазар с Византией и Русью при кагане Иосифе, но он не соглашается с Коковцовым, который идентифицировал Хелгу с Олегом, а примыкает к ученым, которые, как Бруцкус, рассказ о хазаро-византийских и хазаро-русских отношениях связывают с событиями времен Игоря; вместе с тем, по его мнению, речь идет в данном случае не о киевском князе Игоре, а о тмутараканском князе, одном из вождей независимых варяжских княжеств [11].

Но возвратимся к русскому гебраисту П. К. Коковцову. Если в 1913 и в 1926 гг. он положительно решал вопрос о подлинности всех трех документов, то в своей капитальной публикации 1932 г. [12], сохраняя прежнюю точку зрения относительно двух первых документов, вообще вызывавших меньше сомнений, он изменил свою оценку Кембриджского анонима. Установив его литературную зависимость от известного еврейского произведения X в. «Книги Иосиппон», он в отрицательном смысле решает теперь вопрос об его подлинности: «Книга Иосиппон» написана в Италии не ранее 962 г., и этот terminus a quo делает маловероятной возможность, пишет Коковцов, чтобы современник кагана Иосифа мог использовать ее; наконец, Коковцов подвергает сомнению и достоверность данных, сообщаемых Кембриджским анонимом; принимая Хелгу за летописного князя Олега (879—912 гг.), Коковцов отмечает анахронизм, допускаемый автором письма, который делает Олега современником византийского императора Романа I Лакапина (919—944 гг.). По этим и другим соображениям Коковцов отказывается рассматривать Кембриджский аноним как исторический документ, современный событиям X в., но признает за ним ту несомненную ценность, что он сохранил для нас некоторые данные утраченного византийского произведения, которое, по мнению Коковцова, было вторым и главным источником рассматриваемого документа.

Одновременно такой крупный византолог, как А. А. Васильев, высоко оценивает этот документ, вызвавший ученую полемику [13]. Наоборот, византолог Г. Грегуар считает, что Коковцов проявил чрезмерную доверчивость в оценке еврейско-хазарской переписки, хотя признает достоинства выполненной им научно добросовестной публикации. Всю переписку в целом он называет апокрифом, созданным в период, более близкий к XVI, чем к X в. Одним из

[11] *V. Mošin.* Les Khazares et les Byzantins d'après l'Anonyme de Cambridge.— «Byzantion», Bruxelles, 1931, t. VI, N 1, p. 309—325.
[12] См. выше прим. 2.
[12] *A. A. Vasiliev.* History of the Byzantine Empire, vol. I. Madison. 1928, p. 390.

основных его аргументов является совершенная неизвестность этих писем до XVI в., а также полное недоверие, испытываемое им к собранию Фирковича, откуда два первых письма поступили в Публичную библиотеку в Петербурге. Кембриджский аноним Грегуар считает караимской переработкой письма Иосифа [14].

В связи со сказанным следует напомнить, что еще в 1865 г. министру народного просвещения Франции был сделан доклад о рукописях Фирковича; докладчик ориенталист Нейбауер, побывавший в командировке в Петербурге, не пытался дискредитировать собрание и добросовестность собирателя, но, не касаясь еврейско-хазарской переписки, признал коллекцию Фирковича менее интересной, чем предполагалось [15].

Скептицизм Грегуара разделяли ученые, связанные с католической пропагандой,— П. Питерс и Н. Баумгартен. Не подвергая документы ни филологическому, ни текстологическому анализу, не рассматривая по существу аргументацию предшественников, Питерс отрицает подлинность писем потому, что считает невероятным более чем двухвековое неведение испанских евреев о принятии хазарами иудаизма. Но ведь в документах речь идет о принятии его только хазарской правящей верхушкой. Наконец, из умолчания в Страстях св. Або Тифлисского о событиях, излагаемых в письме Иосифа, Питерс делает следующий малоубедительный, на наш взгляд, вывод: «Между каганом Иосифом и Иоанном Сабасанидзе (автором жития) критика не может колебаться ни одной минуты» [16].

Столь же категорически, но, если возможно, еще менее аргументированно отрицает подлинность двух первых документов Н. Баумгартен, повторяя доводы Питерса и считая документы собрания Фирковича «подозрительными». Наоборот, Кембриджский аноним, несущий на себе, по его словам, печать невежества копииста, обнаруживает вместе с тем некоторые черты, которые позволяют «слегка склониться в пользу его подлинности». Вместе с тем в силу своих расхождений с двумя другими документами и, в частности, с письмом Иосифа Кембриджский аноним, как полагает Баумгартен, «окончательно уничтожает» их [17]. Из предыдущего мы знаем, что именно расхождение этих документов считалось признаком их самостоятельности и подлинности.

Затем к вопросу, правда, не о подлинности, а о достоверности еврейско-хазарской переписки вернулся академик Б. А. Рыбаков [18]. Сосредоточив свое внимание на обеих редакциях ответного письма

[14] *H. Grégoire.* Le «Glozel» Khazare.— «Byzantion», 1937, t. XII, N 1, p. 225—266.
[15] «Journal asiatique». Paris, 1865, t. V, N 3, p. 534—558.
[16] *P. Peeters.* Les Khazares dans la Passion de S. Abo de Tiflis.— «Analecta Bollandiana», Bruxelles — Paris, 1934, t. 52, N 1—2, p. 21—56.
[17] *N. de Baumgarten.* Aux origines de la Russie. Roma, 1939, p. 70—78 (Orientalia christiana analecta, 119).
[18] *Б. А. Рыбаков.* Русь и Хазария.— «Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия». Сб. статей. М., 1952, стр. 76—88; *он же.* К вопросу

кагана Иосифа и сопоставив их тексты, он пришел к следующему выводу: пространная редакция, как стоящая ближе к той задаче, какую должен был выполнить автор ответа на вопросы Хасдая, возникла раньше краткой; последняя представляет собой позднейшее сокращение пространной редакции, возникшей в Крыму или Тмутаракани, в то время как краткая могла возникнуть в среде испанских евреев.

Соглашаясь с П. К. Коковцовым в том, что обе редакции отстоят больше чем на столетие от времени жизни Хасдая и Иосифа, Б. А. Рыбаков признает, что подлинный ответ Иосифа, написанный в 60-х годах X в., существовал и оставил следы в обеих редакциях. Произведя анализ географических данных, содержащихся в обеих редакциях ответа Иосифа, Б. А. Рыбаков установил в нем два разных слоя: один — дающий тенденциозную, преувеличенную картину пределов Хазарии, другой — содержащий скромное и точное описание ее размеров.

Б. А. Рыбаков обратился к Повести временных лет для уяснения вопроса о происхождении письма Иосифа и пришел к выводу, что действительный ответ Иосифа надо датировать последними годами существования Хазарии, которая пала в результате победоносного похода Святослава в 966 г. Но пространная редакция с ее гиперболической картиной могущества Хазарского каганата не могла появиться в ближайшие годы после его разгрома. К бурным годам борьбы Олега Святославича с тмутараканскими хазарами относит Б. А. Рыбаков воскрешение в хазарской среде интереса к ответу Иосифа и создание полемической пространной редакции, которую он, как и Коковцов, датирует 80-ми годами XI в.

Не ставя, собственно, вопроса о подлинности всей переписки и подвергнув анализу только письмо Иосифа, Б. А. Рыбаков на основании текстологического анализа и сопоставления с Повестью временных лет признал, что основная, пространная редакция этого документа возникла в XI в., но что существовал и подлинный ответ Иосифа, написанный в 60-х годах X в. Тем самым он отверг утверждение о фальсификации всей переписки в XV—XVI вв., принадлежащее ученым, которые опровергали ее подлинность.

В 1954 г. в США вышла работа Д. Дэнлопа «История иудейских хазар» [19], в которой он подверг интересующую нас переписку тщательному и придирчивому анализу, филологическому и историческому, с привлечением всех письменных источников, с которыми она может быть сопоставлена. В результате перекрестного допроса, учиненного нашим документам, на основе истори-

о роли Хазарского каганата в истории Руси.— «Советская археология», 1953, № 18, стр. 128—150.

[19] *D. M. Dunlop.* The History of Jewish Khazars. Princeton, New Jersey, 1954, p. 293.

ческих данных, которыми располагают востоковеды, он пришел к следующему общему выводу: едва ли можно серьезно считаться с мнением, будто еврейско-хазарская переписка представляет собой фальсификацию XVI в., тем более что ссылки на нее имеются в гораздо более ранних источниках, в частности, у Иегуды бен-Барзилая из Барселоны (между 1090 и 1105 гг.) [20]. Д. Дэнлоп решительно возражает А. Н. Поляку, опубликовавшему в 1944 г. в Тель-Авиве книгу на языке иврит под названием «Хазария» и считавшему всю переписку, правда, не фальсификацией, а произведением XI в., написанным для распространения между евреями сведений о хазарах. Сходной точки зрения раньше А. Н. Поляка придерживался Маркварт [21], с которым Д. Дэнлоп тоже не может согласиться.

Он подвергает письма Хасдая Ибн-Шафрута и Иосифа анализу в отношении их достоверности как исторического источника и приходит к заключению об аутентичности обоих этих документов. Больше сомнений вызывает у него так называемый Кембриджский документ, но путем сопоставления его с «De administrando Imperio» Константина Порфирогенета, с «Запиской готского топарха» X в. и другими источниками он заключает, что Кембриджский документ, «по-видимому, содержит исторические факты», а сомнения, которые он может вызывать, Дэнлоп приписывает состоянию текста и осторожно говорит в итоге о своем «впечатлении, что Кембриджский документ не фальсификация» [22].

Н. Я. Половой в статье «К вопросу о первом походе Игоря против Византии» [23] проводит сравнительный анализ греческих и русских источников о первом походе Игоря на Византию с привлечением Кембриджского документа. Он приходит к выводу о его бесспорной подлинности, но считает, что объяснение этого источника было затруднено из-за имени Хельги. Мы видели, что Шехтер и Коковцов считали его скандинавской формой имени Олега, Бруцкус полагал, что Хельга — это Игорь, а Мошин видел в нем независимого князя Тмутаракани, хотя проблематично само существование в начале X в. такого независимого русского княжества. Все эти противоречия Половой пытается снять, утверждая, что Кембриджский документ говорит о первом походе Игоря в 941 г., участником которого был Хельга. Для Полового Игорь и Хельга — два вождя похода 941 г., причем он допускает, что Хельга был вождем бродячей варяжской дружины, направленной Игорем против хазар еще до первого похода против греков. Такое толкование позволяет Половому согласовать противоречивые данные

[20] Ibid., p. 131—133.
[21] *J. Marquart.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
[22] *D. M. Dunlop.* Op. cit., p. 164—170.
[23] *Н. Я. Половой.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии. (Сравнительный анализ русских и византийских источников.) — «Византийский временник», т. 18, 1961, стр. 85—104.

греческих и русских источников о походах Игоря. Нас в данной связи интересует признание им подлинности Кембриджского документа и толкование его текста в совокупности с другими историческими источниками для уяснения некоторых сторон истории раннего русского средневековья.

Позднее к интересующему нас вопросу вернулся советский ученый М. И. Артамонов. Не касаясь узко источниковедческого вопроса, он также использует еврейско-хазарскую переписку в сопоставлении с такими письменными памятниками, как «Хазарская книга» Иегуды Галеви, и восстанавливает историю обращения хазар в иудейскую религию. М. И. Артамонов на основании сопоставления географических названий разных свидетельств о принятии хазарами иудейства приходит к выводу о том, что обращение правительства Хазарии в иудейство произошло не ранее начала IX в. и не позже смерти Гарун-ар-Рашида в 809 г. Он считает, что превращение иудейства в государственную религию хазар положило предел притязаниям Византии и Арабского халифата на религиозное подчинение Хазарии [24]. Таким образом, М. И. Артамонов отвергает мысль о фальсификации интересующей нас переписки и использует ее данные в совокупности с другими бесспорными источниками.

Особый интерес для характеристики этих документов представляют работы крупного польского ориенталиста Т. Левицкого. В статье «Арабские и еврейские источники по истории славян» [25] Т. Левицкий отмечает, что до сих пор не существует филологически удовлетворительного издания арабских и еврейских источников, проливающих свет на историю славян в раннем средневековье. Большинство комментариев к ним принадлежит перу филологов-ориенталистов, не обладавших достаточными знаниями по истории Восточной и Центральной Европы. Автор поставил перед собой задачу дать хотя бы в общих чертах источниковедческий анализ восточных текстов, освещающих историю славянских народов раннего средневековья. При этом группу еврейских источников он рассматривает отдельно, как представляющую самостоятельное целое, отличное от арабских, органически связанных с персидскими письменными памятниками. Т. Левицкий говорит о значении еврейско-хазарской переписки для истории славянства при условии ее научного критического издания.

Переходя к вопросу о генезисе сведений еврейских писателей Европы о славянских странах и народах в раннем средневековье, автор в результате их анализа делает вывод, что первоначальным их источником были связи еврейского купечества с Испанией, Францией и Рейнскими землями. Со временем к этим сведениям

[24] *М. И. Артамонов*. История хазар. Л., 1962, стр. 262—282.
[25] *T. Lewicki*. Źródła arabskie i hebrajskie do dziejów Słowian.— «Studia Źródłoznawcze. Commentationes», III. Poznań, 1958, s. 61—101.

прибавлялись другие, доставлявшиеся евреями, которые приезжали из славянских стран в научные центры других стран Европы, а затем с XIII в. сюда присовокуплялись сведения из произведений писателей, живших в Богемии. Не исключено также, по мнению Т. Левицкого, что некоторые сведения о славянских странах проникали в произведения еврейских писателей при посредстве славянских купцов, ездивших по Европе.

Исследуя основные еврейские источники, содержащие данные по истории и языку древних славян, Т. Левицкий подчеркивает трудности, с которыми исследователь встречается в этой области. Главная из них состоит в том, что основная масса этих источников не издана еще удовлетворительным образом даже для языковедческих целей, не говоря уже об исторических. Они известны только в древних рукописях или в изданиях XIX и XX вв., не удовлетворяющих современных исследователей. Вместе с тем Т. Левицкий считает, что еврейские тексты отличаются от арабских и персидских большей оригинальностью, т. е. близостью к пратексту. Научная публикация и изучение состава этих источников в их совокупности, с привлечением одновременных славянских памятников, позволит извлечь из еврейских текстов богатый материал для славяноведческой медиевистики, пишет Т. Левицкий. Он ждет от работы над еврейскими источниками расширения наших знаний по славянской лингвистике, по вопросам территориального расселения славянских народов, их племенного деления, хозяйственной деятельности, этнографическим и другим вопросам. Не менее интересно также, по его мнению, выявление в еврейских источниках славянских глосс. Для культурной истории Центральной Европы Т. Левицкий считает, в частности, целесообразным критическое издание и более поздних памятников средневековой гебраистики, как, например, источников, связанных с именем Исаака-бен-Моши (XIII в.).

В другой своей статье[26] Т. Левицкий дает обзор истории изучения арабских и еврейских источников в польской исторической медиевистике. Он пишет, что до 1939 г. польские ученые мало интересовались еврейскими документами раннего средневековья и не многое было сделано для их издания, хотя имелись историки, вполне владевшие языком этих источников. Единственное исключение составляют письма Хасдая Ибн-Шафрута и ответ хазарского царя Иосифа, опубликованные в «Monumenta Poloniae Historiae». Послевоенные годы внесли тут коренное изменение. Еврейскими источниками истории славян заинтересовался, в частности, молодой еврейский историк Шиман Хубербанд, написавший в 1942 г. в нечеловеческих условиях варшавского гетто работу об источниках по истории евреев в славянских странах, причем особое вни-

[26] *T. Lewicki.* Z istorii polskich badań nad źródłami arabskimi i hebrajskimi do dziejów Europy Wschodniej w okresie Sredniowiecze.— «Studia historica w 35-lecie pracy naukowej Henryka Łowmiańskiego». Warszawa, 1958, s. 419—434.

мание уделено автором источникам по истории Польши и России. Обнаруженная в архиве варшавского гетто, эта работа, написанная на языке идиш, была переведена на польский язык и опубликована в 1951 г. в «Biulletyn Zydowskiego instytutu hystorycznego». Трагическая судьба автора и его работы, конечно, не могла не привлечь к ней внимания польской научной общественности.

Исследователям, которые обратятся к этим документам, в частности, для уточнения вопросов о территориальном расселении славян, их племенном делении, о хазаро-русских отношениях и т. д., предстоит подвергнуть их анализу палеографическому, текстологическому и (по примеру Б. А. Рыбакова и М. И. Артамонова) историческому, причем русские источники должны будут сыграть в этом сравнительно-историческом изучении роль, которую не отводили им ни Питерс, ни Баумгартен, ни другие, столь же категорически настаивавшие на «подозрительности» еврейско-хазарской переписки [27].

[27] Библиографию специальных исследований по интересующему нас вопросу до 1957 г. см.: *Cy. Moravcsik.*— «Byzantinoturcica», Bd. I. Berlin, 1958, S. 83—86.

НЕИЗВЕСТНОЕ ГРЕЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XII В.

А. П. Каждан

От византийского ритора Михаила, воспитанника (или племянника) митрополита Солунского [1], сохранилось несколько речей, обращенных к императору Мануилу I Комнину (1143—1180). Одна из них может быть датирована с большой точностью: оратор говорит, что уже прошло десять лет царствования этого государя [2], следовательно, речь была произнесена в 1153 г.

В панегирике Михаил прославляет благодеяния императора и его победы над мусульманами, придунайскими даками (т. е. сербами) и гепидами (так он именует венгров) [3]. Мы узнаем, что после разгрома «даков» Мануил I вместе с дакийским союзным отрядом двинулся на «гепидов», переправился на другой берег реки и предал Паннонию огню. «Сатрап гепидов» (венгерский король) бежал, и византийцы одержали победу без боя [4], захватив множество пленных — каждый по крайней мере десятерых [5].

Эти события хорошо известны по другим греческим источникам: хроникам Никиты Хониата и Иоанна Киннама, различным стихам Псевдо-Продрома. Капитуляция венгров перед Мануилом I относится к 1151 г. В речи Михаила, однако ж, за рассказом о победе над венграми следует уникальное свидетельство, до сих пор, насколько мне известно, не привлекавшее внимания исследователей. Эхо этой победы, заявляет оратор, донеслось до тавроскифов, живущих на материке, и до островитян-сицилийцев [6]. Сицилийцы — это норманны, враждовавшие с Византией в то время и, по-видимому, поддерживавшие венгров [7]; тавроски-

[1] См. о нем: *P. Wirth.* Michael von Thessalonike? — «Byzantinische Zeitschrift», Bd. 55. München, 1962, S. 266—268; *R. Browning.* The Patriarchal School at Constantinople in the XIIth Century.— «Byzantion», vol. 33. Bruxelles, 1963, p. 12—14; *C. Mango, J. Parker.* The Twelfth-century Description of St. Sophia.— «Dumbarton Oaks Papers», vol. 14. Washington, 1960, p. 260 f.; *P. Wirth.* Michael «von Konstantinopel» und kein Ende.— «Byzantion», vol. 37, 1967 (1968), S. 421 f.

[2] *W. Regel.* Fontes rerum byzantinarum, f. I. Petropoli, 1892, p. 135. 17—20.

[3] Ibid., p. 141. 9—10.

[4] Ibid., p. 146. 26—147.1.

[5] Ibid., p. 147.7.

[6] Ibid., p. 142. 9—11.

[7] О нормано-византино-венгерских отношениях в середине XII в. см.: *P. Lamma.* Comneni e Staufer, vol. I. Roma, 1955, p. 132 sg.

фы — несомненно, русские[8]. В словах Михаила вырисовывается, таким образом, картина широкой антивизантийской коалиции, включавшей Венгрию, Киев и Сицилию,— недаром наш ритор говорит, что «тавроскиф», пораженный шумом крылатой молвы, тяжело повесил голову[9]. К конце панегирика Михаил вновь возвращается к русской теме. Оратор утверждает, что Мануил I с каждым годом все больше расширяет свои владения, все больше берет пленных. «Удивительно, что словно в некоей последовательности ты дал соседям вчерашних пленников (т. е. венгров) ныне отведать то же страдание»[10]. И далее: «Ты следуешь дорогой успехов, и так, пожалуй, тебя, появившегося к северу от Мэотидского озера (κἀκ τῆς Μαιώτιδος λίμνης καὶ πρὸς τῷ τοῦ βορρᾶ γενόμενον), будет отчетливо приветствовать северный (ὁ βορρᾶς)»[11].

Северный — это, скорее всего, русский князь[12]; может быть, имеется в виду Юрий Долгорукий, союзник Византии против киевского князя Изяслава, поддерживавшего венгров.

Примечательно, что Михаил, говоря о вторжении византийских войск на Русь, указывает, что они двинутся от Мэотиды,— по-видимому, от тех опорных пунктов, которые были у империи в XII в. на Боспоре и в Тмутаракани.

Фраза Михаила недостаточно ясна. ἂν... προσείπῃ σε следует понимать в значении будущего времени: «пожалуй, будет приветствовать тебя»,— но причастие аориста γενόμενος может быть истолковано и так, что византийские войска уже находятся к северу от Мэотиды.

Свидетельство византийского ритора крайне глухо, и все-таки мы можем предполагать, что около 1152 г. были посланы византийские войска к северу от Азовского моря (или во всяком случае, что такая экспедиция готовилась). Нам, разумеется, остается только гадать, против кого намечался этот поход — против половцев или, может быть, против киевского Изяслава, вернувшего с помощью венгров великокняжеский престол в 1151 г. Как бы то ни было, речь Михаила — показатель заинтересованности Византии в судьбах Северного Причерноморья в середине XII в.

[8] О термине «тавроскифы» у византийских авторов некоторые — далеко не полные — сведения см.: *Е. І. Соломоник.* Про значення терміна «тавроскіфи».— «Археологічні пам'ятки УРСР», 11. Київ, 1962, стор. 153—157.

[9] *W. Regel.* Op. cit.. p. 142. 13—14.

[10] Ibid., p. 151. 29—30.

[11] Ibid., p. 152. 1—3. Перевод этого места, который я дал в заметке о статье П. Вирта («Вопросы истории», 1963, № 10, стр. 196), нуждается в уточнении.

[12] О словоупотреблении термина «северный» у греческих авторов X—XII вв. см.: *А. П. Каждан.* Иоанн Мавропод, печенеги и русские в середине XI в.— «Зборник радова Византолошког института», т. VIII, 1. Београд, 1963, стр. 183 и сл. Иначе понимает термин «северный» в сочинении византийского оратора XI в. Мавропода И. Дуйчев; для него «северные» — это болгарские отряды (*И. Дуйчев.* Проучвания върху българското средневековие. София, 1945, стр. 33; ср. «Гръцки извори за българската история», т. VI. София, 1965, стр. 87, бел. 1). П. Диакону видит в «северных» Мавропода варяжских наемников (*P. Diaconu.* Les Petchénègues au Bas Danube. Bucarest, 1970, p. 59, n. 167). Для речи Михаила ни то, ни другое значение не может подойти.

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ (XII В.)

Г. Г. Литаврин

Подавляющее большинство греческих средневековых рукописей, содержащих сведения о Северном Причерноморье и Древней Руси, опубликовано еще в прошлом столетии и давно известно историкам-русистам. Надежд на какое-либо значительное открытие в этой области становится с каждым годом все меньше. Случаи обнаружения письменных памятников, сообщающих неизвестные ранее науке сведения по истории нашей Родины, являются крайне редкими. Естественно поэтому, что такие документы, если бы они были опубликованы в наше время, заслуживали бы самого пристального внимания.

Именно к такого рода памятникам принадлежит, по нашему мнению, одно из риторических сочинений византийского вельможи Мануила Страворомана, служившего при византийском дворе на рубеже XI—XII вв. В этом сочинении он обращается к царствовавшему тогда императору Алексею I Комнину (1081—1118). До недавнего времени речи Страворомана не привлекали внимания исследователей, хотя они находятся в одном кодексе с сочинениями Иоанна Скилицы и Михаила Атталиата — в знаменитой рукописи Cod Coislin. 136, хранящейся в Отделе рукописей Парижской национальной библиотеки (речь Страворомана, которой касается данная заметка, занимает лл. 243а—246б).

В 1964 г. мы имели возможность непосредственно ознакомиться с рукописью Cod. Coislin. 136. В следующем году, на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси, мы сделали доклад, основанный на отрывке из названного сочинения, в котором упоминается о Северном Причерноморье. Тогда же были опубликованы и тезисы доклада [1], который полностью был нами издан в журнале «Byzantion» [2]. И в тезисах, и в статье мы опублико-

[1] *Г. Г. Литаврин.* Неизвестное свидетельство о Боспоре Киммерийском во время Алексея Комнина.— «Тезисы докладов на VII Всесоюзной конференции византинистов в Тбилиси». Тбилиси, 1965, стр. 20—23.

[2] *G. G. Litavrin.* A propos de Tmutorokan.— «Byzantion», v. 35. Bruxelles, 1965, p. 221—234.

вали упомянутый отрывок. Накануне XIII Международного конгресса византинистов в Оксфорде (сентябрь 1966 г.), когда в наши библиотеки поступил очередной том «Revue des Etudes Byzantines», нам стало известно [3], что французский ученый П. Готье одновременно издал все известные в настоящее время сочинения Мануила Страворомана и в первую очередь те, которые содержатся в Cod. Coislin. 136 [4].

В предисловии к своему изданию французский исследователь пришел в целом к тем же выводам о Мануиле Страворомане и о времени написания им своих сочинений, к каким пришли мы [5]. В основном он так же понял и интересующий нас отрывок [6]. Однако П. Готье не уделил внимания известию Мануила о Боспоре Киммерийском, ограничившись замечанием: «Византийская империя отвоевала свои владения на малоазийском побережье благодаря крестоносцам, а район Понта — благодаря кампаниям, о которых мы плохо осведомлены» [7].

Данная заметка является ответом на возражение, высказанное в беседах и дискуссиях советскими и зарубежными коллегами о наших выводах об известии Мануила Страворомана. Кратко это возражение можно сформулировать следующим образом: Мануил Страворомай сообщает о приобретении Алексеем I Комнином каких-то земель на Боспоре Киммерийском, но он не говорит о том, какой берег пролива (восточный или западный) он имеет в виду; в зависимости от решения этого вопроса можно по-разному оценивать известие нашего автора, отнюдь не обязательно увязывая его с историей Тмутараканского княжества, как это делаем мы. В опубликованной статье нами было сделано примечание, в котором мы пытались аргументировать наше мнение на этот счет [8]. Однако, как теперь стало ясно, вопрос нуждается в более подробном рассмотрении.

Чтобы читателю была ясна суть дела, мы вынуждены привести еще раз перевод [9] интересующего нас отрывка из сочинения Ма-

[3] *Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова.* Отношения Древней Руси и Византии в XI — первой половине XIII в. Оксфорд, 1966 (пленарный доклад советской делегации), стр. 9, прим. 4 (оттиск).

[4] *P. Gautier.* Le dossier d'un fonctionnaire d'Alexis Ier Comnène, Manuel Straboromanos.— REB, XXIII, 1965, p. 178—201.

[5] Ibid., p. 169—173; *G. G. Litavrin.* Op. cit., p. 227—229.

[6] *P. Gautier.* Op. cit., p. 174.

[7] Ibid., p. 191, n. 37.

[8] *G. G. Litavrin.* Op. cit., p. 230, n. 2.

[9] Перевод на русский язык см. также в тезисах (стр. 21). Мы сравнили соответствующее место текста, опубликованного П. Готье, с нашим изданием отрывка. Следует признаться, что нами были допущены две ошибки: 1) неправильно раскрыто окончание прилагательного παράλια вместо нужного παράλιος; 2) сделана описка в причастии — ἀφειλόμενον вместо должного ἀφελόμενον. В свою очередь считаем возможным отметить и ошибку уважаемого издателя (в которой мы убедились, обратившись к имеющемуся у нас микрофильму сочинений Мануила Страворомана): следует читать не διακεῖται (понимаемом издателем в редком значении «расположено»), а διαχεῖται

нуила Страворомана и основные выводы нашей статьи в «Byzantion».

В интересующем нас месте своего сочинения Мануил Страворoман противопоставляет внешнеполитическое положение Византии накануне воцарения Алексея I Комнина тому состоянию империи, в котором она находилась в середине или конце царствования этого императора. Тогда империя стояла на краю гибели, теперь она окрепла и расширилась. Обращаясь к императору, ритор говорит:

«Что касается Европы, то враждебную нам ее часть ты усмирил, а из отнятой у нас части не мало присоединил, а именно: всю землю, которая заключена между Гемом (Балканским хребтом) и Истром (Дунаем) и простирается сверху, от гетских пределов до Эвксина (Черного моря), и то, что лежит у Киммерийского Боспора, кроме того, все, чем владели сербы, а также рабское скифское племя, отнявшее то, что имеют далматы (?) [10]. Что же касается Азии, то ты присоединил все побережье, начинающееся от Киликии и заканчивающееся вместе с нашим морем у колхидских пределов».

В этом отрывке Мануил Страворoман перечисляет большей частью хорошо известные по другим источникам приобретения Алексея I Комнина на Балканах и в Малой Азии. Сообщения нашего автора не противоречат свидетельствам других источников. Новое заключается в его сообщении, что границы империи достигали во время правления Алексея Комнина Колхиды и что при этом императоре были приобретены какие-то земли на Керченском проливе (Боспоре Киммерийском).

Мы считаем, что, говоря о Боспоре Киммерийском, Мануил Страворoман имеет в виду Тмутараканское княжество. Его территория во второй половине XI и в начале XII в. охватывала, по-видимому, оба берега Боспора. О каких-либо землях у пролива, принадлежавших в это время Византии, неизвестно. Сохранились лишь данные о том, что в 1059 г. византийцы владели Сугдеей (Сурожем). Сведения о Тмутаракани в русских источниках исчезают как раз во время правления Алексея I Комнина (последний раз в летописях Тмутаракань упоминается под 1094 г.). В 1169 г., согласно хрисовулу Мануила I Комнина, Византия считала Тмутаракань собственным владением. Приобретение Тмутаракани византийцами следует относить к промежутку между 1094 (terminus post quem) и 1118 г. (последний год правления Алексея Комнина — terminus ante quem).

(здесь — «простирается», «расстилается»). Кроме того, в переложении содержания отрывка П. Готье по недосмотру говорит о «горах (греч. ὀρέων) Колхиды» (*P. Gautier*. Op. cit., p. 174), тогда как в тексте идет речь о «пределах (или — «границах» — греч. ὁρίων) Колхиды».

[10] Перевод со слова «рабское» до слова «далматы» является предположительным: здесь возможен пропуск или незначительная порча текста переписчиком.

Захват Тмутаракани скорее всего не сопровождался какими-либо серьезными столкновениями византийцев с русскими в силу какой-то договоренности императора с князем — авантюристом и изгоем Олегом Святославичем (Гориславичем), который жил в Византии в течение четырех лет в качестве ссыльного, женился на знатной гречанке из рода Музалонов и сумел вернуть себе в 1083 г. Тмутаракань, как мы думаем, лишь при помощи византийского императора. Ценой этой помощи мог быть договор, по которому Тмутаракань после получения Олегом нового стола на Руси (Чернигова — 1094 г.) или после смерти Олега (1115 г.) должна была перейти в руки императора. С этим толкованием свидетельства Мануила Страворомана согласуется и примерная датировка его сочинения — оно было написано скорее всего в конце царствования Алексея Комнина.

Итак, повторяем, эта трактовка известия Страворомана поставлена в настоящее время в зависимость от решения пока лишь одного вопроса — о каком береге Боспора идет речь у автора. Предположение, что Мануил Страворoман, говоря о Боспоре, имеет в виду оба его берега, наталкивается на весьма существенное препятствие. Дело в том, что со времен античности и в течение всего средневековья широко распространенным было представление, согласно которому северо-восточной границей между Европой и Азией были река Дон (Танаис) и считавшиеся его продолжением Азовское море (Меотида) и Керченский пролив (Боспор Киммерийский). В обстоятельном комментарии к «Гетике» Иордана Е. Ч. Скржинская перечислила ряд римских авторов, придерживавшихся этого мнения [11]. Особым влиянием эта точка зрения стала пользоваться со времени знаменитого астронома, математика и географа Клавдия Птолемея (II в. н. э.), авторитет которого был непререкаем для средневековых авторов [12], как это отметил и А. Б. Дитмар [13].

В приведенном нами отрывке Мануил Страворoман вполне определенно относит приобретенную Алексеем Комнином территорию на Боспоре Киммерийском к Европе. Следовательно, согласно преобладающему мнению античных и средневековых географов, в интересующем нас источнике речь идет лишь о западном, крымском береге Керченского пролива.

Мы не считаем, однако, этот вывод приемлемым в отношении к нашему источнику. И Е. Ч. Скржинская, и А. Б. Дитмар отметили существование у древних авторов и другой точки зрения, согласно которой северо-восточной границей между Европой и

[11] «Иордан О происхождении и деяниях гетов (Getica)» Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960, стр. 205.

[12] «Claudii Ptolemaei Geographia». Ed. C. Müllerus, vol. I. Parisiis, 1883, p. 23—29, 72.

[13] *А. Б. Дитмар.* К истории вопроса о границе между Европой и Азией.— «Ученые записки Ярославского госпединститута им. К. Д. Ушинского», вып. XX (XXX), ч. 1. География. Ярославль, 1958, стр. 36—37.

Азией является не Танаис, а Фасис (Рион), протекающий по Колхидской низменности [14]. Этого взгляда придерживались, например, «отец истории» Геродот (V в. до н. э.) [15], поэты Пиндар (VI—V вв. до н. э.) [16], Гекатей (V в. до н. э.) [17]. Конечно, решающее значение имели бы в данном случае свидетельства современников Мануила Страворомана — византийских авторов XI—XII вв. Нам, однако, не удалось найти у авторов этого времени каких-либо определенных известий на этот счет. Константин Багрянородный (X в.), ссылаясь на авторитет Страбона, присоединяется к господствующему мнению, называя Боспор Киммерийский границей Европы и Азии [18]. Менее последователен византийский автор XIV в. Никифор Григора, который, с одной стороны, несколько раз называет Танаис границей между Европой и Азией, а с другой — относит к «европейским народам» зикхов а авасгов, живших на Северном Кавказе [19].

Разгадку колебаний Никифора Григоры, а вместе с тем и решение поставленного нами вопроса мы находим в сочинениях византийского автора VI в. Прокопия Кесарийского. Е. Ч. Скржинская отметила, что этот автор склоняется к принятию не первой, наиболее распространенной точки зрения о границе между Европой и Азией по Танаису, а второй — о границе по Риону [20]. Следовательно, не только в античности, но и в средневековье, несмотря на авторитет Птолемея, вторая точка зрения продолжала существовать и находила своих адептов. Мало того, Прокопий говорит, что оживленные споры по этому вопросу не прекращались и в его время. Он приводит аргументы и доводы обеих спорящих сторон.

Обе стороны соглашались в главном, а именно, что основной гранью между двумя материками является некий «поток» посреди Средиземного моря («нашего моря», как его называли византийцы), берущий начало в океане, у Гадир (Гибралтара), и оканчивающийся в Черном море (оно считалось при этом частью Средиземного). Все, что находится налево от этого потока, если стоять спиной к Гибралтару, носит имя Европы; лежащее же направо, от Гибралтара до Нила, называется Ливией, а все земли от Нила на восток и северо-восток составляют Азию.

[14] «Иордан...», стр. 206; *А. Б. Дитмар.* Указ. соч., стр. 36.
[15] «Herodoti historiarum libri IX». Ed. C. Müllerus. Parisiis, 1877, lib. IV, cap. 45, p. 196.
[16] *Pindare*, t. IV. Isthmiques Odes et fragments, texte etabli et traduit par Aimé Puech. Paris, 1953, p. 32.
[17] «Hecataei Milesii Fragmenta» — «Biblioteca di Studi Superiori», vol. XXII. Firenze, 1954, p. 69, cf. 74, 75
[18] *Constantinus Porphyrogenitus.* De thematibus... Bonnae, 1840, p. 9—12, 63.
[19] «Nicephori Gregorae Byzantina historia», vol. I. Bonnae, 1829, p. 33. 18—24, 36.8—9, 238.9—12, cf. 36.9—13.
[20] «Иордан...», стр. 206; «Procopii Caesariensis opera omnia», rec. J. Haury, vol. I. Lipsiae, 1905, p. 308.5—12, 309.12—15; vol. II. Lipsiae, 1905, p. 494.4—495.6; 511.25—512.1; vol. III, 2. Lipsiae, 1913, p. 172.8—10.

Спор касался в основном северо-восточных границ Азии (Танаис, или Фасис). Решение вопроса в конечном итоге зависело от того, что считать «концом» Средиземного моря — Меотиду или «месяцевидный» залив на востоке Черного моря, примыкающий к Лазике (Колхиде), по которой протекает Фасис. Согласно второй точке зрения, море «кончается» (ἀπολήγουσα) именно здесь, где преградой на его пути из океана (от Гибралтара) становятся Кавказские горы [21].

Оказывается, что именно к этой, второй точке зрения, разделяемой Прокопием Кесарийским (VI в.), примыкает и сам Мануил Страворомaн — автор конца XI — начала XII в. В том же своем сочинении, которое мы цитировали выше, он обнаруживает знакомство с существом спора, изложенного Прокопием, и высказывает свое собственное мнение. «Азия,— пишет он,— и вся Ливия, которые наше море, вливаясь из океана через Гадиры, оставляет на правой стороне... оказались во власти варваров. Что же касается Европы, которая лежит налево от течения,— географы ее считают третьей частью всей земли..., то все, что не защищено стенами, было ежедневной добычей врагов» [22]. «Наше же море (Средиземное), согласно тому отрывку, который мы здесь рассматриваем, по мнению Страворомана, оканчивается (συναπολήγουσα) «у колхидских пределов». Следовательно, здесь, на его взгляд, лежит и крайняя (известная византийцам) северо-восточная граница между Азией и Европой (по реке Риону).

Таким образом, Мануил Страворомaн, говоря о землях на Боспоре Киммерийском, считает европейским не только крымский, но и восточный берег пролива, и мы имеем право, интерпретируя это новое свидетельство, увязывать его с любым берегом Керченского пролива или с обоими берегами вместе.

Иначе говоря, сообщение Страворомана можно с полным к тому основанием отнести к истории Тмутараканского княжества. Нам представляется по-прежнему, что изложенная выше трактовка недавно опубликованного источника вполне согласуется с другими фактами из истории Тмутаракани, Древней Руси и Византии в конце XI — начале XII в.

[21] «Procopii Caesariensis opera omnia», vol II, p. 509.8—513.5; 515.7—11
[22] *P. Gautier*. Op. cit., p. 189.25—190.2.

ГРАМОТА КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ОЛЬГОВИЧА 1137 Г.

В. Л. Янин

Создание в Новгороде феодальной республики, которая в эпоху своего расцвета обнаруживает множество черт, роднящих ее структуру с организацией средневековых республик Западной Европы, представляет собой факт не только общерусского, но и общеевропейского значения. Поэтому выяснение конкретных обстоятельств сложения новгородских республиканских порядков в одинаковой степени важно как для советских, так и для западноевропейских историков. В этой связи несомненный интерес представляет исследование одного из важнейших памятников, позволяющих анализировать начальный этап республиканских преобразований в области взаимоотношений Новгорода и князя. Речь идет о так называемом уставе князя Святослава.

С момента первой публикации в 1815 г. грамота князя Святослава постоянно привлекает к себе внимание исследователей, особенно усилившееся в советское время, когда четко определилась тенденция рассматривать этот документ как прямое следствие событий 1136 г.

Устав Святослава Ольговича дошел до нас в двух древних списках, старший из которых опубликован еще Н. М. Карамзиным и содержится в Синодальной кормчей 1280-х годов, датируемой по почерку XIV в.[1], а младший — в списке рубежа XV—XVI вв. с кормчей Софийской редакции из собрания Е. Е. Егорова[2]. Разночтения между обоими списками незначительны, отражая в нескольких случаях небрежность позднейшего переписчика.

В обоих случаях Устав Святослава оказывается прямым продолжением помещенного перед ним Церковного устава князя Вла-

[1] «Русские достопамятности, издаваемые Обществом истории и древностей Российских», ч. I. М., 1815, стр. 82—85; *Н. М. Карамзин.* История государства Российского, т. 2, изд. 2-е. М., 1818, стр. 155—156; *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 19—21; ПРП, вып. 2, стр. 117—118.

[2] *Я. Н. Щапов.* Новый список Новгородского устава князя Святослава Ольговича (из собрания Е. Е. Егорова).— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 26. М., 1963, стр. 397—398.

димира. Я. Н. Щапов убедительно доказал, что предшествующая документу редакция Устава Владимира сложилась в XIII в., и, следовательно, интересующий нас текст воссоединился с ней не ранее второй половины XIII в.[3] Так же в обоих случаях Устав Святослава дополнен припиской, состоящей из двух частей: «А се обонезьскыи ряд» и «А се бежичьскыи ряд». Время составления этих приписок в наличной литературе не определено.

Общий смысл Устава, по-видимому, не вызывает особых разногласий у исследователей, которые согласны в том, что существо провозглашенного этим документом нововведения заключается в замене церковной десятины, прежде исчислявшейся всякий раз в зависимости от суммы поступающих ежегодно в княжескую казну доходов, фиксированной суммой в 100 гривен новых кун. Основу разногласий составляет разное понимание прежнего порядка отчисления десятины.

Исследователи справедливо полагают, что в начальных строках документа противопоставляются две формы десятины — от даней (податной иммунитет) и от вир и продаж (судебный иммунитет). В момент вокняжения Святослав Ольгович обнаружил, что податной иммунитет Новгородской епископии обеспечен «прежде него бывшими князи», тогда как организация судебного иммунитета нуждается в особом вмешательстве. Неясная фраза Устава «Толико от вир и продажь десятины зьрел, олико днии в руце княжи и в клеть его» порождает противоречивые истолкования.

Слово «днии» в этой фразе М. Н. Тихомиров переводил как «дней» и соответственно усматривал в нем указание на былое существование порядка дележа доходов между князем и епископом по дням[4]. Думается, что такое объяснение плохо укладывается в прокрустово ложе грамматической формы фразы, не давая возможности предпринять ее прямой перевод. Более убедительным представляется общепризнанное понимание в слове «днии» испорченного «даней», позволяющее толковать всю фразу как «Десятина от вир и продаж находилась в соответствии с теми суммами дани, которые собирались в руках князя и в его казне». Очевидно, что слово «даней» имеет здесь расширительное значение, подразумевая именно поступления от вир и продаж, а не от податей, что в данном контексте бессмысленно. Десятина от податей, как явствует из самого факта ее противопоставления, и до Святослава Ольговича была уже фиксирована кем-то из его предшественников.

Нужно особо оговорить это обстоятельство, поскольку Б. Д. Греков был склонен переводить спорную фразу в том смысле, что к моменту вокняжения Святослава сумма одной только

[3] *Я. Н. Щапов.* Изменения в политической и экономической жизни Новгородской земли в XII в. и уставная грамота кн. Святослава Ольговича 1137 г. (рукопись).
[4] *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.* Указ. соч., стр. 21; *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 195.

десятины от вир и продаж равнялась всей сумме княжеской дани, собираемой с Новгородской земли [5]. Такое толкование отодвигает момент фиксации судебной десятины в отдаленное прошлое, что противоречит существу Устава Святослава Ольговича.

Соглашаясь с общепринятым толкованием смысла нововведений князя Святослава, отметим, что дискуссионной в нашей литературе сделалась проблема политической направленности этого документа. В чью пользу он был составлен? Кто получал выгоды в результате фиксации судебной десятины — князь или епископ? Мнения исследователей по этому поводу можно разделить на три группы: 1) Устав носит прокняжеский характер; 2) Устав практически нейтрален; 3) Устав — результат победы Новгорода в антикняжеской борьбе.

Выразителем первой точки зрения был Б. Д. Греков. В самом деле, если в соответствии с его пониманием спорной фразы судебная десятина до Святослава была равна всей сумме даней, собиравшихся в княжеской казне, то ее фиксация в 1137 г. резко ограничивала доходы епископа [6]. «Может быть,— спрашивал Б. Д. Греков,— эта реформа была одной из причин оппозиции владыки Нифонта по отношению к князю Святославу?» [7]

Вторая точка зрения изложена С. В. Юшковым: «Содержание этого Устава весьма бедное; никаких особых привилегий он не обеспечивает новгородской церкви» [8].

Наконец, последняя точка зрения сегодня безраздельно господствует. Впрочем, она была провозглашена еще Н. М. Карамзиным, увидевшим в Уставе стремление князя Святослава «обезоружить Нифонта своею щедростию» [9]. Д. С. Лихачев обратил внимание на форму заклятия: гарантом Устава названа св. София, патронесса епископии, а не св. Николай, патрон князя [10]. А. А. Зимин отметил, что фиксация десятины создает известную независимость епископии от князя [11]. М. Н. Тихомиров пошел дальше других исследователей, разделяющих общую оценку документа как памятника победы новгородцев в антикняжеской борьбе. Он признал в Уставе Святослава государственный акт, стражающий интересы смердов, повинности которых отныне строго определены законодательным путем [12].

На наш взгляд, сама постановка вопроса при всей его важности носит несколько идеальный характер, исходя главным обра-

[5] *Б. Д. Греков.* Избранные труды, т. IV. М., 1960, стр. 144.
[6] Там же, стр. 144—145.
[7] *Б. Д. Греков.* Революция в Новгороде Великом в XII в.— «Ученые записки Института истории РАНИОН», т. IV. М., 1929, стр. 18.
[8] *С. В. Юшков.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 222.
[9] *Н. М. Карамзин.* Указ. соч., т. 2, изд. 2-е, стр. 185—186.
[10] *Д. С. Лихачев.* «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г.— «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 244—249.
[11] ПРП, вып. 2, стр. 116, 119.
[12] *М. Н. Тихомиров.* Крестьянские и городские восстания, стр. 195.

зом из оценки не самого Устава, а обстоятельств, синхронных его появлению. И дело здесь даже не в личности Святослава Ольговича, которая не вполне укладывается в рамки той схемы, какая может быть предписана князю, принесенному в Новгород на гребне антикняжеских волнений 1136 г. Хорошо известно, что сразу по вокняжении Святослав вступает в конфликт с Нифонтом, отказавшим князю в церковном венчании. Святослав недолго княжит в Новгороде. Получив стол 19 июля 1136 г., он уже 17 апреля 1138 г. вынужден покинуть Новгород. 25 декабря 1139 г. он снова приглашен на новгородский стол, но в феврале 1141 г. отправляется в новое изгнание [13]. Все эти события характеризуют Святослава Ольговича как последовательного защитника княжеских привилегий, опиравшегося на Новгород не как таковой, а на определенные боярские группировки в нем. Его деятельность позволяет оппозиционным боярским группам дважды добиваться изгнания князя.

В этой связи нам представляется, что распространенная оценка Устава Святослава как важнейшего памятника, порожденного успехами восстания 1136 г., основывается главным образом на прямолинейном привлечении в качестве аргумента той схемы периодизации новгородской истории, в которой восстание 1136 г. признано главным поворотным пунктом от княжества к боярской республике. Дает ли сам Устав материалы для именно такой его оценки? Разумеется, он выгоден епископии. Действительно, он укрепляет ее независимость от князя. Но возможно ли говорить о значительных материальных льготах, предоставленных князем новгородской церкви?

Фиксированный Уставом доход епископа в 100 гривен новых кун сравнительно невелик. Под гривнами новых кун (которые к концу XII в. стали гривнами ветхих кун [14]) возможно понимать лишь гривны кун Пространной Правды. Их соотношение с гривной серебра, отмеченное Смоленской торговой Правдой, равнялось 4:1 [15]. Иными словами, 100 гривен новых кун равны 25 гривнам серебра. Для сравнения отметим, что такая сумма составляет половину вступительного взноса пошлых купцов в Иваньское сто. Эту сумму, бывшую лишь одним из источников дохода Новгородской епископии, можно было бы при желании признать заметной, если бы она впервые назначалась князем в качестве десятины. Однако судебная десятина в виде нефиксированной величины и прежде поступала в Софийский дом. Следовательно, вопрос о материальной выгодности для Новгородской епископии рассматриваемого Устава вообще может быть сведен к обсуждению мизерной суммы, составлявшей разницу между прежними и новыми поступлениями в софийскую казну десятины от вир и продаж. Если

[13] НПЛ, стр. 24—26, 209—211.
[14] ГВНП, стр. 55—56, № 28.
[15] «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». М., 1963, стр. 36.

оставаться в русле материальных расчетов, следует безоговорочно признать правоту С. В. Юшкова, говорившего об отсутствии особых привилегий новгородской церкви, якобы декларированных этим документом.

И тем не менее значение Устава Святослава как источника политической истории Новгорода весьма велико. Однако оно обнаруживается на иных линиях его исследования. Два вопроса кажутся нам наиболее важными: выбор территории, гарантирующей сбор судебной десятины, и причины соединения с Уставом инородных ему приписок об Обонежском и Бежецком ряде. Рассмотрим обе эти проблемы.

А. Н. Насонов полагал, что территорией, сборы с которой передавались епископу взамен десятины с судебных пошлин, была территория Обонежского ряда. Этот округ, подробно описанный в приписке «А се Обонезьскыи ряд», локализуется в районе, примыкавшем с востока к Ладожскому озеру и к поволховским владениям Новгорода. Погосты, перечисленные в самом Уставе Святослава, располагаются вне территории Обонежского ряда, на восток и северо-восток от него, и составляют район недавней колонизации Новгорода. Отыскание на карте этих погостов удается в подавляющем большинстве случаев. Они обнаруживаются в районе нижней Двины и ее притоков, а также в районе Пинеги и ее притоков. Хотя обе территории не совпадают, аргументация А. Н. Насонова правомерна, поскольку в тексте грамоты Святослава говорится о домажириче из Онега как лице, ответственном за поступление десятины. На землях Обонежского ряда, приблизительно в центре его, имеется село Домажирово, в котором названный исследователь усматривал древнюю резиденцию домажирича. Добавим к этому, что А. Н. Насонов не ставил вопрос о разновременности Устава и приписок к нему. Напротив, по его мнению, фиксированный в Обонежском ряде порядок имеет более глубокую древность, коль скоро территория Обонежского ряда была колонизована ранее Двинской земли [16].

Мы вынуждены подвергнуть эту аргументацию существенной критике, основанной прежде всего на подсчете перечисленных в документе отчислений, поскольку А. Н. Насонов заключал: «св. Софии выдавалось, во-первых, за десятину от вир и продаж 100 гривен из Онега и, во-вторых, по отдельным погостам, начиная от Валдутова и Тудорова на Онеге и кончая погостами, лежащими на Двине и Сухоне» [17], и далее: «100 гривен в пользу св. Софии выплачивались с Обонежского ряда» [18]. Сумма, следующая с Обонежского ряда, как это легко подсчитать, равна $29^1/_2$ гривнам (без подъезда — $17^1/_2$ гривнам), что даже отдаленно не

[16] *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, главы V и VI.
[17] Там же, стр. 94.
[18] Там же.

напоминает уставной единицы в 100 гривен. Напротив, если подсчитать общую сумму сборов с перечисленных в Уставе Святослава погостов, получим весьма любопытный результат. Эти сборы в большинстве случаев выражены в сорочках, в двух случаях — в иных единицах измерения: «мех» (с Еми) и «от чрена и от салги по пузу» (на море). Результат подсчетов сорочков выражается в цифре $43^1/_2$. Добавляя к этой сумме сборы, выраженные в других единицах, можно говорить об итоге, близком 50 сорочкам.

Между тем сорочек, составляя 40 бел, при умножении на 50 даст 2000 бел. Принимая тождество белы ногате[19], которая в системе денежных единиц Русской Правды составляла двадцатую часть гривны, мы получим, что и 100 гривен новых кун приравниваются 2000 ногат или бел. Предпринятое выше округление итоговой суммы не является натяжкой, коль скоро даже при некоторой неточности такого округления мы наблюдаем принципиальное совпадение цифр.

Приведенное сопоставление позволяет утверждать, что в тексте собственно Устава Святослава имеется в виду только территория перечисленных в нем погостов, которые и дают в сумме фиксированную в 100 гривен судебную десятину. Заметим в скобках, что разница в денежной терминологии Устава и «Обонежского ряда» прямо свидетельствует о разновременности этих записей.

Итак, в грамоте Святослава Ольговича речь идет о сборе судебной десятины с вновь колонизованных Новгородом земель, находящихся в Заволочье. В этой связи наибольший для нас интерес должен представлять статус этих земель относительно князя в последующее время.

Начиная с древнейшего дошедшего до нас докончания Новгорода с князем — а такое докончание датируется 1264 г.— во всех договорах вплоть до падения новгородской независимости присутствует обязательная формула: «А волостии ти, княже, новгородьских своими мужи не держати, нъ держати мужи новгородьскыми; а дар от тех волостии имати. А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости дьржати мужи новгородьскыми; а дар от них имати... А за Волок ти своего мужа не слати, слати новгородца»[20].

Существо этого постановления заключается в разграничении земель, на которые в XIII—XV вв. не распространялась судебная власть князя, от тех территорий, где он распоряжался и судебными доходами на основе обычного сместного с посадниками правопорядка. Такое разделение было одним из важнейших завоева-

[19] *В. Л. Янин.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в.— «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. 3. Л., 1970, стр. 167.

[20] ГВНП, стр. 9—10, № 1; см. также № 2, 3, 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 26,

ний республики. Прилагая это разделение к интересующим нас территориям, мы увидим, что они вовсе не однородны. На земли перечисленных в грамоте Святослава Ольговича погостов в XIII в. и последующих столетиях князю доступа не было, тогда как район Обонежского ряда не входил в систему новгородских волостей, а принадлежал к той части владений Новгорода, где и в позднейшее время деятельность князя не подлежала специальным ограничениям.

Между тем многие исследователи склонны, не замечая указанных противоречий, вызываемых грамотой Святослава, возводить, вслед за Б. Д. Грековым, формирование указанных княжеских ограничений к событиям 1136 г., т. е. ко времени, предшествующему возникновению грамоты Святослава Ольговича.

Иными словами, мы приходим к важному выводу, согласно которому формирование нового порядка взаимоотношения новгородского князя и новгородских колоний отнюдь не порождается непосредственно преобразованиями 1136 г., а принадлежит ко времени более позднему (однако не позднее 1264 г., когда такой порядок уже фиксирует докончание Новгорода и Ярослава Ярославича). В 1137 г., спустя год после восстания, самого противопоставления новгородских волостей и метрополии еще не существовало, на что прямо указывает деятельность домажирича, сидевшего в Онеге, но управлявшего также Заволочьем.

В связи с такой постановкой вопроса большой интерес представляет трактовка причин, в силу которых к грамоте Святослава Ольговича в какой-то момент добавились приписки об Обонежском и Бежецком ряде. Позволим себе формулировать проблему следующим образом. Коль скоро во второй половине XIII в., когда к Уставу Святослава был проявлен особый интерес, его постановления уже не имели юридической силы (Заволочье, фигурирующее в Уставе, было изъято из-под юрисдикции князя). Имели ли такую силу разделы, касающиеся Обонежского и Бежецкого ряда?

Положительный ответ на этот вопрос дает известная откупная грамота 1434 г.: «У великого князя наместника у Григориа у Васильевичя се купи Яким Гуреев и Матфеи Петров обонискыи суд князя великого: вниз по Волхову, и на Паши на реке, и на Кожеле, и на Кукоевском погосте, и на Кукоеве горе, и в Лепни, и на Сетомле, и на Ояти на реке, и на Свере на реке, и на Олонце на реке, а Кукоевского погоста, где ни буди, или в городе или в селе, ино платити им суд князя великого по старине. А суд им судити и пошлины имати им по старине и верное им имати...» [21]

Описанная в откупной грамоте территория совпадает с территорией Обонежского ряда [22]. Княжеский суд здесь в XV в.

[21] Там же, стр. 149, № 93.

[22] Ср. с территорией Обонежского ряда: «А се обонезьскыи ряд. Во Олонци 3 гривны, на Свери гривна, в Юсколе 3 гривны, в Тервиничих 3 гривны,

был особым образом регулируем в пользу князя. Находясь целиком в княжеском распоряжении, он изъят из системы сместного с посадником суда. Для периода расцвета Новгорода Обонежье и Заволочье — это как бы два противоположных полюса. В Заволочье князь не имеет прав. В Обонежье его права безраздельны: «А хто згонит или замешает, даст князю великому гривну золота, а борцам серебро въдвое» [23].

Свидетельство откупной грамоты прямо указывает на то, что в эпоху, когда постановления Устава Святослава уже не имели законной силы, положения приписок к нему имели характер действующего законодательства. Сам по себе этот факт является решающим аргументом в пользу позднейшего происхождения приписок.

Другое важное свидетельство содержится в договоре Ярослава Ярославича с Новгородом, заключенном в 1266 г.: «А суд, княже, отдал Дмитрии с новгородци бежичяном и обонижаном на 3 лета, судье не слати» [24]. Упомянутое постановление князя Дмитрия Александровича датируется, нужно думать, 1263 или 1264 гг., коль скоро в 1266 г. еще не истек названный в нем трехлетний срок. Приведенное свидетельство также ставит Обонежье — а вместе с ним и Бежецкий верх — в особое по отношению к княжескому суду положение, возникшее до 1264 г. На эти области князь имеет какие-то преимущественные права в области суда и извлечения судебной пошлины.

Можно высказать предположение, что предпринятая новгородцами и князем Дмитрием отмена княжеских привилегий в этих районах на три года была компенсирована предоставлением князю на указанный срок других территорий. На это как будто намекает известный Устав о мостех — памятник, который мы датировали временем около 1264 г. [25] Устав Ярослава о мостех называет Бежицкую и Обонежскую сотни наравне с другими сотнями, однако здесь же упоминает две «княжеские» сотни [26], одну из которых Б. А. Рыбаков локализовал в самом Новгороде, а другую — между Шелонью и Ловатью [27].

Приведенные сопоставления позволяют формулировать вывод о смысле соединения приписок об Обонежском и Бежецком ряде с грамотой Святослава Ольговича. Возникновение особого статуса этих территорий, нужно полагать, было результатом изъятия из

у Вьюнице гривна, Устье Паши гривна, у Пахитка на Паши пол гривны, на Кукуеве горе гривна, у Пермина гривна, у Кокорка пол гривны, на Масиеге низ Сяси пол гривны. В поезде от всее земли владыце 10 гривен, а попу две гривны. У Липсуевичь пол гривны, у Тоивота гривна, в Липне пол гривны».

[23] ГВНП, стр. 149, № 93.

[24] Там же, стр. 11, № 2.

[25] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 154.

[26] НПЛ, стр. 507.

[27] *Б. А. Рыбаков.* Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке.— «Исторические записки», т. 2, 1938, стр. 136—143.

юрисдикции князя суда в новгородских волостях, в частности — суда на тех землях, которые перечисляются в грамоте Святослава. Коль скоро таким изъятием в момент формирования самого отмежевания «новгородских волостей» ликвидировался вопрос об извлечении судебной десятины с территории Заволочья, неизбежно на повестку дня должна была встать проблема пересмотра норм десятины и порядка ее извлечения. Если мы сложим суммы, назначаемые с Обонежского и Бежецкого ряда, то увидим, что они равны 52 гривнам. Поскольку в приписках упоминается волжская гривна (19,6 граммов серебра) [28], то общая сумма в серебре равна 1020 граммов, что составляет ровно одну пятую часть старой суммы грамоты Святослава Ольговича (51,19 граммов $\times$ 100 = = 5119 граммов). Представляется, что это закономерное и справедливое падение десятины, отражающее резкое сокращение территории, с которой князь извлекает судебную пошлину.

Подведем краткие итоги.

1. В числе результатов восстания 1136 г. не было ограничения прав князя по отношению к землям Новгорода. Его статус судьи одинаково распространялся на все новгородские владения.

2. Между 1137 г. и серединой XIII в. в Новгороде была предпринята реформа, исключившая вмешательство князя в судопроизводство новгородских колоний-волостей.

3. В этот остающийся хронологически неопределенным момент потери князя были компенсированы двояко: была сокращена в пять раз судебная десятина, в полную княжескую собственность был передан суд в Обонежье и Бежицах.

[28] *В. Л. Янин.* Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в., стр. 177.

«ПРУССЫ» В ТОПОНИМИКЕ СЕВЕРНОЙ ПОЛЬШИ И НОВГОРОДСКОЙ РУСИ

Ежи Антоневич

Географический словарь Польского королевства [1], списки местностей бывших губерний Псковской [2], Витебской [3], Минской [4], Могилевской [5], а также географическо-исторический словарь бывшей Новгородской земли [6] фиксируют названия местностей и рек: Prusy, Pruska, Prusińska, Prusimowo, Prusowicze, Prusowszczyzna и т. д., происхождение которых многим исследователям казалось неясным.

Эти наименования в Польше связывали в основном с поселением пленных времен Болеслава Храброго, т. е. начала XI в. Предполагалось и другое: что эти наименования произошли от названия немецких пруссов (польское: Prusak) и позднейшего прусского государства, что они являются свидетельством проникновения немецких колонистов из Восточной Пруссии, а также из Прибалтики на территорию Белоруссии и Северо-Западной России. В 1939 г. В. Кипарский заметил, что наименование Prusy распространено во всех балтийских языках (в древнепрусском — Prušikai, литовском — Prušai, латышском — Prūši) и уже с 1253 г. засвидетельствовано источниками [7].

Но тот же автор упустил, что название Prusy, Pruska наблюдается также в польской и русской гидронимии, хотя не так

[1] «Słownik goegraficzny Królewstwa Polskiego», t. IX. Warszawa, 1888, str. 77—85.

[2] *И. И. Васильев.* Опыт географическо-статистического словаря Псковской губернии. Великолукский уезд. Псков, 1884; ср. также «Статистическо-географический словарь Порховского уезда». Псков, 1896.

[3] *А. П. Сапунов.* Список населенных мест Витебской губернии. Витебск, 1906, стр. 88, 137.

[4] *И. А. Бомштейн.* Справочная книга и спутник по Минской губернии. Минск, 1889, стр. 15.

[5] *Г. Пожаров.* Список населенных мест Могилевской губернии. Могилев, 1910, стр. 72, 187, 209.

[6] *А. А. Андриашев.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914, стр. 64, 67, 246, 408.

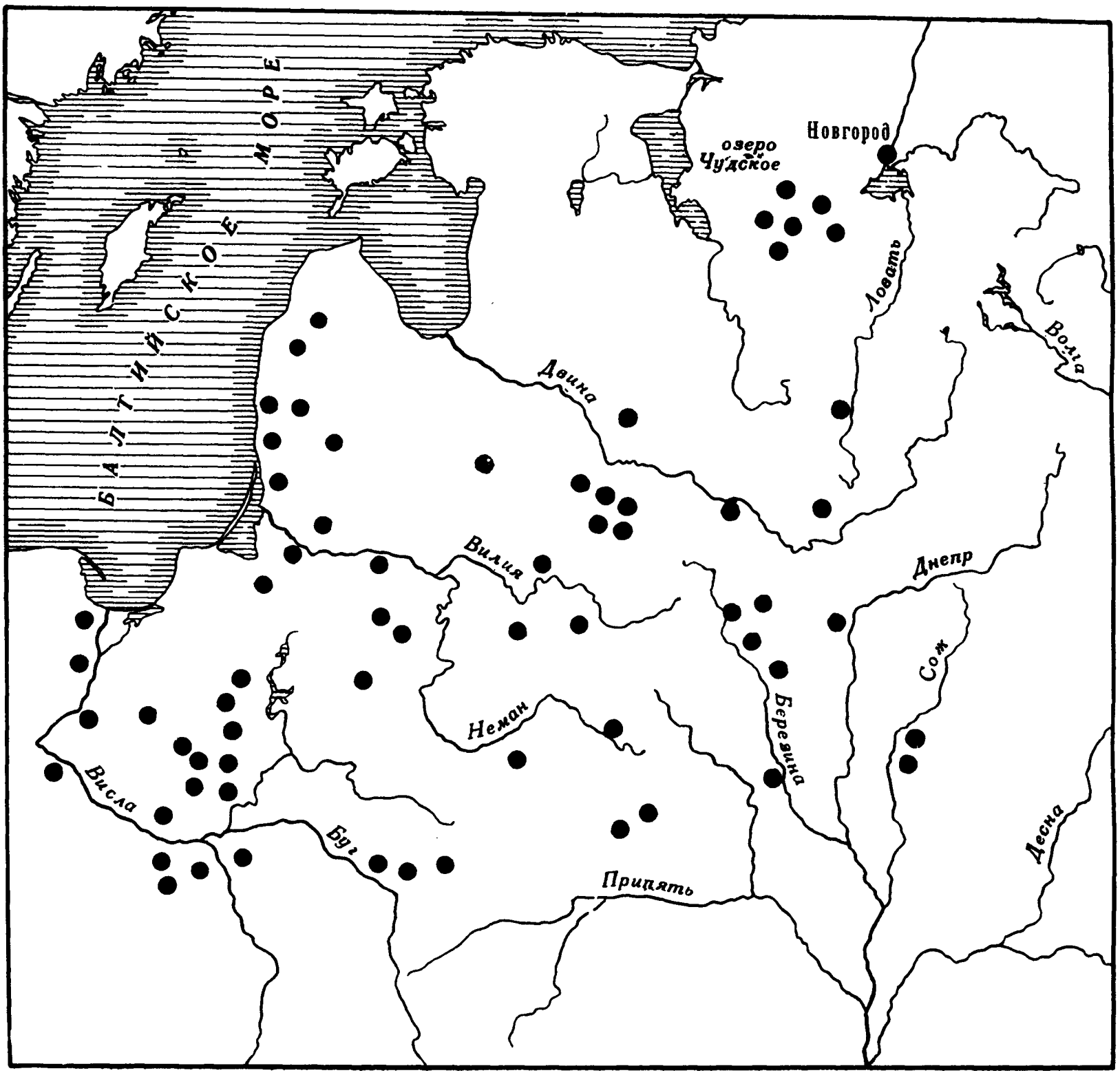
[7] *V. Kiparsky.* Baltische Sprachen und Völker.— «Baltische Lände», t. I. Leipzig, 1939, S. 55.

часто, как в наименованиях местностей. Так, на польской территории около Гданьска до сих пор существует местность Pruszcz и когда-то существовала деревня Prusicino (1279), входившая в состав имений монастыря цистерцианцев в Оливе [8]. Наконец, в отдаленной от территории прусских племен Бранденбургии до сих пор есть деревня Prutzke, где была найдена на якобы славянском могильнике с трупосожжением могила прусского происхождения с прусской застежкой [9]. В Новгороде Великом существовала «Прусская улица», появляющаяся в источниках с 1215 г. [10]

На прилагаемой карте автор собрал все известные ему наименования Prusy (без гидронимии) или производные от них, определяющие этническую принадлежность предполагаемых древних жителей этих местностей на территории Пруссии, северной Мазовии, Литвы, Латвии, Белоруссии и Новгородской земли. Отдавая себе отчет в происхождении этнического наименования Prusy, которое в литературе до сих пор широко обсуждается [11], автор предполагает, что на этнически чужой территории, а прежде всего славянской, эти наименования таят в себе богатые традиции иноплеменного поселения, в данном случае прусского, равно как названия, образованные от слова «ятвяги», свидетельствуют о ятвяжской колонизации, прежде всего после политического поражения ятвягов в 1283 г. [12]

Несомненно, существует глубокая внутренняя связь между наименованием Prusy и производными, наблюдаемыми в северной Мазовии в Польше, и поселением пруссов (Prus) на этой территории в раннем средневековье. Как доказала И. Хвалибиньска [13], в Мазовии были два больших скопления древней прусской эмиграции, из которой образовались два организованных центра поселенцев — основателей позднейшего польского дворянского рода Пруссов. Одно скопление поселенцев находилось в районе Закрочум — Плоньск — Вышгруд на север от Варшавы, и его существование на этой территории следует отнести по письменным источникам к

[8] *M. Perlbach.* Pommerellisches Urkundenbuch. Gdańsk, 1882, S. 265.
[9] *W. Unverzagt, J. Hermann.* Das slawische Brandgräberfeld von Prützke, Kreis Eberswalde.— «Ausgrabungen und Funde», t. III. Berlin, 1958, S. 110 и табл. 15, рис. b.
[10] НПЛ, стр. 54; ср. также *H. Łowmiański.* Prusy pogańskie. Toruń, 1935, s. 10; *J. Antoniewicz.* The Problem of the «Prussian Street» in Novgorod the Great.— «Acta Baltico-Slavica», t. II Białystok, 1965, p. 7—25; *I. Totoraitis.* Die Litauer unter dem König Mindowg bis zum Jahr 1263. Freiburg, 1905, S. 19; *J. Remeika.* Der Handel auf der Memel.— «Tauta ir Žodis», t. V. Kaunas 1928, p. 420 (здесь подчеркнуты прусско-новгородские контакты в раннем средневековье).
[11] Из обширной литературы предмета упоминаем здесь лишь некоторые работы: *C. Mahn.* Über den Ursprung und Bedeutung des Names Preussen. Berlin, 1850, S. 16; *W. La Baume.* Wie hiessen die alten Preussen?— «Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins». Kenigsberg, 1922, S. 48—49.
[12] *A. Kamiński.* Jaćwiez. Łódź, 1953, str. 68, 71, 89, 96, 98; ср. также *J. Nalepa,* Jaćwięgowie. Białystok, 1964 (здесь дана этимология этого названия).
[13] *J. Chwalibińska.* Ród Prusów w wiekach średnich. Toruń, 1948, str. 101.



«Пруссы» на территории Европы

XII в.[14] Это были скопления семей, ведущих родословную из Пруссии и поселившихся позже на королевских землях. Древнейший классовый состав этих семей невозможно точнее определить. В исторических источниках они появляются как полноправное польское рыцарство, сохраняющее только традиции своего «прусского» происхождения. Вторая группа, из которой образовалось со временем второе скопление поселенцев, расположилась в районе Тарчын — Груйец на юг от Варшавы и была зафиксирована в документе 1345 г. Древнейший ее представитель известен со времен княжения польского князя Болеслава (1262—1313), т. е. начиная со второй половины XIII в.[15] И эта группа появилась на территории княжеских владений в качестве пленных или добровольных поселенцев, прежде чем приобрела привилегии польского дворянства (рыцарства). Причем характерно, что на территории этих двух скоплений поселенцев встречаются в обоих случаях образованные от слова Prusy наименования. Конечно, они подверга-

[14] *J. Chwalibińska.* Op. cit., str. 96
[15] Ibid., str. 53 и др.

лись на протяжении веков разным преобразованиям и являются, как мне представляется, доказательством присвоения имени собственного чужим этническим обществом, поселившимся в славянской среде. В этой среде произошла также утрата иноязычного суффикса kai при сохранении формы Pruši или со временем Prusy или образований от последнего.

Таким образом, почти в самом центре первого скопления поселений в районе Закрочум — Вышгруд отмечается название Pruszczyn, а около Бельска Плоцкого — Rudowo-Prusy, местность, о которой по источникам XIV в. известно, что она была собственностью Томаша и Шимона Варпун (Szymon u Tomasz Warpuni). Их родовое прозвище невольно связывается с местностью Варпуны, существующей до сих пор на Мазурской возвышенности в окрестностях г. Мронгово [16] на территории бывшей Восточной Пруссии, а также с названиями нескольких мазурских озер.

Второе скопление поселенцев — в районе Груйец — Тарчын — Скарневице на юг от Варшавы имеет тоже свои эквиваленты местных наименований типа Prusy. Именно в окрестностях города Груйец есть местность Гошьцяньчыце, откуда происходит известная геральдикам семья по фамилии Гошьцяньски, широко распространившаяся как в Груйецком районе, так и на другом берегу Вислы — в Миньском [17]. С первого десятилетия XV в. дошло до нас сообщение о владельцах местности и, между прочим, о лице с типично прусской фамилией Santor [18]. Как в окрестностях г. Груйец, так и г. Миньск в центре родовых поселений пруссов встречаются наименования деревень Prusy или производные от этого слова.

Обобщая эти наблюдения, следует заметить, что процесс возникновения таких наименований, согласно исследованиям С. Урбаньчика [19] и его предшественников, протекал следующим образом. Сначала княжеская или королевская власть привлекала иноплеменное население (пленных или политических перебежчиков) в польскую среду. Таким образом возникало наименование по происхождению — Prusy. Постепенно, хотя и не всегда так бывало, наименования по происхождению (этнические) преобразовались и приобрели функцию наименований родовых. Рядом с этими преобразованными родовыми наименованиями по мере увеличения данного рода возникали на пустошах наименования младшего типа по собственности, как, например, в случае приведенной выше местности Gościańczyce. Одновременно местное наименование по мере

[16] *G. Leyding-Mielecki.* Słownik nazw okręgu mazurskiego, t. I. Olsztyn, 1947, str. 60; t. II. Poznań, 1959, str. 162, 167.
[17] «Słownik geograficzny Królestwa Polskiego», t. IX, str. 78.
[18] Важно обратить здесь внимание на Castrum Santirium над Ногатом (рукав Вислы) — один из первых прусских городов, занятых рыцарями в 1233—1238 гг.
[19] *S. Urbańczyk.* W sprawie chronologii słowiańskich nazw miejscowych.— «I Międzynarodowa Sławistyczna Konferencja Onomastyczna», t. I. Wrosław, 1961, str. 145.

ассимиляций данного рода польской средой постепенно к XIV в. утрачивало свое первоначальное значение.

Прусские нашествия конца XII — начала XIII в. и литовские второй половины XIII в. уничтожили существовавшую картину поселений и феодального экономического устройства в северной Мазовии, до того укрепляемого княжеской властью. Следует предположить, что во всяком случае сохранившееся после нашествия население, безотносительно к его классовому происхождению (население «десятников» (decimi) или политические перебежчики после 1230 г.), уже не возвращалось на старые места, находя лучшие условия быта в другом месте [20]. Видимо, уже приблизительно с начала XIV в. с местным наименованием Prusy в Мазовии и, может быть, на остальной территории Польши (феодальные междоусобицы и нашествие татар) не следует связывать первоначальное распространение населения. Тем временем на оставленных ареалах возникло новое коренное население, которое сохранило, однако, по многим причинам традиционные наименования, и отсюда наши минимальные данные о нем.

Но не только Мазовия доставляет нам эти очень внушительные данные, которые соединяют в целое топонимы с фактами истории. Имеются также хронологически более ранние археологические данные. Мы вспоминали уже о местности Pruszcz около Гданьска. Там существовал почти беспрерывно ряд поселений древних пруссов в славянской среде [21] с VI—VII вв. приблизительно до IX—X вв. Это, кажется, свидетельствует о сильном и плотном коллективе людей, проживающем на этой территории; о том же говорит и этническая непрерывность погребенного здесь населения, которое еще в раннее средневековье полностью не ассимилировалось славянской, поморской средой. Впрочем, не только эта территория по археологическим и ономастическим данным свидетельствует о проникновении балтийской стихии в гданьское Поморье. Об этом говорят и местные наименования балтийского типа [22],

[20] *D. Poppe.* Ludność dziesiętnicza w Polsce wczesnośredniowiecznej.— «Kwartalnik Historyczny», t. 44. Warszawa, 1957, str. 3. О том, что среди десятичного населения были также пруссы, свидетельствует документ Болеслава Стыдливого от 1250 г., где упомянуты «Cholech filius Rage». Имя Раге — типично прусское (ср. *R. Trautmann.* Die altpreussischen Personennamen. Getynga, 1925, S. 81).

[21] *J. Kostrzewski.* Słowianie i Germanie na ziemiach na wschód od Łaby w VI—VIII w. po Chr.— «Przegląd Archeologiczny», t. VIII. Warszawa, 1946, str. 4 и др.; *H. Strunk.* Die Flurname der Landgemeinde Praust, Kreis Danziger Höhe. Gdańsk, 1927, S. 15—25 (ряд названий местности балтийского типа рядом со славянскими и немецкими); ср. также *F. Lorentz.* Preussen in Pomerellen.— «Mitteilungen des Westpreussischen Geschichtsvereins», t. 32. Königsberg, 1933, S. 49—59. Другой приток прусских колонистов приходится на орденское время (ср. *J. Powierski.* Kształtowanie się granicy pomorsko-pruskiej w okresie od XII do pocz. XIV w.— «Zapiski Historyczne», t. XXX. Toruń, 1965, str. 24—26).

[22] *L. Kilian.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel? — «Altpreussen», t. IV. Königsberg, 1939, S. 67; *H. Krahe.* Baltische Ortsnamen westlich der Weichsel?— «Altpreussen», t. VIII. Königsberg, 1943, S. 11—12; см. также *M. Gimbutas.* The Balts. London, 1963.

наблюдаемые в других районах Поморья. Возникает вопрос, в какое время они возникли? Являются ли они древним свидетельством давних отношений балто-славянской общности или же относятся к позднейшим временам, а именно: к раннему средневековью? Ответить на этот вопрос пока что трудно даже специалистам, как видно из высказываний Г. Краге [23] и других.

Не будем здесь рассматривать все наименования типа Prusy на северной территории раннесредневековой Руси, указанные на прилагаемой карте. Выступают они более или менее регулярно на бывших племенных территориях дреговичей, радимичей и кривичей. У последних эти наименования сосредоточены в западной части их племенной территории, главным образом между реками Великая и Шелонь, и в более восточном направлении в бассейне Шелони. В основном это территория распространения псковского диалекта, о котором А. А. Шахматов писал, что в нем больше всего смежных с польским языком черт, и это явление он объяснял предполагаемым наличием «ляцких колонистов» [24]. Предположения А. А. Шахматова не имеют пока точных доказательств в археологических и исторических источниках, хотя нельзя исключать возможности пребывания поселяемых здесь время от времени польских пленных, например, захваченных новгородцами в Литве. Однако нам не кажется, что оно повлияло решающим образом на оформление псковского диалекта [25]. В последнее время Р. И. Аванесов приписывает этому диалекту очень старую основу [26], тогда как возможное пребывание «ляхов» может относиться к сравнительно позднему времени, а именно: к периоду феодального раздробления.

Кажется, наиболее близким к истине был А. И. Соболевский, который это явление старался объяснить балтийским влиянием на славянских кривичей и аналогичным балтийским влиянием на польские говоры [27], а особенно на явление мазуракания, как принято считать в последнее время [28]. Предположения А. И. Соболевского

[23] *H. Krahe.* Über einige Flussnahmen — Komposita auf alteuropäischer Grundlage. Flussnahmen aus baltischen Gebiet.— «Beiträge zur Namenforschung», Bd. XV. Tübingen, 1964, S. 2—10; *он же.* Alte Gewässernamen zwischen Weichsel und Nemel.— Ibid., Bd. XVI, 1965, S. 1—8.

[24] *А. А. Шахматов.* К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры.— «Русский филологический вестник», т. 69. Варшава, 1913, стр. 1—11.

[25] В. В. Седов в работе «Кривичи» («Советская археология», 1960, № 1, стр. 47—62) предположил, что «псковский диалект» возник в результате продвижения группы кривичей с северо-восточных земель Польши в область Новгородской земли, что, однако, не имеет ясных археологических аргументов.

[26] *Р. И. Аванесов.* Вопросы образования русского языка в его говорах.— «Вестник МГУ», № 9, 1947, стр. 131—132, прим. 2.

[27] *А. И. Соболевский.* Важная особенность старшего псковского говора.— «Русский филологический вестник», т. 62. Варшава, 1909, стр. 231—234.

[28] *J. Otrębski.* Udział Jaćwingów w ukształtowaniu się języka polskiego.— «Acta Baltico-Slavica», t. I. Białystok, 1964, str. 215; критические замечания см.: *J. Safarewicz.*— Ibid., str. 268; «Język Polski», t. XII, 1961, str. 289.

приближают нас к объяснению возникновения наименований Prusy на территории Шелонской пятины, находящейся, по крайней мере частично, в пределах псковского диалекта. Кажется, что эта территория, бывшая в административном управлении Великого Новгорода, лежала также в пределах торгового пути с запада от Рижского залива вдоль бассейна р. Гауя до Изборска — Пскова и дальше вдоль бассейна Шелони до Новгорода [29]. По этому пути между Псковом и княжеским двором Ракома около Новгорода располагаются наименования Prusy (латышское: Prūši). Эти наименования, наблюдаемые в пяти (а может, и в шести [30]) случаях в бассейне Шелони, находят как будто продолжение в «Прусской улице» Новгорода, наименование которой появляется приблизительно в начале XIII в. или, может быть, раньше и существует по крайней мере до XVI в. [31]

Возникает важный для наших дальнейших выводов вопрос, какова причина расположения этих наименований в бассейне Шелони? Можно выдвинуть более или менее обоснованную гипотезу, что в наименованиях типа Prusy, зафиксированных не только в топонимии, но и в гидронимии этой территории, следует видеть связь с «Прусской улицей» в Новгороде и с торговым путем Рижский залив — Новгород [32]. «Прусская улица» в Новгороде возникла в период наибольшего экономического и политического развития пруссов за несколько десятков лет до прибытия в Пруссию немецкого Ордена. В этот период Самбия и другие племенные территории пруссов в районе Балтийского моря [33] переживали заметный экономический и политический расцвет. Изделия балтийского ремесла встречаются не только в Новгороде, но даже в Киеве [34], и, наоборот, ряд предметов роскоши Киевской и Новгородской зе-

[29] *J. Antoniewicz.* Ślady handlu Słowian z Bałtami we wczesnym średniowieczy.— «Rocznik Olsztyński», t. III, 1961, str. 17 и рис. 3 (карта), где более ранняя литература проблемы.

[30] Не удалось установить, идентично ли село Просы, лежащее в древнем повете Порхов, с селом Прусы близ Карчунска.

[31] *J. Antoniewicz.* The problem of the «Prussian Street», p. 6.

[32] Относительно разветвленности торговых путей на новгородской территории см. карту «Важнейшие пути сообщения восточной Латвии в раннее средневековье» в кн.: *Э. С. Мугуревич.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

[33] *H. Łowmiański.* Stosunki polsko-ruskie za pierwszych Piastów.— «Przegląd Historyczny», t. 40, 1930, str. 161 и сл.; *J. Antoniewicz.* Prusowie we wczesnym średniowieczu i zarys ich kultury materialnej.— «Pomorze Średniowieszne». Warszawa, 1958, str. 146—149; *он же.* Niektóre dowody kontaktów słowiańsko-pruskich w okresie wczesnośredniowiecznym.— «Wiadomości Archeologiczne», t. XXII. Warszawa, 1955, str. 272—274; *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 366 и др.; ср. также *K. Slaski.* Z zagadnień rozwojowych plemion bałtyjskich i zachodniofińskich w okresie wczesnofeudalnym.— «Swiatowit», t. XXIV, 1962.

[34] *Б. А. Рыбаков.* Ремесло.— В кн.: «История культуры Древней Руси», т. I. М., 1948, рис. 87 (типичная бронзовая шейная балтийская гривна, открытая в Киеве).

мель попадается на племенных территориях пруссов [35], литовцев [36] и латышей [37].

Поэтому можно думать, что топонимы типа Prusy как на пути Рижский залив — Новгород, так и на пути Новгород — бассейн Ловати — Витебск, а также в междуречье Березина — верхний Днепр, являются свидетельством проникновения сюда пруссов. В бассейне Шелони эти наименования являются свидетельством существования этапных пунктов прусской (или, может быть, шире — балтийской) торговли, пути в Новгород во время наибольшей активности пруссов и других балтов. Аналогичные этапные пункты на торговых путях в Новгород создавали или пытались создавать разные народы, как, например, раньше викинги на Ладоге [38], а в позднейшее время шведы в устье Невы [39], немцы во времена Ганзы в том же Новгороде [40], датчане в Ревеле (Таллине) [41] и т. д. Поэтому полагаю, что и у балтов, а особенно у пруссов имелись такие поселенческо-торговые возможности по пути в Новгород. Существенно и то, что центр этой предполагаемой купеческо-торговой инициативы, т. е. Самбия, находился в более выгодном положении (удобном для плавания вдоль береговой линии), чем прежде центры викингов, а позже — шведов, датчан, немцев и т. д. Проникновение пруссов в Новгородскую землю засвидетельствовано расположением нескольких топонимов между Псковом и Новгородом в районе самого прямого пути из Самбии через Рижский залив в Новгород, минуя сухопутный путь через Литву и Полоцкую землю. Последним звеном этого проникновения является уже в самом Новгороде «Прусская улица».

То, что мы здесь пытались представить, причинно связывается с до сих пор не выясненным языковедами вопросом с псковском диалекте, уже давно выделенном Московской диалектологической комиссией. Можно предположить, что причиной его возникновения была этническая мозаика в бассейнах рек Великой, верхней Шелони и верхней Ловати, где он сформировался. Это территория столк-

[35] *J. Antoniewicz.* Niektóre dowody, str. 272.
[36] *O. Navickaite-Kuncienė.* Senosios Rusios importas X—XIII amžių Lietuvoje.— «Lietuvos TSR Mosklų Akademijos Darbai», 2(17), 1964, str. 115—133.
[37] *H. Moora.* Pirmatnījās kopienas iekarta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas. PSR teritorijā. Rīgā, 1952, str. 114—168; *В. В. Дорошенко.* Киевская Русь и возникновение феодализма на территории Латвии.— «История Латвийской ССР», т. I. Рига, 1952, стр. 44—47; ср. также *E. Mugurevičs.* Rozā šifera izstrādājumu atradumi Latvijā.— «Latvijas PSR Zinātnu Akademijas Vēstis», Nr, 9, 1960, str. 17—31.
[38] *W. J. Raudonikas.* Die Normanen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, S. 138 и др.
[39] *И. П. Шаскольский.* Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь.— «Известия АН СССР». Серия историческая, т. VIII, 1951, № 3, стр. 267—276.
[40] *G. Svahnström.* Gutagård och Petershof. Tva handelsgårdar i den medeltida Novgorod.— «Gotländsk Arkiv». Visby, 1960, s. 35—50.
[41] *А. Вассар.* Эстония в период феодальной раздробленности.— «История Эстонской ССР», т. I, Таллин, 1961, стр. 200.

новения и взаимовлияния балтийских племен — носителей древнейшей западнодвинской культуры и финских племен — носителей культуры типа Дьяково. На эту смешанную в культурно-языковом отношении территорию вторгаются в раннем средневековье славянские кривичи. В VII—IX вв. здесь возникают своеобразные удлиненные и длинные курганы [42]. В этом этнически-языковом конгломерате образовался своеобразный псковский диалект, который вызвал возникновение шахматовской теории о «ляцких» на него влияниях. В настоящее время гипотеза А. А. Шахматова уже не имеет сторонников, но не исключено, что столкновение этих трех этнических элементов (балтов, финнов и славян) в районе р. Великой и верхней Ловати при одновременном влиянии в определенном объеме прусского языка (диалекты помезанский и самбийский) в X—XIII вв., в пору существования торгового пути Рижский залив — Псков — Новгород, способствовали образованию своеобразного характера псковского диалекта. Как известно, этот диалект отличается от новгородского и, думается, потому, что в основе последнего не было балтийского языкового субстрата. Новгородский диалект формировался на основе финского субстрата при участии наслоений позднейших новгородских словен, а может быть, частично и кривичей. Так как в помезанском диалекте прусского языка есть много общих черт западнославянских диалектов, то возможно, что «ляцкие» влияния были перенесены в район Пскова прусскими, а также западнославянскими (поморскими) купцами [43] в период существования торгового пути Волин — Самбия — Рижский залив — Псков — Новгород Великий. Не следует переоценивать роли этих влияний в формировании псковского диалекта, но не исключено, что таким образом можно будет отыскать более глубокие причины, которые побудили А. А. Шахматова поддерживать свою гипотезу на протяжении многих лет (1899—1916).

Приведенные здесь этнически-языковые совпадения, позволившие построить эту новую гипотезу, потребуют, разумеется, дальнейших комплексных исследований. Основой этой гипотезы является не только удивительный факт существования наименований типа Prusy вдоль торгового пути Псков — Новгород, но и наличие ряда подобных названий на литовско-латвийском побережье [44], а также в других районах Латвии, Литвы и Белоруссии. Наименования

[42] *В. В. Седов.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.).— «Советская археология», т. 18, 1953, стр. 209 и сл.; ср. также *С. А. Тараканова.* Длинные и удлиненные курганы.— Там же, т. 19, 1954, стр. 77 и сл.

[43] Свидетельством западнобалтийских (прусских) влияний в западном направлении являются предметы, ввезенные из Пруссии, находимые на всем западном Поморье вплоть до устья Одры, до моря; зато сомнительно происхождение явно балтийских наименований в западном Поморье и в Мекленбурге. Примечательны данные, восходящие к имени «пруссы», для западного Поморья.

[44] *E. Blesse.* Die Kuren und ihre sprächliche Stellung im Kreise der baltischen Volksstämme.— «Congressus II Archaeologorum Balticorum». Riga, 1931, S. 293 и др.

типа Prusy подтверждают существование торговой зоны водного и сухопутного путей вдоль побережья Балтийского моря в сторону Рижского залива. Эти названия, как я считаю, на территории Литвы, Латвии и Новгородской земли следует отнести к раннему средневековью, к периоду наибольшей экономической активности пруссов в районе Балтийского моря. Некоторые наименования могут свидетельствовать об относительно поздней немецкой колонизации, если принять во внимание латышские синонимы prūši-schwabe, на что уже обратили внимание лингвисты [45]. Отделение этих двух разных хронологически и качественно поселенческих явлений, т. е. древнепрусской колонизации и позднейшей немецкой, является задачей будущих подробных топонимических и исторических исследований.

[45] *K. Mülenbach, J. Endzelin,* Latviešu valodas vārdnīca. Rīgā, 1923—1932.

ПОЛЬСКИЙ ХРОНИСТ ЯН ДЛУГОШ О РОССИИ

Ю. А. Лимонов

Для России времени централизованного государства характерно усиление дипломатических, экономических и культурных контактов с другими странами Европы. Московские летописные своды XV в., важнейшие идеологическо-политические памятники того времени, проявляли глубокий «интерес к вопросам международной жизни» [1]. Летописцы весьма тщательно собирали информацию о странах Европы, и прежде всего о Литве, Польше, Швеции — соседях русского государства. В то же время в Европе публиковались сочинения польских и шведских ученых (Меховского и Магнуса), которые довольно подробно рассказывали о русских и о Московском княжестве.

Одно из первых подобных сочинений — «История Польши» Яна Длугоша, замечательного польского историка и дипломата. В ней автор опирается на целый комплекс русских источников: южнорусские, северо-восточные для X—XIII вв. и западнорусский для изложения позднейших событий [2]. Задача настоящей работы — определить объем и цель использования польским историком западнорусского памятника, до сих пор недостаточно изученного.

Сложна и трагична судьба «Истории» Длугоша. Ее первый том появился только в 1614 г. Но уже в следующем году последовал королевский указ Сигизмунда III, запретивший издание, в связи с тем, что потомкам некоторых шляхетских родов не понравились «деяния» их предков, описанные Длугошем. Почти сто лет «История Польши» лежала втуне. Наконец, в 1711 г., через 231 год после смерти автора, она была опубликована в Лейпциге бароном Генрихом фон Гюйсеном, воспитателем царевича Алексея Петровича [3].

[1] *Л. В. Черепнин.* Отражение международной жизни XIV — начала XV в. в московском летописании.— «Международные связи России до XVII в.». М., 1961, стр. 225.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша.— В кн.: «Исторические связи России со славянскими странами и Византией». М., 1969, стр. 226—237.

[3] *Ст. Пташицкий.* Длугош, польский историк XV столетия. Отд. оттиск из журн.

Запрещенная работа сыграла важную роль в ознакомлении Европы с историей, географией, бытом славянских народов, с польским, литовским и русским государствами. Материалы «Истории», в том числе русские летописи, были хорошо известны Европе эпохи Возрождения. Это в значительной мере объясняется тем, что польские гуманисты Меховский, Кромер, Бельский использовали труд Длугоша. Достаточно сослаться на работу Меховского, исключительно популярную в Европе. Его труд «Трактат о двух Сарматиях», вышедший в 1517 г., почти весь основан на материалах по истории Руси, заимствованных у Длугоша. Сведения о Руси Эразма Роттердамского и Ульриха фон Гуттена, карта Меркартора и других западноевропейских географов восходят к «Истории» Длугоша. Поэтому труд польского историка и его русские источники заслуживают пристального внимания исследователей.

Вопрос об использовании Длугошем западнорусских летописей до сих пор не получил окончательного решения. Этой проблеме не было посвящено специального исследования. Между тем уже давно, более ста лет тому назад, К. Н. Бестужев-Рюмин поставил вопрос о соотношении «Истории» с текстом русского памятника XV в. Сопоставление труда Длугоша и летописей позволило К. Н. Бестужеву-Рюмину отметить сходство сообщений «Истории» под 1382 г. с отрывком из западнорусской летописи [4]. Не решил этой проблемы и И. А. Тихомиров. Он высказал предположение, что Длугош заимствовал свои сведения не из западнорусской летописи, а из «отдельного сказания» «о борьбе Кейстута с Ягайлом» [5].

Постоянный оппонент А. И. Тихомирова А. А. Шахматов посвятил несколько работ западнорусским летописям и составу «Истории» (до XIII в. включительно) [6]. Он высоко ценил произведение «польского Ливия» [7] и писал: «Признавая исследования Длугоша со стороны русских источников делом будущего, я ограничусь здесь несколькими замечаниями относительно бывших в его распоряжении русских летописей. Оставляю в стороне летописи западнорусские, их влияние несомненно, начиная с X книги Historiae Polonicae» [8].

«Библиограф. Вестник литературы, науки и искусств». СПб., 1888, стр. 3—6; *Л. В. Разумовская.* Ян Длугош и Грюнвальдская битва.— В кн.: *Ян Длугош* Грюнвальдская битва. М.— Л., 1962, стр. 167.

[4] *К. Н. Бестужев-Рюмин.* О составе русских летописей до конца XIV века. Приложение. СПб., 1868, стр. 363—375.

[5] *И. А. Тихомиров.* О составе западнорусских так называемых литовских летописей.— ЖМНП, 1902, март, стр. 9; май, стр. 80.

[6] *А. А. Шахматов.* Записка о западнорусских летописях.— ЛЗАК, вып. 13. СПб., 1901, стр. 39—49; *он же.* О Супрасльском списке Западнорусской летописи.— Там же, Приложение, стр. 1—16; *он же.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 340—378.

[7] *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 340.

[8] Там же, стр. 342.

Исследователей, занимавшихся в дальнейшем западнорусскими летописями, видимо, мало интересовало соотношение этих памятников с трудом Длугоша [9], хотя подобный анализ важен уже потому, что, как указывал М. Д. Приселков, «впервые о белорусских или западнорусских летописях русская наука узнала из сочинений польских хронистов XV и XVI вв.: Длугоша, Бельского и Стрыйковского» [10]. Работы, посвященные непосредственному анализу источников «Истории» Длугоша, также мало касались использования польским историком русского памятника XV в. [11]

В послевоенные годы изучение трудов Длугоша продолжалось. Появился превосходно изданный перевод с латинского оригинала на польский язык первых двух книг «Истории» [12], археографические исследования, посвященные спискам труда Длугоша [13]. Польские ученые проделали огромную работу по комментированию ряда разделов «Истории» [14]. Историография «Истории» пополнилась и советскими работами. В. Т. Пашуто на основе труда Длугоша реконструировал некоторые летописные памятники Южной Руси [15]. Были изданы в переводе на русский язык несколько глав «Истории», посвященных Грюнвальдской битве. Издание снабжено обстоятельными примечаниями и комментариями Л. В. Разумовской и Б. В. Казанского [16]. Появилась также интересная работа М. А. Ючаса, поставившая серьезные вопросы исторической критики сочинения Длугоша [17].

Совпадение текстов известий «Истории» и западнорусских летописей начинается со статьи 1382 г. Эта статья, подробно рассказывающая о генеалогии литовских князей и о борьбе Ягайлы с Кейстутом и Витовтом, основана на источнике, который был использован русскими памятниками [18]. Общий источник «Истории»

[9] *Ф. П. Сушицкий.* Западнорусские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1921, стр. 33.

[10] *М. Д. Приселков.* Летописание Западной Украины и Белоруссии.— «Ученые записки ЛГУ», Серия исторических наук, вып. 7, 1940, стр. 17.

[11] *A. Semkowicz.* Krytyczny rozbiór dziejów polskich Jana Długosza. Kraków, 1887, str. 52—55; *E. Perfeckij.* Historia Polonica Jana Dłogosze a ruské letopisectvi. Praha, 1932. str. 18—21.

[12] «Jana Długosza Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego», ks. 1, 2. Warszawa, 1961.

[13] *W. Semkowicz-Zarembina.* Powstanie i dzieje autografu Annalium Jana Długosza. Kraków, 1952.

[14] *S. Kuczyński.* Rozbior krytyczny Roky 1385 «Dziejów polskich» Jana Długosza.— «Studia Źrodłoznawcze», t. III. Poznań, 1958, str. 213—254; «Rozbiór krytyczny Annalium Poloniae Jana Długosza z lat 1385—1444». Opracowali: St. Gawęda, K. Pieradzka, J. Radziszewska, K. Stachowska, pod kierunkiem Jana Dąbrowskiego.— «Polska Akademia Nauk. Oddział w Krakowie. Prace Komisji Historycznych», N 7. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

[15] *В. Т. Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *он же.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[16] *Ян Длугош.* Грюнвальдская битва. М.— Л., 1962.

[17] *М. Ючас.* «История Польши» Яна Длугоша.— «Труды АН Лит. ССР», серия А, т. I, 1959, стр. 135—148.

[18] «Jana Długosza kanonika krakowskiego Dzieła wszystkie». Przekład K. Mecher-

и русских летописей обнаруживается и ниже. Так, в «Истории» под 1387 г. находим сообщение о легендарном литовском князе Витене. О нем же сообщают и западнорусские летописи. Характеристика Витовта под тем же годом несколько напоминает «Похвалу Витовту» западнорусских летописей [19].

Совпадение известий «Истории» и западнорусских летописей не ограничивается перечисленными примерами. Под 1394 г. в «Истории Польши» сообщается о смерти литовского князя Скиргайлы, наместника Витовта в Киеве. Рассказ о его кончине помещен и в западнорусских летописях. Хотя характеристики в памятниках диаметрально противоположные (у Длугоша Скиргайло жестокий тиран, а в западнорусских летописях он представлен достойным правителем, «добрым» князем), источник у «Истории» и летописей один и тот же. Западнорусские летописи сообщают подробности его убийства: «Фома чернец Изуфов», который держал «наместничество у святои Софии на митрополичьем дворе», позвал Скиргайлу на пир, где и дал князю «зелие травное пити», после чего тот вскоре умер. Длугош повторяет почти дословно этот рассказ. «Чернец-русин» дал князю отраву, «которую высыпал в чару». Из этой чары Скиргайло «напился и умер...». Западнорусская летопись далее сообщает, что Скиргайло «положен бысть... подле гроба святого Феодосия Печерского». Длугош вкратце повторяет это известие: князь «похоронен был в киевских пещерах...» [20] Следовательно, сообщение о смерти литовского князя еще раз подтверждает использование памятниками одного и того же источника.

Статья 1399 г. «Истории» посвящена описанию битвы Витовта с передовым отрядом Тамерлана. Это сообщение есть в западнорусских летописях и московском летописном своде 1480 г. Очень подробно Длугош сообщает о битве с татарами. Известие «Истории» базируется на ряде источников (западноевропейских и польских). Но интересно, что некоторые детали рассказа статьи 1399 г. близки к сообщениям западнорусских летописей и московского свода, точнее к их общему источнику. Так, Длугош указывает, что в войске Витовта находились «готовые к бою рати поляков, немцев, литвинов и руси», а далее перечисляет воевод — начальников отрядов, состоящих из уроженцев Подолии, Жемайтии и Мазовии. В западнорусских летописях и в московском своде 1480 г. читаем, что с Витовтом шли «Литва, Немци, Ляхи, Жемот, Татарове, Волохи, Подоляне». Далее. В московском памятнике и западнорусских летописях указывается, что Витовту помогал «царь Тохтамышь со своим двором». Длугош пишет: «Был, кроме того, в дружине Александра, великого князя Литовского, царь татарский Тактамыш, который вел за собой несколько тысяч татар». Наконец,

zuńskiego, ks. X. Kraków, 1868 (далее — Długosz), str. 379—381; ПСРЛ, т. XVII, стб. 71—74; т. XXV, стр. 173.

[19] Długosz, ks. X, str. 444, 447; ср. ПСРЛ, т. XVII, стб. 205, 64—67.

[20] Długosz, ks. X, str. 478; ср. ПСРЛ. т. XVII, стб. 80—81.

по русским памятникам битва произошла 12 августа, во вторник (добавляют западнорусские летописи). По Длугошу, бой был 14 августа, но тоже во вторник[21]. Эта ошибка в датировке, а также другие совпадения, приведенные выше, позволяют думать, что и у польского хрониста, и у русских сводчиков был общий источник.

Общий источник русских летописей и «Истории» прослеживается и при описании событий XV в. Остановимся лишь на одном известии труда Длугоша. Оно датирует русский источник «Истории».

Известие 1430 г. о неудавшейся коронации литовского князя Витовта находится во всех памятниках. В «Истории» это сообщение является обширным рассказом, основанным на ряде источников, в том числе на послании папы римского Мартина V Витовту, на личных воспоминаниях Збигнева Олесницкого (друга и патрона Длугоша). В русских летописях это известие более краткое. Тем не менее некоторые детали сообщений совпадают. Так, при перечислении лиц, прибывших на предстоящую коронацию Витовта, в московском летописном своде упоминаются, кроме митрополита Фотия, видимо, исполнявшего роль посла московского князя, «король Ягайло и князь великы Борис Тферьскы, Пруссы и Немецкы мистр и Мазовшаньскы князь великы и прочие мнози...» В западнорусских летописях читаем: «князь велики Витовть Кестоутевичь созваша к собе короля Польского Владислава, князя великого Московского Василия Васильевичь и князя великого Тферьского Бориса Александровича и мистра Немецького и Проуского мистра Лифанского..., и от великого князя Резанского Ивана и от Волоского воеводы послы приходили. Подоевскыи [Одоевские] князи сами были...» Длугош дает перечисление более сжато, но характерно, что избегает ошибки западнорусских летописей: о личном посещении московским князем Витовта он не упоминает. В Литву приехал король Владислав-Ягайло, его жена Юлиана, а также магистр прусский Павел Русдорф, князья русские — Московские, Тверские, Одоевские, множество знатнейших литовских и русских бояр и панов.

На этом сходство памятников не кончается, наблюдается текстологическое совпадение фрагментов. В московском своде 1480 г. сообщение заканчивается известием, что Витовт «многу честь всем дасть и дары многы, по многы дни и оттоле вси разъидошася по своим землям». Близок к этому известию фрагмент западнорусской летописи: «Князь велики Витовт хотель на себе положити коруну и его не приняли (неприятели.— *Никифоровский сп.*) поляне [поляки. — *Ю. Л.*] не пропустиша коруны и за тымь не положи на себе каруны... князь велики Витовт роспусти князей великих и послы царевы со многими дарми и с честию». В «Истории» Длугоша читаем: «А когда убедился [Витовт], что напрасно было желание [буквально: мысль] о принятии короны, почтил магистра Прус-

[21] Długosz, ks. X, str. 494—497; ср. ПСРЛ, т. XVII, стб. 47, 48; т. XXV, стр. 229.

ского и всех князей Русских богатыми дарами [и] отправил их домой» [22].

Просмотр текста за последующие годы позволяет утверждать, что статьей 1430 г. Длугош закончил использование русского источника. Определить этот источник нетрудно. В историографии уже замечено, что Длугош пользовался западнорусской летописью. Этот вывод требует некоторых корректив. Длугош привлек не западнорусскую летопись, а ее протограф, который заканчивался тридцатыми годами XV в. [23] Этот памятник был использован польским историком не только для статьи 1382 г., но и для некоторых известий XIV—XV вв. Протограф западнорусских летописей базировался на митрополичьем общерусском своде [24]. Вот почему известия «Истории» совпадают с московским летописным сводом 1480 г. Можно полагать, что Длугош привлек для своего сочинения общерусский летописный свод в западнорусской (смоленской) редакции.

Что определило выбор Длугошем русского свода XV в.? Видимо, не только широкое распространение памятника на территории Литовского великого княжества. Длугоша, надо полагать, привлекла его политическая направленность. В памятнике отдается должное местным интересам, но проводится идея политической стабилизации: резко осуждаются «рокоши» не только польских и литовских, но и собственно русских феодалов. В нем положительно освещается деятельность великого князя литовского, когда она не носила ярко выраженного антирусского характера. Здесь помещена и «Похвала Витовту», которому его вассальные князья и наместники-воеводы подчинялись «без всякого ослушания» [25]. В своде сделана попытка отразить и историю Западной Руси, находившейся под властью Литвы; в нем значительно сокращен и отредактирован общерусский митрополичий свод, но сохранена его политическая направленность, распространение ее и на известия о Западной Руси. В результате был создан протограф западнорусских летописей, который, видимо, был призван играть роль общерусского летописного свода для «Литовской Руси».

Это и привлекло внимание Длугоша к русскому источнику. Научные интересы Длугоша, направленность его «Истории» во многом определялись политическими идеями возникающего польского Возрождения [26]. Самовластие польских, литовских и русских магнатов, смуты, слабость польских королей вызывали реакцию прогрессивных слоев Польши в пору складывания сословной монар-

[22] Długosz, ks. XI, str. 376; ср. ПСРЛ, т. XVII, стб. 60—61; т. XXV, стр. 248.
[23] Интересно, что на основании изучения позднейших редакций западнорусских летописей без привлечения «Истории» создание протографа также датируется тридцатыми годами XV в. (*Ф. П. Сушицкий.* Указ. соч., стр. 42).
[24] *М. Д. Приселков.* Указ. соч., стр. 20.
[25] ПСРЛ, т. XVII, стб. 64—67.
[26] *J. Zarębski.* Problemy wczesnego Odrodzenia w Polsce.— «Odrodzenie i reformacja w Polsce», t. II. Warszawa, 1957, str. 42—52.

хии. Несмотря на личную антипатию к династии Ягеллонов, Длугош был сторонником прекращения феодальной анархии и укрепления центральной власти, в которой видел гарантию территориальной целостности государства и общего правопорядка в стране. Это нашло отражение не только в убийственных характеристиках представителей «лучших родов шляхты», на которые столь щедр автор «Истории». Интересно в этой связи и сообщение о переговорах польского короля Казимира с великим князем московским Иваном Васильевичем 1479 г. Длугош довольно подробно повествует о современном ему Московском княжестве. Он с большой симпатией пишет о том, что наконец оно освободилось от «варварского», «жестокого и омерзительного ярма» — татарского ига. Несмотря на отдельные критические замечания о московитах, нельзя не уловить у Длугоша и одобрения политики Ивана III, воссоединившего Новгород. За решительность и твердость московский великий князь удостаивается от польского историка, столь скупого на положительные характеристики для «схизматиков», лестных отзывов и даже награждается эпитетом «смелого и ловкого мужа» [27].

Мы далеки от мысли, что русский памятник XV в. повлиял на фундаментальный труд Яна Длугоша, но тем не менее протограф западнорусских летописей по своей направленности близок к идеям автора «Истории Польши».

[27] Długosz, ks. XII, str. 657, 658.

РУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XIV—XV ВВ.

Х. Ловмяньский

На Руси феодальная раздробленность приобрела бóльшие размеры, чем в других славянских странах, что объясняется отчасти географическими причинами, отчасти неблагоприятными внешнеполитическими условиями — натиском кочевников, вызвавшим значительное ослабление русских политических центров, а вместе с тем и центробежные стремления. Государственное объединение разрозненых русских земель привлекало должное внимание как дореволюционной русской историографии, занимавшейся главным образом политической стороной проблемы, так и советской, выяснившей экономические и социальные причины этого процесса. Особенно много сделал в этом отношении Л. В. Черепнин, капитальный труд которого посвящен образованию Русского централизованного государства [1].

Однако на Руси процесс политического объединения протекал более сложным путем, чем во многих других странах; ему сопутствовало образование из единой раннесредневековой древнерусской народности трех народностей: великорусской, украинской и белорусской, — и он не привел в средневековый период к созданию единой политической системы, охватывающей все восточное славянство.

Не касаясь этой сложной проблемы во всем ее объеме, мы ограничимся постановкой вопроса о существовании двух главных центров объединения русских земель — великорусского в Москве и литовского в Вильне. Правда, часть русских (украинских) земель вошла в состав Польского королевства (после 1340 г.), однако Польша притязала на аннексию только части русских земель и не претендовала на роль объединительного центра всей Руси, как Москва и Вильно.

Программа объединения всей Руси под единой государственной властью нашла отражение прежде всего в великокняжеском титуле, на что уже давно обращено внимание в научной литера-

[1] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

туре. Небезынтересно установить место и время присвоения князьями некоторых политических центров титула «всея Руси». Спорадически этот титул, а скорее еще эпитет встречается уже в XII в. по отношению к некоторым киевским князьям. Летописная запись о смерти Владимира Мономаха (1125 г.) гласит между прочим: «великий князь всея Руси Володимерь Мономах...» [2] Конечно, это только торжественный оборот. Точно так же в сообщении о смерти Всеволода Юрьевича (1212 г.) мы читаем: «...Преставися великыи князь Всеволод... сынъ Гюргевъ, благочестиваго князя всея Руси, внукъ Володимера Мономаха» [3]. Знаменательно и то, что сам Всеволод Юрьевич нигде в современных летописях великим князем «всея Руси», как его отец, не назван, очевидно, потому, что не обладал Киевом. Таким образом, в древнейших источниках по данному вопросу слова «всея Руси» находились в связи с обладанием Киевом. Правда, в Ипатьевской летописи о галицком Романе Мстиславиче (ум. 1205 г.) сказано: «[само]держцем бывша всеи Роуской земли» [4], но это упоминание является очевидной вставкой Ипатьевского списка (ок. 1425 г.), так как оно отсутствует в Хлебниковском и Погодинском списках.

Только с первой половины XIV в. установился официальный титул московских князей: «великий князь всея Руси». Согласно С. М. Соловьеву, этот титул впервые был принят Иваном Калитой и передан им его преемникам [5]; действительно, сохранились акты Ивана Даниловича с наименованием: «князь великіи Иванъ Даниловичь всея Руси» [6]. У его преемника Семена Ивановича даже печать содержала в надписи слова «всея Руси». Однако М. А. Дьяконов подверг сомнению этот почин московского князя и приписал его тверскому князю Михаилу Ярославичу, так как современный константинопольский патриарх Нифонт в послании от 1312—1315 гг. обратился к этому князю с титулом «всея Руси», несомненно не по собственной, а по русской инициативе [7]. По догадке автора, слова «всея Руси» были вставлены тверским князем в титул в подражание киевским митрополитам, употреблявшим это выражение («всея Руси») в своем титуле в начале XIV в. Эта концепция церковного происхождения слов «всея Руси», несомненно, ошибочна.

[2] ПСРЛ, т. II, изд. 2, стб. 289.
[3] Там же, т. I, изд. 2, вып. 1, стб. 436.
[4] Там же, т. II, стб. 715. Испорченный текст гласит: «какодержцев бывша...» Ср. «Летопись по Ипатскому списку». СПб., 1871, стр. 479.
[5] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, т. 3, кн. 11. М., 1960, стр. 487.
[6] ГВНП, стр. 142 и сл., № 84 (1328—1341 гг.), № 86 (1335—1337 гг.). О датировке последней грамоты см.: *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 116.
[7] *М. А. Дьяконов.* Кто был первый великий князь «всея Руси»? — «Библиограф. Вестник литературы, науки и искусств». СПб., 1890, стр. 11—17; ср. *А. Е. Пресняков.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918, стр. 109.

Автор упустил из виду, что по Лаврентьевской летописи (1249 г.) «хановичи» приказали Александру Невскому «Киевъ и всю Руськую землю» [8]. Это важное известие доставляет нам посредствующее звено между книжным употреблением выражения «всея Руси» в XII в. и официальным его характером в XIV в. Из титула Александра Ярославича явствует, что, во-первых, в XIII в. удержалась концепция, связывающая выражение «всея Руси» с обладанием Киевом и по крайней мере с притязаниями на этот центр; во-вторых, выражение «всея Руси» нецерковного происхождения, а, наоборот, митрополиты присвоили его в подражание «гражданской» терминологии; в-третьих, уже при Александре Ярославиче (до половины XIII в.) выражение «всея Руси» превратилось из книжного в официальное; наконец, можно догадываться, что оно было передано традиционным путем от Александра Невского его внуку по прямой линии Ивану Калите (в то время как тверской Михаил Ярославич принадлежал к боковой линии потомков Александра).

Вместе с тем первоначальная связь понятия «всея Руси» с Киевом проливает свет на географическое содержание титула великих московских князей. М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что эти слова присоединились к титулу великого князя «с того времени, как усилившееся московское великое княжество начало стремиться к установлению единодержавия на всем севере Руси» [9]. Из приведенных данных вытекает, что понятие «всея Руси» заключало в себе не только север, но и юг России. Наш вывод находит подтверждение и в том обстоятельстве, что параллельно с «гражданским» титулом «великих князей всея Руси» образовался церковный титул «митрополитов всея Руси», в этом последнем слова «всея Руси» подчеркивали права митрополита, пребывающего в Москве, на все русские земли, а в особенности земли, входившие в состав Великого княжества литовского. Таким образом, и параллельный титул московских князей отражал не северорусские, а общерусские претензии.

Реализация этой программы представляла собой весьма трудную задачу: потребовалось полтора с лишним столетия усилий для того, чтобы выполнить ее в пределах великорусской территории. Препятствием воссоединению остальных территорий Древней Руси явилось Великое княжество литовское, в котором образовался второй центр объединительных стремлений.

В период с половины XIII в. (правление Миндовга) по семидесятые годы XIV в. Литовское государство значительно окрепло и во время удачной борьбы с агрессией Тевтонского ордена заняло

[8] ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 472. Первый из митрополитов, носивший титул «митрополита всея Руси»,— Максим, умерший в 1305 г. (ср. *А. Е. Пресняков*. Указ. соч., стр. 108).

[9] *М. Ф. Владимирский-Буданов*. Обзор истории русского права. СПб., 1900, стр. 162.

видное место в политической системе Восточной и Центральной Европы [10]. Вместе с тем оно включило в свой состав все белорусские, большую часть украинских и даже часть великорусских земель, достигнув самых больших успехов в этом отношении в правление великих князей Гедимина (ум. 1341 г.) и его сына Ольгерда (ум. 1377 г.). Эти успехи определялись, по-видимому, двумя обстоятельствами: стремлением русских [11] земель к образованию политического единства, в особенности ввиду обороны перед татарской агрессией, и постепенным ослаблением Золотой Орды после смерти хана Узбека (1341 г.). Возникает вопрос, сложилась ли в Литве определенная политическая программа по русскому вопросу?

По мнению многих историков, начиная с С. Смольки, литовскую программу по отношению к Руси формулировал Ольгерд в 1358 г., когда его представители, предлагая условия, на которых Литва может согласиться принять католическое крещение, требовали, между прочим, чтобы «вся Русь прямо принадлежала Литве». На основании этих слов историки утверждали, что Литва ставила себе целью объединить в пределах своего государства все русские земли [12]. Однако эти слова следует рассматривать в их общем контексте. Главное требование литовцев состояло в том, чтобы удалить Тевтонский орден из Прибалтики и переселить его в «пустыню» между татарами и «русинами» для защиты последних от татарских нападений; вместе с тем литовцы ставили условие, чтобы Орден не сохранил никаких прав по отношению к Руси, которая должна принадлежать литовцам [13]. Ольгерд, очевидно, опасался, как бы Орден не овладел русскими землями, расположенными между Литвой и степной полосой («пустынею»), местом его будущего поселения. Таким образом, слова «вся Русь» здесь можно разуметь не в общем, а в частном значении всех тех русских земель, которые лежали между Литвой и черноморской степью.

Тем не менее не исключена возможность, что выражение «вся Русь» заимствовали из терминологии великорусских князей, хорошо знакомой Ольгерду, женатому на тверской княжне. Если это так,

[10] О начале Литовского государства см.: *В. Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959.

[11] Употребляем выражение «русские земли» в смысле «восточнославянских земель».

[12] *S. Smolka.* Rok 1386. Kraków, 1886, str. 101; *idem.* Kiejstut i Jagiełło — «Pamiętniki Akademii Umiejętności w Krakowie. Wydziały Filol. i Hist.-Filoz». Kraków, 1889, str. 102; *E. Papee.* Jagiellonowie i Moskwa.— «Kwartalnik Historyczny», t. 36. Lwów, 1928, s. 41; *O. Halecki.* Grenzraum des Abendlandes. Salzburg, 1952, S. 129—130.

[13] «Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae».— «Scriptores rerum Prussicarum», t. II Leipzig, 1863, p. 80: «Item postulabant, quod ordo locaretur ad solitudines inter Tataros et Rutenos ad defendendum eos ab impugnatione Tatarorum et quod nihil juris ordo sibi reservaret apud Rutenos. Sed omnis Russia ad Letwinos deberet simpliciter pertinere...»

то кажется вероятным, что Ольгерд присвоил себе не только терминологию, но и великорусскую программу государственного объединения всех русских земель. Во всяком случае эту программу старался осуществить Витовт, что особенно ярко проявилось в летописном рассказе о литовско-татарском сражении на р. Ворскле в 1399 г. Как повествует летописец, еще до битвы установилось соглашение между Витовтом и Тохтамышем. Витовт предложил хану: «Азъ тя посажу въ ордѣ на царствѣ, а ты мя посадишь на княженьи на великом на Москве на всеи Руской земли»[14]. Эти планы рухнули после поражения Витовта в упомянутой битве, они рухнули бы и в случае его победы. Не свидетельствует ли это соглашение об отсутствии политического реализма у талантливого Витовта, возымевшего столь фантастический проект?

Однако, оценивая планы великого литовского князя, мы должны принять во внимание тогдашнюю общую политическую обстановку в Восточной Европе. Литовско-московский конфликт из-за обладания русскими землями уже был в разгаре, Витовт сознавал неотвратимость столкновений в будущем. Несмотря на региональные различия, Русь (в древнем значении этого слова) составляла культурное единство, имела достаточно однородную экономическую и социальную структуру. Витовт намеревался упредить Москву в ее объединительной политике, нанести ей непосредственный удар с помощью Тохтамыша, а когда это не сбылось — поставить при помощи Польши в зависимость от себя отдельные великорусские земли: Новгород и Псков, Тверь и Рязань; в конце концов он стал опекуном своего малолетнего внука, Василия Васильевича (с 1425 г.). Но вскоре, со смертью Витовта (1430 г.), проявилась внутренняя слабость Великого княжества литовского, а отчасти и той более обширной политической системы Ягеллонов, в состав которой оно входило. Литва отреклась от общерусской программы, перешла от наступательного к оборонительному образу действий, стараясь лишь сохранить в границах своего государства те русские земли, которые в них очутились при Витовте. С течением времени сузилось даже понятие Руси, например, в некоторых официальных польско-литовских декларациях: Сигизмунд II Август, высказывая мнение, что его предкам принадлежала вся Русь, исключал из этого понятия Москву[15].

Чем объяснить неудачу литовской политики? Слабой стороной литовского объединительного центра была его отчужденность. Хотя литовцы легко поддавались культурному влиянию Руси, а литов-

[14] *М. Д. Приселков.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 450.

[15] «Diariusze sejmów koronnych 1548, 1553, 1570 r.».— «Scriptores rerum Polonicarum», t. I. Kraków, 1872, p. 70 (1553): «maiorum enim nostrorum Russiam semper fuisse, nuncque nos etiam maximam et potissimam eius partem, in qua etiam sedes ipsa ducalis contineatur possidere. Idque adeo quod reliquum Russiae Moschus habeat, nostrum esse et ad nos tamquam patrimonium pertinere quod armis repetere iam pridem deliberatum, certumque sit».

ские князья и бояре, переселившиеся на Русь, подвергались совершенному обрусению, собственно этнографическая Литва сохранила свою культурную обособленность, а главное, она и не стремилась к слиянию с Русью в культурном отношении. План Ягайлы и его матери Юлианы крестить Литву в православную веру не имел успеха. Литва приняла католичество, а вместе с тем усвоила польский образец феодального политического строя. Со временем по этому образцу, весьма выгодному для класса феодалов, было организовано и русское боярство Великого княжества литовского, что способствовало примирению его с Литовским государством.

Однако в первой половине XV в. отношения между двумя этническими элементами Великого княжества литовского были неприязненными, тем более что во время Витовта литовские бояре занимали привилегированное положение в государстве, не допуская русских бояр к политическому равноправию, отстранив их от высших государственных должностей. По словам Длугоша, «русины» радовались по поводу смерти Витовта, надеясь, что в государстве улучшится положение православных (бояр) [16]. Действительно, преемник Витовта, Свитригайло, нашел опору в русском боярстве, не делая различия между ним и боярством литовским в политическом отношении. Тогда литовские бояре в соглашении с польским правительством сбросили Свитригайлу с великокняжеского престола и возвели на него Сигизмунда Кейстутовича: развернулась длительная борьба между двумя великими князьями.

Напрасно отрицает факт недовольства русского населения Литвы политикой Литовского государства западнонемецкий историк Х. Яблоновский [17], между прочим упуская из виду, что к компромиссу с литовским правительством была склонна только феодальная верхушка, в то время как свидетельства Длугоша и других источников того времени относятся к более широким общественным кругам и народным массам. И после устранения Свитригайлы и допущения русских бояр к общим привилегиям не прекратилась эта рознь. Длугош сообщает под 1480 г. о словах короля Казимира, предостерегавшего литовцев не доверять слишком «русинам», так как они в случае войны с Московским княжеством будут желать Литве не победы, а поражения [18]. Длугош умер в том же году и не дождался поражений, которые действительно потерпела Литва.

Иван III Васильевич приступил к борьбе с Литвою после объединения великорусских земель. Уже в 1478 г. литовские местные

[10] «J. Długossii Historiae Polonicae», t. 4. Cracoviae, 1877, p. 418 (1430): «In Withawdi ducis magni morte, etsi nonnulli vultu simulacrent in prospectu tristitiam multi tamen, et praesertim Rutheni, nimium laetabantur, sperantes sibi et sectae suae schismaticae meliora, rerum permutatione et Switrigyelli successione, cui Magnum Lituaniae destinabat principatum, proventura».

[11] *H. Jablonowski.* Westrussland zwischen Wilna und Moskau. Leiden, 1955, S. 101—152.

[12] «J. Dlugossii Historiae Polonicae», t. 5. Cracoviae, 1878, p. 698 (1480).

власти извещали гроссмейстера Тевтонского ордена о том, что великий князь московский требует от короля Казимира возвращения ему Полоцка, Смоленска, Витебска и всех других русских земель [19]. Но наиболее исчерпывающую формулировку этой программы содержит заявление Ивана Васильевича по адресу короля Александра Ягеллончика; «Ино вѣдь вьдомо зятю нашему Александру королю и великому князю, что русская земля вся, съ божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей, наша отчина: и намъ нынѣ своей отчины жаль; а ихъ отчина — Лятская земля да Литовская: и намъ чего деля тѣхъ городов и волостей своей отчины которые нам богъ дал ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя городы и волости за нами: и вся Русская земля, Кіевъ, Смоленескъ и иные городы, которые онъ за собою держитъ къ Литовской землѣ съ божьею волею, изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина?» [20]. Иван Васильевич требует возврата всех русских земель как наследственный владетель, однако его слова отражают вместе с тем общие центростремительные усилия России.

Тогдашняя попытка московского центра увенчалась только частичным успехом; Великое княжество литовское все время удерживало за собою бóльшую часть занятых им русских земель. Литовское боярство достигло этого, опираясь на содействие государства и посредством примирения с русским боярством, в пределах Великого княжества литовского на основе общих классовых привилегий.

В заключение следует заметить, что с аналогичным явлением сосуществования двух центров государственного объединения разрозненных в период феодальной раздробленности земель мы встречаемся и в Польше, где роль второго центра сыграла Чехия, достигнув значительного успеха в момент венчания польской короной чешского короля Вацлава II в Гнезне в 1300 г. Успех не был длительным — польская корона осталась в руках польской национальной династии Пястов. Однако соревнование двух центров объединения страны привело к тому, что Силезия отошла от Польши к Чехии, а затем оказалась в руках Пруссии.

[19] «Codex epistolaris saeculi decimi quinti», t. 2. Coll. A. Lewicki. Kraków, 1894, nr. 263, p. 289.

[20] Сб. РИО, т. 35, стр. 460, 1504 г.; ср. *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 540.

РУССКО-УКРАИНСКО-МОЛДАВСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В XIV — XV ВВ.

В. А. Костакэл

Исторические связи Юго-Западной Руси с Молдавией возникли еще в раннем средневековье. На протяжении длительного феодального периода взаимоотношения между народами Юго-Восточной Европы менялись.

Одним из важнейших периодов средневековой истории Молдавии было время формирования ее государственности. Он совпадает с периодом феодальной раздробленности в истории Юго-Западной Руси, а с середины XIV в.— с включением ее в состав Литовского государства. Войдя в состав этого нового государства, исконные русские земли не утратили своего исторического наследия и во многом сохранили свою самобытность. Общественное развитие в этих землях продолжалось, сохраняя прямую преемственность от Древней Руси [1]. Более тесные связи устанавливаются Молдавией с ее ближайшими соседями — с Галицко-Волынским княжеством, а также с Киевским, вошедшими в состав Литовского государства, подпавшего впоследствии под власть Польши.

* * *

Молдавское самостоятельное государство складывалось в крайне сложных внешнеполитических условиях. Польша, Литва и Венгрия стремились захватить галицкие земли, завладеть торговыми путями, пролегавшими через молдавские земли, получить доступ к Днестру и Черному морю.

Между Молдавией и Юго-Западной Русью возникают многообразные экономические, политические, культурные связи, имеющие, впрочем, весьма давние традиции.

Торговые связи, безусловно, относятся к числу древнейших [2], так как торговый путь через территорию Молдавии существовал еще задолго до образования здесь государства [3]. Этот путь соединял север Европы с Балканами и Константинополем. Часть пути

[1] *В Т. Пашуто.* Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 319.
[2] *N. Iorga.* Istoria comerţului românesc. Epoca veche. Bucureşti, 1925, p. 75.
[3] *N. Iorga.* Points de vue sur l'histoire du commerce de l'Orient au Moyen-Âge. Paris, 1924, p. 98.

находилась на территории Юго-Западной Руси. Крупные торговые города — Краков и Львов — поддерживали постоянные связи с молдавскими крепостями Белгородом и Килией. На этом пути находились города — Черновцы, Сирет, Сучава, Яссы [4]. До завоевания турками в 1484 г. Белгорода и Килии значение этого пути было очень велико в транзитной торговле и товарообмене между Западом и Востоком [5], он соединял Галицкую Русь с генуэзскими крепостями в Крыму [6]. Европейские купцы предпочитали «молдавский» путь, как более надежный и безопасный по сравнению с «татарским» [7], пролегавшим в степи по левобережью Днестра. Захват турками Белгорода и Килии нанес непоправимый удар молдавской торговле с городами Юго-Западной Руси [8]. Черное море становится мертвым морем для торговли [9].

Молдавские купцы торговали со многими городами Юго-Западной Руси, но особенно со Львовом, который становится крупным международным рынком, куда прибывали товары из разных мест: с севера и запада Европы, Белгорода, Килии, Каффы, с устьев Дуная, из Константинополя. Торговое значение Львова возросло и благодаря тому, что город имел право склада товаров. Это преимущество обязывало иноземных купцов по прибытии во Львов торговать только в нем. Лишь местные львовские купцы могли, закупив товар у иноземцев, перепродавать его в других городах [10].

Давние [11] торговые связи Львова с Молдавией достигают наибольшего развития в XV в., а первое упоминание молдавского пути во львовских актах относится к 1382 г. [12] Архив города Львова сохранил богатейшие материалы для изучения торговли с Молдавией [13]. Архивные материалы содержат сведения относительно вида товаров, цен, пошлин, происхождения купцов, судебных процессов, имевших место во Львове между молдавскими и местными купцами.

Молдавские господари всячески поощряли эту торговлю и неоднократно выдавали львовским купцам грамоты на торговые льготы (в 1408, 1434, 1456, 1460 гг.) [14]. Из перечня товаров, упоми-

[4] «Istoria României», t. II. Bucureşti, 1963, p. 298.
[5] *N. Iorga.* Drumurile de comerţ creatoare ale statelor romîneşti. Bucureşti, 1928, p. 15.
[6] *N. Iorga.* Points de vue sur l'histoire du commerce..., p. 105.
[7] *N. Iorga.* Istoria comerţului românesc, p. 87.
[8] Ibid., p. 107.
[9] *N. Iorga.* Points de vue sur l'histoire du commerce..., p. 109; ср. *Ш. Верлинден.* Торговля на Черном море с начала Византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г.— «XIII Международный конгресс исторических наук». М., 1970.
[10] *P. P. Panaitescu.* Interpretări româneşti. Bucureşti, 1947, p. 114.
[11] *N. Iorga.* Istoria comerţului românesc, p. 75.
[12] *P. P. Panaitescu.* Op. cit., p. 108.
[13] *A. Czlowski.* Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta, t. I—IV. Lwów, 1892—1921.
[14] *M. Costăchescu.* Documente moldoveneşti, t. II. Iaşi, 1932, № 176, 186, 231; *I. Bogdan.* Documentele lui Stefan cel Mare, t. II. Bucureşti. 1913, № 128; см.

наемых в этих грамотах, можно установить предметы молдавского ввоза и вывоза. Среди ввозимых товаров одно из главных мест занимало фландрское и немецкое сукно, которым львовские купцы не только торговали в Молдавии, но и везли его дальше в Валахию, Трансильванию (в города Брашов и Бистрицу), в Венгрию [15].

В столице Молдавии, Сучаве, львовские купцы имели свой двор и населяли целый квартал, называемый «Русской улицей» [16]. Право иметь двор и склад было обусловлено в льготной грамоте следующим образом: «А еще есми дали Ливовчаном абы держали собы один дом торговским обычаем у Сучаве, але у том дому абы корчму не держали, ани ятки, ани бровара» [17]. В свою очередь и молдавские купцы имели свой двор во Львове [18].

По приезде в Молдавию львовские купцы были обязаны сдать сукно на склад в Сучаве и не продавать его по более высокой цене, чем во Львове [19]. Львовские купцы продавали и готовые вещи: шапки (из красного сукна scarlatto), штаны, кованые пояса [20], а также военные доспехи — шашки, мечи, тетиву для лука [21]. В годы турецких войн Стефана Великого растет спрос на оружие, привозимое из Львова [22].

В транзитной торговле Молдавии видное место занимают заморские мечи и татарские товары, в первую голову шелковые ткани — камка (camoccato), тафта, атлас, бархат [23], а также восточные пряности — шафран, перец, имбирь [24].

Местное производство Молдавии давало возможность торговать кожей, рыбой, воском и главным образом скотом. В Сучаве, тоже располагавшей складским правом, был склад для коней, предназначенных к вывозу [25], притом был наложен запрет на вывоз «коней добрых земских». Рыбу, главным образом белугу и карпа, привозили с Дуная и отправляли в города Юго-Восточной Руси, где ее очень ценили [26].

Кроме греческого вина, которое входило в категорию транзитных товаров, начиная с XV в. молдавские купцы торгуют вином местного производства, которое в последующие века будет играть крупную роль в экспорте. Из Ботошан, Дорогойя и других холмистых и солнечных мест шли подводы с дешевым молдав-

также «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. I. М., 1965, стр. 40—45, 53—54 и др.

15 *M. Costăchescu.* Op. cit., t. II, p. 630.
16 Ibidem.
17 *I. Bogdan.* Op. cit., t. II, p. 276.
18 «Istoria României», t. II, p. 302.
19 *N. Iorga.* Istoria..., p. 84.
20 *I. Bogdan.* Op. cit., t. II, p. 273.
21 Ibidem.
22 *N. Iorga.* Istoria..., p. 106.
23 *I. Bogdan.* Op. cit., t. II, p. 273.
24 Ibidem.
25 *N. Iorga.* Istoria..., p. 84.
26 *N. Iorga.* Points de vue sur l'histoire du commerce..., p. 106.

ским вином [27], которое везли во Львов, Краков и по городам Юго-Восточной Руси [28]. В XVI в. вывоз вина настолько увеличился, что самый значительный винный погреб во Львове торговал лишь молдавским вином. Этот погреб содержал грек, бывший великий мытник господаря Александра Лэпушняну, проведший много лет в Молдавии [29].

В торговле продуктами местного производства были заинтересованы молдавские господари и бояре. Господари содержали своих агентов во Львове. Они торговали земледельческими продуктами, полученными от крестьян в виде ренты [30]. Господари имели право выбирать первыми из привезенных товаров все, что им было нужно для себя и для своего двора [31].

Торговля с Молдавией была настолько выгодна львовским купцам, что вызвала зависть Кракова и длительный судебный процесс (с 1400 по 1504 г.) между двумя городами за право торговать с Молдавией [32]. После столетней тяжбы Краков получил право на торговлю, когда молдавский путь утратил свое прежнее значение. Тесные торговые сношения подтверждают получение некоторыми молдавскими купцами права гражданства во Львове [33].

Связь между Львовом и Сучавой поддерживалась не только купцами. Был обмен и ремесленниками, славившимися своим мастерством. Так, львовские каменщики, искусные средневековые зодчие, воздвигали первые молдавские церкви. Работу молдавских портных и скорняков высоко ценили во Львове [34], Молдавия даже вывозила скроенное сукно [35].

На территории Молдавии имела хождение русская металлическая монета: гривны, гроши, рубли [36]. Первое упоминание о рублях относится к 1382 г., а впоследствии они встречаются в многочисленных актах XV в. [37]

Киев, даже после всех перенесенных потрясений, тоже занимал видное место в молдавской торговле. Молдавские купцы имели свои постоялые дворы на «Подоле»; там же находилась и «Волошская улица» [38]. Иноземные купцы, едущие из Константинополя в Киев, по дороге останавливались в молдавских городах, главным образом в Белгороде.

[27] *N. Iorga.* La place des Roumains dans l'histoire universelle, t. II. Bucarest, 1935, p. 200.
[28] *N. Iorga.* Tradiţiile comerţului în regiunile dunărene. Bucureşti, 1935, p. 5.
[29] Ibidem.
[30] *I. Nistor.* Handel und Wandel in der Moldau. Gernăuţi, 1912, S. 46—48.
[31] *I. Bogdan.* Op. cit., t. II, p. 275.
[32] *P. P. Panaitescu.* Op. cit., p. 111.
[33] *N. Iorga.* Relaţiile comerciale cu Lembergul. Bucureşti, 1900, p. 12—13.
[34] *Gh. Bezviconi.* Contribuţii la istoria relaţiilor romîno-ruse. Bucureşti, 1962, p. 21.
[35] *I. Bogdan.* Op. cit., t. II, p. 273.
[36] *N. Iorga.* Istoria Românilor, t. III. Bucureşti, 1937, p. 329.
[37] *C. C. Guiresco.* Les relations economiques entre les roumains et les russes. Bucarest, 1947, p. 59—60.
[38] *В. Антонович.* Киев, его судьба и значение с XIV по XVI столетия (1362—1569). Киев, 1885, стр. 254.

На посещение Молдавии киевскими купцами указывает в 1419 г. Зосима, монах Троице-Сергиевой лавры, побывавший два раза в Константинополе. Он выехал из Киева с русскими купцами, направлявшимися в молдавские земли [39]. Молдавский путь был использован многими русскими пилигримами XIV—XV вв., направлявшимися в Переднюю Азию.

* * *

Между молдавскими господарями и киевскими князьями поддерживались дружеские отношения, скрепленные родственными узами. Так, в 1425 г. сын Александра Доброго Илиаш женился на дочери киевского князя Андрея Олигмондовича [40]. Эти связи становятся особенно тесными во второй половине XV в., во время правления Стефана Великого, после его брака с Евдокией, сестрой Семена Олельковича, из дома киевских князей. Впоследствии сестра Евдокии, княгиня Федка, будет способствовать браку Елены, дочери Стефана Великого, с Иваном Молодым, сыном Ивана III. Установление родственных отношений с домом киевских князей Олельковичей дает возможность предполагать, что Стефан Великий был сторонником прорусской политики, проводимой князем Олелько, стоявшим во главе русской группировки в Литве. Стефан Великий стремился, по-видимому, примкнуть к тем кругам и силам, которые противостояли Польше, чтобы найти в них поддержку на случай польско-литовской и татарской агрессии [41].

Между соседними странами, исповедующими одну религию, возникают прочные церковные связи, особенно после того, как православное население Литовского государства стали принуждать переменить православие на католичество.

Русская православная церковь Литовского государства и молдавская церковь подчинялись константинопольскому патриарху [42]. Иногда одни и те же лица занимали высшие церковные должности то в Молдавии, то в русских землях Литвы. Так было с видным церковным деятелем Григорием Цамблаком, бывшим сперва пресвитером в Сучаве, а потом — киевским митрополитом. В бытность настоятелем Нямицкого монастыря, благодаря его исключительным стараниям и неиссякаемой энергии, этот молдавский монастырь становится замечательным очагом культуры [43].

Во второй половине XIV в. Молдавия еще не имела налаженной церковной организации. Архиепископы ставились нерегулярно, и зачастую настоятели монастырей выполняли обязанности главы церкви [44]. Поэтому в конце XIV в. господари решили упо-

[39] «Archiva Istorică a Romîniei», t. I. Bucureşti, 1863, N 13, p. 49.
[40] *C. C. Giurescu.* Istoria Românilor, vol. II. Bucureşti, 1943, p. 22.
[41] *V. Costăchel.* Relaţiile dintre Moldova şi Rusia în timpul bui Ştefan cel Mare.— «Studii cu privire la Ştefan cel Mare». Bucureşti, 1956, p. 186.
[42] *N. Iorga.* Istoria bisericii, t. I. Bucureşti, 1929, p. 44.
[43] *Gh. Bezviconi.* Op. sit., p. 26.
[44] *I. Nistor.* Alexandru cel Bun. Cernăuti, 1932, p. 25.

рядочить церковную жизнь и поставить во главе церкви митрополита, рукоположенного соответственно канонам церкви. Выбор пал на епископа Иосифа Белгородского, посвященного в сан епископа галицким митрополитом Антонием в 1371 г. Так как константинопольский патриарх хотел послать своего ставленника в Молдавию, а господари воспротивились, возникли серьезные распри: Иосиф не был признан митрополитом. Лишь в начале правления Александра Доброго (июль 1401 г.) конфликт был устранен по инициативе господаря, отправившего своих послов к патриарху Матвею. Молдавские послы заявили, что «Кир Иосиф родом из наших мест и родня наших господарей и его посвятил в сан епископа Молдовлахии Кир Антоний галицкий...»[45], и просили признать его митрополитом и снять проклятие с местной церкви[46].

Впоследствии, когда насильственное насаждение католицизма среди православного населения Великого княжества литовского приняло угрожающий характер, рукоположение православных священников происходило в Молдавии. Это вызвало неудовольствие польских властей, и в 1511 г. со стороны короля последовал запрет, сопровождаемый суровыми угрозами[47]. Ни запреты, ни угрозы не смогли искоренить этой традиции, просуществовавшей до начала XVIII в.

Культурные связи Молдавии и Юго-Западной Руси также уходят корнями в глубь веков. Начиная с XV в. их можно проследить на основании источников более систематически.

Исследование украинского фольклора показало, что многие моменты в области исторических связей с Молдавией нашли отражение в народных песнях. Так, например, Стефан Великий изображен смелым полководцем в борьбе против турок и татар.

В XV в. усиливается распространение русских рукописей в Молдавии, откуда некоторые церковные книги Галицкой Руси проникали потом в Москву[48]. Многие рукописи Юго-Западной Руси сохранились в сборниках, которыми зачитывались в румынских княжествах. В Нямицком монастыре возникает признанная школа переписчиков, среди которых был особенно знаменит Гавриил. Молдавские каллиграфы оказали влияние и на русскую школу.

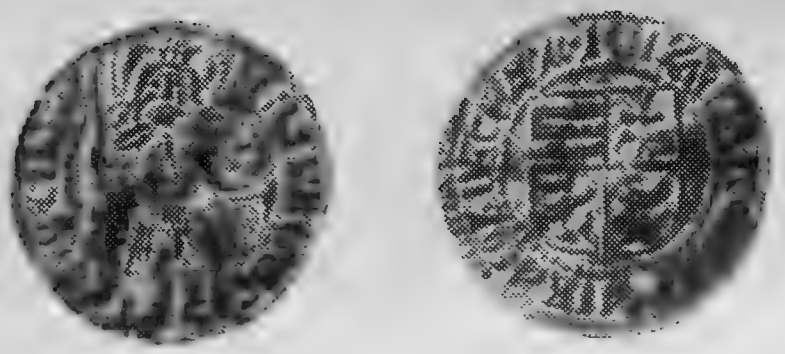
Особенно важно отметить, что непосредственные связи русских земель с южными славянами и с Балканским полуостровом[49] поддерживались через румынские княжества. Этому способствовало образование Молдавского государства.

[45] *E. Hurmuzaki.* Documente privitoare lá istoria Românilor, t. XIV. Bucureşti, 1910, v. 70, p. 34—35.
[46] *I. Nistor.* Op. cit., p. 26—27.
[47] *E. Hurmuzaki.* Op. cit., t. II. Bucureşti, 1891, p. 642.
[48] *Gh. Bezviconi.* Op. cit., p. 26.
[49] *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.— «Славянский сборник». М., 1947, стр. 167—168; см. также *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 134—135.

ВЕНГЕРСКИЙ ЗОЛОТОЙ ИВАНА III

В. М. Потин

В собрании Государственного Эрмитажа хранится монета, своими изображениями и весом (3,59 г) повторяющая венгерские дукаты XV в., но снабженная на лицевой и оборотной сторонах русскими надписями. В специальной литературе монета известна под названием «угорского» или «московского» золотого Ивана III [1].



«Угорский» золотой Ивана III

То, что дукаты венгерского короля Матвея Корвина (1458—1490) являлись прототипами эрмитажного экземпляра, не вызывало у исследователей каких-либо сомнений, за исключением его первого публикатора А. В. Гупеля [2]. Святой Владислав во весь рост с боевой секирой в одной руке и с державой в другой, по сторонам фигуры знаки монетчиков на аверсе, гербовой четы-

[1] В русских источниках XV—XVII вв., как уже правильно указывал Н. П. Лихачев, под термином «золотой» понимается золотая монета достоинством в дукат (флорин, гульден), весом около 3,5 г. (*Н. Лихачев.* Московский золотой. Отд. оттиск из «Археологических известий и заметок», 1897, № 7—8, стр. 2). «Русская книга» — русско-немецкий словарь XVII в., составленный, видимо, для торговых целей, также переводит термин «золотой» словом «гульден» (*С. Строев.* Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841, № 72, стр. 135). В некоторых современных специальных работах, однако, слово «золотой» иногда используется для обозначения золотой монеты любой разновидности.

[2] *A. W. Hupel.* Nordische Miscellaneen, Th. IX—X. Riga, 1785, S. 315—317. А. В. Гупель считал изображение оборотной стороны монеты личным гербом неизвестной жены Ивана III «Иваны Ивановны», имя которой якобы находится в одной из легенд золотого.

рехпольный щит Корвинов на реверсе характерны для монет вышеназванного правителя Венгрии[3]. Хотя легенды московского золотого и читались до появления в 1897 г. заметки Н. П. Лихачева недостаточно точно, особенно надпись на оборотной стороне, но названные в них имена двух русских великих князей понимались правильно: Иван Васильевич и Иван Иванович[4]. Однако чеканка монеты датируется различным образом. С. Шодуар полагал, что золотой был создан при Иване III присланными из Венгрии в 80-х годах XV в. монетчиками. Примерно такого же мнения придерживались Г. Гроте, К. К. Флуг и М. Гумовский[5]. Н. П. Лихачев убедительно показал, что московский золотой уже существовал до возможного прибытия венгерских мастеров. Исходя из наличия на монете имени Ивана Ивановича, который здесь назван великим князем, а также считая, что в данном случае речь может идти лишь о сыне Ивана III Иване Ивановиче Молодом, Н. П. Лихачев датирует чеканку монеты более ранним временем, чем С. Шодуар, примерно 1471—1472 гг.[6]

В самом начале нашего века Эрмитаж посетил известный венгерский нумизмат Ласло Рети, опубликовавший затем статью о результатах своей поездки в Россию. В ней он утверждал, что московский золотой чеканен венгерскими монетчиками в годы правления великого князя Ивана Ивановича в 1500—1517 гг.[7] Почти то же самое утверждение повторяется в «Корпусе венгерских монет», написанном Л. Рети и переизданном в 1958 г. профессором Г. Пробстом. Здесь называются имена великих князей Ивана Васильевича (1462—1505) и Ивана Ивановича (1505—1533)[8]. В первой половине XVI в. известны два великих князя Ивана Ивановича: один — сын рязанского князя Ивана Васильевича, родившийся в 1496 г. и умерший около 1533 г., другой — сын Ивана IV Грозного, даты жизни которого 1554—1582. Видимо, в обеих названных работах явное недоразумение, так как

[3] Ср. *L. Rethy — G. Probszt.* Corpus nummorum Hungariae. Graz, 1958, p. 112, N 204A, 204B, Taf. XXXIV.

[4] Н. П. Лихачев, а за ним А. А. Ильин читают легенды следующим образом: л. ст.— «кнЗь·велкі — іван васільєв», т. е. «кн[я]зь вел[и]ки[й], Иван Васильев[ич]»; об. ст.— «кнЗж·в·лкоґ·івана іванович всеж рус.», т. е. «кн[я]зя в[е]л[и]ког[о] Ивана Иванович[а] всея Рус[и]» (*Н. Лихачев.* Указ. соч., стр. 3—4; «Каталог Государственного Эрмитажа». Составлен А. А. Ильиным, № 2372, стр. 126, рукопись).

[5] *С. де Шодуар.* Обозрение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен, ч. I. СПб., 1837, стр. 118—119; *H. Grote.* Die russische Münzkunde des Mittelalters.— «Blätter für Münzkunde», Bd. IV. Leipzig, 1844, S. 141, N 24; *К. К. Флуг.* О внешнем виде главнейших типов русской золотой монеты. СПб., 1898, стр. 4; *M. Gumowski.* Moneta złota w Polsce średniowiecznej. Оттиск из «Rozpraw wydz. hist.-filozof.», t. LV, Akademii Umiejętności w Krakowie. Kraków, 1912, str. 98.

[6] *Н. Лихачев.* Указ. соч., стр. 4—5.

[7] *L. Rethy.* Magyar numizmatikai adatok Oroszorszagbol. Numizmatikai Közlöny, Budapest, 1903, 85—87 lap.

[8] *L. Rethy — G. Probszt.* Op. cit., p. 127, N 358.

уже само звание «великого князя всея Руси», указанное на монете, никак не может быть связано с именем последнего рязанского князя, находившегося в полной зависимости от Москвы. Слова «всея Руси» никогда не добавлялись и не могли добавляться к титулатуре рязанских князей.

Один из последних исследователей, попутно обращавшийся к «московскому золотому»,— И. Г. Спасский относит его чеканку к 80-м годам XV в. [9]

Однако ни с одной из вышеперечисленных датировок нельзя согласиться. В 1957 г. итальянский историк Джино Барбьери опубликовал и прокомментировал ряд документов, касающихся итало-русских связей второй половины XV в. [10] Среди них для решения вопроса о московской чеканке золотых имеет важное значение письмо миланского герцога Франческо Сфорца Джакопо, «монетчику золотой и серебряной монеты всего царства славнейшего господина Белого императора», помеченное 12 января 1463 г. В письме говорится о прибытии в Милан московского посла, сообщившего о вступлении на престол Ивана III и привезшего в подарок, кроме жемчуга, два золотых флорина, чеканенных Джакопо в Москве. Посол должен был поднести герцогу три монеты, но одна из них была потеряна по дороге [11]. На Руси венгерские дукаты XV в. было принято называть «угорскими» или просто золотыми, в итальянских же источниках этого времени они именуются «флоринами» [12].

Н. П. Лихачев считал, что московский золотой отчеканен Иваном Фрязиным — Джаной Батистой делла Вольпе — уроженцем Виченцы, участником переговоров о браке Ивана III с Софьей Палеолог [13]. Летопись называет его денежником великого кня-

[9] *И. Г. Спасский.* «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси.— «Труды Государственного Эрмитажа», т. IV. Л., 1961, стр. 95; *он же.* Русская монетная система. Л., 1962, стр. 97—98, рис. 68 (чекан московского золотого здесь датируется временем около 1480 г.)

[10] *G. Barbieri.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia della relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell epoca sforzesca. Bari, 1957. Работа вызвала отклик среди советских историков. Обзору новых источников, опубликованных Д. Барбьери, посвящены две статьи: *М. А. Гуковский.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486).— «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР» (Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 5). М.— Л., 1963, стр. 648—655; *В. И. Рутенбург.* Итальянские источники о связях России и Италии в XV в.— «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка (Труды ЛОИИ АН СССР, вып. 7). М.— Л., 1964, стр. 455—462. М. А. Гуковский справедливо отметил, что особенный интерес представляет сообщение «о более ранней, чем предполагалось, чеканке в Москве венецианского (следует читать «венгерского».— *В. П.*) золотого...» (указ. соч., стр. 650).

[11] *G. Barbieri.* Op. cit., p. 82—84.

[12] *U. Pasqui.* Monete d'oro e d'argento correnti in Firenze nel secolo XV.— «Rivista italiana di numismatica», vol. XXX. Milano, 1917, p. 77, 80.

[13] Об Иване Фрязине см: *О. Пирлинг.* Россия и папский престол. М., 1912, стр. 168—170; *К. В. Базилевич.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 73—79.

зя [14]. Однако Иван Фрязин, хотя и покидает Италию в 1455 г., по свидетельству источников оказывается в Москве лишь в 1469 г., т. е. позже начала золотой чеканки [15]. Письмо Франческо Сфорца ясно называет имя монетчика, чеканившего золотые,— Jacobo, т. е. Яков, или по-итальянски Джакопо (Джакомо) [16]. Именно это имя, а не Ивана Фрязина, должен обозначать знак I, помещенный на лицевой стороне московского золотого. Источник не называет фамилии Джакопо, не говорит о его происхождении. Однако тон обращения Франческо Сфорца в письме к московскому монетчику — «великолепный друг наш, милейший Джакопо» [17], его слова о том, что последний при случае может рассчитывать на доброе расположение герцога в миланских землях, весьма показательны [18]. Значительную, даже, можно сказать, основную часть письма Франческо Сфорца составляет описание эпизода с ломбардским авантюристом Джованни да Чернуско, который, будучи в Москве, обратился к Джакопо с подложным письмом миланского герцога и занял у московского монетчика 30 золотых дукатов, конечно, не собираясь их возвращать [19]. Все эти факты свидетельствуют об итальянском происхождении Джакопо.

В XV в. в различных странах Европы, в том числе в России, работали итальянские архитекторы, оружейники, монетчики. Много итальянских мастеров было в Польше XIV—XV вв. [20] В не меньшей степени это характерно и для Венгрии. Ряд итальянцев, служивших при Иване III в Москве, ранее жили в Венгрии. Это известно, например, относительно архитектора, инженера и монетчика Аристотеля Фиораванти [21]. Антон Фрязин (Антонио Джиелярди), племянник уже упоминавшегося Ивана Фрязина, бывал до его приезда на Русь и в Польше и в Венгрии [22]. Не исключено, что так было и с московским монетчиком Джакопо, известным нам только по опубликованному недавно письму. С. Шодуар, К. К. Флуг, Г. Гроте, М. Гумовский и некоторые другие исследователи считали изготовителями московского золотого венгерских мастеров, возможно присланных в Россию около 1483 г. [23] Н. П. Лихачев, подвергнув критике такое предположение, как было

[14] ПСРЛ, т. VIII, стр. 154.
[15] Там же.
[16] *G. Barbieri.* Op. cit., p. 82.
[17] «Magnifico amico nostro carissimo Jacobo» (*G. Barbieri.* Op. cit., p. 82).
[18] Ibid., p. 82—84.
[19] Ibidem.
[20] *M. Gumowski.* Op. cit., str. 26, 27, 98; *F. F. de Daugnon.* Gli italiani in Polonia dal IX secolo al XVIII, t. I—II. Crema, 1905—1907.
[21] *В. Снегирев.* Аристотель Фиораванти и перестройка Московского Кремля. М., 1935, стр. 35; *L. Beltrami.* Vita di Aristotile da Bologna. Milano, 1912, p. 106—107.
[22] *О. Пирлинг.* Указ. соч., стр. 170.
[23] *С. де Шодуар.* Указ. соч., ч. I, стр. 118; *К. К. Флуг.* Указ. соч., стр. 4; *H. Grote,* Op. cit., S. 141, N 24; *M. Gumowski.* Op. cit., str. 98.

сказано выше, назвал автором золотого Ивана Фрязина. Приведенные факты, однако, убедительно говорят, что золотая монета Ивана III была чеканена итальянцем на русской службе по имени Джакопо.

Больше нечего сказать о личности Джакопо. Довольно много итальянских мастеров по имени Яков (Джакопо, Джакомо) работало в городах Апеннинского полуострова около середины XV в. В 1466 г. монетчиком был в Милане Джьан Джакомо да Монца [24], в 1443 г. во Флоренции — Джакомо Барончелли, в 1454 г. — Джакопо Донати, в 1460 г. — Джакопо Ланфредини [25]. В 1439 г. мастером золотой монеты в Венеции был Джакомо Комер, в 1443 г. мастером серебряной монеты — Джакомо Пиццаммано [26]. Только новые публикации смогут осветить вопрос о происхождении московского монетчика Джакопо.

Исходя из всего вышеизложенного, идентичность московских золотых венгерским монетам Матвея Корвина и упомянутым в письме Франческо Сфорца флоринам едва ли может вызывать сомнения. Уже Л. Рети установил, каким типам дукатов Матвея Корвина подражает эрмитажный экземпляр московского золотого — в его «Корпусе венгерских монет» они помечены под № 204A и 204B [27]. Этот тип монет новейшие исследователи относят к 1458—1467 гг. [28] Следовательно, московские золотые должны были быть чеканены между 1458 и концом 1462 г., учитывая время, понадобившееся московскому послу для путешествия из России в Италию. Однако вероятность чеканки золотого при жизни Василия Васильевича Темного, скончавшегося 27 марта 1462 г., очень мала. Едва ли в этом случае на монете отсутствовало бы имя правящего великого князя и находились бы имена его сына и внука. Наиболее реальным временем чеканки является, по-видимому, период между концом марта и последними месяцами 1462 г.

Какие же события послужили поводом к выпуску московских золотых?

До настоящего времени по этому вопросу были высказаны лишь два мнения: одно — Н. П. Лихачева, связывающего чеканку с объявлением Ивана Ивановича великим князем и победой над новгородцами на р. Шелони; второе — М. Гумовского, полагавшего, что толчком к изготовлению московского золотого было окончательное освобождение России от татарского ига [29].

Исторические параллели и новая датировка золотого подсказывают, что таким поводом скорее всего могло быть вступление Ивана III на великокняжеский стол. Однако золотой 1462 г. не

[24] «Rivista italiana di numismatika», vol. XXVIII. Milano, 1915, p. 458.
[25] «Corpus Nummorum italicorum», vol. XII. Roma, 1930, tav. X, N 354; tav. XI, N 381, 390, 391.
[26] *N. Papadopoli.* Le monete di Venezia, vol. I. Venezia, 1893, p. 395, 398.
[27] *L. Rethy — G. Probszt.* Op. cit., p. 127.
[28] Ibid., p. 34 (введение к книге, написанное проф. Г. Пробстом).
[29] *Н. Лихачев.* Указ. соч., стр. 4; *M. Gumowski.* Op. cit., str. 98.

только как бы объявляет о восшествии на московский стол Ивана III, но и называет имя его сына и наследника Ивана Ивановича, провозглашая его великим князем всея Руси. Провозглашение великим князем мальчика, которому шел лишь пятый год, само по себе не является чем-то необычным. Иван III был назван великим князем уже в одной из грамот, датируемой концом 1448 — серединой 1449 г., т. е. в девятилетнем возрасте [30]. Но вопрос о наследовании московского стола сыновьями или братьями великого князя был еще достаточно актуален и остр в 60-х годах XV в. Иван III должен был хорошо помнить борьбу Василия Васильевича с галицкими князьями за «старшинство», как его, тогда еще мальчика, прятали то в Троице-Сергиевом монастыре, то во владениях князей Ряполовских и, наконец, отправили в заключение в Углич к ослепленному отцу. У Ивана III было четыре брата — Юрий, Андрей Большой, Борис и Андрей Меньшой,— естественно поэтому его стремление сразу по восшествии на великокняжеский стол заявить о том, кого он рассматривает своим наследником.

Для такого утверждения тем не менее есть препятствие. Чем объяснить, что летопись начинает называть Ивана Ивановича великим князем лишь с 1471 г., а в официальных московских документах он именуется так лишь с 1473 г.? [31]

События, вероятно, развертывались следующим образом. В 1462 г., сразу же по вступлении на московский стол объявив своего сына великим князем, Иван III переоценил свои силы. Для такой переоценки были определенные основания. К концу жизни Василия Темного власть великого московского князя значительно укрепилась, удельные княжества фактически прекратили существование [32]. Малейшая оппозиция, как это показывает история с попыткой освободить из заключения в Угличе князя Василия Ярославича Боровского, вызывает жесточайшие репрессии [33]. Исходя из обстановки, Иван III, видимо, попытался сразу же продолжить твердую политику своего отца и заявить о правах своего сына Ивана.

Однако по духовной грамоте Василия Васильевича его младшие сыновья получили значительные уделы. В официальных документах времени Ивана III до 1473 г. вслед за его именем следуют имена его братьев и вовсе не упоминается имя его сына,

[30] ДДГ, № 52, стр. 155—159; см. также *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962, стр. 262—263: «Позднейшие документы, связанные с княжением Василия Васильевича и его сына Ивана, показывают, что в XV в. в Москве складывается устойчивый порядок соправления великого князя и его наследника. Грамоты великому князю адресуются двум князьям: фактическому великому князю и его сыну — будущему преемнику, который уже при жизни отца титулуется великим князем».

[31] ПСРЛ, т. VIII, стр. 163; т. XXVII, стр. 132; ДДГ, № 69, стр. 225, 227, 229.

[32] *Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.— Л., 1948, стр. 159, 160.

[33] ПСРЛ, т. VIII, стр. 150.

Ивана Ивановича. Первая попытка Ивана III в 1462 г. провозгласить своего сына великим князем встретила, вероятно, решительное сопротивление братьев. Иван III должен был временно отступить.

Как было упомянуто, Никаноровская и Воскресенская летописи называют Ивана Ивановича Молодого великим князем в 1471 г.[34] Однако в духовной грамоте князя Юрия Васильевича Дмитровского, второго сына Василия Темного, датируемой более поздним временем, чем упомянутое летописное известие, Иван Иванович называется еще просто князем. В этих противоречивых сообщениях двух источников нельзя не видеть продолжения борьбы Ивана III с его братьями.

12 сентября 1472 г. умирает князь Юрий Васильевич. Положение Московского княжества к 1473 г. значительно укрепилось: новгородцы потерпели поражение на р. Шелони, были достигнуты успехи в борьбе против Казани и золотоордынского хана, московские войска овладели Великой Пермью. Главным противником Ивана III в борьбе за укрепление великокняжеской власти теперь выступает следующий за Юрием брат, Андрей Большой. Используя вопрос о наследстве Юрия, Иван III старается противопоставить Андрею Васильевичу Углицкому других его братьев[35]. Именно в этот момент, 13 февраля 1473 г., в докончании Ивана III с князем Борисом Васильевичем Волоцким Иван Иванович называется великим князем, а Борис, один из братьев Ивана III, должен признать своего племянника «братом старейшим»[36]. Борьба с удельными князьями продолжалась и далее, но теперь Иван III мог быть уверен в своих силах и успешном ее завершении.

С. М. Соловьев и А. В. Экземплярский относили начало борьбы между Иваном III и его братьями лишь к 1472 г.[37] Л. В. Черепнин, относя ее разгар на 70—80-е годы XV в., считает, что начало ей было положено разделом Василием II территорий Русского государства между сыновьями и образованием новых удельных княжеств[38]. Московский золотой подтверждает и в определенной степени конкретизирует этот тезис.

Но московский золотой 1462 г. не только был декларацией внутренней политики Ивана III, он должен был свидетельствовать

[34] ПСРЛ, т. VIII, стр. 163; т. XXVII, стр. 132. Так же называют сына Ивана III две новгородские грамоты этого же времени (ГВНП, стр. 44, № 25; стр. 45, № 26).

[35] *С. Соловьев.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847, стр. 518—519.

[36] ДДГ, № 69, стр. 225, 227, 229.

[37] *С. Соловьев.* Указ. соч., стр. 517; *А. В. Экземплярский.* Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г., т. I. СПб., 1889, стр 234; т. II. СПб., 1891, стр. 144—145.

[38] *Л. В. Черепнин.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 816.

о международном значении Руси, о том, что и она, как другие европейские государства, имеет свою золотую монету. Характерно, что три таких золотых были посланы, как выше упоминалось, миланскому герцогу, а два других — иноземным мастерам, направлявшимся работать в Россию [39].

Еще в первой половине XIX в. С. Шодуаром была высказана мысль о наградном значении русских золотых [40]. А. В. Орешников был такого же мнения о допетровском золотом чекане [41]. Н. П. Лихачев считал, что московский золотой — «единственная в своем роде медаль и именно, судя по надписи, в честь объявления князя Ивана Ивановича великим князем и как бы соправителем отца и, может быть, для раздачи в награду шелонским победителям» [42]. Наиболее последовательно вопрос о чеканке русских золотых в качестве наград исследовал И. Г. Спасский [43], писавший, что «русское денежное обращение с XIV по XVII в. не знало золотых монет, за исключением короткого периода с 1610 по 1613 г.», а монеты, чеканенные в эти годы, «должны рассматриваться как явление чужеродное» [44]. Однако уже в следующем году И. Г. Спасский, касаясь угорского золотого Ивана III, говорит о начале русской золотой чеканки, а сам золотой считает нужным рассматривать как монету [45]. Такое утверждение основывается на документе 1484 г., где говорится о посылке Иваном III иноземным мастерам — пушечнику и каменщику — двух московских золотых «на протор», т. е. на дорожные расходы [46]. Некоторые из исследователей рассматривали и ранее угорский золотой Ивана III как монету, не подкрепляя свое мнение показаниями источников, например Н. Сахаров, Л. Рети [47]. Г. Гроте и М. Гумовский видели в московском золотом памятник пробной монетной чеканки Ивана III [48]. Анализ источников подтверждает мнение И. Г. Спасского, основанное на документе 1484 г.

В письме Франческо Сфорца, опубликованном Джино Барбьери, герцог обращается к Джакопо как к «Monetario monete auri et argenti», т. е. «монетчику золотой и серебряной монеты», что весьма показательно, так как в Италии середины XV в. прекрасно отличали медаль от монеты. Кроме того, герцог в своем письме, представляющем собой безусловно дипломатиче-

[39] Сб. РИО, т. 41, стр. 43.
[40] *С. де Шодуар.* Указ. соч., ч. I, стр. 117.
[41] *А. В. Орешников.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896, стр. 9.
[42] *Н. Лихачев.* Указ. соч., стр. 4.
[43] *И. Г. Спасский.* «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси, стр. 92—134.
[44] Там же, стр. 93.
[45] *И. Г. Спасский.* Русская монетная система, стр. 97.
[46] Сб. РИО, т. 41, № 11 (июнь 1484 г.), стр. 43; *И. Г. Спасский.* Русская монетная система, стр. 97.
[47] *Н. Сахаров.* Летопись русской нумизматики. СПб., 1842, стр. 60; *L. Rethy.* Magyar numizmatikai, p. 86; *L. Rethy — G. Probszt.* Op. cit., p. 126—127.
[48] *H. Grote.* Op. cit., S. 131; *M. Gumowski.* Op. cit., str. 98.

ский документ, исходил, вероятно, при обозначении должности Джакопо и названия присланных золотых из письма к нему Джакопо, которое, к сожалению, не дошло до нас, а также из устных пояснений русского посла, привезшего это письмо и московские золотые.

Надо думать, что золотые типа угорского, венгерского дуката не были единственными монетами, чеканенными при Иване III. Это можно предположить, судя по ганзейскому документу, датируемому 16 ноября 1482 г. В письме Любека в Висбю говорится об обидах, причиненных ряду любекских граждан, в том числе и конфискации 12 русских ноблей, принадлежавших бюргеру Гансу Керкринку [49]. Выражение «12 Russische nobelen» совершенно идентично постоянно встречающимся обозначениям «Engelsche nobelen», «Enghale nobelen», т. е. английские нобли [50], или «Vlaemische nobelen», т. е. фламандские нобли [51]. Такого же рода выражения встречаются для венгерских дукатов и любекских гульденов — «Ungersche gulden», «Lubsche gulden» [52].

Таким образом, прилагательные «английский», «фламандский», «венгерский», «любекский» в выражениях, подобных вышеприведенным, всегда обозначают страну изготовления монет, их чеканки. Следовательно, выражение «русские нобли» нужно, вероятно, также понимать как нобли, изготовленные на территории Русского государства.

В русских источниках XV—XVI вв. постоянно встречаются сведения о золотых монетах [53] в качестве «поминков», «упоминков», т. е. подарков. Опуская примеры, где золотые монеты дарятся наряду с конями, мехами, вином и т. п., приведем характерный пример чисто денежного подношения псковичей польскому королю Казимиру в августе 1480 г.:

«Што давали королю поминки от Пскова: королю пять рублев. Посадник Василей от себе дал королю рубль; Юрьи от себе дал полтину королю.

Королевичом дали Василей и Юрьи по полтине, а всего того 16 полтин.

Королевой от Пскова рубль, а посадник [дал] полтину, а Юрьи золотой угорский» [54].

[49] HUB, Bd. 10. Leipzig, 1907, N 1022, S. 626—627.

[50] LUB, Bd. V. Riga, 1867, N 1998, S. 53; N 2001, S. 55; HUB, Bd. 5. Leipzig, 1899, N 418, S. 212—213; Bd. 6. Leipzig, 1905, S. 79. Anm. 2; N 269, S. 149; «Hanserecesse», Abt. I, Bd. VI. Leipzig, 1889, N 172, S. 134.

[51] HUB, Bd. 5, N 503, S. 257; N 593, S. 303.

[52] HUB, Bd. 8. Leipzig, 1899, N 1213, S. 747.

[53] В нижеследующих примерах приводятся данные о золотых монетах как русской, так и иностранной чеканки, так как здесь рассматривается общий вопрос о применении золотой монеты в экономической жизни Русского государства XV—XVI вв.

[54] АЗР, т. I, № 74, стр. 95.

Некоторые русские источники свидетельствуют об использовании золота как средства платежа. Так, в жалованной купчей грамоте тверского великого князя Бориса Александровича игумену Троицкого Калязина монастыря говорится о продаже села Спасского на Нерли с пустошами за «тринадцать денег золота». Грамота датируется 1441—1461 гг.[55] По другой грамоте 50-х годов XV в. Захарий Карабузин за «Клобуковскую землицу» заплатил тому же князю «денег золота»[56].

Золотом иногда, вероятно, могли взиматься некоторые внутренние сборы. Иначе было бы трудно объяснить, почему в жалованной оброчной грамоте верейского князя Михаила Андреевича игумену Троице-Сергиева монастыря на село Илемну специально оговорено: «А золотников мои данщики оу них не емлут, ни иных даньских пошлин...»[57] По мнению издателей актов, под золотниками следует понимать золотые монеты[58]. О таком же значении слова, правда, для более ранних источников, говорит и И. И. Срезневский[59]. В августе 1492 г. Иван III сообщает царю Менгли-Гирею: «А что писал еси ко мне, чтобы ми дати твоему паробку Коинаку десять золотых на пошлины, и аз ему велел дати десять золотых». Коинак должен был ехать из Москвы к Махмет-Аминю, «царю Казанскому»[60].

Золотые монеты требовались для покупок тех или иных товаров за границей. Так, крымский вельможа Чабак по поручению Василия III покупает в Египте за сто золотых коня-аргамака[61]. Уже упоминался документ 1484 г. о посылке двух московских золотых иноземным мастерам «на протор», т. е. на путевые издержки до Москвы. Источники изобилуют сообщениями о наличии у русских купцов за границей, а у иноземных купцов в России различных золотых монет[62]. В 1494 г. во время поездки ганзейского посольства в Москву за лошадей от Новгорода до столицы и за охранные грамоты было заплачено серебряными слитками

[55] АСЭИ, т. III, № 127, стр. 159. Выражение «денег золота» можно понимать двояко: во-первых, как определенное весовое количество золота, принимая «денгу» за весовую единицу; во-вторых, как определенное число денег, чеканенных в золоте. Издатели актов придерживаются второго понимания. Оно не лишено основания. В одном из источников середины XVI в., где говорится о золотой «денге» как царском пожаловании, ставится знак равенства между терминами «денга золотая» и «денга золота»: «князю Ивану Селеховскому от царя и великого князя подати денга золотая, а молвити: государь наш царь и великий князь жалует тебя — денга золота» (Сб. РИО, т. 59, стр. 356).

[56] АСЭИ, т. III, № 142, стр. 166.

[57] Там же, т. I, № 345, стр. 252.

[58] Там же, стр. 763.

[59] *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. М., 1958, стр. 985 («злотаник»), 996 («золотник»).

[60] Сб. РИО, т. 41, № 36, стр. 158. Подчеркнуто нами.— *В. П.*

[61] Там же, т. 95, стр. 41.

[62] См. например: Сб. РИО, т. 41, № 50, стр. 235; № 294, стр. 294, 299; № 81, стр. 408; HUB, Bd. 5, N 883, S. 463; Bd. 6, N 269, S. 148, 149 u.s.w.

и гульденами-золотыми [63]. При конфискации имущества секретаря Василия III (1505—1533) Василия Третьяка Долматова у последнего было отобрано 3000 флоринов наличными, а в середине XVI в. различные золотые монеты хранятся в Софийской казне Великого Новгорода [64]. По мнению Б. Д. Грекова, «капитал Софийского дома не просто драгоценности, лежащие без движения до момента, когда хозяину вздумается зайти в свою сокровищницу и раскрыть свои сундуки. Софийский капитал все время находится в движении» [65].

Источники XVI — начала XVII в. говорят о возможности приобрести или продать в Москве, Новгороде, Пскове и, вероятно, в других русских городах различные золотые монеты в обмен на серебряные по определенному курсу [66].

Таким образом, золотые монеты используются в России в международной торговле, в сфере таможенных сборов, при путешествиях русских людей, в очень ограниченной мере в области внутренней экономики. Не все функции денег одинаково развиты у золотых монет, однако исключить их полностью из сферы денежного обращения невозможно.

Особенно значительное количество сведений об использовании золотых монет в России приходится на вторую половину XV в., что совпадает с чеканкой московских золотых и, возможно, с чеканкой корабленников. Нужно думать, что при Иване III имела место слабая и не увенчавшаяся экономическим успехом попытка золотой монетной чеканки. Выше показаны политические мотивы московской золотой чеканки, но они не были единственными. О том, что в основе монетных нововведений Ивана III лежали и экономические причины, свидетельствуют не только некоторые из уже приведенных фактов, но и синхронность подобных явлений в России и в некоторых близких к ней странах. В XV в. начинается золотая чеканка в ряде северогерманских городов и государств — Люнебурге (1434 г.), Гамбурге (1435 г.) [67], Саксонии (1455—1464 гг.). В Польше первая попытка золотой чеканки была сделана около 1320 г. Только по письменным источникам

[63] LUB, Abt. II, Bd. I. Reval und Riga, 1900, N 24, S. 16 ff.

[64] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 22; *Б. Д. Греков.* Монастырское хозяйство XVI—XVII вв. (Памятники социально-экономической истории России). Л., 1924, стр. 91—92; *он же.* Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв.— «Избранные труды», т. III. М., 1960, стр. 52—53.

[65] *Б. Д. Греков.* Очерки..., стр. 52.

[66] «Торговая книга». Под ред. П. Сахарова.— «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. I. СПб., 1851, стр. 117; *Б. Д. Греков.* Очерки..., стр. 52; другие сведения см.: *С. де Шодуар.* Указ. соч., стр. 63, 64.

[67] *W. Schwinkowski.* Die ersten sächsischen Goldgulden und die deutsche Goldprägung im Mittelalter.— «Zeitschrift für Numismatik», Bd. 28. Berlin, 1910, S. 317—350; *A. Suhle.* Deutsche Münz-und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum 15. Jahrhundert. Berlin, 1955, S. 160—161.

известна золотая монета короля Александра (1501—1506 гг.), регулярная же чеканка дукатов началась в Польше с 1528 г.[68] Старейшие датские золотые монеты относятся к концу XV в.— это подражания рейнским гульденам и нобли[69], шведские — к концу XV или самому началу XVI в.[70] Золотые монеты Ливонии начали чеканиться при Вальтере Платтенберге (1494—1535 гг.)[71]. Следовательно, некоторые общие черты в экономическом развитии стран Центральной и Восточной Европы второй половины XV в. несомненны. Вероятно, меньшая обеспеченность Руси иноземной монетой, а также политические соображения даже несколько ускорили по сравнению с соседними государствами попытку введения Иваном III собственной золотой монеты.

[68] *M. Gumowski.* Op. cit., str. 86, 99, 102, 103.
[69] *H. H. Schou.* Beskrivelse af Danske og Norske Monter. København, 1926, s. 13—14.
[70] *E. Person.* Den äldsta svenska Guldmyntningen.— «Nordisk Numismatik Arskrift». København, 1937, s. 97—100.
[71] *I. Sachssendahl, R. Toll.* Siegel und Münzen der weltlichen und geistlichen Gebietiger über Liv-, Est- und Curland bis zum Jahre 1561. Reval, 1887, S. 234—236.

РУССКАЯ ПОСОЛЬСКАЯ СЛУЖБА В КОНЦЕ XV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

Е. И. Индова

Изучение посольской службы в России проливает свет на многие стороны становления самодержавия и внешнеполитической жизни страны. Однако одни исследователи останавливали свое внимание на изучении русского посольского обычая ранней поры [1], другие — занимались им в связи с организацией во второй половине XVI в. приказной системы и, в частности, образованием Посольского приказа [2]. Посольская служба конца XV — первой половины XVI в. освещалась недостаточно. Сдвиги в жизни централизованного Русского государства определили его дальнейшие внешнеполитические задачи. Борьба за международный престиж за воссоединение западных земель, а также заботы о расширении и укреплении границ требовали большей четкости в делах дипломатии. Основные принципы посольской службы и формы посольской документации складывались на протяжении многовековой дипломатической практики в русских княжествах. Но многое теперь было изменено и дополнено. До середины XVI в. не существовало специального учреждения для ведения сношений с иностранными государствами. Посольскими делами ведал великий князь, но практически это было функцией Боярской думы, которая каждый раз для решения тех или иных внешнеполитических вопросов организовывала так называемые «ответные» специальные комиссии и использовала дьяческий аппарат казны [3].

[1] *Д. С. Лихачев.* Русский посольский обычай XI—XIII веков.— «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 42—55.

[2] *С. О. Шмидт.* Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений.— «Труды МГИАИ», т. 8, 1957; *А. А. Зимин.* О сложении приказной системы на Руси.— «Доклады и сообщения Института истории», вып. 3. М., 1954; *он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI в.— «Исторические записки», т. 63, 1958; *А. К. Леонтьев.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. (Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в.) М., 1961; и др.

[3] *А. К. Леонтьев.* Указ. соч., стр. 138—152; *С. А. Белокуров.* О Посольском приказе. М., 1906, стр. 8—9.

По мере возрастания роли России на международной арене русская дипломатия широко включается в дело. Именно в это время закрепляются и складываются правила посольской службы, посольский церемониал, намечается примерный круг должностей и документов. Оформление Посольского приказа как части государственного аппарата было закономерным следствием предшествующего постепенного формирования посольского обычая и учреждений. У Русского государства в этот период существовали широкие политические и торговые связи со Швецией, Данией, Персией, Турцией, Венецией и др. Однако мы ограничимся анализом памятников дипломатических сношений с Польско-Литовским государством, Римской империей, Крымской и Ногайской ордами.

В связях именно с этими государствами решались главные проблемы русской дипломатии конца XV — первой половины XVI в. В значительной степени под влиянием этих связей формировалась и русская посольская служба. Немаловажное значение в выборе темы имело и наличие источников по истории дипломатических сношений с указанными государствами. Только в Литву за изучаемый период было отправлено 169 посольств (148 по земельным и пограничным вопросам и 21 посольство с вопросами самого различного характера), отчеты о которых сохранились. Это в известной степени позволяет судить о типичности явлений.

Сношения с государствами осуществлялись через послов. Послы приносили вести о мире и о войне, приезжали по делам торговли, по поводу пограничных обид и по другим государственным делам. Послы иногда назывались «послами великими»: так бывало, когда они приезжали заключать мир [4]. Обычно в посольских документах употребляется термин «послы» и лишь изредка встречаются термины «посланник» или «посланец» [5]. Но это были только терминологические различия, практически в функциях и в форме отправления службы послом, посланником и посланцем различий не существовало [6]. Представитель, отправлявшийся с менее важным поручением — передать грамоту, наказ или дополнительную «память» послам, которые уже находились в чужой стране, назывался гонцом [7]. Гонец, так же как и посол, «правил» посольство, у него была «верющая» грамота (верительная грамота), он приносил дары и говорил «речь» [8]. Но между послом и гонцом было различие. Например, в 1485 г. от великого князя Ивана Васильевича к хану Менгли-Гирею был послан гонец с сообщением, что великий князь не отправил к нему «знатного» посла, «ино промеж нас ходят наши недруги» [9]. Позднее докумен-

[4] «Памятники дипломатических сношений».— Сб. РИО, т. 35, стр. 108—111, 768.
[5] Там же, стр. 177, 509.
[6] Там же, стр. 768—785.
[7] Там же, стр. 196, 213.
[8] Там же, стр. 52, 196—199.
[9] Там же, т. 41, стр. 44.

ты показывают, что гонец только «правил» грамоту или передавал «память», сам же речей не говорил, хотя имел те же документы, что и посол [10].

Послы не всегда были представителями феодальной знати. Они подбирались в первую очередь по деловым качествам. Среди лиц, занятых на посольской службе, часто встречаются мелкие бояре и служилые люди. Иногда для придания большего авторитета боярину или дьяку, едущему за границу, приписывалось звание наместника той или иной земли, звание князя или дворецкого. Так, боярин Василий Григорьевич Морозов назван дворецким, а дальше в грамоте говорилось, что титул ему приписан «имени для, а он был не дворецкой» [11].

К личности посла предъявлялись определенные требования. Иван III, разрешая новгородскому наместнику отправить своего посла в Литву, к панам для переговоров о мире (1493 г.), говорил: «А послал бы еси человека такова, который бы умел тамошнее дело видети, а здеся, приехав, сказати» [12].

Посол был обязан прежде всего охранять престиж своей страны. В 1503 г. Иван III, напутствуя послов в Литву к великому князю Александру Казимировичу, наказывал: «Ведь что учините не по пригожу, ино нам нечесть, а вам нечесть же» [13]. В 1517 г. бояре сообщали послу Герберштейну, что великий князь Василий хочет с ним говорить, как с самим императором римским, «заньде же всяк посланник государя своего лице образ носит» [14].

Послы, едущие за границу, должны были соблюдать строгую дисциплину. В 1503 г. Иван III в дополнительном наказе тем же послам напоминал: «Отпущаючи вас, не приказал есми вам того, чтобы меньшой большего чтил, а большой бы меньшего берег да так же и чтил во всем... а розни бы меже вас ни в чем не было, чтобы есте своею рознью нечти мне не учинили, а делу бы моему в том порухи не было» [15].

В наказе определялось поведение послов на приемах за столом [16]. Если же кто из представителей посольства нарушал эти правила, выполнение которых считалось обязанностью, поддерживающей честь и достоинство страны, великий князь строго наказывал: «и про то его ударьте» [17]. Послу доверялось многое, ибо исход часто зависел от его личного уменья вести посольство. В 1498 г. послам Ромодановскому и Кулешину, отправленным к Александру Казимировичу с претензией, что он не «правит по докончанью», Иван III разрешал вести речи не только по его

[10] Сб. РИО, т. 35, стр. 196.
[11] Там же, т. 59, стр. 82.
[12] Там же, т. 35, стр. 86.
[13] Там же, стр. 428.
[14] Там же, стр. 513.
[15] Там же, стр. 428.
[16] Там же.
[17] Там же.

наказу, но и «как их бог вразумит» [18]. Ведя переговоры, посол должен был учитывать ситуацию. В 1497 г., отправляя в Литву Дмитрия Загрязского, Иван III говорил ему: «а се говорити... назавтрее или как будет пригоже» [19]. Это не только относилось к послам, едущим за границу, но и к боярам и дьякам, которые вели переговоры с иностранными послами в Москве. В 1497 г. во время переговоров с литовскими послами дьяки задавали вопросы по собственной инициативе — «а про волошского дьяки спросили его [посла] от себя» [20].

Вопросы мира и границ иногда решались продолжительное время, и их обсуждение протекало в ожесточенных спорах. В 1517 г. посольство Герберштейна оставалось в Москве с июля по декабрь и непрерывно вело переговоры. В документах сообщается: «Да тут так же поговорили разговору много на обе стороны» [21] или «да говорили бояре с послы обо многие спорные речи, отговариваючи у послов непригожие слова» [22]. Спорили долго, справляясь, «куда какая земля принадлежать должна» [23].

Но трудная роль дьяков, ведущих переговоры, была все же менее ответственна, чем роль посла, требовавшая, несмотря на существование наказа или «памяти», гораздо больше личной инициативы. Послам приходилось подолгу оставаться в чужих странах. Это затрудняло возможность получить совет или указание великого князя. Так, посол Ощерин оставался в Крыму более двух лет [24]. Многое он решал сам. Это видно из тех же «памятей», где говорится: «И мы, государь, тот список у них отговаривали» [25]. Это также относится и к дьякам, ведшим переговоры в Москве. Отвечая Герберштейну и литовским послам, дьяки говорили: «То мы вам говорили от себя, по тому что мы от государя своего уразумели» [26]. В затруднительных случаях послы советовались между собой [27], причем у них обязательно должно было быть единодушное мнение по решаемым вопросам.

Посол обязан был быть бдительным. В 1534 г. для ведения предварительных переговоров о мире в Литву был послан Тимофей Заболотский. Ему удалось получить согласие короля Сигизмунда на переговоры, но только в Литве; он предлагал Заболотскому получить «опасную» грамоту для будущих русских послов. Заболотский отказался, а на обратном пути один из посольской

[18] Там же, стр. 256.
[19] Там же, стр. 235.
[20] Там же, стр. 233.
[21] Там же, стр. 510.
[22] Там же, т. 59, стр. 83.
[23] Там же, т. 35, стр. 120.
[24] Там же, т. 41, стр. 486—520.
[25] Там же, т. 35, стр. 669; «Памятники дипломатических сношений с империей Римской», т. I. СПб., 1851, стб. 368.
[26] «Памятники дипломатических сношений с империей Римской», т. I, стб. 388
[27] Сб. РИО, т. 35, стр. 853.

свиты принял от панов грамоту на имя Ивана Васильевича: «А паны дали ту грамоту («опасную», т. е. охранную, грамоту) Юшку Звягину зашиту в своей грамоте, а Юшку ее не сказали» [28]. Присланная, таким образом, «опасная» грамота для приезда русских послов в Литву явилась дипломатической неудачей, которая обязывала дополнительно объяснять причину нежелания русских представителей ехать в Литву.

Посол должен был отправлять посольство с тактом. В 1535 г. русский посол, посланный в Литву к пленному князю Оболенскому, получает от великого князя наказ: «все слушати, а самому не спрашивати, чтобы не было, что ты лазучишь. Спроси маленько у человека, который с тобою говорит правдиво, а прямо — не пытай, да больше у него слушай. Если чего не узнаешь да сам ничего не скажешь, ино вельми добро» [29]. Говорить полагалось только о том, что спросят; о чем не спросят, не говорить, но все замечать [30]. Посол не должен был выдавать государственных тайн — «отвечать только на то, что не тайно, а на распросы тайные отвечать, что не ведаешь» [31].

Как правило, послы были по своему времени людьми образованными. Им приходилось составлять перемирные грамоты, заново устанавливавшие границы, и отвечать на многочисленные вопросы о внутренней и внешней жизни своего государства. Блюдя честь своего государя, русские послы избегали быть принятыми совместно с представителями других стран [32] и не допускали нарушение обрядности, заявляя в подобных случаях решительный протест. Так, посол Тимофей Хлуднев в Литве не был встречен и зван к столу. Он заявил, что обижен таким приемом, ведь его-то государь «чтит для брата своего» королевых посланников [33]. Разумеется, это было не только личной обидой.

Посол должен был говорить речи лишь в присутствии короля. Выступать в присутствии знати или даже родственников короля считалось также унижением чести своего государя. Посол следил и отвечал за исполнение всего посольского обряда, начиная с момента вступления на чужую землю и кончая возвращением на родину. Проще было в сношениях с татарскими ханами — там послы говорили свои речи перед всеми влиятельными родственниками хана.

Личность посла считалась неприкосновенной, для чего выдавались уже упоминавшиеся специальные «опасные листы» или «опасные грамоты», гарантировавшие безопасный проезд по чужой территории. Без таких грамот послы, как правило, не отправлялись

[28] Сб. РИО, т. 59, стр. 13.
[29] Там же, стр. 29.
[30] Там же, стр. 262.
[31] Там же, стр. 227.
[32] Там же, т. 35, стр. 742.
[33] Там же, т. 59, стр. 60.

в путь [34]. Но на практике права посла и его неприкосновенность не всегда строго охранялись, особенно в отношении послов, ехавших к татарским ханам. Там нередко послов держали как заложников [35], брали с них мыт, грабили по пути [36].

«Памяти» (наказы) выдавались общие для всех послов [37]. Если за рубеж посылались дети боярские, которые не несли посольских обязанностей, а составляли свиту, то в «верющую» грамоту имена их не заносились [38]. В более поздних записях, начиная с 1542 г., подчеркивается, что «правити посольство» следует одному лицу, остальные же послы упоминались как его товарищи.

Посольства, отправлявшиеся в Римскую империю и Крым, всегда имели в своем составе толмача. В сношениях с Польско-Литовским государством к переводчикам прибегали очень редко.

Численность посольств, отправляемых за границу, была от одного до пяти—семи человек. Исключение составляли некоторые посольства, как, например, посольство по поводу брака Елены Ивановны, в составе которого было около 100 человек [39], и несколько посольств по поводу крестного целования на перемирных грамотах [40]. Численность литовских и римских посольств в Москву бывала гораздо больше, в среднем — 10—15 человек; посольства по поводу заключения мира доходили и до 300 человек [41]. Состав посольства в основном зависел от важности вопроса, который оно должно было разрешать.

Ведение посольства поручалось, судя по ранним записям, не одному человеку, а всему составу, который отправлялся. «Правити посольство Михаилу Кляпику Еропкину» [42],— так писалось, если посол ехал один. Когда отправлялось двое, то в «верющей» грамоте говорилось: «а се правити посольство князю Василию Ромодановскому да дьяку Василию Кулешину» [43]. Речи между послами были заранее распределены и произносились поочередно. Но «верющую» грамоту передавал тот, чье имя в ней упоминалось первым.

Итак, в составе посольства были послы, толмачи и свита, или, как их называют документы, «дети боярские», задачей последних было сопровождение посольства [44]. Как правило, все посольства отправлялись самим великим князем, но в практике существовали еще посольства от панов к боярам, и наоборот. Однако в Рус-

[34] Там же, т. 35, стр. 642.
[35] Там же, т. 41, стр. 14.
[36] Там же, стр. 27, 433; ср. стр. 16, 351, 784; т. 35, стр. 691, 806.
[37] Там же, т. 35, стр. 72.
[38] Там же, стр. 238.
[39] Там же, стр. 160.
[40] Там же, стр. 734.
[41] Там же, т. 59, стр. 143.
[42] Там же, т. 35, стр. 6.
[43] Там же, стр. 249.
[44] Там же, стр. 732.

ском государстве они также были под контролем великого князя и им придавалось большое значение [45]. Перед отправлением послы получали «верющую» грамоту и инструкцию («память»), включавшие в себя весь посольский регламент. Если посольство должно было получить письменный ответ и заключить договор, то послам давались проекты этих документов. Для кормления в пути и обеспечения средств передвижения послы имели дорожные грамоты, в которых, кроме того, указывался и путь следования. Помимо дорожных грамот, послам от великого князя давались грамоты к наместникам или князьям, через земли которых они проезжали. Последним документом, говорящим о готовности послов к отправлению в путь, была «опасная» грамота (это не относилось к послам, ехавшим к ханам). Такая грамота получалась заранее великим князем от правителя страны, куда направлялось посольство.

Путешествие посольства было опасным и трудным. В Литву ехали на лошадях. Подводы меняли по ямам и, доехав до границы, брали их с собой. Иногда в документах встречаются указания, чтобы и по чужой территории послы ехали на своих лошадях: «а посол на своих конех» [46]. Путь, которым послы обычно следовали в Литву, лежал из Москвы «через Звенигород — Сторож — Можайск — Дорогобуж — Вязьму — Смоленск — Витебск — Вильно» [47], но могли они ехать из Москвы до Вязьмы на подводах, а из Вязьмы или Дорогобужа на судне, водным путем до Смоленска или Орши, а из Орши — «как похочет» — на судне или на подводах [48]. Путь посла по чужой территории был строго определен, и если он нарушался, то король заявлял жалобу, что послы объехали мытную дорогу [49]. Послы ехали медленно, находясь в пути по нескольку месяцев. До границы послов сопровождала охрана. От границы сопровождающий возвращался обратно, донося великому князю, как доехали послы, давали ли им корм, подводы. По литовской территории послы ехали с литовским провожатым [50].

Посольства были гласные и негласные, т. е. открытые и тайные. В 1493 г., отправляя к князю Мазовецкому посольство, Иван III, не желая, чтобы о нем знали в Литве, инструктировал провожатого: «Да того бы еси сам берег, да посадником бы еси молвил, чтобы во Пскове про моих послов да и про Мазовецкого посла не славили, чтобы ся не отозвало в Литовской земле» [51]. От провожатого требовалось сохранять тайну движения послов [52].

[45] Сб. РИО, т. 35, стр. 72.
[46] Там же, стр. 238.
[47] Там же, стр. 142, 167.
[48] Там же, стр. 556, 704.
[49] Там же, стр. 248.
[50] Там же, стр. 464.
[51] Там же, стр. 102.
[52] Там же, стр. 98.

Послы, по мере передвижения, должны были с пути отписывать обо всем великому князю, а по прибытии на место сообщать, как идут переговоры. Такое сообщение делалось письменно или чаще передавалось устно через гонца [53]. Если от послов долго не было вестей, то к ним отправлялись специальные посланные великого князя [54].

Не доезжая до места, послы бывали встречаемы королевскими посланцами. По прибытии на место послы ставились на подворье, откуда их уже приглашали на приемы. По окончании переговоров король отпускал послов, и они тем же путем возвращались обратно, «наперед себя» оповещая великого князя о результатах посольства, а также о предполагаемом дне прибытия в Москву.

Посольства русские к императорам отправлялись следующим путем: Москва — Тверь — Торжок — Новгород — Псков — Рига (так же и обратно). Иногда водным путем: из Москвы на Волгу, по Волге в Тверцу, Тверцою в Мсту и до Новгорода [55]. Путь водою был труден. Так, посольство Де ла-Тура выехало из Любека на 24 кораблях. 15 кораблей разбило бурей, а остальные плавали 6 недель, не имея возможности причалить [56]. Условия следования были такими же, как у посольств, отправляемых в Литву. Дело осложнялось лишь проездом по Литовской земле: право на проезд послов через Великое княжество литовское можно было получить при условии налаженных дипломатических сношений. Кроме того, король часто препятствовал дипломатическим связям московского правительства с Римской империей. Так, в 1501 г. русское посольство было задержано в Литве на 8 недель, несмотря на наличие у него «опасной» грамоты [57]. Больших трудов стоило хранить посольские документы, особенно если они носили секретный характер. Посол Василий Ушаков, ехавший в Литву для передачи секретных грамот русскому посольству в империи, получил наказ от великого князя: «Нешто похотят тобя обыскивати, и ты б те грамоты тогды истерял, как то мочно. А не станут обыскивати, а держал бы те грамоты тайно, где пригоже, в плотно ли бы еси их ныне в свое в каково встегал, чтоб как их где не знати». Инструкцию великого князя посол должен был уничтожить, «а собе ее вычесть, едучи до границы, да в памяти держати» [58].

Путь посольства в Крым лежал от Москвы через Брянск на Киев, от «Киева до Черкас, от Черкас до перевоза, до Тавани» [59] и до Перекопа. Послы пользовались этим путем только с

[53] Там же, стр. 274.
[54] Там же, стр. 664—669.
[55] «Памятники дипломатических сношений с империей Римской», т. I, стб. 29.
[56] Там же, стб. 71.
[57] Сб. РИО, т. 35, стр. 321.
[58] Там же, стр. 784.
[59] Там же, стр. 174.

разрешения литовских великих князей. Путь через Литву был менее опасным, но не всегда доступным, и тогда отправлялись другим путем — через Рыльск и по степи. «Первая остановка в селе Сосенском, вторая — в селе Сакове, третья — на Лопасне, четвертая — в Грабине Серпуховском, пятая — на поле в Турском, шестая — в Лисине Калужском, седьмая... в Калузе, а осьмой — в Воротынску, девятой — в Серенску, десятой — на Брыни» [60]. Этот путь зимой был неудобен, мешали снежные заносы [61]. Великий князь каждый раз, отправляя послов, просил ханов проводить их, но практически это не устраняло опасности. Послы не могли приехать и уехать по своей воле: с крымским ханом Менгли-Гиреем существовал размен послами, происходивший в Путивле [62]. В Крыму послы жили по году и более. О делах они отписывали грамотами, получая от великого князя инструкции о дальнейших действиях [63]. Посольство сроком не ограничивалось.

Посольские документы по своему содержанию в основном могут быть разделены на пять групп.

I. *Документы о праве на посольство и об обеспечении продовольствием и средствами передвижения послов в пути*

«Опасные» грамоты (или «опасный» лист) выдавались русскими великими князьями для послов литовских и литовскими великими князьями для послов русских, каждый раз на конкретное посольство (так было по отношению к послам всех стран, исключая, как сказано выше, татар, если путь лежал через степь).

Грамоты содержали гарантию для свободного въезда и выезда послов из страны: «Чтобы твоим послом добровольно к нам приехати и отъехати з наших земель без всякого опаса» [64]. Грамота начиналась с полного титула великих князей московского и литовского. Дальше упоминался тот, кто из послов литовских просил «опасный» лист, излагалась цель посольства, а также подтверждение, что великий князь дает «опасный» лист, по которому послы свободно могут приехать и отъехать. Документ обязательно датировался [65].

Существовало две разновидности «опасных» листов: для послов, едущих в Литву, и для послов, едущих через Литву в Рим. Последняя разновидность отличалась только одним пунктом, в котором говорилось: «Через наши земли и с их людьми и со всем, что с ними ни будет итти до [назв. пункта] без зацепки, туда и обратно» [66].

[60] Сб. РИО, т. 41, стр. 441.
[61] Там же, стр. 241.
[62] Там же, стр. 554.
[63] Там же, стр. 102.
[64] Там же, т. 35, стр. 110.
[65] Там же.
[66] Там же, стр. 804.

В исключительных случаях бывали посольства, которые могли и не иметь «опасного» листа. Это было во время, когда между странами только что заключен мир, а само посольство посылалось по маловажному вопросу [67].

Подорожные грамоты выдавались от имени великого князя послу или приставу, провожающему посла [68]. Они давали право на обеспечение посла в пути продовольствием и средствами передвижения. Содержание излагалось по следующей форме: от великого князя (полный титул), от Москвы по дороге (перечень населенных пунктов, через которые следует посольство). Имя посла и сопровождающего посольство. Указание давать определенное количество подвод или, если посольство следует водным путем, судно, а также питание с указанием количества продуктов. Указание давать питание на остановках. Условия обеспечить питанием и средствами передвижения на обратном пути. Иногда в подорожных грамотах указывалась срочность передвижения. Великий князь просил: «не издерживая ни часа отпускать послов по сей моей грамоте» [69].

Содержание подорожной грамоты изменялось в зависимости от пути, которым следовало посольство, и количественного состава посольства. По форме грамота не менялась. В документах, начиная с 1520 г., подорожных грамот совсем не встречается. Приставы сопровождают послов, заботятся о предоставлении средств передвижения и питания послов [70].

Грамоты к псковским и новгородским наместникам и князьям, через земли которых следовали посольства, писались также от имени великого князя на имя посла или пристава, сопровождающего посольство. Великий князь сообщал наместнику, что им отправлено посольство (указывал состав его с перечислением имен) с приставом, и просил поставить посольство на подворье, дать корм и средства передвижения [71].

В документах встречаются грамоты подобного рода к князьям и наместникам можайским, тверским, новгородским и псковским до 1520 г.

II. *Личные документы посла*

«Верющие» грамоты удостоверяли его личность как представителя Русского государства. В ранних посольских записях, с 1487 по 1503 г., встречается столько «верющих» грамот, сколько за послом «речей» от великого князя. В 1503—1505 гг. послы имеют только одну «верющую» грамоту на все «речи» — вопросы, которые они должны были разрешать [72]. Задачи посла со временем усложняются,

[67] Там же, стр. 240.
[68] Там же, стр. 86.
[69] Там же, стр. 101.
[70] Там же, стр. 835.
[71] Там же, стр. 94.
[72] Там же, стр. 439.

но ни один посол не «справлял» посольства без «верющей» грамоты, именно она была первым документом, представляемым послом после слов приветствия (исключение составляют посольства к татарам, где в практике не было «верющих» грамот).

Формуляр грамоты писался по такой схеме: от великого князя (полный титул) к королю польскому (полный титул), кто посылается, имя и положение. Просьба верить — «и что от нас учнет тебе говорити, и ты бы ему верил, от есть наши речи»[73]. Указания, где писана грамота, и дата.

Форма этих грамот не изменялась. Если послы должны были говорить речи наедине, о том в грамоте оговаривалось. Если послов было двое или больше, имена их вписывались в «верющую» грамоту. «Верющая» грамота для всех послов была одна. «Память», или наказ от великого князя, давалась каждый раз послу, уезжающему в чужую страну. Содержание «памяти» зависело от цели посольства, и поэтому «памяти» — наиболее разнообразные и интересные документы. Первые «памяти» содержали только напоминание послам о возможных вопросах в связи с их посольством, а также предусматривали ответы посла[74]. Со временем, начиная с 1497 г., они увеличиваются в объеме. Теперь это уже не запись в несколько строк, а большая инструкция на нескольких листах[75].

Из «памятей» мы узнаем: о дипломатических приемах, которыми пользовались послы при переговорах[76], о требованиях, которые предъявлялись к послу как в пути следования, так и при ведении им посольства[77], о секретных заданиях, получаемых послами помимо основных задач посольства (например, получение сведений о взаимоотношениях Польско-Литовского государства с другими странами)[78]. Наконец, в «памятях» всегда оговаривается, что посол должен быть стойким — «а отговаривати то накрепко». В отличие от «верющих» грамот в раннее время «память» была одна для всех вопросов, которые должен был разрешать посол. К концу великого княжения Ивана III положение изменилось, послу выдавалось столько «памятей», сколько вопросов надлежало ему разрешить. Посол не всегда имел возможность хранить «память» при себе. Особенно в тех случаях, если она содержала секретные поручения. Тогда «память» читалась послом по пути до границы, а затем уничтожалась[79]. «Памяти» были не только у послов, но и у приставов, сопровождающих

[73] Сб. РИО, т. 35, стр. 52.
[74] Там же, стр. 66.
[75] Там же, стр. 645—668.
[76] Там же, стр. 140.
[77] Там же, стр. 476, 515.
[78] Там же, стр. 650, 681.
[79] Там же, стр. 784.

посольство. «Память» пристава однообразна, содержание ее заключается в предписании следить за соблюдением послами правил передвижения [80].

III. *Речи*

Существовали речи трех видов — посольские, разговорные и ответные. Посольские речи произносились послами от имени великого князя. Они передавали содержание и цель посольства. Вначале речи были устные («говорились», «а после того речь говорити» [81]). Начиная с 1498 г. в документах есть указание о существовании речей письменных («а речь говорити по записи» [82]). Речи разговорные — речи послов во время ведения ими посольства. Ответ на речи великого князя послы привозили и сообщали ему по возвращении. Вначале ответы на речи были устные, а затем, с конца великого княжения Ивана III,— письменные [83]. В письменных ответах, помимо содержания, помещено и описание обстановки, в которой речи произносились (в присутствии панов и короля или наедине королю). Речь строилась по форме: русский великий князь (титул), тебе, королю (титул), велел говорити (изложение содержания). Содержание речей — основные цели посольства.

IV. *Документы государственные*

Грамоты перемирные, или, как иногда они назывались в документах, грамоты договорные, «докончания», содержали условия мира или перемирия, заключаемого между странами. Они тщательно обсуждались послами и великим князем, а также представителями страны, с которой они заключались. Иногда обсуждение длилось несколько месяцев: заключение перемирия 1526 г. продолжалось с апреля по ноябрь [84]. Когда договоренность бывала достигнута, составлялась перемирная грамота. С Литвой часто заключались перемирия, когда не было окончательной договоренности. В 1494 г. к моменту заключения мира вопрос о принадлежности Вязьмы остался нерешенным, и оговаривалось, что великий князь и король, будучи в мире, «обыщут, куда была из старины Вязма» [85].

До составления общего текста перемирной грамоты каждая сторона писала свой текст, после чего происходил обмен списками. Если стороны были не согласны с представленными текстами, они собирались вновь, обсуждали «да говорили меж собою много спорных речей», и после уступок «дьяки начисто писали

[80] Там же, стр. 68.
[81] Там же, стр. 41.
[82] Там же, стр. 254.
[83] Там же, стр. 56.
[84] Там же, стр. 710—731.
[85] Там же, стр. 118.

докончания»[86]. Грамота писалась в двух экземплярах. К русскому экземпляру великий князь привешивал печать, «воск красный, большую»[87], после чего целовал на ней крест перед литовскими послами, обещая «править по сей грамоте». К литовскому экземпляру литовские послы приписывали обещание, что они целуют крест вместо своего короля, после чего послы привешивали свои печати. Затем грамоты зачитывались перед великим князем; русскую читал русский дьяк, а литовскую — литовский писарь. После этого литовским послам вручалась русская грамота, а в Москве оставалась литовская. Но литовская грамота была еще не правомочна. Было необходимо, чтобы литовский великий князь ее переписал в Литве, целовал на ней крест и привесил свою печать. С этой целью в Литву посылались специальные послы, которые не только присутствовали на крестном целовании, но и следили, чтобы текст грамоты записывался по русскому списку «слово в слово»[88]. Для этого в Литве у русских послов обычно требовали список, оставленный литовскими послами в Москве, но русские послы должны были указывать, что следовало писать с русского экземпляра, находящегося в Литве. И только в крайних случаях русские послы давали список литовский, оставляя себе приписи и печати, привешенные послами в Москве. Это возвращалось великому князю вместе с грамотой, привезенной из Литвы[89].

Грамоты разметные, или складные, содержали объявление войны. Они посылались со специальным послом после их обсуждения великим князем с «братьею и з бояры». В 1512 г. великий князь решил разорвать мирные сношения с Литвой и послал «складную» грамоту. В грамоте не писался титул великого князя литовского, а излагались подробно обиды и нарушения, допущенные князем и его людьми, говорилось, что русский великий князь снимает свое крестное целование «и за то за все взял бога на помощь, пошол на него... и крестное целование долов». Посол, вручавший разметную грамоту, речей не говорил и, не задерживаясь, возвращался[90].

Жалобные, или обидные, списки содержали перечень обид и ущерба, нанесенного русским пограничным людям и торговым гостям[91]. Обидные списки предъявлялись русскими послами на приемах у правителей разных стран, а также в Москве на приемах иностранных послов у великого князя. Так, в 1542 г. от имени Ивана III, получившего известие о прибытии литовских послов,

[86] Сб. РИО, т. 35, стр. 124.
[87] Там же, стр. 138.
[88] Там же, стр. 635. Подобный обмен «противнями» был характерен и для междукняжеских «докончаний» XIV—XV вв. (*Л. В. Черепнин.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М., 1948).
[89] Сб. РИО, т. 35, стр. 635.
[90] Там же, стр. 499.
[91] Там же, стр. 9.

были разосланы грамоты во все города «украинные», чтобы наместники выписали «на списки все обидные дела» и прислали бы их к великому князю «часа того, и о тех делах с послы говорити» [92].

V. *Отчеты послов*

Отчеты послов (статейные списки) — документы, которыми послы, возвращаясь, отчитывались перед великим князем [93]. Отчет строился по статьям, пунктам, а потому и носит название статейного списка. В 1495 г. великий князь Иван Васильевич, посылая в Литву своих послов, Ряпиловского и Русалку, просил их через гонца «описать о всем тамошнем по статье или подлинно, как было» [94]. Статейный список включал: документы, которые везли с собой послы, как необходимые для ведения посольства; сведения о составе и отправлении посольства, путешествии и приемах у короля, ответы на посольство, а также документы, появившиеся в результате посольства.

Отчет посла строился так, чтобы дать картину ведения посольства с момента его отправления и кончая возвращением. Ранние отчеты в силу своей краткости не дают полного представления о ведении посольства. Это объясняется тем, что все посольства велись в разговорной форме и в ранние статейные списки записывались не все документы, а, как правило, только формальные данные о посольстве (дата отправления, место отправления посольства, имя посла, от кого к кому посылается посол, указание на порядок ведения посольства), тексты «верющих» грамот, речей, обидных списков, наказов, памятей посла и ответы на посольство. Начиная с 1495 г. отчеты послов становятся более подробными, в них заносятся грамоты подорожные, «опасные» листы, грамоты перемирные и крестоцеловальные записи, грамоты разметные, а с 1505 г. в статейных списках помещаются решительно все документы и сведения о ведении посольств.

Часть документов, независимо от времени, совершенно не менялась по форме — это тексты «верющих» грамот, подорожных грамот, «опасных» листов и крестоцеловальных записей, а также форма, по которой излагалась посольская речь.

Особый интерес представляет «память» посла — инструкция, содержание и форма которой непрерывно менялись в зависимости от целей посольства, а также и от отношений между государствами. Память дает возможность проследить, как постепенно совершенствовались методы ведения посольств и расширялись задачи посла.

Как следует из отчетов послов, дела посольские «правились» по определенному обряду.

[92] Там же, т. 59, стр. 145.
[93] Там же, т. 35, стр. 71.
[94] Там же, стр. 169.

О приезде послов в чужую страну было заранее известно[95]. На границе послов встречал пристав короля, который должен был сопровождать посольство далее. На определенном расстоянии от конечного пункта послов обычно встречали специальные посланные короля. Но такие встречи бывали не всегда. Так, в 1536 г. посла Тимофея Хлуднева, ехавшего вести переговоры о мире с Литвой, никто не встречал. Это объяснялось тем, что в Литве были недовольны условиями мира. Посол заявил претензии[96]. При встрече послов должны были приветствовать от имени короля или великого князя и спросить об их здоровье. При этом и послы, и встречающие сходили с коней. Но русские послы по указу своего государя не делали это первыми, они выжидали и слезали с коней в том случае, если встречающие уже сошли[97]. Затем послы следовали к месту назначения и останавливались на подворье. На подворье послов одних не оставляли, им давали пристава. Пристав следил за тем, чтобы послы не общались с населением. Иногда запреты были так строги, что послов одних не отпускали даже в церковь[98].

С подворья послов «звали на двор к королю», где их также встречали[99]. После встречи следовал прием у короля. Начиная прием, король обычно справлялся у послов о здоровье великого князя и об их собственном. В этот момент полагалось королю за руку здороваться с послами, а послам целовать руку короля[100]. Король предлагал послам сесть. Здесь надлежало послам, «да мало посидев да встав, поминки явити»[101].

В качестве даров русские возили соболя, белку, горностая и другие меха, западноевропейскую монету «карабельник» (кораблейник)[102], кречетов. В Крым помимо этого возили оружие и лошадей. Поминки раздавались от имени великого князя, великой княгини и княжат[103]. Раздача поминок совершалась всеми послами по списку, занесенному в «память»[104]. В Литве подарки вручались великому князю, в Польше — королю, в империи — императору, а в Крыму — хану и всем его приближенным[105].

Подарки русские послы возили не всегда. В тех случаях, когда их не было, послы с самого начала предъявляли «верющую» грамоту[106]. После предъявления грамоты говорились речи с соблюдением очередности: «а се говорити Третьяку, а се говорити

[95] Сб. РИО, т. 35, стр. 142.
[96] Там же, т. 59, стр. 60.
[97] Там же, т. 35, стр. 515.
[98] Там же, т. 59, стр. 61.
[99] Там же, т. 35, стр. 142.
[100] Там же, стр. 80.
[101] Там же, стр. 138.
[102] Там же, стр. 442.
[103] Там же, стр. 254.
[104] Там же, стр. 415.
[105] Там же, т. 41, стр. 315.
[106] Там же, т. 35, стр. 140, 668.

Асанчуку»[107]. Речи говорились иногда в присутствии панов, окружения короля, иногда — королю наедине, в зависимости от важности вопроса. Бывали случаи, когда речь послов прерывалась для предъявления документов, необходимых как доказательство к сказанному[108].

Жалобные списки посол подавал после речи[109]. Когда у послов бывала не одна речь, а несколько, то они говорились не сразу — «а на завтрее или как будет пригоже»[110]. Иногда приемы у короля послам устраивались по нескольку раз[111]. Обычно после первой речи король звал послов к столу, после чего их провожали на подворье[112]. Если послы должны были заключать мир, то ко всему перечисленному выше добавлялась еще подготовка текста перемирной грамоты.

Кроме официальных приемов у короля, на которых послы говорили речи великого князя, были еще приемы, где обсуждались вопросы, поставленные послами. В отчетах об этих приемах сообщалось: «и мы то отговаривали накрепко по твоему государеву наказу»[113]. Последний прием у короля назывался «отпуск». Король стоя прощался с послами, передавал поклон великому князю и сообщал послам, что их речи поняты и в ответ на посольство он пошлет к великому князю своего посла. В поздних документах говорится, что король давал послам письменный ответ. Без последнего приема у короля послы не могли уехать. Именно на последнем приеме король указывал послам путь их следования и давал провожатого[114].

Торжественные проводы послам бывали до того же места, где их встречали, после чего послы до границы ехали с приставом[115]. На русской границе послов встречали русские приставы и сопровождали их к великому князю[116].

В отличие от посольства на Запад послы к татарским ханам и мурзам ехали всегда на своих лошадях[117], питались за свой счет[118], торжественных встреч не бывало[119]. По прибытии послы сами шли к хану. Прием у хана начинался с приветствия и раздачи подарков[120]. Речи говорились не только хану, но и всем приближенным хана, а также влиятельным женам. Иногда послам

[107] Там же, стр. 95.
[108] Там же, стр. 291.
[109] Там же, стр. 65.
[110] Там же, т. 59, стр. 110.
[111] Там же, т. 35, стр. 733.
[112] Там же, стр. 142.
[113] Там же, стр. 669.
[114] Там же, стр. 493.
[115] Там же, стр. 144.
[116] Там же, стр. 756.
[117] Там же, т. 41, стр. 95.
[118] Там же, стр. 541.
[119] Там же, т. 41, 59.
[120] Там же, т. 41, стр. 520.

приходилось говорить одну и ту же речь по 16 раз [121]. В Крыму послы оставались подолгу, извещая великого князя грамотами о положении дел, а великий князь, в свою очередь, предписывал им следить «за поведением крымского и сообщать» [122]. Об отъезде послы заявляли хану и просили провожатого — «а велел бы лихие места все проводити» [123]. Провожали послов до Путивля, где происходил размен послами [124].

Таким образом, русская посольская служба с течением времени все более совершенствовалась. Если в конце XV в. в посольских документах не подчеркивалось, что ответственность за проведение посольства лежит на ком-то одном из послов, то уже в начале XVI в. документы это специально отмечают. Постепенно общие задачи, общий «наказ», или «память», включает и персональные поручения.

Для конца XV и первой половины XVI в. точно определен круг лиц, постоянно занятых делами внешней политики. Причем они распределяются по странам, что было следствием известного профессионального подхода к ведению дипломатических дел. Многие из них занимались внешнеполитическими делами от 10 до 20 и более лет.

Так, в сношениях с Польско-Литовским государством это были окольничий великого князя Петр Михайлович Плещеев (1487—1503), Михаил Еропкин-Кляпик (1488—1510), дьяк Федор Курицин (1491—1503), Третьяк Василий Долматов (1492—1510), дьяк Меншик Григорий Путятин (1511—1537), дьяк Третьяк Матвей Раков (1522—1543) и др.

В сношениях с татарскими ханами службу несли: боярин Иван Иванович Звенец (1480—1496), боярин Василий Васильевич Ромодановский (1490—1501), дьяки Алексей Голохвастов (1498—1519), Иван Мамонов (1500—1516) и др.

В делах сношений с Римской империей выделялся толмач Истома (1491—1520), дьяк Шигона Поджегин (1491—1500) и др.

Всего на дипломатическом поприще с указанными государствами в изучаемое время было занято, по нашим подсчетам, немногим более 100 человек.

Совершенствовалась и посольская документация. В связи с процессом территориального объединения и укреплением централизованной власти из посольских документов к концу великого княжения Ивана III исчезли столь необходимые в первые годы его княжения подорожные грамоты. А грамоты к новгородским и псковским наместникам стали носить чисто формальный характер. Каждый раз, посылая такую грамоту, великий князь подчеркивал: «в нашу вотчину». Ко времени великого княжения Василия Ивано-

[121] Сб. РИО, т. 41, стр. 520—535.
[122] Там же, стр. 228.
[123] Там же, стр. 53.
[124] Там же, стр. 552—558.

вича среди посольских документов таких грамот уже не встречается. С 1496 г. послу вручалась только одна «верющая» грамота.

Наряду с послами выделяется профессия толмачей (переводчиков). На царского казначея возлагаются дополнительные обязанности, связанные с посольской службой. Так, в 1494 г. указывалось, что он записывает подарки, «поминки», которые русский посол везет в Литву [125]. В 1501 г. отмечено, что казначей ставит печать на документах, где расписаны «поминки» [126]. В 1536 г. посольские документы свидетельствуют, что казначей записывает «поминки и корм» [127]. В том же году отмечалось, что жалованье послам Сигизмунда записано у казначея [128]. В 1542 г. великий князь велит казначею найти старую русско-польско-литовскую договорную грамоту, которая у него хранится [129]. Таким образом, казначей не только составлял списки поминок и кормов, но и являлся хранителем посольских документов. В 1543 г. пристав, который ставил литовских послов на подворье, указал, что он отчитывался перед казначеем [130].

Среди дьяков выделяются лица, ведающие передвижением послов. Так, известно, что в 1536 г. продовольствие, которое выдавалось иностранным послам в Москве, было записано «у дьяков, которые ямы ведают» [131].

Выделилось и специальное делопроизводство по внешнеполитическим вопросам. В документе 1537 г. указывалось, что люди, которые присутствовали на дипломатическом приеме иностранных послов, записаны у дьяка — «а писаны те дети боярские у наряду у дьяков у Елизара Цыплятева с товарищи» [132]. Есть сведения, что в 1542 г. у дьяка уже имелась своя изба: «и повели послов в дьячьи избы, что на княж Юрьевском дворе» [133]. Документ 1549 г. отмечает, что дьяк Висковатов говорил: «яз иду до своей избы» [134].

1549 г. считается годом учреждения Посольского приказа [135]. И хотя ко времени образования приказа посольский обряд и документация в основном сложились, в последующие столетия они претерпевают изменения и совершенствуются. Особенно интересен в этом отношении XVIII в., когда посольская служба изменяется коренным образом.

[125] Сб. РИО, т. 35, стр. 239.
[126] Там же, т. 41, стр. 365.
[127] Там же, т. 59, стр. 43.
[128] Там же, стр. 64.
[129] Там же, стр. 145.
[130] Там же, стр. 214.
[131] Там же, стр. 64.
[132] Там же, стр. 65.
[133] Там же, стр. 148.
[134] Там же, стр. 288.
[135] См. *А. А. Зимин.* О сложении приказной системы на Руси.

АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ ХРОНИКИ В. КЭМДЕНА

Л. А. Никитина

Ученые, занимавшиеся вопросом о развитии англо-русских отношений во второй половине XVI в. [1], ввели в научный оборот немало разнообразных источников. Но английские хроники использовались ими выборочно и весьма скупо [2]. Это относится к хроникам Стоу [3] и Кэмдена [4]; хроники Холиншеда [5], Фабиена [6], Наун-

[1] Обзоры основных работ из обширной историографии вопроса см.: *Н. Т. Накашидзе.* Русско-английские отношения во второй половине XVI в. Тбилиси, 1955; *Н. П. Черкашина.* История Московской торговой компании в XVI—XVII вв. М., 1953 (рукопись); *Д. И. Копылов.* Англо-русские отношения в период Ливонской войны. Горький, 1952 (рукопись); *Э. П. Новосельцева.* Англо-русские отношения в 30—40-х годах XVII в. Горький, 1955 (рукопись); *Н. Ф. Прончатов.* Англо-русские отношения в конце XVI в., 80-е — 90-е годы. Горький, 1955 (рукопись); *А. А. Большухин.* Англо-русские отношения в период крестьянской войны и польско-шведской интервенции в России в начале XVII в. Горький, 1949 (рукопись).

[2] *J. Lingard.* A History of England from the First Invasion by the Romans to the Commencement of the Reign of William the Third, vol. VII. London, 1860, p. 246—247; *T. S. Willan.* The Early History of the Russia Company. 1553—1603. Manchester, 1956, p. 112, 153; *И. И. Любименко.* История торговых сношений России с Англией, вып. 1. Юрьев, 1912, стр. 17; *она же.* Англичане в допетровской Руси.— «Русская мысль». М.— Пг., 1915, март, стр. 79; *она же.* Московский рынок как арена борьбы Голландии с Англией.— «Русское прошлое». Пг., 1923, № 5, стр. 6; *она же.* England's Part in the Discovery of Russia.— «The Slavonic Review», vol. VI, N 16, June 1927, p. 106; Архив ЛОИИ, ф. 175, Коллекция Гамеля, оп. III, т. 30, лл. 144, 806; *Я. С. Лурье.* Английская политика на Руси в конце XVI в.— «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института», т. 61, 1947, стр. 126.

[3] *J. Stow.* The Annals of England Faithfully Collected out of the Most Authentical Authors, Records, and Other Monuments of Antiquity... London, 1601.

[4] *W. Camden.* Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha. Londini, 1615; «Ammales rerum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha...». Lugdunum Batovorum (Leiden), 1625.

[5] *R. Holinshed.* Chronicles of England, Scotland and Ireland, vol. 4. London, 1808.

[6] *R. Fabyan.* The New Chronicles of England and France, in Two Parts. Ed. by Henry Ellis. London, 1811, p. 718. Имеется в виду продолжатель хроники Фабиена, так как сам хронист умер в 1513 г.

тона [7] и Бэкера [8] вовсе не привлекались. Из этих хроник первоочередного внимания заслуживают «Анналы царствования королевы Елизаветы» Вильяма Кэмдена, изданные впервые в 1615 г. История создания хроники, ее жанр, содержание, мировоззрение автора, документальная основа, степень ее достоверности, связь и соотношение ее с другими источниками, что нового дает она для освещения англо-русских отношений — таковы вопросы, интересующие нас.

Результатом анализа хроники должен явиться ответ на вопрос о ее специфике как исторического источника и значении ее для изучения англо-русских отношений второй половины XVI в.

Вильям Кэмден, основатель английской исторической школы эпохи Возрождения, родился в 1551 г. Окончив Оксфордский университет, преподавал там в течение ряда лет. Одновременно собирал материал для первого историко-географического описания Англии,— «Британии», которое было опубликовано в 1586 г. [9] и получило заслуженную известность. Кэмден был одним из основателей английского Общества антикваров [10], включавшего крупнейших английских историков конца XVI — начала XVII в. (Спид, Коттон, Сидней, Спелман и др.) [11] Он поддерживал тесные связи с крупнейшими европейскими учеными [12].

После многих лет преподавания в Оксфорде Кэмден получил должность королевского геральдика. Он пользовался покровительством министров и придворных королевы Елизаветы [13]. В 1597 г. он получил заказ от главы английского правительства В. Сесиля, лорда Бэрли, написать историю царствования королевы Елизаветы. Лорд Бэрли открыл хронисту не только свой личный, но и королевские архивы. К его услугам была и крупнейшая коллекция Р. Коттона [14]. Кэмден хорошо знал средневековые англий-

[7] *R. Naunton.* Annales. The True and Royal History of the Famous Empresse Elizabeth Queen of England, France and Ireland. London, 1625.

[8] *R. Baker.* A, Chronicle of Kings of England from the time of Remans Government unto the death of King James... London, 1674.

[9] О «Британии» см.: *В. К. Яцунский.* Историческая география. М., 1955, стр. 72, 131, 132; *О. Л. Вайнштейн.* Западноевропейская историография. М.— Л., 1964, стр. 440—442.

[10] *W. Camden.* Britannia; or a chorographical description of Great Britain and Ireland, together with the adjacent islands. Written in Latin by William Camden... and translated into English, with additions and improvements. The 2th. ed. Revised, digested and published, with large additions, by Edmund Gibson... London, Printed by M. Matthews for A. Churchill, 1722, vol. I, p. «g».

[11] Ibid., p. «e», «f», «g»; *F. M. Powicke.* Sir H. Spelman and the Concilia.— «Proceedings of the British Academy», vol. 16. London, 1930, p. 346, 351; *J. Evans.* A. History of the Society of Antiquaries. Oxford, 1956, p. 7.

[12] *W. Camden.* The History of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth... London, 1675, p. 8.

[13] *W. Camden.* Britannia..., vol. I, p. «f»; *J. Evans.* Op. cit., p. 7.

[14] *W. Camden.* The History..., p. 1.

ские хроники и другие документы, многие из них он сам издавал [15]. В личном собрании Кэмдена также находились интереснейшие документы. О розысках документов В. Кэмден писал: «Я искал для написания всяческой помощи со всех сторон. Я много раз тщательно перелистал патенты и т. п., письма королей и т. д., властителей, решения королевского совета, инструкции послам и т. п. послания. Я просмотрел регистры парламента, акты и т. п. статуты. Я прочитал и перечитал каждый из эдиктов» [16].

В распоряжении хрониста были также документы, привезенные Д. Горсеем из России. Часть из них, по утверждению Д. Горсея, была издана В. Кэмденом в его хронике [17]. О содержании этих документов рассказывает Д. Горсей в своей работе: «Я сохранил все наказы, наставления, письма, привилегии и все важные бумаги, полученные мною от общества (Московской компании.— *Л. Н.*), копии с грамот королевы, с ее наказов и наставлений также мною сохранены, равно как все бумаги, относящиеся ко всем (моим) переговорам и посольствам в чужих краях. Все эти документы весьма замечательны, и стоит их пересмотреть и прочесть» [18].

В. Кэмден не упоминает Д. Горсея, но тот рассказывает о своих связях с Д. Флетчером, Р. Коттоном и В. Кэмденом. Возможно, Кэмден именно через Коттона получил документы, привезенные Д. Горсеем из России. Известно, что Горсей был связан с Коттоном и даже передал ему для напечатания свои записки [19].

Кэмден вел и личные наблюдения: «... Я сам видел и наблюдал многое и узнал остальное от лиц, достойных доверия, которых я видел, людей, которые присутствовали при совершении дел» [20].

Наконец, Кэмден знал английскую литературу о России: он упоминает работу Флетчера, изданную впервые в 1591 г. [21] В 1589 г. вышла в свет ценнейшая публикация Р. Гаклюйта [22], содержавшая документы об англо-русских отношениях. Возможно, Кэмден знал и ее. Это тем более вероятно, что и у Гаклюйта и у Кэмдена был общий покровитель — лорд Бэрли [23].

С 1597 по 1607 г. В. Кэмден занимался собиранием материа-

[15] *О. Л. Вайнштейн.* Указ. соч., стр. 442; *W. Camden.* Britannia..., vol. I, p. «f»; *В. К. Яцунский.* Указ. соч., стр. 131.
[16] *W. Camden.* The History..., p. 2—3.
[17] «Путешествия в Московию Еремея Горсея». Перевод с английского Ю. Толстого. М., 1907, стр. 110.
[18] Там же, стр. 110. О документах, собранных Горсеем, см. там же, стр. 74.
[19] Там же, стр. 109.
[20] *W. Camden.* The History... (The Author to the Reader), p. 3.
[21] Ibid, p. 286.
[22] *R. Hakluyt.* The Principal Navigations, Voyages, Traffiques etc. Duscoveries of the English Nations, vol. 2—3. Glasgow, 1903.
[23] *R. Hakluyt.* Op. cit., vol. 1, p. 12; *Д. И. Копылов.* Указ. соч., стр. 19.

ла[24]; первый том хроники, доведенный до 1589 г., вышел в 1615 г., второй том был завершен в 1617 г., но увидел свет в 1625 г., уже после смерти автора. В. Кэмден не напечатал его при жизни, так как развиваемая им концепция отношений Англии с Шотландией вызвала недовольство нового короля Якова I[25].

Появление «Анналов» было встречено восторженно современниками[26]. Работа неоднократно переиздавалась еще при жизни автора и после его смерти как в Англии, так и за границей. Еще в первой четверти XVII в. появились переводы хроники с латинского на английский и французский языки[27].

Итак, хроника имела прочную документальную базу, она не только получила одобрение правительства, но и прямо написана по его заказу.

К какому жанру исторической литературы принадлежит работа Кэмдена? Сам автор назвал ее «Анналами», английский[28] и французский[29] переводчики — «Историей царствования Елизаветы». Произведение Кэмдена лишь по форме напоминает средневековые хроники[30]. По существу он многократно делает отступления от хронологического принципа. Так, описание приезда в 1567 г. в Англию русских купцов С. Твердикова и Ф. Погорелова он прерывает рассказом о возникновении англо-русских связей[31], повествование о воцарении Федора Ивановича, «чтобы сразу уже рассказать о делах Московии», связывает с сообщением о посольстве Флетчера[32].

Хроника посвящена изложению политической истории Англии времен королевы Елизаветы (1558—1603), ее внутренней и внешней политике, а также отношениям Англии с другими странами (Шотландией, Францией, Нидерландами, Ватиканом и т. д.). Большое внимание уделено английской реформации. Тема англо-русских отношений не является основной, но все-таки он прослеживает этапы их развития, начиная с экспедиции Р. Ченслера в Россию 1553 г. и кончая смертью королевы Елизаветы в 1603 г.

В центре внимания Кэмдена — вопрос о заключении англо-русского союзного договора. Рассказав об «открытии» России Ченслером в 1553 г. и о возникновении дружественных отношений между Россией и Англией[33], автор хроники (в соответствии с

[24] *W. Camden.* Britannia..., vol. 1, p. «f».
[25] Ibidem.
[26] Ibidem.
[27] Библиографию изданий и переводов хроники В. Кэмдена см.: «Dictionary of the National Biography». Ed. by L. Stephen, vol. 8. London, 1886, p. 284.
[28] *W. Camden.* The History...
[29] *W. Camden.* Histoire d'Elisabeth Royne d'Angleterre..... Paris, 1627.
[30] *W. Camden.* The History..., p. 7—8 (ссылки на античные авторитеты); ср. *А. Д. Люблинская.* Источниковедение истории средних веков. Л., 1965, стр. 42.
[31] *W. Camden.* The History..., p. 102—103.
[32] Ibid., p. 285.
[33] Ibid., p. 102—103.

данными других современных источников) [34] сообщает о предложении в 1567 г. Иваном Грозным англо-русского оборонительного и наступательного договора [35]. Кэмден правильно отмечает, что различное отношение обоих правительств к договору было причиной охлаждения между ними. Царь, по словам хрониста, «плохо воспринял то, что королева пренебрежительно ответила на эти пункты» [36]. Но «он не перестал как в письмах, так и через посольства настаивать на этих вещах... теперь и тогда требуя, чтобы названный Антоний (Дженкинсон.— *Л. Н.*) мог быть послан назад, словно он не действовал с должной верностью в тайных делах такого большого значения» [37]. Царь добивался союза и во время переговоров 1569 г. в Москве с Рандольфом [38], и А. Г. Совин в 1570 г. снова предложил английскому правительству «проект союза, написанный на русском языке» [39]. В тайных письмах, привезенных им, царь «горячо настаивал» на заключении договора. И впоследствии недовольный результатами лондонских переговоров, он требовал более солидного утверждения названного союза; в 1582—1583 гг. русский царь снова ведет переговоры «о союзе, упоминавшемся ранее», добиваясь «абсолютного союза» [40], наконец, во время переговоров английского посла Д. Бауса в Москве (1583—1584 гг.) Грозный «очень настойчиво требовал заключения союза, сформулированного полностью в его собственных выражениях» [41].

Все эти сообщения автора хроники расширяют и уточняют наши представления как об общем направлении политики русского правительства, так и о приемах дипломатической борьбы, которыми пользовались царские послы.

Что касается английской стороны, то Кэмден прямо говорит о ее нежелании идти на союз с Россией [42]. Он довольно объективно рассказывает о тех дипломатических уловках, которыми пользовались английская королева и ее министры, чтобы избежать заключения договора.

[34] См. «Поручение А. Дженкинсона от царя Московского к ее королевскому величеству...».— В кн.: *Ю. Толстой.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553—1593. СПб., 1875, стр. 39—40.

[35] *W. Camden.* The History..., p. 103. О проекте см. *И. И. Любименко.* Проекты англо-русского союза XVI—XVII вв.— «Исторические известия», М., 1916, № 3—4, стр. 30—31; *Ю. В. Толстой.* Последнее посольство английской королевы Елизаветы к царю Ивану Васильевичу. Сэр Еремей Горсей.— «Русский вестник», 1861, т. 36, стр. 8; *E. Cheyney.* A. History of England from the Defeat of the Armada to the Death of Elizabeth, vol. I. N. Y., 1948, p. 320—321; *M. S. Anderson.* Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. London, 1958, p. 8; см. комментарий Я. С. Лурье в кн.: «Послания Ивана Грозного». М.— Л., 1951, стр. 614.

[36] *W. Camden.* The History..., p. 103.

[37] Ibidem.

[38] Ibid., p. 124.

[39] Ibidem.

[40] Ibid., p. 125.

[41] Ibid., p. 285.

[42] Ibid., p. 103, 124.

О переговорах А. Г. Совина хронист сообщает, что «королева заключила договор с оговоркой — в такой мере, в какой она могла заключить его, считаясь с договорами, заключенными ранее с другими государями»[43]; эта «оговорка» сводила на нет значение союза, ибо английское правительство шло на сближение с Данией, Швецией и Польшей — державами, враждебными России.

Сообщает хронист и об оговорках, выдвигавшихся Д. Баусом, который требовал оповещения врагов России о ее желании начать войну, он говорит и о мотивировке английским правительством отказа от заключения династического брака с царем: королева «оправдала свой отказ болезнью леди и нежной любовью к ней ее брата, который не сможет вынести отсутствия своей сестры»[44].

Интересен и международный фон англо-русских отношений, Кэмден неоднократно отмечает стремление соседей России поддерживать искусственно созданную ее изоляцию[45]. Хронист приводит сообщения о столкновении королевского правительства с польским, шведским и датским, стремившимися закрыть англичанам доступ в Белое и Балтийское моря[46]. Во время Ливонской войны Польша и Швеция захватывали корабли и товары англичан при малейшем подозрении, что они помогают России снаряжением[47]. Датским представителям в 1602 г. англичане жаловались на то, «что им отказали в свободе плавания в Московию через Северный океан и в свободе рыбной ловли у побережья, а также у островов и что чрезвычайные пошлины взыскивались с них в Зунде только за проход через него»[48].

Хронист сообщает сведения, которые заставляют предполагать, что в Лондоне смотрели на отношения с Россией гораздо серьезнее, чем об этом писали последующие авторы[49].

Он рассказывает о посредничестве Елизаветы в русско-шведских мирных переговорах 1583[50] и 1593 гг.[51] О первых читаем: «Здесь не следует забывать того, как в те дни усилилась война между Московитом и шведами в Северных областях; Иоанн, король Швеции, не имея возможности сопротивляться силе столь великого императора, послал Эрика Виземберга, своего родствен-

[43] Ibid., p. 124.
[44] Ibid., p. 285. Хронист почти дословно цитирует инструкции, данные английским дипломатам (*Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 207—209).
[45] *W. Camden.* The History..., p. 103.
[46] Ibid., p. 422.
[47] Ibid., p. 537.
[48] Ibid., p. 649.
[49] *Ю. В. Толстой.* Последнее посольство..., стр. 7; *Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 9. СПб., 1892, стр. III, XVI; *I. I. Lubimenko.* Les marchands anglais en Russie au XVI-e siècle.— «Revue historique», Janvier — Février, Paris, 1912, p. 10; *E. A. Bond.* Russia at the Close of the Sixteenth Century. London, 1856, p. XX—XXI; *M. S. Anderson.* Op. cit., p. 8.
[50] *W. Camden.* The History..., p. 285.
[51] Ibid., p. 473.

ника, и Раши, своего секретаря, в составе пышного посольства к королеве Елизавете и в своих письмах просил ее быть посредницей при заключении мира с Московитом на разумных условиях»[52]. Русские документы о посольстве Бауса подтверждают это сообщение[53].

Анализ хроники позволяет выявить и новые, не известные по другим источникам факты. Это прежде всего сообщения о миссии С. Твердикова и Ф. Погорелова в Англию в 1567 г. В исторической литературе установилось основанное на русских источниках[54] представление о том, что они ездили в Англию только для торговли[55]. Но Кэмден прямо называет этих русских купцов «послами» и говорит, что «они сделали много предложений по вопросу о доброжелательном отношении и помощи королеве и англичанам»[56]. Оказывается, и миссия Дженкинсона была по времени связана с их поездкой[57]. Возможно, эти сообщения имеют в своей основе какой-то не дошедший до нас источник.

Совершенно новыми являются и данные Кэмдена о посольстве А. Г. Совина в 1569—1570 гг. Статейный список посольства не сохранился, но исследователи делали ряд предположений.

В частности, Виллан допускал, что Совин привез в Лондон русский проект договора[58]. Хронист это прямо подтверждает: «Сей Андрей представил договор, написанный на русском языке, он потребовал ратифицировать его посредством тайных грамот, написанных в тех же словах, в его присутствии»[59].

Более того, он говорит о приеме, оказанном послу: «Император послал назад Рандольфа с дарами и с ним Андрея Григорьевича Совина с блестящей свитой по обычаю того народа, который был прекрасно встречен лондонцами и с почестями принят королевой». Оказывается, А. Г. Совин, исполняя инструкции царя, «требовал» полного принятия русских условий и категорически возражал против какого-либо изменения текста проекта. Английские дипломаты, со своей стороны, старались внести поправки, которые впоследствии свели на нет значение договора[60].

Сообщение Кэмдена о заключении договора в Лондоне[61] в

[52] *W. Camden.* The History..., p. 285.
[53] Сб. РИО, т. 38, стр. 123—124.
[54] См. Никоновскую летопись (ПСРЛ, т. XIII, стр. 408) и грамоту царя от 10 апреля 1567 г. (*Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 35—36).
[55] *И. Х. Гамель.* Англичане в России в XVI и XVII столетиях.— «Записки императорской Академии наук», 1865, т. 8, кн. 1, стр. 80; *А. М. Филиппов.* Русские в Лапландии в XVI в.— «Литературный вестник», СПб., 1901, т. 1, кн. 3, стр. 310; *Ю. В. Толстой.* Последнее посольство..., стр. 9; *М. П. Алексеев.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVIII вв.— «Ученые записки ЛГУ», Серия ист. наук, вып. 15, 1947, стр. 52.
[56] *W. Camden.* The History..., p. 102.
[57] Ibid., p. 103.
[58] *T. S. Willan.* Op. cit., p. 112—113.
[59] *W. Camden.* The History..., p. 124.
[60] Ibidem.
[61] Ibidem.

1570 г. противоречит данным русских источников [62] и, возможно, отражает отношение английского правительства к этому спорному вопросу. Сам царь, по свидетельству хрониста, не считал заключение договора окончательным и неоднократно требовал впоследствии его «более солидного подтверждения» [63].

Кэмден пополняет наши знания и об экономических отношениях России и Англии. Он довольно подробно и правильно рассказывает об организации и проведении первой английской экспедиции в Россию Ченслера — Уилоугби в 1553 г. [64]

Кэмден хорошо понимал значение для России Беломорского пути: царь встретил Ченслера чрезвычайно радушно именно потому, что русские до этого с трудом получали иностранные товары «через Нарву и враждебную территорию поляков», а теперь «иностранные товары могли быть доставлены в Россию морем» [65]. Хронист пишет о взаимной заинтересованности в развитии русско-английской торговли. Созданная в царствование Марии Тюдор «Московская компания» вела «богатую торговлю» в России, «посылая туда каждый год флот» [66].

В хронике часто встречаются указания на прибыли английских купцов. Излагая известное письмо царя от 24 октября 1570 г., Кэмден подчеркивал, что Грозный считал купцов компании «корыстным родом людей, который скорее страстно добивается богатства, чем заботится о чести государя» [67]. Царь Федор Иванович также выражал недовольство английской монополией, которая была введена «ради личной наживы немногих» [68].

Хронист перечисляет и предметы торговли: англичане вывозили из России пеньку и лен для канатов и дорогие меха [69]. С. Твердиков и Ф. Погорелов привезли в Англию для продажи в 1567 г. соболиные, горностаевые и другие меха, «которые тогда и прежде пользовались у англичан большим спросом как за свою красоту, так и за полезность» [70]. Сукно было основным предметом английского экспорта в Россию [71].

[62] См. письма царя от 24 октября 1570 г. и от мая 1572 г. к королеве Елизавете (*Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 109, 146).
[63] *W. Camden.* The History..., p. 125.
[64] Ibid., p. 102—103; ср. рассказ Ченслера (*R. Hakluyt.* Op. cit., vol. 2, p. 239—270).
[65] *W. Camden.* The History..., p. 103.
[66] Ibidem.
[67] Ibid., p. 125.
[68] Ibid., p. 286. Ср. письмо царя Федора Ивановича к королеве Елизавете от сентября 1585 г. (*Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 258; см. также *W. R. Scott.* The Constitution and Finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720, vol. 2. N. Y., 1951, p. 46—47).
[69] *W. Camden.* The History..., p. 103.
[70] Ibid., p. 102; ср. рассказ Ченслера, записанный К. Адамсом. Ченслер говорит о торговле соболиными, горностаевыми и заячьими мехами (*R. Hakluyt.* Op. cit., vol. 2, p. 286; *W. R. Scott.* Op. cit., vol. 2, p. 40; *М. Чулков.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах..., т. I, кн. 1. СПб., 1781, стр. 219).
[71] *W. Camden.* The History..., p. 103.

Касается Кэмден и статуса «Московской компании», подчеркивая связь привилегий с развитием дипломатических отношений между Россией и Англией. Он прослеживает развитие английских привилегий с 1553 по 1588 г.[72]

Оригинально сообщение хрониста о причинах упадка английской торговли в России. Под 1569 г. в разделе «Препятствия торговле в России» он пишет: «В то время торговля английских купцов в России встречала не меньшие препятствия, чем в Нидерландах, как из-за лживых действий их агентов и их упорных разногласий между собой, так и из-за немецких и русских (купцов.— *Л. Н.*), ненавидивших их; в то время как русские жаловались на их хитрые действия и на поднятие цен на их товары, англичане, которые не входили в Московскую компанию, и немцы жаловались на их монополию»[73].

В литературе имеется много данных о борьбе русского купечества с английской монополией в XVII в.[74] Для XVI в. таких данных мало[75], они крайне важны. «Ненависть» русского купечества к Московской компании вызывали, во-первых, «хитрые действия» английских купцов, во-вторых, поднятие цен и, в-третьих, монополия. Современные русские[76] и английские[77] документы подтверждают это. Хронист неоднократно говорит о стремлении английского правительства закрепить привилегии «Московской компании»[78]. Вероятно, именно «ненависть» русских купцов препятствовала устойчивости привилегий.

Важное значение для исследования экономических связей России и Англии имеют указания автора на русские торговые пути второй половины XVI в. Он подробно описывает путь из Белого моря по Северной Двине и Волге через Каспийское море в Персию и Среднюю Азию[79]. Именно стремление английских купцов, современников Великих географических открытий, найти северо-восточный «путь в Китай» «через Ледовитое, или Северное море» было причиной их прибытия в Россию[80]. Мимоходом он упоминает об экспедициях английских моряков на острова Северного Ледовитого океана[81]; они и позднее продолжали попытки «открыть, наконец, Китай»[82]. Рассказывается и о первом плавании

[72] *W. Camden.* The History..., p. 103, 124.
[73] Ibid., p. 123. Царь Федор Иванович был недоволен тем, что английские купцы «обманывали его народ во время торговли» (*W. Camden.* The History..., p. 286).
[74] *П. П. Мельгунов.* Очерки по истории русской торговли IX—XVIII вв. М., 1905, стр. 202—203.
[75] Там же, стр. 201.
[76] См. письмо царя Федора Ивановича к королеве Елизавете от сентября 1585 г. (Сб. РИО, т. 38, стр. 165—166, 168).
[77] *T. S. Willan.* Op. cit., p. 197 (о повышении цен).
[78] *W. Camden.* The History..., p. 124, 125, 285, 286.
[79] Ibid., p. 124.
[80] Ibid., p. 102.
[81] Ibid., p. 649.
[82] Ibid., p. 124.

Дженкинсона по Каспийскому морю [83], и о составлении им карты России [84].

Хронисту удалось нарисовать довольно точную картину развития англо-русских отношений, ибо он использовал подлинные документы. Кэмден почти дословно излагает содержание некоторых документов, в том числе инструкций, данных царем Дженкинсону в 1567 г. о заключении союзного договора между Россией и Англией [85]. То же можно сказать и об инструкциях, данных Рандольфу [86], Баусу [87], и о материалах посольства Флетчера [88]. Использовал он и другие материалы переговоров [89], в частности грамоты русских царей. Одну из них, написанную Грозным 24 октября 1570 г., Кэмден передает очень близко к тексту [90], о других упоминает [91]. Он читал их в английском переводе, не зная русского языка.

Хорошо известны Кэмдену грамоты английской королевы [92], ее переписка со шведским королем Иоанном по вопросу о заключении русско-шведского мирного договора [93], различные английские привилегии, документы Московской компании [94]. Лондонский пожар 1666 г. уничтожил архив Московской компании [95], поэтому свидетельства хроники об англо-русской торговле и об упадке компании, которые, возможно, основаны на документах, представляют громадный интерес.

Объем сообщений об англо-русских отношениях в хронике незначителен. Не все их подробности отразились в труде Кэмдена. Он опускает, во-первых, события, выходящие за елизаветинские рамки хроники, во-вторых, второстепенные события в отношениях двух стран [96] (приезды гонцов, докторов, обмен письмами и т. п.). Притом описанию посольств А. Дженкинсона, Т. Рандольфа, А. Г. Совина, Д. Бауса, Д. Флетчера В. Кэмден уделяет большое внимание, а о посольствах Ф. А. Писемского [97] и Г. И. Микулина [98] лишь упо-

[83] Ibid., p. 103.
[84] Ibidem.
[85] Ibidem; *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 39—40.
[86] *W. Camden.* The History..., p. 124; *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 46—49.
[87] *W. Camden.* The History..., p. 285; *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 206—211.
[88] *W. Camden.* The History..., p. 286; «Временник ОИДР», 1850, кн. 8, стр. 30—31.
[89] *W. Camden.* The History..., p. 124, 285.
[90] Ibid., p. 125.
[91] Ibid., p. 103, 125.
[92] Ibid., p. 285.
[93] Ibidem.
[94] Ibid., p. 103, 124—125, 285.
[95] *T. S. Willan.* Op. cit., p. V.
[96] Хронист писал в обращении к читателю: «И поскольку это согласуется с правилами и достоинством истории — трактовать дела величайшего веса и значения, а не исследовать мелкие дела,— я не настаивал на незначительных делах» (*W. Camden.* The History..., p. 6).
[97] *W. Camden.* The History..., p. 285.
[98] Ibid., p. 604.

минает. Вероятнее всего, причина подобного «отбора» материала — в охлаждении англо-русских отношений к концу царствования Елизаветы.

В исторической литературе существует неверная, по нашему мнению, точка зрения. Е. А. Косминский [99] и В. К. Яцунский [100] считали Кэмдена лишь собирателем фактов, не имеющим определенной концепции. Правда, когда исследователи говорили об отражении в хронике англо-шотландских отношений, то отмечали, что точка зрения хрониста расходилась с официальной, правительственной, и, следовательно, он имел собственную концепцию [101]. Исследователи единодушно подчеркивали сравнительную объективность хрониста в освещении русско-английских дел. О. Л. Вайнштейн даже писал, что Кэмден гораздо более объективен в своем отношении к России, чем Д. Флетчер [102].

Мы хотели бы обратить внимание на другую сторону вопроса, а именно: указать на ярко выраженную тенденциозность в хронике.

Говоря о степени объективности хрониста, следует всегда помнить, что он выполнял социальный заказ правящих классов — нового дворянства и буржуазии. Понятно, что все действия англичан — купцов, дипломатов — вызывают одобрение и восхищение автора [103]. Кэмден старается подчеркнуть трудности, с которыми встречались английские дипломаты в Москве. Даже самые неудачливые из них, Баус и Флетчер, пользуются его сочувствием [104]. Елизавете он приписывает заслугу получения привилегий от русского правительства. Так, царь Иван Грозный выдает в 1569 г. самую широкую привилегию Рандольфу «из-за своего доброжелательного отношения к королеве и английской нации» [105]. Царь Федор Иванович только «из уважения к королеве, а не ради каких-либо заслуг компании» [106] выдает Флетчеру новую привилегию.

Отношение Кэмдена к русскому правительству и его политике находится в прямой связи с успехами и неудачами английской дипломатии. С ухудшением англо-русских отношений ухудшается отношение хрониста к России и ее государственным деятелям [107]. От похвал царю Ивану он, после провала переговоров А. Г. Совина в Лондоне и разрыва дипломатических отношений, переходит к обличению неблагодарности «этого жестокого человека, для которого его собственное желание и воля являются законом» [108]. Не лучше относится хронист и к царю Федору Ивановичу, отменившему английскую монополию в России, называя его «недале-

[99] *Е. А. Косминский.* Историография средних веков. М., 1963, стр. 86.
[100] *В. К. Яцунский.* Указ. соч., стр. 131.
[101] *О. Л. Вайнштейн.* Указ. соч., стр. 443.
[102] Там же, стр. 444.
[103] *W. Camden.* The History..., p. 103, 124.
[104] Ibid., p. 285, 286.
[105] Ibid., p. 124.
[106] Ibid., p. 286.
[107] О Грозном см.: ibid., p. 102—103.
[108] Ibid., p. 125.

ким государем..., который все же прислушивается к тем, кто дает... добрые советы» [109]. Очевидно, под этими добрыми советчиками хронист имеет в виду, в частности, Бориса Годунова, который, как известно, всегда поддерживал купцов Московской компании и был другом лорда Бэрли, покровителя хрониста.

Из сказанного очевидно, что Кэмден относился к России так же, как к ней относились английские министры, дипломаты и купцы. Притом он знал меру дозволенного: «В дела тайные и непонятные я не заглядывал... Я сержусь на тех любопытных людей, которые нуждаются в том, чтобы знать более, чем законы им позволяют» [110]. Из документов того времени, например, известно, что Баус вел себя в России бестактно и посольство его закончилось беспрецедентным дипломатическим скандалом [111]. Кэмден же отмечает лишь то, что, несмотря на трудности, Баусу все же удалось убедить царя «утвердить купеческие привилегии», но со смертью Грозного они были утрачены «и посол вернулся не без опасности для жизни» [112]. Из многочисленных привилегий, полученных Московской компанией, хронист подробно излагает лишь самую широкую — 1569 г. [113], но забывает упомянуть, что она действовала всего 1 год и 4 месяца [114].

Прибегает Кэмден и к сознательному искажению фактов. Это относится к вопросу о разрыве дипломатических отношений между Россией и Англией в 1570 г. после неудачи посольства А. Г. Совина в Лондоне. Известно, что Грозный грамотой от 24 октября 1570 г. [115] отменял все английские привилегии в России, мотивируя это нежеланием английского правительства заключить союзный договор. Кэмден, изложив содержание грамоты царя, делает вывод, который совершенно не соответствовал действительности. По его словам, царь не исполнил своей угрозы и не отменил английских привилегий, как обещал; он якобы «не сделал этого, будучи успокоен любезным письмом королевы, посланным через Дженкинсона» [116]. На самом деле прошло около двух лет между письмом царя и приездом Дженкинсона в Россию. За эти годы все привилегии англичан были утрачены, компания понесла громадные убытки [117].

[109] Ibid., p. 285.
[110] Ibid., p. [6].
[111] См. например, грамоту царя Федора Ивановича к королеве Елизавете от 20 декабря 1585 г. (Сб. РИО, т. 38, стр. 146—149); письмо приказчика Московской компании в Холмогорах руководителю компании в Лондоне от 12 августа 1584 г. (*Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 227—228) и другие документы, относящиеся к посольству Д. Бауса (там же, стр. 229—230, 231—235).
[112] *W. Camden.* The History..., p. 285.
[113] Ibid., p. 124.
[114] *Н. П. Черкашина.* Указ. соч., стр. 135.
[115] *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 106—110.
[116] *W. Camden.* The History..., p. 125.
[117] *И. Х. Гамель.* Указ. соч., стр. 100—101; *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 25, 139, 144; *W. R. Scott.* Op. cit., vol. 1. N. Y., 1951, p. 38; vol. 2, p. 43.

Применяет он и краткое комментирование излагаемых документов. Тому пример — письмо царя от 24 октября 1570 г.

Письмо Ивана Васильевича	Хроника
«...И ныне ты к нам отпустила нашего посла, а с ним еси к нам своего посла не прислала. А наше дело зделала не по тому, как посол твой приговорил. А грамоту еси прислала обычную, как проезжую. А такие великие дела без крепостей не делаютца и без послов. А ты то дело отложила на сторону, а делали с нашим послом твои бояре все о торговых делех, и владели всем делом сэрт Ульян Гарит да сэрт Ульян Честер. И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такие дела и хотели с тобой делати. Ажно у тебя мимо тебя люди владеют и не только люди, но мужики торговые и о наших государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков. А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица... И коли уж так, и мы те дела отставим в сторону. А мужики торговые, которые оставили наши государские головы и нашу государскую честь и нашим землям прибытков, а смотрят своих торговых дел, и они посмотрят как учнут торговати. А Московское государство покаместо без аглинских товаров не скудно было. А грамоту б еси, которую есмя к тебе послали о торговом деле, прислала к нам. Хотя к нам тое грамоты и не пришлешь, и нам по той грамоте не велети делати ничего. Да и все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех, по сей день, не в грамоты...»[118]	«Но настолько далеким все это было от того, чтобы удовлетворить этого жестокого человека, для которого собственное желание и воля являются законом, что в длинном письме, исчислявшем все его привилегии, дарованные английскому народу, он насмешливо упрекал их к тому же за обиду, нанесенную ему тем, что королева не послала посла с его послом, чтобы принять его присягу, и обвинял ее так, как если бы она пренебрегла им и слишком заботилась о купеческих делах, которые были делами, недостойными государя; этих купцов, которых он высокомерно и презрительно называл скаредным родом людей, который скорее, страстно добивается богатства, чем заботится о чести государя, подозревая их в том, что они помешали его замыслам, и в резкой форме угрожая отменить все их привилегии»[119].

Следовательно, Кэмден отлично владел приемами тенденциозной передачи подлинных документов (умолчание, смягчение, комментирование, акцентирование, прямое искажение и т. п.).

Из всего сказанного видно, что хроника Кэмдена представляет собой сложный, комплексный источник, имеющий одновременно самостоятельное историографическое значение. Это труд — типичный для английской исторической науки периода Возрождения, стоящий на грани между источниковедением и историографией.

[118] *Ю. В. Толстой.* Первые сорок лет..., стр. 109—110.
[119] *W. Camden.* The History..., p. 125.

СОВРЕМЕННИКИ О СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ РОССИИ И СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

А. М. Сахаров

В свое время сводка мнений иностранцев о русских городах XVI—XVII вв. была сделана В. О. Ключевским [1], который придавал свидетельствам иностранцев в отношении городов большое значение, так как «внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона — вот что с наибольшею полнотою и верностью мог описать посторонний наблюдатель» [2]. Отсюда на основании записок иностранцев ученый пришел к выводу, что «в Московском государстве, как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и так слабо было развито ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные вообще только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели бóльшие размеры; но большинство населения их промышляли теми же занятиями, как и окрестные сельские жители. В стране, где так еще слабо было разделение труда, где каждый старался по возможности сам удовлетворить своим ограниченным потребностям, ремесленный труд не мог достигнуть значительного развития и ценился дорого. Иностранцы говорят, что только в Москве можно было найти нескольких опытных мастеров по разным ремеслам, да и те были большею частью немцы; в других городах почти не было никаких мастеров, кроме сапожников и портных» [3].

Но уже исследование Н. Д. Чечулина о городах Московского государства XVI в. заставило отказаться от представления об абсолютной неразвитости русского города в ремесленном и торговом отношениях. Последующие работы многих историков существенно уточнили экономическую характеристику русских городов XVI и особенно XVII в. Тем самым значение записок иностранцев для оценки социально-экономического развития городов должно быть

[1] *В. О. Ключевский.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918, стр. 212—252.
[2] Там же, стр. 8.
[3] Там же, стр. 251.

существенно ограничено. Это обстоятельство тем более нужно принять во внимание, что, как известно, московское правительство всячески стесняло возможности контактов иностранцев с местным населением, некоторые из иностранных послов (возможно, что-то и преувеличивая, но не выдумывая самого факта) жаловались на то, что они находились фактически под арестом [4]. Впрочем, впечатления и русских представителей за границей во многом оставались чисто внешними.

Но показания и русских и иностранных послов не следует сбрасывать со счета вообще, потому что, не будучи в состоянии понять и оценить уровень экономического развития городов, иностранные наблюдатели могли судить о том месте, которое принадлежало городам в жизни наблюдаемой ими страны, о действиях правительства по отношению к городам и горожанам. Кроме того, наблюдая чужой город, послы и путешественники, естественно, исходили из тех представлений о городах, которые сложились у них на родине, и, таким образом, невольно должны были сравнивать увиденное с привычным.

При сопоставлении записок иностранцев о России и о других странах обращает на себя внимание сравнительно бóльший интерес иностранцев к русским городам (как и к городам других увиденных ими стран), нежели русских — к иностранным. В некоторых статейных списках XVI в., как, например, И. М. Воронцова, ездившего в Швецию в 1567 г., или И. П. Новосильцева, посетившего Турцию в 1570 г., не заметно вообще внимания к чему-либо выходившему за рамки посольских обязанностей. Но это — особенность ранних статейных списков, последующие, относящиеся к XVI и особенно к XVII в., содержат хотя и не очень обстоятельные, но все-таки многочисленные заметки об иностранных городах. Общая тенденция возрастающего интереса к жизни зарубежных стран в целом и городов в частности не может не связываться с тем усилением роли городов в жизни самой России, которое отчетливо заметно и в экономике, и в социальных отношениях, и в культуре и которое было одним из наиболее значительных проявлений начинающегося «нового периода русской истории».

Отчеты послов далеко не равномерно охватывают разные стороны жизни средневекового города. Понятно, что прежде всего путешественников поражал внешний вид городов на чужой земле. Западным послам, привыкшим к каменным теснинам своих городов, русские города, здания которые были выстроены, как правило, из дерева, казались огромными. С удивлением писал С. Герберштейн о Москве, в которой между домами были дворы, сады и

[4] См., например, рассказы Даниила Принца о пребывании в Дорогобуже («Чтения ОИДР», 1876, кн. 4, стр. 51), Я. Ульфельда о пребывании в Новгороде («Чтения ОИДР», 1873, кн. 1, стр. 14), Р. Ченслера о пребывании в Москве («Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937, стр. 56—57) и др.

даже луга и поля и где трудно было определить самую границу города[5]. Англичанину Р. Ченслеру русская столица показалась больше Лондона, но он тут же заметил, что «она построена очень грубо и без всякого порядка»[6]. Немец Г. Штаден был изумлен московской крепостью — Китай-городом: «От восточных ворот города до западных город — весь насквозь — представлял собою площадь и рынок — только!»[7] Спустя четверть века другие немецкие путешественники, ехавшие в Персию, снова отметили, что по обширности Москву «почти нельзя сравнить ни с каким немецким городом», но «дома же и постройки все вообще большей частью деревянные и безобразные и стоят не в ряд, как у нас»[8]. В свою очередь русский посол в Англии Ф. А. Писемский заметил, что «город Скарбар (Скарборо) камен, не велик; стоит у моря на берегу; а посад за городом не велик же», а «город Хуль (Гулль) камен и домов в нем много, а домы все камены», «а город Мятимгам (Ноттингем) камен, не велик, а в городе дворов немного, а посад не велик же, а домы все каменны»[9]. Поехавший в Англию уже на рубеже XVII в. Г. И. Микулин писал, что «город Лунда (Лондон) Вышегород камен, не велик, стоит на высоком месте, и около его воды обводные. А большой город, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты с четыре и больши; а через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту устроены домы камены и лавки, и торг великой устроен со всякими товары»[10].

Но если иностранцы удивлялись деревянным русским городам, а русские послы — каменным английским, то путешественники заметили и исключения из этого правила. Датский посланник Я. Ульфельд, который, вообще говоря, очень недружелюбно отозвался о России и русских после своего визита в 1575 г., написал о Пскове, что «все строение там каменное, богатое, которое городу многое великолепие придает украшением башен, белых, железом покрытых», и что Новгород «изрядно сделан по российскому обычаю, украшен храмами и многими монастырями, стоит на веселом месте, гладком и изобилующем со всех сторон хлебом»[11]. Каменные постройки обращали на себя внимание не только в крупнейших городах северо-запада России. Посол императора Максимилиана Даниил Принц из Бухова, ехавший по России в 1578 г., заметил, что в

[5] *С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 101.
[6] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 56.
[7] *Г. Штаден.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 101.
[8] *Какаш* и *Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию. 1602—1603 гг.— «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2, стр. 18.
[9] «Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки». М., 1954, стр. 105—106.
[10] Там же, стр. 162.
[11] «Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в 1575 году».— «Чтения ОИДР», 1873, кн. 1, стр. 11, 13.

Смоленске, где «все здания построены из дерева и без всякого определенного порядка», в то же время «виднеется много храмов, довольно красивых, построенных из жженого кирпича» [12].

Особый интерес, однако, представляет терминология, которую употребляют авторы посольских отчетов, описывая города. Русские послы ясно видели разделение английских городов на собственно города и предместья, называя последние по-русски «посадами». Оценивая английские поселения, русские послы отличали «город» Ерк (Йорк), где живет «удельный князь Езиской», от «села» Гринючь (Гринвича), резиденции королевы, а переночевав в Донкастаре, записали, что были они «в посадце в Донке» [13].

Трудно судить о конкретных критериях, которыми пользовались авторы описаний при определении «городов», «посадов» и «посадцев», но несомненно то, что вообще разделение городских поселений на разные типы основывалось в их представлении на каких-то вполне реальных российских аналогиях. Все это косвенные, но не лишенные значения свидетельства о городской жизни в России XVI в.

С другой стороны, иностранцы заметили особенности городов в России. «Все, что окружено стеною, укреплено тыном или огорожено другим способом, они называют городом»,— записал Герберштейн. Менее точно понял эту особенность русской терминологии Дженкинсон: «„город“ же на русском языке значит „замок“»[14]. Такое употребление термина «город» имеет многочисленные аналогии в русских источниках. Многие иностранцы (Д. Горсей, Я. Ульфельд, И. Перенштейн, Д. Флетчер и др.) приравнивали русские города к крепостям. Но еще Герберштейн подошел к делу иначе. Он записал, что «Смоленск, епископский город... имеет... крепость, выстроенную из дуба, которая заключает в себе очень много домов наподобие города», что Дорогобуж и Вязьма — «деревянные города на Борисфене», а Можайск — «также деревянный город с таковой же крепостью», Великие Луки — «крепость и город», Торопец — «крепость с городом», «город Дмитров с крепостью», «город Белоозеро с крепостью», «город Углич с крепостью», «город и крепость Переяслав», «город и крепость Ростов» и т. п., в то время как другие пункты называются «крепость Одоев», «крепость Ивангород» [15]. Даниил Принц называл городами Псков, Новгород, Москву, Смоленск, но Ивангород у него — «весьма крепкий замок», Изборск и Остров — «укрепленнейшие замки», а в 1571 г., по его сведениям, великий князь будто бы «бежал в замок, находящийся у Белого озера» [16]. Не входя здесь в изучение вопроса

[12] *Даниил Принц из Бухова.* Начало и возвышение Московии.— «Чтения ОИДР». 1876, кн. 4, стр. 49.
[13] «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 105, 106, 136.
[14] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 117; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 168.
[15] *С. Герберштейн.* Указ. соч., стр. 105—225.
[16] *Даниил Принц из Бухова.* Указ. соч., стр. 9, 11, 20.

о справедливости каждого из этих определений, отметим опять-таки самый принцип их: у Герберштейна и Даниила Принца есть в России города в обычном понимании слова, а есть просто крепости, замки, укрепления. И это, разумеется, соответствовало действительности.

Очень внимателен к типу поселений и особенно укреплений был Штаден. Это и понятно — он создавал план военной оккупации России и тщательно отмечал все пункты на возможном пути завоевателей. Весь русский Север, по словам Штадена, покрыт «незащищенными посадами» на реках Кандалакше, Умбе, Варзуге, Керети, Кеми. Далее выясняется, что вообще в России «нет ни одного укрепленного города» [17]. Такие суждения, с одной стороны, объяснимы тем, что Штадену было весьма выгодно преуменьшить возможности России к сопротивлению, дабы соблазнить своим авантюрным планом императора Рудольфа; с другой стороны, у самого Штадена можно обнаружить разгадку того, что он понимает под словом «незащищенный»: в Костромском уезде, по его словам, «есть незащищенный городок с деревянным Кремлем, по названию Любим» [18]. Значит, «незащищенный» — это не лишенный укреплений, а не имеющий гарнизона или вооружения. Само же различие между посадами и городами Штаден усматривал по-видимому, лишь в том, что город имел укрепления, а посад — нет. Так можно понять его сообщение о том, что по реке Шексне «нет городов или замков» [19]. Зато центрами административной жизни в стране у Штадена являются именно «города и посады», когда же речь идет о «всей стране», то он говорит «города и деревни» [20]. Следовательно, посад в представлении автора отличается от деревни хотя бы уже своим административным значением и в этом смысле иногда покрывается общим термином «город», противопоставляясь деревне. Включение посада в понятие «город» хорошо знакомо и русским источникам, отражает тесную связь посада с городом, общность между ними по характеру занятий населения.

Население России XVI в. Штаден чаще всего называет «торговые люди и крестьяне» (хотя наряду с ними упоминаются дворяне), что тоже отражает общее разделение населенных пунктов на города и деревни. В представлении Штадена город отличается прежде всего торговлей. Это ясно из его рассказа об организации сох: «В городах, где живут торговые люди, или бюргеры, каждые 100 дворов составляют соху» [21]. Вряд ли случайно иностранцу в русских городах прежде всего заметны были торговцы, а не ремесленники (на основании чего Ключевский и сделал вывод о

[17] *Г. Штаден.* Указ. соч., стр. 63, 64, 73.
[18] Там же, стр. 125.
[19] Там же, стр. 60.
[20] Там же, стр. 119.
[21] Там же, стр. 99.

чрезвычайно слабом развитии ремесленного производства в русских городах). Такое впечатление, с одной стороны, складывалось потому, что у иностранцев контакты происходили чаще всего именно с торговыми людьми, в то время как общение с ремесленным населением могло быть лишь случайным. Но, кроме того, указанное представление в какой-то степени отразило действительную особенность средневекового города на определенном этапе его развития. когда он был прежде всего центром товарного обращения, а товарное производство было еще развито недостаточно высоко. И русские источники, как известно, показывают в экономической жизни городов прежде всего торговлю. Занятия торговлей более всего отличали жителей городов от жителей деревень, и это обстоятельство отразилось в указанных высказываниях Штадена, в целом соответствующих действительности феодального города.

Так же определенно применяли и русские послы свой привычный термин «гости» по отношению к англичанам. В статейном списке Ф. А. Писемского и Н. Ховралева читаем о том, что «октября в 18 день (1582 г.— *А. С.*) приезжали к Федору и к Неудаче аглинские гости, от которых на Москве торгуют: алдраман Барн, да алдраман Мартын, да алдраман Тоорсен, да алдраман Полисен, а с ними торговых людей, от которых на Руси же торгуют человек с тридцать» [22]. Это были, как указывает в комментарии Я. С. Лурье, «руководители „Московской компании“: Джордж Барн, правитель и „главный купец“ компании, Мартин, Тоуэрсон и Полисон. Все они принадлежали к верхам Лондонского Сити и были членами городского совета — олдерменами. В Лондоне русских послов опять-таки „встретили городовых алдраманов и гостей лутчих человек с тритцать конных“, а из „Хуля“ послов провожали по приказу „наместника“ „посадские люди“. В Скарборо к послам приходили с местным „урядником“ „посадцкие лучшие люди“» [23]. Понятно, конечно, что послы не могли вдаваться в изучение особенностей правового положения «посадских людей» в «Мятимгене» и «Лунде» и сравнивать его с положением московских или суздальских посадских людей. Тут важно другое — для обозначения городского населения у московских послов был ясный термин «посадские люди». Никакого колебания в обозначении зарубежных горожан в документах московских послов не видно, и это свидетельствует о том, насколько твердо в Русском государстве — по крайней мере во второй половине XVI в.— установилось определенное понятие «посадских людей» именно как городских жителей (не как определенной правовой группы, разумеется). Точно так же в английской городской знати русские послы узнали своих «гостей лутчих», которые, как и в России, выполняли важные поручения своего монарха. Было бы в высшей степени неосторожно на этом основании отождествлять английских «алдраманов» с русскими

[22] «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.», стр. 110.
[23] Там же, стр. 105, 106, 136, 391.

«лутчими гостьми», но определенные черты, хотя бы в смысле привилегированного и почетного положения в государстве, очевидны.

Англичанин Д. Флетчер в 1591 г. тоже увидел в России «олдерменов». Описывая управление Москвой, Флетчер указал, что существуют «старосты, или олдермены, в каждой отдельной общине. Такой старшина имеет своих сотских, или констаблей, а сотский известное число десятских, или декурионов, ему подчиненных, из коих поручен каждому надзор над десятью домами, отчего всякой беспорядок скорее обнаруживается, а общественная служба отправляется поспешнее»[24]. Здесь, очевидно, речь должна идти об определенном сходстве функций английских олдерменов и русских старост в посадских слободах. В то же время в русских городах второй половины XVI в. вряд ли можно было найти людей, по положению относительно равных Джорджу Барну или Тоуэрсону с их материальными средствами и их ролью в управлении городами. Нужно также иметь в виду, что известное сходство городской знати в России и Англии могло быть основано еще и на том, что в Англии города никогда не достигали той политической независимости, которая была известна ряду немецких, французских и итальянских городов[25]. Зависимость английских городов от королевской власти давала Флетчеру возможность легче применить термин «олдермены» к русским старостам, также находившимся в зависимости от государственной власти, не входя, разумеется, в рассмотрение вопроса о степени этой зависимости в Англии и России и о пределах прав английских и русских должностных лиц в городах. Сходство городской знати в России и Англии было замечено и русскими и английскими наблюдателями, и дело научного исследования найти его степень.

Иностранцы оставили немало интереснейших суждений о характере городской торговли и особенно о политике правительства по отношению к городам. Но это особые вопросы, требующие специального рассмотрения. Ясно, что отвергать свидетельства о городах, содержащиеся в записках иностранцев, никоим образом нельзя. При критическом к ним отношении и сопоставлении с русскими материалами они могут служить одним из содержательных источников для суждений о положении городов в Русском государстве XVI в.

[24] *Д. Флетчер.* О государстве Русском. СПб., 1905, стр. 39.
[25] См., например: *А. К. Дживелегов.* Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902, стр. 139.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ (КОНЕЦ XVI — XVII В.)

Н. Г. Аполлова

Уже в пору раннего средневековья жизненно важное значение имели развивавшиеся связи Хорезма с Востоком и Русью. Средняя Азия находилась на перекрестке важнейших торговых путей, связывавших ее с Индией, Китаем и Персией. Установлению торговых связей Русского государства со Средней Азией способствовало присоединение в 1552 г. Казанского и в 1566 г. Астраханского ханств, после чего открылся путь, идущий в Западную Сибирь и казахские степи, установился и юго-восточный путь, направлявшийся в сторону реки Яика (Урала) и Каспийского моря. Эти связи стали более регулярными с продвижением границ Русского государства к Каспийскому морю. С присоединением к России Западной Сибири в конце XVI в. определился путь в Среднюю Азию через Тобольск и другие сибирские города.

В середине XVI в. усиливается заинтересованность в торговых связях со Средней Азией как России, так и Англии. Открытие путей в Индию через «северные страны» и Среднюю Азию было одной из задач возникшего в середине XVI в. английского общества «Mistery», преобразованного в дальнейшем в «Лондонско-Московскую компанию». В конце 1558 г. получивший царские грамоты и широкие полномочия А. Дженкинсон, добиваясь свободного проезда в Среднюю Азию английского купечества, пытался договориться о торговле с Бухарой [1]. Он учитывал в первую очередь заинтересованность в ней правящих верхов Англии. Московское же правительство стремилось завоевать монополию в торговле со Средней Азией.

В городах среднеазиатских ханств развивалось в это время производство хлопчатобумажных тканей и металлических изделий. В окрестностях Бухары, в селении Зендана процветало ткачество особой хлопчатобумажной ткани «зендени», имевшей широкий

[1] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л., 1937; «The first English Adventures to the Orient — Richard Chancellor — Anthony Jenkinson...», N. Y., 1969, p. 39—53.

спрос на рынках Средней Азии. Фергана славилась изделиями из меди. В Ташкенте с учетом спроса кочевой степи выделывались седла из конской кожи, колчаны для стрел и пр. Торговые связи узбекских ханств с Русским государством определялись взаимной заинтересованностью [2]. Одновременно устанавливались политические связи, о чем свидетельствует оживление посольских отношений, особенно со стороны среднеазиатских ханств.

Из России поступали в Среднюю Азию красные выделанные кожи (юфть), меха, деревянная посуда (щепье), металлические изделия, конская упряжь, галантерея и хлеб; из среднеазиатских ханств — дешевые хлопчатобумажные и полушелковые ткани, хлопчатая бумага, шелк-сырец. Более разнообразным и дорогим был ассортимент ханских и посольских даров («поминков»).

На основании документов конца XVI в. выясняется характер развивавшейся торговли. Это была по преимуществу ханская и царская торговля, которая велась через посредников — именитых бухарских, хивинских и ташкентских купцов («купчин»), послов и представителей русского купечества («гостей»). Показательны в этом отношении отправленные в Посольский приказ в 1589 г. челобитные «изюрского» и бухарского послов с просьбами разрешить им закупить товары для «ханского обихода». Посол Мухаммед-Али должен был закупить для хана Абдуллы 500 юфтей мостовых и 50 ведер вина. Покупка большого количества товаров для хана и на этот раз разрешалась царской грамотой [3]. Продавая товары хана, именитые купцы старались утаить свои товары, чтобы избавиться таким образом от пошлинных сборов. Поэтому Хаджи-Ата-Кули неоднократно напоминал о том, что он привез продавать товары бухарского хана и намерен покупать русские товары для хана. «Ярлык», выданный бухарским ханом Хаджи-Ата-Кули, свидетельствует о давних взаимоотношениях хана с этим купцом.

Называя его своим «старым холопом», хан с сознанием своего величия заявил: «Хаджи-Ата-Кули принадлежит к числу рабов и слуг этого дома, по достоинству равного дому халифскому, и с юности и доныне носит аркан служения на плече и серьгу рабства в ухе... Пусть ... доставит из ценных товаров и материй стран Индийской и Ирака и Тюре (Турции) и Казани и Москвы и прочих стран... то, что нужно... по некоторым надобностям высочайшего двора... Посему мы приказали, чтобы ни одно сотворенное существо не посмело препятствовать вышеупомянутому покупать те товары, добро и ценности, которые он для двора нашего

[2] *А. А. Чулошников.* Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI—XVII вв.— «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. Л., 1932, стр. 71, 81 и др.; *А. В. Панков.* К истории торговли Средней Азии с Россией XVI—XVII вв.— «Сб. В. В. Бартольду...» Ташкент, 1927, стр. 34—37.

[3] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1, разд. I, док. № 4, стр. 100; док. № 12, стр. 105—106.

захочет...»[4] Отсюда следует, что бухарский владыка хотел повелевать в русских городах не меньше, чем царь в своей вотчине. По «росписи», составленной в Астраханской таможне, у ханского купчины оказалось товаров на 4891 руб., а если бы царским указом было разрешено взыскать пошлины, то они составили бы 171 руб. 60 коп.

В то время как феодальная знать Бухары требовала «узорочные товары» (товары с художественной отделкой) и ценную пушнину, русское правительство очень интересовалось привозом шелка-сырца. Показательны в этом отношении переговоры бухарского посла Фарруха с думным дворянином М. Матвеевым. Перечисляя русские товары, имеющие широкий спрос в Бухаре, Фаррух заявил, что Бухара может обеспечить обмен их на шелк-сырец и другие бухарские изделия, а также на товары индийские. Так заинтересованная в торговле с Россией бухарская знать старалась расширить масштабы восточной торговли в представлении русского правительства и усилить заинтересованность верхов в товарах Хивы и Бухары.

Привилегированная ханская и царская торговля освобождалась от пошлин[5]. Частная купеческая торговля была ограничена. Не разрешалось торговать заповедными товарами: свинцом, порохом и оружием; только указом от 15 мая 1587 г. был разрешен вывоз меди, олова и железа «в деле», т. е. в изделиях. Запрещалось продавать товары, являвшиеся монополией царской казны (вино, мед, а с 1589 г. и воск).

С азиатских купцов, торговавших на русских рынках, взимались пошлины: пудовая в Астрахани и продажная — 11 денег с рубля с мягкого товара и 18 денег с «весчего». При отправлении товаров вверх по Волге купцы должны были платить дополнительную пошлину в размере 5,5 деньги и проезжую пошлину — 2 деньги с рубля (в двойном размере по сравнению с русскими купцами). Пошлины взимались и с русских купцов; размеры их были произвольны.

Большой помехой в торговле среднеазиатских купцов являлись всякого рода злоупотребления воевод. Посол хивинского хана Араб-Мухаммеда I, обвиняя в 1619 г. астраханских воевод, рассказал о том, что они «посулы емлют великие и товары их ценят великою дорогою ценою... и пошлины с них емлют не по прежнему уложенью»[6]. Поэтому «тезики» старались не возбуждать их алчные аппетиты привозом товаров. Так время от времени товарооборот среднеазиатского купечества сокращался. Но заинтересованное в торговле со Средней Азией русское правительство предписывало воеводам брать пошлины с торговых людей только «по государеву

[4] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, разд. I, док. № 31, стр. 138—139.
[5] Там же, док. № 6, стр. 102.
[6] Там же, док. № 26, стр. 132.

указу и по уставным грамотам... и насильства им никакого чинити не велеть»[7].

С ликвидацией Кучумова царства усилилась потребность в восстановлении нарушенных торговых связей и среди трудящегося населения Западной Сибири. В конце XVI в. большую роль в торговле Тобольска, Тюмени и Тары играли бухарцы, которым разрешался в любое время свободный и беспошлинный торг в сибирских городах и около них[8]; запрещалось торговать холодным оружием.

В течение XVII в. торговые связи России со Средней Азией развивались более интенсивно, но с некоторыми колебаниями, вызванными осложнениями обстановки в низовьях Волги в связи с массовой перекочевкой калмыков-торгоутов из Западной Монголии. Поэтому путь между Хивой и Русским государством на некоторое время был прерван, а расположенная поблизости от калмыцких кочевий Кабалыкская пристань утратила свою прежнюю роль.

Значительная часть среднеазиатских товаров направлялась степной дорогой, идущей на Караганскую пристань, расположенную на Мангышлакском полуострове. Вследствие неналаженности морского транспорта и недостатка судов нередко хивинские купцы не пользовались водным путем до Астрахани. На степной путь от Хивы до Караганского пристанища требовалось от трех недель до 35 дней, от Бухары — 4 недели; на морской путь от Астрахани до Караганской пристани — от двух до восьми дней. Отсюда купцы везли свои товары в Поволжье, заканчивая торговый путь в Казани или в Нижнем Новгороде, где разрешалось торговать малыми партиями товаров; крупные партии направлялись в Москву. В 40-х годах в связи с перенесением столицы из Ургенча в Хиву и с постройкой в 1640—1641 гг. в низовьях Яика Яицкого городка основная масса среднеазиатских товаров поступала в Нижнее Поволжье Хивинской дорогой, идущей к Астрахани.

Торговля России со Средней Азией в XVII в. вовлекла в свою орбиту и города Западной Сибири (Тобольск, Тюмень и Тару). Торговый путь из Тобольска шел вверх по Иртышу, направляясь к верховьям Ишима, оттуда степями Центрального Казахстана на Сары-Су до г. Туркестана; далее пересекая Сырдарью, он вел в Бухару. Таким образом, определилось транзитное значение казахских степей. И в это время большую роль играет ханская и царская торговля. Но ассортимент товаров обеих сторон становится более многочисленным и разнообразным, что объясняется развитием местного феодального ремесла. Среди среднеазиатских товаров, появлявшихся на русских рынках, были хлопчатобумажные ткани, рассчитанные на спрос широкого потребителя (зендень, миткаль, бязь, выбойка, пестрядь), полушелковые ткани, а также

[7] Там же, док. № 29, стр. 136.
[8] Там же, док. № 15, стр. 108.

шелк-сырец, который в 70-х годах отправлялся в большом количестве на западноевропейский рынок. В числе русских товаров наряду с ходовыми товарами XVI в. в большом количестве вывозились меха и меховые изделия. По данным астраханских таможенных книг, вывоз товаров из России значительно колебался, обнаруживая тенденцию роста, спада и снова роста (в 1633 г. он составлял 8769 руб., в 1634 г.—2018 руб., в 1637—1638 гг.—534 руб., в 1640—1641 гг.— 10 585 руб. [9]).

Значительно оживились политические связи России со Средней Азией. Об этом свидетельствует ряд посольств — 15 из Средней Азии и 6 из России: в Бухару И. Д. Хохлова в 1620 г., А. Грибова в 1641—1643 гг. и в 1646—1647 гг.; в Хиву — И. М. Федотова в 1669—1670 гг.; в Бухару, Хиву и Балх Б. и С. Пазухиных в 1669—1673 гг. и В. Даудова в Бухару в 1675—1678 гг. [10] Обмен посольствами сыграл немаловажную роль в развитии торговых и политических связей обеих сторон.

Главными поставщиками среднеазиатских товаров в XVII в. были приезжие бухарские купцы. В 40—70-х годах (в течение 16 лет) в Тобольск прибыло 19 караванов бухарцев (всего 358 человек). Но, по-видимому, приезжих бухарцев в Тобольске было больше, так как многие из них вели самостоятельную торговлю, не объединяясь в караваны [11].

Указом 1693 г. была восстановлена десятая пошлина ($^1/_{10}$ с рубля) для бухарских купцов, неоднократно торговавших в сибирских городах; впервые приехавшим с товарами разрешалось платить двадцатую пошлину [12]. Наравне с русскими купцами бухарские купцы должны были платить: головщину с человека, полозовую с саней и другие пошлины. Таким образом, таможенная политика царского правительства постепенно нивелировала дифференцированное обложение русского и среднеазиатского купечества. Но произвол местных властей увеличивал существовавший в Сибири разнобой в пошлинных сборах.

Показательны для структуры и объема частной торговли со Средней Азией данные 1655—1656 гг. В эти годы Тобольской таможней зарегистрированы три каравана приезжих бухарцев в составе 50 человек.

Торговые обороты приезжих бухарцев достигли солидных по тому времени размеров: случалось, что в течение одного месяца

[9] *А. А. Чулошников.* Указ. соч. стр. 81.

[10] *Н. И. Веселовский.* Иван Данилович Хохлов. СПб., 1891; «Сборник кн. Хилкова». СПб., 1879, стр. 451, 458—459, 494—512, 534—541; *А. А. Преображенский.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в.— «Исторические записки», т. 36, 1951, стр. 269—286; РИБ, т. XV, ч. 6, стр. 1—86: *С. В. Жуковский.* Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915, стр. 15—22, 28—39.

[11] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. стр. 343—349; разд. III, док. № 6, стр. 299.

[12] ПСЗ, т. III, № 1474.

они сбывали товаров более чем на 10 тыс. руб.[13] Список товаров проходивших через Тобольскую таможню в 1655—1656 гг., показывает, что основную массу товаров бухарских купцов в это время составляли среднеазиатские хлопчатобумажные ткани (17 058 концов и 195 аршин): зендень, выбойка, бязь, пестрядь и полукисея. Но торговля бухарского купечества все же значительно уступала ханской торговле как в отношении количественного состава караванов, так и числа отправляемых на продажу товаров. Освобожденная от пошлин ханская торговля расширяла свои масштабы за счет натуральной феодальной ренты и всякого рода «подарков» и «поминков», задерживая развитие простого товарного хозяйства.

Развитие торговли со Средней Азией городов Западной Сибири и транзитной торговли, идущей через сибирские города, происходило главным образом за счет расширения участия в ней русского купечества, а также русских торговых, промышленных, посадских, служилых людей и крестьян.

На тобольский рынок поступали товары из 55 русских городов, из Средней Азии, Китая и Восточного Туркестана (Кашгарии). Находившийся на скрещении важнейших торговых путей Тобольск становился одним из центров сибирской и восточной торговли. Общая стоимость ежегодно поступавших в Тобольск (в 1639—1695 гг.) товаров нередко составляла 2260—6910 руб. С учетом таможенной стоимости всех явленных в Тобольске (в 1639—1671 гг.) товаров восточные товары составляли от 0,7 до 12,8%. В дальнейшем удельный вес восточных товаров был равен 43,5% в 1686—1687 гг. и 60,5% в 1694—1695 гг.[14] Время от времени на тобольском рынке появлялись западноевропейские товары (сукна английские, немецкие, голландские). Таким образом, Тобольск становился связующим звеном всероссийского рынка с внешним. Первое место среди его товаров занимали ткани разной расцветки. Значительная часть их во второй половине XVII в. приходилась на долю среднеазиатских хлопчатобумажных тканей, привозимых преимущественно бухарцами. Поступление восточных товаров на Ямышевскую ярмарку в тот же период возрастало главным образом за счет китайских тканей[15]. Объектом транзитной торговли был и шелк-сырец, отправляемый на западноевропейский рынок. С развитием русской шелковой мануфактуры в XVIII в. он оседал в России.

В русском вывозе на Восток через Тобольск преобладала пушнина и меховая одежда. В период подъема пушной торговли в 1639—1669 гг. удельный вес меховых товаров Тобольска в общем торговом обороте возрос с 14,1% в 1639/40 г. до 76,8% в

[13] *П. Н. Буцинский.* Заселение Сибири. Харьков, 1889, стр. 138.
[14] *О. Н. Вилков.* Тобольск в системе складывающегося всероссийского рынка в XVII веке. Автореферат кандидатской диссертации. Новосибирск, 1965 стр. 19—20.
[15] *О. Н. Вилков.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967, стр. 174—175, 179 (таблицы 21, 22), 199.

1661/62 г.[16] Вывоз сибирской пушнины на Восток имел большое значение для экономики России, так как в конце XVII в. спрос на нее Западной Европы уменьшился в связи с конкуренцией североамериканской пушнины. Возрастает спрос на сибирскую пушнину в Средней Азии, Иране и Китае.

Особое значение приобретала транзитная, караванная торговля, проходившая через центральные и южные районы Казахстана. Она связывала Россию со Средней Азией и с кочевой степью, стимулируя продвижение торговых путей на Восток, в Индию и Китай. Транзитная торговля расширяла и орбиту внешнего рынка, связывая экономику России с Западной Европой. Если таможня Архангельска, через которую шла торговля с Западной Европой, имела в 1650-х годах средний оборот по ввозу иностранных и русских товаров на 500 тыс. руб.[17], то среднеазиатский экспорт составлял примерно 40—50 тыс. руб.[18]

Издавна существовавшее разделение труда между кочевыми и оседло-земледельческими районами расширяло обмен между ними. Укреплявшиеся экономические связи России с восточными окраинами способствовали развитию торгово-денежных отношений, превращению натурального хозяйства в товарное.

[16] *О. Н. Вилков.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке, стр. 316—317.
[17] *Б. Г. Курц.* Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915, стр. 227.
[18] *А. А Чулошников.* Указ. соч. стр. 85.

РУССКИЙ ЭКСПОРТ ЧЕРЕЗ НАРВУ
(по данным Ивангородской таможни 1619—1620 гг.)

В. В. Дорошенко

Среди материалов, полученных в виде микрофильма из Шведского государственного архива, имеется реестр торговой пошлины, взимавшейся шведами на протяжении одиннадцати месяцев — с июля 1619 г. по начало июня 1620 г.[1] Это — небольшая тетрадь in folio, содержащая около 230 записей (явок) об обложении тех товаров, которые проходили через таможню. При этом всегда указывалось количество привозимых или вывезенных товаров и имя купца, а также сколько лиц прибыло вместе с данным купцом и сколько «весов» (Wichte) потребовалось для данной товарной партии. Почти всегда указывалась цена товаров или их оценка в русской монете (рубль = 100 «денег»); об исключениях из этого правила (соль, вина, некоторые металлы, скот и зерно, которые не подвергались оценке) речь пойдет ниже. Всего в реестре встречаем 67 партий, принадлежавших тому или иному торговцу, каждая из них составлялась обычно из 3—4 (но иногда — более 10) различных товаров. Размер взятой шведами пошлины (Zoll) — также в рублях и «деньгах» — показан в реестре не отдельно по каждому виду товара, но в целом для грузов, представленных данным купцом. Так как некоторые торговцы приезжали и уезжали по нескольку раз, общее их количество несколько меньше, нежели число партий: реестр дает четкое представление о торговой активности 48 купцов, побывавших на данной таможне в течение почти целого года. Из этих торговцев 29 обозначены как «местные жители» (Inwaner), 11 — как пскович (van der Plesckouw), 7 — как новгородцы (van Nougarden) и один купец — из Печор (van Pitzur). Имена и фамилии плательщиков пошлины — почти сплошь, за редкими исключениями,— несомненно русские.

В каком же пункте располагалась таможня, где шведы взимали пошлину в русской монете, где местные торговцы были почти сплошь русскими и куда, наконец, приезжали с товаром русские

[1] ЦГАОР СССР, Хранилище микрофотокопий, ЗА—44 (Швеция): Svenska Riksarkivet (Stockholm), Rulla Nr. 99. Handel och Sjöfart, 15. Utrikeshandeln VI. Ryssland 1500-och 1600-talen, fol. 1—11.

же купцы из Пскова и Новгорода? Для локализации документа кое-что говорит его дата (1619—1620 гг.). Незадолго до этого, летом 1617 г., между Швецией и Россией был заключен Столбовский мир, закрепивший за шведами не только Нарву (потерянную Россией уже в конце Ливонской войны, в 1581 г.) и стоявший против нее Ивангород (эта крепость и порт на реке Нарве оставалась за русскими вплоть до ее занятия шведскими интервентами в 1612 г.), но и все русское побережье Финского залива. Лишившись полностью выхода на Балтийское море, русские купцы могли торговать с Западной Европой только через шведские гавани, с уплатой пошлин посредникам — шведским властям. В тексте Столбовского договора упоминались конкретно таможни (для русских товаров) в Стокгольме, Выборге, Ревеле и Нарве, а также «в иных городах». Если выражение «в иных городах» имело «чисто формальный характер»[2], то интересующая нас пошлина 1619—1620 гг. скорее всего относилась бы к Нарве — тем более что именно Нарва была центром значительного подъема русского экспорта в годы Ливонской войны[3], а в результате Столбовского мира должна была стать средоточием чуть ли не всей русской торговли на Балтике[4].

Однако для изучаемого нами реестра Нарва не подходит в силу того, что ее купечество в этот период — во всяком случае, до середины XVII в.— рекрутировалось из немцев[5]. Ссылка трактата 1617 г. на «иные города» не являлась пустой формальностью уже потому, что после Столбовского мира главный поток русских товаров для экспорта по Балтийскому морю направлялся не непосредственно в шведскую Нарву, а в Ивангород, хотя он и не был назван в официальном перечне городов — таможенных пунктов для русских купцов. Придавая Нарве действительно значение первостепенное (в 1614—1615 гг. выдвигалась даже идея сделать ее ...столицей Шведского королевства!), шведские власти придерживались, однако, отнюдь не прямолинейного курса по отношению к Нарве и другим городам только что завоеванных «остзейских провинций».

Один из «зигзагов» шведской торговой политики,— кстати, проливающий свет и на происхождение нашего документа,— был подробно прослежен в исследовании эстонского историка А. Соома[6].

[2] *И. П. Шаскольский.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.— Л., 1964, стр. 91.

[3] *A. Attman.* Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. 1558—1595. Lund. 1944, s. 47—56, 297—344, 448—449; *W. Kirchner.* Die Bedeutung Narvas im 16. Jahrhundert.— «Historische Zeitschrift», Bd. 172, H. 2. München, 1951, S. 265—284; *T. S. Willan.* The early History of the Russia Company 1553—1603. Manchester, 1956, p. 82, 132, 141—142, 157.

[4] *И. П. Шаскольский.* Указ. соч., стр. 205 и 207.

[5] *А. В. Петров.* Город Нарва. СПб., 1901, стр. 162, 177; *H. J. Hansen.* Geschichte der Stadt Narwa. Dorpat, 1858.

[6] *A. Soom.* Ivangorod als selbständige Stadt 1617—1649.— «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1935». Tartu, 1937, S. 215—315.

Оказывается, что в первые годы после Столбовского мира Нарве пришлось терпеть чрезвычайно деятельное соперничество со стороны Ивангорода. Более того, грамота Густава-Адольфа от 28 ноября 1617 г., определявшая статус обоих соперников в делах русской торговли, отдавала определенное предпочтение ивангородским купцам, издавна располагавшим гостиным двором и прочными связями с русским купечеством. Складочное право (Stapelrecht) делилось между Нарвой и Ивангородом таким образом, что купцы из Москвы, Новгорода, Пскова и других русских городов были обязаны разгружать свой товар не в Нарве, а именно в Ивангороде, там его взвешивать, платить с него пошлину и лишь после этого предлагать к продаже — ивангородцам или нарвчанам. Ивангородцы, кроме того, получали неограниченные права на самостоятельные поездки в русские земли (а также в эстонские, финские и шведские гавани) с целью торговли, в Нарве же они могли, наравне с нарвскими бюргерами, покупать западноевропейские товары непосредственно у прибывающих туда иностранцев. Правда, торговля ивангородских купцов ограничивалась в том отношении, что экспорт купленных ими товаров в Западную Европу, согласно упомянутой грамоте, должен был осуществляться лишь через Нарву. Ивангородец мог, скажем, продать свой товар или иностранцу, или на своем гостином дворе, но перед отправкой его за пределы Шведской державы товар обязательно нужно было представить нарвской таможне, где его опять взвешивали, подвергали проверке на качество и облагали вывозной пошлиной. Несколько упрощая дело, можно сказать, что купечество Ивангорода сосредоточивало в своих руках мобилизацию, заготовку русских товаров, а бюргерство Нарвы — последующую отправку этих товаров на заграничные рынки.

В целом грамота от 28 ноября 1617 г., задуманная как средство предотвратить опасность переселения ивангородских купцов обратно в пределы Русского государства (статьи Столбовского договора давали им эту возможность), оказалась для них очень выгодной. Об этом свидетельствуют не только текст названной грамоты и беспрестанные жалобы королю со стороны Нарвы; как показал А. Соом, в 20—30-х годах XVII в. торговля ивангородцев необычайно расширилась, многим русским купцам — к зависти нарвского бюргерства — удалось сколотить «прямо-таки большие состояния», да и по количеству населения Ивангород быстро опережал Нарву [7].

[7] *A. Soom.* Op. cit., S. 289, 302—306. Нарисовав ряд ярких портретов преуспевающих торговых людей — ивангородцев (располагавших накопленным капиталом «по нескольку тысяч рублей деньгами» и даже ссужавших правительству Швеции крупные суммы — порядка до 4000 талеров), А. Соом выделяет успехи русских купцов в местной и особенно сельской торговле (Landhandel). Ивангородцы не только покупали товары у приезжавших в город крестьян и помещиков, но также усиленно разъезжали по селам и городам (эстонским и русским) и, благодаря своим налаженным связям, действительно проявляли бо́ль-

Таким образом, уже общая ситуация, сложившаяся к началу 20-х годов XVII в. в устье реки Нарвы (и прежде всего введенная шведским правительством монополия Ивангорода на прием всех товаров, поступавших по суше и по воде из сферы «русского рынка»), заставляет предположить, что в интересующем нас реестре пошлинных сборов за 1619—1620 гг. дело идет о торговле не нарвских, но ивангородских купцов.

Уверенность в этом предположении дает сопоставление списка купцов, упомянутых в нашем реестре, с другими — несколько более поздними источниками. В работе того же А. Соома приводятся данные о составе ивангородского магистрата в 1634 и 1640 гг., а также список наиболее зажиточных и почтенных (principalste) жителей Ивангорода в 1646—1647 гг.; последний список составлен в то время, когда участь города — его ликвидация и переселение русских торговых людей в предместье Нарвы — была предрешена [8]. В этих списках встречаются между прочими Яков Посников, Алексей Монастырин, Иван Григорьевич Шолковников и Бабин. В реестре 1619—1620 гг. встречаем все четыре фамилии, тех же самых торговых людей или их родственников, обозначаемых здесь как «местные жители» (Inwaner). В частности, Яков Посников в марте 1620 г. внес 2 руб. пошлины с разных товаров (рукавицы, полотно, хмель и др.); Алексей Монастырин побывал на таможне трижды — в ноябре 1619 г. и в январе — феврале 1620 г.— и уплатил 2 руб. 77 денег (в основном за представленный лен); из Шолковниковых здесь побывали в тот же период: однажды — Григорий с пошлиной в 70 денег (за коров) и три раза — Богдан, внесший всего 1 рубль 73 коп. (он торговал главным образом мылом); наконец, в реестре 1619—1620 гг. представлен и Алексей Бабин, пошлинный взнос которого 13 руб. 37 денег (в основном за лен и пеньку) вполне оправдывает его позднейшую репутацию как одного из самых зажиточных русских купцов в Ивангороде. После того как правительство Швеции решило сосредоточить всю торговлю в этом районе исключительно в Нарве (принципиально такое решение было принято уже в 1642 г.) и предложило ивангородцам переселиться в нарвский форштадт (1645—1649 гг.), значитель-

шую изворотливость, нежели нарвские бюргеры: в 20—30-е годы XVII в. представители шведской администрации отмечали неоднократно, что «русская торговля вытесняет немецкую» (Ibid., S. 304). К этому следовало бы добавить, что преимущества ивангородских купцов в известной мере определялись также активным балансом русской торговли через Прибалтику; вывоз преобладал над ввозом (об этом см.: *A. Attman.* Op. cit., s. 102—104). Сосредоточив в своих руках заготовку товаров для экспорта, купечество Ивангорода имело дело попросту с большей массой товаров, чем нарвские бюргеры. К тому же ивангородцы могли продавать у себя экспортные товары и непосредственно иностранцам, извлекая торговую прибыль на разнице закупочных и продажных цен. То обстоятельство, что предназначенные на экспорт товары должны были проходить через таможню в Нарве, создавало источник обогащения для шведской казны, но не обязательно для немецких купцов — жителей Нарвы.

[8] *A. Soom.* Op. cit., S. 246, 292—294, 297.

ная их часть предпочла перебраться на Русь. Множество бывших ивангородцев оказалось, например, в Пскове. Как отмечает Е. В. Чистякова, изучавшая таможенную книгу города Пскова 1670—1671 гг., более половины товарных явок, сделанных местными жителями, приходилось на бывших ивангородцев, совершавших поездки «в Ревель, минуя ненавистную Нарву»[9]. Этот факт, интересный сам по себе[10], в данной связи важен в том отношении, что и среди псковских торговцев — выходцев из Ивангорода (еще в начале 70-х годов XVII в. их отличали от коренных псковичей!) встречаются имена торговых людей из таможенного реестра 1619—1620 гг. Помимо упоминавшихся выше Шолковниковых (в Пскове 1670—1671 гг.— Николай Шолковников) отметим, к примеру, жителя Пскова Ивана Фролова, который, быть может, являлся потомком Родиона Фролова, уплатившего в декабре 1619 г. шведским властям в Ивангороде 1 рубль 98 денег пошлины за ввезенный лен (12 берковцев) и вывезенный золотой слиток.

Тем самым вопрос о локализации нашего памятника можно считать решенным: в 1619—1620 гг. шведы взимали пошлину в Ивангороде, куда приезжали с «русским товаром» как сами ивангородцы — «Inwaner» (по условиям Столбовского мира имевшие право ездить по торговым делам в Новгород, Псков и Ладогу, вплоть до самой Москвы), так и подданные русского государя — новгородцы и псковичи.

Обратимся теперь к анализу русского ввоза и вывоза, как он отразился в данных Ивангородской таможни с июля 1619 г. по

[9] *Е. В. Чистякова.* Псковский торг в середине XVII в.— «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 217.

[10] В рубрике «отвозные товары» псковская таможенная книга 1670—1671 гг. отмечает не менее 86 явок от псковичей, в том числе 46 явок от бывших ивангородцев. В исследовании Е. В. Чистяковой (указ. соч., стр. 225) приводится поименный список их, возглавляемый крупным торговцем оптовиком Яковом Белоусом, который переехал из Нарвы в Псков в 1659 г. Об обширных торговых операциях Я. Белоуса (купившего в Любеке собственное судно «Фортуна» и отправлявшего грузы даже прямо на Лондон), а также братьев его Петра и Павла приводятся любопытные данные как в цитированной работе А. Соома (op. cit., S. 303—304), так и в его более позднем труде (*A. Soom.* Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnische Städte in den Jahren 1636—1656. Tartu, 1940, S. 178). К сожалению, названный автор не ставит даже вопроса о том, как отразился на нарвской торговле переезд множества русских купцов из Нарвы в Россию около середины XVII в. А. Соом говорит о Нарве в этот период так, будто и выселения не было никакого, упадок же судоходства в 50-е годы объясняет лишь войнами: Англии с Нидерландами (1652—1654) и России со Швецией (1656—1658). Какая часть жителей ликвидированного в 1649 г. Ивангорода перебралась в Россию, сказать пока трудно. К середине XVII в. в Ивангороде — Нарве насчитывалось около 250 русских — мужчин, плательщиков налога, в основном ремесленников, рыбаков, трепальщиков льна и т. д.; в группу зажиточных торговцев (Grosskaufleute) А. Соом включает до 30 семей, мелочной торговлей занимались еще столько же. Судя по выкладкам Е. А. Чистяковой, приводящей фамилии более 30 «бывших ивангородцев», оказавшихся в 1670 г. в Пскове, в пределы России после закрытия Ивангорода вышла, пожалуй, большая часть тамошнего купечества, что не могло не сказаться и на динамике нарвской торговли в 50—60-е годы XVII в.

7 июня 1620 г. Сумма всех пошлин, взятых таможней за одиннадцать месяцев, составила 126 руб. При этом сами ивангородцы внесли 56 руб. (или 47,9%), торговцы из Пскова — 34 руб. 61 деньгу (или 29,6%), из Новгорода — 17 руб. 20 денег (или 14,7%) и единственный, но зато крупный купец из Печор — Шестак Микитин сын — 9 руб. 16 денег (т. е. 7,8%) [11]. Представленные здесь цифры отражают удельный вес названных городов в оборотах ивангородского рынка, а в известной мере и рынка Нарвы, поскольку экспортные товары перед отправкой их дальше должны были проходить еще и таможню в Нарве.

Как уже отмечалось, размер взятой с торговца пошлины указывался суммарно для всех товаров — как ввезенных, так и вывезенных. Чтобы определить рубеж между ввозом и вывозом, а также структуру того и другого, приходится оперировать уже не размерами собранных пошлин, но количеством соответствующих товаров и их стоимостью.

Пошлинный реестр 1619—1620 гг. упоминает всего 39 различных товаров, привезенных в Ивангород для экспорта через Нарву, и 16 товаров, которые вывозились (ausgefhuert) теми же купцами в русские земли. Количество тех и других легко подсчитать, поскольку оно указано в реестре [12]. Сравнительно просто обстоит дело и с оценкой привозных товаров, таких, как лен, пенька, воск и сало, шкуры и т. п., цена или стоимость которых всегда проставлялась в нашем реестре. Из вывозных товаров только металлы (железо, медь и свинец) всегда получали оценку в самом реестре, для остальных пришлось — ориентировочно — брать цены на ревельском или рижском рынках в тот же период (рубеж 20-х годов XVII в.) или же цены в Нарве, известные там для начала XVII в. [13] Ввиду невозможности привести полный список товаров,

[11] В сумму пошлинных сборов (126 руб.) включена также «малая пошлина» (Kleine Zoll), составившая за то же время 6 руб. 65 денег. Она записывалась в реестре суммарно, в итогах за каждый месяц. Это своеобразная пошлина, которой облагались, по мнению А. Соома, мелкие партии товара, поступавшие с местного рынка в порядке сельской торговли (Landhandel). По документам несколько более поздним, «малая пошлина» встречается лишь в городах и местечках Ингерманландии. Как полагал Соом, шведы ввели ее «в конце 1623 года» (*A. Soom.* Die Politik Schwedens..., S. 117), теперь же видно, что она взималась и несколько раньше.

[12] Исключение составляли лишь некоторые товары, количество которых либо вообще не указывалось (например, «Bodemwahr», о нем см. ниже), либо не может быть суммировано из-за специфики этих товаров (например, всякого рода пряности, пушнина, ткани, напитки). Ввиду наличия таких исключений (к счастью, не очень многих) тем более важным для количественной (статистической) характеристики как объема, так и структуры торговли русских купцов в Ивангороде 1619—1620 гг. является вопрос о стоимости товарной массы ивангородского рынка.

[13] Показатели цен на остальные товары (т. е. на оцененные в реестре 1619—1620 гг.) мы брали либо из других документов, преимущественно архивных, либо из упоминавшегося выше труда А. Аттмана, приводящего материалы о ценах в Нарве и Ревеле за 1583—1611 гг. (*A. Attman.* Op. cit. Bilagor,

прошедших через таможню, ниже приводятся суммарные данные о важнейших товарах (товары второстепенные сведены в группы). Помимо количества и стоимости товаров, предъявленных на таможне в течение почти целого года, таблица показывает удельный вес купцов тех или иных товаров в структуре ивангородской торговли.

Здесь обращает на себя внимание прежде всего огромное превышение привозных, т. е. русских, товаров (5071 руб = 75,4%) над отпускными, т. е. западноевропейскими (1654 руб. = 24,6%). Это явление общее для всех прибалтийских рынков XVI—XVII вв.

Материал, приводимый А. Аттманом для 1550—1640 гг., показывает, что в Нарве, Ревеле, Риге и других гаванях «русский товар», предназначенный к экспорту в Западную Европу, составлял примерно $^2/_3$ всего торгового оборота; как отмечала шведская королевская резолюция 1580 г., «почти $^1/_3$ товаров у московитов приходится покупать за наличные деньги» [14]. В нашем источнике отмеченное явление еще более ощутимо, и это понятно: тут сказывался не только активный торговый баланс, но еще и «разделение функций» между Ивангородом (прием всех «русских товаров») и Нарвой (прием всех товаров, идущих с Запада), предписанное грамотой от 28 ноября 1617 г. Общая сумма торгового оборота Ивангорода за неполный год (1619—1620) составляла, как видно, 6725 руб. Для полусотни торговцев это сумма немалая, если ее сравнить, например, с оборотом тридцати русских купцов в Ревеле, который в 1618 г. составил 13 695 талеров, т. е. примерно 4944 русских рубля [15].

Совершенно иная картина получится при сравнении ивангородской торговли 1619—1620 гг. с кратковременным, но ярким — поразившим всех европейцев — расцветом торговли Нарвы в «русское время». В 60-е годы XVI в., когда Нарва принадлежала Руси, она вывозила в Западную Европу ежегодно в среднем по 5273 берковца льна и пеньки, по 465 берковцев воска и по 4990 «десятков» шкур, что составляло соответственно 69,9%, 82,1% и

Nr. 15). Дело здесь осложняется тем, что нарвские и иные цены определялись в балтийской или западноевропейской монете (в рижских марках и талерах); следуя Аттману (op. cit. s. 441), мы принимали за 1 русский рубль $2^3/_4$ талера. Из наиболее важных ценовых показателей, взятых в основу наших подсчетов, отметим: соль — 12 руб. за ласт, сукно (halve Laken) — 11 руб. за «штуку», вино — 20 руб. за «Uxhuett» и водка — 33 руб. за «Ahm». Кроме того, в отношении скота, который являлся одновременно предметом ввоза и — реже вывоза, принято: корова — 2 руб. 70 денег, вол — 3 руб. 50 денег. Отдавая себе отчет в условном, а подчас и проблематичном характере принятых показателей (цены в Прибалтике мало изучены!), мы должны вместе с тем подчеркнуть, что главный поток товаров (не менее $^3/_4$ всей массы товаров по стоимости) оценивался в самом реестре таможенными чиновниками. Поэтому неточность в оценке ряда товаров не повлияет на результаты подсчета существенным образом.

[14] *A. Attman.* Op. cit., s. 104—105.

[15] Ibid., s. 447.

Привоз и отпуск товаров на Ивангородской таможне в 1619—1620 гг.

Товары	Количество явок	Количество товара	Стоимость, в руб.	В том числе у купцов из				Доля товаров, в %
				Ивангорода	Пскова	Новгорода	Печор	
			Привоз					
Лен	25	350 берковцев	2006	1499	260	30	217	44,0
Пенька	10	38 »	225	194	31	—	—	
Сало и масло	8	7 »	66	19	47	—	—	30,2
Кожи и шкуры	30	5952 штуки	790	204	365	221	—	
Изделия из кожи	9	—	123	77	13	33	—	
Скот	25	ок. 200 голов	554	436	92	26	—	
Воск	4	½ берковца	24	19	5	—	—	4,0
Пушнина	11	—	178	47	4	127	—	
Хмель	8	52 берковца	260	228	24	8	—	5,1
Мыло	8	242 «доски»	227	135	57	35	—	16,7
Хлеб	6	350 бочек	243	173	70	—	—	
«Bodenwaare»	13	—	300	36	240	24	—	
Прочее	9	—	75	65	6	4	—	
Всего	166	—	5,071	3132	1214	508	217	
В % (по городам)	—	—	100	61,7	23,9	10,0	4,4	
			Отпуск					
Соль	13	46 ластов	552	468	54	30	—	33,5
Ткани	9	—	462	25	215	78	144	27,9
Вина, напитки	8	8½ «ама»	293	151	142	—	—	20,9
Пряности	10	—	52	41	5	6	—	
Металлы	11	37 берковцев	155	129	26	—	—	17,7
Серебро и золото	3	—	92	56	—	36	—	
Стекло и бумага	3	—	18	4	—	14	—	
Прочее	4	—	30	9	13	8	—	
Всего	61	—	1654	883	455	172	144	
В % (по городам)		—	100	53,2	27,5	10,4	8,9	
Весь оборот	227	—	6725	4015	1669	680	361	

80,8% экспорта всех портов Восточной Прибалтики, включая самое Ригу![16] При этом надо иметь в виду, что эти цифры — сильно

[16] Здесь и далее мы используем данные Зундского пошлинного регистра, сведения которого о торговле Восточной Прибалтики обработаны нами для периода 1562—1630 гг. (*N. Ellinger Bang.* Tebeller over skibsfart of Varetransport gennem. Øresund 1497—1660, I—II. København, 1906—1922). Что означал русский экспорт из Нарвы для тогдашней Европы, показывают расчеты Аттмана для 1565—1567 гг., когда Нарва обеспечивала 31,6% льна и пеньки, 94,6% животного сала и 81,1% шкур, отправляемых через Зунд в Западную Европу из всей Балтики (включая экспорт не только Риги, но также Гданьска, Кенигсберга и т. д.).

заниженные, на деле эффект «нарвского плавания» был значительно большим [17]. Поскольку ивангородский привоз — это и есть в основном экспорт Нарвы, наш документ дает представление о степени упадка нарвской торговли в начале XVII в. по сравнению с периодом Ливонской войны. И все же эта торговля, как видно, была довольно активной [18]. Как ни скромны обороты ивангородцев в 1619—1620 гг., они свидетельствуют о том, сколь опрометчивым был бы вывод о полном упадке торговли эстонско-ингерманландских гаваней в эти годы, если об этой торговле судить только по данным Зундского пошлинного регистра [19].

Обращаясь к структуре привоза товаров на ивангородский рынок, отметим прежде всего доминирующее значение льда и пеньки (44,0%). Это основные предметы русского экспорта через Нарву. Характерно, что в годы наибольшего подъема «нарвской навигации» (1562—1569) Нарва отправила через Зунд льна и пеньки почти в три раза больше, чем Рига (42 182 берковца против 15 964 берковцев). Примерно в таком же объеме вывозились эти товары из Нарвы и в более поздний период, в 1662—1696 гг. [20] На втором месте в реестре 1619—1620 гг. стоят продукты животноводства (30,2%). Это в основном кожи и шкуры, а также рогатый скот (волы и коровы); обращают на себя внимание незначительные размеры поставок животного сала (Talg), занимавшего большое место в экспорте Нарвы как в годы Ливонской войны, так и во второй половине XVII столетия [21]. Но еще более поразительным представляется ничтожный удельный вес пушнины и воска (вместе 4,0%), особенно если учесть весьма серьезную роль этих статей нарвского вывоза в более ран-

[17] Зундский регистр отражает, естественно, лишь ту часть потока товаров в Западную Европу, которая направлялась через датский пролив. Между тем до 40% судов из Восточной Прибалтики туда вообще не ходило — они направлялись в Любек или другие балтийские порты (*W. Doroszenko.* Eksport Rygi na Zachód w okresie przynależności do Rzeczypospolitej, 1562—1620.— «Zapiski historyczne», t. XXI, zesz. 1. Toruń, 1966, str. 29). Тем более это надо иметь в виду относительно Нарвы, так как общеизвестно, что «Navigatio Narvica» в годы Ливонской войны обслуживалась любекским флотом в первую очередь. Кроме того, и на самой Зундской таможне учету и обложению подвергалась лишь часть (нередко лишь менее половины!) товаров, действительно проходивших через пролив. Вот почему не будет чересчур смелым предположение, что фактический экспорт Нарвы был в несколько раз большим, чем это показывает зундская пошлина.

[18] Еще для сравнения: в 1620 г. экспорт Таллина составил 376 берковцев льна, 231½ бочки сливочного масла, 123 бочки ворвани, а шкур и мехов — на 2431 талер («Eesti majandussajalugu», toimetanud H. Sepp, O. Liiv, J. Vassar. I. Tartu, 1937, p. 248).

[19] Согласно показаниям зундской пошлины, в течение двух лет (1619 и 1620 гг.) из этих гаваней (включая Ревель) прошло через пролив всего лишь 171½ берковца льна и пеньки и около 650 шкур.

[20] *Х. А. Пийримяэ.* Состав, объем и распределение русского вывоза в 1661—1700 гг. через шведские владения в Прибалтике на примере торговли г. Нарвы.— «Скандинавский сборник», вып. V. Таллин, 1962, стр. 46.

[21] Там же, стр. 68.

нее время — в XVI в.[22] Судя по выкладкам Х. А. Пийримяэ, во второй половине XVII в. воск и пушнина в экспорте Нарвы играли уже третьестепенную роль. Следует заключить, что значение этих товаров упало на рубеже XVI—XVII вв. Среди привозных товаров на ивангородской таможне встречаем, наконец, мыло, изредка хлеб (его оттуда и вывозили) и так называемый «Bodemwahr». Последнее — это, видимо, совокупность каких-то мелких товаров,привозимых чаще всего по воде, из Пскова; определить их конкретный состав пока, к сожалению, невозможно[23].

Цифры отпуска товаров из Ивангорода (рубрика «Ausgefhuert»), дают, несомненно, только частичное представление о составе русского импорта из Западной Европы. Складочным пунктом для западноевропейских товаров была, как сказано, Нарва. Там их принимали с судов, облагали пошлиной, и там же, следует полагать, они в основном и продавались — тем же ивангородцам, псковичам и т. д. Реестр 1619—1620 гг. фиксирует на ивангородской таможне всего лишь 46 ластов (= 828 бочек) соли и совершенно не упоминает о сельди, хотя тот и другой товар, как показывают другие источники, был одним из важнейших предметов импорта Нарвы в XVI—XVII вв.[24] Среди вывезенных из Ивангорода тканей встречаем 23 штуки сукна (halve Laken) неизвестного происхождения (на сумму 255 руб.) и гданьских сукон (Dansker Laken) на 150 руб., а кроме того, немного шелковых тканей (на 57 руб.)[25]. Следующей важнейшей позицией ивангородского вывоза были вино (французское и «красное» — рейнское (?), всего 4 1/2 «ама») и водка (4 «ама»), затем идут металлы (9 1/2 берковца свинца, 21 берковец железа и 6 1/2 пудка меди), золото и серебро (Untzengoltt, Silberwerk), стекло и бумага, наконец — разнообразные «колониальные товары»: сахар, перец, изюм и т. д.

Как видно из таблицы, примерно 2/3 всех оборотов таможни совершали сами ивангородцы, на втором месте стоят псковичи и только потом — торговцы из Новгорода. Слабое участие новгородцев в ивангородско-нарвской торговле объясняется разорением Новгорода за годы шведской интервенции, продолжавшейся до весны

[22] Об этом мы можем судить, например, по торговым сделкам ревельского купца О. Элерса с торговцами Нарвы, Ивангорода и Новгорода в 30-х годах XVI в. (Таллинский городской архив, ф. 230, оп. 1, А 36 — торговая книга Элерса).

[23] В нашем источнике «Bodemwahr» — всегда товар привозной, его доставляли в восьми случаях псковичи, в двух новгородцы и в трех случаях — сами ивангородцы.

[24] *Х. А. Пийримяэ.* Торговые отношения России со Швецией и другими странами Европы по материалам нарвского ввоза в 1661—1700 гг.— «Скандинавский сборник», вып. VII. Таллин, 1963, стр. 67, 71.

[25] В операциях Г. Коннэ (1535—1540) сукна составляли по стоимости приблизительно 1/4 всего ввоза из Ревеля, а во второй половине XVII в. в Нарву ввозилось ежегодно по 1—2 тыс. штук сукон.

1617 г.[26] В подвозе из Новгорода решающее значение имели кожи и шкуры, а также пушнина. «Специальностью» псковичей — помимо кож и шкур — был так называемый «Bodemwahr»; увозили же псковичи из Ивангорода главным образом ткани и вина. Что касается, наконец, купцов из самого Ивангорода, то их привозным товаром являлись главным образом лен и пенька, хмель, скот и мыло, а вывозным — соль и металлы.

По размерам уплаченной на таможне пошлины все 67 явок (записей) можно разделить на следующие группы:

более	10 рублей	— 2 случая
	6—10 рублей	— 3 случая,
	3—5 рублей	— 6 случаев,
	1—2 рубля	— 21 случай,
менее	1 рубля	— 35 случаев.

Относительно крупные сделки следует считать характерными, пожалуй, для псковских торговцев. Самый заметный из них — Трифон Устинов (пошлина — 10 руб.). Другой представитель верхушки русского купечества — ивангородец Алексей Бабин (пошлина — 13 руб. 37 денег). Не много им уступали такие явно зажиточные торговцы, как Шестак Микитин сын из Печор (пошлина — 9 руб. 16 денег), Мелентий Алексеев из Пскова (пошлина — 7 руб. 66 денег) и Василий Суспелник из Ивангорода (пошлина — 6 руб. 43 деньги). В подавляющем же большинстве случаев речь идет о сравнительно небольшой пошлине и, следовательно, о мелких поставках. Этот тип сделок представляется характерным в особенности для торговых людей из Ивангорода: здесь из 40 явок почти половина (19) сопровождались уплатой самых низких пошлинных взносов — менее полурубля.

Как оценить размер самой пошлины, взимавшейся на Ивангородской таможне в 1619—1620 гг.? Сопоставление стоимости товара с размером уплаченной пошлины можно сделать для большинства явок, но результат при этом получается разный. Пошлину брали в границах 1,5—3%, причем иногородние купцы (например, псковичи) платили, как правило, несколько больше: 2,5—3 деньги с каждого рубля. В наших руках нет пошлинного тарифа, поэтому нет и уверенности в том, что размер обложения зависел лишь от того, какой купец — местный или иногородний — представлял товар на таможне. Вполне возможно, что размер взимаемой пошлины дифференцировался также в зависимости от вида товара, способа его доставки (по воде или суше), места его назначения и т. д.[27] Пошлину в 1,5—3% следовало бы признать не-

[26] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961, стр. 89, 296—298.

[27] Как это мы видим, например, в Новгороде — по данным таможенных откупных грамот 1586—1587 гг. («Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи», т. I. СПб., 1836, № 331, 332, 334)).

большой — сравнительно с уровнем таможенного обложения, который мы наблюдаем в начале XVII в., с одной стороны, в Нарве, а с другой — в Новгороде [28]. Подобный либерализм в таможенной политике шведских властей непосредственно после Столбовского мира объяснить можно, по-видимому, стремлением возродить торговлю в этом районе, серьезно подорванную в предшествующий период военных бурь, и — в перспективе — обеспечить условия для успешной конкуренции шведских портов в Прибалтике с торговлей Архангельска.

[28] Основываясь на шведских источниках, А. Соом отмечает, что в самом конце XVI в. в Нарве взимали пошлину (Zoll) в размере 1,5% стоимости ввозимых и вывозимых товаров, но после 1599 г. она была повышена до 3%, а еще позже — до 6 и даже до 10—20% стоимости товара (*A. Soom.* Die Politik Schwedens..., S. 14). Согласно Памяти новгородским таможенным головам от 2 октября 1616 г., с «немецких людей», приезжавших с товарами в Новгород из «свейских городов», взимали с рубля по алтыну при ввозе и еще по алтыну — при вывозе; с западноевропейских купцов брали вдвое больше («Акты собранные в библиотеках и архивах Российской империи», т. II. СПб., 1836, № 212). Если 1 алтын = 6 денег, а рубль имелся в виду московский, то пошлина здесь составляла 3—6%.

К ПЕРЕГОВОРАМ МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ С РОССИЕЙ В 1674 Г.

Л. Н. Пушкарев, Л. Е. Семенова

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве среди многочисленных материалов Посольского приказа о сношениях России с Молдавией и Валахией сохранились документы переговоров 1674 г. В истории дипломатических отношений Молдавии и Валахии с Россией переговоры 1674 г. знаменательны тем, что в них проявилась тенденция княжеств к совместным выступлениям в борьбе за освобождение от турецкого гнета. Стремясь добиться самостоятельности, молдавские господари и раньше неоднократно обращались за помощью к России, изъявляя желание принять русский сюзеренитет, но делали это независимо от Валахии.

В 1674 г. игумен Святогорского Павловского монастыря Федор прибыл в Москву с просьбой о военной помощи в борьбе против турецкого султана и предложением от имени молдавского господаря Стефана Петричейку и бывшего валашского господаря Константина Шербана принять русский сюзеренитет. Хотя Константин Шербан не был официальным господарем Валахии, его совместное со Стефаном Петричейку обращение к русскому правительству отражало настроения и стремление определенной части валашского боярства. Вынужденный бежать из Валахии от преследований турок за связи с русскими, Константин Шербан не оставлял своих планов освобождения княжества с помощью России и возвращения господарского престола. Стефан Петричейку и Константин Шербан не случайно обратились к русскому правительству в 1674 г.

В условиях поражения Польши в начавшейся в 1672 г. войне с Турцией русское правительство выступило с предложением организовать общеевропейскую антитурецкую коалицию по оказанию помощи Польше. Не встретив поддержки европейских государств, русское правительство приняло военные меры для защиты населения Правобережной Украины, которую Польша была вынуждена уступить Турции. Это вызвало у молдаван и валахов надежды на возможность русско-турецкой войны, в ходе которой они смогут освободиться от турецкой зависимости, усилило их тягу к России, что не могло не оказать влияния и на отдельных пред-

ставителей господствующего класса — господарей и бояр. Выразителями этих настроений молдаван и валахов и выступили в 1674 г. Стефан Петричейку и Константин Шербан, направившие в Москву для переговоров игумена Федора.

Посольство игумена Федора в Москву в 1674 г. уже освещалось в исторической литературе [1]. При этом не только отмечен самый факт переговоров, которые вел игумен Федор с русским правительством, но и оценено их значение в истории связей Молдавии и Валахии с Россией. Однако до сих пор еще не сделан источниковедческий анализ дошедших до наших дней документов об этом посольстве, хотя подобный разбор может дать дополнительные сведения как о ходе переговоров 1674 г., так и об их значении в истории дипломатических связей того времени.

Наибольшую ценность для историка представляют сохранившиеся подлинники трех грамот, привезенных в 1674 г. в Москву игуменом Федором. Среди них совместная грамота Стефана Петричейку и Константина Шербана от 31 декабря 1673 г. к царю Алексею Михайловичу с просьбой о военной помощи в освобождении Молдавии и Валахии от турецкой зависимости [2]. Грамота написана на молдавском языке славянским шрифтом, применявшимся в то время в княжествах. На л.2 об. собственноручные подписи Стефана Петричейку и Константина Шербана. Здесь же помета: «Волошская [3] от Стефана воеводы». Не случайно в делопроизводственной помете Посольского приказа отсутствует имя Константина Шербана; выше уже говорилось, что он не был в то время валашским господарем. Константин Шербан послал с игуменом Федором царю Алексею Михайловичу отдельную грамоту от 29 декабря 1673 г. [4] Надеясь с помощью России вернуть себе престол, Константин Шербан просил русское правительство оказать ему военную помощь в борьбе против турецкого султана и

[1] *N. Jorga.* Histoire des relations russo-roumaines. Jassy, 1917, p. 91—92; *P. P. Panaitescu.* Pribegia lui Constantin Şerban Basarab şi a lui, Ştefan Petriceicu şi testamentele lor.— «Analele Academiei Romînă», seria III, t. XXI. Bucureşti 1939, p. 373—431; *Н. А. Смирнов.* Россия и Турция в XVI—XVII вв.— Ученые записки МГУ», вып. 94, т. I—II. М., 1946, стр. 129—130; *Е. М. Руссев.* Развитие феодально-крепостнических отношений в Молдавии в XVI—XVII вв. Борьба молдавского народа за свержение турецкого ига.— «Феодальные отношения в Молдавии в период XIV—XVIII вв. (Сб. статей)». Кишинев, 1950, стр. 112—113; см. также «История Молдавии», т. I. Кишинев, 1965, стр. 249—250; *Н. А. Мохов.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1961, стр. 110—112; *он же.* Молдавия эпохи феодализма (От древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев, 1964, стр. 339—340; *G. Bezviconi.* Contribuţii la istoria relaţiilor romîno-ruse. Bucureşti, 1962, p. 100; см. также *Л. Е. Семенова.* Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969, стр. 60—62.

[2] «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. III. М., 1970, стр. 9—12.

[3] т. е. молдавская.

[4] ЦГАДА, ф. 68, Сношения России с Молдавией и Валахией, оп. 2, 1674 г., д. 41, лл. 1—3 об.

выражал свою готовность принять русский сюзеренитет. Грамота написана на валашском языке славянским шрифтом и подписана Константином Шербаном. Третья грамота — на греческом языке от 30 декабря 1673 г.[5] На л. 1 об. грамоты — собственноручные подписи Стефана Петричейку и Константина Шербана. Делопроизводственная помета на л. 2 отражает ее содержание: «Письмо греческое, пишет волошской господарь Стефан Петров к митрополиту газскому Паисею 1674 лета, увещевает его, дабы воздвиг государя царя московского против турок, а их бы заступил от нападения турецкого. К царю Алексею Михайловичу». На л. 2 об. помета следующего содержания: «Лист еллинского языка мутьянского[6] и волоского государей к газскому митрополиту 182-го году февраля 16 числа о подданстве». Здесь же красновосковая печать с изображением герба Молдавии.

Из текста помет видно, что грамота была прислана Стефаном Петричейку и Константином Шербаном находившемуся в то время в Москве Паисию Лигариду[7] с просьбой о ходатайстве перед царем Алексеем Михайловичем. Грамота была подана в Посольский приказ 16 февраля 1674 г. Переводы того времени всех трех грамот сохранились в делопроизводственном столбце Посольского приказа, содержащем документы о приезде в Москву в 1674 г. игумена Федора[8]. Степень точности переводов не вызывает никаких сомнений, так как переводчиком Посольского приказа в то время служил молдаванин Н. Г. Спафарий-Милеску. Кроме того, до нас дошла копийная книга 1674—1675 гг., переплетенная в XVIII в. в мягкий полусафьян с тиснением и сохранившая между прочим материалы о посольстве игумена Федора[9].

Основное содержание книги хорошо отражено в ее заголовке на л. 1, составленном безвестным архивистом XVIII в.: «№ 2. 7182/1674 февр[аля] 6—23 авг[уста] 7183/1675. Книга в десть, содержащая в себе приезды в Россию из Молдавии и Валахии посланников:

а) Афонского Павловского монастыря игумена Федора с прошением от господарей молдавского Стефана и волоского Константина Шербана принять их в российское подданство, стр. 1.

б) Мултянских бояр подканцлера Радула Николаева и генерала Петра Петрова от тех же обоих господарей с прошением помощи и защищения от турков и принятия их в подданство, стр. 67».

Наличие различных документов о переговорах 1674 г. (подлинные грамоты, делопроизводственная переписка и копийные материалы) ставит вопрос об их источниковедческом анализе.

[5] Там же, д. 42, лл. 1—2 об.
[6] т. е. валашского.
[7] См. также *G. Bezviconi.* Op. cit., p. 100.
[8] ЦГАДА, ф. 68, оп. 1, 1674 г., д. 1, лл. 1—109. Перевод первой грамоты опубл.: «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. III, стр. 12—16.
[9] ЦГАДА, ф. 68, оп. 1, 1674—1675 гг., кн. 2.

Естественнее всего было бы a priopi предположить, что (не говоря уже о подлинных грамотах!) столбец, как первоисточник, имеет неизмеримо большее значение в источниковедческом плане по сравнению с копийной книгой. Предположение это, однако, после более детального ознакомления с обоими источниками, требует больших оговорок. Дело в том, что столбец дошел до нас не полностью, начало его утрачено. В то же время копия со столбца была снята, когда он был еще целым. Следовательно, копийная книга полнее столбца.

Какие же детали посольства 1674 г. можем мы восстановить по этой копийной книге? Она начинается с отписки киевского воеводы кн. Ю. П. Трубецкого в Посольский приказ, в которой сообщается, что игумен Федор прибыл под Киев 6 февраля 1674 г. с грамотами на имя царя, патриарха и киевского воеводы. Посланец был задержан в Киеве, а все грамоты со стрельцом Василием Сергеевым были посланы к Москве в тот же день. Через десять дней они прибыли в Москву. На отписке Ю. П. Трубецкого думный дьяк Григорий Богданов пометил: «Великому государю чтена и бояром».

Копийная книга сохранила для нас не дошедшую ни в подлинниках, ни в делопроизводственных переводах грамоту Стефана Петричейку и Константина Шербана киевскому воеводе от 1 января 1674 г., а также перевод их грамоты от 30 декабря 1673 г. к Паисию Лигариду. Кроме того, делопроизводственный перевод грамоты Стефана Петричейку и Константина Шербана царю Алексею Михайловичу от 31 декабря 1673 г. в столбце не имеет начала; начинается с середины фразы «... свое и покорити и Польскую землю» и т. д. В копийной книге этот важнейший инициативный документ имеется в полном объеме. Не сохранился в столбце в полном виде и перевод отдельной, самостоятельной грамоты Константина Шербана царю Алексею Михайловичу от 29 декабря 1673 г.; начало ее и приложение в виде отдельного запечатанного листка (в нем Константин Шербан и Стефан Петричейку просят царя Алексея Михайловича с доверием отнестись к устным сообщениям их общего посланника игумена Федора) в столбце не сохранились, они есть только в копийной книге.

Из более мелких документов в столбце отсутствует проезжая грамота царя Алексея Михайловича от 1 марта 1674 г., выданная игумену Федору и сопровождающему его «солдатского строю поручику Ивану Гречанинову» и обращенная к воеводам порубежных городов и к украинскому гетману Ивану Самойловичу, а также память из Посольского приказа в Сибирский о дополнительном пожаловании посланца Федора парой соболей в 8 рублей.

Вопрос о возможности привлечения копийной книги в качестве первоисточника в тех случаях, когда оригинальные документы, с которых снимались копии, оказались утраченными, может быть решен положительно, если будет доказана точность копировки документов в XVII в. Сравнение столбца с копийной книгой убежда-

ет нас в том, что копия была сделана точно. Нами не обнаружено ни одного случая пропуска текста в копийной книге. Описки в копийной книге встречаются, однако они носят чисто технический характер (например, «промымыслом» вместо «промыслом»). Многие погрешности текста исправлены самим писцом при повторном просмотре: вставлены пропущенные предлоги («[пред] преславным» — л. 11 об.), зачеркнуты повторения (л. 21 об.) и т. д. Лишь в одном случае столбец более полон, чем книга. Копируя грамоту сучавского митрополита Досифея московскому патриарху Иоасафу от 6 января 1674 г., писец пропустил приписку к грамоте; просматривая текст, он обнаружил свою ошибку и вставил пропущенное на полях. Однако при переплете книги в XVIII в. поля рукописи были обрезаны так, что часть текста была совсем утрачена, и без столбца этот текст прочесть невозможно. Кое-какие погрешности текста (двукратное написание одних и тех же слов, описки и т. д.) остались незамеченными и неисправленными. Общий вывод может быть сделан только один: копийная книга содержит тщательно переписанный текст делопроизводственного столбца и вполне может быть использована в качестве первоисточника в тех случаях, когда документы столбца оказались утрачены.

Большой интерес для раскрытия дипломатической истории посольства 1674 г. имеют расспросные речи игумена Федора в Посольском приказе — единственный дошедший до нас источник, дающий возможность проследить самый ход переговоров и выявить цели и задачи обеих сторон, участвующих в обсуждении этого вопроса. Эти «речи» сохранились и в столбце, и в копийной книге; текст их в обоих случаях идентичный.

Переговоры длились несколько дней. В первый день, 25 февраля 1674 г., игумен Федор был очень осторожен. Он сообщил, что не знает содержания присланных с ним грамот, «и изустного приказу ни о каких делах сверх тех листов ему не наказано», только просит он отпустить его скорее. На другой день — трудно сказать, по какой причине,— посланец был гораздо разговорчивее. Он подтвердил желание обоих господарей принять русский сюзеренитет и добавил: «И как то дело свершитца, чтоб великий государь изволил к господарем послать для разсмотрения земель и мест их, кого он, великий государь, изволит» (л. 20 об.). Игумен Федор согласился дать присягу за обоих господарей, с тем чтобы после этого в Молдавию и Валахию «прислать лутчих и ближних своих бояр, и те присланные их бояре совершенной договор и присягу учинят» (л. 22 об.). Вслед за тем игумен дал подробную информацию о польских и турецких делах и передал ряд грамот молдавского митрополита Досифея и молдавского и валашского господарей к московскому патриарху Иоасафу и к Н. Г. Спафарию-Милеску. Московское правительство весьма сочувственно отнеслось ко всем предложениям посла молдавского и бывшего валашского господарей. 1 марта была уже заготовлена проезжая грамота, но в это время в Россию пришли письма от польских корун-

ных гетманов Яна Собесского и князя Дмитрия Вишневецкого, сообщавших, что в Молдавию вновь вступили турецкие войска, Синявский, урядник польского войска, отступил в Польшу, молдавский и валашский господари «учинились в послушаньи попрежнему» турецкому султану. 6 марта переговоры возобновились. Игумен Федор настаивал на том, чтобы была послана грамота о согласии московского государя принять Молдавию и Валахию в русское подданство и оказать им военную помощь в борьбе с турками. В своем стремлении добиться этой грамоты посол уверял русское правительство, что в случае положительного решения вопроса против турок поднимутся не только молдаване и валахи, но также и сербы и даже «греки все на турка востанут» (л. 46).

Осторожные дьяки Посольского приказа, однако, заколебались. Учитывая политическую неустойчивость в Молдавии и Валахии, находящихся в системе Турецкой империи, они решили запросить выписку о прошлых просьбах молдавского и валашского господарей о подданстве. Из этой выписки явствовало, что впервые о готовности принять русский сюзеренитет шла речь в посольстве Ивана Григорьева от молдавского господаря Георгия Стефана в 1654 г. В ответ на грамоту Георгия Стефана к нему был послан Гаврила Самарин, но Стефан «при том дворянине ничего не учинил и отпустил без дела». В 1656 г. Георгий Стефан прислал в Москву известное посольство митрополита Гедеона и логофета Григория Ненюла. Они привезли с собою «статьи», на основе которых Молдавия и должна была принять русский сюзеренитет.

Исходя из опыта прошлых лет и была составлена ответная грамота царя Алексея Михайловича от 10 марта 1674 г., содержание которой давно уже было освещено и прокомментировано различными историками. Последний исследователь этой грамоты Н. А. Мохов пишет, что на запрос Стефана Петричейку и Константина Шербана о возможном принятии Молдавией и Валахией русского сюзеренитета русское правительство дало у к л о н ч и в ы й ответ, обещая послать людей «...для рассмотрения земель и мест» [10]. Думается, что Н. А. Мохов неправ. Цитируемое автором место относится к той части грамоты, которая излагает просьбу игумена Федора. В полном виде это место грамоты звучит так: «А присланной ваш иеромонах игумен Федор, будучи на Москве, нашим царского величества ближним людям сверх вашего листа изустно объявил, чтоб мы, великий государь наше царское величество, указали Украину тое стороны Днепра усмирить, и со всеми владеньями и землями вашими хотите быть под нашего великого государя самодержавною высокою рукою в подданстве, а мы, великий государь, указали б к вам послать, для рассмотрения земель и мест ваших, кого мы, великий государь, изволим» [11].

[10] *Н. А. Мохов.* Молдавия эпохи феодализма, стр. 341 (Подчеркнуто нами.— *Авторы*).

[11] ЦГАДА, ф. 68, оп. 1, 1674 г., д. 1, л. 98.

Следовательно, обещание послать людей «для рассмотрения земель и мест» — это лишь выполнение желания молдавского и валашского господарей, а отнюдь не инициатива русского правительства. На просьбу Стефана Петричейку и Константина Шербана русское правительство ответило довольно определенно, что оно «похваляет» их за желание принять русский сюзеренитет [12]. Выставлялось лишь одно обязательное условие — чтобы молдавский и валашский господари не были связаны никакими подданническими обязательствами с королем польским и великим князем литовским Михаилом или с кем-либо иным. Русское правительство, по примеру прошлых лет, предлагало «прислать к нам, великому государю к нашему царскому величеству, верных и ближних людей,— духовного, и мирского чину, и бояр,— по человеку з достойными статьями за вашими, и митрополитов, и архиепископов, и всего духовного чину, и бояр ваших, и иных чинов, великих, и средних, и малых, по человеку, руками и з печатьми, на которых статьях могли б с нашими царского величества з ближними думными людьми о подданстве вашем договор учинить». Когда это будет сделано, «тогда мы, великий государь наше царское величество, вас, воевод и владетелей, со всеми вашими городами и землями под нашу царского величества высокодержавную руку в вечное подданство принять изволим» [13].

Эта осторожность русского правительства объясняется, с одной стороны, обычаями дипломатического церемониала. Афонский грек Федор был только гонцом, привезшим грамоту господарей; приcягать от имени господарей имели право лишь специально на это уполномоченные представители боярства и высшего духовенства.

С другой стороны, можно высказать предположение, что стремление русского правительства получить подтверждение желания всего населения Молдавии и Валахии принять русский сюзеренитет было вызвано крайне шатким положением Константина Шербана и Стефана Петричейку, тяжелой зависимостью княжеств от Турции, которая, как правило, немедленно лишала престола того господаря, который пытался сменить турецкий сюзеренитет на какой-либо другой, тем более на русский.

В грамоте от 10 марта 1674 г. русское правительство сообщало также Стефану Петричейку и Константину Шербану о посылке своих войск в Азов и на Правобережную Украину [14].

С грамотой русского правительства, одаренный богатыми «дарами и поминки» на десяти подводах игумен Федор в сопровождении того же И. Гречанинова и двух стрельцов был отправлен из Москвы в Киев и далее через польские земли в Яссы.

[12] Там же, лл. 99—100.
[13] Там же, л. 103а.
[14] «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. III, стр. 16—19.

Переговоры Стефана Петричейку и Константина Шербана в 1674 г. через игумена Федора с русским правительством об оказании военной помощи Молдавии и Валахии в освобождении от турецкой зависимости и принятии ими русского сюзеренитета не имели успеха. Не только Константин Шербан, но и Стефан Петричейку еще до отъезда игумена Федора из Москвы был вынужден покинуть престол и вместе с митрополитом Досифеем, большой группой бояр и частью войска укрыться в Польше. Турция, готовившаяся в то время к войне с Россией, приняла все меры для укрепления своего влияния в Молдавии и Валахии.

Тем не менее переговоры 1674 г. имели большое значение. Впервые два феодальных княжества, связанные теснейшими и давними экономическими, политическими и культурными связями с братским русским народом [15], совместно высказали свое желание принять русский сюзеренитет, что положило начало их последующим совместным обращениям к русскому правительству с просьбами о помощи и защите и с выражением желания «быть под нашего великого государя самодержавною высокою рукою в подданстве».

[15] См. об этом указанную выше литературу, а также публикацию, приготовленную совместно русскими, молдавскими и румынскими учеными: «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в.», т. I—III. М., 1965—1970.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РАССКАЗ ДЬЯКОНА СИМЕОНА О СЕРБИИ НАЧАЛА XVIII В.

В. А. Кучкин

Среди мундиров военных, расшитых камзолов дипломатов, партикулярного платья негоциантов, советников и прожектеров, стекавшихся из разных стран Европы в петровскую Россию, нередко можно было встретить рясу монаха и архиерейское облачение. Участившиеся в конце XVII — начале XVIII в. приезды в Россию иностранцев различных состояний и званий, представлявших интересы своих государств или поступавших на русскую службу, были связаны с теми преобразованиями, которые проводил Петр I. Впрочем, и во внутренней, и во внешней политике правительства Петра было немало традиционного.

Традиционной, в частности, оставалась поддержка русским правительством православных кафедр и монастырей в Передней Азии, в странах Восточной и Центральной Европы. Православное духовенство Молдавии и Валахии, Оттоманской империи и империи Габсбургов видело в России своего защитника и покровителя. В Москве часто гостили представители константинопольского, антиохийского и других патриархов, митрополиты, епископы, настоятели монастырей. Одни вели дипломатические переговоры, другие получали задания политического характера от русского правительства, третьи, и таких было большинство, приезжали в Москву, чтобы добиться материального вспомоществования для своих монастырей и кафедр.

Именно с последней целью предпринял в 1701 г. путешествие в Россию настоятель афонского Павловского монастыря Василий [1]. Павловский Георгиевский монастырь на Афоне был основан в X в. [2] В XIV—XVI вв. он разбогател за счет земельных вкладов сербских феодалов [3] , но затем пришел в упадок. В первой половине

[1] Согласно официальным источникам, «в роспросе тот архимандрит сказал, что он приехал бить челом великому государю по жалованной грамоте в монастырь о милостыне...» (ЦГАДА, ф. 52, 1701 г., № 20, л. 6).

[2] *Порфирий Успенский.* История Афона. ч. III. Афон монашеский, отд. 1. Киев, 1877, стр. 66.

[3] *Святогорец* (*С. Веснин*). Путеводитель по св. горе Афонской и указатель ее святынь и прочих достопамятностей. СПб., 1854, стр. 109—111.

XVII в. монастырь получил жалованную грамоту от царя Михаила Федоровича, по которой монастырским властям разрешалось приезжать в Москву за «милостыней»[4]. Впоследствии это право неоднократно подтверждалось русским правительством[5]. Наиболее колоритной фигурой из всей братии Павловского монастыря, когда-либо посещавшей Россию, был игумен Исайя. С его именем связаны довольно серьезные международные дипломатические осложнения, в свое время подробно описанные Н. Ф. Каптеревым[6]. После приезда игумена Исайи в 1688 г., неудачи возложенной на него князем В. В. Голицыным миссии — добиться от вселенских патриархов признания царевны Софьи царицею, и холодного приема в 1691 г. власти Павловского монастыря долго не решались показываться в Москве. И только в 1701 г. здесь вновь появился очередной настоятель монастыря св. Павла, на этот раз Василий. В русских документах он именовался архимандритом, хотя в действительности был лишь игуменом. Дело в том, что в Москве весьма строго следили за рангами приезжавших просителей, назначая «милостыню» соответственно чину просившего. И в надежде получить побольше все настоятели монастырей Афонской горы выдавали себя за архимандритов. Игумен Василий не являлся среди них исключением.

Первое известие о его приезде содержится в отписке киевского воеводы (губернатора) Юрия фон Менгдена в Посольский приказ в Москву. В отписке говорилось, что «в нынешнем 1701-м году декабря в 29 день приехал в Киев Афонские горы Павловского Георьгиевского монастыря архимандрит Василей, а с ним иеръмонах Сидор да два человека служек»[7]. Далее сообщалось, что все они отпущены к Москве «генваря в 7 день нынешнего 1701-го году»[8]. Воеводский подьячий, писавший отписку, явно перепутал дату: и декабрь 1701, и январь следующего, 1702 г., он отнес к одному 1701 г. В отписке киевского воеводы были перечислены, однако, не все старцы Павловского монастыря, приехавшие в Россию. В документе от 14 февраля 1702 г., направленном из Посольского приказа в Ратушу бургомистрам о выдаче кормов приезжим, упомянуты архимандрит Василий, иеромонах Сидор, иеродиакон Симеон и 2 человека челядников[9]. Корм должен был выдаваться с 3 февраля в течение 6 недель пребывания

[4] ЦГАДА, ф. 52, 1654 г., № 3, л. 2.
[5] Там же, л. 3; 1701 г., № 20, л. 4.
[6] *Н. Ф. Каптерев.* Приезд в Москву Павловского Афонского монастыря архимандрита Исаии в 1688 году с грамотами от преждебывшего Константинопольского патриарха Дионисия, сербского патриарха Арсения и валахского господаря Шербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкого ига.— «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе», ч. 44. М., 1889, стр. 302—320.
[7] ЦГАДА, ф. 52, 1701 г., № 20, л. 1.
[8] Там же.
[9] Там же, л. 5.

старцев в Москве и на 2 недели дороги [10]. По приведенным расчетам Посольского приказа архимандрит Василий и приехавшие с ним монахи Павловского монастыря должны были выехать из Москвы примерно 16—17 марта 1702 г., и в конце марта — начале апреля покинуть пределы страны. Но уже 13 марта Посольский приказ отдал распоряжение об отпуске из Москвы архимандрита Василия [11]. Этим исчерпываются сведения официальных источников о приезде старцев монастыря св. Павла.

Указанные документы весьма скупо и односторонне рассказывают о пребывании в России афонских монахов. Русские должностные лица занимались прежде всего приемом и устройством приезжавшего духовенства, выдачей ему кормов и «милостыни», иногда русское правительство интересовалось политической ситуацией в тех странах, из которых приезжали или которые проезжали просители, в ряде случаев им давались некоторые деликатные поручения, вроде того, что было дано игумену Исайе. Эти заботы и интересы русских официальных кругов находили свое отражение в документации, откладывавшейся в правительственных учреждениях. Именно по такого рода источникам судят теперь о характере взаимоотношений России с православным Востоком в XVI—XVIII вв. Однако существовали и существуют памятники другого, неправительственного происхождения, которые позволяют по-иному оценить давние связи русских со своими единоверцами, в частности, из славянских стран. Имеет свое продолжение и история пребывания в России посланцев Павловского монастыря.

В одном из сборников рукописной коллекции Государственного архива Калининской области [12] сохранился любопытный рассказ дьякона Павловского монастыря Симеона, родом серба, о своей стране. Симеон сопровождал игумена Василия в его поездке в Москву и, видимо, здесь, на отведенном им подворье, встречался с русскими людьми, живо расспрашивавшими иноземного гостя о самых разнообразных вещах на его родине. Рассказ старца Симеона сохранился в сборнике, небольшом по формату, всего в восьмую долю листа, но довольно объемистом — в нем насчитывается 436 листов. Написан сборник разными почерками, полууставом и скорописью, в начале XVIII в. [13] Повествование сербско-

[10] Там же.
[11] Там же, лл. 11 об.— 12.
[12] ГАКО, рукоп. колл., № 488.
[13] Водяные знаки рукописи: 1) герб города Амстердама и литеры RG под ним, датируется 1702—1740 гг. (*С. А. Клепиков.* Бумага с филигранью «Герб города Амстердама».— «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 20. М., 1956, стр. 343—344, № 252), Хивудом подобный знак зафиксирован под 1669 годом (там же); 2) тот же герб с литерами AI (курсив) под ним, датируется концом XVII — первой третью XVIII в. (там же, стр. 331, №№ 14—18а); 3) тот же герб с литерами GVH (лигатура) под ним и литеры I VILLEDARY на другой половине листа, С. А. Клепиков датирует такой водяной знак 1691—1706 гг. (там же, стр. 339, № 159). Судя по встречающейся в рукописи дате — 7214 г. (л. 272), рукопись была написана не ранее сентября 1705 г.

го монаха занимает лл. 402—406. Среди других памятников, включенных в сборник, встречаются послание Герасима Фирсова, головщика Соловецкого монастыря, к архимандриту Савво-Сторожевского монастыря Никанору (лл. 340—400 об.), отрывки из посланий протопопа Аввакума к священнику Стефану (лл. 411—412 об.), Авраамия к митрополиту Крутицкому Павлу (лл. 412 об.—423 об.), обиходник Троице-Сергиева монастыря (лл. 427—436 об.). В рукописи есть написания «Исус» и «Иисус» (л. 250). По-видимому, составитель сборника имел отношение к старообрядцам.

Рассказ приезжего старца записан, несомненно, русским человеком. Его встреча с сербским монахом произошла весной или летом 1703 г., точнее между 6 мая и 31 августа [14]. Дата подтверждается указанием того же источника на время пребывания в России игумена Феофана из Фрушской горы: «прошлаго году бывый с нами зде». Настоятель Раковацкого монастыря Феофан приехал в Москву 8 марта 1702 г. [15], или 7210 сентябрьского года по старому русскому летосчислению. Этот год был действительно прошлым по сравнению с тем временем, когда дьякон Симеон делился своими воспоминаниями. Но дата 6 мая — 31 августа 1703 г. противоречит приведенному выше свидетельству об отпуске из Москвы павловского игумена Василия 13 марта 1702 г. Для устранения противоречия можно подобрать различные правдоподобные объяснения, но при отсутствии твердых фактов любое из них будет чисто умозрительным. Важно лишь отметить, что сохранившаяся приказная документация ничего не знает о пребывании в России монахов Павловского монастыря после весны 1702 г.

Судя по рассказу сербского монаха, его русский собеседник был весьма любознательным и интересовался многим. Старцу пришлось отвечать на вопросы о географическом положении своей страны, ее климатических условиях, путях туда, управлении, церковной организации, цели своего приезда в Москву и т. д. Сведения, сообщенные дьяконом Симеоном, представляют значительный интерес как для характеристики умонастроений русских людей начала XVIII в., так и для истории Сербии и близлежащих стран того времени. Из рассказа заметно, что несмотря на существовавшую тогда политическую чересполосицу, серб ясно сознавал единство своей страны: «страна же наша ова частью под властию турскаго, ова же под цесарскою, а иное есть у нас и особныя свои князи». Правда, к своей стране наряду с Сербией, Боснией и Далмацией Симеон относил и Арбанасов, т. е. Албанию, и Афон. Сербов он (или его русский интерпретатор) помещал у Белого моря. Белым морем

[14] Указание на 7211 г., т. е. на 1 сентября 1702 г.— 31 августа 1703 г., встречается в самом начале рассказа. Далее сообщается, что «нынешняго лета на Сырной недели у нас трава и лук зеленыя поспели, а на Вознесениев день и овощи поспели». Сырная неделя приходилась в 1703 г. на 7 февраля, а Вознесеньев день — на 6 мая.

[15] ЦГАДА, ф. 52, 1702 г., № 3, л. 15 об.

русские в средневековье называли, по-видимому, все моря, лежавшие за Дарданеллами. Так, инок Варсонофий, совершивший в 1456 г. паломничество в Иерусалим, называл Белым морем Средиземное [16]. По представлениям русских конца XVII — начала XVIII в., остров Патмос в Эгейском море также находился на Белом море [17].

Обычный путь из Сербии в Россию шел через земли Габсбургов и Речи Посполитой. Но в 1702—1703 гг., когда дьякон Симеон находился в Москве, в Польше шла война польского короля и саксонского курфюрста Августа II с королем Швеции Карлом XII. 10 августа 1702 г. шведские войска взяли Краков — важный пункт на пути следования из Сербии и Австрии в Россию [18]. И указание павловского дьякона на то, что «итти в нашу страну Сербскую ныне чрез Польшу ради ратнаго времени нелзя», было точным. Поэтому Симеон предлагал другой путь: «на Киев чрез волохи и мутьяны». О последних он говорил, что они в отличие от сербов и болгар «не рускаго роду, но цыгане римские и в вере непостоянны». Видимо, сербский монах был знаком с довольно распространенной в средние века теорией о происхождении румын и молдаван из Италии [19].

Любопытны сведения Симеона о растениях и культурах, произраставших и возделывавшихся на его родине. В рассказе прямо или косвенно упоминаются кипарисы, кедры, смоквы (инжир), финиковые пальмы, масличные деревья, различные сорта винограда, ореховые деревья, «горохи и бобы разныя», пшеница, ячмень, рожь, просо, лук и овощи. Помимо этого Сербская страна, по словам Симеона, «и рыбою, и медом вельми изобильна, весела и красовита».

Русского собеседника Симеона, очевидно, интересовало, чем питаются в стране у Белого моря. Сербский монах называл вина, приготовленные из разных сортов винограда, масло из масличных ягод, пшеничный и ячменный хлеб, о ржаном он говорил, что его «мало ядим, с подмесом, понеже утроба у нас мало ево подъемлет», квасы пшенные и просяные.

Значительное внимание в рассказе монаха Павловского монастыря обращено на вероисповедание разных народов и их благочестие. Население Молдавии и Валахии Симеон упрекнул в религиозном непостоянстве. Сходно отозвался он и о греках — жителях Константинополя, часто ездивших в Москву: «то недобрая сущия и

[16] «От града Берута есть вдали его яко миля на восток лицем лимень Бѣлаго моря...» («Хожение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 г.» — «Православный Палестинский сборник», вып. 45. М., 1896, стр. 1).

[17] *А. Дмитриевский.* Патмосские очерки. Киев, 1894, стр. 9, прим. 1; см. также ЦГАДА, ф. 52 (опись), стр. 173. Современные болгары и македонцы Белым называют Эгейское море.

[18] *В. Д. Королюк.* Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну.— «Ученые записки Института славяноведения», т. VII. М., 1953. стр. 221.

[19] *А. В. Болдур.* Славяно-молдавская хроника в составе Воскресенской летописи.— «Археографический ежегодник за 1963 год». М., 1964, стр. 75—77.

в Цареграде от турскаго (султана.— *В. К.*) суть не (в рукописи, вероятно, ошибочно «те», — *В. К.*) обруганы». Столичным грекам он противопоставлял греков, «которые по островам и по дальним странам живут». Видимо, именно их он считал «крепкими и разумными», «что и на свете таких поискать». Очень резко сказано у Симеона о греках «плутоватых, брадобрийцах и табашниках», которых «у нас ненавидят, и священники наши их отлучают». Подобная характеристика нарушителей древнего благочестия скорее всего выражала отношение к ним не самого Симеона, а его русского собеседника, озлобленного появлением домашних «брадобрийцов и табашников» и жаждавшего услышать осуждение им подобных от приезжего монаха. По всей видимости, и некоторые другие ответы Симеона были продиктованы желанием сказать то, что хотели бы от него услышать русские собеседники. Например, рассказывая, по каким книгам ведется богослужение у сербов и болгар, какие иконы у них в почете, Симеон замечает, что «у нас и у болгаров говорят и служат по печатным книгам московским, а старопечатныя у нас лутше любят, понеже новая печать плюгава. А икон у нас живописи киевския вельми не приемлют, понеже по латинъски пишут; а латынских за се не приемлют, понеже не по подобию пишут». Можно сомневаться в том, что на Афоне и в Сербии столь четко различали старопечатные и новопечатные русские книги. Посланцы сербского патриарха и настоятели афонских монастырей никогда не отказывались от русских книг, с удовольствием принимая книги и старой, и новой печати[20]. Едва ли их интересовал вопрос, когда, собственно, кончилась в Москве печать старая и началась новая. В России же подобные тонкости знали хорошо, и прежде всего раскольники. Именно раскольники ввели понятие старой, т. е. дониконовой, и новой печати. Именно они противопоставляли старую печать новой. И подобное противопоставление в рассказе Симеона может свидетельствовать о том, что его собеседник был старообрядцем.

Правда, дипломатичный иеродиакон монастыря св. Павла усматривал существенную разницу между старопечатными и новопечатными русскими книгами только в самом характере печати. Новая, по его мнению, была «плюгава», т. е. слишком мелка. Но для русского старообрядца и такое осуждение иноземным схимником новой печати было целебным бальзамом. То же самое можно сказать и относительно имеющегося в рассказе приезжего старца рассуждения об иконах украинского письма.

Еще более показательным для характеристики русского окружения посланца афонского монастыря является следующее место повествования: «Как был во Афонской горе старец премудр философ и добродетелен, и брада у него до ног была, книги он старопечатныя московския [читал] и крестилъся он так, как в них напе-

[20] *С. К. Богоявленский.* Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв.— «Славянский сборник». М., 1947, стр. 243.

чатано. И тем он всю Афонскую страну возмутил, и власти греческия собравшися ево потязали». Премудрый философ с бородой до ног — лицо отнюдь не мифическое. Речь идет о сербском иеромонахе Дамаскине, у которого действительно была борода до земли, и он носил ее, «в мешечик склав, и тот мешечик з бородою» привязывал к поясу [21] . Дамаскин отправлял церковную службу по русским печатным книгам, в которых были многие несходства с греческими. В 1649 г. он был осужден афонскими властями. Известие об этом сохранилось в русских и сербских источниках [22]. Воспоминание Симеона о своем «премудром и добродетельном» соотечественнике отнюдь не случайно. Ведь Дамаскин крестился так, как было напечатано в старопечатных московских книгах, т. е. двоеперстно. Несомненно, что этим чрезвычайно интересовался собеседник Симеона, поскольку он разделял учение старообрядцев. Показательно, что обличители раскольников также вспоминали этот эпизод из истории Афона, и подчеркивали не то, что Дамаскин крестился по старопечатным московским книгам, а то, что его осудили греческие власти [23]. Характер освещения религиозных вопросов в рассказе Симеона позволяет понять, почему этот памятник попал в один сборник вместе с некоторыми раскольническими сочинениями.

Нет возможности подробно останавливаться на всех фактах, сообщенных старцем Симеоном, но и сказанного вполне достаточно, чтобы судить об их ценности. Само существование подобного источника свидетельствует о живом общении русских людей с выходцами из славянских и иных стран, общении, благодаря которому русские ближе узнавали историю, культуру, нравы и быт других народов. Любопытно также, что большой интерес к жизни в чужих землях был проявлен старообрядцами. Быть может, такое внимание преследовало практические цели. Известно, что в 1705 г. несколько палешан, а также крестовый дьяк царицы Прасковьи — вдовы Ивана, брата Петра I, некто Возгласов предприняли длительное «хожение» в Валахию и Сербию. С собой для «промена» они взяли несколько тысяч икон [24]. Их путь в Сербию совпадал с путем, рекомендованным старцем Симеоном. А касаясь цели своего приезда в Москву, сербский монах показал, что он «послан же сюды... ради нужды церковных вещей; нужда же у нас печатных книг и икон». И подчеркнул еще раз: «иконники же по подобию пишущия вельми нам требе».

[21] «Прения с греками Арсения Суханова».— «Православный Палестинский сборник», вып. 21. СПб., 1889, стр. 343.

[22] Там же, стр. 342—343. См. также запись на сербской рукописи, воспроизведенную в книге В. Григоровича «Очерк путешествия по Европейской Турции» (Казань, 1848, стр. 97).

[23] «О сношениях русской церкви с святогорскими обителями до XVIII-го столетия».— «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе», ч. 6. М., 1848, стр. 165, прим.

[24] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 243—244.

* * *

Приводим текст памятника. Публикация подготовлена по правилам издания документов XVII—XVIII вв.

л. 402 Лета 7211 бе на Москве Святыя горы Афонския монах диякон Семион сербин обители же святаго Павла, яко же сам поведа. Сказание его, яко же ваша страна разделяется и глаголется Великая и Малая и Белая Русия, такожде и наша разделяется и нарицается Сербия, Босния, Далмацыя и Арбанасы. А итти в нашу страну Сербскую ныне чрез Польшу ради ратнаго времени нелзя, но итти на Киев чрез волохи и мутьяны. А волохи //
л. 402 об. и мутьяны по сю страну Дуная, а сербы и болгары за Дунаем, болгары к Черному морю, а сербы к Белому морю. Афонская же гора Сербскыя страны. А страна Сербская до Белаго моря простирается, хлебом и овощем, и виноградом, и рыбою, и медом вельми изобильна, весела и красовита. И леса, и пустыя обители, и пустынники в ней есть. А то и пустынники, у которых ни церкви, ни обители несть, горы и разселины каменныя есть.
л. 403 Древа же у нас есть кипарисы, // кедры, финики, маслицы, смокви, виногради. Ягоды же виноградныя различныя видом, потому же и вина из них изгнетенныя разныя видом обретаются. А масло древянное из ягод масличных у нас изгнетают. Смокви же у вас на Москве винными ягодами нарицают, а виноград изюмом. Орехи большия, грецкия нарицаемыя, и малыя у нас, и горохи и бобы разныя родятся. Хлебы же у нас и пшеничныя и
л. 403 об. ячменныя, ржанова же мало ядим, с подмесом, понеже утроба // у нас мало ево подъемлет. Зимы у нас месяца с два бывает, снеги мало лежат, а иногда зимныя дороги у нас и не бывает. А нынешняго лета на Сырной недели у нас трава и лук зеленыя поспели, а на Вознесениев день и овощи поспели. Квасы у нас пшонныя, просяныя. У нас и у болгаров говорят и служат по печатным книгам московским, а сторопечатныя у нас лутше любят, понеже новая печать плюгава. А икон у нас живописи киевския
л. 404 вельми не при//емлют, понеже по латинъски пишут; а латынских за се не приемлют, понеже не по подобию пишут. А венгры недавно к римской вере склонены. А греки того ради книги в Веницыи печатают, понеже турской у себе им печатати не дает. Мы же сербы и болгары словенскаго роду и языка, токмо наречия у нас свои. А волохи и мутьяне не рускаго роду,
л. 404 об. но цыгане римские и в вере непостоянны. И греки есть // такие крепкие и разумныя, что и на свете таких поискать. А к Москве которыя ездят — то недобрыя сущия и в Цареграде от турскаго суть те[1] обруганы, но те добрее, которые по островам и по дальним странам живут. А греков плутоватых, брадобрийцов и табашников у нас ненавидят, и священники наши их отлучают. А под цареградцким[2] патриархом митрополитов с 70. Болга-
л. 405 ры же и волохи и мутьяны // под цареградцким патриархом епархиею. У болгаров же когда у них был князь, тогда и патриарх бе, а ныне несть. У нас же в сербах свой патриарх, ныне Арсений, уже бо древен. Игумен Феофан, прошлаго году бывый с нами зде, в горе Фрушской живет. Гора же сия на Дунае, монастырей в ней с 20. Еще памятухи у нас есть. Как был во Афонской горе старец премудр философ и добродетелен, и брада
л. 405 об. у него до ног была, книги он // старопечатныя московския[3] и крестилъся он так, как в них напечатано[4]. И тем он всю Афонскую страну возмутил, и власти греческия собравшися ево потязали[5]. Еще же у нас в нынешния

[1] *Так в рукописи.*
[2] *В рукописи*: цареградцим.
[3] *В рукописи сказуемое пропущено*; *вероятно*: читал.
[4] *В рукописи:* напечано.
[5] *Написано тем же почерком и теми же чернилами над зачеркнутым:* прокляли.

времена святыя нетленныя мощи обретаются такия, которых я зазнал[1] живых, и чюдеса от них доныне есть. А я десяти лет пострижен. Послан же сюды отец[1] за послушание, ради нужды церковных вещей. Нужда же у нас печатных // книг и икон. Иконники же по подобию пишущия вельми л. 406
нам требе. А егда ваш государь на турскаго войском своим собирался, тогда наши сербы начальников и людей турских, держащих землю нашу, порубили. Царь же турской отмстити им не дерзнул. Страна же наша ова частью под властию турскаго, ова же под цесарскою, а иное есть у нас и особныя свои князи.

[1] *Так в рукописи.*

ВАЖНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА БОРЬБЫ РОССИИ ЗА БАЛТИКУ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

И. П. Шаскольский

Хорошо известно, что борьба за выход к Балтийскому морю имела исключительно важное значение в истории России XVII и начале XVIII в. Отрезанная с 1617 г. сплошным барьером шведских владений от Балтийского моря, Россия была лишена возможности вести прямые торговые сношения с западноевропейскими странами, вся русская торговля с Западной Европой на балтийском направлении [1] вынуждена была в XVII в. проходить через посредство подвластного Швеции купечества и под контролем шведских властей; при этом русское купечество лишалось значительной части торговой прибыли, присваивавшейся и купцами-посредниками, и шведскими властями (взимавшими пошлины со всех товаров, ввозившихся и вывозившихся из России). Подобные условия в течение XVII в. тормозили развитие русской внешней торговли, а с нею — и всей экономики страны; возвращение выхода к Балтийскому морю стало к концу XVII в. жизненной необходимостью для Русского государства.

Однако историки, многократно повторявшие эти давно установленные истины, ни разу не пытались выяснить, достаточно ли созрела к середине и концу XVII в. русская экономика, возникла ли к этому времени серьезная внутренняя потребность в обладании собственным морским побережьем? Иными словами, могла ли уже русская экономика выйти на берега Балтики, назрела ли уже потребность в ведении собственной активной морской торговли? Или, может быть, русское народное хозяйство могло и дальше удовлетворяться пассивной внешней торговлей, торговлей в пограничных городах и прибрежных (своих и подвластных Швеции) гаванях? [2]

[1] Обзор советских исследований о балтийской торговле России XVII в. сделан Л. В. Черепниным (*L. V. Cherepnin.* Russian 17-th Century Baltic Trade in Soviet Historiography.— «The Slavonic and East European Review», vol. XLIII, N 100. London, 1964, p. 1—22).

[2] В последнем случае окажется, что не назревшие потребности экономического развития заставляли Русское феодальное государство вести борьбу за возвращение выхода к Балтике, а, напротив, государственная власть, борясь за берега Балтики, стремилась подтолкнуть развитие экономики страны.

При решении этого вопроса нужно прежде всего учитывать, что до шведской интервенции (и до утраты выхода к Балтике), в XVI — начале XVII в. Россия, по существу, не вела своей активной морской торговли. В источниках XVI — начала XVII в. почти не сохранилось сведений о торговых поездках русских торговых людей через Балтику в страны Западной Европы [3]; известно лишь, что русские торговые люди совершали в этот период плавания в пределах Финского залива в ближайшие к русской границе зарубежные порты — Ревель, Нарву и Выборг [4] (причем в данном случае водные перевозки играли второстепенную роль, в основном русские товары доставлялись в эти города по суше). В этот период активная роль в балтийской торговле с Россией целиком принадлежала западноевропейским (немецким, голландским, английским) купцам, приезжавшим для продажи своих и для покупки русских товаров в порты Прибалтики и в русские пограничные города. В равной мере и на северном направлении русских торговых сношений с Западной Европой в XVI в. русские торговые люди ограничивались пассивной торговлей в Архангельске и не ездили торговать за море. Аналогичный характер русская торговля через Архангельск сохраняла и в течение всего XVII в.

Нужно также учитывать, что по Столбовскому миру русским торговым людям было официально запрещено вести активную внешнюю торговлю через Балтийское море с другими странами Европы (кроме Швеции). В 14-й статье Столбовского договора было специально оговорено право русских торговых людей вести торговые операции лишь в пределах шведских владений, и тем самым запрещалось проезжать через шведские владения для ведения торговли в другие западноевропейские страны [5]. Это условие, повто-

[3] Показательно, например, что автор капитального исследования о русской балтийской торговле XVI в. шведский историк А. Аттман, обследовавший архивы всех крупных городов на берегах Балтики, не обнаружил никаких сведений о торговых плаваниях русских людей через Балтийское море (*A. Attman.* Den ryska marknaden i 1500-talets baltiska politik. 1558—1595. Lund, 1944); а в русских публикациях за весь XVI и начало XVII в. есть сведения всего о двух попытках ведения русскими торговыми людьми заморской торговли, причем обе эти попытки приходятся на 1560-е годы, время расцвета «нарвской навигации» и наибольшего политического сближения России с Данией в период Ливонской войны; при этом только в одном случае нам точно известно, что попытка оказалась удачной — в 1566 г. приказчики ивангородского купца вели торговлю в Копенгагене; напротив, известно, что отправка Иваном Грозным корабля с товарами казны через Зунд для торговли в Нидерландах окончилась неудачей — судно захватили корсары («Русские акты Ревельского городского архива».— РИБ, т. XV, № 77; «Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории», вып. I. «Чтения ОИДР», 1915, кн. 4, отд. № 144, стр. 249—253).

[4] *Г. Гильдебранд.* Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории.— «Записки Академии наук», т. XXIX, Приложение № 3. СПб., 1877, стр. 77, 85; *A. Attman.* Op. cit., s. 125, 131 и др.

[5] «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.». Сб. документов. М.— Л., 1960, № 1 (далее — РШЭО); *И. П. Шаскольский.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.— Л., 1964, стр. 81—83.

ренное затем в 1661 г. в 10-й статье Кардисского договора[6], действовало в течение всего XVII в. и лишало русских людей законной возможности ездить для торговли через шведские владения и по Балтийскому морю в страны Западной Европы.

Тем не менее, несмотря на указанное условие, у нас есть сейчас достаточно убедительные данные, позволяющие утверждать, что со второй четверти XVII в. у русской экономики уже назрела потребность начать развертывание активной морской торговли со странами Запада через Балтийское море.

Прежде всего, в 20-е годы XVII в. впервые начались торговые поездки русских торговых людей через Балтийское море в Швецию. Подобные поездки допускались указанной выше 14-й статьей Столбовского договора (разрешавшей русским торговым людям ездить с торговыми целями в пределах шведских владений, в том числе и через Балтийское море — из шведских прибалтийских провинций на собственную территорию Швеции). Со второй половины 1620-х годов эти поездки приняли регулярный характер[7] и стали совершаться ежегодно вплоть до конца XVII столетия; в поездках участвовали новгородцы, олончане, тихвинцы, ладожане, а частично и торговые люди из более отдаленных от границ русских городов (Москвы, Ярославля, Рыбной слободы и др.). На шведской территории вся активная торговая деятельность русских людей была сосредоточена в столице и главном внешнеторговом порте — в Стокгольме. С 20-х годов XVII в. Стокгольм стал первым (и единственным в XVII в.) западноевропейским городом, в который регулярно ездили торговать русские торговые люди[8].

Уже сама по себе большая энергия русских торговых людей в развертывании их торговых операций в Стокгольме, постоянная борьба за улучшение устанавливаемых шведскими властями ус-

[6] РШЭО, № 136.

[7] *И. П. Шаскольский.* Установление прямых торговых сношений России со Швецией после Столбовского мира 1617 г.— «Средние века», вып. 29, 1966, стр. 149—151.

[8] РШЭО, № 63, 64, 67, 70—72, 86, 88, 91—93, 95, 96, 103, 109, 125, 126, 156—161, 167, 168, 174, 180—184, 190, 199—203, 205—208, 211—219, 222, 224—228, 230, 231, 233, 235—244, 247—252, 254—262, 269, 278, 281—283, 292, 293, 295, 296, 300, 301, 303, 304, 306, 308—313, 318, 320—323, 325—327, 330; *И. П. Шаскольский.* Установление прямых торговых сношений России со Швецией..., стр. 149—157; *он же.* Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в.— В сб.: «Международные связи России XVII—XVIII вв.». М., 1966, стр. 1—15; см. также *С. В. Бахрушин.* Торги новгородцев Кошкиных.— В кн.: *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. II. М., 1954, стр. 174—206; *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 257—287; *Э. Д. Рухманова.* Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII в.— «Скандинавский сборник», вып. II. Таллин, 1957, стр. 49—58, 67—71. Известно, например, что в сентябре 1645 г. на русском гостином дворе в Стокгольме вело торговлю 35 русских торговых людей (Стокгольмский городской архив, ф. Stockholms stads verifikationer, 1645, ведомость сбора арендной платы за наем лавок на русском гостином дворе за сентябрь 1645 г.).

ловий данной торговли в шведской столице[9], мужество и упорство в преодолении тягот и опасностей морского пути через бурное Балтийское море[10] — все это свидетельствует, что активная торговля со Стокгольмом имела первостепенное значение для русских торговых людей, отражала насущную потребность русской экономики.

Имеются, кроме того, сведения, что в 40-е и 50-е годы XVII в. у русских торговых людей появляется стремление перенести активные торговые операции за пределы шведских владений, в более отдаленные западноевропейские страны, лежащие за Балтийским морем,— в Германию, Голландию и др. Это стремление прослеживается и по русским, и по шведским источникам.

Так, в начале 1640-х годов ярославский торговый человек Антон Лаптев ездил с партией дорогих мехов через Ригу «в Галанскую землю», в Амстердам[11]. В 1647 г. несколько русских торговых людей сумели проехать через шведские владения в Любек, где закупили различные товары, в частности золото[12]; в их числе был новгородец Петр Микляев, отправленный богатыми новгородскими гостями Семеном и Иваном Стояновыми для продажи большой партии соболей[13]. В начале 1649 г. приказчик шведского гостиного двора в Новгороде Адольф Эберс сообщил шведскому рейхсканцлеру и губернаторам Эстляндии и Ингерманландии, что некоторые новгородские торговые люди имеют намерение поехать через Нарву и Ревель в Любек и другие западноевропейские торговые города[14]. В июне того же года Эберс получил сведения о том, что эти новгородские торговые люди в Нарве и Ревеле пытались получить у местных шведских властей разрешение на проезд в Любек, мотивируя свою просьбу необходимостью взыскать долги с любекских купцов и поставить этим купцам товары (юфть, кожи, лосины, сало) по ранее заключенным контрактам; получив отказ в Ре-

[9] Изучив многочисленные жалобы и челобитные русских торговых людей по поводу условий торговли в шведских владениях, С. В. Бахрушин справедливо писал, что «упорство, с которым новгородское купечество добивалось устранения препятствий для развития русско-шведской торговли, свидетельствует о глубокой заинтересованности его в балтийских рынках, о стремлении прорвать железное кольцо шведско-немецкого торгового капитала, не пропускавшего русского купца к Балтике» (*С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 177).

[10] Обратный путь русских судов из Швеции часто совершался осенью, в период штормов на Балтике.

[11] ААЭ, т. IV, № 13.

[12] *A. Soom.* Die Politik Schwedens bezüglich des russischen Transithandels über die estnischen Städte in den Jahren 1636—1656. Tartu, 1940, S. 85. Соом использует в данном случае сведения Стокгольмского архива и частично архивов Таллина и Тарту.

[13] *К. И. Якубов.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897, стр. 129.

[14] *A. Soom.* Op. cit., S. 85; см. также *Г. В. Форстен.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в.— ЖМНП, 1898, февраль, стр. 213; *А. С. Лаппо-Данилевский.* Новые переводы и комментарии донесений и записок Родеса и Кильбургера о России.— «Русский исторический журнал», кн. 5. Пг., 1918, стр. 56.

веле и Нарве, русские торговые люди решили поехать в Стокгольм, где надеялись добиться разрешения на проезд в Любек у шведского правительства. Несмотря на явную неблагосклонность шведских властей к этой затее, одному из новгородцев, по-видимому, удалось добиться своей цели: через Стокгольм он добрался до Любека и оттуда вернулся на родину через Ревель [15]. В начале следующего, 1650 г., Эберс сообщил своему правительству, что новгородский гость Семен Стоянов собирается испрашивать у шведских властей разрешение на вывоз за море в страны Западной Европы крупной партии шелка [16]. Представителей шведской администрации во всех этих случаях особенно пугало, что русские «явно почувствовали вкус к заморской торговле» [17].

По-видимому, в какой-то мере в том же плане надо рассматривать и неоднократно производившуюся русским правительством в середине и второй половине XVII в. отправку через шведские владения в страны Западной Европы русских торговых людей для продажи товаров, принадлежащих русской казне (в этих случаях устанавливалась официальная договоренность со шведскими властями о пропуске торговых людей через владения Швеции). Так, в 1632 г. был послан в Швецию, Данию и Голландию «московский немчин», купец Г. Фалдергей (Фандергей) [18] для продажи крупной партии казенного хлеба и икры [19]; в 1650 г. новгородские торговые люди П. Микляев и К. Харламов были посланы в Нарву, Ревель, Ригу, Любек и Гамбург для продажи принадлежащей казне большой партии шелка; по сведениям Эберса, в том же году русское правительство собиралось послать в Голландию московского немецкого купца Г. Келлермана для продажи казенного хлеба и шелка; в 1652 г. для продажи казенных мехов и для закупки для казны «узорочных товаров» были посланы через Ригу в Германию, Нидерланды и Италию московские немецкие купцы И. Лент и И. Гебдон [20] и т. д.

Эти факты тоже в какой-то мере говорят о том, что русская экономика во второй четверти и середине XVII в. стала ощущать необходимость в проведении торговых операций в заморских странах Западной Европы.

Правда, мы пока располагаем сведениями о торговых поездках и о попытках подобных поездок на Запад за пределы шведских

[15] *A. Soom.* Op. cit., S. 86.
[16] Ibidem; см. также *О. Л. Вайнштейн.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», Серия историч. наук, № 18. Л., 1951, стр. 176—177.
[17] Письмо эстляндского губернатора Э. Оксеншерна королеве Христине от 15 декабря 1649 г. см.: *A. Soom.* Op. cit., S. 86; см. также *О. Л. Вайнштейн.* Указ. соч., стр. 177.
[18] Фон дер Гейн?
[19] РШЭО, № 50.
[20] Там же, № 110, 120; *A. Soom.* Op. cit., S. 87.

владений лишь за ограниченное время — 40—50-е годы XVII в.[21] Без проведения дополнительных разысканий[22] трудно сказать, делались ли русскими торговыми людьми в 60—90-е годы XVII в. попытки совершить подобные поездки. Да такие попытки и не могли быть часты, ибо во всех упомянутых выше случаях они встречали решительное противодействие со стороны шведских властей[23].

Тем не менее и напугавшее шведскую администрацию стремление русских торговых людей в 40—50-е годы XVII в. совершать торговые поездки через Балтийское море за пределы шведских владений, и сам факт существования в течение трех четвертей XVII в. регулярной торговли русских людей в Стокгольме, по нашему мнению, свидетельствуют, что русское народное хозяйство уже достигло той степени развития, когда оно стало нуждаться в развертывании собственной активной морской торговли со странами Западной Европы. Русское народное хозяйство уже не могло удовлетворяться торговыми операциями с иноземными купцами, приезжающими в Россию и в ближайшие к русской границе порты.

Эта внутренняя потребность явилась одной из важных экономических предпосылок начатой в середине XVII в. и широко развернувшейся в начале XVIII в. борьбы России за возвращение выхода к Балтийскому морю[24].

[21] А. Соом сообщает, что в материалах шведских и прибалтийских архивов после 1650 г. им не обнаружено сведений о попытках русских торговых людей проехать через шведские владения на Запад (*A. Soom.* Op. cit., S. 87). Правда, Соом не уточняет, идет ли речь лишь о документации за период до 1656 г., охватываемый его книгой, или он подразумевает и документацию за последующие десятилетия.

[22] Притом разыскания надо производить в Стокгольмском архиве, ибо в русских архивах сведения по данному вопросу могли вообще не иметь никакого отражения.

[23] Так, русские торговые люди, которым в 1647 г. удалось проехать в Любек, были на обратном пути в Ревеле арестованы эстляндским губернатором Э. Оксеншерна. Шведское правительство, не желая обострять отношения с Русским государством, приказало Эрику Оксеншерна отпустить их на родину, строго предупредив, чтобы они не повторяли подобные запрещенные поездки. В 1649 г. шведские власти в Нарве и Ревеле не дали разрешения новгородским торговым людям поехать в Любек. Когда губернатору Э. Оксеншерна стало известно, что одному новгородцу все же удалось пробраться в Любек (по-видимому, через Стокгольм), и этот новгородец стал возвращаться на родину через Ревель, губернатор решил его арестовать (*A. Soom.* Op. cit., S. 85—86).

[24] В XVIII в., после Северной войны и возвращения России выхода к Балтике, русское купечество стало использовать открывшиеся перед ним возможности и развертывать активную торговлю в странах Западной Европы (*С. А. Покровский.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, стр. 80, 87—93, 123—124; *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 206—218; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая четверть XVIII в.» М., 1957, стр. 172—174 и др.).

ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИИ ВРЕМЕН СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

С. Л. Пештич

«Гистория Свейской войны», более известная в печатном издании под названием «Журнал или Поденная записка Петра Великого», оконченная к концу правления Петра I, была напечатана только в 1770 г. [1]

Это издание уже 200 лет является уникальным источником для изучения не только боевых действий русских вооруженных сил в годы Северной войны, но и гражданской истории. «Журнал или Поденную записку» привлекали многие поколения историков. В трудах Е. В. Тарле, С. А. Фейгиной, Л. А. Никифорова, а также в довольно многочисленных работах, вышедших к 250-летнему юбилею Полтавской победы, ссылки на издание, подготовленное М. М. Щербатовым, встречаются повсеместно.

Однако публикация, выполненная на уровне археографических требований XVIII в., не может удовлетворить современных исследователей. Не касаясь отдельных ошибок, допущенных при подготовке текста «Гистории» или «Журнала», отметим только два коренных недостатка издания: во-первых, оно не учитывало всех редакций рукописного фонда «Гистории Свейской войны», и, во-вторых, в нем не выделялись те многочисленные добавления, изменения и прочие результаты работы редакционного и авторского порядка, сделанные Петром I и его помощниками при составлении этого произведения.

Подавляющее большинство историков продолжает пользоваться этим некритическим изданием, не обращаясь к рукописям. Даже те редакционные и авторские поправки Петра I, которые уже давно были воспроизведены в литературе [2], как правило, не

[1] «Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 года, даже до Нейштатского мира. Напечатан с обретающихся в Кабинетской архиве списков, правленных собственною рукою его имп. величества», ч. 1—2. СПб., 1770—1772.

[2] Собственноручные поправки и приписки Петра I частично опубликованы: *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. I. СПб., 1858, стр. 318—322; т. IV, ч. 2. СПб., 1863, стр. 451—464; *Д. Ф. Масловский.* Записки по истории военного искусства в России, вып. 1, 1683—1772 гг. СПб., 1891. Приложение 1, стр. 1—23 (в отношении некоторых важных военных подробностей);

учитывались историками [3]. Десятки и сотни соображений, заметок и справок, сделанных лично Петром и его соратниками в «Гистории», их оценки важнейших исторических фактов или событий — это не мелочь. Определение авторства отдельных мест текста этого произведения имеет не только источниковедческое, но и историографическое значение [4].

В подборе материала для «Гистории Свейской войны» принимали участие видные деятели русского государства. Начальник Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский представил подробную записку о стрелецком бунте 1698 г., В. В. Долгорукий составил историческую записку о Булавинском восстании. В Преображенском приказе также была приготовлена выписка из дела об участниках Астраханского восстания. Широко использованы в «Гистории» материалы военачальников, их походные журналы и реляции. Б. П. Шереметев, М. М. Голицын, А. И. Репнин, Ф. М. Апраксин и многие другие прямо или косвенно участвовали в составлении истории Северной войны. Я. В. Брюс представлял сведения о состоянии артиллерии в разное время, генерал-полицмейстер А. М. Девиер — о первых строениях в Петербурге и Кронштадте. Использовались показания пленных шведских генералов, например Шлипенбаха — сведения о Карле XII после Нарвской битвы и о действиях его против Шереметева в Лифляндии, а также трофейная «Швецкая гистория».

Доля участия перечисленных и неупомянутых лиц была различна: одни представляли требуемые материалы, другие разыскивали их в делопроизводствах различных учреждений, третьи обрабатывали, четвертые использовали их непосредственно при составлении истории.

В основу «Гистории Свейской войны» были положены «Походные журналы Петра I», являющиеся хроникой современных событий, в составлении которой участвовал сам Петр. Очень широко привлекалось произведение Г. Гюйссена «Журнал государя Петра I» и отчасти «Историческое описание Северной войны с 1699 до 1721 г.» Л. Галларта.

Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.— Л., 1945, стр. 115—117 (о первых реформах в области культуры и о начале организации регулярного войска); «Материалы для истории Гангутской операции», вып. III. Пг., 1916; *А. З. Мышлаевский.* Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708—1714 гг. (Документы государственного архива). СПб., 1893, стр. 192—197, 232—259 и др. («экстракты» из «Журналов» и «Журналы» с правкой Петра I); см. также *С. Л. Пештич.* Русская историография XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 175, 188—189 и др.

[3] Такой же упрек источниковедческого характера можно сделать в отношении фундаментального издания «Писем и бумаг Петра Великого». Составители примечаний к документам Петра I, привлекая обширный материал для комментирования петровского текста, не учитывают редакционную и авторскую правку Петра I в рукописях «Гистории Свейской войны».

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отдел I, № 2 и 20, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9; см. подробнее *С. Л. Пештич.* Указ. соч., ч. 1, стр. 154—176.

Вся подготовительная работа по написанию первой редакции «Гистории» пришлась на долю статс-секретаря А. В. Макарова, которого С. М. Соловьев назвал «золотым пером Петра». Ему также принадлежало оформление последующих редакций с учетом всех замечаний, дополнений и изменений, сделанных главным редактором и его помощниками.

Петру, как автору, принадлежат десятки мест, написанных задолго до составления «Гистории Свейской войны»: в «Походных журналах» и «Реляциях» и свыше 250 поправок в ее тексте, начиная от двух-трех слов до нескольких строк и страниц. Если учесть, что основной текст истории составлялся постепенно, а в написании и редактировании ее участвовали многие (А. В. Макаров, П. П. Шафиров, Ф. Прокопович и др.), то правильней будет признать Петра (применяя нашу терминологию) главным редактором и одним из основных авторов этого произведения. Он не только намечал содержание работы, но и определял ее тематику и материалы.

Известно давно, какие высокие требования предъявлял Петр к ясности и доступности изложения документов и книг. Он лично составлял и редактировал важнейшие законодательные акты эпохи. Титаническая работа над ними хорошо прослеживается по публикации «Законодательные акты Петра I». Редакционная работа его над «Гисторией Свейской войны» многогранна, содержательна и поучительна. Петру, как правило, принадлежат стратегические и исторические оценки важнейших событий и обстановки. Он последовательно освещал или дополнял описание крупных дипломатических мероприятий. Наибольшее внимание Петр уделял верному освещению военных событий на суше и на море: походам, сражениям, осадам городов и крепостей. Вопросы военного искусства и тактики непрестанно привлекали его внимание. Сюжеты гражданской истории, связанные с преобразовательной деятельностью правительства, были изложены менее обстоятельно и подробно, хотя Петр и его соавторы стремились к полноте сообщения о самых разнообразных событиях новейшей истории России.

Петровские оценки факторов, имеющих стратегическое или историческое значение, привлекают лаконичностью, глубиной и выразительностью языка. Ограничимся некоторыми примерами.

Петр I, прекрасно понимая значение пропаганды боевого опыта, отбросив приглаженные оценки поражения при Нарве, данные историками-современниками, писал: «После разбития при Нарве полки в конфуции в свои границы пошли» (26; № 2, 12) [5]. При описании начала осады Нотебурга он, не стесняясь, указывал на недостатки боевой подготовки русских войск, которые «не гораздо искусны были в воинском деле» (57; № 2, 47 об.). Неудачу Шереметева при Мур-Мызе (лето 1705 г.) Петр объяснял многими

[5] Первая цифра означает страницу «Журнала или Поденной записки», вторая — номер рукописи Кабинета Петра I, третья — лист данной рукописи.

просчетами командования: отсутствием взаимодействия конницы с пехотой и пр.: «Сами своей потери виновны», так как русские войска действовали «старым обычаем» (120; № 2, 95).

Петр I вписал в «Гисторию» соображения, объясняющие обстоятельства скрытного перехода русских войск от Архангельска к Ладоге осенью 1702 г., который обеспечил внезапность нанесения удара по Нотебургу (54—55; № 2, 20—20 об.).

Значение взятия Нотебурга Петр выразил в такой формуле — «Тогда переименована сия крепость... ибо сим ключом отворились ворота в неприятельскую землю» (62; № 3, 38); взятие Ниеншанца и выхода в устье Невы — «...наипаче, что желаемая морская пристань получена» (71; № 2, 62); разгрома шведов при Лесной — «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому ж еще меньшим числом будучи перед неприятелем, и по истине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно одобрила, и мать Полтавской баталии, как одобрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла...» Далее следует указание на срок от 28 сентября до 27 июня (184; № 20, 155). В описании Гродненской операции Петром сделано несколько поправок и добавлений (126—129 и 135).

Особый интерес приобретают соображения Петра I о Совете в Жолкве (1706—1707 гг.), о котором сохранилось очень мало свидетельств. Совет должен был решить, «давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах». По словам Петра, на нем было принято решение: «Чтоб в Польше не давать понеже, ежели бы какое несчастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет: а в Польше на переправах, и партиями, также оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля» (157; № 2, 139). Историки нашего времени, воспроизводя это показание «Журнала или Поденной записки», не знают того, что данный текст принадлежит самому Петру I.

В таком же духе автор и редактор «Гистории» писал о Совете в Мериче (конец 1707 г.), «на котором положено, дабы пехоте наперед ити к своим границам, ежели неприятель наступать станет, а конницею его обезспокоивать и отступать позади» (161; № 2, 142 об.). В сообщение о конференции «О войне противу турков» (Ярославль, 1711 г.) Петр I добавил подробность о принятом решении отправить польского короля «в Померанию шведскую для атаки города Стральзунда, куда и российских войск часть дана» (333; № 2, 226 об.). В известии (декабрь 1712 г.) о посылке войск в помощь датскому королю Петр вписал рекомендацию: «Обождать давать баталию прежде случения», т. е. соединения с идущей поддержкой (370—371; № 3, 285).

Как известно, в исторической литературе вопрос о том, куда думал двинуться Карл XII, начав наступление на Россию, излагался

различно. Не касаясь литературы вопроса и разбора его по существу, только заметим, что соображение, читаемое в «Журнале или Поденной записке» о ложном марше Карла XII к Смоленску, принадлежит лично Петру (179; № 2, 161). При редактировании первого варианта «Гистории Свейской войны» Петр собственноручно вписал: «Сей неприятельский марш от Доброго за нами был не в прямом намерении на Смоленск, но для обмана, дабы нас от тех жестоких переправ отманя, самому легче в Украину вступить и соединиться с изменником Мазепою, как о том и генералы потом подлинно сказали». Последние слова в печатное издание «Журнала или Поденной записки» не вошли. Несколько ниже Петр признал, что этот ложный маневр шведов был удачен («...неприятель маршем обманул»). Авторитетность мнения Петра несомненна. Его можно принимать или нет, но не учитывать в современных исследованиях нельзя.

При анализе знаменитого Полтавского боя также невозможно обойти редакторские соображения Петра I. В основу описания Полтавской баталии составители «Гистории» положили произведение Гюйссена «Журнал государя Петра I», который в свою очередь использовал «Обстоятельную реляцию» о Полтавской битве и другие известные документы. Петр в описании событий 15—19 июня 1709 г. сделал интересные добавления, свидетельствующие о том, насколько русское командование тщательно и осторожно готовилось к генеральному бою с войсками Карла XII. Петр, редактируя первый вариант рукописи «Гистория Свейской войны», писал: «Между тем учинен воинский совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела), на котором положено, дабы опрошами ко оной приближаться даже до самого города» (210; № 2, 199). Только тогда, когда шведы предприняли контрмеры, не допустив русских оказать помощь осажденной Полтаве, когда положение Полтавы стало безнадежным, был учинен «Генеральный совет, на котором положено, что иного способа нет о выручке города, только что перейтить реку к неприятелю и дать главную баталию» (211; № 2, 199 об.).

После описания Полтавского боя Петр I, говоря о дальнейшем плане войны, сделал приписку, в которой сообщалось об указе, данном Шереметеву, «со всею пехотою и с частию кавалерии ити в Лифлянды для осады города Риги и прочих городов» (272; № 20, 191). Описание осады Риги было дополнено несколькими подробностями, в частности упоминанием о том, что шанец между Ригой и Динамюнде был сооружен «для отнятия водяной коммуникации от моря неприятелю» (276; № 20, 195 об.).

Много интересных дополнений встречаем в описании Гангутской операции — о необходимости быстрого захвата галерным флотом «Тверминд и Ангут, дабы неприятель не мог пресечь пути нашим провинантским судам до Абова» (429; № 3, 390 об.). Привлекает внимание соображение Петра о возможности решительной атаки шведской корабельной эскадры при Наргене. Петр считал,

что если бы на русском флоте «люди были на кораблях, то бы никоим образом неприятелю уйти было невозможно» (433; № 3, 394 об.). После победоносного Гангутского боя, как узнаем от Петра I, военный совет принял решение об окончании кампании 1714 г., «чтоб ити генеральному флоту... и неприятеля с Финляндских берегов выгнать, и Финляндиею всею овладеть» (446; № 3, 406 об.).

Инженерное обеспечение вооруженных сил и их снабжение находились в поле зрения Петра I как руководителя и полководца, так и редактора и автора «Гистории». Причина голода русских войск под Нарвой, по словам Петра I, заключалась в том, что «за великими грязьми провианта привозить было невозможно» (25; № 4, 36 об.). Он также напомнил о тяжелом продовольственном положении войска при осаде Выборга, которое имело хлеба только на 3 дня (264; № 20, 257).

Петр собственноручно написал, что антисанитарное состояние под Полтавой после боя заставило русских отвести свои войска в Решетиловку, так как «ради духу от мертвых тел и долговременного стояния двух армий великих далее стоять было невозможно» (240; № 2, 215); что ослабление русской армии после взятия Риги происходило не столько в результате «атаки», как от моровой язвы (311; № 20, 275). Он также счел необходимым собственноручно дополнить известие о трудностях перехода русской армии от Днестра: «У многих солдат идучи кровь гортанью от зною и жажды шла так, что от того падши померали, а иные отворением жилы спасались» (336; № 2, 230); об отсутствии хлеба во время марша: «Полки от Днестра не единого сухаря не имели, но питались скотом, присланным от молдавского господаря Дмитрия Кантемира» (344; № 2, 234 об.).

В том месте рукописи, где дано описание Прутского похода, которое Петр правил особенно тщательно, бросается в глаза текст, писанный его рукой, но не вошедший в «Гисторию». Останавливаясь на тяжелом положении окруженной армии, Петр было написал: «едва б не последовало сие как шведов при П...» (несомненно, Петр имел в виду Полтаву.— *С. П.*), но зачеркнул все, не считая, по-видимому, эту аналогию достаточно точной.

Составителям «Гистории Свейской войны» много пришлось потрудиться над уточнением количества войск воюющих сторон (Рукописи № 2, 4 и 7). В третьей редакции рукописи о количестве войск у шведского короля было сказано: «иные 12, иные более, а иные только 8000»; со ссылкой на «Швецкую гисторию» приводилась цифра 18 000. Петр против нее написал: «лутче на сем утверждена» (19; № 4, 20), а потери русских определил так: «При той осаде наших от голода померло в шанцах, и на бою побито, и потонуло — и от стужи и от голода погибло по дороге в Новгород около 5800 и до 6000». О потерях противника Петр писал: «Подлинно знать было за упадком нашим невозможно, а слух был, что около 3000» (27; № 2, 12).

Внимание к артиллерии также можно проследить на всем протяжении «Гистории». Петр собственноручно вносит в ее текст самые разнообразные сообщения: об указе «Чтоб собрать часть колоколов со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей для делания пушек и мортир» (28; № 2, 12); о роли артиллерии при Эрестфере (39—40; № 2, 18); о прибытии к Ниеншанцу артиллерии «водою на барках из Шлюсенбурга» (68; № 2, 56); о плохом качестве материальной части при взятии Нарвы в 1704 г. (87; № 2, 74); о роли артиллерии Кроншлота и кораблей при отражении атаки шведских фрегатов в 1705 г. (110; № 3, 75), о невозможности подвоза артиллерии для штурма Выборга из-за осенней распутицы и плохого состояния лошадей (149—150; № 2, 126 об.—127); о действиях против Кегсгольма, который было решено «только бомбардированием, а не формально атаковать, дабы людей даром не потратить» (316; № 20, 271 и 269); о возведении батарей на дамбах («дамах») в Голштинии (375; № 3, 306) и т. д., и т. п.

Приведенные примеры не исчерпали даже сотой доли той существенной работы по составлению и редактированию «Гистории», которую проделали Петр I и его соавторы и соредакторы. Но из них можно заключить, какого серьезного успеха в изучении истории России первой четверти XVIII в. сможет достигнуть наша историческая наука, если она получит в свое распоряжение научное издание «Гистории Свейской войны».

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ В XVIII В.

Г. А. Некрасов

Определение места России в системе европейских государств и ее роли в международных делах XVIII в. составляет одну из политически важных и научно-актуальных задач советской историографии. Эта сложная проблема имеет, однако, ряд неизученных аспектов теоретического, международно-правового и конкретно-исторического характера.

Прежде всего исследователь-международник невольно сталкивается с нечеткостью самих определений и понятий «великая держава» и «великодержавие» для XVIII в., представляющего переходный период от феодализма к капитализму. Условимся, что под «великими державами» для XVIII в. мы подразумеваем наиболее крупные европейские государства, игравшие ведущую роль в международных отношениях. Укажем также, что приобретение ранга великой державы находило тогда свое юридическое отражение в международных актах и соглашениях, официально признанных ведущими государствами Европы и содержащих определенные договоренности о титулатуре и этикете. Следовательно, признание императорского титула за русскими государями и признание России империей, означавшее признание новых территориальных границ России после Северной войны, которого столь упорно добивалась русская дипломатия от европейских и азиатских правительств (со времен Петра I), имеет непосредственное отношение к международно-правовому оформлению российского великодержавия.

Конкретно-исторические наблюдения над документами и материалами европейской политической истории (с момента заключения Ништадтского договора 1721 г.) позволяют подвести под понятие «великие державы» такие страны, как Англия, Франция, Австрия (империя) и Россия (великодержавие Пруссии оформилось позднее — в 40-х годах XVIII в.). Остальные государства тогдашней Европы в силу недостаточности своего военно-экономического и политического потенциала не могли обеспечить положения и престижа великой державы, хотя и не отказывались от подобных претензий, в частности Швеция [1].

[1] *В. Э. Грабарь.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647—1917). М., 1958, стр. 54, 81—83, 127—137.

В настоящей статье (в плане постановки вопроса) предпринимается попытка сосредоточить внимание исследователей на некоторых сторонах проблемы — выхода России на мировую арену в качестве великой державы XVIII в. Расчленив эту большую и сложную внешнеполитическую проблему, можно выявить и сформулировать ряд конкретных тем, подлежащих дальнейшему исследованию. Среди них мы должны назвать мало изученные в советской и зарубежной историографии вопросы о времени оформления России как великой державы, о ее роли в европейских международных делах и о характере ее внешней политики, столь откровенно фальсифицируемой многими современными буржуазными историками.

Как известно, одним из основных положений зарубежной реакционной историографии является ложный тезис об извечной «агрессивности» России, об ее экономической и политической «экспансии» и о «преемственности» советской внешней политикой «старых экспансионистских устремлений» царской России [2]. Войны в правления Петра I, Елизаветы Петровны, так же как и Екатерины II, характеризуются большинством иностранных буржуазных историков только как захватнические, агрессивные, при этом не делается ни малейшей попытки диалектически проанализировать социально-политический характер этих войн, вскрыть их классовый смысл и значение [3].

В частности, немецкие буржуазные историки, правильно констатирующие возрастание международного веса России после Полтавской победы (1709 г.), в то же время твердят о «русской агрессии» и об усилении «русской опасности». Так, Г. Дёррис говорит о «расслабляющем страхе всей Европы перед военным и политическим распространением русского великана» [4], а Э. Хассингер си-

[2] *G. von Rauch.* Zur Geschichte des russischen Handels und der kolonialen Expansion im 17. Jahrhundert.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 40, H. 2. Wiesbaden, 1953, S. 138; *он же.* Moskau und die europäischen Mächte des 17. Jahrhunderts.— «Historische Zeitschrift», Bd. 178, H. 1. München, 1954, S. 26, 27, 36—37, 45; *R. Wittram.* Das russische Imperium und sein Gestaltwandel.— «Historische Zeitschrift», Bd. 187, H. 3, 1958, S. 592; *H. von Rimscha.* Deutsch-russische Nachbarschaft bis zur russischen Revolution.— «Deutsch-russische Nachbarschaft». Hannover, 1959, S. 8, 10.

[3] *R. J. Kerner.* The Russian Eastward movement: some observations on its historical significance.— «Pacific historical review», Berkeley — Los Angeles, 1948, vol. 17, N 2, p. 135—148; *O. Halecki.* Imperialism in Slavic and East European history.— ASEER, N. Y., 1952, vol. XI, N 1, p. 14—17; *O. R. Martowych.* 800 Years of Russia's March to World Conquest. Edinburgh, 1953; *B. H. Sumner.* Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford, 1949; *W. G. F. Jackson.* Seven roads to Moscow. London, 1957 (N. Y., 1958); *W. Mediger.* Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrich des Grossen. Braunschweig, 1952, S. 613—616; *K. Zernack* Studien zu den schwedisch-russischen Beziehungen in der 2. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Teil I: Die diplomatischen Beziehungen zwischen Schweden und Moskau von 1675 bis 1689. Giessen, 1958, S. 147 u. a.

[4] *H. Doerris.* Peters des Grossen politische Beziehungen zu Danzig 1716/17 und die Begründung der russischen Agentur.— «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte», I, 1954.

лится представить Пруссию начала XVIII в. даже как «антагониста экспансионистских тенденций России и Швеции» [5].

Попытку грубого искажения международной роли России в XVIII в. предпринял и Г. Раух (ФРГ). «Проблема русской опасности с XVIII в. до настоящего времени,— утверждает он,— показывает, что европеизация... при Петре Великом ни в коей мере не должна была уменьшать эту угрозу». Г. Раух пытается убедить читателя, что многовековая борьба Русского государства за выход к Балтике в XVI—XVIII вв. и восстановление здесь своих былых позиций была «экспансией», так как Россия якобы не имела на эту территорию прав, а кроме того, и не нуждалась в ней для развития своей экономики [6]. Западногерманский историк И. Пауль, также оспаривающий права России на Восточную Прибалтику и рассматривающий «прибалтийское пространство» как важнейшую немецкую территорию, утверждает, что Россия и Польша являются якобы «чуждыми Балтике державами» [7].

Выход России на мировую арену, превращение ее в великую державу и ее роль в европейской политике XVIII в. еще слабо и с большими лакунами изучены в советской исторической науке; нет специальных работ, посвященных данным вопросам [8]. Советские историки полагают, что важнейшим фактором развития международных отношений XVIII в. явилось выдвижение России в ранг великой державы и ее участие в крупных событиях европей-

[5] *E. Hassinger.* Brandenburg — Preussen, Schweden und Russland, 1700—1713. München, 1953, S. 5.

[6] *G. von Rauch.* Moskau und die europaïschen Mächte des 17. Jahrhunderts, S. 26, 27, 36—37, 45.

[7] *J. Paul.* Europa im Ostseeraum. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1961, S. 62, 91.

[8] *В. Э. Грабарь.* Указ. соч.; *Г. А. Некрасов.* В. И. Ленин о соотношении войны и политики и проблемы внешнеполитической истории России XVII—XVIII вв.— «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970, стр. 312—320; *А. В. Предтеченский.* Полтавский бой в освещении современников-иностранцев.— «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского», т. 5, Ист. фак-т, вып. 1. Л., 1940, стр. 55—69; *Б. С. Тельпуховский.* Северная война. М., 1946; *Т. К. Крылова.* Полтавская победа и русская дипломатия.— «Петр Великий». М.— Л., 1947; *Х. Сорина.* Аландский конгресс.— «Вопросы истории», 1947, № 6; *Б. Ф. Поршнев.* К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV—XVIII вв.— «Ученые записки Академии общественных наук», вып. 2. М., 1949; *Е. В. Тарле.* Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949; *он же.* Северная война и шведское нашествие на Россию.— Собр. соч., т. X. М., 1959; *А. В. Фадеев.* О характере внешней политики царизма во второй половине XVIII в.— «Преподавание истории в школе», 1956, № 3, стр. 36—44; *С. А. Фейгина.* Аландский конгресс. М., 1959; *она же.* Полтавская битва и зарубежная общественно-политическая мысль.— «Полтавская победа». М., 1959; *Л. А. Никифоров.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; *он же.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950; *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964; *Е. И. Дружинина.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; *О. П. Маркова.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; *А. М. Станиславская.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807). М., 1962.

ской истории. Время фактического формирования российского великодержавия наши исследователи относят ко второй половине Северной войны 1700—1721 гг., подчеркивая, что Полтавская победа 1709 г. высоко подняла политический престиж России за границей и побудила европейскую дипломатию считаться с ее возрастающей ролью в международных делах. Начало же юридического оформления российского великодержавия связывается с окончанием Северной войны, в результате которой была присоединена Восточная Прибалтика; Русское государство превратилось в великую континентальную и морскую державу, получившую название «Российская империя». Юридическое признание иностранными государствами императорского титула за русскими царями и новой «империи» затянулось на целое полустолетие (1722—1774 гг.).

При ознакомлении с зарубежной буржуазной историографией по истории России XVIII в. сразу бросается в глаза ее тесная связь с актуальными проблемами современности. Буржуазных историков, в частности, интересует проблема исторической миссии России, ее места в системе европейских и восточных государств, проблема взаимоотношений «Востока» и «Запада», роли иностранцев в истории России и пр. В зарубежной историографии наблюдается при этом разнобой во взглядах по вопросу о времени превращения России в великую державу. Если ряд историков справедливо относит данное явление к годам правления Петра I, то другие исследователи приурочивают его к более позднему времени — к царствованиям Елизаветы Петровны или Екатерины II. Например, немецкий буржуазный историк Г. Дёррис рассматривает правление Петра I как время «вторжения» России в Европу [9], а Р. Виттрам (ФРГ) — как переход России в «Европу нового времени» [10]. Сходной точки зрения придерживаются английские историки Б. Сэмнер и М. Андерсон, подчеркивающие, что Россия при Петре I включилась в сферу «большой европейской политики» и на протяжении XVIII в. развивала интенсивные политические и экономические отношения с ведущими странами Западной Европы [11]. При выяснении причин этого усиления России ряд зарубежных историков, однако, преувеличивает роль иностранцев и иностранных влияний в ее развитии [12].

[9] *H. Doerris.* Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peter des Grossen. Königsberg — Berlin, 1939.

[10] *R. Wittram.* Peter der Grosse. Der Eintritt Russlands in die Neuzeit. Berlin — Göttingen — Heidelberg, 1954, S. 82, 95; *он же.* Peter I. Czar und Kaiser. Peter der Grosse in seiner Zeit, Bd. II. Göttingen, 1964, S. 5—6, 480, 503.

[11] *B. H. Sumner.* Op. cit.; *M. S. Anderson.* Britain's Discovery of Russia. 1553—1815. London, 1958.

[12] *R. Wittram.* Peter der Grosse, S. 95—96; *A. Lipski.* A Re-examination of the «Dark Era» of Anna Joannovna.— ASEER, 1956, vol. XV, N 4, p. 477—488; *он же.* Some Aspects of Russia's Westernization During the Reign of Anna Joannovna. 1730—1740.— ASEER, 1959, vol. XVII, N. 1, p. 1—11; *B. O'Brien.* Ivan Pososhkov: Russian Critic of Mercantilist Principles.— ASEER, 1955, vol. XIV, N 4, p. 506; *H. Rogger.* National Consciousness in Russia in XVII c. Cambridge — Mass., 1960.

Западногерманские историки К. Руффман и В. Медигер относят усиление международного престижа России уже к 40-м годам XVIII в. К. Руффман усматривает это усиление в повышении в то время ранга британских послов при царском дворе [13], а В. Медигер — в переходе России в канцлерство А. П. Бестужева-Рюмина (1744—1758 гг.) к «агрессивному» курсу, открывшему, по его мнению, новую эру во внешней политике России [14]. В последнем утверждении нетрудно увидеть оправдание агрессивных устремлений Пруссии, против которых и была направлена политика России при А. П. Бестужеве-Рюмине.

Некоторые зарубежные историки принижают роль России в международных делах первой половины XVIII в., ошибочно отодвигая формирование российского великодержавия на вторую половину XVIII в. Так, французский историк В. Тапье относит процесс превращения России в великую державу на время царствования Екатерины II [15]. С этой точкой зрения перекликается мнение шведского историка О. Егершельда, утверждающего, что Россия «как действительно великая европейская держава выступила только в правление Екатерины II» [16].

Российское великодержавие основывалось на предпосылках и факторах как внутреннего (экономического и социально-политического), так и внешнего (международного) характера.

Преобразования первой четверти XVIII в. превратили Россию в мощную в экономическом и военно-политическом отношении страну с развитой металлургической и текстильной мануфактурной промышленностью [17]. Новая регулярная армия и молодой, но уже достаточно сильный Балтийский флот явились орудиями достижения внешнеполитических целей [18]. Благоприятная международная

[13] *K. H. Ruffman.* Die diplomatische Vertretung Grossbritaniens an Zarenhof im 18. Jahrhundert.— «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. 2, H. 4. München, 1954, S. 414.

[14] *W. Mediger.* Moskaus Weg nach Europa, S. 613.

[15] См. предисловие В. Тапье в книге: *F. Ley.* Le Maréchal de Münnich et la Russie au XVIII-e siècle. Paris, 1959, p. 2.

[16] *O. Jägerskiöld.* Den svenska utrikespolitikens historia, 1721—1792, Bd. II: 2. Stockholm, 1957, s. 17.

[17] Социально-экономическая база, способствовавшая созданию российского великодержавия, исследована в работах Б. Б. Кафенгауза, Е. И. Заозерской, Н. И. Павленко, Л. Г. Бескровного, Н. Л. Рубинштейна, П. К. Алефиренко, Е. И. Индовой, Ю. Р. Клокмана, С. М. Троицкого и др. См. также «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964; *П. А. Хромов.* Экономическое развитие России. М., 1967.

[18] См. *Е. В. Тарле.* Русский флот и внешняя политика Петра I; *Е. И. Порфирьев* Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952; *А. А. Строков.* История военного искусства, т. I, М., 1955; *Л. Г. Бескровный.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; *Г. А. Некрасов.* Новые источники о численности и корабельном составе русского Балтийского флота в 1715—1725 гг.— Сб. «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961; *он же.* Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в.— Сб. «Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века». М., 1969.

обстановка Северной войны, а также успешная деятельность русской дипломатии, искусно закреплявшей военные победы и стремившейся расстроить замыслы противников, способствовали реализации русских внешнеполитических планов на Балтике, в Центральной и Западной Европе [19].

Напомним, что господство Швеции на Балтийском море в XVII в. тормозило экономическое и политическое развитие России. Политический барьер в виде шведских прибалтийских владений и экономический барьер из прибалтийско-немецкого и шведского купечества препятствовали прямой связи России с Западом. Даже Г. Раух не отрицает стремления Швеции в XVII в. не допустить русскую торговлю через ее балтийские провинции [20].

Особенности географического положения Прибалтики — в зоне непосредственных контактов Восточной и Западной Европы, у побережья важного в хозяйственном и стратегическом отношении Балтийского моря — продиктовали жизненную необходимость для России приобретения балтийских портов. Данное обстоятельство понудило ее силой оружия преодолеть антирусский барьер в лице феодальной Швеции и таким образом открыть широкие возможности для экономического, политического и культурного развития Российского государства. Уже с начала XVIII в. в экономике восточного побережья Балтийского моря решающую роль стала играть Россия. А после победы под Полтавой и с завоеванием Риги и Ревеля (Таллина) международный престиж России неизмеримо возрос [21].

По Ништадтскому мирному договору 1721 г. Россия получила выход в Балтийское море, возвратила Ингрию, закрепила за собой Лифляндию с (Ригой), Эстляндию (с Ревелем и Нарвой), Западную Карелию (с Кексгольмом) и ряд островов в Балтийском море. Присоединение восточноприбалтийских земель имело для России серьезные экономические и политические последствия. С одной стороны, оно открыло ей непосредственный выход на мировые торговые пути, что способствовало усилению международного обмена, в котором были заинтересованы и Россия и ее западные партнеры. С другой стороны, обладание Прибалтикой обеспечило за Россией господствующее положение на Балтийском море и на всем северо-востоке Европы. Все вышеперечисленные факторы привели к росту удельного веса и внешнеполитического влияния России на международной арене и послужили важным обоснованием для закрепления за нею ранга великой державы.

[19] *Л. А. Никифоров.* Внешняя политика России..., стр. 485—488; *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения..., стр. 45—47; *M. S. Anderson.* English Views of Russia in the Age of Peter the Great.— ASEER, 1954, vol. XIII, N 2, p. 200—214.

[20] *G. von Rauch.* Zur Geschichte des russischen Handels und der kolonialen Expansion im 17. Jahrhundert, S. 120.

[21] «Письма и бумаги императора Петра Великого», т. IX (вып. 1—2), X, XI (вып. 1—2), XII. М., 1950—1964; *С. А. Фейгина.* Полтавская битва..., стр. 174—178, 181.

Отечественные современники высоко оценили значение Ништадтского мира. В октябре 1721 г. Сенат преподнес Петру I титул императора всероссийского и Петра Великого. Императорский титул указывал на более высокий ранг русского монарха по сравнению с королем, царем. Этим актом подчеркивалось возросшее значение России в международных делах. Однако юридическое признание Российской империи на международной арене, как отмечалось выше, затянулось надолго: европейские державы не хотели мириться с русскими завоеваниями в Восточной Прибалтике [22]. В дипломатических инструкциях русским послам и посланникам (вслед за подписанием Ништадтского договора) вменялось в обязанность вести борьбу за признание императорского титула правительством данной страны. За границей (в частности, в Германии) появился ряд публицистических сочинений, доказывавших необоснованность притязаний русского царя [23].

Русское правительство стремилось к признанию императорского титула в особенности со стороны австрийского («римского») императора. В инструкции графу А. Г. Головкину на Суассонский конгресс (1728 г.), на котором Россия намеревалась добиться европейских гарантий своих территорий, говорилось, что «его императорское величество в церемониале излишняго ничего не требует, но, кроме цесаря Римскаго, никому из коронованных глав первенства уступить не может» [24].

Императорский титул давался иностранными правительствами неохотно и под большим нажимом. Подчас они предъявляли за этот акт требование удовлетворения своих особых претензий, ущемлявших интересы России. Например, Швеция потребовала территориальных уступок — передачи ей Виролакского залива и части земель около Кексгольма (при пограничном разграничении в Финляндии по Ништадтскому трактату) [25], Англия — подписания выгодного для нее торгового договора с Россией [26], Турция — уступки Архипелагских островов [27]. Русское правительство решительно отвергло территориальные претензии Швеции и Турции, но с Англией все-таки было вынуждено подписать торговый договор 1734 г. [28], продленный затем по союзному трактату в 1742 г.

[22] *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения..., стр. 116, 119, 224; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая четверть XVIII в.». М., 1957, стр. 326.

[23] *В. Э. Грабарь* Указ. соч., стр. 54.

[24] *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций..., т. XIII. СПб., 1902, стр. 42.

[25] АВПР, ф. Сношения России со Швецией, 1722 г., д. 6, лл. 63, 68—69, реляции М. П. Бестужева от 25 июня и 11 июля 1723 г.; д. 4, лл. 17—18, 33—42, рескрипты М. П. Бестужеву от 22 июня и 29 августа 1722 г.; *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения..., стр. 116.

[26] *В. Э. Грабарь.* Указ. соч., стр. 81.

[27] *Е. И. Дружинина.* Указ. соч., стр. 225.

[28] *П. А. Остроухов.* Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914; «Очерки истории СССР. Период феодализма. Вторая четверть XVIII в.», стр. 363, 409.

Раньше всего признали Россию империей Пруссия и Голландия в 1722 г., Швеция — в 1723 г.[29], Дания — в 1724 г.[30], Турция — в 1741 г. (окончательно в 1774 г.)[31], Англия — в 1742 г., Австрия — в 1742 г. (окончательно в 1746 г.)[32], Франция — в 1744 г., Испания — в 1745 г. и позднее всего Польша — в 1764 г.[33]

Признание императорского титула за русскими царями способствовало упрочению внешнеполитического престижа и значения Российской империи и свидетельствовало о ее возросшем международном авторитете. Европейские правительства были вынуждены считаться с этой обширной и могущественной империей и искать политического общения с нею через посредство системы союзов и всевозможного рода переговоры. Взаимное влияние России и Запада стало постоянным фактором. И если на отдельных этапах развития взаимоотношений России с иностранными державами иногда в XVIII в. уменьшалась ее роль на международной арене, то эти колебания политической ситуации не вносили принципиальных, качественных изменений в положение России как великой державы.

[29] *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения..., стр. 108, 116, 119, 121.
[30] Там же, стр. 224, 227.
[31] ПСЗ, т. XI, № 8435, стр. 479—480; *Т. Юзефович.* Договоры России с Востоком. СПб., 1869, стр. IV; *Е. И. Дружинина.* Указ. соч., стр. 135—136, 217, 220, 224—225, 279, 302, 351, 352.
[32] См. статью А. В. Флоровского в настоящем сборнике.
[33] *В. Э. Грабарь.* Указ. соч., стр. 82—83, 128—129.

СТРАНИЦА ИСТОРИИ РУССКО-АВСТРИЙСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII В.

А. В. Флоровский

Когда 22 октября 1721 г., после подписания Ништадтского мира со шведами, Сенат поднес царю Петру I титул императора всероссийского, он выражал не суетное тщеславие и праздное самомнение победителя над врагом, но учитывал и оформлял новые реальные обстоятельства русской политической жизни и международно-политического положения России: «Перетерпев судеб удары, окрепла Русь». За годы Северной войны Россия вступила в новый этап мирового прогресса, заняв в истории Европы, и не только Европы, видное место. В 1713 г. русское правительство признало нужным добиваться общего обозначения русского государства, особенно в печати, именем Российского, а не прежнего Московского [1].

Россия достигла своей цели далеко не сразу и не без длительных споров, настойчивых усилий и выдержки. Этот процесс постепенного признания за Россией нового международно-правового положения представляет существенный интерес, по нему можно проследить, как нелегко было преодолеть старые нормы международно-правовых понятий и отношений и как трудно было России получить формальное признание своего бесспорного возвышения, достигнутого напряжением всех средств великой страны. Нужно иметь в виду, что применение термина «империя» к России и в допетровские времена не было редкостью. Так не раз на некоторых европейских картах (например, 1516 г.) обозначалось еще Московское государство, так нередко называли московского государя и в Англии, и в Турции, и в Испании еще в XVI и XVII вв.; употребление вышеуказанного термина применительно к России мы найдем и в произведениях Шекспира, Мильтона и др. [2]

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, т. IX. М., 1963, стр. 338; «Архив Куракина», т. IX. СПб., 1901, стр. 121; ср. *H. Doerris.* Russlands Eindringen in Europa in der Epoche Peter des Grossen. Königsberg — Berlin, 1939, S. 40, Anm. 113; *D. Geyer.* Peter I und St.-Petersburg.— JfGO, Bd. 10. München, 1962, S. 198; *R. Wittram.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964, Bd. I, S. 18; Bd. II, S. 260, 569.

[2] Подробнее см. *K. H. Ruffmann.* England und der russische Zaren- und Kaisertitel.— JfGO, N. F., 1955, Bd. III/3, S. 217—224. Подробные справки об английской практике XV—XVIII вв. см.: Венский государственный архив (далее — ВГА), Россика, 1722 г., XIIa/1, лл. 312—315.

Однако подобная политическая и литературная практика не имела под собой формальной основы, и как только в 1721 г. императорский титул был официально присвоен Петру I, в Англии было проявлено нежелание признать его.

Особенно интересно, конечно, отношение к данной проблеме той европейской державы, которая сама носила обозначение империи, т. е. Священной Римской империи, представленной тогда императором Карлом VI, монархом австрийским. Как известно, венский двор признал императорский титул за Россией только в 1746 г. Четверть века Вена уклонялась от этого, причем наиболее остро этот вопрос стоял в отношениях между Веной и Петербургом в 1721 г. и последующие годы, еще при жизни Петра Великого.

Напомним, что вопрос о титуловании русского царя занимал внимание венского двора уже издавна. Только после долгих споров Вена в конце XVII в. согласилась допустить обозначение царя термином «величество» в актах и выступлениях, исходивших не от особы императора, который в актах за своей печатью и подписью продолжал называть царя лишь «Serenitas». Венский двор выразил недовольство применением титула «император» в отношении царя и в обращенных к имперской власти русских актах и меморандумах, что имело место, например, уже в 1709 г. в заявлениях посла Урбиха [3]. В 1710 г. имперский посол в России генерал Велчек сообщал в Вену, что руководители русской дипломатии Головкин и Шафиров с угрозами домогались от Вены признания титула «Majestasu. Kayser». Велчка возмущало, что эта нация в связи со своими успехами и военным счастьем заходит так далеко, что хочет равняться если не с самим императором, то по крайней мере с королями Испании и Франции [4]. Между тем царь Петр хорошо понимал, что не встретит особой охоты признать за ним новый титул, и не настаивал на нем [5]. Вена твердо стояла тогда на признании невозможности внести какие-либо изменения в принятую практику титулования.

Венский двор, однако, вновь и вновь должен был возвращаться к этому больному вопросу. Это стало неизбежным особенно в 1718 г., когда 10 мая в Москве было выпущено издание (и по-немецки и в русском переводе) грамоты императора Максимилиана I 1514 г. с наименованием московского великого князя Васи-

[3] ВГА, 1709 г., лл. 56—57, § 2, протокол конференции 30.VIII 1709 г.; лл. 65—76, инструкция послу Велчку от 9.X 1709 г.

[4] Донесение Велчка 10/21.XI 1710 г. (ВГА, 1710 г., 21, лл. 147—150, 139—146); ср. 16/27.VII 1710 г. (ВГА, 1710 г. (июль—декабрь), лл. 9 и сл., 135 (§ 5), 22—31);28.VII (8.VIII) и 14/25.VIII 1710 г. (лл. 71—78, 80, 88—89); 16/27.VIII (лл. 98, 102—109); 16/27.IX 1710 г. (лл. 136—137); ср. Сб. РИО, т. 61, стр. 4; *С. М. Соловьев.* Указ. соч., т. IX, стр. 92.

[5] Ср., например, договор с Августом II в Ярославле 30 мая 1711 г., § 14 («Письма и бумаги императора Петра Великого», т. XI, вып. 1. М., 1962, стр. 261; *Т. К. Крылова.* Гузумские переговоры о северном мире...— «Полтавская победа». М., 1959, стр. 196 и др.).

новича «Kayser allen Reussen» [6]. Эта маленькая брошюрка на пяти страницах была тогда же официально вручена венскому двору. Хотя в кратком предисловии к тексту грамоты было отмечено, что она интересна прежде всего потому, что «оная вещь древняя и куриозная», однако особо оговорено было и самое признание императором римским за русским монархом «ко утверждению беспрекословному того высокого достоинства цесаря Всероссийского». Еще до издания грамоты ее показали иностранным послам, ганноверскому резиденту Веберу [7], императорскому резиденту Плейеру [8] и др. Да и царь весной 1718 г. прямо заявил, что этот акт дает ему бесспорное право (gutes Recht) на титул [9], хотя, как Шафиров объяснял Плейеру, царь по своей великой скромности и умеренности не хочет настаивать и причинить какой-либо ущерб императору и иным державам [10]. Действительно, при вручении экземпляра издания правительству в Вене русский представитель Ланчинский не заявил никаких притязаний [11].

Венский двор, однако, тотчас же принял меры для проверки весьма для него подозрительного текста. Увы, в венских архивах тогда не нашли материала о подписании подобного акта, и это сразу же дало основание усомниться в его подлинности [12]. Видно, искали плохо, ибо в середине XIX в. известный венский историк и архивист Фидлер обнаружил в венском же архиве весьма ценные документы, которые полностью осветили всю историю этой грамоты, написанной и сформулированной под влиянием московских настояний и поэтому получившей ради успеха переговоров с Россией несколько неожиданный и необычный текст и характер [13]. Призванные к анализу грамоты венские эксперты-археографы начала XVIII в. в специальном трактате разобрали все особенности языка и формы грамоты по ее русскому изданию 1718 г.

[6] *Т. А. Быкова, М. М. Гуревич.* Описание изданий гражданской печати 1708—1725. М.— Л., 1955, стр. 234—235, 489; *A. Florovskij.* Zu einigen russischen Drucken in deutscher Sprache aus der Zeit Peters I.— «Zeitschrift für Slawistik», Bd. V, Heft 2. Berlin, 1960, S. 220 ff.

[7] *E. Herrmann.* Zeitgenössische Berichte, Bd. II. Leipzig, 1880, S. 141, донесение 6.V 1718 г. Вебер позже опубликовал грамоту в своей книге «Das veränderte Russland» (Frankfurt, 1721, S. 356—360, N 438).

[8] Донесение Плейера 9.V 1718 г. (ВГА, 10 II/2, лл. 15—20, 21—28); ср. письмо Петра I Куракину 26.V 1718 г. («Архив Куракина», т. III. СПб., 1892, стр. 70—71).

[9] Донесение Плейера 20.V 1718 г. (ВГА, 10 II/2, лл. 38—42, 33—36).

[10] Донесение 10.VI 1718 г. (ВГА, 10 II/2, лл. 68 и сл., 76—79; 10 II/C, лл. 10—15, § 3); ср. и заявление царя Веберу (*E. Herrmann.* Op. cit., Bd. II, S. 141).

[11] «Absque ulteriore petito ad notitiam tantum» — помечено на этом экземпляре в Венском архиве; ср. *Н. Н. Бантыш-Каменский* Обзор внешних сношений России, ч. I. М., 1894, стр. 48—49.

[12] Ср. записку секретаря конференции министров Дольберга 6.VII 1718 г. (ВГА, 10 II/C, л. 14) и записку «ex archivio Imperiali aulico», 7.VII 1718 г. (л. 76).

[13] *I. Fiedler.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I und Vasilij Ivanovič etc. von dem Jahre 1514.— «Sitzungsberichte der Wiener Akademie», Bd. 43. Wien, 1863; подробнее см.: *H. Uebersberger.* Öesterreich und Russland seit dem Ende der 15. Jahrhundert, Bd. I. Wien — Leipzig, 1906, S. 74—96; *I. Mattis.* Kaiser

и пришли к заключению, что это явный подлог, что грамота едва ли не плод выдумки какого-то невежественного в области истории и дипломатии или полуграмотного (в немецкой речи) русского канцеляриста, или же какого-либо немца, живущего где-либо в Сибири и еще не совсем забывшего правильный немецкий язык [14]. Во всяком случае эксперты решительно отрицали самую возможность подписания подобной (по-немецки, не по-латыни!) грамоты императором, к актам которого якобы никогда не прикладывались и такие золотые печати — буллы, разве что к грамотам, направленным к туркам или татарам, а царь, как государь христианский, вряд ли согласился бы на такое его уравнение [15]. Эта записка [16] получила широкое подтверждение в ряде ученых брошюр, вышедших в свет в 1721 и последующих годах, разных авторов, имевших перед собой все то же русское издание грамоты 1514 г. [17] Только единичные исследователи выступили тогда в защиту права царя на титул императора и подлинности грамоты 1514 г. [18] Не забудем, что на эту грамоту уже в XVI и XVII вв. Москва не раз ссылалась при своих политических спорах (1554, 1618, 1661 и др.).

Когда в 1721 г. после восстановления дружественных отношений между венским и русским дворами в Россию был направлен имперским послом С. В. Кинский, ему поручалось по возможности

Maximilians I. Östliche Politik hauptsächlich in den Jahren 1511—1515.— «Jahresbericht des Kaiserlichen Staatsgymnasiums zu Leoben, 1913—1914». Leoben, 1914, S. 28. Об общей политической обстановке момента выдачи этой грамоты см.: *В. Бауер.* Сношения России с германским императором в конце XV и начале XVI столетия.— ЖМНП. 1870, март, стр. 55—93; *Е. И. Кашпровский.* Борьба Василия III Ивановича с Сигизмундом I Казимировичем из-за обладания Смоленском (1507—1522). Нежин, 1899; *Е. Ф. Шмурло.* Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с папским престолом 1462—1528 гг.— «Записки Русского исторического общества в Праге», кн. 3. Прага — Нарва, 1937, стр. 103 и сл.

[14] Любопытно, что сам Петр признавался, что никогда еще не встречал столь скверный стиль и язык. Донесение Плейера 9.V 1718 г. (ВГА, 10 II/2, лл. 15—20, 21 и сл.).

[15] Чрезвычайно интересно, что однажды Шафиров подчеркнул, что царь уж никак не хотел бы быть «императором» в Азии, но предпочел бы быть адмиралом какой-либо державы (*R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 252, 567).

[16] Заключение эксперта (имени его мы не знаем) в 45 параграфов имеет заглавие «Lapis Lydius oder Probier-Stein, auf welchen der Antwort einen unter folgenden Titl in dem Druck herausgegebenen Moskowitisch der vermüthigen und geherten Welt zum unpartheilichen Urteil vorgestellt wird» (ВГА, 10 II/C, лл. 53—99); ср. подобные же отрицательные и скептические справки, присланные в Вену из Брауншвейга (ВГА, XIIa/1, лл. 4, 7) и из Гамбурга (л. 118, донесение 7.II 1722 г.).

[17] Список грамоты см.: *П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 430; *Р. И. Минцлов.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872, стр. 395—398; ср. *H. Doerris.* Op. cit,. S. 149. Сводку разногласий по вопросу о грамоте см.: *J. Rousset.* Les intérêts présens et les prétensions des puissances de l'Europe. La Haye, 1736, p. 179.

[18] Имею в виду работу Я. Б. Бунлинга «Bestand des russischen Kaiser-Titels...». Riga, 1724; ср. *Р. И. Минцлов.* Указ. соч., стр. 396—397.

делать вид, что он ничего об этой грамоте не знает, и уклоняться от обсуждения вопроса о титуле, пользуясь в сношениях с царем и русским двором выражениями и оборотами «nach dem Genio des Herres, wo man ist». Однако Кинскому едва не в первые же недели пришлось столкнуться с этим делом, ибо вскоре по приезде в его руках оказался печатный текст речи канцлера Головкина от 22 октября 1721 г. о поднесении царю титула императора, с подчеркнутыми словами «totius Russiae imperator Petrus Magnus» [19]. Не удивительно, что Кинскому пришлось не раз вступать в объяснения по этому вопросу. Русский посол в Вене Ланчинский лично доложил императору о принятии царем нового титула и испрашивал его признания и усвоения. В Вене это заявление казалось крайне странным и по форме и по существу, и на него император Карл VI ответил послу устно, как обычно делал в трудных случаях, совершенно невнятно и неотчетливо [20].

Кинский в России сначала сомневался, чтобы царь мог высказать подобное пожелание и императору [21]. Однако 15 ноября 1721 г. ему пришлось уже выслушать требование о признании титула. При разговоре с Шафировым и другими Кинский сослался на то, что грамота 1514 г. не может играть никакой роли, ибо в венском архиве не найдено подтверждения ее выдачи. Это вызвало со стороны Шафирова большое раздражение, он подчеркивал, что император ведь применяет в отношении царя слово «автократор», что якобы по-гречески и означает «цесарь». Кинский вступил в филологический спор и доказывал неправильность подобного перевода, но едва ли убедил в этом русских [22]; он считал, что русские якобы чересчур заносчивы и возгордились после подписания Ништадтского мира.

Для имперской стороны создавалось довольно трудное и неудобное положение. Кинский был послан в Россию для налаживания с ней дружественных отношений и, может быть, заключения союза между Веной и Петербургом. Между тем на пути к этим целям возникло, помимо иных, и это нелегкое препятствие. Венский двор жил в мире традиционно устоявшихся понятий об иерархии держав и их государей. С точки зрения Вены в Европе мог существовать лишь один император Священной Римской империи, сидевший в Вене. Именно ему принадлежала роль универсального

[19] Доклад конференции 24.IV 1721 г. (ВГА, XI/3, лл. 32 и сл., §§ 5 и 21; лл. 102 и сл., §§ 10—11; л. 279; *R. Wittram.* Op. cit., Bd. II S. 469 u. a.).

[20] «Extractus actorum» 28.III 1722 г. (ВГА, XIIa/1, л. 176 — «in re et modo gantz fremde»; *С. М. Соловьев.* Указ. соч., т. IX, стр. 322, донесение Ланчинского; *R. Wittram.* Op. cit., Bd. II, S. 607—609).

[21] См. ВГА, XI/3, лл. 288—289.

[22] Донесение 17.XI 1721 г. (ВГА, XI/3, лл. 194 и сл.). Любопытно, что в брошюре 1711 г. с текстом объявления Петра I о разрыве с Турцией слово «автократор» действительно переводится «Imperator» (*Р. И. Минцлов.* Указ. соч., стр. 318—319, № 15), ср. и в беседе Шафирова и Кинского с Кампредоном (Сб. РИО, т. 40, стр. 298 и сл.; т. 49, стр. 19, 39—40).

главы христианского европейского света. Признание русского царя императором было бы недопустимым нарушением этой идеи универсальности Римской империи. Она могла признавать и утверждать титулы и достоинства королей (как признала королем государя Пруссии в 1700 г.), но не могла допустить возникновения новой империи в пределах европейской системы государств. Вена применяла титул императора в отношении некоторых восточных монархий, что не имело отношения к уравнению их в правах с Римской империей в рамках христианского света.

Эти общие предпосылки и были положены в основание решения венского правительства, принятого конференцией министров 11 декабря 1721 г. и полностью одобренного Карлом VI. Министры не находили слов для характеристики русского притязания, называя его и необычным, и удивительным, и совершенно чуждым, и неслыханным, и вредоносным новшеством и т. д. Они признавали вопрос об этом выходящим за пределы власти самого императора и считали его подлежавшим решению всей Европы или хотя бы всех сословий империи — ее курфюрстов. Без их единогласного решения этот «аффектированный» титул императора России, или Рутенов, окажется недействительным (unthunlich), поскольку вся Европа признавала и признает лишь одного императора (наряду с ним правда, и императора восточнотурецкого) [23]. В случае уступки России о праве на подобный титул заговорят и иные «потентаты» и единое тело христианства, наивысшим главой которого является римский император, получит две или более глав, и это поведет к падению императорской исключительности (praecipui) и первенства. Пусть Франция, Англия и Венеция (а на их пример ссылались в России) по особым соображениям дают царю этот титул, однако для императора римского это морально невозможно (eine sittliche Unmöglichkeit), лучше совсем порвать сношения с русскими, нежели взять на себя это великое Nachtheil. Недаром Порта Оттоманская в числе причин войны с Россией выставляет и эту чрезмерную аффектацию «цесарства» [24]. Ведь прежние императоры в 1559, 1678 гг. и в договоре Вестфальском 1648 г. называли царя лишь «великий князь» — «Magnus Dux» — рядом с королями Польши и Португалии [25]. Грамота 1514 г. не может иметь в этом случае значения, она более чем сомнительна, во всяком случае употребленное там слово «Kayser» несколько экзотично и исключительно и, может быть, попало туда по ошибке, во всяком случае грамоту нельзя считать аргументом (eine litera unica).

[23] На это еще в 1687 г. указывал Москве Леопольд I, признавая себя единым in orbe Christiano цесарем («Vitrarius illustratus...» Ed. I. F. Pfeiffingerus, Bd. I. Gothae, 1712, S. 419—421; *H. Doerris.* Op. cit., S. 9—10).

[24] *E. Hurmuzaki.* Documente privitoare la istoria Românilor, Bd. VI. Bucureşti, 1878, s. 620; *J.-L. Bonnac.* Mémoire historique sur l'ambassade de France à Constantinople. Ed. Schefer. Paris, 1894, p. 264—266; *М. М. Богословский.* Петр I. Материалы для биографии, т. 5. М., 1948, стр. 196.

[25] *H. Doerris.* Op. cit., S. 6.

При этом венские министры сознавали, что открытый отказ от признания нового русского титула в случае признания его и иными коронами может привести к изоляции императора римского, причем царь мог бы вступить в союз с султаном не в интересах империи. Выход из этого положения Вена нашла в тактике промедления и молчания. Она решила отозвать своего посла Кинского под предлогом его нездоровья и личных дел, без прощальной аудиенции. Венские министры надеялись, что сам царь в конце концов откажется от своих притязаний [26]. Вена как будто не видела, что столь дорогая ей «система» Европы уже потрясена в своей основе, что происходит коренная переоценка политических ценностей, при которой России и ее царю принадлежит крупнейшая роль. В инструкции Кинскому Вена подчеркивала, что вопрос этот подлежит ведению империи в ее целом и это — полномочие (Vorrecht) только немецкой нации [27].

Хотя при дворе в Вене и были первоначально некоторые колебания — не лучше ли все же признать царя императором сейчас, не откладывая, все же римский император сохранит всегда свое первенство [28]. Но опасения, что за царем с теми же претензиями могут выступить и другие, например Англия [29], остановили венскую имперскую среду.

Между тем присутствие имперского посла при царском дворе было неизбежно. Тогда Кинскому предписали в инструкции и рескрипте 30 декабря 1721 г. и 3 января 1722 г. всемерно уклоняться от необходимости прибегать к официальному титулованию царя. При частном общении с царем, иной раз вполне запросто, за бокалом вина, в веселой компании, имперский посол мог избежать этой торжественной формулировки, щедро применяя термин «Majestas», «величество» и т. д. Однако были случаи, особенно после окончания войны со Швецией, при частых празднествах и парадных выступлениях по этому случаю, когда присутствие посла на придворных церемониях было неизбежно. Кинский должен был уклоняться от участия в этих торжествах, чем ставил себя в неловкое положение. В результате Вена (рескрипт 25 мая 1722 г.) [30] признала нужным отозвать посла. Да и сам Кинский еще до получения этой окончательной резолюции пришел к выводу, что единственным способом избежать осложнений был бы его отъезд из

[26] «Zumahlen in Europa kein anderes Systema leicht würde formirt werden». Конференция 11.XII 1711 г. (ВГА, XI/3, лл. 345—355; *H. Doerris*. Op. cit., S. 153; *R. Wittram*. Op. cit., Bd. II, S. 470).

[27] Инструкция от 30.XII 1721 г., 3.I 1722 г. (ВГА, XI/3, лл. 394 и сл.); в ее основе — решение Конференции 11.XII (*R. Wittram*. Op. cit., Bd. II, S. 471—472).

[28] *С. М. Соловьев*. Указ. соч., т. IX, стр. 322, сообщение Ланчинского.

[29] Интересно отметить, что в 1714 г. при вступлении на престол Георга I высказывалась мысль об усвоении за ним титула императора, так как «omnem potestatem habet rex Angliae in Regno suo quam Imperatori vendicat in Imperii» (*O. Klopp*. Der Fall des Hauses Stuart, Bd. XIV. Wien, 1888, S. 233—234).

[30] На имя Гохгольцера (ВГА, XIIa/1, лл. 243—244).

России и прекращение переговоров о союзе [31]. Кинский опасался, что при составлении трактата о союзе неизбежно встал бы вопрос о титуловании [32]. Благополучно избегая опасностей подобного рода, он дотянул до лета 1722 г., до отъезда царя на Кавказ в поход в Персию, и в июне покинул Россию.

При русском дворе оставлен был секретарь посольства Н. Х. Гохгольцер. Однако в соответствии с обычной практикой он не был столь частым участником придворных парадов и легко мог избегать применения новой титулатуры. Да и ему Вена предписывала всячески «выворачиваться» из неудобных позиций [33]. Но вот в 1724 г. царь Петр I короновал свою жену Екатерину Алексеевну в Москве императорской короной. Для присутствия на этом торжестве съехались все дипломатические представители, в их числе сюда был вынужден прибыть и Гохгольцер. Вена разрешила ехать Гохгольцеру в Москву, но там он должен был «заболеть» и на несколько недель слечь в постель [34]. Так он и сделал. Для излечения и отдыха ему было предписано врачами уехать в деревню, он поселился под Москвой, в поместье Перово кн. Голицына и прожил там, пока происходили торжества. После окончания их он объявился в Москве. Ему пришлось, конечно, представиться новой императрице и целовать ее руку, что ни к чему не обязывало в смысле титулования. Всем было, конечно, ясно, что его болезнь дипломатическая, но авторитет римского императора не был ущемлен [35].

Такие меры не освободили Вену от беспокойства о том, как этот вопрос рассматривается при иных европейских дворах, особенно входящих в состав имперского союза. Вена с удовлетворением узнала, что Англия отказалась теперь употреблять титул императора, хотя, впрочем, и применяла его в отношении России ранее, в соответствии с практикой титулования восточных варваров — государей Марокко, Туниса, Китая, Персии, Турции и т. д., что для царя не было, конечно, слишком лестно [36]. Но Вену весьма огорчило, что титул сразу же признала Пруссия, хотя она как имперская держава и обещала ранее действовать заодно с венским двором. Дававшиеся прусским послом в России Мардефельдом разъяснения, что прусский король признал новый титул не как курфюрст бранденбургский, но как король Пруссии, никак не удов-

[31] Донесение 30.I 1722 г. (ВГА, 1722 г., 1, л 86 и сл.).

[32] Ср. экстракт из инструкции Кинскому в донесении 19.I 1722 г.; ср. и письмо его Шенборну без даты из Москвы (ВГА, XI/3, л. 243; XIIa/1, лл. 110 и сл.).

[33] Ср. предписание Карла VI от 8.VII 1724 г. (ВГА, XIIв/1, лл. 2—3, 167, 170—171).

[34] Донесение конференции министров 7.XII 1723 г. (ВГА, XIIa/2, лл. 288—289, § 4); рескрипт Карла VI 15.XII 1723 г. (лл. 252, 255).

[35] Ср. донесения Гохгольцера 24.II, 14.III, 7 и 24.IV, 1, 8, 19 и 28.V и 8 и 22.VI 1724 г. (ВГА, XIIв/1, лл. 124 и сл., 131—137, 147—155, 158—166; XIIa/1, лл. 240 и сл.).

[36] Ср. донесение гр. Мертша из Брауншвейга 2.I 1722 г. и посла Пентерридера из Парижа 5.I 1722 г. (ВГА, XIIa/1, лл. 1—3, 19 и сл.).

летворяло венский двор [37]. С некоторой задержкой титул признала в мае 1722 г. Голландия, учитывавшая, конечно, ближайшие интересы своих торговых отношений с Россией [38]. Еще позже на этот путь стали Швеция и потом Дания, которые, однако, свое признание сопроводили рядом оговорок; царь должен был дать гарантию, что сохранит прежние приемы взаимного титулования иных дворов и не будет предъявлять каких-либо новых требований церемониального характера [39]. От Швеции Россия добилась этого признания с помощью серьезной военно-морской демонстрации, приведшей к подписанию Стокгольмского русско-шведского договора 1724 г. [40] Зато Вену радовал отказ от признания титула курфюрстов Ганновера и Саксонии, заявивших, что невозможно решить этот вопрос без императора, имперского союза; король Польши Август II тоже отговаривался необходимостью получить санкцию со стороны польского сейма [41].

Затруднения с международным признанием нового титула царя не вызывали слишком серьезной реакции русского двора и не отражались заметно на развитии отношений между Россией и европейскими дворами. Отказ от признания титула не мешал царю в течение последних лет жизни вести сосредоточенные переговоры о союзе с версальским двором. Подписывая в 1726 г. столь важный для Австрии договор с Россией, австрийский император уже сознавал, что Россия была новой великой державой общеевропейского значения. Тем самым и вопрос о признании ее империей был, в сущности, предрешен.

[37] Донесение Кинского 19.XII 1722 г. (ВГА, XI/3, лл. 373—375); см. P. S. в донесении Велчка 3.VIII и 18.X 1710 г. (ВГА, 1710 г., 4, лл. 47—65, 164; *E. Lukinich.* Der Kaisertitel Peters des Grossen und der Wiener Hof.— «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», N. F., Bd. V, H. 2, 1929, S. 370); ср. и указание Камредона (Сб. РИО, т. 40, стр. 302—303, 404).

[38] Донесение Кинского 1.VI 1722 г. (ВГА, XIIa/1, л. 258); ср. и донесение Фрейтага из Стокгольма 28.I и Кинского 9.II (лл. 88 и сл., 128 и сл.; *A. Theiner.* Monuments historiques relatives aux règnes d'Alexis... Roma, 1859, p. 513, (9.V 1722 г.).

[39] Донесение Кинского 27.III 1722 г. (ВГА, XIIa/1, лл. 167 и сл.); ср. русский реверс Мардефельду 26.I 1722 г. (*Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, т. V. СПб., 1880, стр. 203—205; Сб. РИО, т. 40, стр. 338 и сл.).

[40] Подробности см.: *Г. А. Некрасов.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721—1726 гг. М., 1964, стр. 96 и сл. (тут и ссылки на отдельные статьи об этом того же автора); по австрийским источникам см.: *W. Leitsch.* Der Wandel der Österreichischen Russlandpolitik in den Jahren 1724—1726.— JfGO, Bd. 6, H. 1, 1958, S. 63.

[41] Ср. экстракты из реляций австрийского посла в Регенсбурге 12.VII 1721 г. (ВГА, XI/3, лл. 301 и сл.); донесения императорского посла в Польше Мартельса 7 и 17.I 1722 г. (XIIa/1, лл. 27 и сл., 47 и сл.); письмо коронного гетмана из Львова 30.XII 1721 г. (л. 30); донесения Кинского 9.II и 27.III 1722 г. (лл. 128—131, 167 и сл.).

РУССКИЕ ДИПЛОМАТЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

С. М. Троицкий

Правительство Петра I провело реформы, которые укрепили экономическую и военную мощь России. Это позволило ей успешно решить балтийскую проблему, а также обеспечить безопасность южных границ государства.

В решении сложных внешнеполитических задач важную роль сыграли не только армия и флот, но и дипломатия. Превращение России в сильнейшую мировую державу сопровождалось укреплением ее дипломатического аппарата, а также установлением постоянных дипломатических сношений с большей частью европейских государств. Проводя активную внешнюю политику, абсолютная монархия ежегодно расходовала крупные суммы на содержание штата Коллегии иностранных дел и заграничных посольств (например, в 1725 г. они составили 8,1% бюджета [1]). В первой четверти XVIII в. сложилась целая школа талантливых дипломатов во главе с Петром I (Г. И. Головкин, Б. И. Куракин, П. А. Толстой, П. П. Шафиров, А. А. Матвеев и др.).

Отдельные аспекты внешней политики России в XVIII в. получили освещение в историографии, однако деятельность Коллегии иностранных дел и подведомственных ей учреждений не исследована, если не считать работы С. А. Белокурова, содержащей справочные сведения о русских дипломатах, и краткого обзора законодательства по истории Иностранной коллегии в книге В. Н. Александренко [2]. Биографии многих русских дипломатов XVIII в., за небольшим исключением [3], также еще не изучены. Поэтому попытка охарактеризовать состав русских дипломатов на основе данных

[1] *С. М. Троицкий.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966, стр. 224, 225, 231—233.

[2] *С. А. Белокуров.* О Посольском приказе. М., 1906; *В. Н. Александренко.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в., т. I. Варшава, 1897.

[3] *В. А. Теплов.* Русские представители в Царьграде.— «Исторический вестник», 1891, № 7—8; *А. Кочубинский.* Граф А. И. Остерман и раздел Турции. Одесса, 1899; *А. И. Заозерский.* Александр Романович Воронцов.— «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 105—136; *И. С. Бак.* Дмитрий Алексеевич Голицын.— «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 258—272 и др.

их «сказок», подававшихся во время переписи чиновников 1754—1756 гг. [4], может оказаться не бесполезной.

В середине 50-х годов XVIII в. в штате Коллегии иностранных дел было 139 человек, имевших офицерские ранги, т. е. чиновников, чьи должности были включены в 14 классов Табели о рангах (низшее звено чиновников — канцелярские служители — не учитывалось переписью) [5]. Из них 90 человек служили в Иностранной коллегии в Петербурге, 45 — за границей (в посольствах в Берлине, Варшаве, Вене, Гааге, Дрездене, Константинополе, Копенгагене, Лондоне, Париже, Стокгольме, а также при резидентах в Гданьске, Иране и Энзелийском порту) [6].

Из этих чиновников русские составляли 71,2% (99 человек), на долю представителей других национальностей приходилось 28,8% (40 человек). Среди них были представители народов, входивших в состав Российской империи (калмыки и «эстляндцы» — по 3 человека, «курляндцы», «лифляндцы», татары — по 2, украинцы — 1), а также выходцы из других государств (немцы — 8 человек, греки — 5, молдаване и поляки — по 3, итальянцы и французы — по 2, грузины, турки, голландцы и швейцарцы — по 1). Следует оговорить известную условность данных «сказок» чиновников о национальной принадлежности их владельцев: среди «курляндцев», «лифляндцев» и «эстляндцев» были не только латыши и эстонцы, но и немцы, шведы, финны и др.

Национальный состав чиновников дипломатического ведомства Российской империи был весьма пестрым. Нуждаясь в людях, хорошо знающих иностранные языки, правительство набирало на службу иноземцев, следуя в этом отношении старой практике Посольского приказа.

Чтобы более конкретно представить состав русских дипломатов в середине XVIII в., разделим всех учтенных переписью чиновников на три разряда в соответствии с классами Табели о рангах. В I разряд мы включили канцлера графа М. П. Бестужева-Рюмина, вице-канцлера графа М. И. Воронцова, обер-церемониймейстера графа Ф. М. Санти, церемониймейстера А. В. Олсуфьева, тайного советника И. П. Веселовского, действительного статского советника Х. Гольдбаха, а также 15 человек послов и «резидентов», служивших за границей. Во II разряд включены члены присутствия Коллегии иностранных дел: 1 статский, коллежские

[4] *С. М. Троицкий.* Материалы переписи чиновников как источник по социально-политической и культурной истории XVIII в.— «Археографический ежегодник за 1967 год». М., 1969, стр. 132—148.

[5] Здесь и далее все подсчеты сделаны на основании сведений «сказок» чиновников Иностранной коллегии (ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 629—819; ч. 3, лл. 1136—1138).

[6] Кроме того, секретарь Иностранной коллегии М. Ф. Корбе и переводчики А. А. Александров, К. Е. Реткин и Ф. С. Семенов были командированы на длительный срок в Киевскую губернию для решения пограничных споров и числились в ее штате (ЦГАДА, ф. Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 128—132, 135).

и надворные советники, а также канцелярии советники, обер-секретарь и асессоры; всего 16 человек. В III разряд (102 человека) вошли секретари коллегии и посольств, «дворяне» посольств, переводчики, актуариусы, регистраторы, протоколисты, архивариусы, а также коллегии-юнкеры и другие служащие, имевшие по Табели о рангах чины XIV—IX рангов.

Из 139 чиновников 60 человек (43,1%) были потомственными дворянами, 79 — представителями других сословий и групп населения (56,9%). При недостатке квалифицированных, знающих иностранные языки чиновников, государство, как и ранее, было вынуждено прибегать к услугам лиц недворянского происхождения. Среди них преобладали «разночинцы» — 20 человек, затем шли иноземцы (17 человек), потомки приказных людей (16 человек), дети личных дворян (14 человек). Кроме них было по одному чиновнику родом из посадских людей, купцов и казаков. «Разночинцами» называли выходцев из социальных низов (детей отставных солдат, матросов и тому подобных лиц, не несших государственного тягла) [7], а также и лиц, указавших вместо социального происхождения национальную принадлежность. Такая подмена социального «национальным» среди чиновников, принадлежавших к наиболее образованной части общества, свидетельствовала о желании отмежеваться от податного населения и избежать включения в государственное тягло.

И в социальном составе отдельных разрядов чиновников заметны существенные различия. Из 21 чиновника I разряда лишь 3 человека не являлись потомственными дворянами: тайный советник И. П. Веселовский, внук крещенного еврея, начал в 1707 г. свою карьеру переводчиком Посольского приказа [8]; консул в Энзелийском порту П. Чекалевский и бывший резидент в Иране Б. Ф. Братищев происходили из среды церковников [9].

Остальные дипломаты (18 человек) были потомственными дворянами, причем 12 человек принадлежали к титулованному дворянству. Из них трое были из рода князей Голицыных, один — из рода князей Долгоруковых, 7 человек были графами, один — бароном (чрезвычайный и полномочный министр в Дании И. А. Корф). Среди дипломатов, имевших графский титул, пять человек были русскими (канцлер А. П. Бестужев-Рюмин и его брат посол в Дрездене М. П. Бестужев-Рюмин, вице-канцлер М. И. Воронцов, посол в Лондоне Г. П. Чернышев и посол

[7] См. *Г. Н. Вульфсон.* Понятие «разночинец» в XVIII — первой половине XIX в.— «Очерки истории народов Поволжья и Приуралья», вып. 1. Казань, 1967, стр. 107—124.

[8] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 629 об.— 630; *А. Б. Лобанов-Ростовский.* Русская родословная книга, т. I. СПб., 1895, стр. 97.

[9] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122 ч. 2, лл. 664—664 об., 786—787; *М. П. Шувалов.* Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера.— «Сборник Московского Главного архива МИД», вып. 5. СПб., 1893, стр. 96.

в Гааге А. Г. Головкин), двое (граф Ф. М. Санти и посол в Вене Г. К. Кейзерлинг) — иностранцами.

На должности послов обычно назначали наиболее родовитых и влиятельных сановников из числа русских и иноземных дворян. Некоторые из них были крупными дипломатами и государственными деятелями: например, посол в Швеции Н. И. Панин, в 60—70-х годах XVIII в. являвшийся руководителем внешней политики России [10], резидент в Турции А. М. Обресков [11] и др. «Среднее» звено чиновников дипломатического ведомства наполовину (8 человек) состояло из потомственных дворян. Семь других чиновников были выходцами из старых дьяческих и подьяческих фамилий. Канцелярии советник Ю. И. Христулеев происходил из константинопольских греков [12].

Более всего недворян было среди чиновников III разряда — 69 человек (67,6%). На долю потомственных дворян приходилось 32,4% (33 человека), среди них был один князь — С. М. Голицын, сын фельдмаршала М. М. Голицына. Потомки приказных людей (14), дети личных дворян (14), а также «разночинцы» (16), иноземцы (15) преобладали среди чиновников III разряда (всего 59 человек). Представители духовенства (7 человек), посадских людей, купечества и казаков (по одному) составляли незначительное число чиновников Иностранной коллегии.

Следовательно, хотя выходцы из социальных низов численно и преобладали в составе Коллегии иностранных дел, все важнейшие посты в дипломатическом аппарате замещались представителями класса феодалов. Рост централизации и бюрократизации всего аппарата управления абсолютной монархии, строгая регламентация деятельности всех его звеньев в сочетании с иерархией должностей делали чиновников послушными исполнителями распоряжений лиц, стоящих на верхних ступенях служебной лестницы, увеличивали их зависимость от воли монарха, чему во многом способствовала проводимая абсолютизмом политика «одворянивания» бюрократии [13]. Поэтому все 80 «разночинцев», служивших в штате Иностранной коллегии, были дворянами, причем 11 человек, имевших чины от асессора и выше, были уже потомственными, остальные 69 — личными дворянами.

Данные «сказок» позволяют представить и размеры душевладения чиновников Иностранной коллегии. Резкие различия в материальном положении чиновников различных разрядов зависели от их социального происхождения (см. табл. 1). Наибольшее ко-

[10] См. *П. Лебедев.* Графы Н. и П. Панины. СПб., 1863; «Письма и записки имп. Екатерины II к графу Н. И. Панину». СПб., 1863.
[11] См. *Е. И. Дружинина.* Русский дипломат А. М. Обресков.— «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 267—278.
[12] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 638—639.
[13] ПСЗ, т. VI, № 3890, § 11, 15.

личество крестьян было у чиновников I разряда, где преобладали представители родовитого и титулованного дворянства: 12 человек имели свыше 27 тыс. душ м. п. (в среднем 1 800 д. м. п. у одного владельца). У чиновников среднего и особенно низшего звеньев количество крепостных незначительно — в среднем соответственно по 451 и 40 д. м. п.

Обращает на себя внимание большое количество чиновников (64 человека, 46%), не имевших крестьян, что отчасти объяснялось тем, что в Иностранной коллегии служило много иностранцев, которым правительство запрещало иметь крепостных до тех пор, пока они не примут православие.

Значительную группу чиновников (34 человека, около 24,3%) составили лица, имевшие от 1 до 20 д. м. п. Подавляющее большинство их имело только дворовых слуг. Владельцы карликовых имений (21—50 д. м. п.) насчитывали 11 человек, мелкие помещики (51—100 д. м. п) — 4; итого 15 человек (10,7%).

Таким образом, чиновники, не имевшие крестьян, владельцы дворовых слуг и обладатели мелких имений (21—100 д. м. п.) составляли большинство чиновников Иностранной коллегии — 113 человек, или 81,2%. Для них государственное жалованье было единственным источником существования. Средних (101—500 д. м. п.) и крупных помещиков было немного, но они занимали высшие посты в дипломатическом аппарате.

Данные о размерах денежных окладов дают чрезвычайно интересный материал для характеристики материального положения русских дипломатов в середине XVIII в.

Наиболее крупные оклады получали канцлер А. П. Бестужев (7000 руб. в год) и вице-канцлер М. И. Воронцов (6000 руб.)

Служившие за границей дипломаты получали более высокие оклады для обеспечения престижа России, а также во избежание подкупа иностранными державами. Самый высокий оклад — 15 тыс. руб. в год — получал посол в Вене граф Г. К. Кейзерлинг. Свою карьеру он начал в 1720 г. камер-юнкером при дворе курляндской герцогини. После неудачи «затейки» верховников, пытавшихся ограничить самодержавие, он был послан курляндским дворянством «от земства в Москву для учинения радостных там поздравлений». При дворе он сделал карьеру и, став дипломатом, по именному указу получил «персональный» оклад [14].

Два других посла — М. П. Бестужев-Рюмин и А. Г. Головкин, оба старые, опытнейшие дипломаты, получали по 10 тыс. руб. в год [15]. Другим послам — Г. П. Чернышеву, И. А. Корфу, Н. И. Панину, Г. Гроссу, представлявшим интересы России в крупнейших европейских государствах (Англия, Дания, Польша, Швеция), шло по 6 тыс. руб.; резиденту в Константинополе А. М. Обрескову —

[14] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 710 об.— 711.
[15] Там же, лл. 712—713, 804—807.

Таблица 1*

Размеры душевладения чиновников Иностранной коллегии 1755 г.

№ разряда	Нет сведений	Не имеют крестьян	1—20		21—50		51—100		101—300		301—500		1001—3000		3001—5000		5001—10 000		Всего	
			чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.	чиновников	душ м. п.
I	3	6	2	6	3	104+19¾ гака	—	—	—	—	—	—	3	4197	2	7525	2	15 238+20 слобод	21	27 070+19¾ гака + 20 слобод
II	—	—	4	18	2	82	1	90	4	430+15 гаков	3	1126	1	1130	1	4550	—	—	16	7426+15 гаков
III	3	58	28	120	6	238	3	215	2	305	2	866	—	—	—	—	—	—	102	1744
Итого	6	64	34	144	11	424+19¾ гака	4	305	6	735+15 гаков	5	1992	4	5327	3	12 075	2	15 238+20 слобод	139	36 240+34¾ гака + +20 слобод

* Табл. 1 составлена на основании «сказок» чиновников Иностранной коллегии (ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 629—819; ч. 3, лл. 1136—1138; ф. Герольдмейстерская контора, кн. 419, лл. 128—132, 135).

5000 руб.[16] Послы и агенты в других странах обеспечивались более низкими окладами: консул в Энзелийском порту — 2000 руб., резидент в Иране — 1500, да еще по 10 руб. в день «кормовых» от шаха, «агент» в Гданьске — 1100 руб. [17] и т. д.

Оклады членов присутствия Иностранной коллегии зависели не только от рангов их обладателей, но и от занимаемой должности и особых заслуг перед монархом. Так, советники коллегии получали по 1000 руб. в год, надворные советники — по 800; обер-секретарю платили 1000 руб. Асессоры получали 650—700 руб. годовых.

Еще большая «чресполосица» в размерах окладов наблюдалась среди служащих III разряда. Секретари посольств получали 500—600 руб., секретари коллегии — 400—600, дворяне посольств — 400, переводчики — 100 — 400, коллегии-юнкеры — 100 — 300, протоколисты — 250—300, регистраторы — 160—250—300, комиссары — 120 руб. и т. д.

Размер годового оклада зависел от многих причин: ранга и должности чиновника, выслуги, особых заслуг, образования, места службы (в России или за границей). Так, секретарь Иностранной коллегии С. И. Писарев был взят на службу из Славяно-греко-латинской академии в Москве и послан в Китай с посольством графа С. В. Рагузинского «для оставления в тамошнем столичном городе студентом к обучению тамошных языков» с окладом 200 руб. в год. Поскольку в посольстве не хватало канцелярских служителей, то его использовали как копииста. По возвращении в Россию он служил писарем в Сенате, получая 60 руб. Став канцеляристом Иностранной коллегии, Писарев получил 150 руб. в год. Когда же его произвели в секретари коллегии в ранге капитана, то назначили 500 руб. (секретари в ранге майора получали 600 руб.) [18].

Денежное жалованье было главным источником существования большей части чиновников Иностранной коллегии, не имевших крупных имений. Это привлекало на службу в коллегию не только выходцев из социальных низов, но и дворян. Система денежных окладов была в руках абсолютной монархии сильным средством воздействия на чиновников, содействовала образованию послушной во всем бюрократии.

В заключение кратко рассмотрим, в какой степени служащие Иностранной коллегии были подготовлены к выполнению своих обязанностей. Как видно из табл. 2, русские дипломаты имели довольно высокий по тем временам уровень подготовки: 45 человек (32,3%) специально готовились для дипломатической служ-

[16] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 717—718, 729 об.—731 об., 743 об.—744 об., 766—766 об., 769—770.
[17] Там же, лл. 664 об., 777, 786—787.
[18] Там же, лл. 653 об., 659, 618—618 об., 751—751 об.

Таблица 2*

Уровень образования и профессиональной подготовки чиновников Иностранной коллегии 1755 г.

№ разряда	Получили дипломатическую подготовку				Получили специальное образование					Начали службу в Иностранной коллегии		Начали службу в армии, при дворе и гражданском управлении				Прочие	Всего
	дворяне посольств	коллегии-юнкеры	студенты Иностранной коллегии	учились за границей	Кадетский корпус	Славяно-греко-латинская академия	Морская академия	Математико-навигацкая школа	гимназия	переводчиками и толмачами	копиистами	солдатами в гвардии	придворными	копиистами в других учреждениях	служили за границей		
I	2	—	—	3	2	2	—	—	1	1	—	3	4	—	2	1	21
II	—	—	3	2	2	—	—	—	—	3	2	1	—	3	—	—	16
III	1	12	20	2	10	8	1	1	—	16	15	2	—	12	—	2	102
Итого	3	12	23	7	14	10	1	1	1	20	17	6	4	15	2	3	139
В %	45—32,3%				27—19,5%					37—26,6%		30—2,6% 1					100%

* Для составления табл. 2 использованы те же источники, что и в табл. 1.

бы, 27 человек (19,5%) учились в различных учебных заведениях России; итого 72 человека, или 51,8% всех чиновников.

Усложнение внешнеполитических задач и превращение России в крупнейшую мировую державу заставило правительство принять меры к улучшению подготовки отечественных дипломатов. Для этой цели были учреждены должности «студентов» и «коллегии-юнкеров». Их вакансии должна была заполнять дворянская молодежь, которая после обучения иностранным языкам и различным наукам в коллегии посылалась для практики служить в русских посольствах за границей. Хотя должность коллегии-юнкеров была сугубо дворянской — она была учреждена Петром I для привлечения феодалов на гражданскую службу, но для Иностранной коллегии было сделано исключение, «ибо в оной в коллегии-юнкеры определяются особливо по усмотрению той коллегии к тому достойные и иностранных языков знающие»[19]. Поэтому среди них было много детей личных дворян, переводчиков, духовенства и прочих разночинцев. В XVII в. дети знатных дворян приобретали опыт дипломатической работы, назначаясь «дворянами посольств». В середине XVIII в. эта форма подготовки дипломатов утрачивает свое значение (всего 3 человека).

19 Цит. по кн.: *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Государство и народное образование в России в XVIII в. Ярославль, 1874, стр. 266.

Новым в подготовке дипломатов стало то, что некоторые из них учились не только в России, но и посылались продолжать образование за границей [20].

Новые веяния затронули и часть низшего звена чиновников дипломатического ведомства России — канцелярских служителей и переводчиков [21].

Значительную группу дипломатов (14 человек) составили лица, окончившие Кадетский корпус, который готовил во второй четверти XVIII в. офицеров для армии и чиновников для гражданской службы и давал хорошее по тем временам образование.

Несмотря на известные успехи в укомплектовании Иностранной коллегии людьми, получившими дипломатическую подготовку или специальное образование, значительную часть ее штата составляли люди без образования — около 48%. Как и ранее, правительство было вынуждено привлекать в качестве переводчиков и толмачей представителей других народов, входивших в состав России, и иноземцев (37 человек). Своеобразным резервом для замещения должностей в дипломатическом ведомстве были чиновники, начинавшие службу копиистами (17 человек). В большинстве своем они были детьми потомственных чиновников, чьи предки служили еще в Посольском приказе.

Подведем итоги. То, что мы отмечали при изучении социального состава и имущественного положения русских дипломатов в середине XVIII в. (высокий удельный вес выходцев из социальных низов, получавших за службу дворянское звание, резкие различия в окладах чиновников различных разрядов, наличие большого числа лиц, не имевших крепостных, и т. д.), было характерно в целом для чиновников учреждений Российской империи [22]. Специфика функций Иностранной коллегии обусловила более высокий уровень общей и профессиональной подготовки ее чиновников.

[20] ЦГАДА, ф. Сенат, кн. 8122, ч. 2, лл. 624—626 об., 712—713.
[21] Там же, лл. 738—740, 808.
[22] Ср. *С. М. Троицкий.* Социальный состав и численность бюрократии России в середине XVIII в.— «Исторические записки», т. 89 (в печати).

ЛИТОВСКАЯ ШЛЯХТА И ЦАРИЗМ В XVIII В.
(по материалам шляхетских сеймиков)

М. А. Ючас

Сравнительно недавно в историографии была признана необходимость изучения истории литовской государственности после Люблинской унии 1569 г. В то же время было высказано предположение, что в XVIII в. создавалась общая для Польши и Литвы власть и раздельные государства окончательно сливались в одно целое [1].

Работа А. Шапоки подвела некоторые итоги изучению этой проблемы и отметила важнейшие признаки литовской государственности в XVII—XVIII вв.[2] Автор признал, что в XVIII в. функции государственности Литвы, особенно в области внешней политики, значительно ослабли. А. Шапока опирался в основном на мемуарную литературу и законодательство, он не мог воспользоваться актами Литовской метрики и документами Вильнюсского архива, в том числе и инструкциями поветовых сеймиков.

В государственной жизни Речи Посполитой необычайно большую роль играл представительный орган шляхетского сословия — сейм. Он осуществлял законодательную и исполнительную власть. Организация представительства шляхетского сословия в сейме решалась на поветовых сеймиках. Становление поветов и их сеймиков во второй половине XVI в. как института государственной жизни Литвы изучено в работе И. И. Лаппо [3]. Детально исследуя структуру сеймика и выработку в нем документов, автор не взглянул на содержание принятых им документов и не попытался объяснить сущность происходившей в сеймиках идейно-политической борьбы шляхты.

[1] «Pamiętnik V Powszechnego zjazdu historyków Polskich w Warszawie, 1930 r.», I. Lwów, 1930; «Pamiętnik VI Powszechnego zjazdu historyków Polskich w Wilnie, 1935 r.», I—II. Lwów, 1935—1936.

[2] *A. Šapoka.* Lietuva ir Lenkija po 1569 metų Liublino unijos. Kaunas, 1938.

[3] *И. И. Лаппо.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия. Литовско-русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

Созданные в поветовых сеймиках документы — инструкции послам на сейм — давно привлекали, как исторический источник, внимание исследователей [4]. На важность сеймиковых инструкций в свое время указал Х. Ловмяньский [5]. Автор лишь сожалел, что Литва не имеет их публикаций. Семинар С. Косцялковского в Вильнюсском университете начал их изучение. В 1934 г. появились две статьи, основанные на обработке инструкций сеймиков Литвы [6]. Но в дальнейшем работа над этим источником прекратилась.

Нам удалось отыскать в поветовых судебных книгах инструкции поветовых сеймиков за 1730, 1732, 1736, 1740, 1744, 1748, 1750, 1752, 1754, 1758, 1762, 1764, 1766, 1767, 1768, 1773, 1775, 1776, 1778, 1780, 1782, 1784, 1786 и 1788—1790 гг. В основном они относятся к поветам собственно Литвы (Вильнюсский, Тракайский, Каунасский, Укмергский, Упитский и Жемайтия), и только инструкции четырехлетнего сейма — ко всему Великому княжеству Литовскому.

Не претендуя на решение сложной проблемы взаимоотношений России с Литвой в XVIII в. в целом, попытаемся рассмотреть ее по данным нашего основного источника — инструкций поветовых сеймиков Литвы. В статье освещаются следующие вопросы: 1) защита шляхтой Литвы прав литовской государственности; 2) отношение шляхты Литвы к России и 3) влияние России на реформы Речи Посполитой и отношение к ним шляхты Литвы.

В XVIII в. в Литве было исключительное положение: шляхта себя именовала народом польским, но вместе с тем и литовским, когда защищала свои древние права и привилегии. Даже Жемайтское княжество требовало сохранения своей целостности со всеми привилегиями, полученными им до унии Литвы с Польшей [7].

Защита государственности Литвы находилась в руках средней шляхты; понятно, что и при составлении инструкций она играла главную роль. Она высказывалась за то, чтобы Литва была равна Короне, т. е. сохранила бы прежние права, гарантированные унией 1569 г., а также последующими конституциями, принятыми на сеймах [8]. Послам постоянно указывалось, что отказ от этого принципа «оскорбляет права провинции Литвы» [9].

[4] Следует особенно выделить публикации из Львовского архива галицких сеймиковых актов, начатых А. Прохаской («Lauda sejmikowe», I—II, Lwów, 1909—1914) и продолженных В. Гейношом («Akta grodzkie i ziemskie, Lauda sejmikowe halickie, 1696—1772». Lwów, 1933).

[5] «Ateneum Wileńskie», XI. Wilno, 1936, S. 606.

[6] «Księga pamiątkowa koła historyków U. S. B.». Wilno, 1934. Статья А. Каленкевичовной касается отношения шляхты к реформам А. Тизенгауза, а статья К. Адольфовной — отношение шляхты Литвы к кодексу Замойского.

[7] ЦГИА Лит. ССР, ф. Древние акты, д. 14567, л. 799, § 1.

[8] Там же, д. 14563, л. 91, § 4; л. 221, § 15; д. 10659, л. 1123, § 12; д. 14209, л. 380, § 8; д. 7358, л. 1779, § 9 и др.

[9] Там же, д. 13932, л. 203 об.

Кардинальные права Литвы сеймики видели прежде всего в следующем: 1) соблюдение «альтернативы» сейма (периодическое сеймование в Гродне или даже в Вильнюсе — инструкция Вильнюсского воеводства 1790 г.); это требование записано на сеймиках 1750, 1754, 1776, 1778, 1784, 1788 гг.; 2) сохранение резиденции короля в Вильнюсе как столице Литвы (сеймики 1744, 1754, 1778, 1788, 1790 гг.); 3) право иметь своих военных министров (1750, 1778 гг.); 4) сохранение Литовского статута — отмена в Литве польских прав и кодекса Замойского (1776, 1778, 1780 гг.); 5) сохранение права на должности в Литве только за ее гражданами, запрещение юрисдикции, касающейся литовцев вне пределов провинции (1764, 1788, 1790 гг.); 6) перенесение королевского асессорского суда для Литвы из Варшавы в Гродно или Вильнюс (1784, 1788, 1790 гг.); 7) право иметь своих сенаторов в сенате наравне с Короной, уравнять в сенате права польских каштелянов с литовскими поветовыми маршалками (1776, 1780, 1782, 1786 гг.); 8) основание отдельного Вильнюсского архиепископства (впервые это требование записано в 1764 г. от имени жемайтской шляхты); 9) создание в Литве отдельного шляхетского кадетского корпуса, на содержание которого шляхта Литвы отдает $^1/_3$ расходов (1778, 1788 гг.); 10) сохранение в Литве отдельного для нее государственного казначейства (1790 г.). Одновременно сеймики выступали против сохранения таможен, мешающих свободной торговле Литвы с Польшей.

Шляхта Литвы не отказалась от этих «кардинальных прав» до конца XVIII в. Особенно волновали ее реформы государственного управления. Если создание в 1773 г. общей для Польши и Литвы Едукационной комиссии не вызвало в Литве никакой тревоги, то попытка образовать общую военную комиссию и упразднить власть отдельных для Польши и Литвы гетманов вызвала бурю негодования. Шляхта Литвы считала неотъемлемым правом иметь своих министров «pacis et belli» [10]. Это право не могло принадлежать одной из провинций, оно в равной мере должно распространяться и на Литву, и на Польшу. Даже образовав военный департамент «Постоянной Рады» в Варшаве, Литва выступала за перенесение военной комиссии в Гродно [11]. Следовательно, решения сеймиков не дают никаких оснований полагать, что в XVIII в. произошло полное слияние двух государств в одно целое.

Не менее упорно выступало литовское дворянство и в сфере внешней политики, прежде всего в отношениях с Россией.

По отношению к России шляхта Литвы выставляла следующие требования: 1) признание со стороны России целостности границ Литвы; 2) суверенность внутренней государственной жизни (выво-

[10] Там же, д. 13697, л. 178а, § 3.
[11] Там же, д. 13833, л. 263, § 7.

да войск России и невмешательства в религиозную жизнь, признания государственной римско-католической церкви); 3) подтверждение трактатов России с Литвой, заключенных в 1686 и 1704 гг.

Шляхта Литвы считала себя законной владелицей обширных территорий русских земель, пребывание которых под литовским верховенством в течение нескольких столетий, на ее взгляд, никем официально не оспаривалось [12]. Поэтому она отказалась подтвердить на сейме первый раздел Речи Посполитой 1772 г. до тех пор, пока Россия не выведет свои войска с занятых территорий [13]. И позже сеймики Литвы напоминали королю (в частности, в 1778 г.), чтобы он «не переставал думать о возвращении отторгнутых частей края» [14]. Шляхта заявляла о своей решимости «защищать отечество». Но это были лишь фразы, ибо средств к тому никаких не предвиделось. Наиболее дальновидные представители шляхты заявили откровенно королю и сейму, что «наше теперешнее положение и ситуация дворянства... не дают нам возможности ни делать, ни думать иначе, как только вовсе соглашаясь подчиниться интересам непреодолимого могущества (России.— *М. Ю.*)» [15]. Понимая политику Екатерины II, шляхта Литвы требовала в первую очередь подтверждения договоров о мире с Россией 1686 и 1704 гг., включение их как закона в «Volumina legum» [16].

Другим требованием подобного рода было представление особого статуса для земель, присоединенных к России. Шляхта указывала на необходимость добиваться, чтобы Россия признала права собственности дворян Литвы и Вильнюсского капитула в этих землях и освободила их из-за секвестра. Инструкции 1776 и 1778 гг. полны благодарности за это Екатерине и графу Штакельбергу. Но шляхта этим не удовлетворилась. Через сейм она настаивала перед Екатериной на утверждении полного иммунитета и привилегий в присоединенных к России землях [17]. Укмергский сеймик, защищая права на конфискованные за кордоном земли магнатов Радзивиллов и Огинских, даже предложил сейму поставить этот вопрос на конгрессе европейских государств.

В связи с усилением России и ее решающим значением в делах Восточной Европы неоднократно поднимался курляндский вопрос. Шляхта Литвы требовала скорейшего полного присоединения Курляндии к Речи Посполитой (1732, 1752 гг.). Ее встревожило вступление русских войск графа Эрнеста Бирона в Курляндию.

[12] ЦГИА Лит.ССР, ф. Древние акты, д. 5917, л. 856.
[13] Там же, л. 857.
[14] Там же, д. 13933, л. 263, § 3.
[15] Там же, л. 275 а, № 4. В инструкции подпись бывшего лифляндского воеводы графа Зиберка.
[16] Там же, д. 14563, л. 91, § 9.
[17] Там же, д. 13942, л. 532, § 16.

В 1763 и 1764 гг. сеймики указывали, что Бирон нарушил акт Г. Кетлера, конституции Польши 1726 и 1736 гг., а также Варшавский пакт 1759 г., подверждавшие, что Курляндия — «corpus» Речи Посполитой. Сеймики требовали разграничить Литву с Курляндией (1764, 1776 гг.). Особенно волновали их утвержденные Бироном таможни, препятствующие свободной торговле на рижском тракте, а также «незаконные» пошлины с граждан Литвы (1766, 1782 гг.).

Не менее спорным в отношениях с Россией был вопрос о присоединении к ней в 1772 г. Латгалии. Шляхта Литвы опиралась при этом на договор 1704 г. «о передаче Речи Посполитой отвоеванных от шведов инфлянт». Впрочем, во время четырехлетнего сейма курляндский и латгальский вопросы уже не поднимались.

Одним из наиболее сложных в русско-литовских отношениях был вопрос о диссидентах, т. е. людях не государственной римско-католической религии. Этот термин относился к православным, а в XVIII в. также и к дисунитам (после церковной унии 1596 г.). Права диссидентов в Литве были определены королевскими привилегиями и конституциями 1413, 1424, 1429, 1516, 1525, 1632, 1648, 1668, 1674, 1717, 1732, 1736 гг. Основной спор по поводу прав диссидентов шел до начала реформ в Речи Посполитой. Шляхта Литвы, опираясь на конституции сейма, высказалась против предоставления им политических прав (1752, 1754 гг.), допущения их к военной службе и командным постам (1730, 1752 гг.), против права владения государственными имениями (1750, 1752, 1754, 1766 гг.). Даже конфедерационные сеймики 1767 г., писавшие инструкции по универсалам Екатерины II, требовали не колебать прав господствующей религии и по отношению к диссидентам руководствоваться конституциями 1717, 1733 и 1736 гг.[18] Только Каунасский сеймик в 1767 г. решил, что необходимо поступить справедливо с ищущими, т. е. диссидентами[19]. Конституция 3 мая 1791 г. решила вопрос о диссидентах, объявив свободу вероисповедания.

Шляхта требовала от сейма рассмотреть вопрос о пребывании русских гарнизонов в Литве, так как это было связано, во-первых, с политическим подчинением ее интересам России, во-вторых, с доставкой корма и провианта, а порой и с поборами и, наконец, с беспошлинным вывозом провианта русскими гарнизонами по Неману в Пруссию и беспошлинной торговлей по Двине (сеймики 1752, 1758, 1762 гг.). Послам на сейм записывалось требование эвакуации русского войска (Расейняйский сеймик 1766 г.)[20]. Шляхта вносила запросы о пребывании русских войск в Литве (в 1752, 1754, 1762, 1763, 1764, 1766, 1776, 1794 гг.),

[18] Там же, д. 13927, л. 370, § 15; д. 14563, л. 221, § 8.
[19] Там же, д. 13796, л. 1182.
[20] Там же, д. 13236, л. 1495, § 20.

в 1744, 1748, 1788 и 1790 гг. поднимала и вопрос о возвращении в Литву из России судебных книг Литовского трибунала.

Шляхта Литвы занимала по отношению к России враждебную позицию, но, опасаясь ее могущества, требовала от сейма добиваться по крайней мере подтверждения ранее заключенных договоров и обеспечения своих прав собственности на землях, отошедших к России.

Нам еще предстоит рассмотреть влияние России на внутренние реформы Речи Посполитой и отношение к ним шляхты Литвы. Конечно, эти реформы диктовались прежде всего переменами в социально-экономическом развитии страны, но и политика России имела к ним прямое отношение.

Шляхта Литвы, как и всей Речи Посполитой, рьяно защищала свои права на управление государством, которое, как она и сама сознавала, не имело ни войска, ни доходов, ни монарха. Шляхта требовала сохранения порядка сеймования («Liberum veto»); господства римско-католической религии; давних прав, которые ей гарантировали заветную «золотую вольность» и «jura hereditaria dominiorum». Всякие реформы в государстве рассматривались ею как попытка лишить ее власти. На деле никакой вольности шляхты уже не существовало. Голоса шляхты покупались внутренними и внешними силами, в сейме господствовали партии магнатов. Какое значение в таких условиях могло иметь требование пожизненно лишать вольного шляхтича за продажу голоса права голосования? [21]

Особенно усердно защищала шляхта кардинальный пункт своих мифических прав — свободное избрание короля [22]. Предпринятые в 1764 г. реформы в конвокационном, элекционном и коронационном сеймах нашли отчасти поддержку на сеймиках Литвы 1766 г. Но в 1767 г. с помощью России повсеместно были образованы конфедерационные сеймики, которые высказались за упразднение этих реформ [23]. Тем не мнее шляхта возвращалась к реформам на сеймиках 1788 и 1790 гг. Сеймики высказали согласие на избрание нового короля при жизни старого с целью прекратить беспорядки бескоролевий и вмешательство иностранных государств во внутренние дела.

В 1790 г. сеймики Литвы, под давлением королевских универсалов, согласились избрать короля при жизни Станислава-Августа, но они были против наследственности трона в одной фамилии и, опасаясь узурпации власти, обусловили свое согласие рядом требований к новому королю, а именно, присягнуть королевскому договору со шляхтой унии 1569 г., обновленному конституцией

[21] ЦГИА Лит.ССР, ф. Древние акты, д. 7353, л. 1779, § 10.

[22] Там же, д. 13709, л. 297, § 10; д. 13711, л. 1397. Примечательно, что Каунасский сеймик в 1764 и 1786 гг. высказался за реформу «свободного» голосования в сейме.

[23] Там же, д. 14563, л. 221, § 4; д. 13927, л. 370, § 4.

1764 г.; не обзаводиться при жизни старого короля владениями и замками; не иметь собственного войска и не командовать войском Речи Посполитой; не поддерживать связей с заграницей; не назначать министров и не вступать во власть при жизни старого короля; никогда не отказываться от раз принятой короны без воли «народа».

Главное требование заключалось в сохранении республиканского правления всесильной шляхты, ее права «законодательства, надзора за казной и войском, права заключения договоров и объявления войны». Шляхта не согласилась отменить выборность должностных лиц и самый дорогой для нее — «вольный голос» [24]. Шляхта выступала против реформы правления, ссылаясь на то, что она вызвана не внутренними потребностями, а «установлением для польского края сокращенных границ» [25].

Одним из главных пунктов сеймиковых указаний было повышение численности войска (1730, 1744, 1748, 1754, 1762, 1764, 1776, 1788 гг.). Шляхта согласилась в 1790 г. даже на образование стотысячного войска. Но свое согласие сопроводила отказом от его финансирования. Она отказалась от повышения подымного налога с частновладельческих имений, высказалась за упразднение государственных монополий и дополнительных налогов. Большинство поветов потребовало уменьшения или упразднения государственного налога с подвластного шляхте населения и переноса его на королевские (так называемые гиберновые) владения (1732, 1748, 1752, 1754, 1766, 1776, 1778, 1780, 1784 гг.). Шляхта предлагала также обложить налогом духовные имения, одновременно требуя, чтобы частновладельческие имения не попадали под юрисдикцию монастырей и церквей (1631, 1635, 1663, 1669, 1676, 1726 гг.). Установленный в 1775 г. сравнительно невысокий государственный налог, от 6 до 10 злотых с крестьянского хозяйства частновладельческих имений, вызвал у шляхты тревогу. На всех сеймиках она говорила о разорении. Особенно, когда подскарбий Литвы А. Тизенгауз со своими комиссарами собирал государственный налог при помощи войск и экзекуций. Сеймики 1780 и 1782 гг. потребовали передачи собранных налогов в шляхетский поветовый гродский суд.

Без государственных доходов нет войска, а без войска нет безопасности границ. Это шляхта понимала [26] и потому предлагала: увеличивать торговлю и основывать фабрики (мануфактуры) для изыскания дополнительного дохода; воспитание детей передать монахам, а доходы, получаемые на обучение детей, отдать в казну; распродать старóства; уменьшить жалованье министрам; взять под секвестр владения лиц, уезжающих за границу; рас-

[24] Там же, д. 13796, л. 1182.
[25] Там же, д. 13236, л. 1495, § 20.
[26] «Nulla gencium sine armis, nullo arma sine stipendiis»,— заявляла шляхта Литвы.

пространить подымный налог на население королевских и духовных имений; ввести контроль за доходами и расходами. Наконец, шляхта предлагала увеличить армию за счет однодворной шляхты, восстанавливая «посполитое рушение» для нерегулярного войска. Предлагалось даже обучение своеобразных рекрутов из крепостных (одного от двадцати оседлых дворов). Но это обучение под руководством поветовых хорунжих не должно было превышать трех дней в году.

Шляхта Литвы соглашалась на некоторые общественные реформы, прежде всего на предоставление политических прав горожанам [27]. Предоставление прав горожанам в 1790 г. вызвало патриотическое выступление жителей городов и местечек Литвы. Депутаты от местечек Упитского, Каунасского поветов и всего Жемайтского княжества и города Каунаса в 1791 г. заявили на сейме благодарность за такую вольность и подтвердили «готовность отдать жизнь, кровь и имущество» за конституцию [28].

Но вдохновленная дворянским национализмом шляхта не могла поднять народ на защиту отечества. Она ведь требовала сохранения полных прав над своими подданными. Во всякой вольности крестьян ею усматривалась «обида шляхте». В 1788 — 1790 гг. шляхта Вильнюсского, Укмергского, Лидского, Брестского, Гродненского, Полоцкого и Минского поветов подчеркнула свое нерушимое право на личность подданных. Она даже настаивала на невмешательстве государственной власти во взаимоотношения помещиков с крестьянами, но одновременно жаждала закрепощения «похожих» людей и законоположения об использовании воинских команд против бунтующего крестьянства [29]. Она лишь признала необходимость «законной» охраны личного имущества крестьян и отмены кары крепостных смертью.

Итак, шляхта Литвы с пышными фразами о «спасении отечества» на устах по существу ничего не делала и не разрешала делать для его спасения, ибо она не отказывалась и не могла отказаться от своих прав собственности и своих прав управлять страной. Она не соглашалась на государственные налоги для содержания войска (даже требовала от Речи Посполитой вернуть давние долги времен Стефана Батория и войн с Портой). Частичные уступки, вроде избрания нового короля при жизни старого, стотысячного войска, политических прав для жителей местечек, имевших магдебургское устройство, не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на трагические последствия «золотой вольности». Отдавая себе отчет в том, что сокращение государственных границ является следствием «внутренних разногласий», она утешалась гордыми заявлениями, что такая же участь постигла и некогда могущественную Римскую империю.

[27] ЦГИА Лит. ССР, ф. Древние акты, д. 7889, л. 567, § 3.
[28] Там же, д. 13725, лл. 430—432.
[29] Там же, д. 13804, л. 1093, § 4.

О РУССКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАЧАЛА XIX В.

А. А. Преображенский

В международных отношениях конца XVIII — начала XIX в. царская Россия играла весьма активную роль, которая не исчерпывалась участием в бурных европейских событиях той эпохи.

Задачей большого значения в планах русской дипломатии признавалось установление политических и торговых связей с давним дальневосточным соседом России — Японией. «Страна восходящего солнца» также не оставалась безучастной к тому, как будут складываться ее отношения с могущественной северной империей, подданные которой не раз избавляли японских моряков и рыбаков от верной гибели, предоставляли им кров и пищу, оказывали всяческое содействие возвращению на родину.

Первое русское посольство в Японию во главе с А. Лаксманом (1792—1793 гг.) доставило на остров Хоккайдо трех японцев, за несколько лет до этого потерпевших кораблекрушение близ Алеутских островов и спасенных русскими людьми [1].

Несмотря на то что экспедиция Лаксмана не имела желаемого успеха, она содействовала известному подрыву позиций тех правящих кругов Японии, которые проводили курс на сохранение изоляционистской политики отказа от сношений с иностранцами. Эта политика не отвечала интересам японского народа, который стремился к установлению добрососедских отношений (и прежде всего торговли) с Россией.

Пристальное внимание к возможностям русско-японской торговли проявляла Российско-Американская компания, развернувшая в начале XIX в. широкую деятельность на Тихом океане. Один из мотивов ее создания заключался в том, чтобы установить торговые связи с соседними странами [2]. Компания с первых

[1] *Э. Я. Файнберг.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960, стр. 52—70; *В. М. Константинов.* Сведения об экипаже корабля «Синсе-Мару».— «Проблемы востоковедения», 1959, № 3, стр. 129—133; *А. А. Преображенский.* Первое русское посольство в Японию.— «Исторический архив», 1961, № 4, стр. 113—148.

[2] *С. Б. Окунь.* Российско-Американская компания. М.— Л., 1939, стр. 44.

лет существования добивалась помощи правительства в этом деле[3]. В 1817 г., подводя итоги почти двадцатилетних операций, руководители компании сетовали: «Американские наши колонии, кроме мехов, изобилуют лесом мачтовым и проч., разного рода наилучшею рыбою и не достает только еще способов употреблять произведений сих в торговле, в чем, однакож, со временем отчаиваться нельзя, особливо же рыбою, ежели бы правительство успело завести связи с Японией»[4]. Еще ранее, в 1807 г., при отправке корабля «Нева», его командир лейтенант Л. А. Гагемейстер получил от главного правителя русских поселений в Америке А. А. Баранова инструкцию, которая, между прочим, рекомендовала, если «Нева» очутится у берегов Японии, «попытаться предложить удобные средства ко взаимной, кроме Нагасаки, где-нибудь в другом к северу месте, торговле». Предполагая, что японские власти могут не пойти на официальное открытие торговли из опасения возмездия со стороны центрального правительства (Бакуфу), Баранов советовал учредить торговлю с японцами на одном из Курильских островов «или другом каком от них предложенном на отдельном от империи их острове...»[5].

Показательно, что подобные мысли были выражены после неудачи посольства Н. П. Резанова в Японию, которое почти полгода пробыло в Нагасаки[6]. Как и в случае с А. Лаксманом, поводом для посольства Резанова послужило намерение доставить на родину группу японцев, пострадавших от кораблекрушения около Андреяновских островов и спасенных русскими. Даже внешний ход событий как бы повторял случившееся более 10 лет назад при А. Лаксмане. Японцы были доставлены в Петербург, им оказывали всюду внимание и гостеприимство, предоставив полную свободу действий. Они присутствовали на приеме у Александра I, любовались подъемом воздушного шара, знакомились с достопримечательностями столицы. Большинство японцев изъявило желание остаться в России, четверо выразили стремление вернуться на родину, на что получили согласие[7]. Назначенный главой посольства крупный царский сановник камергер Н. П. Резанов получил поручение доставить этих четырех японцев в целости и сохранности в Нагасаки.

Как известно, миссия Резанова завершилась неудачей. Баку-

[3] «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы Российского министерства иностранных дел. Серия первая, т. I, март 1801 — апрель 1804 г. М., 1960, № 99, стр. 268; № 158, стр. 387—389; № 166, стр. 405.

[4] «К истории Российско-Американской компании» (Сборник документальных материалов). Красноярск, 1957, стр. 37.

[5] Там же, стр. 165.

[6] «Документы, врученные Н. П. Резанову от царского правительства».— «Внешняя политика России XIX и начала XX века», Серия первая, т. I, № 199, стр. 474—475; № 207, стр. 491—497.

[7] *В. Н. Горегляд.* «Удивительные сведения об окружающих морях». Японская рукопись начала XIX в.— «Страны и народы Востока», вып. I. М., 1959, стр. 222.

фу отказалось установить дипломатические и торговые отношения с Россией. Однако от внимания Резанова не ускользнуло, что даже японские чиновники, приставленные к русскому посольству, критически настроены относительно политики изоляции, проводимой феодально-клерикальными правительственными кругами. Разочарование испытали и прибывшие в Нагасаки купцы различных городов Японии, рассчитывавшие на открытие торговли с русскими. Резанов писал, ссылаясь на сведения, сообщенные ему по секрету японскими чиновниками: «Неудовольствие народное так велико, что отказ нам торга и приема посольства необходимо великие должен иметь последствия и что постановление сие подвержено еще перемене» [8]. Русское посольство послужило новым сильным аргументом в поддержку сторонников прогрессивного развития Японии на путях широких международных связей [9]. Скептически относившийся к планам Резанова и к самому посланнику И. Ф. Крузенштерн также замечал, что во время переговоров в Нагасаки японские «толмачи, лаская посланника, уверяли, что отказ в принятии посольства произвел волнение мыслей во всей Японии, наипаче же в городах Миако и Нагасаки» [10]. Невзирая на крушение своих надежд, Н. П. Резанов по возвращении в Россию остался горячим сторонником установления дружественных русско-японских отношений и настойчиво доказывал целесообразность продолжения попыток в этом направлении.

Но тут мы сталкиваемся с одним из самых сложных эпизодов русско-японских отношений, который непосредственно следует за миссией Резанова и справедливо связывается с его именем. Казалось бы, в полном противоречии с собственными взглядами и впечатлениями, полученными во время пребывания в Японии, Н. П. Резанов без санкции правительства выступает инициатором посылки экспедиции Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова, имевшей целью выдворить японцев, появившихся на Сахалине [11], который уже давно принадлежал России [12].

Решившись на посылку экспедиции Хвостова и Давыдова, Резанов отдавал себе отчет в том, что она при всей ее законности может вызвать недовольство японского правительства и затруднить достижение соглашения с Японией о политических и торговых связях. Он взял на себя ответственность за возможные последствия, обещая царскому правительству по прибытии в Петербург дать необходимые разъяснения и обоснования подобного

[8] *Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 83—85, 87—88.
[9] *С. И. Новаковский.* Япония и Россия, ч. I. Токио, 1918, стр. 103—104.
[10] *И. Ф. Крузенштерн.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». М., 1950, стр. 135.
[11] Обычно в литературе, когда идет речь об экспедиции Хвостова и Давыдова, упоминаются корабли «Юнона» и «Авось». Между тем имеется указание, что в ней участвовало также судно «Ростислав» («К истории Российско-Американской компании...», стр. 22).
[12] *Б. П. Полевой.* Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск, 1959.

шага [13]. Обстоятельства сложились так, что Резанов не смог выполнить своего намерения. По дороге в Петербург он заболел и 1 сентября 1807 г. умер в Красноярске. Возникает законный вопрос, каков же был главный аргумент у Резанова, полагаясь на который он надеялся убедить правительство России в своевременности и обоснованности экспедиции Хвостова и Давыдова? Необходимой ясности на сей счет в исторической литературе нет [14]. Б. П. Полевой считает, что Н. П. Резанов «допустил серьезную ошибку», отправив экспедицию Хвостова и Давыдова. Э. Я. Файнберг отмечает, что после миссии Резанова и рейда русских кораблей в Японии «усилилось движение за отмену политики изоляции и установление отношений с Россией» [15]. И вместе с тем действия Хвостова и Давыдова именуют порой «актом произвола» [16].

Для нас важно прежде всего выяснить те побудительные мотивы, ту реальную историческую ситуацию, которая вызвала эти действия. Вряд ли можно сомневаться в том, что Россия не желала обострения отношений с Японией. Не желал этого и организатор экспедиции Н. П. Резанов. Что же тогда толкнуло его на принятие именно такого решения? Опираясь на данные литературы и некоторых новых источников, попытаемся ответить на поставленный вопрос.

Есть достаточные основания думать, что решение Резанова базировалось на убеждении, согласно которому даже очень слабый «толчок извне» способен был повлиять на позицию японского правительства, так как он полагал, что для этого созрела внутренняя обстановка. Резанов лично удостоверился, насколько серьезным было недовольство не только народа, но и определенных слоев социальных верхов Японии внешнеполитическим курсом. Нарастающие противоречия охватили также правящие круги, в которых все более распространялось мнение о необходимости отказа от политики изоляции. Об этом вполне определенно заявили встреченные Н. А. Хвостовым японцы, от которых он узнал, что «на Нипоне междоусобие». Отсюда Хвостов заключал, что, «ежели теперь теснить их, умножающийся внутренний ропот преклонит горделивое правительство сие к желаемой торговле...» [17]. Д. А. Ленсен писал о Резанове: «Решение Резанова не было антияпонским. Он спорил с теми, кто дал ему резкий отказ, но полагал, что

[13] *С. И. Новаковский.* Указ. соч., стр. 112—113; *Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 95—96.

[14] Мы не касаемся здесь той зарубежной литературы, которая заведомо тенденциозно и подчас в спекулятивных целях освещает экспедицию 1806—1807 гг., как проявление пресловутой извечной агрессии России на Востоке, непомерно раздувая значение данного эпизода локального характера, как об этом справедливо пишет Э. Я. Файнберг (*Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 103, 105).

[15] *Б. П. Полевой.* Указ. соч., стр. 98; *Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 105.

[16] «Очерки новой истории Японии (1640—1917)». М., 1958, стр. 97.

[17] *Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 99.

японский народ желает установления отношений с Россией. Фактически он имел основания думать, что это — желание и многих чиновников самого правительства и что решительные меры с его стороны дадут возможность этой группе одержать верх» [18].

Но имеются и более ясные современные документальные свидетельства. В одной анонимной записке, вышедшей из кругов, близких Российско-Американской компании и достаточно хорошо информированных, заключаются прямые и веские указания, проливающие свет на интересующий нас вопрос [19].

Кратко и со знанием дела изложив историю посольств А. Лаксмана и Н. П. Резанова, автор записки проявляет основательную осведомленность о внутреннем положении Японии. «Отказ от дружеской и коммерческой связи», который был получен Н. П. Резановым в Нагасаки, «сделан был вопреки желания светского их владетеля Кубо Иенарико, также и всего его народа, а по одному несогласию на то от своебытного и суеверного другого, духовного владетеля их Дайри, по интриге престарелого и закоснелого в необычайном деспотизме первого министра Унемасамы»,— говорится в записке [20]. При прощании с Резановым участвовавшие в церемониале японские вельможи и чиновники «сверх искренно и по секрету откровенности» сказали также русскому послу, что «весь народ мучится под жестоким деспотизмом», тогда как расширения внешних связей Японии «желает сам Кубо». Во время этой секретной беседы «дали Резанову приметить, чтоб убедить двор их к связям с русскими, то надлежит подать к тому ощутительной повод, дабы по оному взять мог их Кубо перевес противу мнения Дайри и всех единомысленных» [21]. Какой же «повод» имели в виду собеседники Резанова? «А сей повод,— повествует далее записка,— начать русским тем, чтоб пошевелить с севера и удалить некоторую промышленность японцов». Как только это случится, «все они клятвенно обещали умы прочих направлять к убеждению в пользу русских». Об этом Резанов послал донесение царю [22].

Итак, совет «пошевелить» исходил от японской стороны, а Резанов, увлеченный этой идеей, «по сему последнему предложению, с вышеписанною откровенностию японцов весьма согласному и

[18] Цит. по кн.: *Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 96, прим. 11.

[19] Этот документ сохранился в копии, снятой известным собирателем рукописей Г. В. Юдиным и оставленной в его знаменитой коллекции (ГАКК, ф. 796, оп. 91, д. 89, лл. 1—8). Г. В. Юдин старательно сверил записку с подлинником (который, надо полагать, находится в Национальной библиотеке Конгресса США), о чем свидетельствуют его поправки, внесенные в машинописный текст. Однако он ошибочно датировал этот источник 1805 г. Судя по упоминаниям в нем пленения В. М. Головнина, документ мог появиться лишь в промежуток середины 1811—1813 г.

[20] Там же, лл. 4—5.

[21] Там же, л. 5.

[22] Там же.

сходному с самым существенным состоянием Японского государства», организовал экспедицию Хвостова и Давыдова. Автор констатирует, что Сахалин — владение России, «яко по давнишному онаго открытию русским, принадлежащего им». Кроме того, документ подтверждает, что японцы поселились на Сахалине всего лишь «за 7 лет перед тем» [23].

В интересующем нас плане весьма близко к только что рассмотренному источнику примыкает «Предуведомление от вице-адмирала Шишкова», помещенное в посмертно изданном сочинении Г. И. Давыдова. Адмирал, упоминая о надеждах Н. П. Резанова установить торговые отношения с Японией, сообщал: «Сия надежда тем паче подкрепляла его, что бытность свою в Японии мог он тайными путями разведать, что между управляющими в оной двумя властями, гражданскою и духовною, произходила великая распря: гражданская власть и народ согласны были принять посла нашего и вступить с нами в торговлю, но духовная тому противилась и одержала верх. Следовательно, малейшее с нашей стороны подкрепление гражданской их власти принудило бы духовную замолчать» [24]. В. М. Головнин, осудивший действия Н. П. Резанова и Н. А. Хвостова, тем не менее о чем-то догадывался, когда писал: «Впрочем, если бы Резанов и Хвостов находились в живых, то, может быть, поступки последнего были бы лучше объяснены» [25].

Нам представляется, что полученные Н. П. Резановым сведения о серьезном конфликте, назревающем в Японии между императором и сегуном, были тем определяющим фактором, который повлиял на принятие решения об экспедиции 1806—1807 гг. В глазах умного царедворца, современника дворцового переворота, который возвел на трон Александра I, ситуация в правящих сферах Японии чем-то напоминала не только русский XVIII в., но и первый год нового XIX столетия. А в случае успеха перед сравнительно молодым камергером открывались поистине блестящие перспективы дальнейшей карьеры.

Для исследователей русско-японских отношений особую ценность представляют факты, свидетельствующие о дружественных связях между подданными той и другой страны. Какими бы целями ни руководствовалось царское правительство России, что бы ни предпринимало японское Бакуфу, стремясь изолировать свой народ от других народов, взаимный интерес русских и японцев прокладывал себе дорогу, и этому не могли помешать даже конфликты, порой возникавшие между обоими государствами.

Хорошо известна история капитана В. М. Головнина и его

[23] ГАКК, ф. 796, оп. 91, д. 89, л. 5.

[24] «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним», ч. I. СПб., 1810, стр. XIII.

[25] *В. М. Головнин.* Сочинения. М.—Л., 1949, стр. 132. Хвостов и Давыдов в 1809 г. трагически погибли.

спутников — моряков русского шлюпа «Диана», которые были вероломно захвачены в плен японскими властями и свыше двух лет содержались в заключении (с июля 1811 по октябрь 1813 г.). Она обстоятельно и объективно описана в интересном сочинении В. М. Головнина, а также в книге его помощника П. И. Рикорда [26]. Достойно внимания, что в различных проектах освобождения В. М. Головнина и его товарищей, возникавших тогда у русских людей, преобладающим был мотив добиваться цели мирными средствами, не угрожая враждебными демаршами [27].

В то время, когда Головнин со спутниками томился в плену, русские люди по-прежнему спасали от гибели японских моряков, радушно их принимали и отправляли на родину. Среди бумаг директора Российско-Американской компании М. М. Булдакова нам встретился чрезвычайно любопытный и прежде неизвестный документ — частное письмо японского купца, который в русском переводе именуется Шеидо Фиамочь Такодао Кафо. Оно адресовано комиссионеру Российско-Американской компании Андрею Юдину, который переслал его из Петропавловска-на-Камчатке в Петербург М. М. Булдакову [28]. «Японский императорский купец», как себя называет автор письма, перед отправлением в родные края на русском корабле «Диана» не смог лично повидать А. Юдина и сожалел об этом. Содержание письма говорит о дружеских отношениях, установившихся между коммерсантами двух соседних стран, о хорошем приеме, который был оказан японскому купцу русскими людьми. «По скорости отправления „Дианы“, на коей я утешаюсь в совершенном здравии доплыть в пределы своего отечества,— писал японский купец,— лишает меня удовольствия словесно изъявить Вам мою искреннюю благодарность за все Ваши ко мне учтивости и внимание, коими по особенному у русских страннопримству, кои я здесь испытал, Вы меня награждали, употребляю теперь кисть вместо языка для изображения сих кратких строк незабвенной моей благодарности, которая всегда будет отзываться в моей душе в счастливой нашей Японии». Для

[26] *В. М. Головнин.* Указ. соч., стр. 125—269; «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 гг. и о сношениях с японцами». СПб., 1816.

[27] См. например: ГАКК, ф. 796, оп. 91, д. 89, лл. 6—7.

[28] Там же, оп. 28, д. 91, л. 6 (японский оригинал), л. 6 об. (русский перевод). Вероятно, перед нами один из наиболее ранних японских документов наших архивов, если учесть его частное происхождение. На письме имеется отметка о получении в Петербурге — 14 июня 1814 г. Остается не вполне ясным, является ли автор письма тем самым судовладельцем «Кансэ-Мару» Такадаем Кахэй, доставленным П. И. Рикордом в 1812 г. на Камчатку (*Э. Я. Файнберг.* Указ. соч., стр. 108). Близкая транскрипция имени позволяет считать это предположение оправданным. В. М. Головнин с большой теплотой упоминает имя Такатая Каха, доставленного Рикордом на родину в 1813 г., замечая, что тот очень лестно отзывался о русских, с которыми познакомился. Этот японец много содействовал благополучному исходу истории, приключившейся с Головниным и его товарищами (*В. М. Головнин.* Указ. соч., стр. 248, 258—259 и др.).

подкрепления своих теплых благодарственных слов японец преподнес А. Юдину символический подарок — мешок крупы «такой белизны, каковой приносят у нас в Японии в жертву святым» при прощании с друзьями. Весьма характерно заключение письма: «Да процветает Российско-Американской компании коммерция, подобно плодородию нашей крупы, которое награждает наших земледельцев жатвою на одно зерно 230-ю!» Кроме изъявления любви к своей стране и дружеских чувств к русским людям, в данном письме описание необыкновенных урожаев риса в Японии имело и другой, так сказать, «рекламный» смысл. Оно было призвано заинтересовать Российско-Американскую компанию в необходимости налаживания торговли с Японией, что вполне согласовывалось с намерениями самой компании производить в Японии закупки продовольствия для удовлетворения нужд русского и местного населения на Американском континенте и прилегающих островах.

Таковы некоторые исторические факты, указывающие на то, что наши предки доступными для них средствами искали пути к установлению дружественных международных отношений на Дальнем Востоке.

РУССКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВЛИЯНИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ПОЛИТИКУ ЕКАТЕРИНЫ II

М. Д. Курмачева

Для русской буржуазной историографии характерно восторженное восхваление заслуг Екатерины II, особенно в «просвещении русского народа». В этом плане исследователи обращались и к вопросу о французском влиянии на Россию. Влияние трудов французских просветителей на формирование своих взглядов признавала сама императрица. Это признание стало предметом внимания многих исследователей. Не в меньшей степени их волновала проблема воздействия буржуазных революций на Россию.

Данная работа посвящена небольшому вопросу — оценке русской буржуазной историографией влияния Великой французской революции 1789 г. на политику правительства Екатерины II в области печати и цензуры [1]. Эта сторона развития русской культуры недостаточно изучена и представляет интерес прежде всего для понимания сущности политической программы «просвещенного абсолютизма», а также исследовательских приемов буржуазной историографии.

Автор одной из первых больших работ по истории русской цензуры А. М. Скабичевский определяет вторую половину XVIII в. как «век побед», имея в виду царствование Екатерины II, когда формируется интеллигенция. Главный толчок к пробуждению и развитию общественной мысли он ограниченно видит в созыве Уложенной комиссии и издании «Наказа» [2]. Личным участием, своими трудами и проектами Екатерина II, считает Скабичевский, внесла большой вклад в развитие русского просвещения. Правда, он же, но лишь вскользь отмечает, что само развитие русского общества толкало правительство на такие шаги, но не раскрывает всех этих положений, и развитие общественной мысли представляется им как результат деятельности правительственной верхушки и прежде всего Екатерины II. Вместе с высокими похвала-

[1] Из-за ограниченности размера статьи рассматриваются в основном специальные работы.

[2] *А. М. Скабичевский.* Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892, стр. 34.

ми Екатерине II Скабичевский указывает на «двойственность» ее политики. Исходя из этого, время ее царствования он делит на два периода — период «цензурной терпимости» и период «цензурной строгости». Начало переворота в судьбах прессы в первый период положил, по мысли Скабичевского, указ 1 марта 1771 г., давший И. М. Гартунгу право на заведение первой в Петербурге вольной типографии и словолитни для печатания книг на иностранных языках [3]. Важное значение он заслуженно признает за указом 15 января 1783 г., предоставляющим свободу заводить вольные типографии [4].

Скабичевский утверждает, что в этот «кульминационный момент либерализма екатерининской эпохи» контроль за печатью осуществлялся слабо. Но в качестве примера «цензурной терпимости» приводит лишь историю с трагедией «Сорена и Замир» Н. П. Николева, когда императрица, вопреки хлопотам московского главнокомандующего Я. А. Брюса, отказалась запретить продолжение представления трагедии, имевшей большой успех у публики. Впрочем, при этом сам Скабичевский делает существенную оговорку, что этот отказ от запрета трагедии, скомпрометированной лишь несколькими смелыми строками, был продиктован игрой в «просвещенную» императрицу [5]. Причем уже второй год царствования Екатерины II ознаменовался указом 6 сентябя 1763 г. о надзоре над выпиской иностранных книг из-за границы, затем последовал указ 1780 г. о смотрителях за типографиями. Даже указ 1783 г., уничтожая казенную монополию печати, одновременно передавал ее под контроль полиции [6]. В 1784—1785 гг. правительство устанавливает строгий надзор за книгами, издаваемыми Н. И. Новиковым. Скабичевский не дает анализа этим правительственным распоряжениям, но, как свидетельствуют названные указы, «цензурная терпимость» была невелика.

Первые признаки реакции Скабичевский относит к 1785 г.. т. е. к периоду, предшествующему началу Великой французской революции, когда, по выражению автора, «первые громы реакции» разразились над «благочестивыми и набожными мартинистами, не помышлявшими ни о каких революционных переворотах» [7]. Скабичевский делает правильный вывод, что реакцию вызвали внутренние причины, хотя «революция могла служить ей оправданием, могла обострить ее проявления и довести ее до прискорбных крайностей» [8]. Однако объяснение Скабичевским этих «обстоя-

[3] ПСЗ, т. XIX, № 13572, стр. 230—232.
[4] Там же, т. XXI, № 15634, стр. 792.
[5] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 39—40.
[6] Там же, стр. 37—38; ПСЗ, т. XX, № 15019, стр. 944—945. А. М. Скабичевский считает, что за время действия указа не было ни одного запрещения книги непосредственно полицейской цензурой.
[7] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 41.
[8] Там же.

тельств» чрезвычайно ограничено и сводится к тому, что в правительственных сферах преобладали воспитанные в духе старых порядков люди, которые признавали только официальное направление и подавляли все другие, если они выходили за рамки надзора и контроля правительства.

Специально Скабичевский останавливается на влиянии Французской революции 1789 г. Какие же меры предприняло русское правительство, с его точки зрения, непосредственно в связи с Французской революцией?

До революции «вольтерианцы» находились под особым покровительством двора — переводы экциклопедистов дозволялись.

Иное наблюдается, когда «ужасы» Французской революции. взволновавшие все европейские дворы, «начали приписываться исключительно влиянию экнциклопедистов». Тогда русские верхи, не уступавшие прежде европейской знати в своем «свободомыслии и покровительстве философам», начали усиленные поиски в русской печати революционных идей [9]. Первый удар правительство направило на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Скабичевский пишет, что это был «вопль современника с душою о всех тех мерзостях, какие совершались вокруг него» [10]. Скабичевский не увидел того, что с выходом «Путешествия» начался новый этап в развитии русской передовой политической мысли. Книга Радищева придала ей революционное содержание. Значение книги Радищева он видит лишь в создании яркой картины современных ему нравов, взятой непосредственно из жизни.

Общие же его рассуждения критик считает «эхом Запада», которое из книги «можно все выбросить» без труда [11]. Следствием влияния революции явилось сожжение трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим» [12]. И опять Скабичевский подчеркивает, что автор был далек от революционных идей, а позволил себе лишь несколько смелых стихов, но генерал-прокурор А. Н. Самойлов усмотрел в трагедии возражения против «целости законной власти царей», И. П. Салтыков нашел, что она «вредного направления», «особенно в такое время» [13]. Поводом к закрытию в 1793 г. типографии И. Г. Рахманинова в с. Казинке Тамбовской губ., считает Скабичевский, явилось второе издание «Полного собрания

[9] Автор не учитывает, что правительство считало возможным использовать в просветительстве лишь наиболее умеренные идеи. Поэтому уже с 1763 г. Екатерина ограничивает продажу «Эмилия» Ж.-Ж. Руссо. Но и после Великой французской революции издание некоторых его произведений продолжалось («Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. (1725—1800)», т. III. М., 1966, стр. 75—77).

[10] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 57.

[11] Там же.

[12] Там же, стр. 63.

[13] Там же, стр. 61.

всех до ныне переведенных на российский язык и в печать изданных сочинений господина Вольтера» [14].

В результате внутреннего развития и под влиянием Французской революции век создания интеллигенции, делает вывод Скабичевский, стал переломным в отношении к ней правительства. Покровительственная система рушится без возврата. Правительство, создав интеллигенцию, «вдруг» испугалось ее, хотя это был «едва лепечущий младенец», и немедленно подвергло его ожесточенному преследованию. Французская революция еще более обострила это враждебное отношение. В конце века дело дошло до того, что каждый человек, имевший дело с книгами, одним этим казался подозрительным и опасным [15]. Скабичевский в итоге заключает, что к 1796 г. [16] печать вернулась в положение, в котором находилась в предыдущий период, в царствование Елизаветы Петровны [17]. Подобные крайности в оценках могут быть объяснены отсутствием анализа исторической обусловленности внутренней политики самодержавия, ее скрытых мотивов. В работе ничего не говорится о стремлении правительства Екатерины II внести изменения в социальный состав интеллигенции, о мерах, направленных на увеличение в ее среде дворянства [18].

Писавшие после Скабичевского авторы в значительной степени повторяют его. Так, А. Е. Грузинский объясняет характер правительственной политики в области печати «неправильным отношением» главы правительства — Екатерины II к действительности. Гонения на книгу А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» были вызваны только тем, что Екатерина II читала ее под впечатлением Французской революции. Грузинский признает, что ему непонятно, как императрица могла приравнять книгу к бунту. Это, на его взгляд, удивляло и тогда и теперь. Многие современники были уверены, что, появись книга раньше, в 1768 г., когда Екатерина II устраивала в Вольном экономическом обществе конкурс на лучшее сочинение о крепостном состоянии, книга имела бы шансы на успех [19]. За этими рассужде-

[14] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 63—64. По данным И. М. Полонской, Рахманинов успел издать 4 части этого труда (*И. М. Полонская.* И. Г. Рахманинов — издатель сочинений Вольтера.— «Труды ГБЛ», т. VIII. М., 1965, стр. 149).

[15] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 34.

[16] ПСЗ, т. XXIII, № 17508, стр. 933—934.

[17] *А. М. Скабичевский.* Указ. соч., стр. 65.

[18] *М. М. Штранге.* Демократическая интеллигенция России в XVIII в. М., 1965, стр. 232—268; *Н. Ф. Демидова.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв.— Сб. «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1964, стр. 239—242.

[19] *А. Е. Грузинский.* Императрица Екатерина и литературное движение ее эпохи.— «Русское богатство», № 12. СПб., 1896, стр. 208. Насколько это заявление легковесно, свидетельствует история с трудом А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России», рассмотренным в Вольном экономическом обществе в 1768 г. Даже эта сравнительно умеренная работа вызвала бурную реакцию и не была напечатана (*М. М. Штранге.* Указ. соч., стр. 165—166).

ниями скрывается отрицание А. Е. Грузинским революционного значения книги А. Н. Радищева. Расправа с Новиковым, который много сделал для распространения просвещения, в значительной степени объясняется моральными побуждениями, тщеславием Екатерины II, которая-де не могла признать полезной чужую программу [20].

В 1899 г. в двух томах «Русской старины» В. В. Сиповский опубликовал большую работу «Из прошлого русской цензуры». Его внимание в основном сосредоточено на деятельности рижской цензуры. Интересны собранные им конкретные данные о деятельности цензуры, сведения о ввозе иностранных книг, количестве запрещенных изданий и т. д. Появление цензуры автор однолинейно объясняет страхом перед революцией, «боязнью за русское общество, которое оказалось чересчур восприимчивым к политическим движениям Запада» [21]. Причем, по его мнению, острие цензуры было направлено против з а р у б е ж н о й (подчеркнуто мной.— *М. К.*) литературы. Эта литература, пишет Сиповский, объясняет, почему русские аристократы участвовали в штурме Бастилии, откуда появились в России горячие сторонники республиканского правления, почему кадеты в корпусах с увлечением переводили «Марсельезу», почему многие русские горячо интересовались Французской революцией и умели верно судить о ее социально-исторических причинах [22]. Итак, деятельными сторонниками передовых идей автор считает только представителей дворянства, а не разночинные слои русской интеллигенции, в чьей среде прежде всего возникали антифеодальные настроения. Характерна еще одна черта во взглядах Сиповского — введение цензуры он объясняет необходимостью воспрепятствовать ввозу книг низкого качества, хлынувших в Россию еще до Французской революции. Одним из поводов введения цензуры было дело Н. И. Новикова, когда за книгой было признано политическое значение [23]. Таким образом, при рассмотрении мотивов введения правительством цензуры Сиповский основной упор делал на иностранную литературу, не учитывая, что она была доступна довольно ограниченному кругу людей; он пытался умалить политический смысл цензурных распоряжений самодержавия, признавая его лишь с дела Н. И. Новикова и преувеличивая одну из целей цензуры — борьбу с литературой низкого качества.

Точку зрения Сиповского в значительной степени разделял Н. А. Энгельгардт, который писал, что разрозненные акты цензурного характера до 1796 г. имели подкладкой церковную или династическую борьбу. Только с 1796 г. начинается борьба правительства с «вредными идеями». Екатерина II, пишет автор, ис-

[20] *А. Е. Грузинский.* Указ. соч., стр. 212.
[21] *В. В. Сиповский.* Из прошлого русской цензуры.— «Русская старина», 1899, т. 4, стр. 163.
[22] Там же, стр. 163.
[23] Там же, стр. 164.

пугалась поднятого ею же литературного движения и учредила цензуру [24]. Осуждение правительством Радищева и Новикова он связывает только с фактом Французской революции [25].

В статье «Из истории русской цензуры» В. Е. Якушкина в основном отражена фактическая история. Он тоже считает, что в последние годы царствования Екатерины II восторжествовало реакционное направление в области печати, но не анализирует, какими обстоятельствами оно было обусловлено, какие отличительные черты были присущи этому периоду в отличие от предыдущего [26].

Под воздействием буржуазно-демократической революции в России, в защиту свободы слова написана книга В. Львова-Рогачевского. Работа популярная, но весьма интересна широким хронологическим и территориальным охватом — от XV до XIX в. В. Львов-Рогачевский пишет, что правительство, не допускавшее свободы критики, т. е. свободы слова, тем самым обрекало страну на застой [27]. Свобода слова — это победа света над тьмой, это глас народа, это контроль народа над правительством, это торжество жизни.

Организацию цензуры в России он датирует временем Екатерины II, когда после революции она стала принимать «своевременные меры» против писателей-вольнодумцев [28]. За осуждение крепостного права был заключен в Петропавловскую крепость Радищев, за издание журналов для народа — в Шлиссельбургскую крепость Новиков.

Далее в книге указываются такие факты, как закрытие в 1796 г. частных типографий, сосредоточение цензуры в особом учреждении под руководством Сената в Москве и Санкт-Петербурге и под наблюдением губернских начальников в Риге и Одессе. Иными словами, Львов-Рогачевский не скрывает объективного содержания правительственных распоряжений о печати и цензуре. Характерно, что и для XIX в. усиление цензурных ограничений В. Львов-Рогачевский связывает с буржуазными революциями (1830—1848 гг.).

Отрицание какой-либо цензурной политики абсолютизма находим в небольшой работе В. Семенникова, основанной на изучении архива конференции императорской Академии наук. В цензурном отношении вторая половина XVIII в. представляла картину «полной беспорядочности», твердо установленных правил не существовало, да иначе и быть не могло, ибо то, что считалось полезным и нужным в первую половину царствования Екатерины II,

[24] *Н. А. Энгельгардт.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703—1903). СПб., 1904, стр. 26—27, 366.
[25] Там же, стр. 341.
[26] *В. Е. Якушкин.* Из истории русской цензуры.— «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». М., 1905, стр. 8—18.
[27] *В. Львов-Рогачевский.* Печать и цензура. М., 1906, стр. 127.
[28] Там же, стр. 54.

стало вредным и противозаконным во вторую его половину [29]. Цензура зависела от усмотрения лиц, правящих в Академии, с переменой директора менялся порядок цензуры. Гранью в развитии печати, как и А. М. Скабичевский, В. Семенников считает 1783 г., т. е. издание указа о частных типографиях. На судьбах русской печати не замедлила отразиться и Французская революция. Прежде всего усилился надзор над изданием «Санкт-Петербургских ведомостей», правительство обратило особое винимание на выбор статей для газеты [30]. В 1791 г. составление «Ведомостей» было поручено Переводческому департаменту. При этом переводчикам предписывалось ничего «оскорбительного» для русского правительства, его союзников, европейских государей не переводить и от себя не вносить и особенно «сократительнее переводить о сумато-хе, во Франции ныне царствующей, и не упускать прибавлять известие или примечание, колико их колоброд ство им самим вредно» [31]. Екатерина II иногда лично следила за переводами «Ведомостей». В 1793 г., прочитав в немецкой газете анекдоты из жизни французских королей, она поручила Е. Р. Дашковой проследить, чтобы они не перепечатывались. В связь с Французской революцией В. Семенников ставит и историю с книгой «Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света» 1796 г.; в ее разделе, сообщавшем данные о Франции, правительство усмотрело «противозаконные» мысли, и книга была конфискована [32]. В. Семенников неоднократно подчеркивает, что академическая цензура постоянно стремилась входить в научные и литературные достоинства работ. Говоря о «неодобренных» академической типографией книгах, он указывает на причины неполитического характера [33].

Нетрудно видеть, что даже эти немногочисленные факты, которые приводятся в работе, противоречат общему утверждению автора о «полной беспорядочности» в цензурной политике.

Последняя работа, рассмотрением которой заканчиваем обзор,— статья Н. Л. Бродского; в ней как бы обобщены основные наблюдения, накопленные буржуазной историографией, и вновь подтверждается сходство взглядов буржуазных авторов в вопросах цензурной политики правительства Екатерины II. Н. Л. Бродский подчеркивает противоречивость и двойственность политики Екатерины II. К концу своего царствования она стала гонительницей книги, просвещения, свободы мнений, забыв былые

[29] *В. Семенников.* К истории цензуры в екатерининскую эпоху.— «Русский библиофил», № 1. СПб., 1913, стр. 52.

[30] А. Брикнер считает, что они редактировались под влиянием партии французских эмигрантов (*А. Брикнер.* История Екатерины второй, ч. 5. СПб., 1885, стр. 687—688).

[31] *В. Семенников.* Указ. соч., стр. 61—62.

[32] Там же, стр. 65—66; см. также *Н. Г. Высоцкий.* Запрещенные при Екатерине Великой книги.— «Русский архив», 1912, № 10, стр. 252—255.

[33] *В. Семенников.* Указ. соч., стр. 59.

мечты о «естественной вольности людей» [34]. Уже указ 1776 г. о разрешении Вейтбрехту и Шнору печатать русские книги поручает полиции строго следить, чтобы в этих книгах ничего «предосудительного» правительству и церкви не было. Указ 20 февраля 1780 г. ревностно оберегал интересы казенных типографий, лишь им разрешая издавать месяцесловы и другие книги, печатавшиеся в типографии Академии наук [35]. Даже указ 1783 г. предписывал полиции запрещать книги, в которых найдется «противное законам божьим и гражданским», а с 1785 г. тянутся вереницей факты преследований, гонений на книги и писателей.

Напуганная событиями Французской революции Екатерина II, считает Бродский, ищет случая расправиться с видными представителями общественной мысли: в 1790 г. обрушивается на Радищева, в 1792 г.— на Новикова, тогда же гроза разразилась над Крыловым. Последним актом в этом плане было гонение на трагедию «Вадим» Княжнина, показавшуюся Екатерине «набатом» [36]. Как видим, характеристика, которую Н. Л. Бродский дает Екатерине II, выдержана в том же духе буржуазной историографической традиции: «Друг Вольтера, автор „Наказа", запрещенного во Франции, участница перевода на русский язык Мармонтелева „Велисария", сожженного в Париже, смеявшаяся над тупостью и невежеством русской жизни в своих комедиях, писавшая в „Живописце", посылавшая рукописи, деньги издателям „Древней российской вивлиофики", Екатерина на второй же год своего царствования издала указ о запрещении продавать „Эмиля" Руссо, мемории Петра III и „много других подобных книг, которые против закона, доброго нрава, нас самих", вызвав к жизни литературных работников, теснила, преследовала их; бросив в общество много свежих идей, стремилась уничтожить общественное мнение; торжественно заявив, что „самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственной бывает причиной", ссылала писателя, дерзнувшего повторить слова ее манифеста; начав с „Наказа", кончила гонениями на Новикова, Радищева...» [37]

Обзор буржуазной литературы показывает, что в ней накоплен определенный фактический материал о правительственной политике в этой области. С этой стороны труды буржуазных авторов несомненно заслуживают внимания и интереса. Другой вопрос, как толкуются в их трудах исторические факты, что́ выдвигается в качестве критерия, где с их точки зрения следует искать ис-

[34] *Н. Л. Бродский.* Писатель и книга в эпоху Екатерины Великой.— «Три века», т. V. М., 1913, стр. 37—38.
[35] ПСЗ, т. XX, № 14495, стр. 405—406; № 14985, стр. 917—918.
[36] *Н. Л. Бродский.* Указ. соч., стр. 44.
[37] Там же, стр. 37—38.

токи, определившие характер правительственной политики, на чем основывается их периодизация. А. М. Скабичевский все сводит к деятельности либо Екатерины II, либо «приверженцев старых порядков». Близок к нему В. В. Сиповский, который, основываясь на более ограниченном материале, пытается искать объяснения в деятельности лиц, правивших в Академии наук. Вот, собственно, и все аргументы, к которым обращается буржуазная историография в объяснении внутриполитической линии самодержавия, в вопросах цензуры.

Из внешних факторов первостепенное место отводится ими Французской революции 1789 г. Особая прямолинейность суждений характерна для работ А. Е. Грузинского, В. В. Сиповского, Н. А. Энгельгардта, В. Львова-Рогачевского. Признавая за деятельностью императрицы большое значение, они основной упор делают на воздействие Французской революции, считая, что единственно это выдающееся событие мировой истории может объяснить ее политику после 1789 г.

Воздействие всех указанных факторов на политику самодержавия несомненно имело место, и заслуга названных авторов состоит в том, что они обратили на них внимание. Но рассмотрение этой политики лишь под углом зрения этих факторов в отрыве от обусловивших их процессов развития России вызывает серьезные возражения.

Буржуазная историография не учитывает уровень социально-экономического развития России. Она даже не упоминает о развитии классовой борьбы во второй половине XVIII в. и прежде всего о крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, оказавшей огромное влияние на политическую эволюцию страны и на деятельность правительства. Она не видит связи цензурной политики с крупнейшими законодательными актами самодержавия (Учреждение для управления губерний 1775 г., Жалованная грамота дворянству 1785 г. и др.), продиктованными интересами дворянства и закреплявшими его сословные привилегии.

Очень ограниченно рассматривается развитие передовых идей в русском общественном движении. Буржуазные авторы, как правило, концентрируют внимание на двух наиболее крупных явлениях — деятельности Радищева и Новикова и при этом еще пытаются опровергнуть революционный смысл «Путешествия из Петербурга в Москву»[38]. Даже А. М. Скабичевский, который в 60-х годах XIX в. сотрудничал в «Современнике» и находился под влиянием революционных демократов, разделял эту точку зрения.

[38] Показательно, что с этим мнением о Радищеве перекликается взгляд и современных буржуазных авторов (*Е. Г. Плимак.* Правда книги и ложь комментария.— «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма». М., 1962).

Понимание буржуазными авторами правительственной политики в области печати и цензуры основывается на общей их концепции, отрицавшей существование закономерностей исторического развития и пытавшейся доказать надклассовый характер политики самодержавия. Это в значительной степени объясняет, почему и такое событие, как русская буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг., не отразилось на их концепции.

В целом буржуазные авторы оказались бессильными ответить на вопрос, почему «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых» [39].

[39] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ, т. I, IV — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею имп. Академии наук», т. I. СПб., 1836; т. IV. СПб., 1836.

АВПР — Архив внешней политики России.

АЗР, т. I — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1846.

АИ, т. I — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею», т. I. СПб., 1841.

Архив ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.

АСЭИ, т. I—III — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. М., 1952; т. II М., 1958; т. III. М., 1964.

АФЗХ, ч. I — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I. Подг. к печати Л. В. Черепнин. М., 1951.

«Временник ОИДР» — «Временник Московского общества истории и древностей российских».

ГАКК — Государственный архив Красноярского края.

ГАКО — Государственный архив Калининской области.

ГБЛ — Государственная библиотека им. В. И. Ленина.

ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ГПБ — Государственая публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.— Л., 1950.

ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».

«Известия АН СССР» — «Известия Академии наук СССР».

«Известия ГАИМК» — «Известия Государственной академии истории материальной культуры».

«Известия ОЛЯ» — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка».

«Известия ОРЯС» — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР».

КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР».

ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».

НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.— Л., 1950.

ПВЛ, ч. 1—2. — «Повесть временных лет», ч. 1. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950; ч. 2. М.— Л., 1950.

ПРП, вып. 1 — «Памятники русского права», вып. 1. Сост. А. А. Зимин. М., 1952.

ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи».

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею», т. I, изд. 2, вып. 1. Л., 1926, вып. 2. Л., 1927; т. II. СПб., 1843; изд. 2. СПб., 1908; т. IV. СПб., 1848; т. V. СПб., 1851; т. VI. СПб., 1853; т. VII. СПб., 1856; т. VIII. СПб., 1859; т. XI. СПб., 1897; т. XII. СПб., 1901; т. XIII. М., 1965; т. XV. СПб., 1863; т. XVI. СПб., 1889; т. XVII. СПб., 1907; т. XVIII. СПб., 1913; т. XX, ч. 1. СПб., 1910; т. XXI, ч. 2. СПб., 1913; т. XXV. М.— Л., 1949; т. XXVII. М.— Л., 1962; т. XXVIII. М.— Л., 1963; т. XXX. М.— Л., 1965.

РИБ — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею», т. VI. СПб., 1880; т. XIII. СПб., 1891; т. XVIII. СПб., 1898.

Сб. ОРЯС — «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук».

Сб. РИО — «Сборник Русского исторического общества», т. 28. СПб., 1880; т. 35. СПб., 1882; т. 38. СПб., 1883; т. 40. СПб., 1884; т. 41. СПб., 1884; т. 49. СПб., 1885; т. 59. СПб., 1887; т. 95. СПб., 1895.

«Труды ЛОИИ» — «Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР».

«Труды МГИАИ» — «Труды Московского государственного историко-архивного института».

ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР».

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

ЦГИА Лит. ССР — Центральный государственный исторический архив Литовской ССР.

«Чтения ОИДР» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

ASEER — «The American Slavonic and East European Review».

BZ — «Bizantinische Zeitschrift».

HUB — «Hansische Ukrundenbuch».

JfGO — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas».

LUB — Liv-Esth- und Curländisches Urkundenbuch».

PH — «Przegład Historyczny».

REB — «Revue des Études byzantines».

СОДЕРЖАНИЕ

Ученый-патриот 5

Список научных трудов Л. В. Черепнина 7

Предисловие 29

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МИРОВОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И РОССИЯ

Хорошкевич А. Л. — Россия и мировые торговые пути конца XV в. 32

Бегунов Ю. К. (Ленинград) — Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России 41

Горский А. Д. — Отражение татаро-монгольского ига в русских актах XIV—XV вв. 48

Водарский Я. Е. — Переписи населения в XVII в. в России и других странах Европы 59

Клокман Ю. Р. — Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы 69

Павлова-Сильванская М. П. — О характере иностранных займов в России во второй половине XVIII в. 81

Кахк Ю. Ю. (Таллин) — Место России на международном сельскохозяйственном рынке в первой половине XIX в. 92

ГОРОДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В РОССИИ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ЕВРОПЕ

Клейненберг И. Э. (Ярославль) — Ливонское известие о новгородском восстании 1421 г. 104

Подъяпольская Е. П. — Русские известия о восстании венгерских крестьян 1703—1705 гг. 108

Назаров В. Д. — О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. в России 114

ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И РОССИЯ

Зимин А. А. — Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. 128

Казакова Н. А. (Ленинград) — Об идейных истоках нестяжательства 139

Синицына Н. В. — Максим Грек и Савонарола (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) 149

Лурье Я. С. (Ленинград) — Черты Возрождения в русской культуре XV—XVI вв. (Древнерусская литература и западная «народная книга») 157

Клибанов А. И. — Византийское «Слово о старце» и русская публицистика XV в. 162

Валк С. Н. (Ленинград) — О «всемирном умопросвящении» В. Н. Татищева 169

Штранге М. М. — Идеи просвещения в русской историографии 50—70-х годов XVIII в. 177

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

Пашуто В. Т. — Место Древней Руси в истории Европы 188

Щапов Я. Н. — Русская летопись о политических взаимоотношениях Древней Руси и Византии 201

Каштанов С. М. — О процедуре заключения договоров между Византией и Русью в X в. 209

Мурьянов М. Ф. (Ленинград) — Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. 216

Фейгина С. А. — Историография еврейско-хазарской переписки X в. 225

Каждан А. П. — Неизвестное греческое свидетельство о русско-византийских отношениях в XII в. 235

Литаврин Г. Г. — Новые сведения о Северном Причерноморье (XII в.) 237

Янин В. Л. — Грамота князя Святослава Ольговича 1137 г. 243

Антоневич Е. (Польша) — «Пруссы» в топонимике северной Польши и Новгородской Руси 252

Лимонов Ю. А. (Ленинград) — Польский хронист Ян Длугош о России 262

Ловмяньский Х. (Польша) — Русско-литовские отношения в XIV—XV вв. 269

Костакэл В. А. (Румыния) — Русско-украинско-молдавские исторические связи в XIV—XV вв. 276

Потин В. М. (Ленинград) — Венгерский золотой Ивана III 282

Индова Е. И. Русская посольская служба в конце XV — первой половине XVI в. 294

Никитина Л. А. Англо-русские отношения в свете хроники В. Кэмдена 312

Сахаров А. М. Современники о средневековых городах России и стран Западной Европы 325

Аполлова Н. Г. Историческое значение торговых связей России со Средней Азией (конец XVI—XVII в.) 332

Дорошенко В. В. (Рига) Русский экспорт через Нарву (по данным Иван-городской таможни 1619—1620 гг.) 339

Пушкарев Л. Н., Семенова Л. Е. К переговорам Молдавии и Валахии с Россией в 1674 г. 351

Кучкин В. А. Неизвестный рассказ дьякона Симеона о Сербии начала XVIII в. 359

Шаскольский И. П. (Ленинград) Важная предпосылка борьбы России за Балтику в XVII — начале XVIII в. 368

Пештич С. Л. (Ленинград) Ценный источник по истории России времен Северной войны 374

Некрасов Г. А. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. 381

Флоровский А. В. (Чехословакия) Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. 389

Троицкий С. М. Русские дипломаты в середине XVIII в. 398

Ючас М. А. (Вильнюс) Литовская шляхта и царизм в XVIII в. (по материалам шляхетских сеймиков) 407

Преображенский А. А. О русско-японских отношениях начала XIX в. 415

Курмачева М. Д. Русская буржуазная историография о влиянии Великой французской революции на политику Екатерины II 423

Список сокращений 433

ФЕОДАЛЬНАЯ РОССИЯ
ВО ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ
ПРОЦЕССЕ

(Сборник статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор *Г. Н. Пастернак*
Редактор издательства *С. А. Левина*
Художник *Э. Л. Эрман*
Технические редакторы *Л. В. Каскова* и *В. Г. Лаут*

Сдано в набор 8/II 1972 г. Подписано к печати 26/V 1972 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 27,5 Уч. изд. л. 29
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 163. Т-09715
Цена 2 руб.

Издательство «Наука». Москва К-62
Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
194	1 сн.	— III	XIII
241	14 св.	а авасгов	и авасгов
274	сноски	10 11 12	16 17 18
326	8 сн.	которые	которых
347	12 св.	льда	льна
377	17 св.	одобрила	ободрила
377	18 св.	одобрением	ободрением
435	5 сн.	Hansische	Hansisches

«Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе».